

DB

5/25.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

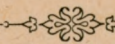
СОЧИНЕНИЙ

М. Е. САЛТЫКОВА

[Н. ЩЕДРИНА].

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.
1900.

М. Е. САЛТЫКОВЪ

[Н. ЩЕДРИНЪ].

ПОМПАДУРЫ и ПОМПАДУРШИ

[1863 — 1873 гг.]

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ

[1857 — 1863 гг.]

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.
1900.

300927

198344

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., № 1.

ОТЪ АВТОРА.

I.

ПОМПАДУРЫ И ПОМПАДУРШИ.

ОТЪ АВТОРА.

Молодые наши помпадурсы очень часто обращаются ко мнѣ за разъясненіями, какъ въ томъ или въ другомъ случаѣ слѣдуетъ поступить. Обращенія эти ставятъ меня въ большое затрудненіе, ибо у меня нѣтъ ни секретарей, ни канцеляріи, вслѣдствіе чего бѣольшую часть писемъ я бываю вынужденъ оставлять безъ отвѣта. Между тѣмъ никто лучше меня не понимаетъ, что единообразіе въ дѣйствіяхъ по вопросамъ внутренней политики не только полезно, но и необходимо. Поэтому я рѣшился разъяснить хотя тѣ основные пункты помпадурской дѣятельности, которые настолько необходимы для начинающаго помпадура, чтобы онъ, пріѣзжая на мѣсто, являлся не съ пустыми руками. Таковы, напримѣръ: проводы, встрѣчи, отношеніе помпадуровъ къ подчиненнымъ, къ обывателямъ и къ закону, выборы помпадурши и т. д. Я выбралъ форму разсказовъ, потому что она понятнѣе. Сухія, отвлеченныя разсужденія едва ли доступны молодымъ людямъ, получившимъ воспитаніе въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ,—и во всякомъ случаѣ должны показаться имъ несносными. Разсказы же они прочтутъ и даже, быть-можетъ, усвоятъ. Знаю, что я далеко не исчерпалъ всѣхъ случаевъ помпадурской дѣятельности, но меня утѣшаетъ то, что я первый сдѣлалъ

починь въ этомъ смыслѣ. Быть-можетъ, другіе послѣдуютъ по указанному мною пути и внесутъ въ это дѣло болѣе ясности и болѣе таланта. Я же льщу себя надеждой, что господа помпадуръ пріобрѣтутъ мою книгу, хотя бы для того только, чтобы поощрить мою попытку пролить нѣкоторый свѣтъ въ эту своеобразную сферу жизненной дѣятельности, въ которой до сихъ поръ все было такъ темно и неопредѣленно.

I.—„Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою!“

Очень ужъ нынче часто приходится намъ съ начальниками прощаться. Придетъ начальникъ, не успѣтъ еще распорядительности показать — глядь, его ужъ смѣнили, новаго шлютъ! Поэтому мостовая въ Вислоуховскомъ переулкѣ и доднесь не докончена, а проектъ о распространеніи въ народѣ надлежащихъ чувствъ такъ и лежитъ въ канцеляріи не переписанный на-бѣло. Одинъ начальникъ, какъ пріѣхалъ, такъ первымъ дѣломъ приступилъ къ сломкѣ пола въ губернаторскомъ кабинетѣ — и что же? сломать-то сломалъ, а новаго на его мѣсто построить не успѣлъ! «Много,—говорилъ онъ потомъ, когда прощался съ нами,—много намѣревался для пользы сдѣлать, да, видно, Богу, друзья мои, неугодно!» И дѣйствительно, пріѣхалъ на мѣсто его новый генералъ, и тотчасъ же разсудилъ, что поль надо было ломать не въ кабинетѣ, а въ гостиной, и соотвѣтственно съ этимъ сдѣлалъ надлежащее распоряженіе. Слѣдовательно, если и этого генерала скоро смѣстятъ, то другой генералъ, пожалуй, найдетъ, что надо ломать поль въ столовой, и такимъ образомъ весь губернаторскій домъ постепенно перенакостятъ, а надлежащей распорядительности, все-таки, не покажутъ.

Говорятъ, будто это такъ нужно. Говорятъ, что прежде можно было допускать засиживаться на одномъ мѣстѣ, потому что тогда ничего больше отъ администратора не требовалось, кромѣ того, чтобъ онъ былъ администраторомъ;

нынче же, будто бы, требуется, чтобъ онъ, кромѣ того, какую-то «суть» понималъ. Я полагаю, однакожь, что все это одна пустая фанаберія, ибо, по мнѣнію моему, всякій человѣкъ всякую «суть» всегда понимать способенъ: стѣнитъ только внушить. Возражаютъ противъ этого, что иногда такая «суть» бываетъ, которую, будто бы, внушить совѣстно; но это возраженіе, очевидно, неосновательное, потому что человѣкъ надежный и благонравный отъ самой природы одаренъ такою внутреннею закваскою, которая заключаетъ въ себѣ матеріалъ для всякаго рода «сущи»; слѣдственно, тутъ даже и внушеній прямыхъ не нужно, а достаточно только крючокъ запустить: непременно какую-нибудь бирюльку да вытащишь!

Скажу, напримѣръ, про себя: сдѣлайте меня губернаторомъ—я буду губернаторомъ; сдѣлайте цензоромъ — я буду цензоромъ. Въ первомъ случаѣ: сломаю на губернаторскомъ домѣ крышу, распространю больницу, выбѣлю въ присутственныхъ мѣстахъ потолоки и соберу старыя недоимки; если, кромѣ этого, надобно будетъ еще «суть» какую-нибудь сдѣлать, и «суть» сдѣлаю; останетесь довольны. Во второмъ случаѣ: многія сочиненія совѣмъ забракую, многія опицлю, многія украсу изреченіями моего собственнаго вымысла; если же, кромѣ этого, потребуетъ, чтобы я сдѣлалъ «суть», то и «суть» сдѣлаю. Всѣмъ быть могу; могу даже быть командиромъ фрегата «Паллада», и если Богъ мнѣ поможетъ, то, чего добраго, выиграю морское сраженіе. Повторяю: если иногда намъ кажется, что кто-либо изъ нашихъ подчиненныхъ дѣйствуетъ не вполнѣ согласно съ нашими видами, что онъ не понимаетъ «сущи» и недостаточно дѣлаетъ распоряженій, то это кажется намъ ошибочно; не нужно только торопиться, а просто призвать такого подчиненнаго и сказать ему: «милостивый государь! неужто вы не понимаете?» Вѣрьте, что онъ пойметъ тотчасъ же и почнетъ такіа чудеса отеканивать, что вы даже залюбуетесь на него глядя. Это все равно, какъ видѣлъ я

однажды на желѣзодѣлательномъ заводѣ молотъ плющилъ; молотъ этотъ однимъ ударомъ разбивалъ и сплющивалъ цѣлыя кувалды чугуныя, которыя въ силу было поднять двухъ человѣкамъ, и тотъ же самый молотъ, когда ему было внушаемо о правилахъ учтивости, разбивалъ кедровый орѣшекъ, положенный на стекло карманныхъ часовъ, и при томъ разбивалъ такъ ласково, что стекла нисколько не повреждалъ. Стало-быть, дѣло совсѣмъ не въ томъ, какой молотъ, большой или малый, а въ томъ, какое сдѣлано ему свыше внушеніе...

Но—будеть философствовать; расскажу о томъ, какъ мы на-дняхъ лишились своего начальника. Но прежде считаю нелишнимъ познакомить читателя съ моею собственной особой.

Я человѣкъ преданный; всѣ начальники знаютъ это и смотрятъ на меня одинаково; я, съ своей стороны, тоже смотрю на всѣхъ начальниковъ одинаково, потому что всѣ они — начальники. Растолковать это какъ слѣдуетъ я не могу, но полагаю, что читатель пойметъ меня и безъ объясненій. Всѣхъ начальниковъ я одинаково жалю, всѣмъ—одинаково радуюсь. Знаю, что если начальникъ безъ причины вспылить на меня, то онъ же, когда будетъ нужно, и проститъ меня. Знаю, что я виноватъ; если не виноватъ въ дѣйствительности, то виноватъ тѣмъ, что сунулся на глаза начальнику не во-время; потому что вѣдь я онъ тоже человѣкъ, и по временамъ имѣетъ надобность въ уединеніи. Начальство, съ своей стороны, снисходительно, и хотя знаетъ, что я виноватъ, но видитъ, что и я это очень чувствую, и потому прощаетъ мнѣ. Въ этихъ мысляхъ я воспиталъ жену свою и надѣюсь воспитать все семейство. Весь городъ за это насъ уважаетъ, и когда случается провожать стараго или встрѣчать новаго начальника, то я всегда при этомъ играю видную роль.

«Встрѣчать»—дѣло не трудное; тутъ чѣмъ больше радушія, чѣмъ больше привѣтствій, тѣмъ лучше: начальники

это любятъ. Возражаютъ иные, что и здѣсь излишествомъ можно пересолить, потому что начальникъ еще не заслужилъ; но начальникъ никогда такъ не думаетъ, а думаетъ, что онъ ужъ тѣмъ заслужилъ, что начальникъ. Но «прощанья» своего рода политики требуютъ. Тутъ надобно такъ устроить, чтобы новый начальникъ не обидѣлся излишними похвалами, отбывающему воздаваемыми, а думалъ бы только, что «и тебѣ то же современемъ будетъ». Слѣдовательно, необходимо прежде всего, чтобы торжество прощанья имѣло исключительно характеръ преданности. А потому, если отбывающій начальникъ учинилъ что-нибудь очень великое, какъ, напримѣръ: воздвигнулъ монументъ, неплодоносныя земли обратилъ въ плодородныя, безлюдныя пустыни населилъ, изъ сплавной рѣки сдѣлалъ судоходную, промышленность поощрилъ, торговлю развилъ или приобрѣлъ новый шрифтъ для губернской типографіи и т. п., то о такихъ дѣлахъ должно упомянуть съ осторожностью, ибо сіе не всякому доступно, и новый начальникъ самое упоминаемое о нихъ можетъ принять за преждевременное ему напоминаніе: и ты, дескать, дѣлай то же. Но если отбывающій дѣлалъ дѣла среднія, какъ, напримѣръ: тогда-то усмирилъ, тогда-то изловилъ, тогда-то къ наградѣ за отличную усердную службу представилъ, то о такихъ дѣлахъ можно говорить со всею пространностью, ибо они всякому уму доступны а слѣдовательно и новый начальникъ будетъ ихъ непременно совершать. Все это опытный устроитель прощальныхъ торжествъ долженъ имѣть въ виду. Въ особенности же надлежитъ быть мудрымъ въ такихъ случаяхъ, когда оба начальника—и выбывающій, и вновь назначенный—на-лицо. Тутъ надобно быть осторожнымъ не только въ рѣчахъ, но и въ кушаньяхъ, и въ винахъ.

Итакъ, мы лишились нашего начальника. Уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ я начиналъ ощущать жалость во всемъ тѣлѣ, а въ ночь наканунѣ самаго происшествія даже жена моя—и та безпокойко металась на постели и

все говорила: «другъ мой, я чувствую, что съ его превосходительствомъ что-нибудь непріятное сдѣлается!» Дѣти тоже находились въ жару и плакали; даже собаки на дворѣ выли.

Генераль нашъ былъ старикъ добрый, но еще годный. Назначенъ онъ былъ къ намъ еще при прежнемъ главноначальствующемъ, но не долго повластвовалъ. Несправедливость явная, потому что старикъ мнѣ самъ по секрету не разъ въ послѣдствіи говорилъ: «не знаю, подлинно не знаю, за что отъ общенія отметаюсь! Если новое начальство новые виды имѣеть, то стоило только приказать—я готовъ!» И если при этомъ вспомнить, сколько этотъ чловѣкъ претерпѣлъ прежде, нежели мѣсто свое получилъ, то именно можно сказать: великій былъ стратотерпецъ! Прежде всего у начальника отдѣленія въ послушанія былъ, да еще не у одного, а у нѣсколькихъ; по воскресеньямъ съ празникомъ поздравлять ѣздилъ, по буднямъ между тремя и четырьмя часами въ департаментъ анекдоты рассказывать ходилъ! А въ брюхѣ-то щелкъ, а на умѣ-то только и есть одна мысль: «Господи! вскую!» Потомъ попалъ въ передѣлъ къ директору; ну, тутъ тоже сноровку надо имѣть! Ждетъ, бывало, сердечный, у двери кабинета, и не для того совсѣмъ, чтобъ что-нибудь сообщить, а только чтобы показать, что готовъ, молъ... хоть на куски! Ну, и пройдетъ директоръ, улыбнется: «что, старикъ, готовъ?» — Хоть въ Астрахань, ваше превосходительство! — «Гм!.. въ Астрахань! Туда Шарлотта Оедоровна тоже объ одномъ старичкѣ просила!» скажетъ директоръ, и пройдетъ мимо. Даже въ кабинетъ къ себѣ не допустить, выплакаться-то не дастъ. «Господи! вскую!» только и твердилъ, бывало, нашъ старикъ, покуда не подобрался, наконецъ, къ Шарлоттѣ Оедоровнѣ. Понравился онъ ей, впрочемъ, не чѣмъ другимъ, а именно только строгостью правилъ. И такъ пришлось по душѣ, что вмѣсто Архангельска угодилъ къ намъ! Каково же, послѣ этакого-то искуса, нѣсколько лишь мѣсяцевъ повластвовать, и вдругъ—хлопъ!

Первое извѣстiе о постигшемъ насъ ударѣ я получилъ отъ вице-губернатора. Еще невѣжественный, прiѣхалъ я утромъ къ нему и засталъ его расхаживающимъ взадъ и впередъ по кабинету; по всей вѣроятности, онъ обдумывалъ, какая участь должна постигнуть нашу губернiю. Нашъ вице-губернаторъ человѣкъ нравовъ придворныхъ, и потому чувствительности большой не имѣеть, но и онъ былъ тронуть.

— А знаете ли вы, что нашего-то уволили? — спросилъ онъ меня съ перваго же слова.

Въ груди у меня словно оборвалось что-то. Не смѣя, съ одной стороны, предполагать, чтобы господинъ вице-губернаторъ отважился, безъ достаточнаго основанiя, распускать такой серьезный слухъ, а съ другой стороны зная, что онъ любитъ иногда пошутить (терпѣть не могу этихъ шутокъ, въ которыхъ нельзя понять, шутка ли это или испытанiе!), я принялъ его слова со свойственною мнѣ осмотрительностью.

— Про кого это ваше превосходительство говорить изволите? — спросилъ я, по силѣ возможности мягкостью тона умѣряя рѣзкость моего вопроса.

— Про кого? извѣстно, про кого: про Шарлотты Федоровны выкормка!

Сердце въ груди моей окончательно упало. Но не прошло минуты, какъ ужъ въ головѣ моей созрѣлъ вопросъ:

— А извѣстно вашему превосходительству, кого на мѣсто ихъ назначаютъ?

При этомъ вопросѣ сердце мое мало-по-малу поднималось: я начиналъ предчувствовать, что не буду оставленъ безъ начальника.

— А назначаютъ Ударъ-Ерыгина.

— Генерала-съ?

— Генерала-съ.

Сердце мое окончательно уставилось на своемъ мѣстѣ, ибо я получилъ увѣренность, что предчувствiе мое сбылось.

— Изъ какихъ-съ они?—спросилъ я нѣсколько смѣлѣе.

— Изъ млекопитающихъ-съ! — отвѣчалъ вице-губернаторъ (онъ вообще ужаснѣйшій кивякъ).

Мы оба задумались и стали въ молчаніи ходить по кабинету (въ первый разъ въ жизни я шелъ *рядомъ* съ начальникомъ, а не слѣдовалъ за нимъ «пѣтушкомъ»: несчастіе уравниваетъ всѣ ранги).

— Я думаю, нужно будетъ старому начальнику прощальный обѣдъ устроить?—первый прервалъ я молчаніе.

— Гм!.. да.. знаю я этого Ударъ-Ерыгина... знаю!

— Я думаю, ваше превосходительство, что можно и купцовъ пригласить какую-нибудь демонстрацію сдѣлать!

— Гм!.. купцовъ... Однажды призываетъ меня этотъ Ударъ-Ерыгинъ къ себѣ и говоритъ: «я, говорить, по утрамъ занять, такъ вы ко мнѣ въ это время не ходите, а приходите каждый день обѣдать»...

— Такъ они и гостепріимные?

— Гм!.. да... гостепріимень... «Только, говорить, такъ какъ я за обѣдомъ отъ трудовъ отдыхаю, такъ люблю, чтобъ у меня было весело».

— Преданность всякое испытаніе, ваше превосходительство, превозмочь можетъ!—прервалъ я, невольно потупляя глаза.

— Да-съ, но вѣдь веселье веселью рознь-съ; бываютъ веселья ужасныя-съ... «Такъ вы, говорить, съ этимъ соображайтесь»...

— И сообразовались, ваше превосходительство?

— И сообразовался-съ.

Мы опять умоляли: я чувствовалъ, что на душѣ у меня смутно и что сердце опять начинаетъ падать въ груди, несмотря на то, что сожалѣніе о смѣлѣ любимаго начальника умѣрялось надеждою на присылку другого любимаго начальника.

— Только этимъ и замѣчательнъ новый начальникъ?—вновь прервалъ я молчаніе.

— Только этимъ и замѣчательнѣе-съ.

— Но, быть-можетъ, они снисходительны?

— Для тѣхъ, кто веселиться умѣетъ...

— Стало-быть, ваше превосходительство...

— Находимся съ его превосходительствомъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Кстати, однакожь: вѣдь прощальный-то обѣдъ, все-таки, устроить слѣдуетъ...

— Это, ваше превосходительство, и для новаго начальника будетъ поощреніемъ...

— Ну, да; будетъ, по крайности, видѣть, что мы вступѣ не оставляемъ...

Я вышелъ на улицу и просто даже удивился. Представьте себѣ, что все стояло на своемъ мѣстѣ, какъ будто ничего и не случилось; какъ будто бы добрый нашъ старикъ не подвергнулся превратностямъ судебъ; какъ будто бы въ прошлую ночь не проросъ сквозь него и не процвѣлъ совершенно новый и вовсе нами неожиданный начальник! Попрежнему на парѣ бойкихъ саврасенькихъ спѣшилъ съ утреннимъ рапортомъ полиціймейстеръ («вотъ-то вытянется у тебя физиономія, какъ узнаешь!»—подумалъ я); попрежнему, сломя голову, летѣлъ Сеня Бирюковъ за какой-то помадой для Матрены Ивановны и издали привѣтливо махалъ мнѣ шляпой; попрежнему проклятые мужичонки во все горло галдѣли и торговались изъ-за копейки на базарной площади. Даже воздухъ былъ совершенно такой же, какъ вчера. Все это какъ-то странно подѣйствовало на мои нервы, а ожесточенье безчувственного мужичья до того меня озлобило, что я почелъ за нужное даже вмѣшаться.

— Что вы тутъ горло дерете! базаръ что ли здѣсь! — крикнулъ я, подходя къ одной кучкѣ.

— А не базаръ нешто?—отвѣчалъ мнѣ одинъ голосъ.

Я смутился, ибо сообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ стою на базарѣ.

— А знаете ли вы, мужичье проклятое, что у насъ нынче ночью на всю губернію несчастье случилось?

Мужики глядѣли на меня съ недоумѣніемъ.

— Знаете ли вы, что его превосходительство, Анфима Евстратича, отъ должности уволили?

— О! де...

Но не успѣлъ дерзкій договорить, какъ уже рука моя исполняла свою обязанность.

— Да вѣдь, поди, новый на мѣсто его будетъ! новый будетъ!—кричалъ провинившійся.

Сначала я не слыхалъ его объясненія и продолжалъ дѣлать свое дѣло; но, признаюсь, когда слова: «новый будетъ! новый будетъ!» явственно коснулись моего слуха, то рука моя невольно опустилась. И въ самомъ дѣлѣ, разсудилъ я, если нѣтъ стараго, то это значитъ, что есть новый—и ничего больше! Изъ-за чего же тутъ мѣняться воздуху? Изъ-за чего предметамъ, уже установившимся и, могу сказать, вросшимъ въ землю, перескакивать съ мѣста на мѣсто? Вчерашняя смерть не содержитъ ли въ себѣ зерна сегодняшняго возрожденія? Вчерашнее помраченіе не вознаграждается ли сегодняшнимъ просвѣтленіемъ? Однимъ словомъ, я вынужденъ былъ дать гривенникъ напрасно-обиженному мной поселянину и, успокоивши себя разными солидными размышленіями, отправился съ визитомъ къ закатившейся нашей звѣздѣ.

Въ приемной я засталъ правителя канцеляріи и полиціймейстера; оба стояли понутивши головы и размышляли. Первый думалъ о томъ, какъ его сошлютъ на покой въ губернское правленіе; второй даже и о ссылкѣ не думалъ, а просто во-очію видѣлъ себя съдѣннымъ.

— Вы читали бумагу? — спросилъ я правителя канцеляріи.

— Читалъ,—отвѣчалъ онъ грустно.

— Но что же за причина?

— Да никакой причины не приписывается. Напротивъ

того, даже похвалы нашему генералу примѣчаются... Преклонность лѣтъ!

— Какая преклонность лѣтъ! И всего-то по формуляру семьдесятъ пять лѣтъ значится! Въ самой еще порѣ!

— Только бы управлять еще старикку!

Въ это время къ намъ вышелъ самъ закотившійся старикъ нашъ. Лицо его было подобно лицу Печорина: губы улыбались, но глаза смотрѣли мрачно; повидимому, онъ весело потиралъ руками, но въ этомъ потирании замѣчалось что-то такое, что, вотъ, казалось, такъ и сдеретъ съ себя человѣкъ кожу съ живого.

— Наконецъ, давнишнее желаніе моего сердца свершилось!—сказалъ онъ, обращаясь къ намъ.

— Весь городъ, ваше превосходительство... — началь- было я.

— Наконецъ, давнишнее желаніе моего сердца свершилось!—повторилъ онъ и остановился, чтобы перевести духъ.

Я понялъ, что старикъ играетъ роль, но что роль эту онъ выучилъ довольно твердо.

— Намъ остается утѣшаться, что новый нашъ начальникъ будетъ столь же распорядителемъ, какъ и ваше превосходительство!—сказалъ я, пользуясь паузой.

Къ удивленію, генералъ былъ какъ будто сконфуженъ моею фразой. Очевидно, она не входила въ его расчеты. На прочихъ свидѣтелей этой сцены она подѣйствовала различно. Правитель канцеляріи, казалось, понялъ меня и досадовалъ только на то, что не онъ первый ее высказалъ. Но полиціймейстеръ, какъ человѣкъ, повидимому, покончившій всѣ расчеты съ жизнью, далъ дѣлу совершенно иной оборотъ.

— Итъ, ужъ позвольте, *такого* начальника у насъ не было и не будетъ!—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, выступая впередъ.

— Благодарю!—сказалъ генералъ.

— Ваше превосходительство! — продолжалъ полиціймей-

стерь, уже красный какъ ракъ отъ душившаго его чувства преданности.

— Благодарю!

Полиціймейстеръ ловилъ генеральскую руку, которую генераль очень искусно пряталъ; правитель канцеляріи молчалъ и думалъ, что если его сошлютъ въ судное отдѣленіе, то штука будетъ еще не совѣсь плохая; я стоялъ какъ на иголкахъ, ибо видѣлъ, что намѣренія мои совѣсь не такъ поняты.

— Я хотѣлъ только выразить, — пояснилъ я, наконецъ, — что должности вашихъ превосходительствъ никогда не прекращаются, и что Провидѣніе...

— Вѣрю-сь!

— Что Провидѣніе, осчастлививши насъ однажды правителемъ, подобнымъ вашему превосходительству, конечно, озаботится и на будущее время.

— Вѣрю-сь!

Сказавши это, его превосходительство удалился во внутреннія комнаты; за нимъ послѣдовали полиціймейстеръ и правитель канцеляріи; я же долженъ былъ съ носомъ отправиться въ переднюю.

Въ передней швейцаръ улыбался и спрашивалъ: «когда будетъ новый генераль?» Часы, пріобрѣтенные для генеральскаго дома за пять генераловъ передъ симъ, стучали «тикъ-такъ, тикъ-такъ!» — какъ будто бы говорили: «мы видѣли пять генераловъ! мы видѣли пять генераловъ! мы видѣли пять генераловъ!»

Оставалось, слѣдовательно, отдать нашему генералу послѣдній долгъ. Избранъ былъ комитетъ изъ самыхъ опытныхъ по этой части обывателей; комитетъ, въ свою очередь, избралъ распорядителями торжества меня и Сею Бирюкова. Для меня это дѣло привычное, потому что я не разъ ужъ въ своей жизни катафалкп-то эти устраивалъ; но Сева такъ возгордился сдѣланнымъ ему довѣріемъ, что

даже шею выгнуть, словно конь сѣдливый, да въ этакоемъ видѣ и носился съ утра до вечера по городу. Когда вопросъ о кушаньяхъ былъ подвергнутъ зрѣлому обсужденію, тогда самъ собою возникъ вопросъ о тостахъ и рѣчахъ. Но это такой важный предметъ, что я считаю необходимымъ сказать о немъ нѣсколько лишнихъ словъ.

Въ прежнія времена разрѣшеніе этого вопроса не представляло никакихъ затрудненій, ибо въ прежнія времена всѣ говорили вдругъ. Одинъ изъ распорядителей выступалъ на средину, провозглашалъ тостъ: «за здоровье его превосходительства!» — и всѣ дружно подхватывали: «прощайте, ваше превосходительство!» «ура, ваше превосходительство!» Его превосходительство, въ свою очередь, обходилъ кругомъ стола и говорилъ: «нижайше вамъ кланяюсь, господа!» «усерднѣйше васъ благодарю, почтенные мои сослуживцы!» И, смотря по степени воодушевленія, или плакалъ, или просто только утиралъ глаза. И такимъ образомъ, за общимъ шумомъ, ничего понять было нельзя. Конечно, эта форма изъясненія чувствъ была не совсемъ правильная, но зато она была трогательна и искренна. Но нынче и этому дѣлу дали совершенно иной оборотъ. Скажу вамъ по секрету, что у насъ разнеслись недавно слухи о какомъ-то конституціонномъ началѣ, которое въ томъ, будто бы, состоитъ, что одинъ кто-нибудь говоритъ, а другіе молчать; и когда одинъ кончить говорить, то начинается говорить другой, а прочіе опять молчать, и такимъ образомъ идетъ это дѣло съ самаго начала обѣда и до тѣхъ поръ, пока присутствующіе не сдѣлаются достаточно веселы. Тутъ-то собственно и начинается настоящая конституція, ибо все, что происходитъ прежде, считается только предварительнымъ къ ней приготовленіемъ. Повидимому, самое лучшее было бы прямо начать съ настоящей конституціи; однако этого сдѣлать нельзя, во-первыхъ, потому, что надобно, чтобъ все происходило по порядку, а во-вторыхъ, потому, что предварительныя дѣйствія освѣщаютъ

путь для предстоящей веселой конституции и служить для нее руководящею нитью. Понятно, что при таких условиях встрѣчается необходимость въ людяхъ, которые умѣли бы говорить даже въ такое время, когда другіе молчатъ; но понятно также, что это положеніе совершенно проклятое и что люди скромные принимаютъ его весьма неохотно. Это почти то же, что въ-одиночку публично производить какое-нибудь предосудительное отправленіе, когда никто кругомъ никакихъ предосудительныхъ отправленій не производитъ. А потому выборъ людей для произношенія то-стовъ и спичей всегда сопрягается съ затрудненіями очень серьезными, и обязанность эта представляется такою повинностью, нарядъ на которую почти равносильнъ наряду на барщину.

На этотъ разъ ораторами выбраны были: вице-губернаторъ—отъ лица чиновъ пятаго класса, совѣтникъ губернскаго правленія Звенигородцевъ—отъ лица всѣхъ прочихъ чиновъ, Сеня Бирюковъ—отъ лица молодого поколѣнія и, наконецъ, командиръ гарнизоннаго батальона—отъ имени воинскаго сословія. Полиціймейстеръ до того разревновался, что вызвался сказать сверхштатную рѣчь отъ лица полиціи. Разумѣется, всѣ они тотчасъ же отправились домой и занялись чтеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей», дабы ближе ознакомиться съ политическимъ положеніемъ Россіи и усвоить себѣ нѣкоторые, необходимые въ краснорѣчій, обороты.

Но главнымъ украшеніемъ прощальнаго обѣда долженъ былъ служить столѣтній старецъ, Максимъ Гаврилычъ Крестовоздвиженскій, который еще въ семьсотъ-восемьдесятъ-девятомъ году служилъ въ нашей губерніи писцомъ въ на-мѣстнической канцеляріи. Идея пригласить къ участію въ праздникъ эту живую лѣтопись нашего города, этого свидѣтеля его величій и славы, была весьма замѣчательна и, какъ увидимъ ниже, имѣла совершенный и полный успѣхъ.

Я не стану описывать дѣйствій депутации, на которую

возложено было приглашеніе генерала къ прощальному обѣду. Ничего замѣчательнаго при этомъ не произошло, кромѣ того, что отъѣзжающій прослезился и завѣрилъ депутацію, что будетъ непременно. Приступлю прямо къ описанію торжественныхъ минутъ прощанья.

Въ три часа пополудни мы собрались въ нарочно приготовленной для того залѣ. Нѣкоторые тотчасъ же выпили водки. Всѣ вообще, повидимому, уже освоились съ мыслью о предстоящей разлукѣ и потому держали себя совсѣмъ не такъ, какъ бы торжество прощанья того требовало, а такъ, какъ бы просто собрались выпить и закусить; одинъ правитель канцеляріи по временамъ еще вздрагивалъ. Въ четыре часа отъѣзжающій прибылъ въ залъ, сопровождаемый двумя ассистентами, и всѣ присутствующіе тотчасъ же сгруппировались вокругъ него. Начались пожатія рукъ, причѣмъ, впопыхалъ, генераль удостоилъ пожатія даже клубнаго лакея Оедора, и тутъ же очень мило самъ разсмѣялся своей ошибкѣ.

За столомъ всѣ размѣстились по старшинству безъ особенныхъ затрудненій; только операторъ врачебной управы (вѣскольکو уже выпившій) заупрямился сѣсть на конецъ стола, на томъ основаніи, что, будто бы, ему будутъ доставаться плохіе куски, но и это недоразумѣніе было улажено положительнымъ удостовѣреніемъ, что кушанья наготовлено слишкомъ достаточно, чтобы могли имѣть мѣсто подобнаго рода опасенія. Генераль держалъ себя съ твердостью и достоинствомъ, но когда подали супъ, то невольная слеза канула изъ его глазъ въ тарелку. Послѣ супа слѣдовалъ первый тостъ. Вице-губернаторъ всталъ и, когда все умолкло, произнесъ:

«Ваше превосходительство! одинъ древній сказалъ: *Timeo Danaos et dona ferentes!* Это значить: опасаюсь данайцевъ даже тогда, когда они приходятъ съ дарами»...

Кругомъ раздается одобрителный шопоть; совѣтникъ Звенигородцевъ блѣднѣеть, потому что «*Timeo Danaos*»

было включено и въ его рѣчь; онъ обдумываетъ, какъ бы вмѣсто этой цитаты помѣстить туда другую: «sit venia verbo»; операторъ врачебной управы вполголоса объясняетъ своему сосѣду: — «Timeo — боюсь, а не опасуюсь; et dona ferentes—и дары приносящихъ, а не «даже тогда, когда они приходятъ съ дарами»; слѣдовательно, «боюсь данайцевъ и дары приносящихъ» — вотъ какъ по-настоящему перевести слѣдуетъ».—Но вице-губернаторъ не слышитъ этого зловреднаго объясненія и, ободряемый общимъ вниманіемъ, продолжаетъ:

...«съ дарами. Но здѣсь, ваше превосходительство, вы изволите видѣть не «данайцевъ», приходящихъ къ вамъ съ дарами, а преданныхъ вамъ подчиненныхъ, приносящихъ вамъ — и не тѣ дары, о которыхъ говоритъ древній, — а дары своего сердца».

— Отлично! великолепно!—раздается кругомъ; отъѣзжающій тронуть, ораторъ куражится.

...«своего сердца. Въ особенности скажу я это о тѣхъ, отъ имени которыхъ обращаю къ вашему превосходительству прощальное слово! (Ораторъ окидываетъ взоромъ небольшое пространство стола, усаженное чинами пятого класса; отъѣзжающій кланяется и жметъ руки сосѣдямъ; управляющій удѣльной конторой лѣзетъ пѣловаться. Картина). Эти дары, ваше превосходительство, можете принять съ полною увѣренностью, что въ нихъ нѣтъ ни орсиніевскихъ гранатъ, ни другихъ разрывающихъ составовъ. Я принялъ на себя сладкую, но трудную обязанность, ваше превосходительство! Я принялъ обязанность въ устномъ словѣ изобразить передъ вашимъ превосходительствомъ эти скромные, но горячіе дары, которые безмолвно, но краснорѣчиво пламенѣютъ въ нашихъ сердцахъ. Я не боюсь упрековъ; зоиы и свистуны стоятъ ниже меня»...

— Bravo! bravo! урра!—раздается кругомъ.

...«зоплы и свистуны стоятъ ниже меня. Но во всякомъ случаѣ, ваше превосходительство, не заподозрите меня, если

я скажу: дары, которые приносятся здѣсь вашему превосходительству, суть дары сердца, а не тѣ дары, о которыхъ говорилъ «древній». Ура!

Вице-губернаторъ умолкъ; на средину залы вывели подъ руки «столѣтняго старца», который заплакалъ. Отѣзжающій былъ такъ тронутъ, что могъ сказать только:

— Успокойте старика! успокойте старика!

Столѣтняго старца увелъ; подали ростбифъ; Звенигородцевъ, чувствуя приближеніе минуты, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ, онъ всталъ, съ бокаломъ въ рукѣ, противъ виновника торжества и произнесъ:

«Ваше превосходительство! Еще недавно ваше превосходительство, не изволивъ утвердить журналъ губернскаго правленія о предапіи за противозаконныя дѣйствія суду зарѣченскаго земскаго исправника, изволили сказать слѣдующее: «пусть лучше говорятъ про меня, что я баба, но не хочу, чтобъ кто-нибудь могъ сказать, что я жестокій человѣкъ!» Какимъ чувствомъ была преполнена грудь земскаго исправника при извѣстіи, что онъ отъ суда и слѣдствія учиненъ свободнымъ — это понять не трудно. Гораздо труднѣе понять чувства, волновавшія при этомъ насъ, подписавшихъ упомянутый выше журналъ. Нечего и говорить о томъ, что мы приняли рѣшеніе вашего превосходительства къ непремѣнному исполненію; этого мало: предоставленные самимъ себѣ, мы думали, что этого человѣка мало повѣсить за его злодѣянія; но, узнавши о вашихъ начальническихъ словахъ, мы вдругъ постигли всю шаткость человѣческихъ умозаключеній и внутренно почувствовали себя просвѣтленными»...

— Bravo! прекрасно! вотъ истинныя отношенія подчиненныхъ къ начальникамъ!

«Мы поняли, что истинное искусство управлять заключается не въ строгости, а въ томъ благодушіи, которое, въ соединеніи съ прямодушіемъ, извлекаетъ даже благодарности изъ самыхъ черствыхъ и непреклонныхъ, пови-

дымому, сердце. Эта невольная дасть несется къ вашему превосходительству не только отъ лицъ, здѣсь присутствующихъ, но и отъ всей губерніи. Да, не одно благодарное сердце бьется въ настоящую минуту въ безвѣстности, не одинъ выпрепнѣй умъ содрагается при мысли о предстоящей разлукѣ! Но для того, чтобы доказать справедливость моихъ словъ, считаю нелишнимъ изложить здѣсь вкратцѣ прохожденіе службы вашего превосходительства».

Ораторъ на мгновеніе останавливается, чтобы перевести духъ, и затѣмъ продолжаетъ:

«Умолчу о трудахъ, понесенныхъ вашимъ превосходительствомъ въ теченіе слишкомъ тридцатипятилѣтней службы въ различныхъ вѣдомствахъ, которыя были осчастливлены вашимъ содѣйствіемъ. Начертать такую перспективу было бы подвигомъ, далеко превышающимъ мои слабыя силы. А потому позволяю себѣ застигнуть ваше превосходительство въ тотъ моментъ, когда наша губернія, въ свою очередь, была, такъ сказать, застигнута вашимъ превосходительствомъ. У насъ прохожденія вашей службы было всего шесть мѣсяцевъ и пять дней, но и этого краткаго періода времени было достаточно, чтобы дать почувствовать, что нами руководить опытная рука»...

При этихъ словахъ раздается громъ рукоплесканій, и восторженное «ура!» потрясаетъ стѣны залы. Даже лакеи взволновались. Управляющій удѣльной конторой опять идетъ цѣловаться. Ораторъ продолжаетъ:

«Прибывши къ намъ, ваше превосходительство не посѣтили ли городовъ нашей губерніи? Посѣтивши города, не обривизовали ли во всей подробности наши присутственные мѣста? Предложеніе объ этомъ предметѣ вашего превосходительства, по которому губернскимъ правленіемъ въ свое время ужъ сдѣлано надлежащее распоряженіе, не останется ли вѣчнымъ памятникомъ вашей распорядительности и вашей пропичательности? Отеческимъ сердцемъ вы изволили отнестись ко всѣмъ нашимъ недугамъ и слабостямъ;

отъ взора вашего не укрылось ни то, что наши земскіе суды не пользуются соотвѣствующими помѣщеніями, ни то, что города наши до сихъ поръ остаются незамощенными. Все это вы поставили губернскому правленію на видъ и все это должно на будущее время служить этому высшему въ губерніи присутственному мѣсту (вице-губернаторъ охоранивается, прочіе предсѣдатели завистливо, но сомнительно улыбаются) путеводной звѣздой, къ которой имѣютъ устремляться его административныя усплія. За все это — дань благодарности вашему превосходительству! Дань благодарности отъ всѣхъ неиспорченныхъ сердецъ, той благодарности, о которой сеічасъ такъ краснорѣчиво выразился мой достойный пачальникъ (вице-губернаторъ) и которую ваше превосходительство можете принять безъ всякихъ опасеній, ибо здѣсь нельзя (крики кругомъ: «да, нельзя! нельзя!») даже сказать подобно «древнему»: *timeo Danaos et dona ferentes*. Ура!»

Смута, произведенная этою рѣчью, была такъ велика, что никто даже не обратилъ вниманія, какъ «столѣтній старецъ» вышелъ на середину залы и прослезился. Всѣхъ поразила мысль: вотъ человѣкъ, который слишкомъ тридцать шесть лѣтъ благополучно служилъ въ разныхъ вѣдомствахъ — и въ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ невинно погибъ! Этимъ же смятеніемъ воспользовался и полиціймейстеръ, чтобы наскоро сказать свою рѣчь безъ очереди.

— Ваше превосходительство!—сказалъ онъ:—я не умѣю говорить, но всегда скажу: вы заставили уважать полицію!

Волненіе насилу стихло; очевидно, что приближалась торжественная минута «настоящей конституціи». Подали и съѣли огромнѣйшую рыбу. На сцену выступилъ Сея Бпрюковъ, въ сопровожденіи всей нашей блестящей молодежи, съ отличіемъ занимающей мѣста чиновниковъ особыхъ порученій, мировыхъ посредниковъ и судебныхъ слѣдователей. Однимъ словомъ, все наше «воинство возрожденія» было тутъ па-лицо.

— Ваше превосходительство! — начал Сеня: — я не ораторъ...

— Я коллежскій регистраторъ! — очень явственно прошипѣлъ операторъ врачебной управы, бывшій ужь очень близко къ «конституціи».

— Шш!.. — пронеслось по залѣ.

«Я не ораторъ, но не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о тепломъ участіи, которое вы принимали въ благодѣтельныхъ учрежденіяхъ послѣдняго времени. На вашихъ глазахъ совершился ужаснѣйшій переворотъ, которому когда-либо былъ свидѣтелемъ изумленный міръ. Передъ вашимъ превосходительствомъ были двѣ стороны, но вы не склонились ни на ту, ни на другую. Передъ вашимъ превосходительствомъ были двѣ дороги, но вы не пошли ни по той, ни по другой. Результаты дѣятельности вашего превосходительства еще не видны, но они будутъ. Привѣтствуя васъ отъ лица нашего молодого поколѣнія, я могу прибавить одно: привѣтствіе это есть дань сердца, которую ваше превосходительство можете принять со всею безопасностью. Какъ выразились мои уважаемые предшественники, вы не имѣете даже повода сказать въ этомъ случаѣ: *timeo Danaos et dona ferentes*, потому что здѣсь всякій приприситъ дары свои отъ чистаго сердца. Ура!»

— Ура! ура! ура! — дружно грянуло молодое поколѣніе, потрясая бокалами.

Генераль погунился; онъ скромно сознавалъ въ эту минуту, что успѣлъ угодить всѣмъ. Но настроеніе умовъ постепенно принимало направленіе къ веселости: на многихъ пунктахъ стола громко раздавались требованія, чтобы оркестръ сыгралъ что-нибудь русское; совѣтникъ казенной палаты Храниловъ лилъ на столъ красное вино и посыпалъ залитое пространство солью, доказывая, что при этой предосторожности всякая прачка можетъ легко вывести изъ скатерти какія угодно пятна; правитель канцеляріи уже не вздрагивалъ, но весь покрылся фіолетовыми пятнами — явный

признакъ, что онъ былъ близокъ къ буйству. Однимъ словомъ, во избѣжаніе неожиданностей, я, какъ распорядитель, долженъ былъ просить батальоннаго командира, чтобъ онъ сказалъ свою рѣчь какъ можно скорѣе и какъ можно короче, что онъ, къ общему удовольствію, и исполнилъ.

— Ваше превосходительство! — сказалъ онъ: — буду кратокъ, чтобъ не задерживать драгоценныя ваши часы. Я не краспорѣчивъ, но знаю, что когда понадобилось отвѣсти для батальона огороды — вы отвѣли ихъ; когда приказано было варить для нижнихъ чиновъ пищу изъ общаго котла — вы приказали приобрести эти котлы въ лучшемъ видѣ. Вѣреннѣйшій мнѣ батальонъ имѣетъ честь благодарить за это ваше превосходительство. Ура!

Этою рѣчью заключалась первая часть нашего торжества. Затѣмъ уже началась такъ-называемая конституція, которую я не стану описывать, потому что, по мнѣнію моему, всѣ проявленія, имѣющія либеральный характеръ, какъ бы преданны они ни были, заключаютъ въ себѣ одно лишь безобразіе...

На другой день я посѣтилъ помѣщеніе, въ которомъ происходило прощальное торжество. На полу валялись обѣдки, скатерть пестрѣла пятнами, цѣлая масса прогорклаго дыма висѣла надъ столами. Сердце мое сжалось...

II. — Старый котъ на покой.

I.

Новый начальникъ либеральничаетъ, новый начальникъ политиканитъ, новый начальникъ стоитъ на стражѣ. Онъ устраиваетъ союзы, объявляетъ войны и заключаетъ миръ. Одно допускаетъ, другое устраиваетъ. Принимая въ соображеніе одно, не упускаетъ изъ вида и другое, причемъ лишнимъ считаетъ обратить вниманіе и на третье. Въ от-

ношеніи однихъ дѣйствуетъ мѣрами благоразумной кротости; въ отношеніи другихъ употребляетъ строгость. Онъ пишетъ обширѣйшіе циркуляры, въ которыхъ призываетъ, поощряетъ, убѣждаетъ, надѣется, а въ *случаѣ нужды* — даже требуетъ и угрожаетъ. Однимъ словомъ, создаетъ новую эру.

Въ согласность съ нимъ настраивается и подначальный людъ. Несутся сердца, задаются пиры и банкеты въ честь виновника торжества; языки безъ всякаго опасенія предаются благодѣтельной гласности; произносятся речи и тосты; указываются новые невредные источники народнаго благосостоянія, процвѣтанія и развитія; выражаются ожиданія, упованія и надежды, которыя, при помощи шампанскаго, изъ области упованій *crescendo* переходятъ въ твердую и непоколебимую увѣренность.

Даже дамы не остаются праздными: онѣ наперерывъ устраиваютъ для новаго начальника спектакли, шарады и живыя картины; интригуютъ его въ маскарадахъ, выбираютъ въ мазуркѣ, и при этомъ выказываютъ такое высокое чувство гражданственности, что ни одному разогорченному супругу даже на мысль не приходитъ пропнести слово: «безстыдница» или «срамница».

Среди этого всеобщаго гвалта, среди этого ливня мѣропріятій съ одной стороны и восторговъ съ другой, никто не замѣчаетъ, что тутъ же, у насъ подъ бокомъ, увядаетъ существо, которое тоже (и какъ недавно!) испускало изъ себя всевозможныя мѣропріятія и тоже было предметомъ всякаго рода сердценесеній, упованій, переходящихъ въ увѣренность, и увѣренностей, покоящихся на упованіяхъ.

Да, онъ не оставилъ насъ, нашъ добрый старый начальникъ; онъ поселился тутъ же, вмѣстѣ съ достойною своею супругой Анной Ивановной, въ подгородномъ своемъ имѣніи, и тамъ, на лонѣ природы-матери, употребляетъ всѣ усилія, чтобы блаженствовать. Конечно, злые языки распускаютъ, будто внутри у него образовалась цѣлая урна

слезь, будто слезы эти горячими каплями льются на сердце старика и вызывают на его лицо горькія улыбки и судорожныя подергиванія, но я имѣю все данныя утверждать, что слухи эти неосновательны. Я самъ посѣтилъ его въ благопріобрѣтенномъ селѣ Обирадовѣ (и даже не скрылъ этого отъ новаго начальника) и собственными глазами убѣдился, что онъ точно блаженствуетъ. Онъ съ безпечнымъ видомъ ходитъ по полямъ и лугамъ; онъ рветъ цвѣточки и плететъ изъ нихъ вѣнки; онъ питается исключительно молочными сконами; онъ вступаетъ въ непринужденный разговоръ съ добродушными поселянами и поголовно называетъ ихъ друзьями... Какихъ доказательствъ блаженства еще надо?

Если хотите, въ немъ дѣйствительно произошла нѣкоторая перемѣна: глаза не мещутъ, носъ не угрожаетъ, уста не изрыгаютъ, длани не устремляются. Если хотите, нѣтъ недостатка и въ подергиваньяхъ, и въ горькихъ улыбкахъ... Но, по мнѣнію моему, эта перемѣна произошла всеѣмъ не вслѣдствіе унынія, а оттого единственно, что добрый старикъ, вышедши въ отставку, пріобрѣлъ опасную привычку слишкомъ часто поднимать завѣсу будущаго. При такомъ непрерывномъ подниманіи довольно трудно обойтись безъ подергиваній (я зналъ одного мудреца, который даже зажималъ носъ, какъ только приходилось поднимать завѣсу будущаго). Самъ старикъ въ этомъ сознается и даже довольно картинно выражаетъ плоды своихъ наблюдений по этому предмету.

— Да-съ,—говоритъ онъ:—я озабоченъ-съ. Посмотришь въ эту закрытую для многихъ книгу—увидишь тамъ все такое несообразное. Кружатся-съ, рвутъ другъ друга, скалятъ зубы-съ. Неутѣшительно-съ.

Итакъ, вотъ единственное облако, которое омрачаетъ тихій вечеръ отставнаго администратора; во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ онъ блаженствуетъ. Онъ охотно смѣшиваетъ либерализмъ съ сокращеніемъ переписки, и когда однажды

у насъ зашла рѣчь о постепенномъ шествіи впередъ на пути гражданственности и устности:

— Это еще при мнѣ началось, — сказалъ онъ: — въ то время я осмѣлился подать слѣдующій совѣтъ: если позволительно такъ думать, сказалъ я, то предоставьте все усмотрѣнію главныхъ начальниковъ!

— А что вы думаете? Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ это значительно сократило бы переписку! — замѣтилъ я.

— Значительно-съ, — отвѣчалъ онъ съ одушевленіемъ, очевидно намѣреваясь сообщить дальнѣйшее развитіе этой замѣчательной темѣ, но вдругъ замолкъ, какъ бы опасаясь проронить государственную тайну.

Вообще о дѣлахъ внутренней и внѣшней политики старикъ отзывается сдержанно и загадочно. Не то одобряетъ, не то порицаетъ, не забывая, однакожъ, при каждомъ случаѣ прибавить: «это еще при мнѣ началось», или: «я въ то время осмѣлился подать такой-то совѣтъ».

— Отчего же мнѣніе вашества не было принято въ уваженіе? — иногда спрашиваютъ его веселые собесѣдники.

— А оттого-съ, что нынче старыхъ слугъ не уважаютъ, — отвѣчаетъ онъ съ нѣкоторою скорбью, но вслѣдъ затѣмъ веселенько прибавляетъ: — Да, пора, давно пора было мнѣ отдохнуть!

О новомъ начальникѣ старикъ или вовсе умалчиваетъ, или выражается пносказательно, т.-е. начинаетъ, по поводу его, разговоръ о древнемъ языческомъ богѣ Меркуріѣ, прославившемся не столько дѣлами доблести, сколько двусмысленнымъ своимъ поведеніемъ, и затѣмъ старается замаять щекотливый разговоръ и обращаетъ вниманіе собесѣдниковъ на молочные скопы и другіе предметы сельскаго хозяйства.

Однажды зашла рѣчь о пожарахъ, и нѣкоторый веселый собесѣдникъ выразилъ предположеніе, что новый начальникъ, судя по его дѣйствіямъ, долженъ быть, по малой мѣрѣ, скрытный членъ народоваго жонда.

— Не отрицаю-сь,—скромно замѣтилъ благодунный старикъ:—но не смѣю и утверждать-сь. Скажу вамъ по этому случаю анекдотъ-сь. Однажды, когда князь Петръ Антонычъ требоваль, чтобы я высказаль ему мое мнѣніе насчетъ сокращенія въ одномъ вѣдомствѣ фалды, то я откровенно отвѣчалъ: «Ваше сіятельство, и фалды сокращенныя, и фалды удлиненныя — мы все примемъ съ благодарностью!»—«Дипломатъ!» выразился по этому случаю князь и изволилъ милоливо погрозить мнѣ пальцемъ. Такъ-то-сь.

Даже противъ реформъ, или—какъ онъ ихъ называль—«катастрофъ», старикъ не огрызался; напротивъ того, всякое новое мѣропріятіе находило въ немъ мудраго толкователя. Самыя земскія учрежденія, и тѣ не смутили его. Конечно, онъ сначала испугался, но потомъ вникъ, взвѣсилъ, разсудилъ... и простилъ!

— Такъ, вашество, одобряете?—спрашивають его иногда собесѣдники.

— Одобряю-сь,—отвѣчалъ онъ.—Сначала, конечно... опасался-сь; но теперь... одобряю-сь!

— Чего же собственно, вашество, опасаться изволяли?

— Упраздненія власти-сь!

— А теперь одобряете?

— Теперь одобряю-сь. На этотъ счетъ доложу вамъ вотъ что-сь. Съ блаженной памяти государя Петра Алексѣевича исторія русской цивилизаціи принимаетъ характеръ, такъ сказать, піонерный. Являются, знаете, одни за другими піонеры. Расчищаютъ, пролагають, прорубають, строятъ, ломають и опять строятъ... однимъ словомъ, ведутъ жизнь дѣятельную. Сперва губернаторы, прокуроры, экономии директоры, капитанъ-исправники—это, такъ сказать, піонеры первобытные. Потомъ-сь: окружные начальники, воспитанники училища правовѣдѣнія, акцизные чиновники, контрольные чиновники, мировые посредники—это уже піонеры второй формации, піонеры съ утонченными чувствами и деликатными манерами. Наконецъ, земство-сь.

— Стало-быть, и Василий Петровичъ, и Николай Дмитричъ—все это пионеры?

— Пионеры-съ, и больше ничего.

Послѣ такого толкованія слушателямъ не оставалось ничего болѣе, какъ оставить всякія опасенія и надѣяться, что недалеко то время, когда Русская земля процивилизуется, наконецъ, вилотную. Вотъ чтѣ значитъ опытность старика, пріобрѣннаго, по выходѣ въ отставку, привычку поднимать завѣсу будущаго!

Такимъ образомъ, тихо и неслышно текутъ дни благодушнаго старца, еще недавно удивлявшаго міръ своею распорядительностью. Въ обхожденіи онъ кротокъ и какъ-то задумчиво-сдержанъ; на исправника глядитъ благосклонно, какъ будто говорить: «это еще при мнѣ началось!» съ мировымъ судьей холодно-учтивъ, какъ будто говорить: «по этому предмету я осмѣлился подать такой-то совѣтъ!» Въ одеждѣ своей онъ не придерживается никакихъ формальностей и предпочитаетъ бѣлый цвѣтъ всякому другому, потому что это цвѣтъ угнетенной невинности. Однажды даже онъ отпустилъ себѣ бороду, въ знакъ того, что и ему не чуждо «сокращеніе перениски», но скоро оставилъ эту затѣю, потому что князь Петръ Антонычъ, встрѣтивши его въ этомъ видѣ, сказалъ: «Эге, братъ, да и ты, кажется, въ нигилисты попалъ!» Вообще онъ счастливъ и увѣряетъ всѣхъ и каждого, что никогда такъ не блаженствовалъ, какъ находясь въ отставкѣ.

II.

Каждый день утромъ къ старику пріѣзжаетъ изъ города бывшій правитель его канцеляріи, Павелъ Трофимычъ Кошельковъ, старинный соратникъ и соархистратигъ, вмѣстѣ съ нимъ нѣкогда возжегшій административный свѣтильникъ и съ нимъ же вмѣстѣ погасившій его. Это гость всегда дорогой и всегда желанный; отъ него узнаются всѣ городскія новости и, чтѣ всего важнѣе, онъ же, изо-дня-въ-

день, повѣдываетъ почтенному старцу трогательную повесть подвиговъ и дѣяній того, кто хотя и замѣнилъ незамѣнимаго, но не могъ заставить его забыть.

Утро; старикъ сидитъ за чайнымъ столомъ и кушаетъ чай съ сдобными булками; Анна Ивановна усердно намазываетъ масломъ тартинки, которыя незабвенный проглатываетъ тѣмъ съ болѣею готовностью, что, со времени выхода въ отставку, онъ совершенно утратилъ инстинктъ плотоядности. Но мысль его блуждаетъ индѣ; глаза, обращенные къ окошкамъ, прилежно испытуютъ пространство, не покажется ли вдали нара саврасокъ, влекущая стариннаго друга и собесѣдника. Наконецъ, старецъ оживаетъ, наскоро выпиваетъ остатки молока и бѣжитъ къ дверямъ.

— Ну-съ, что новенькаго?—спрашиваетъ онъ послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій.

— Мостить базарную площадь-съ.

— Какъ? кто?

— Новый-съ.

Извѣстіе это поражаетъ изумленіемъ. Старикъ многое предвидѣлъ, многое предсказалъ; но этого ни предвидѣть, ни предсказать не могъ.

— Признаюсь! — произноситъ онъ не безъ смущенія:— признаюсь!

— Да и мы-таки подивились! — поддакиваетъ Павелъ Трофимычъ.

Не то чтобы идея о замощеніи базарной площади была для старика новостью; нѣтъ, и его воображеніе когда-то плѣнялось ею, но онъ оставилъ эту затѣю (и не безъ сожалѣнія оставилъ!), потому что изъ устныхъ и письменныхъ преданій убѣдился, что до него уже семь губернаторовъ погибли жертвою этой ужасной идеи.

— Но предвидѣлъ ли онъ, этотъ безразсудный молодой человекъ, тѣ непреодолимая трудности, даже опасности, съ которыми связано подобное предпріятіе?

— Сказывали-сь; Яковъ Астафьичъ даже примѣры представляли-сь...

— Ну?

— Остался непреклоненъ-сь.

Начинаются сѣтованія и соболѣзнованія; рассказывается исторія о погибшихъ губернаторахъ, и въ особенности приводится въ примѣръ нѣкоторый Иванъ Петровичъ, который все совершилъ, что смертному совершить доступно, то-есть недоимки собралъ, безпокойныхъ укротилъ, нравственность водворилъ и даже однажды выскъ совсѣмъ неподлежаще одного обывателя, но по вопросу о мостовыхъ сломился, былъ отрѣшенъ отъ должности и умеръ въ отставкѣ, не выслуживъ пенсіона.

— А я такъ вотъ выслужилъ! Мостовыхъ не строилъ, а пенсію выслужилъ!—прибавляетъ благодушный старецъ.

— Раненько, вашество, тяготы-то съ себя снять изволили!—льститъ Павелъ Трофимычъ.

— Я?.. Что жъ?.. Я послужить готовъ!.. Я, мой любезный Павелъ Трофимычъ... Меня этими мостовыми не удивишь! Я не только передъ мостовыми, но даже передъ тротуарами не дрогну! Только надо къ этому предмету осторожно, мой милый... Ой, какъ осторожно надо подступить!

— Что говорить, вашество, съ осторожностью и гору просверлить можно!

— Это такъ. Потому, сегодня стукнешь—ямочка, завтра стукнешь—ань она глубже, послѣзавтра—и еще глубже. Такъ-то, мой любезный!

Въ такихъ разговорахъ незамѣтно летитъ время до обѣда, послѣ чего Кошельковъ отправляется обратно въ городъ за свѣжимъ запасомъ новостей.

На другой день та же обстановка и тотъ же дорогой гость. Оказывается, что «новый» переломалъ въ губернаторскомъ домѣ полы и потолоки.

Старикъ дѣлается серьезенъ, почти строгъ.

— А знаетъ ли онъ, этотъ безразсудный молодой чело-

вѣкъ, — говорить онъ: — что въ этомъ домѣ до него жили тридцать три губернатора, и жили, благодареніе Богу, въ изобиліи!

На третій день Павелъ Трофимычъ повѣствуетъ, что «новый», прибывъ въ нѣкоторое присутственное мѣсто, спросилъ книгу, подложилъ ее подъ себя и затѣмъ, бѣя себя въ грудь, сказалъ предстоявшимъ:

— Я вамъ книга, милостивые государи! Я — книга, и больше никакихъ книгъ вамъ знать не нужно!

Старикъ начинаетъ колебаться. Онъ начинаетъ подозрѣвать, что въ «безразсудномъ молодомъ человѣкѣ» не все сплошь безразсудства, но по временамъ являются и признаки мудрости.

— Дай Богъ! — говорить онъ: — дай Богъ! Но, все-таки, скажу: осторожность, мой любезный! Ой, какъ нужна осторожность!

На четвертый день — опять то же посвященіе; оказывается, что «новый» выбралъ себѣ въ «помпадурши» жену квартальнаго Толоконникова.

Чело старика проясняется; въ головѣ его шевелятся веселыя мысли.

— А что ты думаешь, любезный, — говорить онъ: — вѣдь онъ... тово! вѣдь онъ бабенку-то тово!

— Толоконниковъ ужъ и шинель съ бобрами себѣ построилъ-сь!

— Въ знакъ удовольвенія... это такъ! Я полагаю даже, что онъ его куда-нибудь въ совѣтники... Потому, мой любезный, что это, такъ сказать, общая наша слабость, и... долженъ признаться... пріятнѣйшая, братъ, эта слабость!

— Ужъ чего же, вашество, лучше!

— То-то, любезный другъ, ты пойми! Насчетъ этого нельзя такъ легко говорить! Ужъ на что я къ Аннѣ Ивановнѣ привязанъ, а тоже, бывало, завидишь этакую помпадуршу — чай, помнишь?..

— Какъ не помнить-сь! Только раненько, вашество, тяготы-то эти сбросить съ себя изволили!

— Что жъ, я послужить готовъ!.. А опъ... тово! Опъ, я тебѣ скажу, эту бабенку... Это—вѣрно!

Наконецъ, въ одно прекрасное утро пріѣзжаетъ Павелъ Трофимычъ и смотритъ не то загадочно, не то торжественно.

— Ну-сь, чтò еще напроказили?—спрашиваетъ старикъ по обыкновенію.

— Недомки собираетъ!

— Самъ собираетъ?

— Самъ-сь.

— И сѣчетъ?

— И сѣчетъ-сь! (Кошельковъ, очевидно, вретъ, но дѣлаетъ это въ тѣхъ видахъ, чтобы извѣстіе подѣйствовало на старика какъ можно живительнѣе).

При этомъ извѣстїи съ отставнымъ пачальникомъ совершается нѣчто необыкновенное. Онъ какъ бы впадаетъ въ восторженное забытїе; ему мнится, что онъ куда-то вѣзжаетъ на бѣломъ конѣ, что онъ облаченъ въ свѣтозарныя одежды; что сзади него мирїада исправниковъ, сотскихъ, десятскихъ, а передъ нимъ...

— Даже бабъ сѣчетъ-сь!—окончательно прилгаетъ Павелъ Трофимычъ, видя успѣхъ своей стратегемы.

— Бацъ! бацъ!—ни съ того, ни съ сего, вдругъ восклицаетъ старикъ.—Такъ ты говоришь, и бабъ?

— Точно такъ, вашество, потому что бабы...

— Бацъ! бацъ!

Старикъ быстрыми шагами ходитъ по комнатѣ, дѣлая движеніе рукой сверху внизъ.

— А знаешь ли, чтò я тебѣ скажу!—говоритъ онъ, останавливаясь сразмаху передъ своимъ собесѣдникомъ.

— Чтò, вашество, приказать извоплте?

— Опъ... молодець!

III.

По вечерамъ старецъ пишетъ свои мемуары или, какъ онъ называетъ, «воспоминанія о бывшемъ, небывшемъ и грядущемъ». Онъ занимается этимъ въ величайшемъ секретѣ, такъ что только Анна Ивановна, Павелъ Трофимычъ да я знаемъ, чему посвящаетъ свои досуги бывший глубокомысленный администраторъ.

— Я, мой милый, фрондеръ!—такъ всегда начинается онъ, когда рѣшается прсчитать намъ какой-нибудь отрывокъ изъ своихъ мемуаровъ.— По выраженію старика Державина,—

Я истину царямъ съ улыбкой говорилъ...

Ну, и почтенъ былъ за это въ свое время... А нынче, друзья мои, этого не любятъ! Нынче нашего брата, фрондера, за ушко да на солнышко... за истину-то! Вотъ, когда я умру... тогда отдайте все Каткову! Никому, кромѣ Каткова! Хочу лечь рядомъ съ старикомъ Вигелемъ!

Нѣкоторыя выдержки изъ этихъ мемуаровъ столь любопытны, что я не могу воздержаться, чтобы не подѣлиться ими съ любезнымъ читателемъ. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ благодушный старецъ свое назначеніе въ помпадуръ:

«Въ 18... году, іюля 9-го дня, поздно вечеромъ, сидѣли мы съ Анной Ивановной въ грустномъ уныніи на квартирѣ (жили мы тогда въ приходѣ Пантелеймона, близъ Соляного Городка, на хлѣбахъ у одной почтенной вѣмки, платя за все по 50 рублей на ассигнаціи въ мѣсяць—такова была въ то время дешевизна въ Петербургѣ, но и та, въ сравненіи съ московскою, называлась дороговизною) и громко сѣтовали на неблагоприятность судьбы. Какъ вдругъ раздается у дверей громкій и продолжительный звонокъ, и слышимъ, что къ-то произносится мое имя и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (тогда ужъ я былъ онымъ). Предчувствуя въ судьбѣ своей счастливую

перемѣну, вѣско́ро запахи́ваю ха́латъ, вы́бѣгаю и ви́жу курьера, кото́рый говори́тъ мнѣ: «Ради Христа, ваше пре-восходи́тельство, поско́рѣ поспѣшите къ его сіятельству, ибо васъ сдѣлали помпаду́ромъ!» Забывъ на мину́ту раз-стоя́ніе, раздѣля́вшее меня́ отъ сего́ добра́го вѣстника, и вѣско́лько разъ искренно́ облобыза́лъ его́ и, поручи́въ до́брой сопу́тницѣ́ мое́й жи́зни угости́ть его́ хороши́мъ стака-номъ́ вина́ (съ при́дачею́ красной́ бума́жки), не поѣ́халъ, а ско́рѣ полетѣ́лъ къ кня́зю. И дѣ́йствительно́, бы́лъ принятъ́ отъ его́ сіятельства́ съ отми́ною ласко́ю. Поздра́вивъ меня́ съ высо́кимъ сана́мъ и дозво́ливъ поцѣ́ловать себя́ въ плече́ (при́чемъ я, вслѣ́дствіе́ волне́нія́ чувствъ́, такъ крѣ́пко на-жималъ́ губа́ми, что́ даже́ князь́ это́ замѣ́тилъ), онъ́ сказа́лъ: «Я́ знаю́, стари́къ (я́ и тогда́ уже́ бы́лъ оны́мъ), что́ ты смиренномудре́нъ и преда́нъ, но, гла́вное, объ́ чемъ я́ тебѣ́ про́шу и даже́ прика́зываю,—это́: обрати́ внима́ніе́ на воз-раста́ющіе́ уснѣ́хи вольномы́слия!» Съ тѣ́хъ поръ́ слова́ сіи́ сто́ль глубо́ко запеча́тѣ́лись въ́ моемъ́ серди́цѣ́, что́ я и ны́нѣ́, какъ́ живого́, предста́вляю́ себѣ́ это́го сана́вника, вы-со́каго́ и ста́тнаго́ мужчи́ну, серье́зно и ва́жно предо́стере-га́ющаго́ меня́ проти́въ вольномы́слия! Не́чего́ и говори́ть, въ́ како́мъ я́ вы́шелъ́ отъ кня́зя настро́еніи; до́ждливая́ и до́вольно́ темная́ ночь́ показа́лась мнѣ́ свѣ́тлѣ́е радостна́го́ утра, а Не́вскій́ про́спектъ́, чере́з кото́рый́ при́шло́ мнѣ́ проходить—эде́момъ́, въ́ ко́емъ́ все́ при́гласило́ меня́ къ́ насла́жденію. И дѣ́йствительно́, я́ заше́лъ въ́ кофе́йную́ Амбі́еля (въ́ домѣ́ армя́нской це́ркви) и на́ двугриве́нный́ приоб́рѣ́лъ́ сладки́хъ́ пиро́жковъ́ (тогда́ двугриве́нный сто́илъ въ́ Петербу́ргѣ́ восе́мьдесятъ́ ко́пеекъ на́ ассигна́ціи, въ́ Москвѣ́ же́ цѣ́нность́ его́ до́ходила́ до́ рубля) и раздѣ́лилъ́ ихъ́ съ до́брою́ своею́ подруго́й. На́ друго́й де́нь я́вился́ къ́ намъ́ отку́шникъ́ и предло́жилъ́ свои́ услу́ги. И́ такимъ́ обра-зомъ́ наше́ гру́стное́ уны́ніе́ преврати́лось въ́ веселю́ю и не́винную́ радость. Такъ́ соверши́лся сей́ достопримѣ́татель-нѣ́йшій́ въ́ жи́зни́ мое́й фа́ктъ, ко́его́ подро́бности́ и до́днесъ́

запечатлѣны въ моей памяти. Сначала я былъ назначенъ въ Вятку, потомъ, постепенно возвышаясь, достигъ, наконецъ, Саратова, гдѣ нахожусь и нынѣ, пребывавъ хотя и въ отставкѣ, но съ полнымъ пенсіономъ».

Или вотъ еще эпизодъ, изображающій собственно административную дѣятельность благодушнаго старца:

«Нерѣдко случалось мнѣ слышать отъ постороннихъ людей исторію о томъ, какъ мы съ генераломъ Горячкинымъ ловили червей въ Нерехотскомъ уѣздѣ; но всегда исторія эта передавалась въ извращенномъ видѣ. Дѣло было такъ. Въ 18... году, въ сентябрѣ, будучи уже костромскимъ помпадуромъ, получилъ я отъ исправника донесеніе, что въ Нерехотскомъ уѣздѣ появился необыкновенной величины червякъ, который поѣдаетъ озимь, сію надежду будущаго урожая, и что, несмотря на принятыя полицейскія мѣры, сей червь, какъ бы посмѣиваясь надъ оными, продолжаетъ свое пестребительное дѣло. Дѣлать нечего: какъ ни жаль было расставаться съ доброй спутницей жизни и теплымъ гнѣздомъ, однако отправился. Приѣзжаю на мѣсто, требую, чтобы мнѣ показали образцы зловреднаго насѣкомаго—и что же вижу? Огромной величины травоядное, съ виду точь-въ-точь похожее на солитера! Подивившись, тутъ же составили планъ кампаніи и легли спать. На другой день, едва лишь встало солнце, какъ вдругъ мнѣ докладываютъ, что на границѣ сосѣдней губерніи ожидаетъ меня генераль Горячкинъ, для совокупныхъ дѣйствій по сему же дѣлу, такъ какъ вредный тотъ червь производилъ свои опустошенія и въ смежности. Наскоро умываюсь, выхожу и вижу генерала, гарцующаго на бѣломъ конѣ близъ самой границы, но черезъ оную не переступающаго. Тогда, пригласивъ любезно добраго сосѣдшуку въ свою убогую хижину и заказавъ себѣ уху изъ волжскихъ стерлядей, начали мы толковать о предстоящихъ мѣрахъ. Но какъ ночь была проведена почти безъ сна, по случаю непрерывныхъ трудовъ и совѣщаній, то вскорѣ мы заснули. Каково же было наше

удивленіе, когда, проснувшись, вдругъ узнали, что червь, какъ бы по мановенію волшебства, вдругъ исчезъ! Тогда, поѣвши ухи и настрого наказавъ обывателямъ, дабы они всячески озаботились, чтобы яйца червя остались безъ оплодотворенія, мы разстались: я—въ одну сторону, а ярославскій сосѣдушка мой—въ другую. Такимъ образомъ происходило сіе достопамятное дѣло, стоившее мнѣ немалыхъ трудовъ и безпокойствъ».

Или вотъ, наконецъ, третій и послѣдній отрывокъ:

«Однажды одинъ предсѣдатель, слышій въ обществѣ остроумцемъ (я въ то время служилъ уже симбирскимъ помнадуромъ), сказалъ въ одномъ публичномъ мѣстѣ: «ежели бы я былъ помнадуромъ, то всегда ходилъ бы въ колпакъ!» Узнавъ о семъ черезъ преданныхъ людей и улучивъ удобную минуту, я, въ свою очередь, при многочисленномъ собраніи, сказалъ неосторожному остроумцу (весьма, впрочемъ, заботившемуся о соблюденіи казеннаго интереса): ежели бы я былъ колпакомъ, то, навѣрно, вмѣщалъ бы въ себѣ голову предсѣдателя!» Онъ тотчасъ же понялъ, въ кого направлена стрѣла, и закусилъ языкъ. Но съ тѣхъ поръ уже не повторялъ своей дерзкой замашки, и дружба наша болѣе не прерывалась».

Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что, независимо отъ мемуаровъ, благодушный старикъ имѣетъ и другія, еще болѣе серьезныя занятія, которымъ посвящаетъ вечерніе досуги свои. А именно, онъ пишетъ различныя административныя руководства, порою же разрабатываетъ и посторонніе философическіе вопросы.

Изъ административныхъ его руководствъ мнѣ извѣстны слѣдующія: «Три лекціи о строгости» (планъ сего сочиненія задуманъ и даже отчасти въ исполненіе приведенъ былъ еще во время административной дѣятельности старца, и вступительная (первая) лекція была читана въ полномъ собраніи гг. исправниковъ и городничихъ; но за сіе-то именно и былъ уволенъ нашъ добрый начальникъ отъ долж-

ности!!!): «О необходимости административнаго единогласія, какъ противоядія такому жъ многогласію», «Краткое разсужденіе объ усмиреніяхъ, съ примѣрами», «О скорой губернаторской ѣздѣ на почтовыхъ», «О вредѣ, производимомъ вице-губернаторами», «О способахъ административнаго усмотрѣнія» и, наконецъ, «О благовидной администратора наружности».

Изъ сочиненій философическаго содержанія мнѣ извѣстны слѣдующія: «О солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ и о преимуществѣ первыхъ надъ послѣдними», «Что, ежели бы я жилъ на необитаемомъ островѣ и имѣлъ собесѣдникомъ лишь правителя канцеляріи?» и, наконецъ, третье: «О непримѣтномъ для глазъ теченіи времени».

Мы съ Павломъ Трофимычемъ не разъ приступали къ доброму старику, чтобы позволилъ опубликовать хоть одинъ изъ этихъ трактатовъ, въ которыхъ философическая мудрость до такой степени сплетена съ мудростью житейскою, что невозможно ничего разобрать; но всегда встрѣчали упорный отказъ.

— Нѣтъ, друзья, — отвѣчалъ намъ незабвенный: — вотъ когда я умру — тащите все къ Каткову! Никому, кромѣ Каткова! Хочу лечь рядомъ со старикомъ Вигелемъ!

Тѣмъ не менѣе (несмотря на строгость и горечь этого отказа), я и до сихъ поръ не могу безъ благороднаго умиленія вспомнить о тѣхъ сладостныхъ вечерахъ, которые мы проводили, слушая мастерское и одушевленное чтеніе нашего добраго, хотя и отставнаго начальника. Сидимъ мы, бывало, вчетверомъ: онъ, Анна Ивановна, Павелъ Трофимычъ и я, въ любимой его угловой комнатѣ; въ каминѣ пріятно тлѣютъ дрова; въ сторонѣ, на столѣ шипятъ самоваръ, желтѣетъ только-что сбитое сливочное масло и радуютъ взоры румяныя булки, а онъ звучнымъ, отчетливымъ голосомъ читаетъ:

«Необходимо, чтобы администраторъ имѣлъ наружность благородную. Онъ долженъ быть не тучень и не скаредень, роста быть не огромнаго и не излишне-малаго, долженъ

сохранять пропорціональность въ частяхъ тѣла и лицо имѣть чистое, не обезображенное ни бородавками, ни тѣмъ болѣе злокачественными сыпями. Сверхъ сего, долженъ имѣть мундиръ».

Или:

«Прежде всего замѣчу, что истинный администраторъ никогда не долженъ дѣйствовать иначе, какъ чрезъ посредство мѣропріятій. Всякое его дѣйствіе не есть дѣйствіе, а есть мѣропріятіе. Привѣтливый видъ, благосклонный взглядъ суть такія же мѣры внутренней политики, какъ и экзекуція. Обыватель всегда въ чемъ-нибудь виноватъ»...

— Не хотите ли простокваши съ сахаромъ? — прерветъ, бывало, милая Анна Ивановна, причемъ больше всего имѣетъ въ виду дать доброму старику время передохнуть.

«Обыватель *всегда* въ чемъ-нибудь виноватъ, и потому всегда надлежитъ на порочную его волю воздѣйствовать», — продолжаетъ старикъ, и вдругъ, прекращая чтеніе и отирая наверхнувшіяся на глазахъ слезы (съ нѣкотораго времени, и именно съ выхода въ отставку, онъ пріобрѣлъ такъ-называемый «слезный даръ»), прибавляетъ: — Друзья! отложимте чтеніе до завтра! Сегодня я... взволнованъ!

О, сладкія минуты! о, милыя, гостепріимныя тѣни! гдѣ вы?

IV.

Однако старикъ не утерпѣлъ. Въ одинъ праздничный день стояли мы всѣ въ соборѣ, какъ вдругъ онъ появился среди насъ. Вошелъ онъ безъ помпы, однакожъ и безъ ложной скромности, и направилъ шаги свои къ лѣвому клиросу, такъ какъ у праваго стоялъ «новый». Легкій трепетъ прошелъ по толпѣ. Мы молча любовались пзящюю картиною противопоставленія силъ двухъ административныхъ свѣтилъ, изъ коихъ одно представляло полный жизни восходъ, а другое — прекрасный, тихо потухающій закатъ; но многіе замѣтили, что «новый», при появленіи благодушнаго старца, вздрогнулъ. Вѣроятно, воображенію его, по этому поводу,

представлялись тѣ затрудненія, которыя могли возникнуть во время прикладыванья ко кресту; вѣроятно, онъ опасался, что заматерѣлый старый администраторъ, по прежней привычкѣ, подойдетъ первымъ, и при этой мысли правая нога его уже сдѣлала машинально шагъ впередъ, чтобы отнюдь не допустить столь явнаго умаленія власти. Но тонкій старикъ, появившись столь неожиданно среди насъ, очевидно имѣлъ иныя цѣли, и потому, дабы достигнуть желаемаго безпрепятственно и вмѣстѣ съ тѣмъ не поставить въ затрудненіе преосвященнаго, великодушно разрѣшилъ всѣ сомнѣнія, добровольно удалившись изъ церкви за минуту до окончанія богослуженія.

Оказалось, что цѣлью пріѣзда старика было благо и счастье той самой страны, на пользу которой онъ въ свое время такъ много поревновалъ. Надо сказать правду: въ послѣднее время въ немъ произошелъ значительный нравственный переворотъ; въ особенности же спасительно въ этомъ отношеніи повліяли дѣйствія «новаго» по взысканію недоимокъ (а отчасти и по выбору помпадурши). Легко можетъ быть даже, что въ виду этихъ мѣропріятій нашъ незабвенный рѣшился, не предупредивъ никого, сдѣлать послѣдній шагъ, чтобы окончательно укрѣпить и наставить того, который въ нашемъ интимномъ обществѣ продолжалъ еще слыть подъ именемъ «безразсуднаго молодого человека». И дѣйствительно, немедленно послѣ обѣда, цѣлый городъ былъ свидѣтелемъ, какъ «старый» направился съ визитомъ къ «новому».

Что происходило во время этого свиданія, длившагося слишкомъ два часа, — осталось для всѣхъ тайной. Несомнѣнно, однакожь, что тутъ обсуждался интересъ и мѣропріятія немногимъ легковѣснѣе тѣхъ, о коихъ была рѣчь во время свиданія на границѣ двухъ губерній по случаю избіенія вредоносныхъ червей. Очевидцы, стоявшіе въ это время въ пріемной комнатѣ, утверждаютъ одно: совѣщаніе происходило тихо и на какомъ-то никому невѣдомомъ языкѣ, причемъ восклицанія перемежались вздохами, вздохи же пере-

межались восклицаніями. Сверхъ того, нерѣдко слышались слова: «ваше превосходительство!» Очевидно, что объѣмъ сторонамъ было равно тяжело. Наконецъ, администраторы разомъ вышли изъ кабинета, красные и до крайности взволнованные. Нѣкоторое время они безмолвно стояли, взирая другъ другу въ глаза и пожимая руки; наконецъ, «новый» стремительно обратился къ своему правителю канцеляріи и сказалъ:

— Сейчасъ же, мой любезный, пойдите и скажите, чтобы мостовую базарной площади немедленно прекратили! Прикажете также, чтобы полы и потолки въ губернаторскомъ домѣ настилали попрежнему!

Затѣмъ, взаимно и любезно облобызавшись, оба свѣтила разстались.

Вечеромъ того же дня старикъ былъ счастливъ необыкновенно. Онъ радовался, что ему опять удалось сдѣлать доброе дѣло въ пользу страны, которую онъ привыкъ въ душѣ считать родною, и, въ ознаменованіе этой радости, ѣлъ необыкновенно много. Съ своей стороны, Анна Ивановна не могла не замѣтить этого чрезвычайнаго аппетита, и хотя не была скуна отъ природы, но сказала:

— Ахъ, Nicolas! ты сегодня такъ много кушаешь, что у тебя непременно заболитъ животъ!

На чтò незабвенный отвѣтилъ:

— Другъ мой, не смущай моей радости! Сегодня я убѣдился, что наше дѣло находится въ добрыхъ и надежныхъ рукахъ!

Въ этотъ же вечеръ добрый старикъ прочиталъ намъ нѣсколько отрывковъ изъ вновь написаннаго имъ сочиненія подь названіемъ: «Увѣтъ молодому администратору», въ коихъ меня особенно поразили слѣдующія истинно-вѣщія слова: «Юный! ежели ты думаешь, что наука сія легка— разувѣрься въ томъ! Самонадѣянный! ежели ты мечтаешь все совершить съ помощью одной несбдуманности—оставь

сіи мечты и склони свое неопытное ухо увѣту старости и опытности! Перо сіе, быть-можетъ, въ послѣдній разъ»...

Когда онъ читалъ сіи строки, мы заливались слезами.

Кто могъ думать, что этотъ веселый вечеръ будетъ послѣднимъ проблескомъ нашего счастья!

V.

Вдругъ старикъ началъ хирѣть. Многіе увѣряютъ, что хворость эта началась съ того дня, какъ онъ посѣтилъ «новаго», такъ какъ прямымъ послѣдствіемъ этого посѣщенія была неумѣренность въ пищѣ, вслѣдствіе которой сначала заболѣлъ животъ, а затѣмъ... Но не стану упреждать событій и скажу только, что подобное толкованіе кажется мнѣ поверхностнымъ уже по тому одному, что невозможно допустить, чтобы опытные администраторы лишились жизни вслѣдствіе расстройства желудка. Я объясняю себѣ эту болѣзнь иначе, а именно тѣмъ нравственнымъ переломомъ, о которомъ говорено выше и который произошелъ въ старикѣ въ послѣднее время.

Надо сказать правду: старикъ долго не одобрялъ дѣйствій «новаго». Всѣ эти распоряженія и мѣропріятія (таковы, на примѣръ: замощеніе базарной площади, приказъ о подвязываніи колокольчиковъ при вѣздѣ въ городъ и т. п.), которымъ съ такою неразчетливою горячностью предался на первыхъ порахъ безразсудный молодой человекъ, казались ревнивому старику направленными лично противъ него. Онъ хмурился, нерѣдко ропталъ, и хотя деликатность не позволяла ему стать во главѣ недовольныхъ, тѣмъ не менѣе, никто не могъ сомнѣваться насчетъ его истинныхъ чувствъ. Въ этомъ недовольствѣ уже заключалось извѣстное положеніе, прямое и даже независимое, дававшее отставному администратору право критически относиться къ дѣйствіямъ новой администраціи, право негодовать, упрекать въ неблагодарности и проч. Въ скоромъ времени это грустное право обратилось даже въ привычку и, незамѣтно для сво-

его обладателя, поддерживало и питало его существованіе. Старикъ увидѣлъ себя центромъ, къ которому устремились скентики и недовольные. Испытавъ на себѣ всѣ послѣдствія преждевременной отставки, онъ, какъ древле Коріоланъ, съ горькою веселостью видѣлъ, какъ въ любезномъ ему отечествѣ, на развалинахъ заведеннаго имъ порядка, водворяется анархія, то-есть безначаліе. И ежели бы у него подъ руками были вольски, то онъ, быть-можетъ, не усомнился бы даже прибѣгнуть къ ихъ помощи, лишь бы предписать условіе новому Риму, утопающему въ развратѣ и гордости. Однимъ словомъ, это была своего рода нища, нища не вполнѣ здоровая, но не лишенная извѣстной доли пріятности и возбуждательности. И вдругъ... рухнуло разомъ все это зданіе недовольства, упрековъ, критиканствъ и негодований; вдругъ оказалось, что новый Римъ вовсе не утопаетъ въ развратѣ безначалія и что даже Рима совсѣмъ никакого нѣтъ... Извѣстія слѣдуютъ за извѣстіями съ быстротою молніи, и все извѣстія самыя благонадежныя, самыя благонамѣренныя! Вѣсть объ избраніи помпадурши была первою въ этомъ смыслѣ: съ нея старикъ задумался, и слово «молодецъ» впервые сорвалось съ его языка въ примѣненіи къ «новому». Затѣмъ извѣстіе о сборѣ недоимокъ потрясло еще болѣе; тутъ онъ положительно убѣдился, что «новый» совсѣмъ не тотъ фанфаронъ, какимъ его произвольно созидало его воображеніе, но что это администраторъ дѣйствительный, употребляющій, гдѣ нужно, мѣры кротости, но не пренебрегающій и мѣрами строгости. Наконецъ, великодушная уступка, едѣланная по вопросу о мостовыхъ, dokonчила начатое и поразила старика до того, что онъ тотчасъ же объѣлся, и вотъ въ этомъ (но только въ этомъ!) смыслѣ можетъ быть признано справедливымъ мнѣніе, что неумѣренность въ нищѣ послужила косвенною причиною тѣхъ бѣдственныхъ происшествій, которыя случились впоследствии.

На другой день послѣ описаннаго выше свиданія старецъ еще бродилъ по комватѣ, но уже не снималъ халата. Онъ

особенно охотно бесѣдоваль въ тотъ вечеръ о сокращеніи переписки, доказывая, что всѣ позднѣйшія «катастрофы» ведутъ свое начало изъ этого зловреднаго источника.

— Сокращеніе переписки, — говорилъ онъ, — отняло у администраціи ея жизненные соки. Лишенная радужной одежды, которая, въ теченіе многихъ вѣковъ, скрывала ея формы отъ глазъ нескромной толпы, администрація прибѣгла къ «катастрофамъ», какъ къ послѣднему средству, чтобы опереться. Правда, новая одежда явилась, но она оказалась съ прорѣхами.

— Но неужели же, вашество, нѣтъ средствъ починить ее?—зывали мы съ Павломъ Трофимычемъ.

— Есть-съ; средство это — вырвать корень со всеми его послѣдствіями; но, — прибавилъ онъ, вздохнувши: — для такого подвига нынче слугъ нѣтъ!

— Раненько, вашество, тяготы-то эти съ себя снять изволили!—закнулся-было Павелъ Трофимычъ.

— Что жъ! Я послужить готовъ! — отвѣчалъ онъ и даже пріободрился, но тутъ же почувствовалъ новый припадокъ въ желудкѣ и вышелъ.

Въ этотъ вечеръ онъ даже не писалъ мемуаровъ. Видя его въ такомъ положеніи, мы упросили его прочитатъ еще нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія «О благовидной администратора наружности»; но едва онъ успѣлъ прочесть: «Я зналъ одного тучнаго администратора, который, при томъ, отлично зналъ законы, но успѣха не имѣлъ, потому что отъ тука, во множествѣ скопленнаго въ его внутренностяхъ, задыхался»... какъ почувствовалъ новый припадокъ въ желудкѣ, и уже въ тотъ вечеръ не возвращался.

На слѣдующій день онъ казался нѣсколько бодрѣе, какъ вдругъ пріѣхалъ Павелъ Трофимычъ и сообщилъ, что вчерашняго числа «новый» выскѣкъ на пожарѣ купца (съ горестью я долженъ сказать здѣсь, что эта новость была ложная, выдуманная съ цѣлью потѣшить больного). При этомъ извѣстїи благодущный старецъ вытянулся во весь ростъ.

— Моло... — проговорилъ онъ, и вдругъ ослабѣлъ и упалъ на диванъ.

На третій день онъ лежалъ въ постели и бредилъ. Организмъ его, потрясенный предшествовавшими событіями, очевидно, не могъ вынести послѣдняго удара. Но и въ бреду онъ продолжалъ быть гражданиномъ; онъ поднималъ руки, онъ къ кому-то обращался и молилъ спасти «нашу общую, бѣдную»... Въ рѣдкія минуты, когда воспалительное состояніе утихало, онъ разсуждалъ объ анархіи.

— Пуще всего, друзья, — обращался онъ къ намъ, — опасайтесь анархіи: то-есть, безначалія. Какъ, съ одной стороны, чиновничья и начальствующая есть то естественное основаніе, изъ котораго современемъ прозябнетъ для вкушающаго сладкій плодъ, такъ, съ другой стороны, безначаліе, какъ и самое сіе слово о томъ свидѣлствуетъ, есть не что иное, какъ злобный тукъ, изъ котораго имѣютъ произрасти одни злобные волчцы. Посему, ежели кто вамъ скажетъ: «идемъ и построимъ башню, касающуюся облакъ», то вы того человѣка бойтесь и даже представьте въ полицію; ежели же кто скажетъ: «идемъ, преклонимъ колѣна», то вы, того человѣка облобызавъ, за нимъ послѣдуйте. Небоящіеся чиновъ оными награждены не будутъ; боящемуся же все дастся, и даже...

Въ одну изъ такихъ свѣтлыхъ минутъ доложили, что пріѣхалъ «новый». Старикъ вдругъ вспрыгнулъ и потребовалъ чистаго бѣлья. «Новый» вошелъ, потрясая плечами и гремя саблею. Онъ дружески подаль больному руку, объявляя, что сейчасъ лишь вернулся съ усмиренія, и заявилъ надежду, что здоровье почтеннѣйшаго старца не только поправится, но, съ Божьею помощью, получитъ дальнѣйшее развитіе. Старикъ былъ видимо тронутъ и пожелалъ остаться съ «новымъ» наединѣ.

Что происходило на этой второй и послѣдней конференціи двухъ административныхъ свѣтилъ — осталось тайною. Какъ ни прикладывали мы съ Павломъ Трофимычемъ глаза

и уши къ замочной скважинѣ, но могли разобрать только одно: что старикъ увѣщевалъ «новаго» быть твердымъ и не взирать. На этомъ моментѣ пастъ поймала Анна Ивановна и крѣпко-таки пожурила за нашу нескромность.

Черезъ полчаса «молодой человекъ» вышелъ изъ спальни съ красными отъ слезъ глазами; онъ чувствовалъ, что лишился друга и совѣтника. Что же касается старика, то мы нашли его въ такой степени спокойнымъ, что онъ могъ безъ помѣхъ продолжать свои наставленія объ анархїи.

Увы! на другой день страшная вѣсть поразила весь городъ...

Такъ потухъ этотъ административный свѣточъ, столь долго удивлявшій міръ своею распорядительностью! Такъ закатилось это свѣтло, не успѣвшее совершить и половину предназначаемаго ему круга!

Склонился долу снѣлый гроздїи! склонился подъ бременемъ собственныхъ доблестныхъ подвиговъ и дѣяній! Паль старый безстрашный боецъ! палъ... жертвою сокращенія переписки!

III. — Старая помпадурша.

I.

Ни для кого внезапная отставка стараго помпадура не была такъ обильна горькими послѣдствїями, ни въ чемъ существованїи не оставила она такой пустоты, какъ въ существованїи Надежды Петровны Бламанжé. Квартальные, секретари и другіе подьячіе, въ ожиданїи новаго помпадура, все-таки продолжали именоваться квартальными, секретарями и подьячими; она одна, въ одно мгновенїе и навсегда, утратила и славу, и почести, и величіе... Были минуты, когда ей казалось, что она даже утратила свой полъ.

— Главное, ma chère, несите свой крестъ съ достоин-

ствомъ! — говоритъ пріятельница ея, Ольга Семеновна Проходимцева, которая когда-то черезъ нее пристроила своего мужа куда-то секретаремъ: — не забывайте, что на васъ обращены глаза цѣлаго города!

Надежда Петровна вздрогнула и мысленно сравнивала себя съ Изабеллой Испанскою. Что ей теперь «глаза цѣлаго города»? что въ нихъ, когда она устремлялись на нее лишь для измѣренія глубины ея горести! Утративши своего помпадуръ, она утратила все... даже способность быть патриоткою...

Послѣднія минуты разставанія были особенно тяжелы для нея. По обыкновенію, прощаніе происходило на первой отъ города станціи, куда собрались самые преданные, чтобы проводить въ дальнѣйшій путь добрѣйшаго изъ помпадуровъ. Закусили, выпили, поплакали; секретарь Проходимцевъ даже до того обмочился слезами, что старый помпадуръ только махнулъ рукою и сказалъ:

— Уведите! уведите его... онъ добрый!

Однако Надежда Петровна была сдержанна и даже довольно искусно притворилась веселою. Ее попросили спѣть что-нибудь — она не отказалась; взяла гитару и пропѣла любимую помпадурову пѣсню:

Шли три овѣ...

И только въ ту минуту, когда пришлось выводить:

Ты, Матрена!

Ты, Матрена!

Не подвертывайся!

голосъ ея какъ будто дрогнулъ...

Но когда доложили, что лошади поданы, когда старый помпадуръ началъ укутываться и уже заносилъ руки, чтобы положить въ уши канатъ, Надежда Петровна не выдержала. Она быстро сдернула съ своихъ плечъ пуховую косынку и, обернувъ ею шею помпадуръ, вскрикнула... Отъ этого крика проснулось эхо соседнихъ лѣсовъ.

— Nadine a été sublime d'abnégation! — говорила потомъ одна изъ присутствовавшихъ на проводахъ дамъ. — Представьте себѣ, она всю дорогу ѣхала съ открытой шеей и даже не хотѣла запахнуть салопа.

— Et se cri! — прибавила другая дама: — se cri! Это было какое-то вдохновеніе! Это было просто что-то такое...

Какъ бы то ни было, но старый помпадуръ уѣхалъ, до такой степени уѣхалъ, что самый слѣдъ его экипажа въ ту же ночь занесло снѣгомъ. Надежда Петровна съ ужасомъ помышляла о томъ, что ее съ завтрашняго же дня начнутъ называть «старой помпадуршей».

Ничто такъ болѣзненно не дѣйствуетъ на впечатлительныя души, какъ перемены и утраты. Бываетъ, что даже просто стулъ вынесутъ изъ комнаты, и то ищешь глазами, чувствуешь, что чего-то недостаетъ; представьте же себѣ, какое нравственное потрясеніе должно было произойти во всемъ организмѣ Надежды Петровны, когда она убѣдилась что у нея вынесли изъ квартиры цѣлаго помпадура! Долгое время она не могла освоиться съ этою мыслью; долгое время ее какъ будто подманивало и подмывало. Руки ея машинально поднимались, чтобъ ущипнуть или потрепать кого-то по щекамъ; голова и весь корпусъ томно склонялись, чтобъ отдохнуть на чьей-то груди. Въ ушахъ явственно раздавался чей-то голосъ; талія вздрагивала отъ мнимаго прикосновенія чьей-то руки; грудь волновалась и трепетала; губы полукривались, дыханіе становилось прерывистымъ и жгло. Однимъ словомъ, въ ней какъ будто самъ собой еще совершался тотъ процессъ вчерашней жизни, когда счастье полнымъ ключомъ било въ ея жилы, когда не было ни одного дыханія, которое не интересовалось бы ею, не удивлялось бы ей, когда вокругъ нея толпились необозримыя стада робкихъ поклонниковъ, когда она, чтобъ сдерживать ихъ почтительныя представленія и заявленія, была вынуждаема съ томнымъ самоотверженіемъ говорить: «Нѣтъ, вы объ этомъ не думайте! Это все не

мое! Это все и на вѣкъ принадлежит моему милому помпадуру!..»

— Душенька, не мучь ты себя! Утри свои глазки! — успокаивал Надежду Петровну мужъ ея, надворный советникъ Бламанжé, стоя передъ ней на колѣняхъ. — Повѣрь, такія испытанія никогда безъ цѣли не посылаются! Современемъ...

— Что «современемъ»? Ужъ не вы ли думаете замѣнить мнѣ *его*? — съ негодованіемъ прервала его Надежда Петровна.

— Другъ мой! голубчикъ! полно! куда мнѣ! Я говорю: современемъ...

— Отстаньте! вы мерзки!

Бламанжé удалялся въ другую комнату и оттуда робко вслушивался, какъ вздыхала Надежда Петровна.

Бламанжé былъ малый кроткій и несъ названіе «помпадуришна мужа» безъ нахальства и безъ особенной развязности, а такъ только, какъ будто былъ имъ чрезвычайно обрадованъ. Онъ успѣлъ снискать себѣ всеобщее уваженіе въ городѣ тѣмъ, что не задиралъ носа и не гордился. Другой на его мѣстѣ непременно сталъ бы и обрывать, и козырять, и финты-фанты выкидывать; онъ же не только ничего не выкидывалъ, но постоянно велъ себя такъ, какъ бы его поздравляли съ праздникомъ.

— Какъ здоровье Надежды Петровны? — спрашивали его знакомые, встрѣтившись на улицѣ.

— Благодарю васъ, — отвѣчалъ онъ любезно: — въ ту минуту, какъ я оставилъ ее, у нея сидѣлъ...

И потомъ, вдругъ скорчивъ таинственную мину, онъ прибавлялъ своему собесѣднику на ухо:

— Опять повздорили! — или: — опять помирились! — смотря по тому, было ли извѣстно собесѣднику, что передъ этимъ между помпадурами произошла любовная размолвка или любовное соглашеніе.

Обыватели не только цѣнили такую ровность характера,

но даже усматривали въ ней признаки доблести; да и вельзя было не цѣнить, потому что у всѣхъ былъ еще въ свѣжей памяти мужъ предшествовавшей помпадурши, корнетъ Отлетаевъ, который не только разбивалъ по ночамъ винные погреба, но однажды голый и съ штандартомъ въ рукахъ проскакалъ верхомъ черезъ весь городъ.

Поэтому, когда уѣхалъ старый помпадуръ, Бламанжé огорчился этимъ едва ли не болѣе, нежели сама Надежда Петровна. Онъ чувствовалъ, что и въ его существованіи образовался какой-то пропускъ; что ему хочется кому-то поклониться — и поклониться некому; хочется въ-время уйти изъ квартиры — и уйти не для чего; хочется сказать: «какъ прикажете?» — и сказать нѣтъ повода. Просто, но стало резона производить тѣ дѣйствія, говорить тѣ рѣчи, которыя производились и говорились въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду и совокупность которыхъ сама собою составляла такую естественную и со всѣхъ сторонъ защищенную обстановку, что и жилось въ ней какъ-то уютнѣе, и спалось словно мягче и безмятежнѣе.

Съ своей стороны, и Надежда Петровна, за все время своего помпадурствованія, вела себя до такой степени умно и осторожно, что не только не повредила себѣ во мнѣніи общества, но даже значительно выиграла. Правда, она гордилась своимъ положеніемъ, но гордилась только въ томъ смыслѣ, что она по совѣсти выполняетъ ту роль благодѣтельной феи, которая выпала на ея долю по волѣ судьбы. Ни одинъ подьячій не уходилъ отъ нея безъ утѣшенія, ни одинъ частный приставъ не миновалъ того, чтобъ не придти въ восторгъ отъ ея ласковаго обращенія.

— Вотъ ужъ именно можно сказать: мухъ зла не сдѣлала! — восклицали хоромъ эти ревностные исполнители начальственныхъ предначертаній.

Всякому она какъ будто говорила: «посмотри, какая я мягкая, славная, сочная, добрая! И какъ долженъ быть счастливъ со мною твой начальник!» Всякому она сумѣла

сдѣлать что-нибудь пріятное. У одного крестила дочь или сына, у другого была посаженою матерью; у бесплодныхъ ѣла пироги. Не сердилась даже, когда у нея цѣловали ручки и заводили при этомъ расслабляющій чувства разговоръ. Она сама не прочь была повратъ; по всякій разъ, когда вранье начинало принимать двусмысленный оборотъ, она, безъ всякой, впрочемъ, стронтивости, прерывала разговоръ словами: «Нѣтъ! объ этомъ вы, пожалуйста, ужъ забудьте! Это не мое! Это все принадлежитъ моему милому помпадуру!» Однимъ словомъ, стояла на стражѣ помпаду-рова добра.

Очень понятно, что обыватели и это сумѣли оцѣнить по достоинству. Вспоминали прежнихъ помпадуршъ, какія онѣ были халды и притязательныя, какъ наушничали, сплетничали и даже истязали; какъ онѣ увольняли и опредѣляли, какъ отягощали налогами и экзекуціями... Передавали другъ другу рассказы о корнетшѣ Отлетаевой, которая однажды въ своего помпадура апельсиномъ на званомъ обѣдѣ пустила, и даже не извинилась потомъ,—и, сравнивая этотъ порывистый образъ дѣйствія съ благосклонно-мягкими, почти неслышными движеніями Надежды Петровны, всѣ въ одинъ голосъ вопіяли:

— Мухи не обидѣла! Самому послѣдному приказному— и тому не сдѣлала зла!

Однимъ словомъ, по мѣрѣ того, какъ она утѣшала своего помпадура, общественное уваженіе къ ней возрастало все больше и больше. Поэтому выходъ ея изъ помпадуршъ былъ не только сносный, но даже блестящій. Обыкновенно бываетъ, что старую помпадуршу немедленно же начинаютъ рвать на куски, т.-е. начинаютъ не узнавать ея, дѣлать въ ея присутствіи нѣкоторыя несомвѣстныя тѣло-движенія, называть «душенькой», подсылать къ ней извозчиковъ; тутъ же, напротивъ, все обошлось какъ нельзя приличнѣе. Цѣлый городъ понялъ великость понесенной ею потери, и когда нѣкоторый остроумецъ, увидѣвъ на дру-

гой день Надежду Петровну, одѣтую съ ногъ до головы въ черное, стоящую въ церкви на колѣняхъ и сдержанно, но пламенно молящуюся, вздумалъ-было сдѣлать рукой какой-то вольный жестъ, то все общество протестовало противъ этого постушка тѣмъ, что тотчасъ же послѣ обѣдни отправилось къ ней съ визитомъ.

— *Jamais, au grand jamais! même dans ses plus beaux jours, elle n'a été fêtée de la sorte!* — говорила статская совѣтница Глумова, вспоминая объ этомъ торжествѣ невинности.

— Просто даже какъ будто она не Бламанжé, а какая-нибудь принцесса! — прибавлялъ отъ себя дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ.

Даже кучера долгое время вспоминали, какъ господа ѣздили «Бламанжейшино горе утотлять» — такъ великъ былъ въ этотъ день съѣздъ экинажей передъ ея домомъ.

— Вы, пожалуйста, душечка, къ намъ попржему! — убождала Надежду Петровну предводительша Веденѣва.

— Вы знаете, какъ мы были привязаны къ тому, что для васъ такъ дорого! — прибавляла госпожа Прохвостова.

— Вы знаете, какъ мы цѣнимъ, какъ мы понимаемъ! — перебивала статская совѣтница Глумова.

— *Mais venez donc diner, chère... sans cérémonies!* — благосклонно упрашивала дѣйствительная статская совѣтница Балбесова.

— И чѣмъ чаще-сь, тѣмъ лучше-сь! — присовокуплялъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ, поглядывая на помпадуршу масляными глазами. — Горе вамъ, Надежда Петровна, большое-сь; но, смѣю думать, не безъ надежды на уврачеваніе-сь.

Не мало способствовало такому благополучному исходу еще и то, что старый помпадуръ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые зажигаютъ неугасимые огни въ благодарныхъ сердцахъ обывателей тѣмъ, что принимаютъ по табельнымъ днямъ, не манкируютъ званыхъ обѣдовъ и вечеровъ

и съ ангельскимъ терпѣніемъ подписываютъ подаваемыя имъ бумаги. Припоминали, какъ предшествовавшіе помпадуръ швыряли и даже топтали ногами бумаги, какъ они слонялись по городу, съ пѣной у рта, какъ хлопали квартальныхъ по животу, прибавляя: «что, много тутъ погребено всякихъ курочекъ да поросяточекъ!» какъ невѣжничали на званныхъ обѣдахъ... и не могли не удивляться кротости и обходительности новаго (увы! теперь уже отставного!) помпадуръ. А такъ какъ и онъ, по началу, оказывалъ нѣкоторыя топтательныя поползновенія, и однажды даже, разсердившись на городническое правленіе, приказалъ всѣмъ членамъ его умереть, то не безъ основанія догадывались, что перемѣна, въ немъ совершившаяся, произошла единственно благодаря благодѣтельному вліянію Надежды Петровны.

— Нѣтъ, вы подумайте, сколько надо было самоотверженія, чтобы укротить такого звѣря!—говорили одни.

— Вѣдь она, можно сказать, всякую его выходку на своемъ тѣлѣ приняла!—утверждали другіе.

— Да-съ, это искусство не маленькое! Быть ввержену въ одну кѣтку съ звѣремъ—и не проштрафиться!—прибавляли третьи.

И такимъ образомъ, и старый помпадуръ, и сама Надежда Петровна, и даже надворный совѣтникъ Бламапжэ—все дѣйствовало за-одно, все способствовало, чтобы привязать къ ней сердца обывателей. Такъ что когда старый помпадуръ уѣхалъ, то она очутилась совсѣмъ не въ томъ должномъ положеніи, какое обыкновенно становится удѣломъ всѣхъ вообще уволенныхъ отъ должности помпадуровъ, а просто явилась интересною жертвою жестокой административной необходимости. Одно только казалось ей страннымъ: что въ ея существованіи вдругъ какъ будто нѣкто провелъ черту и сказалъ при этомъ: «отнынѣ быть тебѣ, попрежнему, дѣвицей!»

Однако, какъ ни велика была всеобщая симпатія, На-

дежда Петровна не могла не припоминать. Прошедшее вставало передъ нею, осязательное, живое и ясное; оно шло за ней по пятамъ, жгло ея щеки, тѣснило грудь, закипало въ крови. Она не могла взглянуть на себя въ зеркало безъ того, чтобы вездѣ... вездѣ не увидѣть слѣдовъ стараго помпадуря!

— Противный ты, помпадурушка, нашалилъ и уфхаль!— говорила она, томно опускаясь на кушетку, а слезы такъ и сыпались крупными алмазами на пылающія щеки.

Надворный совѣтникъ Бламанжé обыкновенно ловилъ такія минуты налету и неслышно, словно у него были бархатныя ноги, подползалъ къ кушеткѣ.

— Другъ мой, — начиналъ онъ: — Богъ милостивъ! Со-временемъ...

— Отстаньте! вы мнѣ мерзки! Все противно, все мерзко, все отвратительно!— кричала она на него и нерѣдко даже разбивала при этомъ какую-нибудь бездѣлицу.

Прежде всего ей припоминались первые, медовые дни ихъ знакомства. Что она плѣнила его—въ томъ ничего не было удивительнаго. Это была одна изъ тѣхъ роскошныхъ женщинъ, мимо которыхъ ни одинъ человѣкъ, на заставахъ команду имѣющій, не можетъ пройти безъ содроганія. Въ особенности же раздражительно дѣйствовала ея походка, и когда она, неся поясницу на отлетѣ, не шла, а словно устремлялась по улицѣ, то помпадуръ, самъ того не замѣчая, начиналъ подирыгивать. Многіе пробовали устоять противъ одуряющаго дѣйствія этой походки, но не устоялъ никто. Однажды окружной акцизный даже пари подержалъ, что устоитъ, но какъ только поровнялся съ очаровательницей, то вдругъ до такой степени взвизгнулъ, что жившій неподалеку мѣщанинъ Полотебновъ сказалъ женѣ: «а что, Мариша, никакъ въ лѣсу заяцъ пѣсню запѣлъ!» Въ этомъ положеніи засталъ его старый помпадуръ.

— Вы, государь мой, въ такихъ лѣтахъ, что можете

кажется, сами понимать, что визжать на улицѣ неприлично!—сказаль онъ ему строго.

Но акцизный даже не извинился, а продолжалъ лопотать языкомъ что-то непонятное и указываль рукой на удаляющуюся Надежду Петровну.

Съ тѣхъ поръ все пошло у нихъ какъ по маслу.

Помпадуръ началъ съ того, что обласкаль надворнаго совѣтника Бламанжé. Потомъ сталъ непрерывно прохаживаться подь окнами дома, въ которомъ жила Надежда Петровна, и напѣвать: «Jeune fille aux yeux noirs». Напѣваль онъ этотъ романсъ то грустнымъ фальцетомъ, то подражая звуку трубы, причемъ фальшивиль неупустительно. Весь городъ замѣтилъ нелѣпное помпадурово шатанье и съ тревожнымъ волненіемъ ожидалъ, чѣмъ оно кончится. Надежда Петровна тоже что-то предчувствовала и, завидѣвъ изъ окна влюбленнаго помпадура, смѣялась тѣмъ тихимъ, счастливымъ смѣхомъ, какимъ смѣются маленькія дѣти, когда у нихъ слегка пощекотять животикъ. Наконецъ, въ этомъ дѣлѣ приняла участіе Ольга Семеновна Проходимцева...

Провинція на этотъ счетъ очень услужлива. Когда замѣтитъ, что помпадуръ на охотѣ, то сейчасъ же со всѣхъ сторонъ такъ и посыплются на него всякія благодатныя случайности: и нечаянныя прогулки въ загородномъ саду, и нечаянныя встрѣчи въ домѣ какой-нибудь гостепріимной хозяйки, и нечаянныя столкновенія за кулисами во время благороднаго спектакля. Однимъ словомъ, нѣтъ такого живого дыханія, которое не подѣйствовало бы какимъ-нибудь омерзительнымъ движеніемъ успѣху сего омерзительнаго предиріятія.

Такъ было и тутъ. Помпадуръ встрѣчался съ Надеждой Петровной у Проходимцевой, и встрѣчался всегда случайно. Сначала онъ все пѣль: «Jeune fille aux yeux noirs», и объясняль, что музыка этого романса была любимымъ церемоніальнымъ маршемъ въ его полку. Иногда, впро-

чемъ, для перемѣны, принимался разсматривать лежавшія на столѣ картинки и бормоталъ себѣ, по-дурачки, подь нось:

— Неприступная!

— Про кого вы тамъ еще шепчете? — спрашивала его Надежда Петровна.

— Небожительница!

О, ежели бы у него былъ хвостъ, она навѣрное увидѣла бы, какъ онъ вилялъ имъ въ это время!

Долго, однакожь, она не поддавалась обаянію его любезности; по временамъ случалось даже такъ, что онъ затянеть:

— Des chevaliers ainsi m'ont exprimé leur flamme...

А она въ отвѣтъ:

— Et moi, j'ai refusé l'offre des chevaliers...

И съ такой усмѣшкой посмотреть на него, что онъ вдругъ, словно обожженный, перемѣнить матерію и затянеть: «T'en souviens-tu?»

— Чтò это вы вдругъ какую похоронную? — спросить Ольга Семеновна.

— Чтò жь дѣлать-съ! Вотъ Надеждѣ Петровнѣ не имѣемъ счастья нравиться! — отвѣтитъ онъ и какъ-то такъ уморительно надуеъ губы, что Надеждѣ Петровнѣ такъ вотъ и хочется попробовать, какой онъ издадутъ звукъ, если нечаянно хлопнуть по нимъ пальчикомъ.

Но такъ какъ никто своей судьбы не избѣжить, то и для нихъ настала рѣшительная минута.

Однажды — это было осеннимъ вечеромъ — помпадуръ, по обыкновенію, пришелъ къ Проходимцевой и, по обыкновенію же, засталъ тамъ Надежду Петровну. Въ этотъ разъ нервы у нея были какъ-то особенно впечатлительны.

— Jeune fille aux yeux noirs! tu règues sur mon âme!

— затанулъ помпадуръ. Надежда Петровна вполголоса ему вторила:

— Et moi, j'ai refusé...

— Ахъ, нѣтъ! ахъ, нѣтъ! не пойте этого! не смѣйте пѣть!— какъ-то нервночески вскрикнула Надежда Петровна, какъ будто хотѣла заплакать.

— Вы... ты...

Сердца ихъ зажглись.

Вспоминала объ этомъ Надежда Петровна въ теперешнемъ своемъ уединеніи,—вспоминала, какъ послѣ этого она пріѣхала домой, безъ всякой причины бѣгала и кружилась по комнатамъ, какъ Бламанжé ползаль по полу и цѣловаль ея руки; вспоминала... и сердце ея вотще зажигалось, и по щекамъ текли горькія-горькія слезы...

— Какой онъ, однакожь, тогда глупенькій былъ!—говорила она:—и какъ онъ смѣшно глазами вертѣлъ! какъ онъ старался рулады выдѣлывать, какъ будто я и безъ того не понимала, къ чему эти рулады клонятся!

Отъ одного воспоминанія мысль ея невольно переходила къ другому.

Однажды у Проходимцевой состоялись живыя картины. Были только *свои*. Онъ представлялъ Іакова, она—Рахиль. Она держала въ рукахъ наклоненную амфору; складки ея туники спускались на груди и какъ-то случайно разстроились... Онъ протягиваль губы («и какъ онъ уморительно ихъ протягиваль... глупушка мой!»—думалось ей).

— Эхъ, Надежда Петровна! кабы вы меня такимъ манеромъ попоили! — сказалъ ей тогда дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ; но она сдѣлала видъ, что не слышитъ, и даже не пожаловалась *ему*.

Почему она не пожаловалась? А потому, что онъ однажды сказалъ ей:

— Ты, Наденька, если будутъ къ тебѣ приставать, только скажи! Я сейчасъ его на телѣжку—и фюнь!

Она же не только не добивалась ничего подобнаго, но желала одного: чтобы всѣ на нее смотрѣли и радовались.

Потомъ, однажды — было ужъ очень-очень поздно — *онъ* расшалился и вдругъ сказалъ ей:

— Наденька! какое, однакожь, у тебя тѣло: такъ и таесть!

Потомъ... они были однажды въ командировкѣ... *онъ* — по дѣламъ, она — случайно... Ихъ пригласилъ предводитель обѣдать... Весѣдка... садъ... поетъ соловей... вдали ходитъ писемоводитель и курить сигару.

Все это такъ и металось въ глаза, такъ и вставало передъ ней какъ живое! И что всего важнѣе, — по мѣрѣ того, какъ она утѣшала своего друга, уваженіе къ ней все болѣе и болѣе возрастало! Никто даже не завидовалъ! Все знали, что это такъ и есть, такъ и быть должно... А теперь? Что она такое теперь? *Старая* помпадурша! Развѣ это положеніе? развѣ это пость?

— Ахъ, гдѣ-то онъ теперь, глузушка мой?!

Надежда Петровна томилась и изнывала. Она видѣла, что общество благосклонно къ ней попрежнему, что и квартальные нимадо не утратили своей предупредительности; но это ее не радовало и даже какъ будто огорчало. Всякій новый зовъ на обѣдъ или вечеръ напоминалъ ей о прошедшемъ, когда приглашенія приходили естественно, а не изъ сожалѣнія или какой-то искусственно-вызванной благосклонности. Правда, у нея былъ другъ — Ольга Семеновна Проходимцева...

Съ этимъ другомъ она заширалась одинъ-на-одинъ и вспоминала. Она даже сама удивлялась, какой неисчерпаемый источникъ подробностей открывался передъ нею всякій разъ, какъ она принималась припоминать.

— Вотъ какой этотъ помпадурушка глупенькій! Сколько онъ нашалилъ! — говорила она Ольгѣ Семеновнѣ, и вновь отыскивала какую-нибудь еще перазказанную подробность и повѣствовала о ней своему другу.

Отъ остальныхъ знакомыхъ она почти отказалась, а дѣйствительному статскому совѣтнику Балбесову даже напрямки

сказала, чтобы онъ и не думалъ, и что хотя помпадуръ уѣхалъ, но она попрежнему принадлежитъ одному *ему*, или, лучше сказать, благодарному воспоминанію о *немъ*. Это до такой степени ожесточило Балбесова, что онъ прозвалъ Надежду Петровну «ходячею панихидой по помпадуру»; но и за всеѣмъ тѣмъ успѣха не имѣлъ.

— Вѣдь вотъ, сударь, какое этому помпадуру счастье,— говорилъ онъ:— вѣдь, кажется, только и хорошаго въ немъ было, что на обезьяну похожъ, а такую привязанность къ себѣ внушилъ!

Большую часть времени она сидѣла передъ портретомъ стараго помпадура и все вспоминала, все вспоминала. Случалось иногда, что люди, особенно преданные, успѣвали такъ проникать въ ея уединеніе и уговаривали ее принять участіе въ какомъ-нибудь увеселеніи. Но она на все эти уговоры отвѣчала презрительной улыбкой. Наконецъ, это сочтено было даже опаснымъ. Попробовали призвать на совѣтъ надворнаго совѣтника Бламанжé и заставили его еще разъ стать передъ ней на колѣни.

— Голубчикъ! не отъ себя, а отъ имени цѣлаго общества...— умолялъ злосчастный Бламанжé, ползая по полу.

— Вы съ ума сошли! Вы, кажется, забыли, *кто* меня любилъ!— отвѣчала она, величественно указывая на портретъ стараго помпадура.

А помпадуръ, словно живой, выглядывалъ изъ рамокъ и, казалось, одобрялъ ея рѣшеніе.

И вотъ, однажды утромъ, Надежда Петровна едва успѣла встать съ постельки, какъ увидала, что на улицѣ происходитъ какое-то необыкновенное смятеніе. Какъ ни поглощена была ея мысль воспоминаніями пролаго, но сердце ся невольно вздрогнуло и заколотилось въ груди.

— Поздравляю, душенька! новый помпадуръ пріѣхалъ!— весело сказалъ вошедшій въ это время надворный совѣтникъ Бламанжé.

II.

Между тѣмъ уваженіе къ Надеждѣ Петровнѣ все росло и росло. Купцы открыто говорили, что «если бы не она, наша матушка, она бы, какъ святъ Богъ, и насъ всѣхъ, да и прахъ-то нашъ по вѣтру развѣялъ!» Дворяне и чиновники выводили ее чуть не по прямой линіи отъ князя Олега. Полиціймейстеръ настолько встревожился этими слухами, что, несмотря на то, что былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ единственно Надеждѣ Петровнѣ, счелъ долгомъ доложить о нихъ новому помпадуръ.

— Скажите бабѣ, чтобы она унялась, а не то... фюнтъ!— отвѣчалъ новый помпадуръ и какъ-то самонадѣянно-лихо щелкнулъ при этомъ пальцами.

Новый помпадуръ былъ малый молодой и совсѣмъ отчаянный. Онъ не зналъ ни наукъ, ни искусствъ и до такой степени мало уважалъ такъ-называемыхъ идеологовъ, что даже изъ Поль-де-Кока и прочихъ классиковъ прочиталъ только избравшія мѣста. Любимѣйшія его выраженія были: «фюнтъ!» и «куда Макарь телятъ не гонялъ!»

Тѣмъ не менѣе, когда онъ объѣхалъ мѣстную интеллигенцію, то, несмотря на свою безнадежность, понялъ, что Надежда Петровна составляетъ своего рода силу, съ которою не считается было бы неблагоразумно.

— Повѣрьте, mon cher, — открывался онъ одному изъ своихъ приближенныхъ:—эта Бламанжэ... это своего рода московская пресса! Столь же податлива... и столь же тверда. Но что она, во всякомъ случаѣ, волнуетъ общественное мнѣніе—это такъ же вѣрно, какъ дважды-два!

Но чтò всего болѣе волновало его, такъ это то, что онъ еще ничѣмъ не успѣлъ провиниться, какъ уже встрѣтилъ противодѣйствіе.

— Помилуйте! я пріѣхалъ сюда... и, кромѣ открытаго сердца... клянусь Богомъ, ничего! — говорилъ онъ. — И что жь!.. на первыхъ же порахъ...

Однако, мало-по-малу любопытство взяло верхъ, и однажды, когда полиціимейстеръ явился утромъ, по обыкновенію, то новый помпадуръ не выдержалъ.

— А что... эта старая... какова?—спросилъ онъ.

— Птичка-съ!

— Гм!.. вы понимаете... я... Но...

— Точно такъ-съ.

— Ну, да!

У полиціимейстера сперло въ зобу дыханіе отъ радости. Онъ прежде всего былъ человѣкъ доброжелательный и не могъ не болѣть сердцемъ при видѣ какихъ бы то ни было междоусобій и неустройствъ. Поэтому онъ немедленно отъ помпадура поскакалъ къ Надеждѣ Петровнѣ и засталъ ее сидящею въ уныніи передъ портретомъ стараго помпадура. У ногъ ея ползалъ Бламанжé.

— Гдѣ-то ты теперь, глупунка?! Нашалилъ—и уѣхалъ!—разсуждала она сама съ собою.

Однако, когда въ передней послышалось звяканье полицейской шпаги, она не могла не вздрогнуть. Такъ вздрагиваетъ старый боевой конь, заслышавъ призывный звукъ трубы. Надо сказать, впрочемъ, что къ Надеждѣ Петровнѣ всякій и во всякое время могъ входить безъ доклада и требовать себѣ водки и закусь.

— Принеси ты мнѣ, Семень, этой рыбки — знаешь? — скомандовалъ полиціимейстеръ въ передней. — А вы, Надежда Петровна, все еще въ слезахъ! Матушка! голубушка! да что жъ это такое?—продолжалъ онъ, входя въ комнату. — Ну, поплакали, ну, и будетъ! Глазки-то, глазки-то зачѣмъ же портить?

— Да-съ, вотъ не могу убѣдить!—вступился Бламанжé.

— До тѣхъ поръ, покуда...—сказала Надежда Петровна, и голосъ ея оборвался.

— Ну, да, есть резонъ, а вы бы, сударыня, и объ насъ, грѣшныхъ, тоже подумали!

— Чтò жъ я могу сдѣлать! теперь моя роль...

Надежда Петровна поникла головой.

— А я вот что вам доложу, сударыня, — настойчиво продолжалъ полиціймейстеръ:— вмѣсто того, чтобы передъ этимъ, прости Господи, идиломъ унывать, вамъ бы, сударыня, бразды-съ... вотъ что, сударыня!

Но Надежда Петровна попрежнему смотрѣла въ упоръ на стараго помпадуря.

— Я, сударыня, еще сегодня имѣлъ счастье докладывать...
Полиціймейстеръ вздохнулъ.

— Что же?—вступился Бламанжé.

— А что жъ, говорятъ, коли они хотятъ проидоводѣйствовать, такъ и пускай!.. Нехорошо это, Надежда Петровна! Богъ съ васъ за это спроситъ! Такъ-то-съ!

Но она все молчала и, казалось, въ глазахъ смотрящаго на нее помпадуря почерпала все бôльшую и бôльшую душевную твердость.

«Нашалилъ—и уѣхалъ!»—думалось ей.

— Вотъ то-то оно и есть-съ!—продолжалъ полиціймейстеръ, какъ бы предвосхищая ея мысль. — Они-то уѣхали, а мы вотъ тутъ отдувайся-съ!

— Я постоянно ей это твержу, — оправдывался Бламанжé:—и не я одинъ—все общество!

Но Надежда Петровна уже не слушала болѣе. Она вскочила съ мѣста и, какъ раненая тигрица, устремилась на полиціймейстера.

— Такъ вы забыли, кто меня любилъ?—вскрикнула она на него.—А я... я помню, я все помню!

И съ этимъ словомъ она величественно удалилась изъ комнаты.

Попытки, однако, этимъ не ограничились. Чаще и чаще начали навѣщать Надежду Петровну городскія дамы, и всякая непременно заводила рѣчь о новомъ помпадурѣ. Нѣкоторые говорили даже, что онъ начинаетъ приударять.

— Какъ жаль, что около него нѣтъ... vous savez?—прибавляла при этомъ какая-нибудь сердобольная дамочка.

— Нѣтъ, не знаю!—отвѣчала Надежда Петровна съ изумительнымъ равнодушіемъ.

— Ну, этого... какъ это лучше выразить... руководящаго...

— А!

Наступила эпоха обѣдовъ и баловъ. Надежда Петровна все крѣпилась и не спускала глазъ съ портрета стараго помпадуря. Въ городѣ стали разсказывать другъ другу по секрету, что она надѣла на себя вериги.

— Mais, enfin, cela commence à devenir ridicule, ma chère!—говорили ей подруги, приглашая принять участіе въ общественныхъ торжествахъ.

— Вы не знаете, mesdames, кто меня любилъ, — былъ ея обыкновенный отвѣтъ на эти приставанья: — а я... я знаю! О! я очень, очень много знаю!

— Все это такъ... c'est sublime, il n'y a rien à dire! но все же... всему есть, наконецъ, мѣра!

— Вотъ такъ-то я съ ней каждый Божій день бьюсь!—вступался при этомъ надворный совѣтникъ Бламанжэ, который въ послѣднее время истаялъ какъ свѣчка.

Въ сущности, однакожъ, сердце ея мало-по-малу подавалось. Она начинала уже анализировать фізіономію стараго помпадуря и находила, что у него носъ...

— Ахъ, ma chère, посмотрите, какой у него уморительный носъ!—говорила опа Ольгѣ Семеновнѣ.

— Я удивляюсь, какъ вы прежде этого не замѣтили,—отвѣчала госпожа Проходимцева, которая и съ своей стороны употребляла всѣ усилія, чтобы заставить Надежду Петровну позабыть о прошедшемъ.—Да и губы-то не больно мудрящія.

И вотъ, однажды, она ряскнула даже взглянуть въ окошко... О, ужасъ! она увидѣла новаго помпадуря, который шелъ по улицѣ, мурлыкая себѣ подъ носъ:

L'amour—qu'est que c'est que ça, mamselle?

L'amour—qu'est que c'est que ça?

Онъ былъ такъ хорошъ, что она невольно заглядѣлась. Брюнетъ, небольшого роста, но чрезвычайно пропорціонально сложенный, онъ, казалось, былъ созданъ для того, чтобы повелѣвать и очаровывать. На лѣвой щекѣ его была брошена небольшая бородавка (она все замѣтила!), а надъ губой прихотливо вился темный усъ, который онъ по временамъ прикусывалъ. Красота его была совсѣмъ другого рода, нежели красота стараго помпадура. У того и носъ, и губы были такіе мягкіе, такіе уморительные, что такъ и позывало какъ-нибудь ихъ скомкать, смять, а потомъ, пожалуй, и поцѣловать. Но не за красоту поцѣловать, а именно за уморительность. У этого, напротивъ, все было крѣпко, все говорило о неуклонности, неупустительности и натискѣ.

Но вотъ онъ приближается больше и больше; вотъ онъ уже поровнялся съ домомъ Надежды Петровны; походка его колеблется, колеблется... вотъ онъ остановился.. онъ взялся за ручку звонка... Надежда Петровна, вся смущенная и трепещущая, устремилась подъ защиту портрета стараго помпадура. Бламанжé еще разъ оказалъ свою понятливость, стремглавъ бросившись вонъ изъ дома.

— Вы меня извините, милая Надежда Петровна,—говорилъ «онъ» черезъ минуту своимъ вкрадчивымъ голосомъ:— я до такой степени уважалъ вашу горестъ, что не смѣлъ даже подумать потревожить васъ раньше своимъ посѣщеніемъ. Но прошу васъ вѣрить, что мое нетерпѣніе... тѣлестные отзывы... если бъ я могъ слушаться только голоса моего сердца...

Но у Надежды Петровны стучало въ ухахъ. Она уставилась глазами въ портретъ, и ей показалось, что старый помпадуръ сверкалъ на нее оттуда глазами!

— Повѣрьте,—продолжалъ звучать тотъ же медоточивый голосъ,—что я, тѣмъ не менѣе, отнюдь не оставался безучастнымъ зрителемъ вашего горя. Господинъ полицій-мейстеръ, конечно, не откажется удостовѣрить васъ, что я

неоднократно приказывалъ и даже настаивалъ, чтобы вамъ предоставлены были все способы... словомъ, все, что находится въ моей власти...

Надежда Петровна сидѣла попрежнему, не шевелясь, словно съ ней происходилъ какой-то кошмаръ.

— Однако, мнѣ очень обидно, — гудѣлъ помпадуръ: — скажу больше... мнѣ даже больно, что вы... какъ будто пзъ-за меня... лишаете общество, такъ сказать, лучшаго его украшения! Конечно, я... мои достоинства... Я не могу похвалиться опытностью...

— Нѣтъ, васъ хвалить! — промолвила Надежда Петровна, почти не сознавая сама, что говорить.

— Общество слишкомъ ко мнѣ снисходительно! Конечно, все, что отъ меня зависитъ... я готовъ жертвовать жизнью... но, во всякомъ случаѣ, милая Надежда Петровна, вы мнѣ позвольте уйти съ пріятною мыслью... или, лучше сказать, съ надеждою... что вы не захотите меня огорчить, лишая общество, такъ сказать, его лучшаго украшения!

— Я-съ... если прикажете-съ! — отвѣчала она съ прежнему безсознательностью.

— Не приказываю-съ, но прошу!

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Это, кажется, портретъ моего предмѣстника? — спросилъ онъ.

— Да-съ; это онъ-съ.

— Какъ счастливъ онъ былъ въ своихъ привязанностяхъ, и какъ много, какъ много утратилъ съ отъѣздомъ отсюда!

Глаза помпадура становились масляными, рѣчи принимали тенденціозный оттѣнокъ; но Надежда Петровна все еще не выходила изъ своего оцѣпенѣнія.

— Да-съ, онъ былъ счастливъ-съ, — промолвила она, сама удивляясь, отчего языкъ ея говоритъ только одинъ глупости.

— Извините, я больше не смѣю утруждать васъ своимъ присутствіемъ, но позволяю себѣ думать, что уношу съ собою пріятную надежду, что отнынѣ все недоразумѣнія

между нами кончены, и вы... вы не лишите общество его... такъ сказать, лучшаго украшенія!—сказалъ онъ, наконецъ, поднимаясь съ дивана и вновь цѣлуя ручку хозяйки.

По уходѣ его Надежда Петровна нѣкоторое время стояла въ столбѣннн. Ей казалось, что она выслушала какую-то неуклюжую канцелярскую бумагу, которой смыслъ былъ для нея еще не совсѣмъ ясенъ, но на которую необходимо, во что бы ни стало, дать объясненіе. Наконецъ, когда она очнулась, то первымъ ея движеніемъ было схватить портретъ стараго помпадуря.

— Помпадурушка! глупушка мой! Куда жъ ты уѣхалъ! Что ты со мной сдѣлалъ!—вскрикнула она, какъ бы предчувствуя, что въ судьбѣ стараго помпадуря долженъ произойти рѣшительный переворотъ.

III.

Дни шли за днями. Въ головѣ Надежды Петровны все такъ перепуталось, что она не могла уже отличить «jeune fille aux yeux noirs» отъ «l'amour qu'est que c'est que ça». Она знала навѣрное, что то и другое нѣтъ какой-то помпадуръ, но какой именно—доподлинно опредѣлить не могла. Съ своей стороны, помпадуръ горячился, тосковалъ и впадалъ въ административныя ошибки.

Мало-по-малу затворническая жизнь прискучила, и Надежда Петровна начала выѣзжать. Тѣмъ не менѣе, портретъ стараго помпадуря все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, и когда она уѣзжала на балъ, то всякій разъ останавливалась передъ нимъ на нѣсколько минутъ, во всемъ сіяніи бальнаго туалета и красоты, чтобы, какъ она выражалась, «не уѣхать, не показавшись своему глупушкѣ». Балы слѣдовали за балами, обѣды за обѣдами, и на каждомъ изъ нихъ она неизбѣжно встрѣчала новаго помпадуря, который такъ и пожиралъ ее глазами. Наконецъ, она стала замѣчать, что между нимъ и его предмѣстникомъ существуетъ какое-то странное сходство. Долго она не могла опредѣлить,

въ чемъ состоитъ это сходство, пока, наконецъ, не догадалась, что они оба «глупушки». Съ тѣхъ поръ «показываніе» себя передъ портретомъ стараго помпадуря сдѣлалось уже пустою формальностью.

Гдѣ бы она ни была, куда бы ни пріѣхала, съ кѣмъ бы ни заговорила—вездѣ и отъ всѣхъ слышала только одно: хвалу новому помпадуру. Полиціймейстеръ хвалилъ въ немъ благородство души, секретарь—мудрость, прокуроръ—стремительность и натискъ.

— Вы, Надежда Петровна, чтѣ думаете?—говорилъ прокуроръ.—Вы, можетъ-быть, думаете, что онъ тамъ на балахъ или на обѣдахъ... что онъ пустяками какими-нибудь занимается?.. на плечи нашихъ барынь облизывается?.. Нѣтъ-съ, онъ мѣропріятіе обдумываетъ! Онъ ужъ у насъ такой! Онъ шагу не можетъ ступить, чтобы чего-нибудь не рѣшить!

— Такъ-то такъ, --- задумчиво отвѣчала Надежда Петровна:—да боюсь я...

— Чего же вы боитесь? Вы, можетъ-быть, думаете, что онъ на руку тяжелъ? Напрасно-съ! Онъ у насъ вотъ какъ: мухѣ зла не сдѣлаетъ; вотъ онъ у насъ каковъ!

Заволновалась и добрая старушка Проходимцева, про которую въ городѣ говорили, что она минуты не можетъ прожить, чтобы не услужить.

Но помпадуръ былъ робокъ, чтѣ, впрочемъ, отчасти объяснялось уже тѣмъ, что въ самомъ формулярѣ его было отмѣчено, что онъ не былъ въ походахъ. Онъ легко обдумывалъ мѣропріятія, но чуть только выходилъ на арену практической дѣятельности—оказывался слабымъ и вялымъ. Всѣ его дѣйствія относительно Надежды Петровны были вершительны и даже просто глупы. Такъ, напримѣръ, однажды, на какомъ-то званомъ обѣдѣ, онъ, въ ея глазахъ, похитилъ со стола грушу, положилъ въ карманъ и послѣ обѣда, подавая ее Надеждѣ Петровнѣ, какимъ-то отчаяннымъ голосомъ сказалъ:

— Кушайте!

— На что мнѣ?—изумилась Надежда Петровна.

— Такъ... это такъ!—почти закричалъ онъ, какъ будто воровство груши терзало его сердце, и вслѣдъ затѣмъ какъ-то такъ глупо заржалъ, что старая помпадурша не могла не подумать:

«Господи! да какой же онъ, однако, глупушка!»

Въ другой разъ, на балу, онъ долгое время стоялъ молча подлѣ нея и вдругъ проглаголалъ:

— Какъ бы я желалъ, чтобы въ нашемъ домѣ случился пожаръ!

— На что жъ это вамъ?—изумилась Надежда Петровна.

— Такъ! Я бы... я бы собственноручно васъ вынесъ изъ пламени!

Въ третій разъ онъ ее спросилъ:

— Вы когда-нибудь цѣлуете вашего Бламанжэ?

— Зачѣмъ вамъ?

— Хочу знать!

— Не слишкомъ ли вы любопытны?

— Хочу знать!

— Н-нѣ... иногда...

— Отлично! А знаете ли вы, что вашъ Бламанжэ на скорохода похожъ?

Въ четвертый разъ онъ накинулся на Бламанжэ и началъ его цѣловать.

— Что вы дѣлаете?—испугалась Надежда Петровна.

— Цѣлую!

— Да перестаньте же! Развѣ не видите, что онъ весь посинѣлъ?

— Цѣлую!—повторялъ онъ, обнаруживая какое-то неестественное ожесточеніе.

Вообще дѣйствія его были не только нерѣшительны, но и загадочны. Иногда онъ возьметъ Надежду Петровну за руку, держать ее, гладить и вдругъ какъ-то такъ нелѣпо рванетъ, что она даже вскрикнетъ; иногда вскочитъ со

стула, словно ужаленный, схватить фуражку и, не говоря ни слова, удреть домой. Однимъ словомъ, были всѣ признаки; недоставало одного: словесности.

Надеждѣ Петровнѣ показалось, что его стѣсняетъ портретъ стараго помпадуря. Его сняли со стола и повѣсили на стѣну. Но и оттуда онъ какъ будто бы примѣчалъ. Тогда надворный совѣтникъ Бламанжѣ предложилъ перенести его, какъ личнаго своего друга, въ свою комнату. Надежда Петровна задумалась, вздохнула... и согласилась.

Не надо думать, однако, чтобы новый помпадуръ былъ человекъ холостой; нѣтъ, онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; но жена его только и дѣлала, что съ утра до вечера ѣла печатные пряники. Это зрѣлище до такой степени истерзало его, что онъ, съ горя, чуть-чуть не погрузился въ чтеніе недоимочныхъ реестровъ. Но и это занятіе представляло слишкомъ мало пищи для ума и сердца, чтобы наполнить помпадунову жизнь. Онъ сталъ ходить въ губернскаго правленіе и тосковать.

Между тѣмъ, зимній сезонъ окончился; наступилъ ностъ; пахнуло весной. Надежда Петровна чувствовала, какъ грудь ея млѣла и закипала. Чтобы угомонить наплывъ жизни, она по цѣлымъ часамъ выстаивала передъ открытою форточкой, вдыхая влажный воздухъ, и выхаживала десятки верстъ, безстрашно проникая въ самые глухіе закоулки города. Усталая, полуразбитая возвращалась она домой, опускалась на кушетку и закрывала глаза. Тяжелая, безпокойная дремота на короткое время оковывала ея члены, и цѣлыя сотни помпадуровъ вереницею проходили передъ ея умственными взорами. Тутъ были всякіе: и съ усами, и безъ усовъ, и бѣлокурые, и брюнеты, и съ бородавками, и безъ бородавокъ, и высокоствольные, и низкоствольные; но, — увы! — между ними не было одного — не было новаго помпадуря! Что-то странное произошло съ нимъ: онъ не только пересталъ прохаживаться подъ ея окнами, но даже какъ будто избѣгалъ встрѣчи съ нею. Такъ-таки вдругъ и оборвалъ.

«Неужто жь опъ только того и добивался, чтобъ расцѣловать этого противнаго Бламанжé?»—думалось иногда Надеждѣ Петровнѣ.

Дѣло состояло въ томъ, что помпадуръ отчасти боролся съ своею робостью, отчасти кокетничалъ. Онъ не меньше всякаго другого оцущалъ на себѣ вліяніе весны, но, какъ всѣ люди робкіе и въ то же время своевольные, хотѣлъ, чтобы Надежда Петровна сама повипилась передъ нимъ. Въ ожиданіи этой минуты, онъ до такой степени усилилъ нѣжность къ женѣ, что даже сталъ вмѣстѣ съ нею ѣсть печатные пряники. Такимъ образомъ, дни проходили за днями; Надежда Петровна тщетно ломала себѣ голову; публика ожидала въ недоумѣніи.

Публика эта раздѣлилась на два лагеря. Часть ея; имѣя во главѣ полиціймейстера, рѣшительно во всемъ обвиняла Надежду Петровну.

— Я все ей прощу, — гремѣлъ въ клубѣ глава недовольныхъ:—но одного простить не могу: зачѣмъ она истерзала благороднѣйшее въ мірѣ сердце!

Другая часть, напротивъ, оправдывала ее. Утверждали, что помпадуръ самъ во всемъ виноватъ, что онъ сначала завлекъ благороднѣйшую въ мірѣ женщину, а потомъ своею непростительною медлительностью поставилъ ее въ фальшивое положеніе.

— Чѣмъ въ правленіе-то шататься да пустяки на бобахъ разводите, лучше бы дѣло дѣлать! — говорили защитники.

Какъ бы то ни было, но Надежда Петровна стала удостаиваться, что уваженіе къ ней съ каждымъ днемъ умалется. То вдругъ, на какомъ-нибудь благотворительномъ концертѣ, угонять ее карету за тридевять земель; то кучера совсѣмъ напрасно въ части высѣкутъ; то Бламанжé скажутъ въ глаза язвительнѣйшую колкость. Никогда ничего подобнаго прежде не бывало, и всѣ эти маленькія неприятности тѣмъ сильнѣе язвили ея сердце, что старій помпадуръ избаловалъ ее въ этомъ отношеніи до послѣдней степени.

Наконецъ, посинѣли и разлились рѣки; въ полѣ показались первая молодая травка; въ сосѣднемъ пруду затрепала лягушка, въ сосѣдней рошѣ защелкалъ соловей. До Надежды Петровны стали доходить слухи, что у нея явилась соперница, какая-то татарская княгиня Уланбекова, которую недовольная партія нарочно выписала изъ Казанской губерніи.

«Изъ-за чего же онъ со мной эту комедію игралъ?» — спрашивала она себя, бѣгая въ отчаяніи по комнатамъ и вымещая на Бламанжé свою досаду.

Однажды она, по обыкновенію, утомляла себя ходьбою по городскимъ улицамъ, какъ вдругъ, на углу одной изъ нихъ, столкнулась лицомъ къ лицу съ самимъ помпадуромъ. Онъ былъ обаятеленъ попрежнему, хотя на его лицѣ вскопало нѣсколько прыщей.

— Вы что жъ это перестали ко мнѣ ходить? — спросила она его голосомъ, въ которомъ слышались и укоръ, и строгость.

Помпадуръ растерялся и началъ разводить на бобахъ какую-то канцелярскую чепуху.

— Какъ вы смѣете не ходить ко мнѣ? — наступала она на него, не слушая возраженій.

Она была въ неопisanномъ волненіи; голосъ ея дрожалъ; на глазахъ блистали слезы. Эта женщина, всегда столь скромная, мягкая и даже слабая, вдругъ дошла до такого изступленія, что помпадуръ началъ опасаться, чтобъ съ ней не сдѣлалась на улицѣ истерика.

— Знаю я; знаю я все, что вы дѣлаете! — продолжала она, не помня себя отъ волненія. — Вы около этой мерзкой татарки ухаживаете! Только смѣйте у меня не придти сегодня къ Ольгѣ Семеновнѣ!

Помпадуръ не сопротивлялся. Онъ понималъ, что участь его рѣшена.

IV.

Сердца ихъ зажглись...

Но, какъ правдивый историкъ, я не могу скрыть, что новое помпадурство Надежды Петровны далеко не имѣло того кроткаго характера, какъ первое. Напротивъ того, оно ознаменовалось нѣсколькими жестокостями, которыя, по мнѣнію моему, были, по малой мѣрѣ, бесполезны.

Во-первыхъ, татарскую княгиню Уланбекову немедленно—
фюить! и водворили въ городъ Свіяжскъ, при сліяніи рѣки Свіяги съ Волгою.

Во-вторыхъ, полиціймейстера удалили отъ должности, а прочихъ недовольныхъ разослали въ заточеніе.

Въ-третьихъ, помпадурову жену лишили послѣдняго утѣшенія: запретили ѣсть печатные пряники.

Въ-четвертыхъ, съ Бламанжé поступили до того скверно, что даже невозможно сказать...

IV.—„Здравствуй, милая, хорошая моя!“

Кому изъ петербургскихъ обывателей не извѣстенъ Дмитрій Павлычъ Козелковъ? Товарищи и сверстники звали его Митей, Митенькой, Козликомъ и Козленкомъ; старшіе при видѣ его какъ-то особенно благодушно улыбались. Должность у Козелкова была немудреная: выйти въ двѣнадцать часовъ изъ дому въ департаментъ, тамъ потереться около столовъ и рассказать пару скандальныхъ анекдотовъ, отъ трехъ до пяти погранить мостовую на Невскомъ, потомъ обѣдать вдолгъ у Дюссо, потомъ въ Михайловскій театръ, потомъ... всюду, куда ни потянетъ Серезу, Серезку, Левушку, Петьку и прочихъ шалуновъ возрождающейся Россіи. Вотъ и все. Козелковъ прожилъ такимъ образомъ съ самаго выхода изъ школы до тридцати лѣтъ и все продолжалъ быть Козленкомъ и Митенькой, несмотря на то, что по

чину ужъ глядѣль въ превосходительные. Старшіе все такъ же благодушно улыбались при его появленіи, а сверстники подмигивали и на ходу спрашивали: «Что, Козликъ, сегодня хватимъ?»—«Хватимъ», отвѣчалъ Козликъ и продолжалъ гранить тротуары на Невскомъ проспектѣ, покуда не наступалъ часъ обѣдать вдоль у Дюссо.

Но въ тридцать лѣтъ Козелкова вдругъ обуяла тоска. Пересталъ онъ рассказывать скандальные анекдоты, началъ обижаться даваемыми ему въ носъ щелчками и аккуратнѣе прежняго пустился ловить взоры начальниковъ. Однимъ словомъ, обнаружилъ признаки вѣкоторой гражданственной зрѣлости.

— Митенька! да что съ тобой, милый человекъ?—спрашивали его сверстники.

— Mon cher, мнѣ ужъ все надоѣло!

— Что надоѣло-то?

— Всѣ эти Мальвины... Дюссо... однимъ словомъ, эта жизнь безъ цѣли, въ которой трагятся лучшія наши силы!

— Повтори, повтори! какъ ты это сказалъ?

И т. д., и т. д. Но Козликъ былъ себѣ-на-умѣ и началъ все чаще и чаще похаживать къ своей тетулкѣ, княжнѣ Чепчеулидзевои-Уланбековой, несмотря на то, что она жила гдѣ-то на Пескахъ и питалась одною кашницей. «Ma tante» Чепчеулидзева была фрейлиной въ 1778 году, но, по старости, до такой степени перзабыла русскую исторію, что даже однажды, начитавшись анекдотовъ г. Семевского, увѣряла, будто бы она, еще маленькую, носила на рукахъ блаженныя памяти императрицу Елизавету Петровну.

— Красавица была!—шамкала старая дѣвственница.— И бойкая какая! Однажды призываетъ графа Аракчеева,— или нѣтъ... кто, бишь, Митя, при ней Аракчеевымъ-то былъ?

— Le général Münich, ma tante, — отвѣчалъ Митя наудачу.

— Ну, все равно. Призываетъ она его и говоритъ: «графъ Петръ Андреичъ!»...

Но, высказавши эти нѣсколько словъ, старуха уже утомлялась и засыпала. Потомъ, черезъ нѣсколько минутъ, опять просыпалась и начинала рассказывать:

— Вѣдь этотъ Давилычъ-то изъ простыхъ былъ! Ну, да: покойница бабушка рассказывала, что она сама разъ видѣла, какъ онъ къ покойной великой княгинѣ Софьѣ Алексѣевнѣ... А какъ Хованскій-то былъ хорошъ! Покойница царица Тамара сама говорила мнѣ, что однажды на балу у Матрены Балкъ...

Однимъ словомъ, это была старуха безтолковая, къ которой собственно и не стоило бы ѣздить, если бъ у нея не было друга въ лицѣ князя Оболдуй-Тараканова. Князь былъ камергеромъ въ то же самое время, когда княжна была фрейлиной; годами онъ былъ даже старше ея, но могъ еще съ грѣхомъ пополамъ ходить и называлъ княжну: «*ma chère enfant*». Въ то время, когда Козлику исполнилось тридцать лѣтъ, князь еще не совсѣмъ былъ сданъ въ архивъ, и потому, при помощи старыхъ связей, могъ, въ случаѣ надобности, оказать и протекцію.

Однажды вечеромъ, когда старики уже дѣсьта наговорились, Козликъ не безъ волненія приступилъ къ дѣйствительной цѣли своихъ посѣщеній.

— *Ma tante*, — сказалъ онъ, — я хотѣлъ бы пристроиться.

— Что жъ, мой другъ, это доброе дѣло! Вотъ если бъ жпва была покойница Машенька Гамильтонъ...

— *Mais comme il l'a traitée, le barbare!*—вставилъ отъ себя словцо старикъ-князь.

— *Pardon, ma tante*, я не объ этомъ говорю... Мнѣ хотѣлось бы пристроиться, то-есть мѣсто найти.

— Такъ что жъ, мой другъ! Я могу объ этомъ государю написать! Козелковы всегда были въ силѣ: это, мой другъ,

старинный дворянскій домъ! Однажды, блаженные памяти императрица Анна Леопольдовна...

— *Ma tante, il ne s'agit pas de cela!* Нынче ужъ даже совсѣмъ не тотъ государь царствуетъ, о которомъ вы говорите!

— *Le gamin a raison!* Мы съ вами увлеклись, *chère enfant!* — произнесъ князь.

— Я хотѣлъ, *ma tante*, просить васъ, чтобы вы замолвили за меня словечко князю, — опять началъ Козелковъ.

— Для Козелковыхъ, мой другъ, всѣ дороги открыты! Я помню, еще покойный князь Григорій Григорьевичъ говорилъ...

— Извините меня, *ma tante*: все это было очень давно, а теперь хоть я и Козелковъ, но долженъ хлопотать!

— *Le gamin a raison!* — повторилъ князь.

— Если бъ вы взяли, князь, на себя трудъ сказать нѣсколько словъ вашему внуку..

— Вамъ, молодой человѣкъ, при Дворѣ хочется мѣсто получить?

— Нѣтъ, я хотѣлъ бы въ губернію...

— Гм!.. А въ мое время молодые люди все больше при Дворѣ заискивали... Въ мое время молодые люди при Дворѣ монимаску танцовали... Вы помните, *chère enfant?*

Однимъ словомъ, съ помощью ли ходатайства стараго князя, или цѣною собственныхъ усилій, но Козелковъ, наконецъ, назначенъ былъ въ Семнозерскую губернію. Извѣстіе это произвело шумную радость въ рядахъ его сверстниковъ.

— Такъ это правда, милый человѣкъ, что тебя въ Семнозерскую губернію назначили? — спрашивалъ одинъ.

— А, ну, представь-ка намъ, какъ ты чиновниковъ принимать будешь! — приставалъ другой.

И т. д., и т. д.

А Митенька слушалъ эти привѣтствія и втихомолку старался придать себѣ сколько возможно болѣе степенную фи-

зіономію. Онъ приучилъ себя говорить басомъ, началъ диспутировать объ отвлеченныхъ вопросахъ, каждый день ходилъ по департаментамъ и съ большимъ прилежаніемъ справлялся о томъ, какіе слѣдуетъ имѣть principes въ различныхъ случаяхъ губернской административной дѣятельности.

Черезъ нѣсколько дней онъ появился въ кругу своихъ товарищей уже совершенно обновленный.

— Mon cher, il faut avoir des principes pour administrer! — серьезно убѣждалъ онъ Левушку Погонина.

— Да что жъ ты будешь администрировать-то, душка ты этакій?!

— Однако, mon cher, согласись самъ, что есть вопросы, въ которыхъ можно идти и такъ, и этакъ!

— Ну, ты и иди и такъ, и этакъ!

— Я, съ своей стороны, принялъ себѣ за правило: быть справедливымъ — и больше ничего!

Разумѣется, Митенька счелъ священнымъ долгомъ явиться и къ ma tante; но при этомъ видъ его уже до того блисталъ красотою, что старуха совсѣмъ не узнала его.

— Господи! да никакъ это камеръ-юнкеръ Монсъ пришелъ! — сказала она и чуть-чуть не отпиралась на тотъ свѣтъ отъ страха.

Старикъ-князь тоже принялъ его благосклонно и даже почтилъ наставленіемъ.

— Въ наше время, молодой человѣкъ, — сказалъ онъ, — когда назначали на такіе посты, то назначаемые преимущественно старались о соединеніи общества и потомъ ужъ вникали въ дѣла...

— Я, князь, постараюсь.

— Я вами доволенъ, молодой человѣкъ, но не могу не сказать: прежде всего вы должны выбрать себѣ правителя канцеляріи. Я помню: покойникъ Маркъ Константиновичъ никогда бумагъ не читалъ, но у него былъ правитель кан-

целярии... une célébrité! Вся губернія знала его comme un coquin fiéffé... но дѣла шли отлично!

На семиозерскій мѣръ назначеніе Козелкова подѣйствовало какимъ-то ошеломляющимъ образомъ. Чиновники спрашивали себя, кто этотъ Козелковъ, и могли дать отвѣтъ, что это Козелковъ, Дмитрій Павлычъ — и больше ничего. Два совѣтника казенной палаты чуть не поссорились между собою, разсуждая о томъ, будетъ ли Козелковъ дерзокъ на языкъ, или же будетъ «мягко стлать, да жестко спать». Наконецъ, однакожъ, губернскій прокуроръ получилъ изъ Петербурга письмо, въ которомъ писалось, что ѣдетъ, дескать, къ вамъ «Козелковъ—малый удивленія достойный». Прокуроръ до того разозлился на своего корреспондента за такое непростительно-неясное опредѣленіе, что тутъ же разорвалъ его письмо въ клочки.

Но, въ сущности, корреспондентъ былъ правъ, ибо Козелковъ былъ именно «малый удивленія достойный» — и ничего больше.

Тотъ, кто зналъ Козелкова въ Петербургѣ.—Козелкова, съ мучительнымъ безпокойствомъ размышлявшаго о томъ, что Дюссо во всякую минуту жизни можетъ прекратить ему кредитъ, — тотъ, конечно, изумился бы, встрѣтивши его въ Семиозерскѣ на первыхъ порахъ административной его дѣятельности. Во-первыхъ, тамъ никто не называлъ его ни Митей, ни Митенькой, ни Козликомъ, ни Козленкомъ, а звали всѣ вашествомъ; и только немногіе аристократы позволяли себѣ употреблять въ разговорѣ его имя и отчество; во-вторыхъ, въ его наружности появилась сановитость и какая-то глянцовитая непроходимость; въ-третьихъ, въ головѣ его завелось цѣлое гнѣздо принциповъ.

Тѣмъ не менѣе, первое знакомство его съ семиозерской публикой произвело на послѣднюю самое благоприятное впечатлѣніе. Одинъ почтенный старецъ выразился о немъ,

что онъ «достолюбезный сынъ церкви»; жена губернскаго предводителя сказала: «ничего, онъ очень милъ, но, кажется, слишкомъ серьезень»; вице-губернаторъ промывалъ что-то невнятное; градской голова удивился, что онъ «въ такихъ младыхъ лѣтахъ, а подиткось!» Одинъ губернский прокуроръ, какъ человекъ желчный, отозвался: «а что это нашъ Дмитрій-то Павлычъ какъ будто на Митьку похож!» Однимъ словомъ, всѣ, за исключеніемъ прокурора, нашли, что это молодой администраторъ вникательный и, кажется, съ направлениемъ.

Съ своей стороны, Митенька дѣлалъ все, чтобы очаровать семнозерскихъ сановниковъ и расположить общественное мнѣніе въ свою пользу. Онъ съ каждымъ губернскимъ тузомъ побесѣдовалъ отдѣльно, каждого разспросилъ о подробностяхъ вѣренной ему части и каждому любезно присовокунилъ, что онъ долженъ еще учиться, и очень счастливъ, что нашелъ такихъ опытныхъ и достойныхъ руководителей.

Разумѣется, дѣло началось съ губернскаго предводителя, и, надо сказать правду, это было дѣло самое щекотливое. Предводитель былъ малый суровый и безцеремонный, и на всѣхъ вообще «сатраповъ» смотрѣлъ безразлично, то есть какъ на лицъ, мѣшавшихъ дворянству развиваться безпрепятственно. Онъ постоянно былъ въ контрѣ со всѣми губернаторами, и когда ему замѣчали, что всѣ эти лица — точно такіе же дворяне, какъ и онъ самъ, онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Чтобъ дворянинъ пошелъ продавать себя за двугривенный — да это Боже упаси! Значитъ, вы, сударь, не знаете, что русскій дворянинъ служить своему государю даромъ, что дворянское, сударь, дѣло — не кляузничать, а служить!

Повторяю: это былъ малый суровый и несообразительный. Но за эту-то несообразительность онъ и держался нѣсколько трехлѣтій сряду на своемъ посту, потому что

мы, русскіе, очень охотно смѣшиваемъ это качество съ твердостью и характера и неподкупностью убѣжденія. Митенька зналъ это качество, и, признаться, немножко-таки потрухивалъ.

— Я надѣюсь, Платонъ Ивановичъ, что вы не оставите меня вашими совѣтами, — началъ онъ.

— Радъ-съ. Только у насъ, вашество, такая чепуха идетъ, что никакъ этого дѣла перемѣнить нельзя... Въ губернскомъ правленіи въ строительной комиссіи — просто денной грабежъ!

— Тсс... такъ вы полагаете?..

— Ничего я не полагаю, а навѣрное говорю, что въ губернскомъ правленіи денной грабежъ. Мнѣ что! я въ чужія дѣла не вмѣшиваюсь, а сказать — всегда скажу!

— Какая же причина, однакожъ?

— А та и причина, что до вашегоства у насъ на этомъ мѣстѣ сряду десять фофановъ сидѣло... ну, и насидѣли!

Митеньку нѣсколько покоробило.

— Я вѣсьмъ говорилъ правду, — продолжалъ предводитель: — и вамъ буду правду говорить! Хотите меня слушать — слушайте! Не хотите — мнѣ что за дѣло!

— Я, Платонъ Ивановичъ, пріѣхалъ сюда учиться...

— Ну, ужъ гдѣ намъ ученыхъ учить!

— Нѣтъ, увѣряю васъ! Я очень счастливъ, что нахожу такого опытнаго и достойнаго руководителя!

— Очень радъ-съ, очень радъ-съ! Милости просимъ ко мнѣ хлѣба-соли откушать.

— Благодарю васъ. Повторяю вамъ, что я счастливъ, я совершенно счастливъ, встрѣчая такого опытнаго и достойнаго руководителя!

Такимъ образомъ, дѣло сошло съ рукъ благополучно. Съ остальными тузами и чиновниками оно пошло еще лучше. Вице-губернатора Митенька принялъ вмѣстѣ съ прочими членами губернскаго правленія. Всѣ обладали темно-оливковыми фізіономіями, напоминавшими собой изображенія

зѳіоповъ. Принимая ихъ, Митенька имѣлъ видъ довольно строгій, потому что ему предстояло сдѣлать внушеніе.

— Господа! правда ли, что до свѣдѣнія моего дошло, будто вы ссоритесь между собою? — спросилъ онъ совершенно серьезно.

Члены злобно взглянули другъ на друга.

— Мы не ссоримся, а по дѣламъ диспуты имѣемъ, — выступилъ впередъ старшій совѣтникъ Штановскій.

— Вотъ изволите, вашество, видѣть! — подстрекнулъ и въ то же время сфискалилъ вице-губернаторъ.

— Господинъ Штановскій, ваша рѣчь впереди! — замѣтилъ Митенька, слегка возвышая голосъ. — Господа! я желаю, чтобы у меня этихъ диспутовъ не было!

— Во второмъ томѣ свода законовъ, статья... — заикнулся-было Штановскій.

— Господинъ Штановскій, я имѣлъ честь замѣтить вамъ, что ваша рѣчь впереди! Господа! Я увѣренъ, что, имѣя такого опытнаго и достойнаго руководителя, какъ Садокъ Сосѳеновичъ (пожатіе руки вице-губернатору), вы ничего не придумаете лучшаго, какъ слѣдовать его совѣтамъ! Ну-съ, а теперь поговоримъ собственно о дѣлахъ. Въ какомъ, на примѣръ, положеніи у васъ недоимки?

— Тысячъ пятьсотъ, а може и побольше буде, — отозвался на этотъ вопросъ совѣтникъ Валяй-Бурляй.

— Вотъ онъ всегда такъ, вашество, отвѣчаетъ! — опять сфискалилъ вице-губернаторъ и, обращаясь къ Валяй-Бурляю, прибавилъ: — А вы скажите, сколько побольше-то будетъ?

— Самы кажуты!

— Господинъ Валяй-Бурляй! извините меня, но я долженъ сказать, что вы совсѣмъ не такъ говорите съ своимъ прямымъ начальникомъ, какъ слѣдуетъ говорить подчиненному! Господа! обращаю ваше вниманіе на недоимки и, въ виду этого предмета, убѣждаю прекратить ваши раздоры! Недоимка — это, такъ сказать, государственній

первъ... Надѣюсь, что мнѣ больше не придется вамъ это повторять.

Митенька простился и пожелалъ остаться наединѣ съ вице-губернаторомъ. Но когда совѣтники были уже у дверей, онъ что-то вспоминалъ.

— Господинъ Мерзопуніосъ! — сказалъ онъ, клича третьяго совѣтника: — не знаю, правда ли, что до свѣдѣнія моего дошло: будто бы здѣсь собственность совершенно не уважается?

Мерзопуніосъ вильнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Собственность есть священнѣйшее изъ правъ человека, — продолжалъ Митя: — и взыскація по безспорнымъ обязательствамъ...

Митенька занулся, потому что вспомнилъ, что самъ не заплатилъ еще своего долга Дюссо.

— Я надѣюсь, что вы не заставите меня повторять это, — продолжалъ онъ и взглядомъ отпустилъ Мерзопуніоса.

Я не буду описывать дальнѣйшихъ представленій. У управляющаго палатой государственныхъ имуществъ Митенька спросилъ, въ какомъ состояніи находится скотоводство въ губерніи; у предсѣдателя казенной палаты — до какой цифры простирается питейный доходъ, и т. д. Всѣмъ вообще сказалъ, что очень радъ найти въ нихъ достойныхъ и опытныхъ руководителей.

Не могу умолчать и о разговорѣ съ губернскимъ полковникомъ. Впустивши его въ кабинетъ, Митенька даже счелъ за надобное притворить за нимъ дверь поплотнѣе и вообще, кажется, предположилъ себѣ власть отвести душу бесѣдой съ этимъ сановникомъ.

— Что вы скажете, полковникъ, насчетъ здѣшняго образа мыслей? — спросилъ онъ, значительно понизивши голосъ.

— Образъ мыслей здѣсь самый, вашество, благородный, — отвѣчалъ полковникъ: — и если бѣ только начальство ува-

жило мое ходатайство о высылкѣ отставного поручика Шишкина, то смѣло могу сказать..

— Кто этотъ Шишкинъ?—прервалъ Митенька, нѣсколько встревожившись.

— Отставной поручикъ-съ. Вы не можете вообразить себѣ, вашество, что это за ужаснѣйшій человекъ! Намеднись, можете себѣ представить, ухитрился пролѣзть подъ водою въ женскую купальню!

— И много тамъ дамъ было?

— Въ самыи, вашество, разъ попалъ! И представьте, вашество, что говоритъ въ свое оправданіе: «я, говоритъ, съ купчихой Берендеевой хотѣлъ свиданіе имѣть!» — Да развѣ вамъ нѣтъ, сударь, другихъ мѣстъ для свиданій? Развѣ вы простолюдинъ какой-нибудь, что не можете благороднымъ манеромъ свиданіе получить?

— Однако у него губа не дура, у этого Шишкина!

— Просто, вашество, весь женскій полъ цѣлую недѣлю въ смятеніи былъ.

— Гм!.. объ этомъ нужно подумать! Ну, а политическаго ничего нѣтъ?

— Политическаго, вашество, рѣшительно ничего въ нашей губерніи нѣтъ.

— А молодые люди есть?

— Есть, вашество, но это именно прекраснѣйшіе молодые люди, изъ которыхъ современемъ образуются прекраснѣйшіе сановники.

— Что читаютъ?

— «Московскія Вѣдомости», вашество, но и то—какъ бы сказать?—одно литературное прибавленіе, а не политику.

Собесѣдники на минуту смолкли.

— Знаете ли что, — первый прервалъ молчаніе Митенька:—я думаю преимущественно обратить вниманіе на общественную безопасность... А?

— Конечно, вашество, это самая главная вещь въ губерніи. Вотъ если бѣ, вашество, Шишкина...

— Потому что—вы меня понимаете?—если общественная безопасность обезпечена, то, значить, и собственность ограждена, и всякимъ удовольствіямъ мирные граждане могутъ предаваться съ полною непринужденностью...

— Ужь на что же лучше? Только бы, вашество, Шишкина... право, вашество, это не человекъ, а зараза!

— Объ Шишкинѣ, полковникъ, не заботьтесь! Я ручаюсь вамъ, что съѣлаю изъ него полезнаго члена общества! А еще я позагаю посмотрѣть здѣшній гостинный дворъ и установить равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ!

Полковникъ потушился, потому что не понималъ.

— Я вижу, что это для васъ ново. «Спросъ» — это вообще... требованіе товара; «предложеніе» — это... предложеніе товара же. Понимаете? Теперь, значить, если спросъ великъ, а предложеніе слабо, то цѣна на товаръ возвышается, и бѣдные отъ этого страдаютъ...

— Это, вашество, будетъ для города такая польза... такое, можно сказать, благодѣяніе...

— Я хочу, чтобъ у меня каждый могъ имѣть все, что ему нужно, за самую умѣренную цѣну,—продолжалъ Митенька, и даже самъ выпучилъ глаза, вспомнивъ, что почти такую же штуку вымолвилъ въ свое время Генрихъ IV.

Собесѣдники опять смолкли, потому что полковникъ окончательно раскисъ.

— Ну-съ, очень радъ; очень счастливъ, что нахожу такого опытнаго и достойнаго руководителя,—заклучилъ Митенька, и расстался съ полковникомъ.

Въ это же утро Митенька посѣтилъ острогъ; ѣлъ тамъ щи съ говядиной и гречневую кашу съ масломъ, выпилъ кружку квасу и велѣлъ покурить въ коридорѣ. Затѣмъ посѣтилъ городскую больницу, ѣлъ габерь-супъ, молочную кашу и велѣлъ покурить въ палатахъ.

— А thea chinensis частенько прописываете?—любезно спросилъ онъ ординатора, который слѣдовалъ за нимъ какъ тѣнь.

Ординаторъ понялъ шутку и улыбнулся.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ,—прибавилъ Митенька:—я захожу, что здѣсь хоть куда! Только, пожалуйста, курите почаще! Я особенно объ этомъ прошу!

Затѣмъ, такъ какъ ужъ болѣе не съ кѣмъ было бесѣдовать и нечего осматривать, то Митенька отиравился домой и вплоть до обѣда размышлялъ о томъ, какого рода произвелъ онъ впечатлѣніе и не уронилъ ли какъ-нибудь своего достоинства. Оказалось по повѣркѣ, что онъ, несмотря на свою неопытность, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ отнюдь не хуже, какъ и всѣ вообще подобные ему помпадуръ: Чебылкины, Зубатовы, Слабомысловы, Бенескриптовы и Фютяевы.

Митенька очень хорошо запомнилъ совѣтъ Оболдуй-Тараканова, заповѣдавшего ему прежде всего обратить вниманіе на соединеніе общества. Совѣтъ этотъ отлично гармонировалъ съ его собственными сибаритскими наклонностями (*genre Oeil de Bœuf*). «Что такое общество?» задалъ онъ себѣ вопросъ, и тотчасъ безъ запинки отвѣчалъ, что общество составляютъ *les dames et les messieurs*. «Что нужно, чтобы общество жило въ единеніи?» — нужно удалить отъ него такія мысли, которыя могутъ служить поводомъ для раздоровъ и пререканій. Вотъ Мерзопупіосъ и Штановскій засѣли тамъ въ своей мурѣ и грызутся, разбирая по косточкамъ вопросъ о подсудности—это понятно, потому что они именно ничего, кромѣ этой мурьи, и не видятъ; но общество должно жить не такъ; оно должно имѣть идеи легкія. *Les messieurs et les dames* обязаны забывать обо всемъ, кромѣ взаимныхъ другъ къ другу отношеній. Поэтому города, въ которыхъ господствуетъ легкое поведеніе, процвѣтаютъ и отличаются веселостью; города же, въ которыхъ *les messieurs* вносятъ служебные свои дразги даже въ частную жизнь, отличаются уныніемъ,

и les dames, вслѣдствіе того, пріобрѣтають тамъ скверную привычку ложиться спать вмѣстѣ съ курами.

Во время утренихъ своихъ слоняній съ визитами по Семиозерску Митенька, какъ знатокъ по части клубнички, не могъ не замѣтить, что городъ обладаетъ въ изобиліи самыми разнообразными «charmans minois», которыя, одна-кожъ, вслѣдствіе перяшества и домосѣдства, кажутся заспан-ными и словно беременными. Въ домахъ онъ замѣтилъ какой-то странный, почти необъяснимый запахъ («чортъ его знаетъ! словно дѣтми или морскими травами пахнетъ!») и чуть-чуть было не распорядился, чтобъ покурили. «А все это оттого, что мастера нѣтъ, который вдохнулъ бы душу въ эти хорошенькіе матеріалы... Нѣтъ, надо ихъ подтянуть!»

Эта идея до того ему понравилась, что онъ рѣшился про-вести ее во что бы то ни стало, и для достиженія цѣли дѣйствовать преимущественно на дамъ. Для начала, обѣдъ у губернскаго предводителя представлялъ прекраснѣйшій случай. Тамъ можно было побесѣдовать и о spectacles de société, и о лотереѣ-аллегри, этихъ двухъ неизмѣнныхъ и неотразимыхъ административныхъ средствахъ сближенія общества.

Въ этихъ видахъ онъ отправился на обѣдъ нѣсколько по-раньше («кстати, ужъ и за предводительшей пріударить!» подумалъ онъ); но оказалось, что на этотъ разъ весь гу-бернскій людъ словно сговорился и собрался ранѣе обыкно-веннаго. Оставалось покориться.

Предводительша, пикантная брюнетка, взглянула на него довольно пронзительно и указала мѣсто подлѣ себя. Кру-гомъ тоже сидѣли дамы, въ числѣ которыхъ было нѣсколько дѣйствительно хорошенькихъ.

— Да избавьте вы насъ, Дмитрій Павлычъ, ради Бога, отъ этого разбойника Мухоярова, который за-одно съ гу-бернскимъ правленіемъ по дорогамъ грабитъ!—совершенно некстати забасилъ хозяинъ.

— Pardon, cher Платонъ Ивановичъ, позвольте мнѣ на этотъ разъ не слушать васъ! Я, конечно, сдѣлаю все, что вамъ угодно будетъ мнѣ приказать, но здѣсь я исключительно въ распоряженіи дамъ, —отвѣчалъ Митенька, очень граціозно помахывая головкой.

Дамы просіяли и инстинктивно оправили свои платья.

— Бываютъ у васъ здѣсь спектакли?—обратился Митенька къ хозяйкѣ.

— Да... зимою пріѣзжаютъ какіе-то актеры, но мы ихъ никогда не видимъ, —отвѣчала хозяйка и опять взглянула на Митеньку.

«Такъ бы я тебя и съѣлъ!»—подумалъ Митенька, пожирая ее глазами, но вслухъ продолжалъ: —Нѣтъ, я, конечно, не объ городскихъ спектакляхъ говорю... Я говорю о такъ-называемыхъ spectacles de société...

Изъ дамъ нѣкоторые перешепнулись, другія перемигнулись, какъ будто говорили другъ другу: а вотъ, погоди, заставитъ онъ насъ всѣхъ нѣтъ водевильные куплеты и изобразить «рѣзвящихся русалокъ»!

— Нѣтъ, здѣсь этимъ некому было заняться.

— Но вы, Татьяна Михайловна?

— Я?... а почему вы предполагаете, что именно я могу этимъ заняться?

Митенька сконфузился; онъ, конечно, былъ въ состояніи очень хорошо объяснить, почему онъ такъ думаетъ, но такое объясненіе могло бы обидѣть прочихъ дамъ, изъ которыхъ каждая, безъ сомнѣнія, мнила себя царицей общества. Поэтому онъ только мая въ отвѣтъ губами. Къ счастью, на этой скользкой стезѣ онъ былъ вырученъ вошедшимъ официантомъ, который провозгласилъ, что подано кушать. Татьяна Михайловна подала Митенькѣ руку. Прессія двинулась.

— Давайте вашу руку, но за обѣдомъ вы мнѣ непременно должны объяснить, почему вы считаете, что именно

я должна принять на себя устройство спектакля? — полушопотомъ сказала хозяйка дорѳгой.

— Стоить только взглянуть на васъ, чтобы...—пачаль Митенька, и не кончить.

— А!—не то насмѣшливо, не то сочувственно произнесла Татьяна Михайловна.

За столомъ размѣстились попарно, то - есть мужчины вперемежку - съ дамами. Излишекъ мужчинъ (преимущественно старцы, уже совсѣмъ непотребные) сгруппировался на другомъ концѣ стола, поближе къ хозяину.

— Ну-съ, «чтобы»?.. — начала опять Татьяна Михайловна, очевидно кокетничая. Она кушала при этомъ супъ съ такою граціей, какъ будто играла ложкой.

— Чтобы убѣдиться, что вы — единственная женщина, которая можетъ привлечь...

— Публику?

— Вы жестоки, Татьяна Михайловна!..

— Вашество! рекомендую вамъ пирожки, у меня для нихъ особенный поваръ есть, въ Новотроицкомъ учился!—приглашалъ съ другого конца хозяинъ дома.

— Ъмъ-съ, Платонъ Ивановичъ; пирожки, дѣйствительно, безподобны!

— Шесть лѣтъ въ ученьи былъ,—продолжалъ хозяинъ, но Митенька уже не слушалъ его. Онъ дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобъ соблюсти приличіе и заговорить съ своею сосѣдкой по лѣвую сторону; но разговоръ рѣшительно не вязался, хотя и эта сосѣдка была тоже очень и очень увлекательная блондинка. Онъ спрашивалъ ее, часто ли она гуляетъ, ѣздить ли по зимамъ въ Москву, но далѣе этого, такъ сказать, полицейскаго вопроса идти не могъ. И мысли, и взоры его невольно обращались къ хорошенькой предводительшѣ.

— Кушайте же пирожки; ихъ шесть лѣтъ учились готовить,—насмѣшливо говорила, между тѣмъ, хозяйка.

Митенька ободрился.

— Так вы согласны будете взять на себя трудъ устроить spectacle de société?—спросилъ онъ.

— Да, если вы будете внимательны къ нашимъ дамамъ... Mesdames! Дмитрій Павлычъ просить, чтобы вы приняли участіе въ предполагаемомъ имъ спектаклѣ! Но вы и сами непременно должны принять въ немъ участіе,—продолжала она, обращаясь къ Митенькѣ: — вы должны быть нашимъ premier amoureux...

— Да, да! непременно! непременно!—вторили дамы.

— Увы! для меня это недоступно! Печальная необходимость... мой постъ... Но я могу, если угодно, быть вашимъ режиссеромъ, mesdames, и тогда—прошу меня слушаться, потому что вѣдь я очень строгъ!

— Будто бы строгъ! — мимоходомъ замѣтила предводительша, взглядывая на него исподлобья.

— Увы!.. боюсь, что нѣтъ!

— Это вы, вашество, ихъ спектакль устроить приглашаете?—вступился опять хозяинъ.—Напрасно стараетесь! Эта штука у насъ пробована и перепробована!

— Mon mari va dire quelque bêtise,—шеннула предводительша про себя, но такъ, что Митенька слышала.

— А что же?—спросилъ онъ предводителя.

— Да наши барыни, какъ соберутся, такъ и передерутся!—отвѣтилъ хозяинъ, отнюдь не церемонясь.

— Et, mon ami, какія ты вещи говоришь! — обидѣлась супруга его.

— Ну, ужъ извини меня, Татьяна Михайловна, а что правда, то правда!

— Какія же пьесы мы будемъ играть? — молвила блондинка, сидѣвшая по лѣвую сторону.

— Позвольте... я знаю, наиримѣрь, водевиль... онъ называется: «Азъ и Фергъ»... le titre est bizarre, mesdames, но пьеса, право, очень, очень миленькая! Есть въ ней этакое brio...

— Я однажды въ Москвѣ у князя Сергія Борисыча

«Полковника старыхъ времянь» играла, — нискнула - было вице-губернаторша, но на нее никто не обратилъ вниманія.

— Есть еще, вашество, пьеса: «Несчастія красавца», — откликнулся хозяинъ, можетъ-быть съ намѣреніемъ, а можетъ-быть и безъ намѣренія; но Митенька почувствовалъ, что его въ это время словно ударило чѣмъ въ спину.

— Да, и такая пьеса есть, но, признаюсь, я болѣе люблю живыя картины. *Je suis pour les tableaux vivants, moi!*

На минуту всё смолкли; слышенъ былъ только стукъ ножей и вилокъ.

— Дуракъ родился! — сказалъ хозяинъ.

Всѣ засмѣялись.

— Но, Платонъ Ивановичъ, позвольте вамъ замѣтить, что если всегда въ подобныя минуты долженъ непременно родиться дуракъ, то, такимъ образомъ, ихъ должно бы быть ужъ черезчуръ много на свѣтѣ! — замѣтилъ Митенька.

— А вашество развѣ думали, что ихъ мало?

Митенькѣ сдѣлалось положительно неловко, потому что хозяинъ, очевидно, начиналъ придираться.

— *Mon mari est jaloux!* — шепнула опять-таки про себя предводительша, очень мило обгладывая крылышко цыпленка.

Начали подавать шампанское. Начались поздравленія и пожеланія. Предводительша мило чокнулась и сказала: — «*Je désire que vous nous restiez le plus longtemps possible!*» — А еще что? — процѣдилъ сквозь зубы Митенька. — «*Nous végons*», — тоже процѣдила хозяйка.

— Вашество, извините! тоста не провозглашаю, а за здоровье ваше выпью съ удвольствіемъ, — говорилъ, между тѣмъ, предводитель.

«Ишь вѣдь, оболтусъ, и у себя-то не хочетъ почтенія сдѣлать!» — подумалъ Митенька.

— Вотъ у меня писмоводитель въ посреднической комиссіи есть, такъ тотъ мастеръ за обѣдами предики эти говорить, — продолжалъ хозяинъ. — Вотъ онъ!

Тутъ только Митенька замѣтилъ, что въ темномъ углу комнаты, околы стѣны, былъ накрытъ еще столъ, за которымъ сидѣли какія-то три личности. Одна изъ нихъ встала.

— Я отъ хлѣба-соли никому не отказываю, потому—народъ бѣдный, оборванцы!—ораторствовалъ хозяйинъ.—Прикажете ему, вашество, привѣтствіе сказать?

— Отчего же... я съ удовольствіемъ!

— Катай, Анпетовъ!

— Ахъ, mon ami, какія у тебя выраженія!

— Ну, ужъ, Татьяна Михайловна, но взыщи! каковъ есть, таковъ и есть! что правда, то правда!

Анпетовъ вышелъ къ серединѣ стола и произнесъ:

«Почтениѣйшія гѣсножи и милостивые господа!

«Если солнцу восходящу всякая тварь радуется и всякая птица трепещетъ отъ живительнаго луча его, то значить, что въ самой природѣ Всеблагой Промыслъ установилъ такой законъ, или, лучше сказать, предопредѣленіе, въ силу котораго тварь обязывается о восходящемъ лучѣ радоваться и трепетать, а о заходящемъ печалиться и недоумѣвать.

«Здѣсь вижу я, благородныя слушательницы и почтениѣйшіе слушатели, собраніе гостей именитыхъ, въ цѣломъ краѣ славныхъ, и между ними иѣкоего, который именно тотъ восходящій солнца лучъ прообразуетъ, о коемъ сказано: онъ еще младъ, но умудренъ знаніями, глава его не убѣлена сѣдинами, но умъ обогащенъ наукой. Не дерзостный и не гордостный, но благостный и душепріятный пришелъ ты къ намъ! Дерзнемъ ли же мы пренебречь тѣмъ закономъ, который сама природа всецѣдрая вложила въ сердца наши? Дерзнемъ ли печалиться и недоумѣвать въ такія минуты, когда надлежитъ трепетать и радоваться?

«Нѣтъ, не дерзнемъ, но воскликнемъ убо: за здравіе и долгоденствіе его вашество Дмитрія Павловича Козелкова! Ура!»

— Благодарю васъ!—отвѣчалъ Митенька и, обратившись къ дамамъ, прибавилъ:—*Mais il a le don de la parole!*

— Приходи ужь, водки дамь!—сказаль хозяйинь.

Наконецъ, обѣдъ кончился. Провожая свою даму въ гостиную, Митенька дерзнулъ даже пожать ей локоть, и хотя ему не отвѣчали тѣмъ же, однакоже и мины непріятной не сдѣлали. Митеньку это ободрило.

— Такъ судьба нашихъ спектаклей въ вашихъ рукахъ?—сказаль онъ.

— Да, я постараюсь... если Платонъ Ивановичъ позволить...

— О, мы нападёмъ на него всёмъ обществомъ! Но вы представьте себѣ, какъ это будетъ пріятно! Можно будетъ видѣться... говорить!

Предводительша легонько вздохнула.

— Репетиціи... трепетное мерцаніе лампы... — началъ было фантазировать Митенька.

— Вашество, милости просимъ въ кабинетъ! Господа, милости просимъ!—приглашалъ гостепріимный хозяйинь.

Митенька долженъ былъ покориться печальной необходимости, но онъ утѣшался дорѳгой, что первый толчокъ соединенію общества ужь данъ, и что, кажется, дѣло это, съ Божьею помощію, должно пойти на ладъ.

Былъ уже девятый часъ вечера, когда Митенька возвращался отъ предводителя домой. Дрожки его поровнялись съ ярко-освѣщеннымъ домомъ, сквозь окна котораго Митенька усмотрѣль Штановскаго, Валий-Бурляя и Мерзопупіоса, рѣзавшихся въ преферансъ. На столикѣ у стѣны была поставлена закуска и водка. По комнатѣ шныряли дѣти. Какая-то дама оливковаго цвѣта сидѣла около Мерзопупіоса и заглядывала въ его карты.

— Чей это домъ?—спросилъ Митенька кучера.

— Совѣтника Мерзопупіоса.

«Га! помирились-таки! — подумаль Митенька: — ну, и здѣсь, съ Божьею помощію, дѣло, кажется, пойдетъ на ладъ!»

Возвратившись домой, Митенька долгое время мечталъ.

«Кажется, что дѣло недурно устранивается,—думалъ онъ:—кажется, что ужъ я успѣлъ дать ему нѣкоторое направленіе!»

Онъ подошелъ къ зеркалу, поставилъ на столъ двѣ свѣчи и посмотрѣлся:—ничего, хорошѣ!

— Что же, когда Дюсъ деньги-то посылать будете?—спросилъ старикъ-камердинеръ Гаврило, снимая съ него сапоги. Митенька молчалъ и притворился погруженнымъ въ глубокія соображенія.

— Вѣдь Дюса-то Никиту маркеда передъ отъѣздомъ ко мнѣ прислалъ. «Ты смотри, говорить, какъ у барина первыя деньги будутъ, такъ безпремѣнно чтобы къ намъ посылалъ!»

Митенька все молчалъ.

— Что жъ вы молчите! Нешто я у Дюсы-то ѣлъ!

— Молчать, скотина!

— Какъ я могу молчать? Я дѣло завсегда говорить долженъ!

— Цыцъ, каналья!

Митенька легъ спать и видѣлъ во снѣ Дюссо и хорошенькую предводительшу.

V.—«На зарѣ ты ее не буди».

I.

Къ несчастью для Митеньки, въ Семиозерскѣ случились выборы—и онъ совсѣмъ растерялся. Ужъ и безъ того Козелковъ замѣтилъ, что предводитель, для пріобрѣтенія популярности, сталъ грубить ему болѣе обыкновеннаго, а тутъ пошли по городу какія-то шушуканья, стали набѣзжать изъ уѣздовъ и изъ столицъ старыя и молодыя помѣщики; въ квартирѣ извѣстнаго либерала, Коли Собачкина, начались таинственныя совѣщанія; даже самыя, что называется, «сивые» — и тѣ собирались по вечерамъ въ клубъ и о чемъ-то безпорядочно толковали... Дмитрій Павлычъ смотреть

изъ окна своего дома на квартиру Собачкина и, видя, какъ къ крыльцу ея непрерывно подъѣзжаетъ цвѣтъ россійскаго либерализма, негодуеть и волнуется.

— И за что они мнѣ не довѣряютъ! за что они мнѣ не довѣряютъ!—воскликаетъ онъ, обращаясь къ правителю канцеляріи, стоящему поодаль съ портфелемъ подъ-мышкой.

— Чувствъ, вашество, вѣтъ-съ...

— Если имъ либеральныхъ идей хочется, то надѣюсь...

— Ужъ чего же, вашество, больше!

— Потому что хотя я и служу... однако не вижу, что же тутъ... предосудительнаго?

И Дмитрій Павлычъ, съ грустью въ сердцѣ, удаляется къ себѣ въ кабинетъ подписывать бумаги.

— Спустите, пожалуйста, шторы,—обращается онъ къ правителю канцеляріи:—этотъ Собачкинъ... я просто даже квартиры его выносить не могу!

Но и при спущенныхъ шторахъ дѣло спорится плохо. Козелковъ подписываетъ бумаги зря и все подумываетъ о томъ, какъ бы ему «овладѣть движеніемъ». Планъ за планомъ, одинъ другого безпутнѣе, мѣняются въ его головѣ. То онъ воображаетъ себѣ, что стоитъ передъ рядами и говорить: «*messieurs*, вы видите эти твердыни? Хотите, я самъ поведу васъ на нихъ?»—и этою рѣчью приводитъ всѣхъ въ восторгъ; то мнитъ, что задаетъ какой-то чудовищный обѣдъ и, по окончаніи, принимаетъ отъ благодарныхъ гостей обязательство въ томъ, что они никогда ничего противъ него злоумышлять не будутъ; то представляется ему, что онъ, истощивъ всѣ кроткія мѣры, влетаетъ во главѣ эскадрона въ залу...

И видится ему, что, по исполненіи всѣхъ этихъ подвиговъ, онъ мчится по ухабамъ и сугробамъ въ Петербургъ и думаетъ дорогою завѣтную думу...

«Стани...», шепчетъ эта завѣтная дума, но не дошептываетъ, потому что ухабъ заставляеть его прикусить языкъ.

«Слава! слава! слава!»—подзвываетъ въ это время колокольчикъ, и экипажъ мчится да мчится себѣ впередъ...

— А знаете ли что? — говоритъ Дмитрій Павлычъ вслухъ правителю канцеляріи: — я полагаю, что это будетъ очень недурно, если я, такъ сказать, овладѣю движеніемъ...

Правитель канцеляріи не понимаетъ, но дѣлаетъ видъ, что понимаетъ.

— «Овладѣть движеніемъ» — это значитъ: встать во главѣ его, — толкуетъ Козелковъ. — Я очень хорошо помню, что когда у насъ, въ Петербургѣ, буянили нигилисты, то я еще тогда сказалъ моему пріятелю, капитану Реброву: что вы смотрите, капитанъ! Овладѣйте движеніемъ — и все будетъ кончено!

Дмитрій Павлычъ опять задумался, и опять въ ухахъ его загудѣлъ колокольчикъ, позвякивая: «слава! слава! слава!»

— Просто, пойду сейчасъ къ Собачкину, — заговорилъ онъ: — и скажу: «messieurs!» за что вы мнѣ не довѣряете? Повѣрьте, что хотя я и служу, но чувства мои, messieurs... я полагаю»...

— Это точно-съ, — ввернулъ свое слово правитель канцеляріи.

— Потому что, въ сущности, чего они желаютъ? Они желаютъ, чтобъ всѣмъ было хорошо? Прекрасно. Теперь спросимъ: чего я желаю? Я тоже желаю, чтобъ всѣмъ было хорошо! Слѣдовательно, и я, и они желаемъ, въ сущности, одного и того же. «Unitibus rebus vires cresca parvunt!» какъ сказалъ нашъ почтеннѣйшій Михаилъ Никифоровичъ въ одной изъ своихъ передовыхъ статей.

Правитель канцеляріи, услышавъ эту неслыханную цитату, чуть не захлебнулся.

— А какъ поступалъ мой предмѣстникъ въ подобныхъ случаяхъ? — спросилъ его Дмитрій Павлычъ.

— Просто-съ. Они, вашество, больше такъ поступали: сначала однихъ позовутъ — имъ репримандъ сдѣлаютъ, по-

томъ другихъ позовутъ — и имъ репримандъ сдѣлають. А иногда случалось, что и стравятъ-сь...

— То-есть, какъ же это — стравятъ?

— А такъ-сь, однихъ посредствомъ другихъ уничтожали-сь... У нихъ вѣдь, вашество, тоже безобразіе-сь! Начнутъ это другъ дружкѣ докладывать: «ты тарелки лизал!» — «анъ ты тарелки лизал!» — и пойдетъ-сь! А тѣмъ временемъ и дѣло къ концу подойдетъ-сь... и скрутятъ ихъ въ ту пору живымъ манеромъ!

— Гм!.. это недурно! — молвилъ Козелковъ и насунулъ брови. — Только какъ же это? Надобно какой-нибудь предлогъ!

— А вы, вашество, вотъ что-сь. Позовите кого постарше-сь, да и дайте этакъ почувствовать: кабы, молъ, не болтали молодые, такъ никакихъ бы реформъ не было; а потомъ попросите изъ молодыхъ кого, да и имъ тоже внушите: кабы, молъ, не безобразничали старики, не рѣзали бы дѣвкамъ косы, да руками не озорничали, такъ никакихъ бы, молъ, реформъ не было. Они на это пойдутъ-сь.

— Вы полагаете?

— Вѣрно-сь. И почнутъ они промежду себя считаться... А дня этакъ за два до срока, вашество и напомните, что скоро, дескать, и по домамъ пора... Шары въ руки — и дѣло съ концомъ-сь!

— Гм!.. это недурно. Благодарю.

Правитель канцеляріи давно уже ушелъ, а Козелковъ все ходитъ по комнатамъ и все о чемъ-то думаетъ, а по временамъ посматриваетъ на окна либерала Собачкина, за которыми виднѣются куряція и закусываюція фигуры.

Предложенная правителемъ канцеляріи программа понравилась ему. Мало-по-малу онъ до того вошелъ во вкусъ ея, что даже заподозрилъ, что онъ совсѣмъ не Козелковъ, а Меттернихъ. «Что такое дипломатія? — спрашиваетъ онъ себя по этому случаю, и тутъ же сгоряча отвѣчаетъ: — дипломатія — это, братъ, такое искусство, за которое тебѣ

треуховъ надавать могутъ!» Однако и на этой горестной мысли онъ долго не останавливается, но спѣшитъ къ другой и, въ концѣ концовъ, даже приходитъ въ восторженность. «Дипломатія, — говоритъ онъ, — это все равно, что товка, чуть-чуть примѣтная паутина: паукъ стелеть себѣ да стелеть паутину, а мухи въ нее попадаютъ да попадаютъ — вотъ и «дипломатія»!

— А nous deux maintenant! — воскликнулъ онъ, весело потирая руки и обращаясь къ какому-то воображаемому врагу: — посмотримъ, посмотримъ. messieurs, чья дипломатія одержитъ побѣду!

А messieurs совсѣмъ и не воображали, что Дмитрій Павлычъ строитъ противъ нихъ ковы. Они въ это время закусывали, прохаживались по «протычкамъ», приготовлялись публично «проэкзаменовать» мировыхъ посредниковъ за ихъ продерзностные поступки и вообще шутили обычныя шутки.

Уже начпали спускаться сумерки и на улицахъ показалось еще больше усненное движеніе, нежели утромъ. По такъ-называемой Губернаторской улицѣ протянулась цѣлая вереница разнообразнѣйшихъ экипажей; тутъ были и пошевни, запряженные лихими тройками, украшенными лентами и бубенчиками съ малиновымъ звономъ, и простыя городскія сани, и уродливые, нелѣпо-тяжелые возки, и охотницкія сани, везомыя сильными, едва сдерживаемыми рысакми. Въ пошевняхъ блистали наѣзжія львицы, жены мѣстныхъ аристократовъ; охотницкими санями и рысакми щеголяли молодые наѣзжіе львы. По временамъ какая-нибудь тройка выѣзжала изъ ряда и стремглавъ неслась по самой середкѣ улицы, подымая цѣлая облака снѣжной пыли; за нею вдогонку летѣло нѣсколько охотницкихъ саней, перегоняя другъ друга; слышался смѣхъ и визгъ; нарумяненные морозомъ молодыя женскія лица суетливо оборачивались назадъ и въ то же время нетерпѣливо понукали кучера; тройка неслась сильнѣе и сильнѣе; догоняющіе

сзади наѣздники приходили въ азартъ и ничего не видѣли. Тутъ былъ и Коля Собачкинъ на своемъ сѣромъ, сильномъ рысакѣ; онъ ѣхалъ ђ-бокъ съ предводительскими саними и, повидимому, говорилъ пѣчто очень острое, потому что пикантная предводительша хохотала и грозила ему пальчикомъ; тутъ была и томная мадамъ Первагина, и величественная баронесса фонъ-Цанарцъ, урожденная княжна Абдуль-Рахметова, которой что-то напѣвлялъ въ уши Серсжа Свайкинъ. Однимъ словомъ, это была цѣлая выставка, на которую губернія прислала лучшіе свои цвѣты, и которая могла бы назваться вполне изящною, если бы не портили общаго впечатлѣнія дѣвицы Лоботрясовы, дѣвицы пожилыя и скареныя, выѣхавшія на гулянье въ какомъ-то лохматомъ возкѣ, запряженномъ тройкой лохматыхъ же клячь.

Козелковъ смотрѣлъ изъ окошка на эту суматоху и думалъ: «Господи! зачѣмъ я уродился сановникомъ? зачѣмъ я не Серсжа Свайкинъ? зачѣмъ я не Собачкинъ?» Въ эту минуту ему хотѣлось побѣгать. Въ особенности привлекала его великолѣпная баронесса фонъ-Цанарцъ. «Такъ бы я тамъ...» говорилъ онъ, и не договаривалъ, потому что у него духъ занимался отъ одного воображенія.

И въ самомъ дѣлѣ онъ ничего подобнаго представить себѣ не могъ. Цѣлый букетъ разомъ! Букетъ, въ которомъ каждый цвѣтокъ такъ и прыщеть свѣжестью, такъ и обдаетъ ароматомъ! Самы губернскія дамы понимали это и на все время выборовъ скромно, хотя и не безъ секретнаго негодованія, ступовывались въ сторону.

Это и понятно, потому что губернскія дамы, за немногими исключеніями, все-таки были не болѣе какъ чиновницы, какія-нибудь предсѣдательши, командириши и совѣтницы, родившіяся и воспитывавшіяся въ четвертыхъ этажахъ петербургскихъ казенныхъ домовъ и только недавно, очень недавно, получившія понятіе о комфортѣ и о томъ, что такое значить «ни въ чемъ себѣ не отказывать». Напротивъ того, наѣзжія барыни представляли собою такъ-назы-

ваемую «породу»; онъ являлся свѣжія, окруженный блескомъ и роскошью; въ рѣчахъ ихъ слышались настоящія слова; ихъ жесты были настоящими жестами; онъ не жался и не сторонился ни передъ кѣмъ, но бодро смотрѣли всѣмъ въ глаза и были въ губернскомъ городѣ какъ у себя дома. Понятно, что всѣ сердца къ нимъ неслись, и что какой-нибудь Гриша Трясучкинъ, еще вчера очень усердно пріударявшій за батальонной командиршей, вдругъ начиналъ находить ее худосочною, обтрепанною и полинявшею. Понятно, что и Козелковъ сильнѣе, нежели когда-либо, почувствовалъ всю тяжесть, всю тоску своего административнаго одиночества.

Между тѣмъ ужъ совсѣмъ стемнѣло; улица вдругъ опустѣла, во всѣхъ окнахъ замелькали огни. Козелкову представилось, что въ этихъ домахъ теперь обѣдаютъ; что тамъ шумнымъ потокомъ льется бесѣда, что тамъ кто-нибудь что-нибудь нашептываетъ, и кто-нибудь эти нашептыванья выслушиваетъ...

Въ столовой его уже ожидалъ чиновникъ особыхъ порученій, французикъ Фавори, котораго Козелковъ опредѣлилъ на эту должность собственно за то, что онъ былъ ужъ очень вертлявъ и казался готовымъ на всевозможныя услуги.

Французикъ Фавори какъ-то замалодушничалъ всѣми окончностями какъ только на порогъ столовой появилась фигура Козелкова. Онъ сразу догадался, что начальство пасмурно и что нужно его развеселить.

— А я намѣреваюсь дать вамъ дипломатическое порученіе, Фавори!—молвилъ Митенька, принимаясь за супъ.

Фавори весь превратился въ преданность; тѣло его словно пополамъ распалось: верхняя часть выдалась впередъ и застыла въ неподвижности, нижняя—отнялась назадъ и судорожно виляла. Фавори былъ убѣжденъ, что Козелковъ пошлетъ его узнать о здоровьи Марьи Петровны, и потому ухмыльнулся всѣмъ своимъ поганымъ лицомъ.

— Нѣтъ, не то!—сказалъ Козелковъ, какъ бы отгадывая

его мысли:—порученіе, которое я намѣренъ на васъ возложить, весьма серьезно.

Митенька выговорилъ эти слова очень строго; но, должно быть, важный видъ былъ не къ лицу ему, потому что лакей Степанъ, принимавшій въ эту минуту тарелку у Фавори, не выдержалъ и поспѣшилъ поскорѣе уйти.

— Дѣло въ томъ,—продолжалъ Козелковъ,—что я нахожусь въ величайшемъ затрудненіи. Теперь у меня здѣсь цѣлое скопище, а я рѣшительно не знаю, что у нихъ дѣлается. Никто мнѣ не докладываетъ.

— Вашество...

— Я поручаю вамъ каждодневно докладывать мнѣ обо всемъ! Вы должны знать обо всемъ! Вы должны проникать всюду! Вы должны быть вездѣ и нигдѣ!

Козелковъ до того разревновался, что даже жестами показывалъ Фавори, какъ онъ долженъ быть вездѣ и нигдѣ.

— Повѣрьте вашество...

— Знаю. Вы должны будете говорить старикамъ: «это все молодые своей болтовней надѣлали!» Съ другой стороны, молодымъ людямъ должно внушать, что все произошло благодаря безобразію стариковъ. Однимъ словомъ, вы обязаны употребить всѣ усилія, чтобы поселить спасительное междуособіе!

Козелковъ остановился и зорко посмотрѣлъ на своего собесѣдника, какъ бы желая узнать, готовъ ли онъ. Но Фавори былъ готовъ, такъ сказать, отъ самаго рожденія, и потому не удивительно, что Митенька остался доволенъ своимъ осмотромъ.

— Я долженъ раскрыть передъ вами свои виды вполне,—сказалъ онъ.—Я долженъ сказать вамъ, что смотрю на администрацію преимущественно, и даже исключительно, съ дипломатической точки зрѣнія. По моему мнѣнію, администрація есть борьба, а наука не показываетъ ли намъ, что борьба безъ дипломатіи немислима?

Сказавши это, Дмитрій Павлычъ самъ разинулъ ротъ отъ удивленія. Фавори внималъ и благоговѣлъ.

— Исходя изъ этого принципа, я нахожу, что мы, администраторы, должны преимущественно, и *даже исключительно*, заботиться о томъ, чтобы выиграть время. Объясню вамъ это примѣромъ...

Козелковъ задумался: какой отыскать примѣръ? Но примѣра на этотъ разъ не отыскалось.

— Все равно, вы меня понимаете. Но, выигрывая время, мы достигаемъ разомъ двухъ результатовъ: во-первыхъ, мы отклоняемъ то, что своею преждевременностью могло бы, такъ сказать, возмутить обычное гармоническое теченіе жизни; во-вторыхъ...

Козелковъ опять задумался, ибо второй результатъ рѣшительно не приходилъ ему въ голову. Онъ зналъ, что всякая вещь непременно должна имѣть два и даже три результата, и сгоряча сболтнулъ это, но теперь долженъ былъ убѣдиться, что есть въ мірѣ вещи, которыя могутъ имѣть только одинъ, а даже, пожалуй, и вовсе не имѣть ни одного результата.

— Исполню, вашество!—возразилъ Фавори, чтобы вывести изъ затрудненія обожаемаго начальника.

— Я надѣюсь на вашу расторопность, а главное—на вашу преданность. Помните, Фавори, что я не умѣю быть неблагодарнымъ.

Сказавши это, Митенька всталъ изъ-за стола, а Фавори поспѣшилъ отправиться для исполненія возложеннаго порученія. Козелковъ опять взглянулъ на окна либерала Собачкина и увидѣлъ, что въ квартирѣ его темно.

«Гдѣ-то они каверзы свои теперь сочиняютъ?»—невольно шевельнулось въ его головѣ.

II.

А въ городѣ, между тѣмъ, происходили толкотня и суета невообразимыя. Не только гостиницы, но и постоянныя

дворы были биткомъ-набиты; владѣльцы домовъ и квартиранты очищали лучшія комнаты своихъ квартиръ и отдавали ихъ подъ постой, а сами на время кое-какъ размѣщались на заднихъ половникахъ, чуть-чуть не въ чуланахъ. Цѣлые обозы мелкопомѣстныхъ дворянъ ежедневно прибывали въ городъ и удивляли обывателей своими новенькими полушубками и затѣйливыми мѣховыми шапками. Предводитель только пыхтѣлъ и отдувался, потому что весь этотъ людъ ему надобно было размѣстить, обогрѣть и накормить. Мелкопомѣстные понимали, что въ нихъ имѣется нужда, знали, что случаи такого рода повторяются не часто (разъ въ три года), и спѣшили воспользоваться своими правами широкою рукой. На улицахъ все чаще и чаще встрѣчался тотъ крѣпкій, сельскимъ хлѣбомъ выкормленный народъ, при видѣ котораго у замореннаго городского жителя уходить душа въ пятки. Румяныя щеки, жирныя кадыки, круглые и обширныя загрѣлки, диковинныя шапки—вотъ спектакль, который представляли городскія улицы съ утра до вечера. Въ клубъ шло почти-что столпотвореніе.

Предводитель пыхтитъ и отдувается. Выборы положительно живого его обжигаютъ. «Вы, батюшка, то сообразите, — жалѣючи объясняетъ мелкопомѣстный Сила Терентичъ:—что у него каждый день, по крайности, сотни полторы человекъ перебиваются, — ну, хоть по двѣ рюмки на cadaго: сколько одного этого винниша вылакаютъ!» И точно, въ предводительскомъ домѣ съ самаго утра, что называется, труба нетолченая. Туда всякій идетъ какъ въ трактиръ, всякій не только ѣсть и пьеть, но требуетъ, чтобы его обласкали. Каждый день предводитель устраиваетъ у себя обѣды на 40—50 персонъ и угощаетъ «влиятельныхъ»; но этого мало: онъ не смѣетъ забыть и про такъ-называемую мелюзгу. Онъ шутитъ съ ними, называетъ ихъ Иванычами; онъ пожимаетъ имъ руки и влиятельнѣйшимъ изъ нихъ посылаетъ даже бламапже («Татьяна Михайловна кланяться приказали и велѣли доложить, что сами на тарелку накладыв-

вать изволпли»). Одна мысль денно и нощно преслѣдуетъ его: «а ну, какъ прокатятъ на вороныхъ!»

Супруга Платона Иваныча очень усердно ему содѣйствуетъ. Она устраиваетъ спектакли и лотереи въ пользу дѣтей бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ, хлопочетъ о стипендіяхъ въ мѣстной гимназій и въ то же время успѣваетъ бросать обворожающіе взгляды на молодыхъ семпозерскихъ аристократовъ и не прочь пококетничать съ старымъ графомъ Козельскимъ, который уже три трехлѣтія еряду безуспѣшно добивается чести быть представителемъ «интересовъ земства» и, какъ достовѣрно извѣстно, не отказывается отъ этого домогательства и теперь. Митенька забытъ и заброшенъ; его не приглашаютъ даже распорядиться на репетиціяхъ, чтобы не дать ни малѣйшаго повода подумать, что между «земствомъ» и «бюрократіей» существуетъ какая-нибудь связь. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ усилія предводителя достигнуть единодушія, общество видимо раздѣлилось на партіи. Главныхъ партій, по обыкновенію, двѣ: партія «консерваторовъ» и партія «красныхъ». Въ первой господствуютъ старцы и тѣ молодые люди, о которыхъ говорятъ, что они со старыми стары, а съ молодыми молоды; во второй бушуетъ молодежь, къ которой пристало нѣсколько живчиковъ изъ стариковъ. «Консерваторы» говорятъ: «шествуй впередъ, но по временамъ мужайся и отдыхай!» «Красные» возражаютъ: «отдыхай, но по временамъ мужайся и шествуй впередъ!» Разногласіе, очевидно, не весьма глубокое, и дѣло, конечно, разъяснилось бы само собой, если бъ не мѣшали тѣ внутреннія развѣтвленія, на которыя подраздѣлялась каждая партія въ особенности и которыя значительно затемнили вопросъ о шествованіи впередъ.

Такихъ развѣтвленій было очень много. «Консерваторы» насчитывали ихъ три. Была, прежде всего, партія «маркизовъ», во главѣ которой стоялъ графъ Козельскій и которая утверждала, что главное достоинство предводителя должно

состоять въ томъ, чтобы онъ обладалъ «грасами». Самъ графъ былъ ветхій старикашка, почти совершенно выжившій изъ ума, но съ помощью парика, вставныхъ зубовъ и корсета казался еще молодцомъ: онъ очень мило сюсюкалъ, называлъ семпозерскихъ красавицъ «belles dames» и любилъ играть маркизовъ на домашнихъ спектакляхъ. Партія эта была малочисленна, и сколько ни старался графъ попасть въ предводители, но успѣха не имѣлъ, и, вмѣсто предводительства, всякій разъ былъ избираемъ въ попечители губернской гимназіи. Другая партія (партія «крѣпкоголовыхъ»), во главѣ которой стоялъ Платонъ Ивановичъ, утверждала, что для предводителя нужно только одно: чтобы онъ шелъ неуклонно. Сторонники ея были многочисленны и славились дикою непреклонностью убѣждений, вмѣстимостью желудковъ, исполнскими размѣрами затылковъ, необычайною громадностью кулаковъ и способностью производить всякаго рода шумныя манифестаціи, т.-е. подносить шары на блюдѣ, кричать «ура!» и зыкомъ наводить трепеть на противниковъ. Самые отважные люди другихъ партій приходили въ смущеніе передъ свирѣпыми взглядами этихъ допотопныхъ, и въ собраніяхъ они всегда безъ труда овладѣвали всякимъ дѣломъ. Платонъ Ивановичъ зналъ это, и потому ревниво слѣдилъ, чтобы никто другой, кромѣ его, не присвоилъ права прикармливать этихъ новыхъ эвоіповъ. Наконецъ, третья партія называлась партией «дикихъ», и также была довольно многочисленна. Члены ея были люди бѣзъ всякихъ убѣждений, пріѣзжали на выборы съ тѣмъ, чтобы попить и поѣсть на чужой счетъ, пѣлые дни шатались по трактирамъ и удивляли половыхъ силою клопшосовъ и умѣнемъ съ трескомъ всадить желтаго въ среднюю лузу. Многіе изъ нихъ были женаты и обладали многочисленными семействами, но все сплошь смотрѣли холостыми, дома почти не жили, никогда пунымъ образомъ не обѣдали, а все словно перехватывали на скорую руку. Къ общественнымъ дѣламъ они были хо-

лодни и шары всегда и вѣсьмъ клали направо. Что касается до партіи «красныхъ», то и она раздѣлялась на три отдѣла: на такъ-называемыхъ «стригуновъ», на такъ-называемыхъ «скворцовъ» и на такъ-называемыхъ «плаксъ или канюкъ». Къ «стригунамъ» принадлежали сливки семпозерской молодежи, люди съ самоновѣйшими убѣждениями и наилучшимъ образомъ одѣтые. «Стригуны» мечтали о возрожденіи, и въ этихъ видахъ очень много толковали о *principes*. На Россію они взирали съ сострадательнымъ сожалѣніемъ, а въ крестьянской реформѣ, подобно г. Н. Безобразову, видѣли «попытку... прекрасную», но въ то же время утверждали, что если бѣ отъ нихъ зависѣло, то, конечно, дѣло устроилось бы гораздо прочнѣе. «Скворцы» собственныхъ убѣжденій не имѣли, но удачно передразнивали «стригуновъ», около которыхъ преимущественно и терлись. Это были веселые и совершенно пустые малые, которые выходили изъ себя только тогда, когда ихъ называли «скворушками». Они сразу полюбили Козелкова, и Козелковъ тоже полюбилъ ихъ сразу, и, конечно, между ними непремѣнно установились бы *entente cordiale*, если бѣ политическія теоріи «стригуновъ» о самоуправленіи, о прерогативахъ земства и бюрократическомъ невмѣшательствѣ не держали «скворцовъ» въ постоянномъ страхѣ. «Это бюрократъ!»—говорили «скворушки», съ нѣкоторымъ смущеніемъ указывая на Митеньку... Что же касается до «плаксъ или канюкъ», то партія эта была немногочисленна и почти исключительно состояла изъ мировыхъ посредниковъ.

Таковы были эти «великія партіи», лицомъ къ лицу съ которыми очутился Дмитрій Павлычъ Козелковъ. Мудрено ли, что, съ непривычки, онъ почувствовалъ себя въ этомъ обществѣ и маленькимъ, и слабенькимъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки рѣшился попытать счастья и съ этою цѣлью отправился вечеромъ въ клубъ.

Въ клубѣ преимущественно собиравлись консерваторы и лишь тѣ немногіе изъ «скворцовъ», которымъ ужъ рѣши-

тельно некуда было дѣваться. «Маркизы» собирались въ такъ-называемой «уборной», бесѣдовали о «грасахъ», рассказывали скромные анекдоты и играли въ лото. «Крѣпко-головые» занимали центръ, играли въ карты, шевелили усами и прерывали угрюмое молчаніе для того только, чтобы царяпнуть водки. «Дикіе» толпились въ билльярдной; «скворцы» порхали во всѣхъ комнатахъ понемножку, но всего болѣе въ «уборной», ибо не только чувствовали естественное влеченіе къ «маркизамъ», но даже навѣрное знали, что сами современемъ ими сдѣлаются.

Козелковъ вошелъ въ уборную. «Скворцы», будучи внѣ надзора «стригуновъ», такъ со всѣхъ сторонъ и облѣпили его («однакожь, я любимъ!»—съ чувствомъ подумалъ Митенька). «Маркизы» толковали о какой-то Марьѣ Петровнѣ, о какомъ-то родимомъ пятнышкѣ, — толковали, вздыхали и хихикали.

— А, вашество!—привѣтствовалъ его графъ.—А я сейчасъ рассказывалъ à ces messieurs про нашу бывшую предводительшу! Представьте себѣ...

Козелковъ сочувственно хихикнулъ въ отвѣтъ. Маркизы и скворцы облизнулись.

— Le bon vieux temps!—вздыхнулъ графъ.—Тогда, вашество, старшихъ уважали!—внезапно прибавилъ онъ, многозначительно и строго посмотрѣвъ на «скворцовъ» и даже на самого Дмитрія Павлыча.

Козелковъ нѣсколько застыдился; ему и самому словно совѣстно сдѣлалось, что онъ какимъ-то чудомъ попалъ въ «сановники». Онъ уже хотѣлъ и съ своей стороны сказать нѣсколько острыхъ словъ насчетъ непочтительности и опрометчивости нынѣшняго молодого поколѣнія, хотѣлъ даже молвить, что это «отъ ихъ, именно отъ ихъ болтовни все и дѣло пошло», но убоялся «скворцовъ», которые такъ и кружились, такъ и лепетали около него. Поэтому онъ вознамѣрился благоразумно пройти по середочкѣ.

— Я полагаю, графъ, что это только недоразумѣніе, —

сказалъ онъ: — и я, конечно... употреблю зависящія отъ меня мѣры...

Онъ не кончилъ и, по привычкѣ, самъ разинулъ ротъ, услышавши свое собственное изреченіе. «Маркизы» тоже выпучили на него глаза, какъ бы спрашивая, что онъ вознамѣрился надъ ними учинить.

— Но каковъ у васъ посреднякъ, графъ? — спросилъ Козелковъ, чтобы прекратить общее изумленіе.

Графа даже передернуло всего.

— Позвольте мнѣ, вашество, не отвѣчать на этотъ вопросъ, — сказалъ онъ, величественно выпрямляясь и строго озирая Митеньку.

— Но отчего же, графъ?

— А оттого-съ, что есть вещи, объ которыхъ въ обществѣ благовоспитанныхъ людей говорить нельзя-съ, — продолжалъ графъ, и потомъ, къ великому изумленію Козелкова, прибавилъ: — Я, вашество, маркиза въ «Le jeu du hasard et de l'amour» игралъ!

— Я самъ, графъ, игралъ нѣкогда въ «Le secrétaire et le cuisinier», — съ гордостью отвѣтилъ Митенька.

— Да, Скрибъ тоже имѣетъ свои достоинства, но все это не Маривò? Замѣьте, вашество, что въ насъ эта грація почти врожденная была. А какъ я лакея представлялъ! Покойница Лизавета Степановна (она «маркизу» играла) просто въ себя придти не могла.

Графъ поникъ головой на минуту и потомъ, махнувъ рукою, прибавилъ:

— А теперь у насъ даже въ предводители какихъ-то жокрисовъ выбираютъ!..

— Богъ дастъ, любезный графъ, дворянство откроетъ глаза, и твои достоинства будутъ оцѣнены! — прошамкалъ одинъ изъ «маркизовъ».

— Не вѣрю!

— Но не можетъ же быть, чтобы передовое сословіе...

— Не вѣрю!

— Я, графъ, съ своей стороны, готовъ... — шепнулъ было Митенька, но тотчасъ же и умолкъ, потому что графъ окинулъ его величественнымъ взоромъ съ ногъ до головы.

— Мы, вашество, не понимаемъ другъ друга; я о содѣйствіи не прошу! — холодно сказалъ онъ и уѣлся за лото.

Козелкову оставалось только покраснѣть и удалиться.

— Бюрократъ! — прошипѣлъ ему вслѣдъ одинъ изъ «маркизовъ».

Черезъ минуту стукъ кресель, шарканье ногъ и смѣшанный гулъ голосовъ извѣстили «маркизовъ», что Козелкова привѣтствуютъ «крѣпкоголовые».

Между «крѣпкоголовыми» самыми замѣтными личностями были Созонтъ Потапычъ Праведный и Яковъ Филиппычъ Гремикинъ. Праведный происходилъ изъ приказныхъ; это былъ мозглявый старичишка, весь словно извѣденный жолчью, весь сведенный непрерывною судорогой, которая, какъ молнія въ грозныхъ облакахъ, такъ и вилась во всемъ его брennemъ тѣлѣ. Но репутацію этотъ человекъ имѣлъ ужаснѣйшую. Говорили, что во время процвѣтанія крѣпостного права у него былъ цѣлый гаремъ; говорили, что онъ по ночамъ ходилъ къ своимъ крестьянамъ съ обыскомъ, и что ни одинъ мужикъ не могъ укрыть ничего цѣннаго отъ зоркаго его глаза. Весь околотокъ трепеталъ его; крестьяне, не только его собственные, но и чужіе, блѣднѣли при одномъ его имени; даже помѣшники — и тѣ пожимались, когда заходила о немъ рѣчь. Пять губернаторовъ сряду порывались «упечь» его, и ни одинъ ничего не могъ сдѣлать, потому что Праведнаго защищала цѣлая неприступная стѣна, состоявшая изъ тѣхъ самыхъ людей, которые, будучи въ своемъ кругу, гадливо прижимались при его имени. Зато, какъ только пронеслась въ воздухъ вѣсть о скорой кончинѣ крѣпостного права, Праведный, не мѣшкая много, заколотилъ свой господскій домъ, распустилъ гаремъ и уѣхалъ навсегда изъ деревни въ городъ. Здѣсь онъ занялся въ обширныхъ размѣрахъ ростов-

щичествомъ, ежедневно посѣщаль клубъ, но въ карты не играль, а поджидалъ, не угоститъ ли его кто-нибудь изъ должниковъ чаемъ. Въ партіи «крѣпкоголовыхъ» онъ представлялъ начало письменности и ехидства; говорилъ плавно, мягко, словно змѣй ползъ; голосъ имѣлъ дѣтскій; когда злился, то злобу свою обнаруживаль чѣмъ-то въ родѣ хныканья, отъ котораго вчужѣ морозъ подираль по кожѣ. Словомъ сказать, это былъ человѣкъ мысли. Напротивъ того, Гремикинъ былъ человѣкъ дѣла. Здоровенный, высокій, широкій въ кости и одаренный пространствомъ и жирнымъ затылкомъ, онъ рыкомъ своимъ поражаль, какъ Юпитеръ громомъ. Онъ былъ не рѣчиствъ и даже угрюмъ; враги даже говорили, что онъ, въ то же время, былъ глупъ и золь, но, разумѣется, говорили это по секрету и шопотомъ, потому что Гремикинъ шутить не любилъ. Употреблялся онъ преимущественно для производства скандаловъ, и въ особенности былъ прелестень, когда, заложивъ одну руку за жилетъ, а другою слегка подбоченившись, молча становился передъ какимъ-нибудь крикливымъ господиномъ и взорами своихъ оловянныхъ глазъ какъ бы приглашалъ его продолжать разговоръ. «Крѣпкоголовые» хихикали и надрывали животики, видя, какъ крикливый господинъ (особливо, если онъ былъ изъ новичковъ) вдругъ прикусываль язычокъ и превращался изъ гордаго пѣтуха въ мокрую курицу. «Стригуны», «скворцы» и «плаксы» ненавидѣли и боялись его; Козелковъ тоже провидѣль въ немъ что-то таинственное, и потому всячески его избѣгалъ. И его тоже трепетали мужики, и свои, и чужіе; но онъ и не подумаль бѣжать изъ деревни, когда крѣпостное право было уничтожено, а, напротивъ, очень спокойно и въ краткихъ словахъ объявилъ, что «другіе какъ хотять, а у меня будетъ попрежнему». И до него тоже добирались пять губернаторовъ, но тоже ничего не доспѣли, потому что Гремикинъ сразу отучилъ полицію ѣздить въ свое имѣніе. «Нѣтъ тебѣ ко мнѣ въѣзду», сказалъ онъ

исправнику, и исправникъ вияль, что въѣзду дѣйстви- тельно нѣтъ и не можетъ быть. Два раза онъ былъ при- сужденъ на покаяніе въ монастырь за нечаянное смерто- убійство, но оба раза приговоръ остался неисполненнымъ, потому что полиція даже не пыталась, а просто наизусть доносила, что «отставной корнетъ Яковъ Филипповъ Гре- микинъ находится въ тягчайшей болѣзни». Когда онъ игралъ въ преферансъ, то никто ему вистовать не отва- живался, какую бы сумасшедшую игру онъ ни объявилъ. Понятно, что для «крѣпкоголовыхъ» такой человекъ былъ сущій кладъ и что они ревниво окружали его всевозмож- ными предупредительностями.

Козелковъ очень любезно поздоровался съ Праведнымъ и боязливо взглянулъ на Гремикина, который, въ свою очередь, бросилъ на него исподлбья воспаленный взоръ. Онъ угрюмо объявилъ десять безъ козырей.

— Ну-съ, какъ дѣла въ собраніи, почтеннѣйшій Созонтъ Потанычъ?—любезно спросилъ Козелковъ.

— Посредниковъ, вашество, экзаменуемъ, — отвѣчалъ Праведный своимъ дѣтскимъ голосомъ, и такъ веселенько хихикнулъ, что Дмитрій Павлычъ ощутилъ, какъ будто на- ступилъ на что-то очень противное и ослизлое.

— Десять безъ козырей,—снова объявилъ Гремикинъ.

— Однако, мой приходъ, кажется, счастье вамъ при- несь, Яковъ Филиппычъ?—подольстился Козелковъ.

— Я иногда... всегда!..—отвѣчалъ колоссъ, даже не по- ворачивая головы.—Скорѣе такимъ манеромъ ремизы спи- сываются...

— Съ Яковомъ Филиппычемъ это, вашество, бываетъ-съ,— вступился одинъ изъ партнеровъ, очевидно, смущенный.— А нуте, я повистую!

— Не совѣтую! — мрачно цыркнулъ колоссъ и тутъ же смѣшала карты.

— Такъ вы говорите, Созонтъ Потанычъ, что у васъ

посредники...— обратился Козелковъ къ Праведному, чтобъ разсѣять овладѣвшее имъ смущеніе.

— Изъ поджигателей-съ! — кротко молвилъ Праведный и хныкнулъ.

— Скажите, однако!

— Всѣхъ на одну осину! — сквозь зубы произнесъ Гремикинъ.

— Проэкзаменуемъ-съ, — еще кротче продолжалъ Праведный.

— На осину— и баста! и экзаменовать нечего!

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же-съ! По формѣ, Яковъ Филиппычъ, по формѣ-съ все сдѣлаемъ-съ... Позовемъ, этакъ, къ столу-съ, и каждый свою ленту-съ...

— Но, скажите, пожалуйста... можетъ-быть, я... Если бъ вамъ угодно было сообщить мнѣ ваши соображенія... я могъ бы...

— Нѣтъ-съ, вашество, этакъ-то лучше-съ... Вотъ мы ихъ ужъ позовемъ-съ, кроткимъ манеромъ побесѣдуемъ-съ, а потомъ и попросимъ-съ...

— Но ежели они не согласятся?

Праведный опять хныкнулъ.

— Ну, ужъ объ этомъ спросите, вашество, у Якова Филиппыча!—молвилъ онъ какъ-то особенно мягко.

Козелковъ взглянулъ на Гремикина и увидѣлъ, что тотъ уже смотритъ на него во всю ширину своихъ воспаленныхъ глазъ.

— Мы, вашество, «доходить» не любимъ!—продолжалъ, между тѣмъ, Праведный:—потому что судиться, вашество, еще не всякій дарованіе это имѣетъ! Пожалуй, вашество, еще доказательствъ потребуете, а какія же тутъ доказательства представить можно-съ?

— Повѣрьте, почтеннѣйшій Созонтъ Потанычъ, что я всегда готовъ!—горячо вступился Козелковъ. —Я просто по одному слову благороднаго человѣка...

— Знаемъ, вашество, и видимъ это! Это точно, что у вашества чувства самыя благородныя...

— Слѣдовательно, отчего жъ вамъ не обратиться ко мнѣ? Обратитесь съ полною откровенностью, довѣрьтесь мнѣ... откройтесь, наконецъ, передо мной! — затолковалъ Дмитрій Павлычъ, и въ самомъ дѣлѣ ощутилъ, что и въ груди его дѣлается какъ будто приливъ родительскихъ чувствъ.

— Дождайся! — прошипѣлъ Гремикинъ, но такъ ясно, что шипъ его проникнулъ во все углы комнаты.

— Нѣтъ-съ ужъ, вашество, зачѣмъ вамъ беспокоиться! Мы это сами-съ... сперва одинъ къ нсму подойдетъ, потомъ другой подойдетъ, потомъ третій-съ... и все, знаете, въ лицо-съ!..

— «Поджаривать» это, по-нашему, называется. — отозвался изъ угла чей-то голосъ.

— Это такъ-съ, это точно-съ. Потому онъ тутъ, вашество, словно въонъ живой на сковородкѣ: и на одинъ бокъ прыгнетъ, и на другой бокъ перевернется—и вездѣ жарко-съ!

Праведный вздохнулъ и умолокъ, прочіе присутствующіе тоже молчали. Гремикинъ смотрѣлъ на Козелкова такъ пристально, что послѣднему сдѣлалось совсѣмъ неловко.

— А нельзя ли, голубчикъ, стаканчикъ чайку мнѣ? — обратился Праведный къ лакею. — Да жиденъкаго мнѣ, миленькій, жиденъкаго!

Митенька вдрогнулъ при звукахъ этого голоса; ему серьезно померещилось, что кто-то словно высасываетъ изъ него кровь. Снова водворилось молчаніе: только карты хляскали по столамъ, да по временамъ раздавались восклицанія игроковъ: «пасъ!»—«а ну, гдѣ наше не пропадало!» и т. д., или краткіе разговоры въ родѣ слѣдующихъ:

— Опять-таки ты, Семень Ивановичъ, характеръ не выдержалъ! Вѣдь тебѣ говорено было, что сдавать тебѣ не позволимъ!

— Клянусь...

— Нечего «клянусь»! Самъ своими глазами видѣлъ. Ко-

роль-то бубень кому слѣдовалъ? Мнѣ слѣдовалъ! А къ кому онъ попалъ? къ кому онъ попалъ?

— Да что съ нимъ толковать! Сдавайте за него, Терентій Петровичъ, да и все тутъ!

— Нѣтъ, братъ, играть съ тобой еще можно, по позволять тебѣ карты сдавать—ни-ни! и не проси впередъ!

Илл:

— Ужъ я, братъ, ему рожу-то салиль-салиль, такъ онъ даже обалдѣлъ подь конецъ!

— Неужто?

— Право, глядѣть это во все глаза и не понимаетъ, ни гдѣ онъ, ни что съ нимъ... только перевертывается!

— Ха-ха-ха!

Козелковъ потихоньку всталъ съ своего мѣста и направилъ шаги въ бильярдную.

— Бюрократ!—пустилъ ему вслѣдъ Гремкинъ.

«Отчего они меня такъ называютъ? отчего они не хотятъ мнѣ довѣриться?»—мучительно подумалъ Козелковъ, услышавъ долетѣвшее до него восклицаніе.

Но въ бильярдной происходила цѣлая исторія.

— Кто смѣетъ Олимпиаду Фавстовну здѣсь упоминать!—гремѣлъ чей-то голосъ.

— Да ужъ это такъ! была бы здѣсь Олимпиада Фавстовна, она бы не позволила тебѣ рыло-то мочить!—отвѣчалъ другой, не менѣе рѣшительный голосъ.

— Какъ ты смѣлъ самое имя моей жены въ этомъ кабацѣ произносить?—настаивалъ первый голосъ.

— Да ужъ это такъ! часто ужъ очень, братъ, къ водкѣ прикладываешься!

Митенька не рѣшился проникать далѣе и полегоньку началъ отступать къ дверямъ. Ему даже показалось, что кто-то задушевымъ голосомъ крикнулъ: «караулъ», но онъ рѣшился игнорировать это обстоятельство, и только спросилъ у швейцара, суетившагося около него съ шинелью:

— Каждый день у васъ такъ бываетъ?

— Кажный, вшество, день!

Какъ-то легко и хорошо почувствовать себя Дмитрій Павлычъ, когда очутился на улицѣ и его со всѣхъ сторонъ охватило свѣжимъ, морознымъ воздухомъ. Кругомъ было пустынно и тихо, только кучера дремали на козлахъ у подъѣздовъ, да изрѣдка бойко пробѣгаль по тротуарамъ какой-нибудь казачокъ, поспѣвая въ погребокъ за виномъ. Козелковъ хотѣлъ вывести какое-нибудь заключение изъ того, чтò онъ видѣлъ въ тотъ вечеръ, но не могъ ничего сообразить. Съ одной стороны, онъ понималъ, что не выполнилъ ни одной юты изъ программы, начертанной правителемъ канцелярїи; съ другой стороны, ему казалось, что программа эта должна выполниться сама собой, безъ всякаго его содѣйствїя.

«Съ Божьею помощью»...—подумалъ онъ, и въ это самое время поровнялся къ квартирою Коли Собачкина.

Квартира Собачкина была великолѣпно освѣщена и полна народу. Повидимому, тутъ было настоящее сходбище, потому что всѣ «стригуны» и даже бóльшая часть «скворцовъ» состояли на-лицо. Митеньку такъ и тянуло туда, даже сердце его расширилось. Онъ живо вообразилъ себѣ, какъ бы онъ сѣлъ тамъ на каналѣ и началъ бы рѣчь о principes: кругомъ внимали бы ему «стригуны» и лепетали бы безпечные «скворцы», а онъ все бы говорилъ, все бы говорилъ...

— Итакъ, messieurs, если на предстоящее намъ дѣло взглянуть съ точки зрѣнїя вѣчной идеи права...—заговорилъ-было Козелковъ вслухъ, но оглянулся и увидѣлъ себя одного среди пустынной улицы.

III.

А у Коли Собачкина было дѣйствительно цѣлое сходбище. Тутъ присутствовалъ именно весь цвѣтъ семиозерской молодежи: былъ и Сережа Свайкинъ, и маленькій ви-контикъ де-Сакрекокенъ, и длинный баронъ фонъ-Цанарцъ, былъ и князекъ Соломенныя Ножки. Изъ «не-на-

ших» допущенъ былъ одинъ Родвѣднъ Петровъ Храмоловъ, но и тотъ яремущественно въ видахъ увеселенія. Тутъ же забрался и Фавори, но говорилъ мало, а все больше слушалъ.

Собрались, усѣлись въ кружокъ противъ камелька и начали говорить о principes. Юные семиозерцы были въ большомъ затрудненіи, ибо очень хорошо сознавали, что если не придумаютъ себѣ какихъ-нибудь principes, то имъ въ самомъ непродолжительномъ времени носу нельзя будетъ никуда показать.

— Позвольте, messieurs, — сказали, наконецъ, Коля Собачкинъ: — по моему мнѣнію, вы излишне затрудняетесь! Я нахожу, что principes можно изъ всего сдѣлать... даже изъ регулярнаго хожденія въ баню!

Присутствующіе нѣсколько изумились.

— Во всякомъ случаѣ, это не будутъ крестовые походы! — скромно замѣтилъ князекъ Соломенный Ножки.

— Не прерывай, князекъ, и вы, господа, не изумляйтесь, потому что тутъ совсѣмъ нѣтъ никакого парадокса. Что такое principe? спрашиваю я васъ. Principe — это вообще такая суть вещи, которая принадлежит или отдѣльному лицу, или цѣлой корпораціи въ исключительную собственность; это, если можно такъ выразиться, девизъ, клеймо, которое имѣетъ право носить Иванъ и не имѣетъ права носить Петръ. Слѣдовательно, если вы приобрѣтете себѣ исключительное право ходить въ баню, то ясно, что этимъ самымъ приобрѣтаете и исключительное право опрятности; ясно, что на васъ будутъ указывать и говорить: «вотъ люди, которые имѣютъ право ходить въ баню, тогда какъ прочіе ихъ соотечественники вынуждены соскабливать съ себя грязь ножомъ или стекломъ!» Ясно, что у васъ будетъ принципъ! Ясно?

«Стригуны» молчали; они понимали, что слова Собачкина очень послѣдовательны и что со стороны логики подвѣихъ нельзя иголки подточить; но въ то же время чувство-

вали, что въ нихъ есть что-то такое неловкое, какъ будто похожее на парадоксъ. Это всегда такъ бываетъ, когда дѣло идетъ о великихъ principes, и, напротивъ того, никогда не бываетъ, когда идетъ рѣчь о предметахъ низкихъ и обыкновенныхъ. Такъ, напримѣръ, когда я вижу столъ, то никакъ не могу сказать, чтобы тутъ скрывался какой-нибудь парадоксъ; когда же вижу передъ собой нѣчто невѣсомое, какъ, напримѣръ: геройство, расторопность, самоотверженность, либеральныя стремленія и проч., то въ сердце мое всегда заползаетъ червь сомнѣнія и формулируется въ видѣ вопроса: «вѣдь это кому какъ?» Для чего это такъ устроено — я хорошенько объяснить не могу, но думаю, что для того, чтобы порядочные люди всегда имѣли такія sujets de conversation, по поводу которыхъ одни могли бы ораторствовать утвердительно, а другіе — ораторствовать отрицательно, а въ результатѣ du choc des opinions jaillit la vérité! Такъ точно было и въ настоящемъ случаѣ «Стригуны» сознавали, что Собачкинъ правъ, но въ то же время ехидныя слова князька: «а все-таки крестовыхъ походовъ изъ этого не выйдеть!» невольно отдавались въ ухахъ. Собачкинъ угадалъ молчаніе, послѣдовавшее за его словами.

— Я понимаю, — сказала она: — васъ сбиваютъ съ толку крестовые походы... Mais entendons-nous, messieurs! Я совсѣмъ не изъ тѣхъ, которые отрицаютъ важность такого историческаго précédent; однако, позвольте вамъ замѣтить, что вѣдь въ крестовыхъ походахъ участвовали цѣлыя толпы, но развѣ всѣ участвовавшіе получили право ссылаться на нихъ? Нѣтъ, это право получили только les preux chevaliers! Вы слышите... вы чувствуете, что и здѣсь сила совсѣмъ не въ фактѣ участія, а въ правѣ ссылаться на него... Ясно?

Собачкинъ окинулъ присутствующихъ торжествующимъ взоромъ; «стригуны» поколебались и начали что-то понимать.

— Пропинаціонное право... — задумчиво пробормоталъ длинноногій фонъ-Цанарцъ.

— Mais vous concevez, mon cher, что право хожденія въ баню я привелъ вовсе не съ точки зрѣнія какой-нибудь драгоценности!

— Проинаціонное право полезно было бы получить...— еще разъ и задумчивѣе прежнего повторилъ Цанарцъ.

— Господа! въ шестисотыхъ годахъ, въ Малороссіи, жида имѣли право...—закнулса князекъ.

— Такъ то жида!— отвѣчалъ Собачкинъ и бросилъ такой леденящій взоръ, что князекъ даже присѣлъ.

— Messieurs! расшибемъ князенку голову! — вдругъ воскликнулъ кто-то, какъ бы озаренный сверху вдохновеніемъ.

— Bravo! bravo! расшибемъ князенку голову! — повторили «скворцы» хоромъ.

— Chut, messieurs! Ваша выходка напоминаетъ каннибальское времяпровожденіе нашего старичья! Я увѣренъ, что они даже въ настоящую минуту дуютъ водку и занимаются расшибаніемъ кому-нибудь головы въ клубъ — неужели вы хотите идти по стопамъ ихъ? Ахъ, messieurs, messieurs, неужели же и дѣйствительно такова наша участь, что мы никогда не будемъ въ состояніи ни до чего договориться?

Тотъ, которымъ были сказаны Собачкинымъ эти послѣднія слова, звучалъ такою грустью, что «стригуны» невольно задумались. Вся обстановка была какая-то унылая; отъ камелька разливался во все стороны синеватый, трелепущій свѣтъ; съ улицы доносилось какое-то гудѣніе: не то вѣтеръ порхалъ властелиномъ по опустѣлой улицѣ, не то «старичье» хмельными ватагами разѣзжалось по домамъ; частый, мерзлый снѣжокъ дребезжалъ въ окна, наполняя комнату словно жужжаніемъ безчисленнаго множества комаровъ...

— Господа! необходимо, однакожъ, чѣмъ-нибудь рѣшить наше дѣло! — первый прервалъ молчаніе тотъ же Собачкинъ.—Мнѣ кажется, что если мы и на этотъ разъ не по-

кажемъ себя самостоятельными, то утратимъ право быть твердыми безвозвратно и на вѣки-вѣковъ!

Фавори, до сихъ поръ смиреннѣе сидѣвшій въ уголку и перелистывавшій какой-то книжечекъ, наострилъ уши.

— Новгородцы такаи-такаи, да и протакали!—меланхолически замѣтилъ князекъ.

— «Les novogorodiens disaient: oui, disaient: oui, — et perdirent leur liberté»; «Die Novogorodien sagten: ja, und sagten: ja,—und verloren ihre Freiheit»,—вдругъ отозвались голоса изъ разныхъ угловъ комнаты. Лица на минуту изъ хмурыхъ опять сдѣлались веселыми.

— Я все-таки полагаю, что узелъ вопроса заключается въ пропинаціонномъ правѣ, — глубокомысленно отрубилъ Цанарцъ.—Вино, messieurs, — это такой продуктъ, относительно котораго всѣ руки развязаны. Съ одной стороны, употребленіе его возбраняется законами нравственности, и, слѣдовательно, ограниченіе его производства не противорѣчить требованіямъ самыхъ строгихъ моралистовъ; съ другой стороны — это продуктъ не только необходимый, но и вполне соответствующій требованіямъ народнаго духа. Слѣдовательно, правильный и изобильный истокъ его обезпеченъ на долгія времена! Вотъ, messieurs, тѣ данныя, которыя заставляютъ меня особенно настаивать на этомъ предметѣ.

Однакожь, эта рѣчь произвела дѣйствіе не столь благопріятное, какъ можно было ожидать, потому что всякій очень хорошо понималъ, что для того, чтобъ сообщить пропинаціонному праву тотъ полезительный характеръ, о которомъ упоминалъ Цанарцъ, необходимо было обладать достаточными капиталами. Но капиталовъ этихъ ни у кого, кромѣ Цанарца, не оказывалось, по той простой причинѣ, что они давнымъ-давно были просвѣстаны достославными предками на разныя головушибательныя увеселенія. Поэтому, если и чувствовалась надобность въ какомъ-либо исключительномъ правѣ, то отнюдь не въ видѣ пропина-

ціоннаго, а въ такомъ, которое имѣло бы основаніе преимущественно нравственное и философическое («вотъ кабы въ зубы безпрекословно трескати можно было!»—секретно думалъ князекъ, но мысли своей, однако, не высказалъ). Мысль эту въ совершенствѣ усвоилъ себѣ Коля Собачкинъ.

— Я вполне согласенъ съ доводами Цанарца насчетъ пропинаціонной привилегіи,—сказалъ онъ:—по могу допустить ее только на второмъ планѣ и, такъ сказать, между прочимъ. Это право носить на себѣ слишкомъ явную печать эгонистическихъ цѣлей, чтобы можно было прямо начать съ него. По мнѣнію моему, мы обязаны прежде всего показать себя безкорыстными и великодушными; мы должны дать чувствовать, что въ насъ заключается начало цивилизующее. Я знаю, что и знаменитѣйшій изъ публицистовъ нашего времени не отвергаетъ важности пропинаціоннаго права, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указываетъ и на нѣчто другое, на чтò преимущественно должны быть устремлены наши взоры. Это нѣчто, эта драгоценная манна, отъ которой мы должны ожидать уврачеванія всѣхъ золъ... есть self-government, въ томъ благонадежномъ смыслѣ, въ которомъ его понимаютъ лучшіе люди либерально-консервативной партіи!

Фавори наострилъ уши сугубо. Общій одобрительный шопоть пронесся по комнатѣ, хотя, по правдѣ сказать, очень немногіе усвоили себѣ истинный смыслъ рѣчи Собачкина.

— Потому что главная цѣль, къ которой мы должны стремиться,—продолжалъ Собачкинъ:—это приобрести въ свою собственность принципы, такъ сказать, нравственный! А затѣмъ...

Ораторъ остановился на минуту, какъ бы смакуя ту сладость, которую онъ намѣревался выпустить въ свѣтъ.

— А затѣмъ и всѣ прочіе принципы естественнымъ порядкомъ перейдутъ къ намъ же!—договорилъ онъ вполголоса.

«Скворцы» встрепенулись и, считая предметъ исчерпан-

шумъ, вознамѣрились-было, по обыкновенію, шутки шутить, но Собачкинъ призвалъ ихъ къ порядку и продолжалъ:

— Въ этомъ смыслѣ,—сказалъ онъ,—мы должны начать дѣйствовать съ завтрашняго же дня, и при томъ дѣйствовать рѣшительно и единодушно!

— А старики?—произнесъ что-то изъ присутствующихъ.

«А старики?»—пронеслось надъ душою каждаго. Начались толки; предложенія слѣдовали одни за другими. Одни говорили, что ежели привлечь на свою сторону Гремкина, то дѣло будетъ выиграно навѣрное; другіе говорили, что надобно ближе сойтись съ «маркизами» и ополчиться противъ деспотизма «крѣпкоголовыхъ»; одинъ голосъ даже предложилъ подать руку примиренія «плаксамъ», но противъ этой мысли вооружились рѣшительно всѣ.

— Да вспомните же, господа, кто у насъ у шаровъ-то етоитъ!—горячился князь Соломенный Ножки.—Вѣдь Гремкинъ стоить! Гремкинъ! Поймите вы это!

— Гремкина, Гремкина, messieurs, надо приобрѣсти!—кричали «скворцы».

— Вотъ вы увидите, что мы и теперь накидаемъ только шаровъ, да и разъѣдемся, ничего не сдѣлавши!

— Ну, нѣтъ, это дудки!

— Messieurs! да позвольте же мнѣ высказать свое мнѣніе!

— Messieurs! выслушайте, ради Христа!

Поднялся шумъ и гамъ, столь родственнѣе русскому сердцу; когда же лакей доложилъ, что подано кушать, то всѣ principes окончательно забылись. Фаворы только этого и дожидался, потому что зналъ, что настоящее его торжество начнется за ужиномъ. Опъ мастерски пѣлъ гривуазныя пѣсни и при этомъ какъ-то лихо вертѣлъ направо и налево головою и шевелилъ плечами. Все это очень нравилось искателямъ принциповъ, которые все-таки канканъ цѣнили выше всего на свѣтѣ. И дѣйствительно, какъ только подали ужинать, Фаворы мало-по-малу началъ вступать въ свои права. Уже за первымъ блюдомъ онъ очень шикарно спѣлъ «Un soir

à la barrière», а за вторымъ—до того расходился, что вышелъ изъ-за стола и представилъ, какъ, по его мнѣнію, Гремкиня долженъ канканъ танцовать. Но, сдѣлавши это, онъ струсиль и впалъ въ уныніе, потому что очень живо вообразилъ себѣ, что сдѣлаетъ съ нимъ Гремкиня, если узнаетъ объ его продерзости. Но такъ какъ впечатлѣнія проходили по его французской душѣ быстро, то и это мгновенное уныніе скоро уступило главному, всеильно имъ овладѣвшему чувству—чувству доказать всѣмъ и каждому, что онъ славный малый и что для общаго увеселенія готовъ во всякое время сглотнуть живьемъ своего собственнаго отца. Даже Козелкову досталось въ этихъ юмористическихъ упражненіяхъ, хотя и тутъ Фавори не преминулъ слегка потренировать. Подъ конецъ онъ даже притворился пьянымъ, чтобы окончательно отнять у своихъ амфитріоновъ поводъ жениться съ нимъ и въ то же время приобрести для себя нѣкоторое оправданіе въ будущемъ.

— А что вы скажете насчетъ Марьи Петровны?—приставали къ нему «скворцы».

— Марья Петровна, messieurs... это я вамъ скажу... у ней...—болталъ Фавори, и выбалтывалъ такую мерзость, отъ которой у «скворцовъ» и у «стригуновъ» захватывало духъ отъ наслажденія.

IV.

Время шло да шло, а въ собраніи все «экзаменовали» посредниковъ. Напрасно вопіяли «струны», что въ настоящія «торжественныя минуты» не до дрызговъ, а надо, дескать, подумать о спасеніи принципа и дать хорошиі отпоръ бюрократіи—никто не убѣждался и не унимался. Платонъ Ивановичъ, которому пуще всего хотѣлось посидѣть на своемъ мѣстѣ еще трехлѣтіе, очень основательно рассудилъ, что чѣмъ больше господа дворяне проводятъ такъ время, тѣмъ лучше для него, потому что на этой почвѣ онъ всегда будетъ имъ пріятель, тогда какъ на почвѣ болѣе

серьезной, пожалуй, найдутся и другіе выскочки, которые могут пустить въ глаза пыль. Поэтому онъ всячески разжигалъ рьяныхъ экзаменаторовъ, число которыхъ росло не по днямъ, а по часамъ. Большинство до того увлеклось «экзаменами», что даже возвышалось нѣкоторымъ образомъ до художественности, придавало своимъ запросамъ разнообразныя литературныя формы, изображало ихъ въ лицахъ п т. п.

— *Вы* вынудили меня, милостивый государь, прибѣгнуть къ ручной расправѣ!—ораторствовалъ одинъ.—Я отъ роду, государь мой!—слышите ли?—отъ роду пальцемъ никого не тронулъ, а, по милости вашей, долженъ былъ—понимаете ли?—вынужденъ былъ «легко» потрепать *его* за бороду!

— Вы сдѣлали меня воромъ!—вопіялъ другой.

— Каково мнѣ эти плюхи-то вѣсть?—вопросалъ третій.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, что онъ со мной сдѣлалъ!—докладывалъ четвертый.—Сидитъ этакъ онъ, этакъ я, а этакъ стоитъ Катька-мерзавка... Хорошо. Только, слышу я, говоритъ онъ ей: «вы тоже, голубушка, можете сѣсть»... Это Катькѣ-то! Хорошо. Только я, знаете, смотрю на него, да и Катька тоже смотреть: не помстилось ли ему! Ничуть не бывало! Сидитъ себѣ да бородку пощипываетъ: «Садитесь, говоритъ, садитесь!» Это Катькѣ-то!

— Какъ вы оправдаете такой поступокъ?—сурово произносить предводитель.

— Позвольте, господа, заявить мнѣ здѣсь жалобу отъ имени доброй, больной жены моей!—начинаетъ пятый.

Однимъ словомъ, жалобамъ и протестамъ не предвидится конца. Посредники пыхтятъ и дѣлаютъ презрительныя мины, но внутренно обливаются слезами. Изрѣдка Праведный пустить шипъ по-змѣиному: «поджигатели!»—и посмотреть не то на окошко, не то на экзаменуемаго посредника; отъ шипа этого виноватаго покоробить, какъ бересту на огнѣ, но привязаться онъ не можетъ, потому что Праведный сейчасъ и въ кусты: «это я такъ, на окошко вотъ посмотрѣлъ.

такъ вспомнилось!» И опять обольется сердце посредника кровью. Словомъ сказать, такое положеніе—хоть не кажи морды!

— И на что мы сюда притазились!—толкуютъ между собою «плаксы».

— Всѣхъ на одну осину повѣсить—и баста!—цыркаетъ во все горло проходящій мимо Гремикинъ и *нечаянно* задѣваетъ одного изъ плаксъ локтемъ.

Въ эту минуту голосъ Платона Ивановича покрываетъ общій шумъ.

— Господа!—говоритъ онъ:—баллотируется предложеніе объ исключеніи господина Курилкина изъ собранія! Не угодно ли брать шары?

Курилкинъ обращается къ прокурору и проситъ разъяснить законъ; прокуроръ встаетъ и разъясняетъ. Происходитъ общая суматоха; «крѣпкоголовые» не вѣрятъ, «стригуны» презрительно улыбаются, «плаксы» временно торжествуютъ.

Козелковъ слѣдитъ изъ своего кабинета за этою суматохой и весело потираетъ руки.

— А вѣдь я ловко-таки продернулъ ихъ!—говоритъ онъ правителю канцеляріи.

— Я, вашество, докладываль-сь...

— Да; это вы хорошо дѣлаете, что излагаете передо мной ваши мысли, но, конечно, я бы и самъ...

Однимъ словомъ, такъ развеселился нашъ Дмитрій Павлычъ, что даже похорошѣлъ. Онъ видѣлъ, что надобность пскать броду уже миновалась, и потому не избѣгалъ даже Гремикина; напротивъ того, заигрывалъ съ нимъ и потомъ увѣрялъ всѣхъ и cadaго, что «если съ нимъ (Гремикинымъ) хорошенько сойтись, то онъ совсѣмъ даже и не страшенъ, а просто добрый малый».

Мало того: онъ почувствовалъ потребность выкинуть какую-нибудь штуку. Это бываетъ. Когда человѣка начинаютъ со всѣхъ сторонъ одолавать счастье, когда у него

на лопатках словно крылья какія-то вырастаютъ, которыя такъ и взмываютъ, такъ и взмываютъ его на воздухъ, то въ сердцѣ у него все-таки нѣчто сосетъ и зудитъ, точно вотъ такъ и говоритъ: «да собуди же, братецъ, ты такое дѣло разлюбезное, чтобы такой-то сударь Иванычъ не усидѣлъ, не устоялъ!» И до тѣхъ поръ не успокоится бѣдное сердце, покуда дѣйствительно не исполнитъ человекъ всего своего предѣла.

Козелкову давно ужъ не нравился Платонъ Иванычъ. Не то чтобы они не сходились между собой въ возрѣніяхъ—возрѣній ни у того, ни у другого никакихъ ни на что не было,—но Дмитрію Павлычу почему-то постоянно казалось, что Платонъ Иванычъ словно грубитъ ему. Козелкову собственно хотѣлось чего?—ему хотѣлось, чтобы Платонъ Иванычъ былъ ему другомъ, чтобы Платонъ Иванычъ его уважалъ и объяснялся передъ намъ въ любви, чтобы Платонъ Иванычъ пріѣзжалъ къ нему совѣтоваться: «вотъ, вашество, въ какое я затрудненіе поставленъ»... А вмѣсто того Платонъ Иванычъ смотрѣлъ сурово, и постоянно, ни къ селу, ни къ городу, упоминалъ о какихъ-то «фофанахъ». Каждое изъ этихъ упоминовеній растопленнымъ оловомъ капало на сердце Козелкова, и, несмотря на врожденное его расположеніе къ веселости, дѣло доходило иногда до того, что онъ готовъ былъ растерзать своего врага. Конечно, растерзать онъ не растерзалъ, но зло такъ-порядочно укоренилось въ немъ и ждало только удобнаго случая, чтобы устроить свое маленькое дѣльце.

Настоящая мпнуга казалась благопріятною. Опасенія мпновались, затрудненій не предвидѣлось, и Козелковъ могъ держать безъ риска. До срока ужъ оставалось только два дня; завтра должны состояться уѣздные выборы, на послѣзавтра назначалось самое настоящее, генеральное сраженіе.

Козелковъ имѣлъ по этому случаю совѣщаніе.

— Платонка этотъ... претить!—сказалъ онъ и вицлся глазами въ правителя канцелярій.

— Человѣкъ необрѣзанный-съ.

— И, знаете, думаю даже, что онъ много общимъ интересамъ вредить!

— Ужь на что же, вашество, хуже-съ!

— Потому что возьмите хоть меня! Я—человѣкъ расплѣженный! Я прямо говорю: я—человѣкъ расплѣженный! Но за всёмъ тѣмъ... когда я имѣю дѣло съ этимъ грубияномъ... я не знаю... я не могу!

— А вы, вашество, сюрпризъ имъ сдѣлайте-съ!

— Ну, да, я объ этомъ и подумываю!

— Вы, вашество, вотъ что-съ: завтра, какъ уѣздные-то выборы кончатся, вы вечеромъ на балу и подойдите къ нимъ, да такъ при всѣхъ и скажите-съ: «благодарю, молъ, васъ, Платонъ Иванычъ, что вы согласно съ моими видами въ этомъ важномъ дѣлѣ дѣйствовали». Господа дворяне на это пойдутъ-съ.

— А что вы думаете, въ самомъ дѣлѣ!

— Это вѣрно-съ. Они на этотъ счетъ просты-съ.

Козелковъ повеселѣлъ еще больше. Онъ весь этотъ день, а также утро другого дня употребилъ на дѣланіе визитовъ и вездѣ говорилъ, какъ онъ доволенъ «почтеннѣйшимъ» Платономъ Иванычемъ и какъ желалъ бы, чтобъ этотъ достойный человѣкъ и на будущее трехлѣтіе удержалъ за собой высокое довѣріе дворянства.

— Согласитесь сами, — говорилъ онъ:—вотъ теперь у насъ выборы—ну, гдѣ же бы мнѣ, при моихъ занятіяхъ, уиравить такимъ обширнымъ дѣломъ? А такъ какъ я знаю, что тамъ у меня вѣрный человѣкъ, то я спокоенъ! Я увѣренъ, что тамъ ничего такого не сдѣлается, что было бы противно моимъ интересамъ!

Козелковъ говорилъ такимъ образомъ преимущественно барынямъ, такъ какъ мужей никогда нельзя было найти дома. Барыни, разумѣется, тотчасъ же пересказали мужьямъ и, разумѣется же, такъ перепутали слова Козелкова, что нельзя было даже разобрать, кто о комъ говорилъ: Козел-

ковъ ли о Платонѣ Ивановичѣ, или Платонъ Ивановичъ о Козелковѣ. Но обстоятельство это не только не повредило дѣлу, а, напротивъ того, содѣйствовало его успѣху, ибо оно раздражило любопытство мужской половины, сдѣлало сердца ихъ готовыми къ воспріятію сплетни, но самую сплетню, до поры до времени, еще скрыло. Наконецъ, наступилъ и вечеръ, во время котораго все сіе должно было совершиться.

Просторная зала клуба вся залита свѣтомъ. Отъ огромнаго количества зажженныхъ свѣчъ и множества народа атмосфера душна и влажна. Около дамъ, замѣчательныхъ либо красотою, либо развязностью манеръ, живо образовались цѣлыя кружки молодежи. Демуазельки прохаживаются по залу вереницами, очень часто убѣгаютъ въ уборную и, возвратившись оттуда, о чемъ-то шепчутся и хихикають. Баронесса фонъ-Цанарцъ, высокая, стройная, роскошная, рѣшительно привлекаетъ все сердца; она одѣта въ великолѣпное желтое платье, которое очень идетъ къ ея смуглому и рѣзко-выразительному лицу; около нея такъ и жужжитъ цѣлый рой вздыхающихъ и пламенѣющихъ «стригуновъ». Въ одномъ изъ угловъ сидитъ томная мадамъ Первагина и какъ-то знойно дышитъ подъ влияніемъ рѣчей и взглядовъ Сережи Свайкина; она счастлива и, быть-можетъ, одна изъ всѣхъ наличныхъ дамъ не завидуетъ баронессѣ. «Крѣпкоголовыхъ» не видать никого; они изрѣдка выглядываютъ изъ внутреннихъ комнатъ въ залу, постоятъ минуту около дверей, зѣвнутъ, подумаютъ: «а вѣдь это все наши!»— и исчезнуть въ ту зіяющую пропасть, которая зовется собственно клубомъ. «Маркизы» все на-лицо въ залѣ и показываютъ публикѣ свои граcy. Музыка слаживается и ждетъ только сигнала, чтобы наполнить залу цѣлыми потоками посредственнаго достоинства гарнизонной гармоніи. Господа офицеры натягиваютъ перчатки.

И вдругъ весь этотъ людъ закружился, а съ нимъ вмѣстѣ

заколыхался и горячій воздухъ. «Стригуны» вальсируютъ солидно; «скворцы» прыгаютъ и изгибаются; князекъ Соломенные Ножки, при маломъ своемъ ростѣ, представляется безплодно стремящимся достать до плеча своей дамы; Свайкинъ до того перегнулся, что издали кажется совершеннымъ складнымъ пожикомъ; Цанаритъ выбралъ какого-то подростка изъ demuазелекъ и мнется съ нимъ на одномъ мѣстѣ, словно говоритъ: «а ну, душенька, вотъ такъ ножкой! ну, и еще такъ!» Мадамъ Первагина не вальсируетъ, а, такъ сказать, мѣтеть.

— Приходите завтра утромъ,—шепчетъ она своему кавалеру, Свайкину. — И вамъ покажу картинки...

Но вотъ и опять музыка смолкла; demuазельки тотчасъ же ринулись въ уборную, и велѣдъ затѣмъ оттуда послышалось невинное хихиканье. Баронесса опять стояла среди залы, окруженная цѣлой толпой, и по временамъ взглядывала на входную дверь, какъ будто ждала кого-то. Читатель, — увы! — я долженъ сознаться, что она ждала Козелкова! Да; въ теченіе какихъ-нибудь семи-восьми дней успѣло многое измѣниться, и баронесса не устояла-таки противъ обаяній, которыя тонкою струей источаетъ изъ себя соблазнъ. Отъ нея одной Козелковъ не утаилъ своихъ намѣреній и даже успѣлъ сдѣлать изъ нея вѣрную союзницу, очень ловко намекнувъ, что баронъ слишкомъ ужъ скромный, что отъ него зависѣло бы, и т. д. При этомъ Козелковъ такими жадными глазами смотрѣлъ на баронессу, что ей дѣлалось, въ одно и то же время, и жутко, и сладко. Цѣлая цѣпь губернскихъ торжествъ и поклоненій въ одно мгновеніе пронеслась въ ея восображеніи; цѣлое облако острыхъ губерискихъ онімамовъ разомъ нахлынуло на нее и отуманило ея голову. И какъ ни упирался скаредный сынъ Эстляндіи противъ искушеній жены, какъ ни доказывалъ, что винокуренная операція требуетъ неотлучнаго пребыванія его въ деревнѣ, лукавая дочь Евы успѣла-таки продолбить его твердый черепъ и съ помощью обмороковъ, спазмовъ и другихъ

всеспьныхъ женскихъ обольщеній заставила мужа положить оружіе.

Наконцѣ, Козелковъ явился весь радостный и словно даже свѣтящійся. Онъ прямо направилъ стопы къ баронессѣ, и такъ какъ въ это время оркестръ заигралъ ригурнель кадрили, то они сѣли въ парѣ. Визави у нихъ былъ графъ Козельскій и пикантная предводительша.

— Прикажете, вашество, начинать? — вдругъ грянуль надъ самымъ его ухомъ батальонный командиръ, который въ то же время былъ и распорядителемъ танцевъ.

Козелковъ вздрогнуль и граціозно склонился къ баронессѣ, которая, въ свою очередь, бросила на усерднаго командира не то насмѣшливый, не то утвердительный взглядъ. Командиръ махнуль платкомъ, и пары заколыхались.

— Онъ согласенъ,—сказала баронесса Козелкову.

— Стало-быть, вамъ остается быть только любезной нынѣшней вечеръ съ молодыми людьми и графомъ.

— А вы?

— Я свое дѣло сдѣлаю... Но, баронесса...

Мптенъка вздохнуль такъ, какъ будто бы ему было очень жарко.

— Чтѣ еще? — спросила баронесса и, обернувшись къ нему, улыбнулась всѣмъ своимъ прекраснымъ лицомъ.

Но онъ не отвѣчалъ и все продолжалъ вздыхать.

— Какой вы еще мальчикъ, однакожъ!

— Баронесса! — чуть-чуть протопалъ Козелковъ.

— Молчите! Вы смотрите на меня съ такимъ ужаснымъ краснорѣчіемъ, что даже самые непонятливые — и тѣ могутъ легко убѣдиться. Давайте лучше говорить *de choses indifférentes* и потомъ оставьте меня на цѣлый вечеръ.

— Я, баронесса, уѣду домой.

— Это жаль; но если нужно... Впрочемъ, я сама думаю, что такъ будетъ лучше...

Въ это время Платонъ Ивапычъ, конечно, всего менѣе ожидалъ какихъ-либо нападѣній или подвоховъ и преспо-

койно стоялъ-себѣ въ одной изъ карточныхъ залъ, окруженный приверженцами и заранее предвкушая завтрашнее свое торжество. Онъ даже слегка разсуждалъ о принципахъ и въ «шутливомъ русскомъ тонѣ» проходилъ насчетъ бюрократіи, и хотя разсужденія его были отчасти глупы, но они удовлетворяли «крѣпкоголовыхъ», которые, въ отвѣтъ ему, ласково сошлись. Однимъ словомъ, Платонъ Иванычъ торжествовалъ, а въ городѣ носились уже слухи насчетъ какого-то чудовищнаго обжорства, которое готовилъ предводитель въ заключеніе выборовъ.

Въ такую-то минуту въ эту самую комнату вошелъ Дмитрій Павлычъ Козелковъ и прямо подошелъ къ Платону Иванычу.

— Господа! — сказалъ онъ голосомъ, нѣсколько дрожавшимъ отъ волненія: — пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы передъ лицомъ вашимъ засвидѣтельствовать мою искреннюю признательность достойнѣйшему Платону Иванычу! Платонъ Иванычъ! мнѣ пріятно сознаться, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково настоящее собраніе гг. дворянъ, вы вполне оправдали мое довѣріе! Вы не только дѣйствовали совершенно согласно съ моими видами и предназначеніями, но, такъ сказать, даже благосклонно предупреждали ихъ. Еще разъ благодарю!

Платонъ Иванычъ сторяча ничего не понялъ и съ чувствомъ пожалъ протянутую ему Козелковымъ руку. Окружающіе, болѣею частью, были умилены, но нѣкоторыхъ уже нѣчто кольнуло. Сказавши свою рѣчь, Козелковъ рысцой поспѣшилъ оставить клубъ.

Гремикинъ, какъ говорится, взвился...

На другой день, съ самаго утра, по городу уже ходилъ слухъ о кандидатурѣ барона фонъ-Цанарцта, какъ о такой, которая имѣетъ всего болѣе шансовъ на успѣхъ. И дѣйствительно, къ четыремъ часамъ пополудни эти слухи получили полное осуществленіе. Платона Иваныча, по обык-

новенію, окружили и просили еще разъ пожертвовать собою на пользу сословія; но когда онъ изъявилъ готовность баллотироваться (и при этомъ даже заплакалъ), то, противъ обыкновенія, его прокатили на воронныхъ. Графа Козельскаго вновь, и огромнымъ большинствомъ, выбрали въ почетители губернской гимназіи.

Нахожу излишнимъ прибавлять здѣсь, что чудовищное обжорство, задуманное Платономъ Иванычемъ, не состоялось, и городъ, дня черезъ два, принялъ свою будничную, пустынную физиономію.

Я охотно изобразилъ бы, въ заключеніе, какъ Козелковъ окончательно увѣрился въ томъ, что онъ—Меттернихъ, какъ онъ собирался въ Петербургъ, какъ онъ поѣхалъ туда и о чемъ дорого думалъ, и какъ, наконецъ, пріѣхалъ; я охотно остановился бы даже на томъ, что онъ говорилъ о своихъ подвигахъ въ вагонѣ на желѣзной дорогѣ (до такой степени все въ жизни этого «героя нашего времени» кажется мнѣ замѣчательнымъ), но предпочитаю воздержаться.

VI.—«Она еще едва умѣетъ лепетать»...

I.

Побывавши въ Петербургѣ, Козелковъ окончательно убѣдился, что для того, чтобы хорошо вести дѣла, нужно только всѣхъ удовлетворить. А для того, чтобы всѣхъ удовлетворить, нужно всѣхъ очаровать; а для того, чтобы всѣхъ очаровать, нужно — не то чтобы лгать, а такъ объясняться, чтобы никто ничего не понималъ, а всякій бы облизывался. Онъ припомнилъ, что всякій предметъ имѣетъ нѣсколько сторонъ: съ одной стороны — то-то, съ другой стороны — то-то, между тѣмъ — то-то, а если принять въ соображеніе то и то — то-то, и наконецъ, въ заключеніе — то-то. Да, пожалуй, въ крайнемъ случаѣ, можно обойтись и безъ «заключенія», и «очарованіе» не только отъ

этого не терпять, но даже дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе открывается всякаго рода сторонъ и чѣмъ меньше выводится изъ нихъ заключеній. Ибо такимъ образомъ слушатель постоянно держится, такъ сказать, на привязи, постоянно чего-то ждетъ, постоянно что-то, какъ будто, получаетъ и въ то же время никакимъ родомъ это получаемое ухватить не можетъ.

Козелковъ даже и говорить сталъ какъ-то иначе. Прежде онъ совѣстился; скажетъ, бывало, ченуху—сейчасъ же самъ и ротъ разинетъ. Теперь же онъ словно даже и не говорилъ, а гудѣлъ; гудѣлъ изобильно, плавно и мѣрно, точно муха, не повышающая и не понижающая тона, гудѣлъ неустанно и часъ, и два, смотря по тому, сколько требовалось времени, чтобы очаровать, — гудѣлъ самоувѣренно и, такъ сказать, резонно, какъ человѣкъ, который до тонкости понимаетъ, о чемъ онъ гудитъ. И при этомъ не давалъ слушателю никакой возможности сдѣлать возраженіе; а если послѣдній ухитрился какъ-нибудь вернуть свое словечко, то Митенька не смущался и этимъ: выслушавъ возраженіе, соглашался съ нимъ и вновь начиналъ гудѣть, какъ ни въ чемъ не бывало. И дѣйствительно, вникая ему, слушатель, съ теченіемъ времени, мало-по-малу впадалъ какъ бы въ магнетическій сонъ и начиналъ ощущать признаки расслабленія, сопровождаемаго одновременнымъ поражениемъ всѣхъ умственныхъ способностей. Мнилось ему, что онъ куда-то плыветъ, что его что-то поднимаетъ, что впереди у него мелькаетъ свѣтъ—не свѣтъ, а какое-то тайное пріятство, которое потому именно и хорошо, что оно тайное, и что его слѣдуетъ прямо вкушать, а не анализировать.

Самая фигура Митеньки измѣнилась. Былъ онъ въ первобытномъ состояніи невысокъ ростомъ и нѣсколько сутуловатъ, а теперь сдѣлался, что называется, бель-омомъ и даже излишне выпрямился; прежде было въ лицѣ его что-то до такой степени уморительное, что всякій такъ и порывался взять его за цацы: теперь и это исчезло, а вза-

мѣня того явилось какое-то задумчивое, скорбное, почти что гражданственное выраженіе. Точно онъ вотъ-вотъ сей-часъ о чемъ-то думалъ и пришелъ къ безрадостному заключенію, что надо и еще думать, все думать... думать безъ конца. Манеры онъ приобрѣлъ благосклонныя, но сдержанныя, и хотя всѣмъ безъ исключенія протягивалъ руку, но актъ этотъ совершалъ съ такою щепетильною осмотрительностью, что лицу, до котораго онъ относился, оставалось или благоговѣть, или же прыснуть со смѣху.

Къ нововведеніямъ Митенька сталъ относиться критически. Находилъ, что многого еще остается желать и что-хотя, конечно, всего вдругъ нельзя, однако, не мѣшало бы кое-что и поприкинуть. Но и въ этомъ случаѣ онъ надѣялся, что практика значительно поправитъ теорію, а подѣ практикою разумѣлъ себя и другихъ Козелковыхъ, разсѣянныхъ по лицу Россійской имперіи. «Вся суть, mon cher, заключается въ исполнителяхъ,—развивалъ онъ по этому случаю свою теорію:—если исполнителя хороши, и главное (*c'est le mot*) если они съ *направленіемъ*, то всякій законъ»...

Уже съ самой минуты вшествія своего въ вагонъ желѣзной дороги онъ началъ поражать всѣхъ своимъ глубокомысліемъ, зрѣлостью сужденій и, такъ сказать, преданнымъ фродерствомъ. Во-первыхъ, онъ встрѣтился тамъ съ Петей Боковымъ, своимъ другомъ, сослуживцемъ и однокашникомъ, который тоже ѣхалъ по направленію къ Москвѣ. Разумѣется, образовался обмѣнъ мыслей.

— Ты къ себѣ?—спросилъ Митя.

— Да; а ты тоже къ себѣ?—въ свою очередь, спросилъ Петя.

— Да. Пора. Надо дѣло дѣлать.

Оба друга умолкли и уставились глазами въ землю, какъ будто застыдились. Спутники ихъ переглянулись; одни, которые понеопытнѣе, заключили, что съ ними путешествуютъ

инкогнито два среднихъ лѣтъ чимпанзе *), возвращающіеся къ стадамъ своимъ; другіе же, которые поопытнѣе и преимущественно изъ помѣщиковъ, тотчасъ догадались, въ чемъ дѣло, и, взирая то на Митеньку, то на Петеньку, думали: «а чтò, вѣдь это, кажется, напѣ?»

— Знаешь ли, чтò я полагаю? Я полагаю, что обязанности, подобныя моимъ, совершенно ни съ чѣмъ несообразны!—продолжалъ, между тѣмъ, Митенька, вдругъ переставъ стыдиться.

Петенька гамкнулъ что-то въ отвѣтъ. Спутники опять переглянулись; опытные сказали себѣ: «ну, да, это онъ! это нашъ!» Неопытные: «эге! какъ вынче чимпанзе-то выравниваться начали!»

— Я полагаю, что на моемъ мѣстѣ надобно заниматься, такъ сказать, одною внутреннею политикою, — продолжалъ умствовать Митенька.—А то представьте себѣ, напримѣръ, мое положеніе: однажды мнѣ случилось — à la lettre вѣдь это такъ!—разрѣшать вопросъ о выдачѣ вдовьяго паспорта какой-то ратицкихѣ!

— Я тебѣ лучше скажу,—вступился Петенька: — предмѣстникъ мой завелъ, чтобы всѣ низшія присутственныя мѣста представляли ему на утвержденіе дѣла о покункѣ перьевъ, нитокъ и прочей канцелярской дряни! Разумѣется, я это уничтожилъ, но спрашиваю тебя: каковъ гусь мой предмѣстникъ?!

— Я говорилъ и повторяю: если вы желаете, чтобы мы дѣло дѣлали, развяжите намъ руки! Развяжите намъ руки! повторяю я, потому что странно, наконецъ, и требовать отъ человѣка со связанными руками, чтобы онъ дѣйствовалъ!

Въ этомъ духѣ бесѣдовалъ Козелковъ довольно продолжительное время; въ заключеніе же объявилъ себя рѣшительно противъ излишней, изсушающей соки централизаціи,

*) *Чимпанзе* — особый видъ изъ семейства человекоподобныхъ обезьянъ, послѣ *гориллы* наиболее подходящій своею физическою организаціей къ человеку.

и угрожалъ, что если эта система продолжится, то «иногда плодоносныя равнины Россіи въ самомъ скоромъ времени обратятся въ пустыню».

— Намъ надо дать возможность дѣйствовать, — прибавилъ онъ:—надо, чтобы каждый изъ насъ былъ хозяиномъ у себя дома и свободенъ въ своихъ движеніяхъ. Наполеонъ это понималъ. Онъ понималъ, что страсти тогда только умолкнутъ, когда префекты получаютъ полную свободу укрощать ихъ.

— Я совершенно съ тобою согласенъ, — отозвался съ чувствомъ Петенька.

Я не знаю, согласился ли съ Козелковымъ прочіе пассажиры, но съ своей стороны смѣшу заявить, что никакихъ препятствій къ приведенію въ исполненіе его преднамѣреній не встрѣчаю.

Только приѣздъ въ Москву остановилъ потоки козелковскаго краснорѣчія, но и тутъ, выходя изъ вагона, опъ во всеуслышаніе сказалъ другу своему Петенькѣ:

— Я полагаю, мой cher, что намъ не мѣшало бы вступить въ соглашеніе съ здѣшними публицистами!

Однакожъ, къ публицистамъ не поѣхалъ, а отправился обѣдать къ «*ma tante*» Селижаровой, и за обѣдомъ до такой степени очаровалъ всѣхъ умнымъ разговоромъ о необходимости децентрализаціи и о томъ, что децентрализація не есть сепаратизмъ, что молоденькая и хорошенькая кузина Вѣра не выдержала и въ глаза сказала ему:

— Какой вы, однакожъ, Митенька, сдѣлались умный!

II.

Приѣхавши къ «себѣ», Митенька былъ встрѣченъ гурьбою «преданныхъ». Еще до отъѣзда своего въ Петербургъ, опъ постепенно образовалъ около себя цѣлое поколѣніе молодыхъ бюрократовъ, которые отличались тѣмъ, что ходили въ щегольскихъ пиджакахъ, цѣлые дни шатались съ визитами, очаровывали дамъ отличнымъ знаніемъ французскаго діалекта и немилосердѣйшимъ образомъ лгали.

Во главѣ этой камариллы стоялъ правитель канцеляріи, которій хотя былъ малый по возрастѣ и происходилъ изъ семинаристовъ, однако, какъ человѣкъ сообразительный, вынужденъ былъ слѣдовать за общимъ потокомъ. Митенька гордился этою молодежью и называлъ ее своею гвардіею.

Ныщце довольно много развелось такихъ бюрократовъ. Начальники неутомимо стараются о томъ, чтобы окружить себя молодыми людьми, которые бы имѣли отчетливое понятіе объ англійскомъ проборѣ и показывали въ приемахъ грацію. Это, по мнѣнію ихъ, возвышаетъ администрацію, сообщая ей извѣстнаго рода шикъ. Нѣкоторые даже снимаютъ съ себя фотографическіе портреты въ такомъ видѣ: посрединѣ сидятъ молодой начальникъ, по бокамъ — молодые подчиненные — и, право, грушны выходятъ хоть куда! Начальникъ обыкновенно представляется нѣчто разъясняющимъ, подчиненные — понимающими. Что разъясняетъ начальникъ и что понимаютъ подчиненные — объ этомъ до сихъ поръ не могъ дать отчета ни одинъ фотографъ; однако я никакъ не позволю себѣ предположить, чтобы это былъ съ ихъ стороны наглый обманъ.

Итакъ, «преданные» гурьбой встрѣтили Митеньку. Произошла сцена. Въ былыя времена администраторъ ограничился бы тѣмъ, что прослезился; но Митенька, какъ человѣкъ современный, произнесъ рѣчь.

— Въ настоящую минуту, господа, — сказалъ онъ: — мнѣ болѣе, нежели когда-нибудь, необходимо ваше усердіе. Прежде я многое предугадывалъ, теперь — убѣдился. Виды выяснились совершенно. Намъ предстоитъ только условиться насчетъ плана будущей кампаніи — о планѣ этомъ вы будете въ свое время поставлены мною въ извѣстность — и затѣмъ дружно направить свои усилія къ единой общей цѣли. Не обѣщаю вамъ, что трудъ будетъ легкій; напротивъ того, не скрою, что онъ даже будетъ очень и очень тяжелъ, но надѣюсь, что, съ Божьею помощью, мы преодолѣмъ препятствія и уничтожимъ преграды. Главное,

messieurs. — быть всегда на стражѣ. Вы поставлены, такъ сказать, у кормила общественнаго спокойствія; а съ общественнымъ спокойствіемъ — по крайней мѣрѣ, таково мое мнѣніе — въ сильной степени связано общественное благосостояніе. Съ одной стороны, ничто такъ не обезпечиваетъ благонамѣренный человѣческій трудъ, какъ общая тишина; съ другой стороны, что же можетъ намъ гарантировать тишину, какъ не благонамѣренный человѣческій трудъ? Эти двѣ великія общественныя силы неразрывны (Митенька соединилъ при этомъ пальцы обѣихъ рукъ и сдѣлалъ видъ, что не можетъ ихъ растащить), и если мы взглянемъ на дѣло глазами проникательными, то поймемъ, что въ тѣсномъ ихъ единеніи лежитъ залогъ нашего славнаго будущаго. Тѣмъ не менѣе, смотря на предметъ безпристрастно, я не могу не сказать, что намъ еще многого кой-чего въ этомъ смыслѣ недостаетъ; а если принять въ соображеніе, съ одной стороны, славянскую распущенность, а съ другой стороны, что время никогда терять не слѣдуетъ, то мы естественно придемъ къ заключенію, что дѣло не ждетъ и что необходимо приступить къ нему немедленно. Eheu, Posthume, Posthume! — такъ предостерегаетъ насъ древній поэтъ, и мы не имѣемъ права не воспользоваться его совѣтомъ. Итакъ, господа, бодрость и смѣлость! Будемъ вмѣстѣ работать и вмѣстѣ надѣяться. Съ своей стороны, я всегда, какъ вы знаете, готовъ ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ за достойнѣйшихъ.

Такова была, въ первый разъ по возобновленіи, вступительная рѣчь Митеньки. Правитель канцеляріи сейчасъ же опредѣлилъ ея достоинство, сказавъ, что эта рѣчь безъ подлежащаго, безъ сказуемаго и безъ связки, но «преданные» повяли. Съ своей стороны, хотя я и согласенъ съ мнѣніемъ правителя канцеляріи, но нахожу, что такого рода краснорѣчіе составляетъ истинное благополучіе и положительный ресурсъ при нашей бѣдности. Съ помощью его можно администрировать, можно издавать журналы,

можно даже написать цѣлый ученый трактатъ. И будетъ хорошо.

Разумѣется, если бы у насъ были другія средства, если бы мы, по крайней мѣрѣ, впрямь желали что-нибудь сказать — тогда дѣло другое; а то вѣдь и сказать-то мы ничего не хотимъ, а только такъ, зря выбрасываемъ слова изъ гортани, потому что на языкѣ болона выросла. Стало-быть, тутъ рѣчи безъ подлежащаго, сказуемаго и связки приходится именно какъ разъ въ пору. Во-первыхъ, обиліе словотеченія можетъ обмануть слушателя; во-вторыхъ, ежели слушатель и не обманется, то чтò же онъ сдѣлаетъ?—плюнуть и отойдетъ прочь, и ничего больше.

Сказавъ свое слово, Козелковъ не устыдился, какъ дѣлывалъ это прежде, но зажмуриль глаза и представился утомленнымъ.

— Безъ вашего къ намъ «земскія учрежденія» пришли-сь,—робко молвилъ правитель канцеляріи.

— Будемъ орудовать-сь.

— Прикажете, вашество, распоряженіе сдѣлать?

— Будемъ распоряжаться-сь.

Присутствующіе думали, что Козелковъ вновь вступаетъ въ состояніе единословія, однако ошиблись. Дѣйствительно, онъ нѣсколько минутъ простоялъ, словно отуманенный, но такъ какъ закваска была положена, то не успѣли слушатели оглянуться, какъ уже толчея была въ исправности и попрежнему толкла безостановочно.

— «Земскія учрежденія», messieurs, — сказалъ онъ: — вотъ часть той перспективы, которая виднѣется передъ нами въ будущемъ. Всѣ картины, messieurs, пишутся по частямъ и постепенно, и ни одна изъ нихъ никогда еще не являлась на свѣтъ вдругъ, готовою во всѣхъ своихъ частяхъ. Начатая съ извѣстнаго пункта, картина растетъ, растетъ, развивается, развивается, все дальше и дальше, покуда, наконецъ, художникъ не почувствуетъ потребности довершить начатое, освѣтивъ дѣло рукъ своихъ лучами

солнца. И все въ мірѣ слѣдуетъ этому мудрому закону постепенности. Все живетъ, все работаетъ, все дѣлаетъ свое дѣло потихоньку и не спѣша. Все смотритъ впередъ, *messieurs*. И я почитаю себя счастливымъ, что могу быть передъ вами истолкователемъ тѣхъ чувствъ, которыми болѣе или менѣе всякій изъ васъ волнуется. Да; еще въ школахъ насъ заставляли заучивать мудрое изреченіе: «надежда утѣшаетъ царя на тронѣ, земледѣльца за сохою, страждущаго на одрѣ смерти», и еще:

Надежда, кроткая посланница небесъ!

И я нахожу, что незабвенные наши педагоги очень хорошо поступали, что упражняли наши молодые умы подобными изреченіями. Итакъ, повторяю: картина еще не нарисована, но она будетъ нарисована—въ этомъ порукой вамъ... я! Я многое могъ бы сказать вамъ по этому поводу, о многомъ желалъ бы условиться, объясниться, посоветоваться (я человѣкъ, *messieurs*, и, какъ человѣкъ, могу ошибаться), но нахожу полезнѣйшимъ оставить этотъ предметъ до времени. А покамѣсть, *messieurs*, подумайте, и ежели встрѣтите какія-либо сомнѣнія, обращайтесь ко мнѣ съ полною откровенностью. Подумайте, *messieurs*!

Единодушное «ура!» было ствѣтомъ на эту новую предиду обожаемаго начальника. Но Козелковъ уже утомился и только махнулъ рукой на шумныя заявленія «преданныхъ».

Дѣло было вечеромъ, и Митенька основательно разсудилъ, что самое лучшее, что онъ можетъ теперь сдѣлать—это лечь спать. Отходя на сонъ грядущій, онъ старался дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлалъ и говорилъ въ теченіе дня, — и не могъ. Во снѣ тоже ничего не видалъ. Тѣмъ не менѣе, далъ себѣ слово и впредь поступать точно такимъ же образомъ.

III.

А на дворѣ, между тѣмъ, не на шутку разыгралась весна. Крыши домовъ ужъ сухи; на обнаженныхъ отъ

льдяного черепа улицахъ стоять лужи; солнце на пригрѣвѣ печеть совершенно по-лѣтнему. Прилетѣли съ юга птицы и стали вить гнѣзда; жаворонокъ кружится и заливается въ вышинѣ колокольчикомъ. Поползли червяки; гдѣ-то въ вскрывшемся прудѣ сладострастно квакнула лягушка. Огнемъ залило все тѣло молодой купчихи Безселендѣвой.

— Не могу я ноченьки спать! все тебя, ненаглядного, влжу!—говоритъ она старому, дряхлому мужу своему.

— Спи!—рычитъ старый мужъ и, перекрестивши ротъ, перевертывается на другой бокъ.

Словомъ, все, всѣ улицы города Семиозерска переполнены какою-то особенною, горячею атмосферой.

Митенька тоже ощущаетъ на себѣ признаки всемогущей весны. Во-первыхъ, на лицѣ у него появилось безчисленное множество прыщей, что очень къ нему не идетъ. Каждый разъ, вечеромъ, передъ сномъ, онъ садится передъ зеркаломъ и спрашиваетъ камердинера своего Ивана:

— А что, братъ, кажется, ужъ и въ самомъ дѣлѣ весна?

— Сами видите!—угрюмо отвѣчалъ Иванъ.

— Много?

— Не есть числа!

— Дай пудру!

Во-вторыхъ, онъ каждый день, около сумерокъ, пробирается окольными переулками къ дому, занимаемому баронессой фонъ-Цанарцъ. Въ отдаленіи, на почтенномъ разстояніи, рѣютъ кварталныя.

Но административныя заботы парализуютъ все, даже порывы любви. Нѣтъ той силы, нѣтъ той страсти, которая изгнала бы изъ головы Митеньки земскія учрежденія. «Что такое земскія учрежденія?» — спрашиваетъ онъ себя сто разъ на дню, и хотя объяснить не можетъ, но понимаетъ, чувствуетъ, что понимаетъ. И такимъ образомъ вліяніе весны уничтожается само собою и выражается въ однихъ прыщахъ. Напрасно хотеть онъ забыть свои преждевременныя опасенія, напрасно хотеть упитъя виномъ

любви: въ ту самую минуту, когда уста его уже отваживаются прикоснуться къ чашѣ, вдругъ что-то словно кольпегъ его въ бокъ: «а про земскія-то учрежденія и забылъ?»

— Вы не повѣрите, *Marie*, какъ я озабоченъ,—говорить онъ баронессѣ, которая смотритъ на него отчасти съ досадою, отчасти проницательно.—Эти земскія учрежденія... я начинаю, наконецъ, думать о нигилизмѣ!

— Такъ вы... нигилистъ?—произноситъ баронесса и смотритъ еще насмѣшливѣе, какъ будто хочетъ сказать:—Барзоровъ никогда не позволилъ бы себѣ поступать такимъ пелѣнымъ образомъ съ хорошенькой женщиной...

— Скажу вамъ, *Marie*, по секрету: мы всѣ, сколько насъ ни есть, мы всѣ немножко нигилисты... Да! Разумѣется, мы обязаны, покаместъ, держать это подъ спудомъ, но вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь, и истина, *bon gré, mal gré*, должна же когда-нибудь открыться!

Баронесса съ изумленіемъ слушаетъ это новаго рода признаніе, но оно начинаетъ интересовать ее.

— *Au fait*, что такое нигилизмъ?—продолжаетъ ораторствовать Митенька. — Откиньте уродливыя крайности, урезоньте стриженныхъ дѣвицъ... и, спрашиваю я васъ, что вы получите въ результатъ? Вы получите: *vanitas vanitatum et omnia vanitas* — и больше ничего! Но развѣ это не правда? развѣ всѣ мы, начиная съ того древняго философа, который въ первый разъ выразилъ эту мысль, не согласны насчетъ этого?

Митенька наклоняется очень близко къ плечу баронессы и запискивающими глазами смотритъ ей въ лицо.

— Не нужно только бунтовать,—прибавляетъ онъ нѣжно.

— Но надѣюсь, что вы бунтовать не будете?

— Конечно, противъ васъ, *Marie*, какой же бунтъ съ моей стороны возможенъ?

— Вы меня не знаете, *Marie*, — говоритъ онъ таинственно: — я совсѣмъ не таковъ, какимъ кажусь съ пер-

ваго взгляда. Конечно, я служу... но вѣдь я честолюбивъ! Marie! поймите, вѣдь я честолюбивъ! Откиньте это, взгляните въ меня пристальнѣе — и вы увидите, что административная оболочка далеко не исчерпываетъ всего моего содержанія!

— Итакъ... вы повстанецъ?

— Я не говорю этого, баронесса, — опять-таки, зачѣмъ впадать въ крайности? Но я могу... я, во всякомъ случаѣ, могу сохранить свою независимость! Этого, я надѣюсь, никто отъ меня не отниметъ!

Митенька чувствуетъ, что онъ все болѣе и болѣе запутывается, но приходъ барона очень кстати выводитъ его изъ неловкаго положенія.

— А знаешь ли, Шарль, вѣдь Дмитрій Павлычъ хочетъ идти... какъ еще это въ газетахъ пишутъ... «до лясу», кажется?—продолжаетъ приставать баронесса.

— Что жъ, вашество, въ городской дѣсь уединиться извольте?—любезно шутитъ баронъ.

— Баронесса меня просто сегодня преслѣдуетъ... Но, серьезно, у меня есть много кой-о-чемъ переговорить съ вами, баронъ!

— Къ вашимъ услугамъ, вашество.

— Во-первыхъ, баронъ, какъ хотите, а эти земскія учрежденія ужасно заботятъ меня...

— Что же въ особенности внушаетъ вашему опасенія?

— Нѣтъ, не опасенія собственно, но... какъ хотите, а это предметъ такой важности, что прежде, нежели приступить къ нему, необходимо, по моему мнѣнью, обсудить его внимательно и со всѣхъ сторонъ.

— Я, съ своей стороны, полагаю, вашество, что намъ предстоитъ только исполнить...

— Исполнить—это такъ; но, съ другой стороны, нельзя не принять во вниманіе и того, что и при самомъ исполненіи необходимо принять мѣры къ обезпеченію нѣкоторой свободы совѣсти...

Баронъ кусаетъ губы; баронесса просто хохочетъ.

— Итъ, мсьё Козелковъ, я вижу, что вы и въ самомъ дѣлѣ помышляете «до лясу»!—говоритъ она.

— Вы смѣтаетесь, баронесса, а между тѣмъ тутъ дѣйстви-тельно идетъ дѣло о предметѣ первой важности.

Митенька окончательно начинаетъ гнѣваться, и разговоръ упадаетъ самъ собою. Черезъ нѣсколько минутъ онъ удаляется, сопровождаемый насмѣшливыми взглядами баронессы. Въ отдаленіи рѣютъ квартальные.

На другой день губернскіе остроумцы развозятъ по городу извѣстіе, что Козелковъ скрылся «до лясу» и что его даже видѣли въ городскомъ лѣсу токующимъ съ тетеревами.

IV.

Дни проходятъ за днями; Митенька все болтаетъ.

— Вы поймите мою мысль,—твердитъ онъ каждый день правителю канцеляріи:—я чего желаю? Я желаю, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы священное право собственности было вполне обезпечено, чтобы порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ и, наконецъ, чтобы вездѣ и на всемъ видна была рука! Вы понимаете: «рука»! Вотъ программа, съ которою я выступаю на административное поприще; и натурально, что покуда я не осуществлю всѣхъ своихъ предположеній, покуда, такъ сказать, не увеличаю зданія, я не буду въ состояніи успокоиться. Не претендуйте же на меня, почтеннѣйшій Разумнякъ Семенычъ, что я частенько-таки буду повторять вамъ: впередъ! впередъ! впередъ! Есть вещи, объ которыхъ никогда нельзя достаточно наговориться, и къ числу ихъ принадлежать именно тѣ цѣли, о которыхъ я вамъ говорю и которыхъ достиженіе составляетъ всю задачу моей администраціи. Повторяю: покуда мы съ вами не достигнемъ ихъ, покуда я не приду къ убѣжденію, что, гдѣ бы я ни былъ, рука моя, все-таки, вездѣ будетъ давать себя чувствовать необременительнымъ, но, тѣмъ не менѣе, равномернымъ давленіемъ,—

до тѣхъ поръ, говорю, я не подожу оружія. А теперь будемъ подписывать бумаги.

Рѣчи эти, ежедневно и регулярно повторяемыя, до такой степени остервенили правителя канцеляріи, что онъ, несмотря на всю свою сдержанность и терпимость, нѣсколько разъ покушался крикнуть: «молчать!» И дѣйствительно, надо было войти въ кожу этого человѣка, чтобы понять весь трагизмъ его положенія. Каждый день, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, быть обязательнымъ слушателемъ длинныхъ рѣчей и не имѣть права заткнуть уши, убѣжать, плюнуть или инымъ образомъ выразить свои чувства—какъ хотите, а такое положеніе можетъ навести на мысль о самоубійствѣ. Во время этихъ рѣчей почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ блѣднѣлъ и краснѣлъ, и ощущалъ въ рукахъ судорогу и даже чуть ли не колики въ желудкѣ. А Митенька, между тѣмъ, подписывалъ бумаги одна за другой, и все болталъ, все болталъ.

— Я бы желалъ,—ораторствовалъ онъ,—чтобы всѣ, начиная отъ самаго приближеннаго ко мнѣ лица и до самаго послѣдняго субалтернъ-офицера, поняли мою мысль такъ же точно, какъ я ее самъ понимаю. Я желалъ бы собрать всю губернію, соединить, такъ сказать, на одно мгновеніе всѣ административные рычаги въ одинъ пунктъ и сказать имъ: «Господа! вотъ моя мысль! вотъ моя программа! Поймите, господа, что я вамъ говорю, и сообразуйтесь!» Да-съ, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ, я былъ бы совершенно счастливымъ начальникомъ, если бы это оказалось возможнымъ!

— Что жъ, вашество, это не трудно-съ; можно завтра же оповѣстить-съ,—отвѣчалъ правитель канцеляріи, заранѣе обольщаясь мыслью, что часть лежащей на немъ тяжести обрушится на другихъ.

— Вы полагаете оповѣстить здѣшнихъ?

— Точно такъ, здѣшнихъ-съ.

— Да, это недурно; но все же это не то. Я желалъ бы, чтобы вся губернія—понимаете, *вся* губернія?—присутство-

вала при этой моей, такъ сказать, внутренней исповѣди. Вы читали Карамзина?

— Такъ точно-съ.

— Помните тамъ одно мѣсто, когда Юаннъ Грозный, убѣжденный добродѣтельнымъ Сильвестромъ, рѣшается... Это можетъ вамъ дать нѣкоторую идею о томъ, чего бы именно я желалъ!

— Осмѣлюсь, вашество, доложить, что царь Иванъ Васильевичъ не долженъ былъ испрашивать разрѣшенія вышшаго начальства, чтобы устроить подобное торжество, а вашество...

Митенька закручинился.

— Да,—сказалъ онъ:—вѣдь я забываю объ этихъ подробностяхъ. Да, Разумникъ Семенычъ, вся жизнь наша—подробности, и при томъ жалкія, несносныя подробности! Желалъ бы парить, желалъ бы летѣть—ахъ, смотришь, крылья вдоль и поперекъ связаны!

— Такъ прикажете, вашество, здѣшнихъ покаместъ оповѣстить?

— Да, покаместъ... а впоследствии надѣюсь постепенно, съ Божьею помощію, и прочихъ приобщить къ осуществленію моихъ плановъ!

Разумѣется, правитель канцеляріи поспѣшилъ исполнить данное приказаніе, но исполнилъ его такимъ образомъ, что по городу сейчасъ же разнеслись цѣлыя легенды.

Послѣдствіемъ этого было, что на другой день мѣстные гранды сказались больными (такъ что всѣ присутственныя мѣста въ Семнозерскѣ были въ этотъ день закрыты), а исправникъ, какъ только прослышалъ о предстоящей исповѣди, ту жь минуту отправился въ уѣздъ. Явился только городской голова съ гласными да бургомистръ съ ратманами, но Митенька и тутъ нашелся.

— Много званныхъ, но мало избранныхъ, — такъ началъ онъ рѣчь свою.—Очень радъ, господа, что имѣю дѣло съ почтенными представителями одного изъ почтеннѣйшихъ со-

словій нашего любимаго отечества, нашей дорогой сердцу Россіи! Милостивые государи! нѣтъ сомнѣнія, что трудъ есть то оживляющее начало, которое въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ представляетъ собой главный государственный нервъ. Трудящійся человѣкъ тихъ, скромнъ, покорнъ начальству и заботится объ исправномъ платежѣ податей и повинностей. Трудящійся человѣкъ спѣшитъ на защиту отечества въ минуту опасности, ибо знаетъ, что опасность эта угрожаетъ и его труду. Лѣнивый, напротивъ того, безпокоенъ, строптивъ, къ начальству непочтительнъ и къ уплатѣ податей равнодушнъ. Лѣнивый на самую опасность отечества взираетъ беззаботно и на защиту его не спѣшитъ. Таково, милостивые государи, значеніе труда въ общей государственной системѣ, и я совершенно счастливъ, что имѣю честь объяснить это передъ вами, какъ передъ естественными его представителями.

Дмитрій Павлычъ остановился, чтобы перевести духъ и въ то же время дать возможность почтеннымъ представителямъ сказать свое слово. Но послѣдніе стояли выпучивши на него глаза и тяжело вздыхали. Городекой голова понималъ, однакожъ, что надобно что-нибудь сказать, и даже нѣсколько разъ раскрывалъ ротъ, но какъ-то ничего у него, кромѣ: «мы, вашество, всѣ силы-мѣры», не выходило. Такимъ образомъ Митенька вынужденъ былъ одинъ пести на себя всѣ тяжести предпринятаго имъ словеснаго подвига.

— Я желалъ бы, чтобы вы поняли мою мысль, господа!— продолжаетъ онъ.—Чего я хочу, къ чему я стремлюсь? Отвѣтъ на это очень простой. Я хочу, чтобы всѣ, по возможности, были довольны, чтобы никто не былъ обиженъ, чтобы всякій могъ беззаботно пользоваться плодами рукъ своихъ. Я стремлюсь къ тому, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы священное право собственности было для всѣхъ обезпечено и чтобы порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ. Надѣюсь, почтенные представители, что въ этихъ желаніяхъ и стремленіяхъ нѣтъ ничего

такого, чему бы вы не сочувствовали. (Представители еще болѣе пиятъ глаза на Митеньку; нѣкоторые, однакожь, кланяются; городской голова шепчетъ: «мы, вашество, всѣ силы-мѣры!»). Не сомнѣваюсь, друзья мои, не сомнѣваюсь! Знаю и вижу. Но, съ другой стороны, ежели я буду желать и стремиться одинъ, ежели я буду усиливаться, а почтенные представители отечественной гражданственности и общественности не будутъ оказывать мнѣ содѣйствія («мы, вашество, всѣ силы-мѣры!» озлобленно сопить голова), то спрашиваю я васъ: чтò изъ этого можегь произойти? А вотъ чтò, друзья мои: я могу уподобиться форрейтору, который, не замѣчая, что постромки, привязывавшія къ экипажу выносныхъ лошадей, оборвались, все мчится впередъ и впередъ, между тѣмъ какъ экипажъ давно остановился и погрязъ въ болотѣ...

Вымолвивши такую штуку, Митенька окончательно стала втушикъ и даже раскрылъ ротъ. Проходить нѣсколько томительныхъ минутъ, покуда Митенька, наконецъ, убѣждается, что кончить какъ-нибудь, все-таки, надобно. На сей разъ онъ рѣшается «завершить зданіе» посредствомъ фигуры воззванія, поощренія или возбужденія.

— Итакъ, господа, впередъ! Бодрость и смѣлость! Вы знаете мою мысль, я знаю вашу готовность! Если мы соединимъ то и другое, а главное если дадимъ нашимъ усиліямъ надлежащее направленіе, то, будьте увѣрены, ни зависть, ни неблагонамѣренность не осмѣлятся уязвить насъ своимъ жаломъ; я же, съ своей стороны, во всякое время готовъ буду ходатайствовать о достойнѣйшихъ предъ высшимъ начальствомъ. Прощайте, господа! не смѣю удерживать васъ посреди вашихъ полезныхъ занятій. До свиданія!

Митенька сдѣлалъ прощальный знакъ рукою и вышелъ. Но почтенные представители долго еще не могли придти въ себя отъ удивленія. Все мнилось имъ, что это не даромъ, и что хотя Митенька ни слова не упомянулъ о пожертвованіи, но пожертвованіе погребется. Градской го-

лова до такой степени былъ убѣжденъ въ этомъ, что, сходя съ крыльца Митенькиной квартиры, обратился къ своимъ сотоварищамъ и молвилъ:

— Что жъ, православные, по мѣрѣ силы-возможности каждого есть долгъ и обязанность! А нутко, Господи благослови! ура!

V.

Дни идутъ за днями, а Митенька все болтаетъ.

— Знаете ли чтѣ? — говоритъ онъ однажды правителю канцеляріи.

При этомъ вступленіи Разумникъ Семенычъ зеленѣеть, запускаетъ подъ жилетъ руку и всюю пятерней до крови скребетъ себѣ грудь.

— Я ждалъ бы имѣть въ своемъ распоряженіи публициста! — продолжаетъ, между тѣмъ, Митенька съ невозмутимѣйшимъ хладнокровіемъ.

«Друнище ты необузданный!» — шипитъ про себя Разумникъ Семенычъ, но вслухъ говоритъ:

— То-есть, какъ же это, вашество, публициста?

— Подъ публицистомъ я разумѣю такого механика, которому я могъ бы подать мысль, намекнуть, а онъ бы сейчасъ привелъ все это въ порядокъ!

— Если вашему угодно что-нибудь приказать, то, кажется, мы завсегда...

— Нѣтъ, это не то! Я вижу, что вы меня не понимаете! Вы исполняете свои обязанности, а публицистъ долженъ исполнять свои! Въ Петербургѣ это ведется такъ: чиновники пишутъ свое, публицисты — свое. Ежели начальникъ желаетъ распорядиться келейно, то приказываетъ чиновнику; ежели онъ желаетъ выразить свою мысль въ приличной формѣ, то призываетъ публициста! Вы мени поняли?

— Поняль-сь.

— Слѣдственно, вы должны понять и то, что человѣкъ, который бы могъ быть готовымъ во всякое время слѣдовать

каждому моему указанію, который былъ бы въ состояніи не только понять и уловить мою мысль, но и дать ей приличныя формы, что такой человѣкъ, повторяю я, мнѣ рѣшительно необходимъ. Въ настоящее время я безъ рукъ: ибо, спрашиваю я васъ, въ чемъ собственно заключается моя обязанность? Моя обязанность заключается въ томъ, чтобы подать мысль, начертить, сдѣлать наметку... но сплотивъ все это, собрать въ одно цѣлое, сообщить моимъ намѣреніямъ гармонію и стройность—все это, согласитесь, находится уже, такъ сказать, внѣ круга моихъ обязанностей, на все это я долженъ имѣть особаго человѣка! Вы меня поняли? Вы поняли, что я хочу вамъ сказать?

— Но какія же, вашество, будутъ занятія у этого публициста?

— Выслушайте меня. Вы уже знаете изъ объясненій со мной, что на мнѣ собственно лежитъ, такъ сказать, внутренняя политика—и ничего больше. Всѣ эти бумаги: донесенія, предписанія, подтвержденія—все это только печальная необходимость, которой я подчиняюсь единственно потому, что куда это такъ требуется. Но главное—все-таки, политика. Что такое «политика»? Политика, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ,—это такое обширное понятіе, которое въ немногихъ словахъ объяснить довольно трудно. Политика—это все. Достаточно будетъ, если я на первый разъ скажу вамъ, что политика можетъ быть разныхъ родовъ; можетъ быть политика здравая и можетъ быть политика гибельная; можетъ быть политика, ведущая къ наилучшему концу, и можетъ быть политика, которая ни къ чему, кромѣ разстройства, не приводитъ. Но для того, чтобы мысль моя была для васъ еще яснѣе, очерчу въ легкомъ абрисѣ мою собственную политику. Я желаю, во-первыхъ, чтобы у меня процвѣтала торговля; во-вторыхъ, чтобы священное право собственности было вполне обезпечено, и, въ-третьихъ, наконецъ, чтобы порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ. Вотъ моя внутрен-

няя политика. Но будемъ продолжать нить нашего разсужденія. Имѣя, такимъ образомъ, опредѣленную внутреннюю политику, я, съ одной стороны, долженъ быть весьма озабоченъ ею; съ другой же стороны, эта самая озабоченность должна на каждомъ шагѣ возбуждать во мнѣ самыя разнообразныя мысли. При настоящемъ моемъ, такъ сказать, изолированномъ положеніи, что дѣлается съ моими мыслями? Хотя и горько, но я долженъ сознаться, что большая ихъ часть забывается и исчезаетъ безслѣдно. Я мыслю, и въ то же время не мыслю, потому что не имѣю въ распоряженіи своемъ человѣка, который слѣдилъ бы за моими мыслями, могъ бы уловить ихъ, такъ сказать, на лету и, въ концѣ концовъ, изложить въ приличныхъ формахъ. Вотъ здѣсь-то, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ, именно и нуженъ мнѣ публицистъ, то-есть такой механикъ, которому я могъ бы во всякое время сказать: «вотъ, милостивый государь, моя мысль! Теперь не угодно ли вамъ привести ее въ надлежащій видъ!» Вы меня поняли?

— Понимаю, вашество, и осмѣлюсь, съ своей стороны, доложить...

— Знаю, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ, знаю, и ко всему мною уже высказанному могу прибавить одно: вы меня знаете, и слѣдственно можете быть увѣрены, что я всегда готовъ ходатайствовать передъ вышнимъ начальствомъ за достѣйнѣйшихъ!

Въ тотъ же день публицистъ былъ отысканъ. Это былъ нѣкто Златоустовъ, учитель словесности въ семнозерекой гимназіи, homo scribendi peritus, уже нѣсколько разъ помѣщавшій въ мѣстной газетѣ статейки о предполагаемыхъ водопроводахъ и о преимуществѣ спиртового освѣщенія передъ маслянымъ. Вечеромъ онъ уже имѣлъ съ Митенькой продолжительное совѣщаніе, во время котораго держалъ себя очень ловко, то-есть смотрѣлъ своему амфитріону въ глаза, улыбался и по временамъ нетерпѣливо поворачивался въ креслѣ, словно конь, готовый по первому знаку

заржать и пуститься въ атаку. Однимъ словомъ, показали видъ, что сочувствуетъ и понимаетъ. А въ слѣдующемъ же номерѣ губернскихъ вѣдомостей былъ напечатанъ слѣдующій leading къ читателямъ:

«НАШИ ЖЕЛАНІЯ».

«Читатель! тебѣ покажется страннымъ, что мы чего-нибудь желаемъ. Тебѣ все еще сдается, что мы не созрѣли, не имѣемъ права желать, и что за насъ долженъ желать кто-то другой... Разуверься! Посмотри кругомъ себя и вложи пальцы въ язвы. Что ты видишь окрестъ? Ты видишь просвѣщенное начальство, которое, съ своей стороны, ничего такъ страстно не жаждетъ, какъ того, чтобы ты желалъ, и не только желалъ, но и выражалъ свои желанія устно и письменно. Что такое «начальство»? спросишь ты меня.—Начальство, отвѣчаю я тебѣ, есть то зиждущее, всепроникающее начало, которое непрестанно бдитъ и изыскиваетъ. О чемъ бдитъ? что изыскиваетъ? Вотъ тѣ вопросы, надъ которыми тебѣ предстоитъ задуматься, читатель, и надъ которыми ты несомнѣнно задумаешься, если дашь себѣ трудъ вникнуть въ смыслъ моихъ словъ. Я же, съ своей стороны, продолжаю.

«Итакъ, несмотря на кажущуюся странность подобной претензіи, мы желаемъ. Чего мы желаемъ? Мы желаемъ, во-первыхъ, чтобы промышленность въ нашсмъ краю процвѣтала; во-вторыхъ, чтобы священное право собственности повсюду и для всѣхъ было обезпечено, и, въ-третьихъ, наконецъ, чтобы порядокъ ни въ какомъ случаѣ нарушенъ не былъ. Желанія, повидному, очень скромныя; да они и не «повидному» только скромны, но и въ самомъ существѣ своемъ. Ибо кто же изъ васъ, читатели, желалъ бы, чтобы рынки наши представляли картину заустѣнія, чтобы собственность наша была отнята или поругана, или чтобы міръ потрясался громами революцій? Конечно, врядъ ли найдется такой чудакъ, а это несомнѣнно доказываетъ,

что стремленія, нами высказанныя, не только скромны, но и вполне осуществимы. Однако, на дѣлѣ оно выходитъ не совсѣмъ такъ.

«Что такое промышленность? спрашиваемъ мы самихъ себя.—Промышленность (industrie), отвѣчаютъ намъ экономисты, есть совокупность тѣхъ плодовъ, которые составляютъ необходимый результатъ занятія рукъ человѣческихъ. Слѣдственно, гдѣ руки человѣческія не праздны, тамъ есть занятіе; гдѣ есть занятіе — тамъ въ результатѣ плоды, то-есть промышленность. Тѣ ли мы видимъ у насъ? На это позволимъ себѣ отвѣчать фактомъ, котораго мы, къ несчастію, были очевидцами. На-дняхъ, отправившись для прогулки въ загородный садъ, мы шли мимо заведенія, надъ дверьми котораго нахально красуется вывѣска: «и дешево, и сердито». И въ самомъ заведеніи, и около него толпилось простонародье, хотя день былъ не праздничный, погода стояла ясная и теплая и все, казалось, приглашало къ животворящему труду. Насъ это изумило; мы обратились къ одному изъ стоявшихъ у дверей съ вопросомъ: какая причина такого многочисленнаго сборища?—и получили отвѣтъ: «известно, зачѣмъ въ кабакъ ходить!» Не удовлетворившись этимъ, мы вновь спросили: «но отчего же вы не работаете, друзья?» Но на этотъ вопросъ, вмѣсто отвѣта, послѣдовалъ наглый, возмущающій душу смѣхъ! Вотъ наша промышленность!

«Затѣмъ, что такое собственность и въ чемъ должно заключаться ея обезпеченіе? Тѣ же экономисты отвѣчаютъ намъ: собственность есть прямое и законное продолженіе промышленности, это есть промышленность, такъ сказать, консолидированная. Изъ такого опредѣленія не въ правѣ ли мы будемъ вывести слѣдующій силлогизмъ: гдѣ человѣческія руки не праздны, тамъ есть занятіе; гдѣ есть занятіе, тамъ въ результатѣ есть плодъ, а гдѣ есть плодъ, тамъ неминуемо должна быть и собственность (proprietas)? Tout s'enchaîne, tout se lie dans ce monde, говоритъ одинъ

знаменитый писатель, и ежели мы признаемъ законность этой связи (а не признать ея невозможно), то, само собой разумѣется, должны будемъ признать и законность того явленія, которое изъ нея выходитъ. Но то ли мы видимъ у насъ? На это, опять-таки, позволимъ себѣ отвѣтить разсказомъ объ одномъ происшествіи, котораго мы были надвяхъ не только очевидцами, но и жертвою. Не далѣе, какъ 7-го сего мѣсяца, ночью, въ квартиру нашу вошли воры. Мы спали. Только на другой день утромъ уже удостоверились мы, что были самымъ паглымъ образомъ лишены наиболѣе цѣннаго имущества. Разумѣется, мы тотчасъ же обратились въ полицію — и что же встрѣтили? Въмѣсто того, чтобы немедленно броситься по горячимъ слѣдамъ и отыскать преступниковъ, полиція къ намъ же обратилась съ вопросами: гдѣ мы во время происшествія были, что дѣлали и не вымысленъ ли нами самый фактъ съ какими-либо противозаконными цѣлями!!! Вотъ наши понятія о собственности!

«Все это прямо приводитъ насъ къ вопросу объ обезпеченіи. Ежели собственность есть явленіе законное, то само собой разумѣется, что она должна быть обезпечена и что пользованіе ею должно считаться неприкосновеннымъ правомъ того, кому оно путемъ наслѣдованія или купли принадлежитъ. Но что больше и дѣйствительнѣе всего можетъ обезпечить спокойное обладаніе собственностью? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ третьемъ и главномъ нашемъ желаніи — въ томъ, *чтобы порядокъ ни въ какомъ случаѣ нарушенъ не былъ.*

«И дѣйствительно, разсматривая «порядокъ» съ точки зрѣнія полного и гармоническаго соответствія всѣхъ частей цѣлаго, мы безъ труда найдемъ, что въ немъ одномъ заключается зиждительная государственная сила. Онъ даетъ намъ обезпеченіе и ограду; съ одной стороны, онъ успокаиваетъ и проливаетъ утѣшеніе въ сердце труженника; съ другой — устрашаетъ и полагаетъ препону тунеядцу, ишу-

щему безъ труда воспользоваться плодами рукъ своего ближняго; онъ поощряетъ гражданина скромнаго, вѣрнаго и преданнаго, и угрожаетъ карой гражданину наглому, безпокойному и преданному анархическимъ стремленіямъ.

«Итакъ, мы все желаемъ порядка — это несомнѣнно; но для того, чтобы достигнуть этой дорогой для насъ цѣли, что должны мы сдѣлать, читатель? И на это есть отвѣтъ очень простой: мы должны все вообще и соединенными силами содѣйствовать просвѣщенному начальству въ его благихъ стремленіяхъ къ прекращенію безпорядковъ. Знаемъ, что вошло въ обычай и даже сдѣлалось какъ бы модой обвинять начальство въ тѣхъ неурядицахъ, которыхъ мы, къ сожалѣнію, нерѣдко бываемъ свидѣтелями. Но справедливо ли это? Сойдемте въ глубину нашей совѣсти, исполвѣдуемте самихъ себя: исполняемъ ли мы, общество, какъ слѣдуетъ, наши обязанности въ отношеніи къ начальству? Мы, конечно, могли бы въ отвѣтъ на это привести великое множество фактовъ, очень знаменательныхъ, но... на сей разъ умолкаемъ.

«Однакоже умолкаемъ лишь на время. А покуда попросимъ читателя поразмыслить надъ нашимъ настоящимъ обращеніемъ: быть-можетъ, ему удастся разрѣшить кое-что и безъ нашей помощи».

Когда Митенькѣ принесли номеръ вѣдомостей, въ которомъ была напечатана эта статья, то онъ, не развертывая, подалъ его правителю канцеляріи и сказалъ:

— Вотъ мой публицистъ!

VI.

Дни идутъ за днями, а Митенька все болтаетъ.

Все его оставили, все избѣгаютъ. Баронесса ощущаетъ нервные припадки при одномъ его имени; супругъ ея говоритъ: «этотъ человекъ испортилъ мою Marie!» и безъ церемоніи называетъ Митеньку навъзжею слякотью; обыватели, завидѣвши его на улицѣ, поспѣшно перебѣгаютъ на

другую сторону; долго крѣпился правитель канцеляріи, но и тотъ, наконецъ, не выдержалъ и подалъ въ отставку.

— Я васъ рѣшительно не понимаю, Разумникъ Семеничъ! — сказалъ ему Козелковъ, когда тотъ объяснилъ предметъ своего прошенія.

— Имѣю желаніе отдохнуть-съ.

— Помилуйте! теперь такое время... съ одной стороны, земскія учрежденія, съ другой стороны, вишнія и внутреннія неурядицы...

— Не въ мѣру, вашество, притѣснять меня изволите!

— Я васъ притѣсняю? я?

— Предика эта... каждый день-съ!

Правитель канцеляріи даже побагровѣлъ отъ изступленія при этомъ воспоминаніи.

— Но, согласитесь сами, долженъ же я убѣдиться, что вы поняли мою мысль!

— Имѣю желаніе отдохнуть-съ!

— Странно!

Митенька съ горечью швырнулъ прошеніе на столъ.

— Будетъ сдѣлано распоряженіе-съ, — сказалъ онъ сухо и расшаркнулся.

Когда правитель канцеляріи вышелъ, Митенька раздумался.

— Вотъ, — думалъ онъ: — человекъ, который отчасти уже понялъ мою мысль — и вдругъ онъ оставляетъ меня, и когда оставляетъ? — въ самую рѣшительную минуту! Въ ту минуту, когда у меня все созрѣло, когда планъ кампаніи былъ уже начертанъ, и только оставалось, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ ринуться, чтобъ овладѣть!

Митенька въ одну минуту одѣлся и полетѣлъ въ губернское правленіе съ секретною цѣлью застать членовъ врасплохъ и сразу обдать ихъ потокомъ своего краснорѣчія. Тѣ такъ и ахнули.

— Господа! — сказалъ онъ, засѣвши въ кресло: — я желалъ бы, чтобы вы поняли мою мысль. Покуда мы будемъ

тянуть въ разныя стороны: и въ одну, а вы въ другую — до тѣхъ поръ, говорю я, управленіе у насъ идти не можетъ! Быть-можетъ, вы захотите знать, чего я желаю? — въ такомъ случаѣ, прошу разъ навсегда, выслушайте меня внимательно и запомните, что я вамъ скажу. Желанія мои болѣе нежели скромны; я желаю, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы священное право собственности было вполне обезпечено и чтобы порядокъ, ни подъ какимъ видомъ, нарушенъ не былъ. Вотъ программа, съ которою я вступилъ на поприще административной дѣятельности. Конечно, программа эта обширна, даже, смѣю сказать, слишкомъ обширна; конечно, она обнимаетъ собой всё, такъ сказать, первы общественнаго благоустройства; но, съ другой стороны, развѣ вы не имѣете во мнѣ совѣтника, всегда готоваго разрѣшить всё ваши недоумѣнія? развѣ вы не имѣете во мнѣ всегда вѣрную и надежную опору? Господа! я ничего болѣе не желаю, кромѣ того, чтобы вы поняли мысль мою и приняли ее къ соображенію. Все остальное я беру на себя. Излишнимъ считаю повторять вамъ, что я, съ своей стороны, всегда готовъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ за достойнѣйшихъ. Вы знаете, что въ этомъ отношеніи я твердо держу свое слово. Прощайте.

Это было послѣднее словесное торжество Митеньки. Онъ изнемогъ подъ бременемъ собственнаго своего краснорѣчія и вечеромъ почувствовалъ себя дурно, а къ ночи уже бредилъ.

— Доврался - так! — говорилъ Иванъ съ укоризною, когда Митенька, весь въ огнѣ, показывалъ уже признаки горяченнаго состоянія.

— Ты пойми мою мысль, болванъ! — отвѣчалъ ему Митенька. — Я чего желаю? Я желаю, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы поля были тщательно удобрены, но чтобы въ то же время порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ!

И вдругъ, средѣ самаго, повидимому, мирнаго настроенія

мысли, онъ вскочилъ, какъ озаренный, и не своимъ голосомъ закричалъ:

— Разорю!

VII. — Сомнѣвающійся.

«Онъ» началъ задумываться почти внезапно.

Видь задумывающагося человѣка вообще производить тягостное впечатлѣніе; но когда видишь задумывающагося помпадуръ, то дѣлается не только тяжело, но даже неловко. И тутъ, и тамъ — тайна; но въ первомъ случаѣ — тайна, отъ которой никому ни тепло, ни холодно; во второмъ — тайна, къ которой всякій невольнымъ образомъ чувствуетъ себя прикосновеннымъ. Эта послѣдняя тайна очень мучительна, ибо неизвѣстно, что именно она означаетъ: сомнѣніе или рѣшимость?

Если задумчивость имѣеть источникомъ сомнѣніе, то она для обывателей выгодна. Сомнѣніе (на помпадурскомъ языкѣ) — это не что иное, какъ разбродъ мыслей. Мысли бродятъ, какъ въ лѣтнее время мухи по столу; побродятъ-побродятъ и улетятъ. Сомнѣвающійся помпадуръ — это простой смертный, предпринявшій ревизію своей души; а такъ какъ мѣстопробываніе послѣдней неизвѣстно, то и выходитъ пустое дѣло.

Совсѣмъ другого рода задумчивость, предшествующая рѣшимости: это задумчивость полная содержанія, но содержанія неизвѣстнаго, угрожающаго. А такъ какъ исторія слишкомъ рѣдко представляетъ примѣры помпадуровъ сомнѣвающихся, то и обыватели охотнѣе истолковываютъ помпадурскую задумчивость рѣшимостью, нежели сомнѣніемъ. Задумался — значитъ вознамѣрился нѣчто предпринять. Что именно?

На этотъ разъ, однакожь, содержаніе задумчивости составляло сомнѣніе. Вчера еще онъ былъ полонъ силы и вѣры — и вдругъ усомнился.

Изъ объясненій съ правителемъ канцеляріи онъ совершенно случайно узналъ, что существуетъ законъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшаетъ, въ другихъ — связываетъ. И до того времени ему, конечно, было небызвѣстно, что законъ есть, но онъ представлялъ его себѣ въ видѣ переплетенныхъ книгъ, стоящихъ въ шкапу. Когда эти книги валялись по столамъ и имѣли разорванный и замасленный видъ, то онъ называлъ это безпорядкомъ; когда онѣ стояли чинно на полкѣ, онъ былъ убѣжденъ, что порядокъ у него въ лучшемъ видѣ. Но разрѣшающей или связывающей силы закона онъ не зналъ, и даже скорѣе предполагалъ, что законъ есть не что иное, какъ диеп-рамбъ, сочиненный на пользу и въ поощреніе помпадурамъ. И такъ какъ онъ былъ человекъ скромный и всегда краснѣлъ, когда его въ глаза хвалили, то понятно, что онъ не особенно любилъ заглядывать въ законы.

И вотъ, въ одно прекрасное утро, когда онъ предполагалъ окончательно размахнуться, правитель канцеляріи объявилъ ему о существованіи закона, который маханію руками поставяетъ извѣстные предѣлы.

— Возьмемъ хоть бы лозу, — сказалъ онъ: — есть случаи, въ которыхъ дѣйствіе ея признается полезнымъ, и есть другіе, въ которыхъ дѣйствіе сіе совсѣмъ не допускается-сь.

— Что жъ, вы, что ли, будете указывать мнѣ, когда можно и когда нельзя? — спросилъ «онъ» нѣсколько про-нически.

— Не я-сь, а законъ-сь.

— Весьма любопытно.

На этотъ разъ разговоръ печерпался; но въ то же утро, придя въ губернское правленіе и проходя мимо шкапа съ законами, помпадуръ почувствовалъ, что его нѣчто какъ бы обожгло. Подозрѣніе, что въ шкапу скрывается змій, уже запало въ его душу и породило какое-то страшное любопытство.

Что заключается въ этихъ томахъ, глядящихъ корешками

наружу? Какимъ слогомъ написано то, что тамъ заключается? Употребляются ли слова, въ родѣ: «закатить», «влѣпить», которыя онъ считалъ совершенно достаточными для отправленія своего несложнаго правосудія? Или, быть-можетъ, тамъ стоятъ совершенно другія слова? И точно ли тамъ заключается это странное слово «нельзя», которое, съ самой минуты своего вступленія въ помпадуры, онъ считалъ упрядненнымъ, и о которомъ такъ не въ пору напомнилъ ему правитель канцеляріи?

Все это было до такой степени любопытно, что, несмотря на то, что онъ всячески старался не выказать своего безпокойства, но подъ конецъ не выдержалъ-таки и, какъ-то боязливо улыбаясь, обратился къ правителю канцеляріи:

— А ну-те-съ: желаю я, напримѣръ, подвергнуть тѣлесному наказанію мѣщанина Прохорова... какъ-съ, разрѣшите вы мнѣ или нѣтъ?

— Мнѣ что же-съ! Не я, а законъ-съ.

— Ну, положимъ, хоть бы и законъ-съ?

Правитель канцеляріи направился-было къ шкапу, но на полдорогѣ остановился.

— Келейно высѣчь-съ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не келейно, а какъ слѣдуетъ... по закону-съ!

Правитель канцеляріи раскрылъ томъ и показалъ статью о лицахъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія.

«Онъ» прочиталъ однажды; потомъ какъ-то механически повторилъ прочитанное по складамъ. На него вдругъ пахнуло чѣмъ-то совершенно новымъ и неожиданнымъ.

— А въ указѣ, который по сему предмету изданъ былъ, даже прямо истолковано,—объяснялъ, между тѣмъ, правитель канцеляріи,—что мѣщане потому отъ тѣлеснаго наказанія изъемяются, что они, какъ образованные, имѣютъ больше чувствительности...

— А въ какомъ университетѣ Прохоровъ образованіе получилъ?

— Какое образованіе-съ!.. просто дикій человекъ-съ!

— Влѣпить ему!

Никогда «онъ» не былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи духа. Опасность, казалось, придала ему крылья и превратила предназначенную Прохорову казнь въ какую-то личную противъ него месть. При обыкновенномъ ходѣ вещей Прохоровъ, быть - можетъ, былъ бы отпущенъ съ однимъ внушеніемъ; теперь же онъ представлялъ собою врага, на которомъ должна была найти себѣ примѣненіе первая изъ помпадурскихъ доблестей: презрѣніе къ опасностямъ. До сихъ поръ, не сомнѣваясь въ двѣирамбическомъ содержаніи закона, помпадуръ руководился исключительно инстинктомъ и потому размахивался лишь въ такихъ случаяхъ, когда того требовала его широкая натура. Теперь эта самая широкая натура, разоженная непредвидѣннымъ препятствіемъ, выступила разомъ со всѣми своими правами и какъ бы подсказывала ему: да докажи ты ему, милый человѣкъ, каково-таково существуетъ въ пользу его изъятіе!

— Не позволите ли келейно-сь?—докладывалъ встревоженный правитель канцеляріи.—Все одно свою порцію подучить-сь!

Но «онъ» уже не слушалъ, а съ какою-то дурной ироніей повторялъ:

— Нѣтъ, по закону-сь! Я—по закону-сь! Не отступая-сь... ни на шагъ-сь... ни на волосъ-сь!

И затѣмъ приготовился выйти изъ присутствія, но въ дверяхъ, какъ бы вспомнивъ нѣчто, опять повернулся всѣмъ корпусомъ и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Влѣпить-сь!

Очевидно было, однакожь, что это былъ послѣдній, почти насильственный взрывъ темперамента, не вѣдавшаго узды. Мысль была ужъ возбуждена, и ежели не осадила челоуѣка сразу, то въ ближайшемъ будущемъ должна была выйти побѣдительницей.

Мучимый любопытствомъ, онъ напрасно старался пода-

вить тревожное чувство, овладѣвшее всѣмъ существомъ его. Онъ дурно обѣдалъ, дурно спалъ послѣ обѣда. Работа разложенія дѣлала свое дѣло, и прежнее прочное и цѣльное міросозерцаніе терпѣло видимые ущербы. До сихъ поръ онъ относился къ встрѣчающимся въ природѣ разновидностямъ почти безсознательно, какъ къ созданію своего внутренняго я. И вдругъ оказывается, что разновидности существуютъ въ природѣ вполне независимо отъ личныхъ его вкусовъ и даже предъявляютъ претензію на обязательное ихъ признаніе.

«Изъ сего изъемяются»... Эти слова онъ видѣлъ самъ, собственными глазами, и чѣмъ больше вдумывался въ нихъ, тѣмъ больше они его поражали. Первая степень изумленія формулировалась такъ: «отчего же я этого не зналъ?» Во второй степени формула уже усложнялась и представлялась въ такомъ видѣ: «отчего же, несмотря на несомнѣнность изыятій, я всегда дѣйствовалъ такъ, какъ бы ихъ не существовало, и никакого ущерба отъ того для себя не получалъ?»

Это былъ вопросъ настолько для него существенный, что онъ даже предложилъ его правителю канцеляріи.

— До поры, до времени-съ, — уклончиво отвѣчалъ послѣдній: — вотъ и Филиппъ Филиппычъ (предмѣстникъ помпадура) тоже блаженствовали, да пріѣхалъ ревизоръ-съ...

— Позвольте! не объ этомъ васъ спрашиваютъ. Ревизоръ — это само собою. Это — коли и я захочу: пріѣду и прекращу. Но вѣдь вы говорите, что они, эти изыятія-то, всегда существуютъ и существовали?

— Всегда-съ.

— Не въ ревизорѣ, а въ законѣ... вотъ здѣсь, у васъ въ шкапу?

— Точно такъ-съ.

— Почему же?!

Онъ выпрямился во весь ростъ, какъ бы говоря: ты видишь, однако, что я до сихъ поръ живѣхонекъ!

— То-то, все до поры, до времени-сь.

Отвѣтъ этотъ, однакожь, не удовлетворилъ его, потому что правитель канцеляріи только представлялъ центръ тяжести: отъ помпадура къ ревизору. А ему хотѣлось знать, какимъ образомъ этотъ центръ тяжести, будучи первоначально заключенъ въ шкапу съ законами, вдругъ оттуда исчезъ, а теперь, въ роли непомнящаго родства, перебѣгаетъ отъ помпадура къ ревизору, а отъ ревизора опять къ помпадуру.

— Дуракъ!—сказалъ онъ рѣзко.

Правитель слегка зарумянился и уткнулся въ бумагу.

Онъ это замѣтилъ и поспѣшилъ поправиться.

— Извините, пожалуйста, я погорячился. Постараемтесь привести это дѣло въ ясность. Итакъ, вы утверждаете, что изытія существуютъ?

— Существуютъ-сь.

— Что они не могутъ быть ни отмѣнены, ни измѣнены? Что и я, и ревизоръ, и чортъ, и дьяволъ—всѣ одинаково обязаны имѣть ихъ въ виду и соображаться съ ними? Такъ, что ли?

— Точно такъ-сь.

— Почему жъ?!

Онъ опять выпрямился во весь ростъ, какъ бы спрашивая: да почему жъ я до сихъ поръ живъ-живѣхонекъ?

— Все до поры, до времени-сь...

— Садитесь!

Загадка не давалась, какъ кладъ. На всѣ лады перевертывалъ онъ ее, и все оказывалось, что онъ кружится какъ бѣлка въ колесѣ. Съ одной стороны складывалось такъ: ежели эти изытія, о которыхъ говоритъ правитель канцеляріи,—изытія солидныя, то, стало-быть, мнѣ мать. Съ другой стороны выходило и такъ: ежели я никакихъ изытіій никогда не зналъ и не знаю, и за всѣмъ тѣмъ чувствую себя совершенно хорошо, то, стало-быть, мать изытіямъ.

Что правитель смѣшаль тутъ два предмета совершенно разнородныхъ: ревизора и шкапъ съ законами—это было для него ясно. Что такое ревизоръ? Это человѣкъ, сложенный изъ такого же матеріала, какъ и онъ, помпадуръ. Это—помпадуръ въ квадратъ,—и ничего больше. Онъ приступаетъ къ дѣлу съ такими же голыми руками, какъ и самый послѣдній изъ помпадуровъ. Онъ можетъ знать, что происходитъ въ шкапу съ законами, но можетъ и не знать—дѣло отъ того отнюдь не страдаетъ. Онъ тоже ограниченъ словами: «до поры, до времени» и, стало-быть, въ свою очередь, долженъ состоять въ непрерывномъ опасеніи другого ревизора. Этотъ послѣдній будетъ уже помпадуръ въ кубъ, но, все-таки, не болѣе какъ помпадуръ, имѣющій въ виду грядущаго вдали помпадура четвертой степени. Какое же отношеніе ко всему этому можетъ имѣть шкапъ съ законами?

Но, быть-можетъ, въ этомъ шкапу заключался не самый источникъ «поры» и «времени», а только тотъ матеріалъ, который давалъ возможность въ удобный, по усмотрѣнію, моментъ опредѣлить «пору» и «время»? Это ли хотѣлъ сказать правитель канцелярій?

Вѣроятно же всего, послѣдній именно такъ и разумѣлъ это дѣло. Онъ былъ слишкомъ опытенъ въ обращеніи съ шкапами, чтобы видѣть въ нихъ что-нибудь больше, нежели простые шкапы. За бытность его въ этой должности, передъ глазами его преемственно прошло до десятка помпадуровъ, и всѣ они исчезли какъ дымъ, именно въ силу правила: до поры, до времени. Въ этомъ правилѣ заключалась, по мнѣнію его, вся жизнь. Онъ распространялъ его не только на помпадуровъ, но и на всю природу, на все окружающее. Видѣлъ ли онъ беззавѣтное ликованіе, или осторожность, доходящую до трепета, онъ говорилъ: «до поры, до времени», и всегда оказывался пророкомъ. На ликовущаго человѣка набѣгалъ помпадуръ и съ словами: «ты что горло-то распустилъ?»—приказывалъ взять его въ часть.

Тотъ же помпадуръ набѣгалъ и на осторожнаго человѣка, и съ словами: «прятаться, что ли, ты отъ меня хочешь?»—тоже приказывалъ взять его въ часть. Даже и самого себя правитель канцеляріи не исключалъ изъ этого правила, и зналъ, что и для него придетъ пора и время.

Но здѣсь онъ былъ непослѣдователемъ и вмѣсто того, чтобы ждать бодро и твердо наступленія своего часа, уклонялся, лавировалъ и всячески старался объ его отдаленіи. Инстинктъ самосохраненія былъ слишкомъ силенъ, именно тотъ инстинктъ, который заставляетъ осужденнаго на казнь питать надежды, которымъ никогда не суждено сбыться. Подстрекаемый этимъ инстинктомъ, онъ обращалъ тоскливые взоры къ шкапу съ законами и какъ бы выжидалъ отъ него защиты. Онъ зналъ, что ожиданія его тщетны,—и, все-таки, ждалъ. Это была слабая сторона его философіи, почти отрицаніе ея, и нельзя сказать, чтобы онъ не понималъ этого. Иногда огораживаніе себя отъ преждевременнаго наступленія «часа» требовало отъ него такихъ усилій, что онъ даже помышлялъ бросить это дѣло. «Брошусь, да и поплыву по всему раздолью, какъ прочіе!»—раздумывалъ онъ; но инстинктъ самосохраненія такъ и зудилъ, такъ и нашептывалъ: «погоди, можетъ-быть, и завтра живъ будешь!» И такимъ образомъ онъ жилъ, питая, съ одной стороны, твердое упованіе, что «часъ» неизбѣженъ, съ другой—ободряя себя смутною надеждою, не придетъ ли къ нему въ этотъ страшный моментъ на выручку шкапъ съ законами.

Помпадуръ понялъ это противорѣчіе, и для начала призналъ безусловно-вѣрною только первую половину писемъ-водителевой философіи, то-есть, что на свѣтѣ нѣтъ ничего безусловно-обезпеченнаго, ничего такого, что не подчинялось бы закону поры и времени. Онъ обнялъ совокупность явленій, лежавшихъ въ районѣ его духовнаго ока, и вынужденъ былъ согласиться, что весь міръ стоитъ на этомъ краеугольномъ камнѣ. «Все тутъ-съ». Придя къ этому за-

ключенію и примѣняя его специально къ обывателю, онъ даже расчувствовался.

— Вѣдь вотъ, — говорилъ онъ самъ съ собою: — у него даже минуты нѣтъ... совсѣмъ безопасной! Возьмемъ, напри- мѣръ, хоть меня. Ну, ревизоръ, ну, тамъ чортъ-дьяволь... конечно, это въ своемъ родѣ моментъ! Но вѣдь не сва- лится же онъ ко мнѣ какъ камень на голову. Все же пред- упредить какъ-нибудь; цидулочку, по секрету, добрый чело- вѣкъ напишетъ: ѣдетъ, моля. Ну, вотъ тогда хоть бы этого самого Прохорова на время и убрать можно, чтобы реви- зору въ глаза не кинулся. Да и самый ревизоръ—вѣдь онъ тоже помпадуръ! Развѣ ему эти чувства не извѣстны? Стало- бытъ, можно и разговоръ съ нимъ повести. А обыватель? кто его предупредить? и что онъ предпринять можетъ? Для него всегда «пора» и всегда «время». Завсегда онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ. Онъ думаетъ кусокъ до рта до- нести, а нѣ тутъ пришла «пора» — и полетѣлъ кусокъ на полъ. Вотъ-съ.

Богъ-вѣсть, куда привело бы его это грустное настро- еніе мыслей, если бъ онъ не сознавалъ, что вопросъ долженъ быть разрѣшенъ, помимо сантиментальныхъ соображеній, лично для него самого. И онъ приступилъ къ этому раз- рѣшенію прямо, безъ колебаній.

— Если пора и время неизбежны,—размышлялъ онъ:— то, стало-бытъ, нечего объ нихъ и думать. Существованіе ихъ равняется несуществованію, ибо необезпеченность, воз- веденная въ принципъ, вполне равняется обезпеченности. *Omnia mea mecum porto*—что съ меня возьмешь! Если я совсѣмъ-совсѣмъ не обезпеченъ, то это значить, что я обез- печенъ вполне. *Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ сто- итъ*,—и ничего больше. Сегодня я помпадуръ, стою прямо и бодро; завтра явился помпадуръ въ квадратѣ—прилетѣлъ и переломилъ. *Гдѣ пирушество раздавались крики, надгроб- ные тамъ воютъ лики*,—вотъ и все.

— Да-съ, все-съ,—повторилъ онъ уже вслухъ, в это те-

ченіе мыслей было бы крайне для него благопріятно, если бы оно не было разстроено однимъ совершенно случайнымъ обстоятельствомъ.

Дѣло въ томъ, что, разгуливая безпокойно по комнатѣ, онъ какъ разъ налетѣлъ на шкапъ съ законами.

— Вотъ гдѣ «пора» и «время»!—шепнулъ ему какой-то таинственный голосъ.

— Вздоръ-съ! — заревѣлъ онъ во все горло въ отвѣтъ этому предостереженію, но тутъ же сконфузился и поблѣднѣлъ.

Инстинктъ самосохраненія, уже испортившій цѣльность міросозерцанія нисемоводителя, вспыхнулъ и въ немъ.

Онъ судорожно схватилъ въ руки томъ и началъ его перелистывать. Чтò онъ тамъ увидѣлъ! Боже! чтò онъ увидѣлъ!

Онъ увидѣлъ, что вся жизнь человѣческая предусмòтрѣна и опредѣлена. Все, начиная съ питанія и кончая просвѣщеніемъ и обязанностью устроить фабрики и заводы и содержать въ исправности мосты и перевозки. На все— подробное правило, и за неисполненіе каждаго правила— угроза. Ему, ему... угроза! Да, и ему. И его жизнь предусмòтрѣна и опредѣлена, и она обставлена многосложнѣйшими обязанностями и отношеніями. Онъ былъ центромъ, около котораго группировались: и обывательское продовольствіе, и обывательская нравственность, и просвѣщеніе, и торговля. И всему этому присвоилось названіе «обязанностей», но отнюдь не «правъ». Правда, что для выполненія этихъ обязанностей онъ былъ вооруженъ угрозою, но размѣры этой угрозы также были опредѣлены заранее и выходить изъ этихъ размѣровъ представлялось небезопаснымъ.

«Воспрещается», «вмѣняется въ обязанность»—вотъ выраженія, съ которыми онъ совершенно неожиданно вынужденъ былъ познакомиться. Ни «закатать», ни «влѣпить»—

ничего подобнаго. Прохоровъ же былъ «изъятъ» несомнѣнно.

Онъ былъ подавленъ, уничтоженъ. Тѣмъ не менѣе, капризная мысль его и тутъ не измѣнила своему обычному характеру. Онъ не сказалъ себѣ:—вотъ какое бремя лежитъ на мнѣ, безвѣстномъ кадетѣ, выбравшемся въ помпадуры! вотъ съ чѣмъ надлежало мнѣ познакомиться, прежде чѣмъ расточать направо и налево: «влѣшнить» да «закаптитъ»!—но вскочилъ, какъ ужаленный, и съ какимъ-то горькимъ, нервнымъ смѣхомъ воскликнулъ:

— Послѣ этого... послѣ этого... зачѣмъ же мы, помпадуры, нужны?!

«Нужны ли помпадуры?» Неотразимая ясность этого вопроса оскорбляла нашего помпадура до крови. И всего больнѣе при этомъ было то, что оскорбленіе шло изнутри, что онъ самъ, своею неумѣренною пытливостью, вызвалъ его.

Съ этой минуты горькое чувство окрасило все его существованіе. Прямого врага не было, но чувствовалось по всему, что врагъ этотъ существуетъ, что онъ невидимо сопутствуетъ всюду, во всякое время. Явилась страстная потребность полемизировать; но когда полемика воспріяла начало, то оказалось, что она имѣетъ характеръ косвенный, робкій. Въ ея ироніи не сказывалось свободы; ея дерзость проявлялась порывами и свидѣтельствовала о напряженномъ состояніи душевныхъ силъ. Проходя мимо шкапа, онъ улыбался и дѣлалъ головой ироническій жестъ, но даже мало-проницательный человѣкъ могъ догадаться, что и улыбкой, и жестомъ онъ только обманываетъ самого себя. Съ такою неувѣренностью улыбается человѣкъ передъ врагомъ, котораго онъ имѣетъ причины опасаться, но передъ которымъ считаетъ, однакожъ, нужнымъ слегка похорохориться. Какъ-то сойдетъ ему съ рукъ эта улыбка? Пройдетъ ли врагъ мимо, не замѣтивъ ея, или же замѣтитъ и тутъ же за нее покараетъ?

Онъ начиналъ полемизировать съ утра. Когда онъ приходилъ въ правленіе, первое лицо, съ которымъ онъ встрѣчался въ передней, былъ неизмѣнный мѣщанинъ Прохоровъ, подобранный въ безчувственномъ видѣ на улицѣ и посаженный въ часть. Въ прежнее время свиданіе это имѣло, въ глазахъ помпадура, характеръ обычая и заканчивалось словомъ: «вѣспить!» Теперь на первый планъ выступила полемика, то-есть терзаніе, отражающееся не столько на Прохоровѣ, сколько на самомъ помпадурѣ.

— Ну-съ, господинъ Прохоровъ, что скажете? — начинаетъ онъ, останавливаясь передъ безобразнымъ малымъ съ отекившимъ лицомъ и налитыми кровью глазами.

— Виновать, ваше благородіе!

Горькая улыбка появляется на лицѣ помпадура.

— Что же-съ... съ Богомъ! Будто вы не знаете, что вы изъятые!.. Да-съ, изъятые. Это не я говорю, а законъ-съ. По случаю вашей образованности-съ...

— Ваше высокоблагородіе! помилосердствуйте! Съ нынѣшняго дня даже зарокъ себѣ положилъ.

— Зачѣмъ же зарокъ-съ, кушайте! Въ прежнее время я васъ за это по спинѣ глаживалъ, а теперь... законъ-съ! Да что же вы стоите, образованный молодой человѣкъ? Стулъ господину Прохорову! По крайности, посмотрю я, какъ ты, к-к-каналья, сидѣть передо мной будешь!

Онъ не выдерживаетъ роли и, хлопнувъ дверью, весь кипящій и колышущійся, входитъ въ канцелярскую камору. Но тамъ ожидаютъ его новые поводы для полемики: журналы, исходящія бумаги, нераспечатанная почта и проч.

— Зачѣмъ вы всю эту чепуху на столъ ко мнѣ навалили?—обращается онъ къ правителю, указывая на ворохъ.

— Бумаги-съ...

— Знаю, что бумаги. Да вѣдь вы говорили, что есть законъ?

— Точно такъ-съ.

— Слѣдственно, и докладывайте ихъ господину закону, а меня отъ каверзъ увольте!

Правитель безпокойно слѣдитъ за его тѣлодвиженіями.

— Я теперь такъ поступать буду,—продолжалъ ораторствовать помпадуръ:—что бы тамъ ни случилось—законъ. Пѣшкомъ человекъ идетъ — покажи законъ! въ телегѣ ѣдетъ—законъ! Я васъ дойму, милостивый государь, этимъ закономъ! Вонъ онъ! вонъ онъ! — восклицаетъ онъ, завидѣвъ изъ окна мужика, вдущаго на базаръ.—Съ огурцами на базаръ ѣдетъ! гдѣ законъ? Остановить его!

— Не возбраняется-съ.

— Гдѣ сказано: «не возбраняется»? Покажите!

Правитель краснѣетъ и извиняется, какъ вьюнъ на сковородѣ. Къ счастью, помпадуръ, исчерпавъ одинъ предметъ, уже чувствуетъ потребность перейти къ другому.

— Вонъ у меня на пожарномъ дворѣ всѣ рукава у трубъ ссохлись,—говоритъ онъ: — посмотримъ, какъ-то починить ихъ господинъ законъ!

Водворяется временное молчаніе. Правитель канцеляріи садится на мѣсто и тихо поскрипываетъ перомъ. Самъ помпадуръ, нѣсколько успокоенный, останавливается передъ зеркаломъ и вглядывается въ вклеенные по бокамъ его указы. Но,—увы!—онъ не только не извлекаетъ изъ нихъ никакихъ поученій, но, напротивъ того, съ какимъ-то безконечно-горькимъ упрекомъ произноситъ:

— Ты!

Бумаги, однакожь, не ждутъ. Какъ ни постылы кажутся ему онѣ въ настоящую минуту, но онъ, волей-неволей, садится къ столу и начинаетъ съ ожесточеніемъ распечатывать одинъ пакетъ за другимъ.

— И зачѣмъ они мнѣ предписываютъ! — восклицаетъ онъ.—Знаютъ, что есть законъ—ну, и предписывали бы закону! Анъ нѣтъ—все ко мнѣ да ко мнѣ!

Слышится шелестъ бумаги и бормотаніе: «предписывается

вамъ», «велѣть ему, помпадуру», «неотложно», «немедленно», «подъ опасеніемъ взысканія по законамъ»...

— Я вамъ говорю!—придирается онъ къ правителю канцеляріи.

— Что изволите приказать-съ?

— Я не приказываю, а говорю. Приказываетъ законъ, а я только говорю. Я спрашиваю васъ: зачѣмъ они мнѣ предписываютъ, коли законъ есть?

— Потому собственно... — оправдывается правитель, но оправданіе его выходитъ неловкое, спутанное.

Правитель канцеляріи самъ чувствуетъ эту неловкость. Случайно затѣявши кутерьму, онъ всталъ втупикъ при видѣ бездны противорѣчій, въ которую ввергло его совѣстное существованіе закона и помпадура.

— Садитесь.

Помпадуръ подмахиваетъ одну бумагу за другой, но однажды начатая работа мысли уже не покидаетъ его. Онъ смутно сознаетъ, что объясненія ему ждать неоткуда. По крайней мѣрѣ, онъ найдетъ его не здѣсь, не въ стѣнахъ канцелярской каморы. Эти стѣны положительно начинаютъ давить его. Пространство, окруженное ими, кажется ему заколдованнымъ кругомъ, въ который не можетъ пробраться ни одинъ простой и ясный отвѣтъ. Здѣсь все заколочено наглухо, все смотритъ упрекомъ, все допрашиваетъ, язвитъ, загадываетъ загадки и тутъ же бросаетъ эти загадки безъ всякой попытки къ ихъ разрѣшенію. Гдѣ взять это разрѣшеніе? гдѣ искать его?

Онъ еще въ кадетскомъ корпусѣ слышалъ, что есть на свѣтѣ явленіе, именующееся «борьбою съ закономъ». Что многіе боролись успѣшно, но многіе же и изнемогали въ этой борьбѣ. Такъ, на примѣръ, одинъ губернаторъ болѣе двухъ десятилѣтій боролся, и даже чуть-было не побѣдилъ, но пріѣхалъ ревизоръ и сразу заставилъ побѣдителя положить оружіе. Минута этого плѣненія губернаторскаго была страшною минутой для многихъ. Помпадуры гибли десят-

ками; зеркальная поверхность административнаго моря возмутилась почти мгновенно; униженные и оскорбленные подняли голову, ликующіе и творящіе расправу опустили ее долу; такъ-называемые ябедники выползли изъ своихъ норъ и прöderзостно называли себя представителями общественной совѣсти. Крушеніе было общее.

Роль борющагося съ законами челоуѣка имѣла свою привлекательность, и очень можетъ быть, что въ другое время онъ охотно остановился бы на ней. Но, во-первыхъ, онъ понималъ, что бороться (успѣшно или неуспѣшно) могутъ только очень сильные люди, и что ему, безвѣстному помпадуру Богъ-вѣсть которой степени, предоставлена въ этомъ случаѣ лишь мелкая полемика, которая ни къ чему другому не можетъ привести, кромѣ изнуренія. Во-вторыхъ, онъ зашелъ уже слишкомъ вглубь вопроса, чтобы увлечься какою-нибудь эпизодическою подробностью, какъ бы блестяща она ни была. Его занимало совсѣмъ не то, что борьба возможна, а то, *въ силу чего она возможна*, и почему для однихъ она оканчивается лаврами, а для другихъ—постыднымъ бѣгствомъ въ отставку и даже подь судъ. Что-нибудь изъ двухъ: либо законъ, либо онъ, помпадуръ. Такъ, по крайней мѣрѣ, представлялось это дѣло его пониманію. Если законъ можетъ умиротворить мѣщанина Прохорова—пускай и умиротворить; если законъ можетъ исправить сохшіеся рукава у пожарныхъ трубъ—пускай и исправить!

— Пускай-съ!—воскликаетъ онъ мысленно.

Но если законъ не можетъ ни исправить, ни умиротворить, то пусть же онъ и не мѣшаетъ ему, помпадуру, пусть не становится поперекъ его предназначаній.

Неуязвимость этой логики была ясна какъ день.

Но вотъ нить его размышленій прерывается криками, несущимися съ пожарнаго двора. То бунтуетъ Прохоровъ, требуя, чтобы его рѣшили немедленно. Poleмика возобновляется.

— Какъ прикажете?—спрашиваетъ письмоводитель.

— Зачѣмъ вы спрашиваете? Вѣдь вы знаете, что я ничего не могу! Что теперь — *Законъ!* Какъ тамъ написано, такъ тому и быть. Ежели написано: господину Прохорову награду дать—я радъ-съ; ежели написано: влѣпнуть!—я и противъ этого возраженій не имѣю!

Въ такихъ безрезультатныхъ рѣшеніяхъ проходить все утро. Наконецъ, присутственные часы истекаютъ: бумаги и журналы подписаны и сданы; дѣло Прохорова разрѣшается само собою, то-есть взморомъ. Но даже въ этотъ вождедѣнный моментъ, когда вся природа свидѣтельствуешь о наступленіи адмиральскаго часа, чело его не разглаживается. Въ былое время онъ зашелъ бы передъ обѣдомъ на пожарный дворъ; осмотрѣлъ бы рукава, ящики, насосы; при своихъ глазахъ велѣлъ бы все зачинить и заклепать... Теперь онъ думаетъ: «пускай все это сдѣлаетъ законъ».

Онъ положительно озлобленъ и даже домой идетъ какою-то нервною, оскорбленною походкой.

Къ обѣду является стряпчій, бездомный малый, давно ужъ приобрѣвшій привычку питаться насчетъ помнадур. Но разговоръ какъ-то не клеится. Первое кушанье съѣдается молча; передъ вторымъ помнадуръ рѣшается пустить въ ходъ мучащую его загадку.

— Давеча мнѣ письмоводитель цѣлую предіку насчетъ законовъ прочиталъ,—произносить онъ.

— Что же такое?

— Да все насчетъ этой... обязательной силы, что ли...

Стряпчій выпиваетъ рюмку водки и совершенно флегматично отвѣчаетъ:

— Давненько ужъ эти слухи-то ходятъ!

— А по-твоему какъ?

— По-моему, все до поры, до времени.

— Фу! опять это слово! Да пойми же, братецъ, что ежели есть законъ и можетъ этотъ законъ все сдѣлать, такъ при чемъ же я-то въ помнадурахъ состою?

— Надоѣло, видно, тебѣ жалованье-то получать!

Помпадуръ пробуетъ продолжать споръ, но оказывается, что почва, на которой стоитъ стряпчій, та самая, на которой держится и писмоводитель, что, слѣдовательно, тутъ можно найти только обходъ и отнюдь не рѣшеніе вопроса по существу. «Либо законъ, либо я», — вотъ какую дилемму поставилъ себѣ помпадуръ, и требоваль, чтобъ она разрѣшена была прямо, не норовя ни въ ту, ни въ другую сторону.

«Нѣтъ, это все не то!—думалось ему. — Если бы я собственными глазами не видѣлъ: «законъ»—ну, тогда точно! И я бы могъ жалованье получать, и законъ бы своимъ порядкомъ въ шкапу стоялъ. Но теперь вѣдь я видѣлъ, стало-быть, знаю; стало-быть, даже невѣдѣніемъ отговариваться не могу. Какъ ни поверни, а соблюдать долженъ. А попробуй-ка я соблюдать—да тутъ одинъ Прохоровъ такую задачу задасть, что ногъ не унесешь!»

Въ такихъ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ проходятъ дни за днями. Очень возможно, что онъ и совѣмъ не добился бы отвѣта на мучившіе его вопросы, если бы внезапно не осѣнила его героическая рѣшимость, которую онъ и привелъ немедленно въ исполненіе.

Рѣшимость эта заключалась въ томъ, чтобы изслѣдовать въ самомъ источникѣ, узнать отъ чистыхъ сердцемъ и нищихъ духомъ (снн суть столпы), нужны ли помпадуры. Въ какихъ отношеніяхъ находится къ этому источнику практика помпадурская и въ какихъ — практика законовъ? которая изъ нихъ имѣетъ перевѣсъ? въ какомъ смыслѣ—въ смыслѣ ли творческомъ, или просто въ смыслѣ реактива, производящаго баламутъ?

Чтобы осуществить эту мысль, онъ прибѣгнулъ къ самому первоначальному способу, то-есть передѣлся въ партикулярное платье, и въ первый воскресный день incognito отправился на базарную площадь.

День былъ веселый и базаръ многолюдный; площадь была загромождена возами съ осенними продуктами; говоръ несся отовсюду. Въ воздухѣ пахло капустой, грибами и овощами. Звякали мѣдные гроши, слышалось хлопанье по рукамъ, пробное щелканье глиняной посуды, ржаніе лошадей. Въ одномъ мѣстѣ пѣли пѣсни, въ другомъ ругались; тамъ и сямъ кричали: «карауль!» Бабы торговались съ такой энергіей, что, казалось, готовы были перервать другъ другу горло. Были и случаи неповиновенія властямъ: будочникъ просилъ у торговки пять грибовъ на щи, а она давала два, и будочникъ качалъ головой, какъ бы обдумывая, не разстрѣлять ли бабу за упротство...

Но помпадуръ ничего не замѣчалъ. Онъ былъ отъ природы не сантименталенъ, и потому вопросъ, счастливы ли подвѣдомственные ему обыватели, интересовалъ его мало. Быть-можетъ, онъ даже думалъ, что они не смѣютъ не быть счастливыми. Поэтому проявленія народной жизни, проходившія передъ его глазами, казались не болѣе какъ фантазмагоріей, ключъ къ объясненію которой, быть-можетъ, когда-то существовалъ, но уже въ давнее время однимъ изъ наѣзжихъ помпадуровъ былъ закинутъ въ колодець, и съ тѣхъ поръ никто оттуда достать его не можетъ.

Тѣмъ не менѣе, кое-что изъ происходившаго даже ему бросилось въ глаза.

Прежде всего его поразило слѣдующее обстоятельство. Какъ только онъ сбросилъ съ себя помпадурскій образъ, такъ тотчасъ же всѣ перестали оказывать ему знаки уваженія. Стало-быть, того особаго помпадурскаго вещества, которымъ онъ предполагалъ себя пропитаннымъ, вовсе не существовало; а если и можно было указать на что-нибудь въ этомъ родѣ, то, очевидно, что это «что-нибудь» скорѣе принадлежало мундиру помпадура, нежели ему самому.

Второе поразившее его обстоятельство было такого рода. Шель по базару полицейскій унтеръ-офицеръ (даже не квартальный),— и всѣ передъ нимъ разступались, снимали

шапки. Вскорѣ, вслѣдъ за унтеръ-офицеромъ, прошелъ по тому же базару такъ-называемый ябедникъ съ томомъ законовъ подъ мышкой, — и никто передъ нимъ даже пальцемъ не пошевелилъ. Стало-быть, и въ законѣ нѣтъ того особливаго вещества, которое заставляетъ держать руки по швамъ; ибо если бы это вещество было, то оно, конечно, дало бы почувствовать себя и подъ мышкой у ябедника.

Стало-быть, вещество заключено собственно въ мундирѣ; взятые же независимо отъ мундира, и онъ, помпадуръ, и законъ — равны.

Заключеніе это вскорѣ было самымъ блистательнымъ образомъ подтверждено и другими изслѣдованіями.

Какъ ни старательно онъ прислушивался къ говору толпы, но слова: «помпадуръ», «законъ» — ни разу не долетѣли до его слуха. Либо эти люди были счастливы сами по себѣ, либо они просто дикіе, не имѣющіе даже элементарныхъ понятій о томъ, что во всемъ образованномъ мірѣ извѣстно подъ именемъ общественнаго благоустройства и благочинія. Долго онъ не рѣшался заговорить съ кѣмъ-нибудь, но, наконецъ, замѣтилъ довольно благообразнаго старика, стоявшаго у воза съ кожами, и подошелъ къ нему.

— Вотъ что, почтеннѣйшій, — началъ онъ: — человекъ я прѣзжій, и нужно мнѣ до вашего градоначальника дойти. Каковъ онъ у васъ?

— Это какой же начальникъ?

— Да вонъ тотъ... главный... что на пожарномъ дворѣ живетъ.

— А кто его знаетъ! надобности намъ въ немъ не видится.

Помпадуръ даже передернуло при этомъ отвѣтѣ.

— Какъ же это, почтеннѣйшій, до градоначальника — да надобности нѣтъ? А ну, ежели, на примѣръ... что бы, на примѣръ...

Онъ сталъ отыскивать подходящій примѣръ, но какъ ни усиливался — могъ отыскать только слѣдующій:

— А ну, напримѣръ, ежели въ часть попадешь?

— До сихъ поръ Богъ миловалъ. А ежели когда попадемъ, тогда и узнаемъ.

— Но, можетъ-быть, слухи какіе-нибудь ходять... Въдь это градоначальникъ, почтениѣйшій! говорятъ же о немъ что-нибудь!

— И слуховъ не знаемъ. Потому ничего намъ этого не надобно.

— Гм!.. Стало-быть, такъ и живете? и ничего не опасаетесь?

— Опасаться какъ не опасаться, завсегда опасаемся, потому что все до поры, до времени.

— Можетъ, закона боишься?

— Говорю тебѣ: до поры, до времени. Выѣдешь это изъ дому хоть бы на базаръ, а воротишься ли домой—впередъ сказать не можешь. Вотъ тебѣ и сказъ. Можетъ-быть, законъ тебѣ пропишутъ, али бы что...

— Странно это. Если ты ведешь себя хорошо, если ты ничего не дѣлалъ... я надѣюсь, что господинъ градоначальникъ настолько справедливъ...

— Ты и надѣйся, а мы надежды не имѣемъ. Никакихъ мы ни градоначальниковъ, ни законовъ твоихъ не знаемъ, а знаемъ, что у каждаго человѣка своя планида. И ежели, примѣрно, сидѣть тебѣ, милый человѣкъ, сегодня въ части, такъ ты хоть за сто верстъ отъ нея убѣги—все къ ней же воротишься!

Таково было содержаніе перваго разговора. Покончивъ съ кожевенникомъ, помпадуръ устремился къ старичку-мѣщанину, стоявшему у палатки, увѣщенной лубочными картинками. Старикъ былъ обритъ и одѣтъ въ нѣмецкое платье и сквозь круглые очки читалъ одну изъ книгъ московскаго издѣлія, которыми то же, повидимому, производилъ торгъ.

— Почтениѣйшій!—обратился онъ къ мѣщанину:—я человѣкъ пріѣзжій и имѣю надобность до вашего градоначальника. Каковъ онъ?

— А какъ вамъ, сударь, сказать. Нужды мы до сихъ поръ въ господинъ градоначальникъ не видѣли.

— Однакожь?

— Такъ точно-съ. Отъ съѣзжей поукуда Богъ миловаль, а о прочемъ о чемъ же намъ съ господиномъ градоначальникомъ разговоръ имѣть?

— Стало-быть, такъ живете, что опасаться вамъ нечего?

— Ну, тоже не безъ опаски живемъ. И въ Писаніи сказано: блюдите да опасно ходите. По нашему званію, каждую минуту опасаться должно.

— Чего же вы боитесь? О градоначальникъ, какъ вы сами сейчасъ сказали, даже понятія не имѣете. — законъ, что ли, вамъ страшенъ?

— И о законъ доложу вамъ, сударь: законъ для вельможъ да для дворянъ дѣйствіе имѣеть, а простой народъ сму не подвержень!

— Не понимаю.

— Да и не легко понять-съ, а только дѣйствительно оно такъ точно. Потому народъ — онъ больше натуральными правами руководствуется. Повѣрите ли, сударь, даже податей понять не можетъ!

— Однако, чего же-нибудь да боитесь вы?

— Планиды-съ. Все до поры, до времени. У всякаго своя планида, все равно, какъ камень съ неба. Выйдешь утромъ изъ дому, а воротишься ли — не знаешь. Въ темномъ страхъ такъ и проводишь всю жизнь.

— Но я надѣюсь, что господинъ градоначальникъ настолько справедливъ, что ежели вы ничего не сдѣлали...

Въ это время къ бесѣдующимъ подошелъ сельскій священникъ и дружески поздоровался съ продавцомъ картинъ.

— Вотъ, отецъ Трофимъ, господинъ пріѣзжій свѣдѣніе о господинѣ градоначальникѣ получить желаютъ.

— Надобность имѣете?—спросилъ отецъ Трофимъ.

— Да-съ, надобность.

— Личнаго знакомства съ господиномъ градоначальни-

комъ не имѣю, да и надобности до сихъ поръ, признаться, не видѣлось, но, по слухамъ, рекомендовать могу. Къ храму Божьему прилежень и мзду пріемлетъ безъ затрудненія... Только вотъ съ закономъ, повидимому, въ ссорѣ находится.

— А они вотъ и насчетъ законовъ тоже разговорились,— вставилъ свое слово продавецъ картинъ: — спрашиваютъ, боится ли простой народъ закона?

— Законъ, я вамъ доложу, наверху начертанъ. Все равно, какъ планета...

Но «онъ» уже не слушалъ дальше. Завидѣвъ пошаты-вающагося вдали, съ гармоніей въ рукахъ, мастерового, онъ правильно заключилъ, что этотъ человекъ несомнѣнно сиживалъ на сѣзжей, а слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, имѣеть понятіе о степени и предѣлахъ власти градоначальника.

— Эй, почтенный, слышь!

Но не успѣлъ онъ формулировать свой вопросъ, какъ мастеровой сразу огоршилъ его восклицаніемъ:

— Вашему благородію, господину прахвостову!

Онъ шарахнулся, какъ обожженный, и скрылся въ толпу. Тамъ, чтобы не быть узаннымъ, подсѣлъ онъ на скамеечку къ торговкѣ, продававшей сусло и гречневика.

— А позвольте, голубушка, узнать,— сказалъ онъ:— каковъ таковъ здѣшній градоначальникъ?

Но торговка даже не взглянула на него, а просто сказала краткое, но сильное слово.

— А что, видно, давно ты на сѣзжей не сиживалъ?

Онъ былъ удовлетворенъ и уже хотѣлъ возвратиться во-своясп, но по дорогѣ завидѣлъ юродивую Устюшу и не вытерпѣлъ, чтобы не подойти къ ней.

— Устюша, скажи ты мнѣ, сдѣлай милость...

Но блаженная, не давъ ему кончить, не своимъ голосомъ закричала:

— Воняеть, воняеть!

Въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, очевидно, не предстояло никакой надобности.

Результатъ перешелъ за предѣлы его ожиданій. Ни помпадуры, ни законъ—ничто не настигаетъ полудинкую массу. Ее настигаетъ только «планида», — и дорого бы онъ далъ въ эту минуту, чтобы имѣть эту «планиду» въ своихъ рукахъ.

Что такое «законъ», что такое «помпадуръ» въ глазахъ толпы? — это не что иное, какъ страдательные агенты «планиды», и при томъ не *всей* «планиды», а только той ея части, которая осуществляетъ собою карательный элементъ. Они не могутъ ни оплодотворить земли, ни послать дождь или ведро, ни предотвратить наводненіе — однимъ словомъ, не могутъ принять творческаго участія во всемъ томъ кругѣ явленій, среди которыхъ движется толпа и вліяніе которыхъ она исключительно на себѣ ощущаетъ. Они могутъ воспрепятствовать, возбранить, покарать; но творчество никогда имъ принадлежать не будетъ, а будетъ принадлежать «планидѣ». Даже самая кара ихъ имѣетъ свойство далеко не «планидное», ибо, настигая однихъ, она не замѣчаетъ, что тутъ же рядомъ стоятъ десятки и сотни другихъ, которыхъ тоже не мѣшаетъ подобрать и посадить на сѣзжую. А потому толпа даже и въ карѣ видитъ не кару, а несчастіе.

Въ хаотическомъ видѣ всѣ эти мысли мелькали въ головѣ помпадура. Одну минуту ему даже померещилось, что онъ какъ будто совсѣмъ лишній человекъ, въ родѣ пятаго колеса въ колесницѣ; но въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе эта мысль представилась ему до того обидною и дикою, что онъ даже весь покраснѣлъ отъ негодованія. А такъ какъ онъ вообще не могъ порядкомъ разобраться съ своими мыслями, то выходили какія-то душевныя сумерки, въ которыхъ свѣтъ хотя и борется съ тьмою, но въ концѣ концовъ тьма все-таки должна остаться побѣдительницею.

Впрочемъ, во всемъ этомъ была и утѣшительная для его

самолюбія сторона, та именно, что ни помпадуру, ни закону никакихъ преимуществъ другъ передъ другомъ не отдавалось. Эту сторону онъ повялъ сразу и ухватился за нее съ жадностью. Конечно, изслѣдованіе раскрыло ему не одно это, а гораздо больше: оно доказало, что онъ не что иное, какъ микроскопическій агентъ великой силы, называемой «планидою», и что, затѣмъ, самая полезность его существованія вовсе не такъ несомнѣнна, какъ это казалось ему самому. Но онъ посидѣвшию скомкать этотъ главный результатъ и проглотить заключающуюся въ немъ обиду, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ ея. Зато тѣмъ съ большимъ жаромъ онъ привязался къ другому частному результату, гласившему объ упраздненіи привилегій и преимуществъ, приписываемыхъ закону. Онъ даже шелъ дальше этого результата; онъ провидѣлъ перспективы и надѣялся оттягать частичку въ свою пользу.

— Да-съ; мы еще потягаемся! — бормоталъ онъ въ забвеніи чувствъ:— посмотримъ еще, кто кого!

Но первоначальный толчокъ, возбудившій потребность изслѣдованія, былъ такъ силенъ, что собственными средствами отдѣлаться отъ него было невозможно. Такъ какъ вопросъ пришелъ извнѣ (отъ писмоводителя), то надобно было, чтобы и найденное теперь рѣшеніе вопроса было провѣрено въ горнилѣ чьего-нибудь посторонняго убѣжденія.

Съ этою цѣлью онъ отправился вечеромъ въ клубъ, это надежнѣйшее и вѣрнѣйшее горнило, въ которомъ провѣряются и крѣпнутъ всевозможныя помпадурскія убѣжденія. Обычная картина высшаго провинціального увеселительнаго учрежденія представилась глазамъ его. Кухонный чадъ, смѣшанный съ табачнымъ дымомъ, облаками ходилъ по комнатамъ; помѣщики сидѣли за карточными столами; въ столовой предводитель одолѣвалъ ростбифъ; издали доносилось щелканье бильярдныхъ шаровъ; стряпчій стоялъ у буфета и, какъ онъ выражался, принималъ внутрь.

— А я, братъ, пятнадцатую! — зазѣвалъ онъ, увидѣвъ приближающагося помпадуръ.—Примемъ, что ли?

Но помпадуръ былъ серьезень и не хотѣлъ, чтобы, по милости водки, плоды его давешнихъ изнуреній пропали даромъ.

— Ты вотъ пятнадцатую пропускаешь,—сказалъ онъ:— а я, между тѣмъ, успокоиться не могу!

— Что такое?

— Да все по поводу того разговора... за обѣдомъ; помнишь?

— Брось!

— Куда туть бросишь; законъ, братецъ!

— Ну, и пушай его; законъ въ шкапу стоитъ, а ты напирай!

— Но вѣдь ты же самъ говорилъ: до поры, до времени?

— А это именно и значить: напирай плотнѣе!

— Чудакъ, а подь судъ?

— Вотъ потому-то и напирай!

Стряпчій выпилъ шестнадцатую, поморщился и прибавилъ:

— А законъ пушай въ шкапу стоитъ!

Очень возможно, что помпадуръ удовлетворился бы этимъ подтвержденіемъ, потому что оно соответствовало направленію его собственныхъ мыслей. Но «шестнадцатая» смутила его, и онъ рѣшился продолжать провѣрку. Съ этою цѣлью онъ подсѣлъ къ предводителю, который въ это время уже побѣдилъ ростбифъ и, хлопая глазами, обдумывалъ планъ кампаніи противъ осегра.

Но настоящимъ образомъ онъ могъ изложить только введеніе; ибо едва онъ выговорилъ слово: «законъ», какъ предводитель вскричалъ:

— Брось!

— Законъ-съ...—повторилъ помпадуръ.

— Оставь!

Въ тотъ же вечеръ, за ужиномъ, стряпчій, подь веселую

руку, рассказывалъ посѣтителѣмъ клуба о необыкновенномъ казусѣ, случившемся съ помпадуромъ. Помпадуръ сидѣлъ тутъ же, краснѣлъ и изрѣдка бормоталъ: «законъ-съ».

— Брось!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Напирай плотнѣе!

На другой день, утромъ, помпадуръ, по обыкновенію, пришелъ въ правленіе. По обыкновенію же, въ передней первое лицо, съ которымъ онъ встрѣтился, былъ Прохоровъ.

Но время полемики уже миновало.

— Влѣпите! — сказалъ онъ твердымъ и яснымъ голосомъ, и съ этимъ словомъ благополучно прослѣдовалъ въ канцелярскую камору.

VIII. — Ояъ!!

Lui!.. toujours lui!!

Victor Hugo.

Совершенно неожиданно, вслѣдствіе какихъ-то «новыхъ вѣяній времени», въ нашемъ городѣ сдѣлалось празднымъ мѣсто помпадура. Само собой, въ ожиданіи назначенія новаго помпадура, провинція всецѣло предалась агитации. Загадывали и на того, и на другого, и на третьяго, и, какъ всегда, въ этихъ загадываніяхъ первое мѣсто принадлежало личнымъ качествамъ тѣхъ, на которыхъ могъ пасть жребій уловлять вселенную. При отсутствіи руководства, которое давало бы опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: что такое помпадуръ? — всякій чувствовалъ себя какъ бы отданнымъ на цоруганіе, и ни къ чему другому не могъ приурочить колеблющуюся мысль, кромѣ тѣхъ смутныхъ данныхъ, которыя давали свѣдѣнія о темпераментѣ, вкусахъ, привычкахъ и степени благовоспитанности той или другой изъ предполагаемыхъ личностей. Про одного говорили «строгонекъ!» про другого: «этотъ подтянеть!»

про третяго: «всѣмъ былъ бы хорошъ, да жена у него анаеема!» про четвертаго: «вы не смотрите, что онъ ротъ распахня ходитъ, а онъ бѣдовый!» про пятаго прямо рассказывали, какъ онъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго колебанія, пришелъ въ какое-то присутственное мѣсто и прямо сѣлъ на тотъ самый законъ, который, такъ сказать, регулировалъ самое существованіе того мѣста. И никому не приходило въ голову сказать себѣ: что же мнѣ за дѣло до того, каковъ будетъ новый помпадуръ, хорошъ собой или дурень, добрая у него жена или анаеема? Какъ будто всякій, сознательно или безсознательно, чувствовалъ, что въ этой-то комбинаціи личнаго темперамента и виѣшней обстановки именно и замыкается разгадка будущаго...

Какъ сказано выше, старшій нашъ помпадуръ упразднился совершенно неожиданно. Мы жили съ нимъ въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ. Ни онъ насъ не трогалъ, ни мы его не обижали. Хотя нравственныя и умственныя его качества всего ближе опредѣлялись пословицей: «не лыкомъ шить», но такъ какъ вопросъ о томъ, насколько полезны щегольской работы помпадуры, еще не рѣшенъ, то мы довольствовались и тѣмъ, что у насъ хоть плохенькій, да зато дешевенькій. Мы не страдаемъ шовинизмомъ; намъ не нужно ни блестящихъ усмирений, ни смѣлыхъ переходовъ черезъ валдайскія горы. Нашъ помпадуръ сидѣлъ смирно, — и этого было съ насъ достаточно. Бывало, какъ ни послышишь, — кругомъ насъ вездѣ война. Бьютъ въ барабаны, въ трубы играютъ. Въ одномъ мѣстѣ помпадуръ цѣлое присутствіе наголову разбилъ; въ другомъ — разсѣялъ цѣлый легіонъ прохожихъ людей, причѣмъ многихъ усталъ въ заточеніе; въ третьемъ — въ двухъ словахъ изъяснилъ столько, сколько другому не изъяснить въ цѣлой сотнѣ округленныхъ періодовъ. А у насъ — благодать. О виѣшнихъ и внутреннихъ врагахъ — ить слуха; походовъ — не предвидится даже въ отдаленномъ будущемъ; ни барабаннаго боя, ни трубныхъ звуковъ, которые свидѣтельствовали бы

о свѣтопреставленіи — ничего! Даже междуособія — и тѣ исключительно нашли себѣ убѣжище въ мѣстномъ клубѣ и были такого сорта, что никто не рѣшался сказать, дѣйствительно ли это междуособія, или просто драки. Именно съ этой точки зрѣнія относился къ этому явленію и нашъ старшій, почтенный помпадуръ.

— Я знаю, — говорилъ онъ: — что въ нашемъ клубѣ междуособія нерѣдки; вѣроятно, они не менѣе часты и въ клубахъ другихъ городовъ. Но я рѣшительно отказываюсь понять, почему столь обыкновенное въ нашемъ обществѣ явленіе можетъ тревожить моихъ сопомпадуровъ! Не понимаю-сь. Возьмите, наприхѣрь, хоть послѣднее наше междуособіе: князю Балаболкину, за неправильно сдѣланный въ карты вольтъ, вымазали горячей котлеткой лицо. Поступокъ прискорбный — это такъ, но чтобы въ немъ крылось распространеніе вредныхъ мыслей или поощреніе къ умаленію чьей-нибудь власти — съ этимъ я никогда не могу согласиться! Никогда-сь.

Поэтому, въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ этого помпадурства, мы порядочно-таки отдохнули. Освобожденный отъ необходимости на каждомъ шагу доказывать свою независимость, всякій дѣлалъ свое дѣло спокойно, безъ раздраженія. Земство облагало себя сборами, суды карали и мпловали, чиновники акцизнаго вѣдомства дѣлили дивиденды, а контрольная палата до того осмѣлилась, что даже на самого помпадура сдѣлала начеть въ 1 руб. 43 коп. И помпадуръ — ничего, даже не поморщился. Ни криковъ, ни воззванія къ оружію, ни революціи, — ничего при этомъ не было. Просто взялъ и вынулъ изъ кармана 1 р. 43 к., которые и теперь хранятся въ казнѣ, яко живое свидѣтельство покорности законамъ со стороны того, который не токмо былъ вправѣ утверждать, что для него законъ не писанъ, но могъ еще и накричать при этомъ на цѣлыхъ 7 копеекъ, такъ чтобы вышло ужъ ровно полтора рубля.

Тѣмъ болѣе должно было изумить насъ извѣстіе, что

нашъ добрый помпадуръ вынужденъ навсегда прекратить административный свой бѣгъ. Всѣ оглядывались, всѣ спрашивали себя: почему, за что? — и никакихъ отвѣтовъ не обрѣтали, кромѣ отрывочныхъ фразъ, въ родѣ: «распустилъ» и «не удовлетворяетъ новымъ вѣяніямъ времени» (встарину это, кажется, означало: не подтягиваетъ). Но почему же не удовлетворяетъ? развѣ мы—заговорщики, бунтовщики? развѣ мы безъ ума бѣжимъ впередъ, рискуя самимъ себѣ сломать голову? развѣ мы не всецѣло отдали самихъ себя и всѣ помышленія наши тому среднему дѣлу, которое, казалось бы, должно отстранить отъ насъ всякое подозрѣніе въ превыспренности?

Но, разсуждая такимъ образомъ, мы, очевидно, забывали завѣщанную преданіемъ мудрость, въ силу которой «новыя вѣянія времени» всегда приходили на сцену отнюдь не въ качествѣ поправки того или другого уклоненія отъ историческаго теченія жизни, а прямо какъ одинъ изъ основныхъ элементовъ этой жизни. Вѣяніе прорывалось естественно, само собой; необходимость его жила во всѣхъ умахъ, не нуждаясь ни въ какихъ обусловливающихъ побужденіяхъ. Не бунтовской вопросъ «за что?» служилъ для него исходною точкой, а совершенно ясное и положительное правило: «будь готовъ». Будь готовъ, то-есть ходи весело, ходи грустно, ходи прямо, ходи вкось, ходи вкривь. Тебѣ ничего не приказываютъ, ни отъ чего не предостерегаютъ; тебѣ говорятъ только: будь готовъ. Не къ тому будь готовъ, чтобъ исполнить то или другое; а къ тому, чтобъ претерпѣть. Ты спрашиваешь: чтѣ долженъ ты сдѣлать, чтобъ избѣжать «претерпѣнія»; но развѣ кто-нибудь знаетъ это? Не чувствуешь ли ты, что даже самый вопросъ твой является въ ту минуту, когда уже все рѣшено и подписано, и когда ничего другого не остается, какъ претерпѣть? Слѣдовательно, это вопросъ запоздалый, ненужный. Ты идешь прямо, а полчаса тому назадъ ты шелъ вкось—тутъ-то вотъ я и налетаю на тебя. Ни ты, ни я, мы оба

не можемъ себѣ объяснить, почему нужно, чтобы дѣло происходило наоборотъ, то-есть, чтобы полчаса тому назадъ ты шелъ прямо, а теперь вкось. Мы чувствуемъ только, что мы столкнулись и ни подъ какимъ видомъ разминуться не можемъ. Но если ни ты, ни я не въ состояніи угадать, что будетъ происходить въ моей головѣ въ предстоящій моментъ, то ясно, что единственный практическій выходъ изъ этого лабиринта — это «претерпѣть». И это совсѣмъ не капризъ съ моей стороны, совсѣмъ не преднамѣренное желаніе уязвить тебя; это «порядокъ», съ которымъ я безразлично отношусь и къ тебѣ, и ко всякому другому; это — «вѣяніе времени»...

Словомъ сказать, общее недоумѣніе, возбужденное полученнымъ извѣстіемъ, было таково, что даже воинскій начальникъ, человекъ крутой и бывалый, — и тотъ сказалъ:

— Ангель-съ! Ангелы Богу нужны-съ!

Само собою разумѣется, что недѣля, предшествовавшая отъѣзду стараго помпадуръ, была рядомъ цѣлдневныхъ празднествъ, которыми наше общество считало долгомъ выразить свою признательность и сочувствіе отъѣзжающему. Это былъ очень яркій и сильный протестъ, въ основаніи котораго лежала благоразумная мысль: авось, не повѣсятъ! Всѣ лица сохраняли трогательное и въ то же время сконфуженное выраженіе; но всѣхъ болѣе сконфуженнымъ казался самъ виновникъ торжествъ. Полный мысли о бренности всего земного, онъ наклонялся къ тарелкѣ и ровнял невольную слезу въ стерляжью уху. Затѣмъ, хотя, въ продолженіе дальнѣйшихъ перемѣнъ, онъ и успѣвалъ придать своему лицу спокойное выраженіе, но съ первымъ же тостомъ эта напускная твердость исчезала, глаза вновь наполнялись слезами, а голосъ, отвѣчавшій на напутственныя пожеланія, звучалъ безконечною тоскою, почти напоминашею предсмертную агонію.

Безчисленныя картины непріятнаго, сѣренькаго будущаго проносились въ эти мгновенія въ его воображеніи. То, что

происходило передъ нимъ въ эту минуту, несомнѣнно происходило *въ послѣдній разъ*, ибо не было примѣровъ, чтобы помпадуръ, однажды увядшій, вновь расцвѣталъ въ качествѣ помпадурѣ. Все милое сердцу оставлялъ онъ, и оставлялъ не для того, чтобы украсить собой одну изъ залъ величественнаго зданія, выходящаго окнами на Сенатскую площадь, а для того, чтобы примкнуть въ ряды ронцующихъ и бесплодно чающихъ, которыми въ послѣднее время какъ-то особенно переполнены стогны Петербурга. «Видный!» читалъ онъ на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ глазахъ, и это тѣмъ болѣе усугубляло его страданія, что никто глубже его самого не сознавалъ всю наготу будущаго, въ которое судьба, съ обычною безсознательности жестокостью, погружала его. Да, все, что онъ теперь есть—онъ есть *въ послѣдній разъ*; все, что онъ теперь видитъ и слышитъ—онъ видитъ и слышитъ *въ послѣдній разъ*. Сегодня, послѣ обѣда, онъ *въ послѣдній разъ* будетъ играть въ ералашъ по три копейки (въ будущемъ эта игра ему уже не по средствамъ); сегодня, *въ послѣдній разъ*, полиціймейстеръ молодцомъ подлетитъ къ нему съ рапортомъ, что по городу все обстоитъ благополучно; сегодня частные пристава въ послѣдній разъ сдѣлаютъ подъ козырекъ, когда онъ поѣдетъ съ прощальнымъ визитомъ къ архіерею. И вотъ онъ съ какимъ-то испугомъ осматривается кругомъ. Все обстоитъ здѣсь попрежнему и на прежнихъ мѣстахъ, но ему кажется, что и люди, и предметы, и даже стѣны—все сошло съ мѣстъ и уходитъ куда-то вдалѣ. Онъ уподобляетъ себя свѣточу; вчера еще этотъ свѣточъ горѣлъ свѣтлымъ и яркимъ огнемъ; сегодня онъ потушенъ и ужъ начинаетъ чадить; завтра онъ будетъ окончательно затоптанъ и выброшенъ на улицу вмѣстѣ съ прочею никуда ненужною ветошью...

Увы! въ человѣческомъ сердцѣ нѣтъ неизгладимыхъ воспоминаній, а воспоминанія о помпадурѣхъ меньше, нежели всякія другія, выдерживаютъ клеймо неизгладимости. Всѣ эти люди, которые сегодня такъ тепло чувствуютъ его, завтра

ни единымъ словомъ, ни единымъ жестомъ не помянуть о немъ. И какъ нарочно, въ послѣднее время все такимъ образомъ устроилось, чтобы какъ можно скорѣе изглаживать помпадурскіе слѣды. Прежде, бывало, помпадуръ, возвращаясь съ своего помпадурства вспять, все-таки сутки и больше ѣдетъ въ предѣлахъ этого помпадурства. Слѣдовательно, прошедшее оставляетъ его не вдругъ. На каждой станціи онъ слышитъ сѣтованія и пожеланія: смотритель ахаетъ, ямщикъ старается прокатить на славу... *въ послѣдній разъ!*. «Добрый я, добрый! — мечталъ, бывало, помпадуръ подъ звонъ почтоваго колокольчика: — всѣ-то сословія жалѣютъ обо мнѣ!» И затѣмъ, не торонясь, станція за станціей, погружался въ бездны будущаго. А нынче упраздненному помпадуру предстоитъ только пріѣхать на станцію желѣзной дороги (благо она тутъ же подъ бокомъ), наскоро всѣхъ расцѣловать, затѣмъ свиснулъ на ровозъ — и нѣтъ его! До такой степени нѣтъ, что не успѣлъ еще скрыться поѣздъ за горой, какъ поѣзжане, покончивъ съ проводами, уже предаются злобѣ дня и заводятъ разговоры о предстоящей «встрѣчѣ». Кто тотъ разнузданный романтикъ, который, въ виду этого упрощенія проводовъ и встрѣчъ, пребудетъ настолько закоснѣлъ, чтобы, подъ впечатлѣніемъ проводовъ какого-нибудь помпадура, оглашать стогны города кликами: «нѣтъ Агатона! нѣтъ моего друга!»?..

Но это былъ еще только уголъ картины, которая проносилась въ воображеніи помпадура въ то время, когда онъ взволнованнымъ голосомъ благодарилъ за участіе и пожеланія. Дальше картина развѣртывалась мрачнѣе и мрачнѣе и уже прямо ставила его лицомъ къ лицу съ самымъ таинственнымъ будущимъ.

Нѣтъ Агатона! Мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ, сейчасъ же простыло, и губернской архивариусъ тщетно отыскивалъ на полкахъ архива дѣло объ административныхъ намѣреніяхъ помпадура Агатона 2-го. Такого дѣла не было заведено, потому что не было самыхъ «намѣреній». У Агатона могъ

быть благосклонный (или нетерпящій возраженій) жестъ; у него могла быть бладушная (или огрызающаяся) улыбка; у него могло быть привѣтливое (или ругательное) слово; но административныхъ намѣреній у него не было. Онъ, подобно актеру, могъ нравиться или не нравиться очевидцамъ-современникамъ; но для потомства (которое для него наступаетъ съ какою-то особенной быстротою) онъ—мертвая буква, ничего никому не говорящая, ни о чемъ никому не напоминающая...

Нѣтъ Агатона! Онъ мчится на всѣхъ парахъ въ Петербургъ и уже съ первой минуты чувствуетъ себя угнетеннымъ. Онъ *ровенъ встѣмъ*; здѣсь, въ этомъ вагонѣ, онъ находится точно въ такихъ же условіяхъ, какъ и *всѣ*. *Въ послѣдній разъ* онъ путешествуетъ во II-мъ классѣ, и уже не слышитъ того таинственнаго шопота: «это онъ! это помпадуръ!» — который встрѣчалъ его появленіе въ прежнія времена.

И вотъ, въ то время, какъ паровозъ, свистя и пыхтя, все больше и больше отдаляетъ его отъ милыхъ сердцу, къ нему подсаживается совершенно посторонній челоуѣкъ и сразу, самъ того не зная, берeditъ дымящуюся рану его сердца.

— Вы изволите ѣхать изъ N?—спрашиваетъ его незнакомецъ.

Съ какимъ самоувѣреннымъ видомъ, съ какимъ лякованіемъ въ голосѣ отвѣтилъ бы онъ въ былое время: «да... я тамошній помпадуръ! я ѣду въ Петербургъ представить о нуждахъ своихъ подчиненныхъ! я полагаю, что первая обязанность помпадура—это заботиться, чтобъ законныя требованія его подчиненныхъ были удовлетворены!» и т. д. Теперь, напротивъ того, онъ чувствуетъ, что отвѣтъ словно путается у него на языкѣ, и что гораздо было бы лучше, если бъ ему совсѣмъ-совсѣмъ ничего не приходилось отвѣчать.

— Да... то-есть, я... конечно, я ѣду изъ N...— смущенно проиноситъ онъ, наконецъ.

— Вы тамошній? — продолжастъ нескромно приставать спутникъ.

— Да... то-есть, не совсѣмъ... я служу... то-есть служилъ...

Онъ старается замять всякій разговоръ; онъ даже избѣгаетъ всѣхъ взоровъ... И только, быть-можетъ, черезъ сутки, уже на послѣднихъ станціяхъ къ Петербургу, онъ разгудается настолько, чтобъ открыть свое дѣйствительное положеніе и повѣдать печальную исторію своей отставки. Тогда съ души его спадетъ бремя, его тяготившее, и изъ устъ его впервые вырвется ропотъ. Этотъ ропотъ начнетъ новую эпоху его жизни; онъ наполнитъ все его будущее и проведетъ въ его существованіи черту, которая рѣзко отдѣлитъ его прошедшее отъ настоящаго и грядущаго.

Нѣтъ Агатона! Въ первое время, непосредственно слѣдующее за отставкой, онъ, впрочемъ, еще бодрится и старается водиться съ такъ-называемыми «людьми». Какъ бывшій помнадуръ и какъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, онъ легко вторгается въ домъ къ финансисту Фалелею Губошлепову и даже исполняетъ разныя мелкія его порученія. Встрѣчаетъ гостей, которые попроще, и занимаетъ ихъ, представляя лицо хозяина; ѣздитъ въ гостиный дворъ за игрушками для Губошлеповскихъ дѣтей; показываетъ Губошлепову, какъ надѣваютъ на шею орденъ св. Анны; бѣгаетъ на кухню испорочить француза-повара; предшествуетъ Фалелею въ ресторанахъ въ тѣ дни, когда устраиваются тонкіе обѣды для лицъ, почему-либо не желающихъ показываться въ Фалелеевскихъ салонахъ; по вечерамъ, вмѣстѣ съ другими двумя дѣйствительными статскими совѣтниками, составляетъ партію въ вистъ для мадамъ Губошлеповой, и проч., и проч. За всѣ эти послуги онъ имѣетъ готовый столъ и возможность съ утра до вечера оставаться въ хорошо отопленныхъ и роскошно убранныхъ салонахъ своего патрона и, сверхъ того, отъ времени до времени, пользуется небольшими подачками, которыя онъ, впрочемъ, принимаетъ съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства.

Среди этого изобилія онъ какъ будто даже повеселѣлъ. Узналъ толкъ въ винахъ и сигарахъ, вѣрно угадывалъ цѣну каждаго фрукта, прямо запускалъ лапу туда, гдѣ раки зимуютъ, отпустилъ брюшко, сшилъ себѣ легкій костюмчикъ, ѣлъ такъ смачно и аппетитно, что губы у него припухли и покрылись глянцемъ... Но поэтъ сказалъ правду:

...на счастье прочно
Всякъ надежду кинь...

И правдѣ этой пришлось осуществиться на Агатонѣ самымъ жестокимъ образомъ. Не успѣлъ еще онъ пустить корни въ домѣ Губошлепова, какъ послѣдній ужъ подыскалъ себѣ какого-то бывшего полководца. Съ этихъ поръ патронъ уже видимо охладѣваетъ къ Агатону. Являются на сцену столкновения и пререканія. Вопросъ о томъ, кому изъ двухъ соперниковъ владѣтъ сердцемъ Губошлепова, съ каждымъ днемъ дѣлается больше и больше назойливымъ и, конечно, долженъ разрѣшиться въ ущербъ Агатону. Начинается съ того, что однажды Агатонъ ужъ совсѣмъ-было запустилъ лапу въ ящикъ съ сигарами какой-то неслыханной красоты, какъ вдругъ почувствовалъ, что его обожгло.

— Вотъ эти... поменьше... онѣ скуснѣе будутъ! — сразу озадачилъ его Губошлеповъ, указывая взглядомъ на другой ящикъ съ менѣе цѣнными сигарами.

Услышавъ эту апострофу, Агатонъ поблѣднѣлъ, но смолчалъ. Онъ какъ-то смѣшно заторопился, досталъ маленькую сигарку и усѣлся противъ бывшего полководца, попыхивая дымкомъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но дальше—хуже. На другой день, какъ нарочно, назначается тонкій обѣдъ у Донона, и распорядителемъ его, какъ-то совершенно неожиданно, оказывается бывший полководецъ, а Агатонъ вынуждается обѣдать дома, съ мадамъ Губошлеповой и дѣтьми.

На третій день Агатонъ, по порученію Губошлепова, купилъ какой-то совершенно новый сыръ, и только-что вознамѣрился похвастаться своей находкой, какъ вдругъ пріѣхалъ бывший полководецъ и привезъ кусокъ точно такого

же сыра. Разумѣется, сыръ поиководца оказался «много превосходнѣе»...

Тогда Агатонъ не выдержалъ и пустился въ объясненія. Выдержи онъ, стерни — онъ, можетъ-быть, и теперь покуривалъ бы прекраснѣйшія (хоть и не первой красоты) сигарки, попивалъ бы отличнѣйшее бордо, ѣлъ бы сочную дюшесу и проч. Но онъ возронталъ, заплакалъ — и тѣмъ окончательно выказалъ свой безпокойный характеръ.

— Это все въ тебѣ зависть плачетъ, — сразу осадилъ его Губошлеповъ: — а ты бы лучше на себя посмотрѣлъ! Какая у тебя звѣзда (у Агатона была всего одна звѣзда, и то самая маленькая)? А у него ихъ три! Да и человекъ онъ безстрашный: сколько однѣхъ областей завоевалъ — а ты! На печи лежа, безъ пороху налил! И хоть бы ты то подумалъ, что такихъ-то, какъ ты — какая орава у меня! По одной рублевой цыгаркѣ каждому дай — сколько денегъ-то будетъ! А ты лѣзешь! И легъ ты, и всталъ у меня, и все тебѣ мало!

Агатонъ обидѣлся...

Нѣтъ Агатона! Онъ поселился въ четвертомъ этажѣ, во дворѣ того самаго дома, гдѣ жпветъ и бывший его патронъ, и прозябаетъ подъ командой у выборгской шведки Лотты, которая, въ одно и то же время, готовитъ ему кушанье, чиститъ сапоги и исполняетъ другія неприхотливыя его требованія. Лотта безобразна, рѣдковолоса, лишена бровей и рѣсницъ, и за всѣмъ тѣмъ съ ожесточеніемъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ загубилъ ся молодость. Чтобъ загладить этотъ поступокъ, онъ старается исполнить малѣйшій ея капризь. Сначала она варила ему кофе, пока онъ пѣжился на постели, теперь — онъ самъ варитъ кофе, пока она, неопрятная и сонная, барахтается въ пуховикѣ. Чтобъ быть ей пріятнымъ, онъ даже выучился говорить «по-ейному», и такъ чпсто произносить: «анна-мина-нуса», что Лотта не можетъ удержаться, чтобъ не дать ему за это пинка. По воскресеньямъ къ Лоттѣ ходитъ «ейный» двоюродный

братъ, и тогда Агатонъ на цѣлый день уходитъ изъ дома, сначала въ греческую кухмистерскую, потомъ на ералашъ (по $\frac{1}{10}$ копейки за пунктъ) къ кому-нибудь изъ бывшихъ помпадуровъ, который еще настолько богатъ средствами, чтобъ на сонъ грядущій побаловать своихъ гостей рюмкой очищенной и кускомъ селедки. Тамъ, въ интервалахъ сдачи, ропщущіе эксъ-помпадуры разсказываютъ другъ другу о бывшемъ привольномъ житьѣ, о стерляжьей ухѣ, о цѣнѣ на рябчиковъ и индюковъ, о любопытнѣйшихъ сенатскихъ указахъ, о столкновеніяхъ, пререканіяхъ и проч. Затѣмъ, проглотивъ по рюмкѣ животельной, всѣ расходятся, а на утро опять наступаетъ понедѣльникъ, опять «анна-мпануси», обѣдъ цѣною не свыше тридцати копеекъ, послѣ обѣда спанье, гранъ-пашьянсъ, вечерній чай и опять спанье. И такъ вся недѣля...

Нѣтъ Агатона! Онъ до такой степени самъ сознаетъ это, что въ знакъ покорности вельніямъ судебъ отпустилъ бороду и усы. Худой и выцвѣвшій, въ поношенномъ пальто съ сильно порыжѣлымъ брововымъ воротникомъ, онъ перваго числа каждаго мѣсяца сидитъ на площадкѣ лѣстницы главнаго казначейства и, въ ожиданіи своей очереди для получения пенсіи, бесѣдуетъ съ «старушкой». «Старушка» съ ридикюлемъ въ рукахъ — это непремѣнная принадлежность главнаго казначейства. Съ костылями или безъ костылей, въ капорѣ или въ драдемавовомъ платкѣ, въ старомъ бѣлицемъ салопѣ или въ ватномъ поношенномъ пальто, она всегда тутъ, сидитъ на площадкѣ, твердою рукою держитъ ридикюль, терпѣливо выжидаетъ выслуженную и выстрадавшую зелененькую кредитку и слезящимися глазами слѣдитъ за проходящими франтами, уносящими уймы денегъ въ видѣ арендъ, вспомошествованій и болѣе или менѣе значительныхъ пенсій.

Сказать ли правду? Взирая на нее, помпадуръ чувствуетъ себя какъ-то бодрѣе. Не онъ одинъ забить, не онъ одинъ погруженъ въ бездну. Есть на свѣтѣ существо и еще

забитѣ, еще подавленнѣ. И онъ безъ умолку готовъ болтать со «старушкой», ибо отнынѣ только такого рода бесѣда и можетъ влить въ его сердце возстановляющіи бальзамъ. Да, онъ былъ имъ! онъ несомнѣнно былъ помпадуромъ! И если напоминаніе объ его помнадурствѣ не возбуждаетъ въ людяхъ счастливыхъ и довольныхъ ничего кромѣ обиднаго равнодушія, то пусть хоть эта «старушка» услышитъ объ этомъ и позавидуетъ ему!

— Всей-то моей пенсія, — говоритъ «старушка», — никакъ двѣнадцать рублей сорокъ-три копейки въ мѣсяць будетъ. На себя, значитъ, семь рублей получаю, да на внучекъ — сынъ у меня на службѣ померъ — такъ вотъ на нихъ пять рублей сорокъ три копейки пожаловали!

— Немного сударыня!

— Четыре зелененькихъ, сударь; тутъ и въ пиръ, и въ миръ. Вотъ старшей-то внучкѣ скоро годъ выходятъ, такъ. сказываютъ, два рубля семь гривенъ вычету будетъ!

— И живете-съ?

— Живемъ, сударь. Только, надо сказать, житье наше такое: и жить-то бы не надо, да и умирать не хочется. Не разберешь. А тоже вотъ хоть бы и я: такое ли прежде мое житье было! Домъ-то полная чаша былъ, хоть кто приходи — не стыдно! И мы въ гости — и къ намъ гости! Ну, а теперь — не прогнѣвайся! Одинъ день съ квасомъ, а другой и такъ, въ сухомятку, поѣдимъ! Ну, а вы, сударь, чай, много суммы-то получаете?

— Да въ мѣсяць восемьдесятъ одинъ рубль шестьдесятъ копеекъ. Не развернешься тоже, сударыня!

— И! что вы! Да кабы намъ такія деньги... Вы, стало-быть, большую службу-то несли?

— Да... я... помпадуромъ былъ, — не безъ фатовства отвѣчаетъ Агатонъ, и видимо наслаждается, замѣчая, какъ «старушку» беретъ оторопь при этомъ признаніи.

Эта оторопь есть цѣль всѣхъ его разговоровъ. Достигнувъ ея, помпадуръ счастливъ; онъ чувствуетъ, что онъ не

весь еще погасъ и что есть на свѣтѣ существо, которое можетъ позаимствоваться отъ него свѣтомъ.

— Быль, сударыня, быль-съ!—продолжаетъ онъ съ увлеченіемъ и вытягиваясь во весь ростъ.— Встрѣчали-съ! Провожали-съ! Шагу по улицѣ не дѣлалъ, чтобы квартальный впереди народъ не разгонялъ-съ! Безъ стерляжьей ухи за столъ не саживался-съ! А что насчетъ этихъ помпадурши-съ...

Агатонъ махаетъ рукой и направляется къ стойкѣ, за которою производится раздача пенсій. Зещемивъ въ руку пачку красненькихъ кредитокъ, онъ проходитъ назадъ мимо «старушки» и такъ дружелюбно киваетъ головой на ея почтительный поклонъ, что оставляетъ ее въ совершенномъ недоумѣніи. дѣйствительно ли съ ней говорилъ одинъ изъ тѣхъ помпадуровъ, о которыхъ въ газетахъ пишутъ: и придутъ во градъ, и имутъ младенцевъ, и разбѣютъ ихъ о камни?!

Нѣтъ Агатона! до такой степени нѣтъ, что никому изъ N-скихъ обывателей, прѣзжающихъ въ Петербургъ понюхать, чѣмъ пахнетъ, не приходило даже на мысль провѣдать, гдѣ онъ и какъ ему живется. Сначала ему такъ и казалось, что вотъ-вотъ ему сейчасъ доложить: «корнетъ Берендѣевъ прѣхалъ, прапорщикъ Солонина желаютъ васъ видѣть!» Однако проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы, годы, но ни Берендѣевъ, ни Солонина и ухомъ не ведутъ. Помпадуръ долгое время не можетъ освоиться съ мыслью, что онъ забытъ. Слыша, что Берендѣевъ и Солонина ужъ не одинъ разъ наѣзжали въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ домахъ терпимости отрекомендовать себя какъ непоколебимѣйшихъ консерваторовъ, онъ не хочетъ вѣрить ушамъ своимъ. «Да тѣ ли это? «его» ли это Берендѣевъ и Солонина?»—назойливо допрашиваетъ онъ очевидцевъ консерваторскихъ подвиговъ этихъ людей, и только тогда уже, когда нѣтъ больше мѣста сомнѣніямъ, раздражается цѣлымъ ливнемъ безсильныхъ жалобъ противъ людской неблагодарности. «По цѣлымъ часамъ въ пріемной у меня копѣлъ!

у притоки стоялъ! за честь себѣ считалъ, когда я не то что рукой — мпзинцемъ его поманю!» — восклицаетъ онъ, весь дрожа и захлебываясь отъ негодованія. Дай волю своему языку, онъ навѣрное присовокупилъ бы: «а вотъ погоди! я васъ ужъ въ бараній рогъ согну!» — но нелѣпость этой угрозы столь очевидна, что самое возникновеніе ея въ разгоряченномъ мозгу уже производитъ въ немъ реакцію въ совершенно обратномъ смыслѣ. Все кончено, все пусто, все голо, все дышитъ холодомъ, все исполнено мрака и безцѣльной, щемящей тоски... Впереди нѣтъ мѣста ни для угрозъ, ни для осаживаній, ни для ошеломленій. Кому какое дѣло, привѣтливая или огрызающаяся улыбка играетъ у него на устахъ? Кому надобность знать, благосклонный или нетерпящій возраженій у него жестъ? Все это имѣло значеніе прежде, а теперь...

— Ну, и чортъ съ ними! Имъ до меня нѣтъ дѣла, и мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ! — принимаетъ онъ, наконецъ, героическое рѣшеніе, и, остановившись на немъ, все больше и больше погрызаетъ подъ ферулой у выборгской шведки Лотты...

Эта картина не послѣдняя. Не вся перспектива исчерпана; вслѣдъ за описанными выше, проносятся новыя картины наготы и бѣдности, проносятся съ быстротою молніи, до тѣхъ поръ, пока отуманенный взоръ окончательно не отказывается различать въ этой мрачной, зіяющей безднѣ будущаго.

«О, если бъ помпадуры знали, если бъ они могли знать! — мысленно обращается онъ къ самому себѣ: — сколь многого бы они не совершали, что безъ труда могли бы не совершить! И если даже меня, который ничего или почти ничего не совершилъ, ждетъ въ будущемъ возмездіе, то что же должно ожидать тѣхъ, коихъ вся жизнь была непрерывнымъ служеніемъ мятежу и сквернословію?»

— Господа! предлагаю тостъ за нашего дорогого, много-

любимаго отъѣзжающаго!—прерываетъ на этомъ мѣстѣ мучительныя мечты помпадура голосъ того самаго Берендѣева, который въ этихъ мечтахъ игралъ такую незавидную роль.— Вашество! позвольте мнѣ, какъ хозяину дома, которому вы сдѣлали честь... однимъ словомъ, удовольствіе... или, лучше сказать, удовольствіе и честь... Вашество! языкъ мой нѣмѣетъ! Но позвольте... отъ полноты души... въ этомъ домѣ... Господа! поднимемъ наши бокалы! Урра!

При этомъ возгласѣ картины будущаго оставляють на время помпадура и онъ возвращается къ чувству дѣйствительности, то-есть чокается и благодарить.

— Благодарю васъ, господа!—говоритъ онъ:—хотя, признаться, я бы желалъ, чтобы все здѣсь происходящее было сномъ! Пусть это былъ бы пріятный, сладкій сонъ, доставившій вамъ случай выразить мнѣ сочувствіе, а мнѣ—лучшую награду, которой только можетъ желать честолюбивѣйшій изъ помпадуровъ... Но все-таки пусть бы это былъ сонъ!

— А ужъ мы-то, вашество, какъ бы мы-то! — шипитъ по-змѣиному будущій Иуда-Берендѣевъ.

Однако это былъ не сонъ, и какъ мы ни ухитрились отдалить минуту помпадурскаго отъѣзда, но, наконецъ, все-таки были вынуждены заколотъ тельца, чтобы *въ послѣдній разъ* упитать достойнаго юбиляра.

Прекрасно и умилительно было это послѣднее торжество. Распоряжалась имъ цѣлая комиссія изъ чиновниковъ особыхъ порученій, подъ высшимъ наблюденіемъ губернскаго предводителя дворянства. Въ четыре часа пополудни прибылъ почтенный юбиляръ и подъ звуки военного марша, словно гонимый сквозь строй, вступилъ въ залу собранія въ сопровожденіи двухъ ассистентовъ. На особомъ столѣ была сервирована роскошнѣйшая закуска, но взволнованный помпадуръ почти не прикоснулся къ ней, а только оросилъ слезою великолѣпный страбургскій паштетъ. За обѣдомъ подавали стерляжку уху и *soupe à la reine* (къ

нимъ: растеган и семь или восемь сортовъ пирожковъ), затѣмъ: громадѣйшій ростбифъ, *salade de homards et de foie de lotte*, *épigramme de chevreuil*, punch glacé, жареные фазаны и перепела, *fonds d'artichauts à la lyonnaise* и, въ заключеніе, три или четыре сорта пирожныхъ. Тосты предлагались въ безчисленномъ количествѣ, ибо не только начальники отдѣльныхъ частей, но даже совѣтники и ревизоры пожелали чѣмъ-нибудь порадовать отъѣзжающаго на прощаніе. Предсѣдатель суда сказалъ: «Никогда бы нашъ гласный, правый и скорый судъ не всталъ такой прочной ногою, если бѣ вашество не удостоили его вашимъ истинно просвѣщеннымъ сочувствіемъ». Предсѣдатель земской управы сказалъ: «Никогда земство не привилось бы такъ счастливо въ нашемъ краю, если бѣ вашество, съ первыхъ же шаговъ, не ободрили его вашимъ благосклоннымъ содѣйствіемъ!» Управляющій казенной палатой сказалъ: «Никогда выкупные платежи не поступали въ такомъ изобиліи!» Управляющій акцизными сборами сказалъ: «Никогда акцизъ съ вина, а равно и питейный сборъ съ мѣсть оптовой и розничной распродажи питей всѣхъ наименованій не достигали такихъ размѣровъ!» Управляющій контрольной палатой сказалъ: «Никогда въ нашемъ краю законность не процвѣтала; вашество первый подали примѣръ благосклонной покорности законамъ, внеся 1 руб. 43 коп., начтенные на васъ контрольной палатой. Фактъ этотъ навсегда останется незабвеннымъ въ сердцахъ всѣхъ чиновъ вѣрнейшей мнѣ палаты, начиная съ меня и кончая сторожемъ!» Совѣтники и ревизоры, каждый порознь, сказали: «Позвольте, вашество, и намъ! Никогда законность не процвѣтала въ нашемъ краю! Никогда!» И такъ далѣе. Одни предводители не говорили рѣчей, а только кричали: «уурра!» Наконецъ, выступилъ и самъ юбиляръ съ отвѣтнымъ прощальнымъ тостомъ.

— Господа!—сказалъ онъ.—Я знаю, что я ничего не совершилъ! Но именно потому-то я и позволяю себѣ на про-

щаньи пожелать вамъ одного. Я отъ души желаю вамъ... я желаю... чтобъ и другой... чтобъ и тотъ, кто замѣнитъ вамъ меня (крики: «никто не замѣнитъ! никто!..»), чтобы и онъ тоже... ничего, подобно мнѣ, не совершилъ! Смѣю думать... да, я именно такъ позволяю себѣ думать... что это самое лучшее... что это самое приятное пожеланіе, какъ я могу сдѣлать вамъ въ эту торжественную минуту.

— Урра!—стономъ застонала въ отвѣтъ вся зала.

Въ семь часомъ вечера помпадуръ, усталый и измученный, оставилъ насъ, чтобы заѣхать въ свою квартиру и переодѣться. Въ 9 мы собрались на станціи желѣзной дороги въ ожиданіи поѣзда. Въ 9½ помпадуръ наскоро перецѣловалъ насъ, выпилъ прощальный бокалъ и уѣхалъ въ вагонъ. Черезъ минуту паровозъ свиснулъ, и помпадуръ вмѣстѣ со всѣмъ поѣздомъ потонулъ во мракъ!..

«Его ужъ нѣтъ!»—запѣлъ кто-то въ толпѣ, и этимъ простымъ восклицаніемъ сразу возвратилъ насъ къ дѣйствительности.

Дѣйствительность, которая предстояла впереди, для многихъ изъ насъ была болѣе нежели серьезна.

Какъ я объяснилъ выше, главную черту стараго помпадура составляла кроткая покорность закону и законности. Окруженный ореоломъ власти и пользуясь всѣми оміями, онъ не былъ, однакожъ, опьяненъ ими, но любилъ соединять величіе съ привѣтливостью и даже допускалъ, что самыя заблужденія людей не всегда должны имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ разстрѣляніе. Устраняясь лично отъ преній по предметамъ внутренней политики, онъ, тѣмъ не менѣе, не находилъ противнымъ человѣческому естеству, если кто-либо изъ его подчиненныхъ, въ приличныхъ формахъ, позволялъ себѣ оспаривать пользу и цѣлесообразность того или другого мѣропріятія. Онъ даже съ удовольствіемъ вслушивался, какъ люди разговариваютъ, какъ изъ устъ ихъ по временамъ вылетаютъ умныя слова и какъ по поводу какого-нибудь непонятнаго для него выраженія

вдруг возникает горячій, но скромный споръ. Какъ будто онъ догадывался, что ни этотъ споръ, ни возбужденія его непопятныя слова не заключаютъ въ себѣ ничего угрожающаго общественному спокойствію, и что дѣло кончится, все-таки, тѣмъ, что оппоненты, поспоривъ другъ съ другомъ, возьмутся за шапки и разбредутся по домамъ.

Такое благодушное настроеніе помпадура сообщало нашему обществу, или, по крайней мѣрѣ, просвѣщенному его меньшинству, совершенно особенный, такъ сказать, скромно-либеральный характеръ. Мы составляли единую дружественную семью, которая днемъ насаждала древо гражданственности въ присутственныхъ мѣстахъ, а по вечерамъ собиралась въ томъ или другомъ домѣ, тоже для насажденія древа гражданственности. Коли хотите, эти собранія были немножко скучны, но зато вполне благонадежны. Мы читали передовыя статьи «Старѣйшей Россійской Школицы» и удивлялись благонамѣренной ихъ дерзости. Затѣмъ мы обсуждали казусы, возникавшіе во время утреннихъ засѣданій въ присутственныхъ мѣстахъ, и общимъ совѣтомъ рѣшали вопросы объ истинныхъ свойствахъ ассигновки, подлежащей удовлетворенію, объ единокровіи и единоутробіи, о границахъ, далѣ которыхъ усышка не должна быть допускаема, о томъ, слѣдуетъ ли вынутіе изъ пробоя затычки признавать признакомъ взлома, и т. д. Въ заключеніе, мы предавались радости, что всѣ мы—такіе усердые, нелицепріятные, преданные интересамъ казны, и, закончивши свой день этимъ, такъ сказать, актомъ самооблюбованія, несуетливо расходились во-свояси.

Повторяю: каждый изъ насъ былъ искренно преданъ своему скромному, среднему дѣлу, и ежели въ этой преданности можно было отыскать что-нибудь предосудительное, то развѣ только то, что мы не шутя были убѣждены, что наше «дѣло» можетъ развиваться полегоньку, безъ трубныхъ звуковъ, безъ оглашеній, а тѣмъ болѣе безъ сквернословія. «Наше время—не время широкихъ задачъ!»—

воскликали мы, и съ непреодолимую серьезностью корили надъ рапортами, вѣдомостями, рѣшеніями и предписаніями. Предсѣдатель суда, конечно, соболѣзновалъ, когда присяжные засѣдатели слишкомъ охотно оправдывали обвиняемыхъ, но въ то же время никогда не позволилъ бы себѣ утверждать, что институтъ присяжныхъ долженъ быть подвергнутъ за это посрамленію. Предсѣдатель казенной палаты всѣмъ сердцемъ желалъ, чтобы подати поступали въ казну бездонмочно, но былъ бы глубоко огорченъ, если бъ это поступленіе сопровождалось взломомъ головъ у плательщиковъ. Предсѣдатель земской управы страстно лелѣялъ въ душѣ своей идеаль переложенія дорожной повинности изъ натуральной въ денежную, но первый отступилъ бы въ ужасѣ, если бъ ему сказали, что для достиженія этого необходимо ту или другую мѣстность объявить въ осадномъ положеніи. Управляющій акцизными сборами охотно принималъ участіе въ дѣлѣжѣ дивиденда, но при этомъ всегда уиовалъ, что наступитъ время, когда количество дивиденда будетъ зависѣть не столько отъ увеличенія арміи пьяницъ, сколько отъ болѣе правильнаго распредѣленія напитка между желающими пользоваться имъ. И такъ далѣе. Но при всемъ либерализмѣ мы не только не отрицали необходимости помпадура, но даже прямо говорили, что безъ помпадура мы пропадемъ, какъ шведы подъ Полтавой. Въ безграничномъ нашемъ усердіи мы желали отъ помпадура только одного: чтобъ онъ не отвлекалъ насъ отъ рапортовъ, предписаній и вѣдомостей, чтобъ не истощалъ казны чрезчуръ блестящими предпріятіями и простилъ бы, если бъ кто-нибудь изъ насъ, по разсеянности, выказалъ *простую* теплоту чувствъ въ такую минуту, когда принято выказывать теплоту чувствъ *особенную*.

Такимъ образомъ мы жили и, надо сказать правду, не видя ни откуда притѣсненій, даже возгордились. Стали въ глаза говорить другъ другу комплименты, называть другъ друга «гражданами», увѣрять, что другой такой губерніи

днемъ съ огнемъ поискать, устранивать по подпискѣ обѣды въ честь чьего-нибудь пятилѣтія или десятилѣтія, а иногда и просто въ ознаменованіе безпримѣрнаго дотолѣ увеличенія дохода съ цитей или бездомочнаго поступленія выкупныхъ платежей.

Понятно поэтому, какое горькое впечатлѣніе произвело на насъ косвенное извѣстіе о какомъ-то «вѣяніи времени», которое должно было немедленно насъ сократить.

Многіе изъ насъ думали: какъ, однакожъ, постыдно, какъ глубоко оскорбительно положеніе человѣка, который постоянно долженъ задавать себѣ вопросъ: за что?—и не находитъ другого отвѣта, кромѣ: будь готовъ! Я, наиримѣрь, сижу за столомъ и весь углубленъ въ провѣрку вѣдомостей. Никакой вины за собой я не чувствую. Цифры шеренгами и столбцами мелькаютъ въ моихъ глазахъ; мнѣ тошно отъ нихъ, я радъ бы бѣжать, куда глаза глядятъ, чтобъ только не видѣть ихъ; однако я преодолеваю свою тошноту и цѣлымъ рядомъ геронческихъ насилій надъ собою достигаю, наконецъ, итога, не только понятнаго для меня самого, но такого, который—я положительно въ томъ увѣренъ—пойметъ и мое начальство. И вдругъ, въ самомъ разгарѣ торжества моего усердія, мнѣ приходится сказать: «Ты преступенъ! Ты преступенъ потому, что когда-то, въ какомъ-то мѣстѣ, не выказалъ *достаточной* теплоты чувствъ!»—Помилуйте,—говорю я:—я вотъ этими вѣдомостями, я числомъ входящихъ и исходящихъ нумеровъ—вотъ чѣмъ доказываю я теплоту своихъ чувствъ!—«Вздоръ!»—отвѣчаютъ мнѣ:—наплевать намъ на твои вѣдомости! Пусть будутъ все итоги перевераны, пусть будутъ исходящія бумаги исполнены безсмыслицы—подавай намъ не *эту*, а настоящую теплоту чувствъ!»—Позвольте, однако! стало-быть, у васъ есть термометръ, съ помощью котораго вы...—«Ба! ты еще остришь! Живо! Faites vos bagages, messieurs! faites vos bagages! Фюнтъ!»

И вотъ я, преданнѣйшій изъ либераловъ, я, который всю жизнь мечталъ: какъ бы славно, если бъ крестьянинъ вно-

силъ выкупные платежи полностью, и при томъ не по принужденію, а съ сладкимъ сознаніемъ выполненнаго долга,— я долженъ, не оглядываясь, бѣжать «отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣсть», бѣжать безъ прогоновъ, съ опасной кличкой человѣка, не выказавшаго *достаточной* теплоты чувствъ!

За что?!

Поймите меня. Если я желалъ, чтобъ выкупные платежи вносили бездомочно, то вѣдь я желалъ этого не для себя, не для приобрѣтенія себѣ эфемерной популярности, а для того, что сердце мое обливалось кровью при одной мысли, что государственное казначейство можетъ быть поставлено въ затрудненіе. Какой еще нужно теплоты чувствъ? А если я, сверхъ того, желалъ, чтобъ эти взносы дѣлались не по принужденію, то, опять-таки, не затѣмъ, чтобъ дать поблажку непросвѣщенной и грубой черни, а затѣмъ, что если однажды, въ видахъ скорѣйшаго полученія денегъ, проломить плательщику голову, то онъ умретъ, и въ другой разъ казнѣ уже не съ кого будетъ взыскивать. Ужели и это не теплота чувствъ?!

Теплота чувствъ! О, вы, которые такъ много говорите о ней, объясните, по крайней мѣрѣ, въ чемъ должны заключаться ея признаки? Но,—увы!—никто даже не даетъ себѣ труда отвѣтить на этотъ вопросъ. Напротивъ того, вопросъ мой возбуждаетъ негодованіе, почти ужасъ. Какъ! ты даже этого, врожденнаго всякому человѣку, понятія не имѣешь! ты *этого* не понимаешь! *Этого!* Брысь!

Въ тоскѣ, я обращаюсь къ моему сердцу. Сердце-вѣщунъ!—говорю я:—ты, которое, десятки лѣтъ состоя на казенной службѣ, должно знать всѣ формы и степени казенной теплоты! Повѣдай мнѣ, въ чемъ прегрѣшаю я противъ нихъ?

И вотъ сердце отвѣчаетъ мнѣ: тогда-то, снѣша по улицѣ въ присутствіе, ты забылъ сдѣлать подъ козырекъ! тогда-то, гуляя въ публичномъ саду, ты разсуждалъ съ управляющимъ контрольной палаты на тему о бесполезности писать

законы, коль скоро ихъ не исполнять, между тѣмъ какъ, *по-настоящему*, ты долженъ былъ стоять въ это время смиренно и распѣвать: «громъ побѣды раздавайся!»

О, ужасъ! я припоминаю! Да... это такъ... это дѣйствительно было! Дѣйствительно, я и подь козырекъ не сдѣлалъ, и не распѣвалъ... Но почему же, о, сердце, ты не предупредило меня?! Ты, которое знаешь, какъ охотно я дѣлаю подь козырекъ и съ какимъ увлеченіемъ я всегда и на всякомъ мѣстѣ готовъ повторить:

О, россы! о, родъ нецобѣдимый!
О, твердокаменная грудь!

Положимъ, однакожь, что я преступень; но развѣ нтъ для меня смягчающихъ вину обстоятельствъ? Та посѣшность, съ которою я устремился въ присутствіе и которая была причиною, что я не сдѣлалъ подь козырекъ—развѣ это не ениміамъ въ своемъ родѣ? Тотъ восторженный разговоръ, который я велъ о необходимости покоряться законамъ даже въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что законъ для насъ не писанъ—развѣ это не перифраза того же самага «громъ побѣды раздавайся», за нераспѣваніе котораго я такъ незаслуженно оскорбленъ названіемъ преступника?

Но никто не внимааетъ мнѣ; никто не хочетъ признать за мной даже смягчающихъ обстоятельствъ! *Faites vos bagages, messieurs! faites vos bagages!*

Въ ожиданіи такихъ перспективъ очень естественно, что мы и не замѣтили, какъ простылъ слѣдъ нашего добраго стараго помпадура. Намъ было не до того. Не неблагодарность руководила нами, а простое чувство самосохраненія. Въ тоскливой суетѣ сообщали мы другъ другу различныя предчувствія и предположенія; но все эти предчувствія блѣднѣли и меркли передъ однимъ капитальнымъ и, такъ сказать, немеркнувшимъ вопросомъ:

Кто... ОНЪ?

Кто онъ? Кто тотъ благовѣстникъ самоновѣйшаго духа времени, которому суждено и на насъ распространить его вѣянiя, или, лучше сказать, вывести насъ въ нѣкоторое пустынное и ни откуда не защищенное мѣсто, гдѣ всевозможные вихри будутъ нещадно трепать насъ и сзади, и спереди, и съ боковъ?

Въ чемъ состоятъ «вѣянiя» времени?

Que les méchants tremblent! que les bons se rassurent! Все это прекрасно, но кто же тѣ «злые», которые обязываются трепетать? кто тѣ «добрые», которые могутъ съ довѣриемъ взирать въ глаза прекрасному будущему?

Надо сказать правду, что, предложивъ себѣ эти вопросы, мы отвѣтили на нихъ довольно ругиннымъ образомъ. По прежнимъ примѣрамъ, а можетъ-быть и не по примѣрамъ, а просто на основанiи давно упраздненныхъ афоризмовъ административной азбуки, мы думали, что подѣ «злыми» слѣдуетъ разумѣть, во-первыхъ, взяточниковъ, во-вторыхъ, такъ-называемыхъ дантистовъ и, въ-третьихъ, всякаго рода шалопаевъ и «плюющихся людей». Нѣкоторые изъ насъ (либералы, но уже съ значительнымъ консервативнымъ отѣнкомъ) прибавляли къ этимъ тремъ категорiямъ еще четвертую, подѣ наименованiемъ «людей политически-неблагонадежныхъ». Но, во всякомъ случаѣ, такъ какъ мы ни къ одной изъ этихъ категорiй (даже къ четвертой) себя не причисляли, то многiе чуть-было тутъ же не начали взирать съ довѣриемъ въ глаза прекрасному будущему. Однакожь, болѣе пристальное разсмотрѣнiе дѣла дало намъ почувствовать, что тутъ есть ошибка, и при томъ довольно грубая.

Начать хоть со взяточниковъ — могутъ ли быть они названы «злыми» въ новѣйшемъ значенiи этого слова?

Извѣстно, что въ концѣ пятидесятихъ годовъ воздвигнуто было на взяточниковъ очень сильное гоненiе. Съ понятiемъ о «взятничествѣ» сопрягалось тогда представление о какой-то язвѣ, которая якобы разъѣдаетъ русское

чиновничество и служить немалой помѣхой въ дѣлѣ народнаго преуспѣянія. Казалось, что ежели уничтожить взятку и населить міръ неумытными становыми приставами, то вдругъ потекутъ рѣки млека и меда, а къ нимъ на придачу водворится и правда. Такъ понимало «взятку» тогдашнее общество; такъ объясняли это слово и составители толковыхъ словарей. Но съ тѣхъ поръ понятія наши значительно расширились, и мы не только не указываемъ на взяточничество какъ на язву, но даже не интересуемся знать, прекратилось оно или существуетъ. Утративши прежнія наглыя формы, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, утратило и правѣ на наше вниманіе. Прежнія страстные преслѣдованія этого гнуснаго порока утихли или, лучше сказать, замѣнились иными преслѣдованіями иныхъ пороковъ... пороковъ, порожденныхъ новыми вѣяніями времени. Словомъ сказать, вопросъ о взяточничествѣ, нѣкогда столь славный, является въ настоящее время до такой степени забытымъ, что самое напоминаніе о немъ кажется ребяческою назойливостью.

Такъ бываетъ всегда, когда общественное развитіе идетъ слишкомъ быстро и когда общество, въ своемъ нетерпѣніи, отъ кошечной взятки прямо переходитъ къ тысячной, десятитысячной и т. д. Филологи, не усигвая слѣдить за измѣненіями, которыя вносятъ жизнь въ извѣстные выраженія, впадаютъ въ невольныя ошибки и продолжаютъ звать «взяткой» то, чему уже слѣдуетъ, по всей справедливости, присвоить наименованіе «куша». Отсюда — путаница понятій. Содержаніе «взятки» измѣнилось, границы ея получили совсѣмъ другія очертанія; притягательныя ея силы приобрѣли особый полѣтъ и изумительнѣйшее, дотогѣ неслыханное развитіе, а составители толковыхъ словарей упорствуютъ утверждать, что «взятка» есть то самое, что въ древности собиралъ становой приставъ въ формѣ куръ и яицъ и лишь по временамъ находилъ, въ видѣ полумперіала, во внутренностяхъ какого-нибудь вонючаго рас-

потрошеннаго трупa. Къ счастью, однакожь, жизнь не вѣрнуть этимъ объясненіямъ и утверждаетъ прямо, что «взятка» окончательно умерла и на ея мѣсто родился «кушъ».

Но понятно, что «кушъ» уже совѣмъ другого рода дѣло, и что для разъясненія, въ какой мѣрѣ этотъ новый экономическій дѣятель препятствуетъ или способствуетъ народному преуспѣянію, потребно не мало времени. До сихъ поръ, и то лишь на этихъ дняхъ, только прусскій депутатъ Ласкеръ возбудилъ объ этомъ вопросъ, неосторожно назвавъ «взяткою» двадцатитысячный «кушъ», полученный нѣкимъ тайнымъ совѣтникомъ за содѣйствіе при выдачѣ желѣзнодорожной концессіи. Разумѣется, газетчики обрадовались этому обличенію и увидѣли въ немъ фактъ, свидѣтельствующій о прусской испорченности. Но вотъ выскивается австрійскій журналистъ, который по поводу этого же самаго происшествія совершенно наивно восклицаетъ: «О! если бы намъ, австрійцамъ, Богъ послалъ такую же испорченность, какая существуетъ въ Пруссіи, какъ были бы мы счастливы!» Какъ хотите, а это восклицаніе проливаетъ на дѣло совершенно новый свѣтъ, ибо кто же можетъ поручиться, что вслѣдъ за австрійскимъ журналистомъ не выищется журналистъ турецкій, который пожелаетъ для себя австрійской испорченности, а потомъ нубійскій или кокандскій журналистъ, который будетъ сгорать завистью уже по поводу испорченности турецкой? Очевидно, что разногласія этого не могло бы существовать, если бъ строгимъ опредѣленіемъ понятія о «кушѣ» была сразу устранена возможность заслонить одну громадную мерзость посредствомъ другой, еще болѣе громадной. Но вотъ этого-то именно и нѣтъ. А покуда не будетъ достигнуто это устраненіе, много пройдетъ времени въ спорахъ, какая степень испорченности желательна, какая терпима и какая, наконецъ, и нежелательна, и нетерпима.

До тѣхъ поръ мы будемъ имѣть основаніе сказать только

одно: да, если взятка еще не умерла, то она существуетъ въ такой облагороженной формѣ, что лучше всего дѣлать видъ, что не примѣчаешь ее. Но, кромѣ того, имѣются и высшія соображенія, которыя не дозволяютъ считать взяточниковъ въ числѣ «злыхъ». Новѣйшія вѣянія времени учатъ все болѣе цѣнить въ человѣкѣ не геройство и способность претерпѣвать лишенія, сопряженныя съ ограниченнымъ казеннымъ содержаніемъ, а покладистость, уживчивость и готовность. Но что же можетъ быть покладистѣе, уживчивѣе и готовнѣе хорошаго, добраго взяточника? Ради возможности стянуть лишнюю копейку, онъ готовъ ужиться съ какою угодно внутренней политикой, увѣровать въ какого угодно бога. Сегодня, напяливъ мундиръ, онъ отправляется въ соборъ поклониться Богу истинному, а завтра— только прикажите!—въ томъ же мундирѣ выйдетъ на лобное мѣсто и будетъ кричать: «расни! расни Его!»

Ясно, что «новѣйшія вѣянія времени» къ нимъ относятся не должны...

Другая категорія людей, которая, на основаніи азбучныхъ опредѣленій, заслуживала бы наименованія «злыхъ», состоитъ изъ тѣхъ нервно-разстроенныхъ людей, которые въ оглушеніяхъ и заушеніяхъ ищутъ успокоенія для своей разстроенности. Должны ли они трепетать? Нѣкоторые изъ насъ отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно; другіе говорили прямо: нѣтъ, не должны. Но аргументы первыхъ до того страдали риторическою амплификаціей, что невольно напоминали знаменитое и, какъ извѣстно, окончившееся полнѣйшимъ фіаско выраженіе: «въ наше время, когда»... Напротивъ того, аргументы вторыхъ такъ плотно стояли на реальной почвѣ, что своею осязаемостью поражали слушателя въ самое сердце. «Помилуйте!—говорили послѣдніе:—что же такое оглушенія и заушенія, какъ не самое яркое выраженіе новѣйшихъ вѣяній времени, какъ не роскошный плодъ, въ которомъ они находятъ свое осуществленіе?»

И точно, знаменитѣйшіе изъ нашихъ оглушителей:—майоръ Зуботычкинъ и капитанъ Рылобейщиковъ, присутствуя при нашихъ спорахъ, здоровымъ и цвѣтущимъ своимъ видомъ выражали не только отсутствіе всякихъ опасеній, но и полнѣйшее довѣріе къ будущему. И при этомъ оба такъ простодушно удостовѣряли: «какъ хотите, а съ простымъ народомъ безъ того нельзя-съ», что даже несомнѣнные противники системы оглушенія—и тѣ становились втуликъ: слѣдуетъ ли ставить въ вину такіе подвиги, которые служатъ лишь выраженіемъ самыхъ завѣтныхъ и искреннихъ убѣжденій? Что могъ почувствовать при видѣ ихъ помпадуръ, который самъ являлся вѣстникомъ «вѣяній времени»? Какъ могъ онъ поступить относительно ихъ? Очевидно, онъ долженъ былъ призвать къ себѣ Зуботычина и Рылобейщикова и сказать имъ: «вы—избранники моего сердца! идите, сбійте зубы, сокрушайте челюсти и превращайте вселенную въ пустыню! Я съ удовольствіемъ буду слѣдить за вашими успѣхами!»

Ясно, стало-быть, что и «дантисты» стоятъ внѣ того круга, которому угрожаетъ опасность...

Третья категорія «злыхъ» — шалопай и разнаго рода «шлющіяся» люди. Но относительно ихъ современныя воззрѣнія до того уже выяснились, что мы сами тотчасъ же поняли неумѣстность этой категоріи. Когда Петръ Великій билъ «шлющихся людей» налкой и приказывалъ брить имъ лбы и записывать на службу—это было понятно. Для преобразования Россіи нужно было, чтобъ шалопай были на глазахъ, чтобъ они не гадили втихомолку, а дѣлали это, буде хватить смѣлости, въ виду всей публики. Но впоследствии мы приобрѣли такъ много всякаго рода свободъ, что между ними совершенно незамѣтно проскользнула и свобода шалопайствовать. Шалопай проникли всюду, появились на всѣхъ ступеняхъ общества и постепенно образовали такое компактное ядро, что, за неимѣніемъ другого, болѣе доброкачественнаго, многіе усомнились, не тутъ ли

именно и находится та несокрушимая крѣпость, изъ которой новыя вѣянія времени могутъ производить смѣлѣйшіе набѣги свои. Въ какой степени основательно или неосновательно такое предположеніе — это предстоитъ разрѣшить времени: но до тѣхъ поръ, пока разрѣшенія не послѣдовало, ясно, что «шлющіеся люди», равно какъ взяточники и дантисты, должны стоять внѣ всякихъ угрозъ.

Оставалась, стало-быть, четвертая и послѣдняя категорія «злыхъ», категорія людей «политически-неблагонадежныхъ». Но едва мы приступили къ опредѣленію признаковъ этой категоріи, какъ съ нами вдругъ, ни съ того, ни съ сего, приключился ознобъ. Ознобъ этотъ еще болѣе усилился, когда мы встрѣтились съ прикованными къ намъ взорами нашихъ консерваторовъ. Эти взоры дышали злорадствомъ и ироніей и сопровождались улыбками самаго загадочнаго свойства...

Боже! ужели же мы, всегда считавшіе себя «добрыми», мы, носители идеаловъ о начетахъ не свыше 1 р. 43 к., мы, преданное среднему дѣлу меньшинство, мы, «граждане» — ужели именно мы-то и обзываемся «трететать»?!

Да! Это жестоко, но это такъ! Это можно было угадать уже по тому конфузу, который овладѣлъ самими нами, какъ только произнесены были слова: политическая неблагонадежность. Скажу по секрету: мы уже давно очень хорошо поняли, что рѣчь пойдетъ не о комъ другомъ, а именно о насъ, и лишь по малодушію скрывали это не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя. Все какъ-то думалось, не совершится ли чудо, не сознаются ли консерваторы, что къ нимъ всего больше подходитъ та кличка политически-неблагонадежныхъ людей, которую такъ удачно создало вѣяніе времени? Не снимутъ ли они на себя тяготѣющую на насъ оговоръ? Но консерваторы не сознавались, а потому пришлось сознаваться намъ самимъ.

Какимъ образомъ случилось, что мы хоть косвенно, но сами признавали себя въ числѣ тѣхъ, противъ которыхъ

вѣяніе времени должно было прежде всего направить свои стрѣлы—объяснить это довольно легко. Въ послѣднее время нашъ клубъ былъ ареною такихъ непрерывныхъ и раздражительныхъ междоусобій, что мы, носители идеала о начетахъ не свыше 1 руб. 43 коп., лишь благодаря благосклонному содѣйствію стараго помпадура, одерживали въ нихъ слабый верхъ. Но даже и при существованіи этого могущественнаго прикрытія мы никогда не могли предотвратить, чтобы наши политическіе противники не напомнили намъ, съ едва скрываемою дерзостью, кто мы и изъ какихъ мы принциповъ выходимъ. Повторяю: принципы эти были очень просты и заключались въ томъ, чтобы взятковъ не брать, къ рылобитію не прибѣгать и съ самоотверженіемъ корпѣть надъ рапортами и вѣдомостями. Но консерваторамъ и это казалось ужаснымъ. Чтѣ бы мы ни предпринимали, какое бы сужденіе ни высказывали, мы совершенно явственно слышали, какъ тутъ же, ђ-бокъ съ нами, раздавался ехиднѣйшій шопоть, который произносилъ: «красные!» Это восклицаніе преслѣдовало насъ всюду: въ клубѣ, на улицѣ, въ присутственномъ мѣстѣ. Да, и въ присутственномъ мѣстѣ, потому что даже просьбы на гербовой бумагѣ, которыя приходилось намъ разбирать,—и тѣ были насквозь пропитаны ядомъ этого выраженія. Вотъ почему это слово не было для насъ новостью и вотъ почему, какъ только оно было произнесено, мы тотчасъ же поняли, что «красные»—это мы. Прежде мы могли относиться къ этой кличкѣ равнодушно и даже шутливо; но теперь, когда мы сознавали себя предоставленными лишь собственнымъ силамъ, она предстала передъ нами во всей наготѣ. Могли ли мы примѣнить ее къ кому бы то ни было, кромѣ самихъ себя? Могли ли мы утверждать, что намъ и на умъ никогда не приходило называть себя «красными», а тѣмъ менѣе быть оными? Увы! улики были на-лицо, улики страшныя, подавляющія! Такія улики, что начеть въ 1 руб. 43 коп. сразу выступилъ въ видѣ холодныхъ капель пота

на лбу у управляющаго контрольной палатой, какъ только онъ вспомнилъ о немъ! .

Это была неправда, это была вопіющая клевета. Но, тѣмъ не менѣе, какъ ни обдумывали мы свое положеніе, никакого другого выхода не находили, кромѣ одного: да, мы, именно мы одни обязываемся «трепетать»! Мы—«злые», лишь по недоразумѣнію восхитившіе наименованіе «добрыхъ». Мы—волки въ овечьей шкурѣ. Мы—«красные». На насъ прежде всего должно обрушиться вѣяніе времени, а затѣмъ, быть-можетъ, задѣтъ на ходу и другихъ.

Уныніе овладѣло нами. Одни изъ насъ дребезжающимъ голосомъ разучивали «Громъ побѣды раздавайся!» Другіе выставляли по цѣлымъ часамъ, дѣлая рукою подъ козырекъ. Нѣкоторые замыслили измѣну дорогимъ убѣжденіямъ...

Но всѣ средства оказались непрактичными и нецѣлесообразными. Не то слѣдуетъ доказать, умѣешь ли ты дѣлать подъ козырекъ, а то, возведено ли въ тебѣ это дѣланіе на степень врожденной идеи. Не о томъ рѣчь, твердо ли ты заучилъ романсъ «Громъ побѣды раздавайся», а о томъ, составляетъ ли онъ операціонный базисъ твоихъ мыслей и дѣйствиіи. Измѣна же хотя и казалась наиболѣе практическимъ выходомъ, но вѣдь и ее прежде надобно доказать или, по малой мѣрѣ, доложить о ней, а это тоже почти невозможно, потому что «вѣянія времени» обращаютъ человека въ пепель, прежде нежели онъ успѣетъ разинуть ротъ...

Однимъ словомъ, оставалось только ждать.

Въ этомъ ожиданіи прошло нѣсколько томительныхъ недѣль, въ продолженіе которыхъ только одинъ вопросъ представлялся намъ съ полною ясностью:

За что?

Мы ничего не имѣли въ мысляхъ, кромѣ интересовъ казны; мы ничего не желали, кромѣ благополучнаго разрѣшенія благихъ начинаній; мы трудились, усердствовали,

лѣзли изъ кожи и въ свободное отъ усердія время мечтали: о, если бы и волки были сыты, и овцы цѣлы!.. Словомъ сказать, мы день и ночь хлопотали о насажденіи древа гражданственности. И вотъ теперь намъ говорятъ: «вы должны претерпѣть!»

За что?!

Да пересмотрите же паши вѣдомости! Загляните въ наши предписанія, донесенія, журнальныя постановленія! Сличите, какой сумбуръ царствовалъ до насъ и какъ рѣшительно двинули мы впередъ многосложное и трудное дѣло сличенія вѣдомостей, поправки кассовыхъ журналовъ, бухгалтерскихъ книгъ, и проч., и проч.

Отвѣтъ: быть-можетъ, это все такъ, но вы *должны* претерпѣть.

Примите, по крайней мѣрѣ, во вниманіе, что ежели мы и провинились, то безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, по разсыянности, недоразумѣнію, неопытности, глупости и т. д.

Вы должны претерпѣть!

За что?!

Наконецъ, ОНЪ пріѣхалъ...

По внѣшнему виду въ немъ не было ничего ужаснаго, но внутри его скрывалась молнія.

Какъ только онъ почувялъ, что передъ нимъ стоятъ люди, которые хотя и затаили дыханіе, но все-таки дышуть,— такъ тотчасъ же вознегодовалъ.

Но онъ былъ логичекъ. Онъ не вошелъ даже въ разбирательство, кто передъ нимъ: консерваторы или либералы.

И вотъ онъ раскрылъ ротъ. Едва онъ сдѣлалъ это, какъ молнія, въ немъ скрывавшаяся, мгновенно вылетѣла и, не тронувъ насъ, прямо зажгла древо гражданственности, которое было насаждено въ душахъ нашихъ...

Случайность эта спасла насъ. При кликахъ всеобщей

суматохи онъ далъ каждому изъ насъ по нѣскольку щипковъ и затѣмъ всецѣло преданся внутреннему ликованію.

Но по мѣрѣ того, какъ онъ щипалъ насъ, мы чувствовали, какъ догораютъ наше милое, дорогое древо гражданственности.

— О, древо! — уныло восклицали мы: — съ какими усилиями мы возрастили тебя и, возрастивъ, съ какимъ торжествомъ публиковали о томъ всему міру! И что жъ! пришелъ нѣкто — и въ одну минуту испепелилъ всѣ наши насажденія!

Мы удѣлѣли — но ужъ безъ древа гражданственности. Мы не собираемся вокругъ него и не щебечемъ. Мы не знаемъ даже, надолго ли «онъ» оставилъ намъ жизнь... Но, соображаясь съ вѣяніями времени, твердо уповаемъ, что жизнь возможна для насъ лишь подъ однимъ условіемъ: подъ условіемъ, что мы обязываемся ежемгновенно и неукоснительно трепетать.

IX. — Помпадуръ борьбы

или

ПРОКАЗЫ БУДУЩАГО.

Я съ дѣтскихъ лѣтъ знаю Оеденьку Кротикова. Въ школѣ это былъ отличный товарищъ, готовый и въ форточку покурить, и прокатиться въ воскресенье на лихачѣ, и кутнуть гдѣ-нибудь въ заднихъ комнатахъ рестораника. По выходѣ изъ школы, продолжая оставаться отличнымъ товарищемъ, онъ въ какихъ-нибудь три-четыре года напилъ и наѣлъ у Дюссо на десять тысячъ рублей и задолжалъ нѣсколько тысячъ за ложу на Минерашкахъ, изъ которой имѣлъ удовольствіе апплодировать *m-lle Blanche Gandon*. Это заставило его взглянуть на свое положеніе серьезно. Роль добраго товарища обходилась слишкомъ дорого; надо было остепениться и избрать себѣ карьеру. И вотъ, не

прошло четырехъ лѣтъ—слышимъ, что онъ прямо изъ-подъ ферулы Дюссо вдругъ выказалъ необыкновенный административный блескъ. Еще немного—и Оеденька былъ уже помпадуромъ въ городѣ Навозномъ...

Какимъ образомъ все это случилось—никто не могъ дать себѣ отчета. Всѣ видѣли, что Оеденька сидитъ у Дюссо, но никто не подозрѣвалъ, что онъ сидитъ не спроста, а изучаетъ духъ времени. У Дюссо же, кстати, собираются наѣзжіе помпадуры и за бутылкой добраго вина развиваютъ виды и предположенія, какіе кому Богъ на душу пошлетъ, а слѣдовательно для молодыхъ кандидатовъ въ администраторы лучшей школы не можетъ быть. И Оеденька воспользовался ею вполне, то-есть прислушивался и смекалъ. И вотъ, когда онъ понялъ, что для современнаго администратора ничего больше не требуется, кромѣ свободныхъ манеръ, то тотчасъ же сообразилъ, что и онъ въ этомъ отношеніи не лыкомъ шить. Проникнувъ въ извѣстныя сферы, изъ которыхъ, какъ изъ нѣкоего водохранилища, изливается на Россію многоводная рѣка помпадурства, Оеденька, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, сболтнулъ хлѣсткую фразу, въ родѣ того, что Россію губитъ излишняя централизація; что необходимо децентрализовать, то-есть эмансипировать помпадуровъ, усиливъ ихъ власть; что высшая администрація слишкомъ погружена въ подробности и мелочи; что мелочи отвлекаютъ ее отъ главныхъ задачъ, то-есть отъ внутренней политики, и т. д. Однимъ словомъ, высказалъ все, что говорится у Дюссо за стаканомъ добраго вина наѣзжими и жаждущими эмансипироваться помпадурами. Сболтнулъ—и понравился; понравился — и былъ признанъ способнымъ уловлять вселенную...

Я первый порадовался возвышенію Оеденьки. Во-первыхъ, я зналъ, что у него доброе сердце, а, по моему мнѣнію, въ помпадурѣ это главное. Если помпадуръ настолько простодушень, что ничѣмъ другимъ, кромѣ внутренней по-

литики, заниматься не может, и если при этомъ онъ еще золь, то очевидно, что онъ не сумѣетъ дать другого употребленія своему досугу, кромѣ угнетенія обывателя. Злая праздность подозрительна и ревнива. Лишенная знанія и тѣхъ ограниченій, которыя она приноситъ съ собою, она замѣняетъ его простымъ нахальствомъ, и потому всюду вмѣшивается, во всемъ сознаетъ себя компетентною, всѣмъ мѣшаетъ, вездѣ видитъ посягательство, покушеніе, оскорбленіе. Она съ утра до вечера хлопаетъ глазами и все ищетъ, какъ бы кого истребить, скрутить, согнуть въ бараній рогъ. Клянусь, ничего тутъ хорошаго нѣтъ. Напротивъ того, праздность невѣжественная, но соединенная съ добродушіемъ, не только не вредитъ, но даже представляетъ пѣкоторыя выгоды. Добрый помнадуръ застѣнчивъ; онъ никому не мѣшаетъ и даже избѣгаетъ лишнихъ объясненій, потому что боится сболтнуть что-нибудь несообразное и выказать несостоятельность. Сознывая себя осужденнымъ исключительно на внутреннюю политику, онъ все значеніе послѣдней полагаетъ въ томъ, чтобы не препятствовать другимъ. Онъ посѣщаетъ клубъ—и всѣхъ призываетъ къ согласію. Онъ ѣздитъ на широги, обѣды и ужины — и всѣмъ желаетъ благополучія. Хороши добрые невѣжественные помнадуры! При нихъ обыватель съ довѣріемъ смотритъ въ глаза завтрашнему дню, зная, что онъ встрѣтитъ его въ своей постели, а не на съѣзжей, и что никто не перевернетъ вверхъ дномъ его существованія по обвиненію въ недостаточной теплотѣ чувствъ. И вотъ этого именно, этой незлобивой невѣжественности, соединенной съ доброжелательнымъ отношеніемъ къ обывателю, ждалъ я и отъ Оеденьки.

Во-вторыхъ, мнѣ было извѣстно, что Оеденька имѣетъ и другое драгоценное качество: — что онъ либераль. Это было время либерализма почти повальнаго, то время, когда вдругъ всѣмъ сдѣлалось тошно и душно. Оеденька отлично выразилъ это чувство въ особенной докладной запискѣ,

представленной имъ по этому случаю. «Воспрещеніе курить на улицахъ,—писалъ онъ въ этой запискѣ,—ограниченія относительно покроя одежды, въ особенности же истинно-деоклитіановскія гоненія противу лицъ, носящихъ бороды и длинныя волосы, — все это, вмѣстѣ взятое, не могло не оказать пагубнаго воздѣйствія на общественную самодѣятельность. Чувствуя себя на каждомъ шагѣ подъ угрозой мѣропріятій, болѣею частью направленныхъ противу невиннѣйшихъ попользованій человѣческаго естества, общество утратило вѣру въ свои творческія силы и поникло подъ игомъ постыднаго равнодушія къ собственнымъ интересамъ. Посему и въ видахъ поднятія народнаго духа, я полагаю бы необходимымъ всенародно объявить: 1) что занятіе куреніемъ табака свободно вездѣ, за нижеслѣдующими исключеніями (слѣдоваль 81 п. исключеній); 2) что выборъ покроя одежды предоставляется личному усмотрѣнію каждаго, съ таковымъ, однакожь, изъятіемъ, что появленіе на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ въ обнаженномъ видѣ, попрежнему, остается недозволительнымъ, и 3) что преслѣдованіе за ношеніе бороды и длинныхъ волосъ прекращается, а всѣ начатыя по сему предмету дѣла предаются забвенію, за исключеніемъ лишь нижеслѣдующихъ случаевъ (поименовано 33 исключеній)». Какъ хотите, а человѣкъ, начинавшій свой административный бѣгъ съ такими смѣлыми задатками, не могъ не заслуживать нѣкотораго довѣрія. При томъ же, излагая столь ясно свои либеральныя убѣжденія, онъ вѣдь и рисковалъ. Онъ ставилъ на карту все свое административное будущее, ибо ежели смѣлость его могла понравиться, то она же могла и не понравиться и, слѣдовательно, надѣлать ему хлопотъ. Мало того, онъ могъ прослыть опаснымъ мечтателемъ. Къ счастью, онъ попалъ въ такую минуту, когда смѣлыя начинанія нравились...

Какъ бы то ни было, но Оеденька достигъ предмета своихъ вождѣній. Напутствуемый всевозможными поже-

ланіями, онъ отправился въ Навозный край, я же остался у Дюссо. Съ тѣхъ поръ мы видѣлись рѣдко, урывками, во время наѣздовъ его въ Петербургъ. И я съ сожалѣніемъ долженъ сознаться, что мси надежды на его добросердечіе и либерализмъ очень скоро разрушились.

Первое время административныхъ подвиговъ Ѳеденьки было лучшимъ его временемъ. Это было время либерализма безусловнаго, которому не только не служило помѣхой отсутствіе мудрости, но, напротивъ того, сообщало какой-то ликующей характеръ. Ѳеденька рвался впередъ, нимало не думая о томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть его рвеніе. Онъ писалъ циркуляры о необходимости заведенія фабрикъ, о возможности, при добромъ желаніи, населить и оплодотворить пустыни, о пользѣ развитія путей сообщенія, промышленности, судоходства, торговли, и изъявиль надежду, что земледѣліе, споспѣшествуемое, съ одной стороны, садоводствомъ, а съ другой — разведеніемъ улучшенныхъ породъ скота, принесетъ желаемые плоды и, такимъ образомъ, оправдаетъ возлагаемыя на него надежды. Онъ призывалъ къ себѣ для совѣщанія купцовъ и доказывалъ имъ неотложность учрежденія кожевенныхъ и мыловаренныхъ заводовъ, причемъ говорилъ: «прошу васъ, господа, а въ случаѣ надобности, даже требую». Онъ приглашалъ дворянъ и говорилъ, что дворянское сословіе всегда было опорой, а потому и теперь должно первое подать примѣръ. Въ ожиданіи же результатовъ этой судорожной дѣятельности, онъ дѣлалъ внезапныя вылазки на пожарный дворъ, осматривалъ лавки, въ которыхъ продавались съѣстные припасы, требовалъ исправнаго содержанія мостовыхъ, пробоvalъ похлебку, изготовленную въ тюремномъ замкѣ для арестантовъ, прекращалъ чуму, холеру, оспу и сибирскую язву, собиралъ деньги на учрежденіе дѣтскаго приюта, городского театра и публичной библіотеки, предупреждалъ и пресѣкалъ бунты и въ особенности выказывалъ страстные порывы при взысканіи недопмощъ.

Но, — увы! — изъ всѣхъ этихъ либеральныхъ затѣй Оеденька достигъ относительнаго успѣха лишь по части пресѣченія бунтовъ и взысканія недоимокъ. Ко всѣмъ прочимъ его запросамъ общество отнеслось тупо, почти безучастно. Фабрики не учреждались, холера не прекращалась, судоходство не развивалось, купцы продолжали косятъ въ невѣжествѣ, а земледѣліе, споспѣшествуемое сибирскою язвою, давало въ результатѣ болѣе лебеды, нежели истиннаго хлѣба. Это тѣмъ болѣе озадачило Оеденьку, что онъ, какъ вообще всѣ администраторы, кончившіе курсъ наукъ въ ресторанѣ Дюссо, не имѣлъ надлежащей выдержки и былъ скорѣе способенъ являть сердечную пылкость, нежели упорство въ преслѣдованіи административныхъ цѣлей.

Тогда наступилъ второй періодъ кротиковскаго либерализма, — либерализма меланхолическаго, жалующагося, укоряющаго. Хотя Оеденька еще не пришелъ къ отрицанію самого либерализма, но онъ уже разочаровался въ *либералахъ* и довольно громко выражалъ это разочарованіе.

— Любезный другъ! — говорилъ онъ мнѣ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ. — Я просилъ бы тебя ясно представить себѣ мое положеніе. Я пріѣзжаю въ Навозный и вижу, что торговля у меня въ застоѣ, что ремесленность ушла до того, что à la lettre некому принить пуговицу къ скюртуку, что земледѣліе, эта опора нашего отечества, не приноситъ ничего, кромѣ лебеды... J'espère que c'est assez navrant, ça? hein! qu'en diras-tu?

— Mais oui... le tableau n'est pas des plus agréables...

— Eh bien, я вижу все это — и, разумѣется, принимаю мѣры. Я пишу, предлагаю, настаиваю — и что жъ! Хоть бы одна каналья откликнулась на мой голосъ! Ничего, кромѣ какого-то подлаго сопѣнія, которое раздается изъ всѣхъ угловъ! Вотъ они! вотъ эти либералы, на которыхъ мы возлагали столько надеждъ! Вотъ тотъ либеральный духъ, который, по отзывамъ газетъ, «охватилъ всю Россію!» Чорта съ два! Охватилъ!

Тѣмъ не менѣе, Оеденька не сразу уныль духомъ; напротивъ того, онъ сдѣлалъ надъ собой новое либеральное усиленіе и по всѣмъ полиціямъ разослалъ жалостный циркуляръ, въ которомъ подробно изложилъ свои огорченія и разочарованія.

«Неоднократно замѣчено было мною, — писалъ онъ въ этомъ циркулярѣ: — что въ нашемъ обществѣ совершенно отсутствуетъ тотъ духъ инициативы, съ помощью котораго великіе народы совершаютъ великія дѣла. Не разъ указывалъ я, что путей сообщенія у насъ, можно сказать, не существуетъ; что судоходство наше представляетъ зрѣлище въ высшей степени прискорбное для сердца всякаго истиннаго патріота; что въ торговлѣ главнымъ двигателемъ является не благородная и вполне согласная съ предписаніями политико-экономической науки потребность быть посредникомъ между потребителемъ и производителемъ, а гнусное желаніе наживы; что земледѣліе, этотъ главный источникъ благосостоянія странъ, именующихъ себя земледѣльческими, не радуется земледѣльцу, а землевладѣльцу даже приносить чувствительное огорченіе. Указывая на все вышензложенное, я питалъ надежду, что голосъ мой будетъ услышанъ и что здоровыя силы страны воспрянутъ отъ многолѣтняго безмятежнаго сна, дабы воспользоваться плодами онаго. Скажу болѣе: я былъ увѣренъ, что отечество наше, искони превосходя государства Западной Европы безпрекословнымъ исполненіемъ начальственныхъ предписаній и непреоборимымъ благочестіемъ, станетъ на ряду съ ними и съ точки зрѣнія промышленности и полезныхъ изобрѣтеній. И тогда, думалось мнѣ, то-есть если бъ все сіе осуществилось, не имѣли ли бы мы полное основаніе воскликнуть: съ нами Богъ—кто же на ны?»

«Но, къ великому и душевному моему огорченію, я усматриваю, что наше общество продолжаетъ коснѣть все въ томъ же бездѣйствіи, въ какомъ я засталъ его въ первое время по пріѣздѣ моемъ въ Павозный край. А именно:

путь сообщения не существуетъ, судоходство въ упадкѣ, торговля преслѣдуетъ цѣли низкія и неблагородныя, а при взглядѣ на земледѣліе единственная мысль, которая приходитъ въ голову, есть слѣдующая: все труждаются зиждущіе! Къ сему, съ теченіемъ времени, присоединились: процвѣтаніе кабаковъ и необыкновенный успѣхъ сибирской язвы. Спрашивается: при всемъ предыдущемъ и при дѣятельномъ пособничествѣ послѣдующаго, какое имѣемъ мы основаніе восклицать: кто же на ны?!

«Уже умственному моему взору безъ труда представляется удручающая сердце картина будущаго. Край пустыненъ; полезныя и кроткія породы птицъ и звѣрей уничтожились, а вмѣсто оныхъ господствуютъ породы хищныя и не полезныя; благочестіе упразднилось, а вмѣсто онаго царствуютъ пьянство и развратъ! Какое сердце патріота не содрогнется при видѣ столь ужаснаго зрѣлища, даже если бы оное было лишь плодомъ моей предусмотрительной фантазіи?!

«А между тѣмъ изъ архивныхъ дѣлъ достовѣрно усматривается, что нѣкогда нашъ край процвѣталъ. Онъ изобилывалъ туками (какъ это явствуетъ изъ самаго названія «Навозный»); туки же, въ свою очередь, способствовали произрастанію разнородныхъ злаковъ. А отъ сего процвѣтало сельское хозяйство. Помѣщики наперерывъ стремились приобрѣтать здѣсь имѣнія, не пугаясь отдаленностью края, но думая открыть и дѣйствительно открывая золотое дно. Теперь—нѣтъ ни туковъ, ни злаковъ, ни золотого дна. Какая же причина такого прискорбнаго оскудѣнія?

«Я знаю, что упраздненіе крѣпостного права многія надежды оставило безъ осуществленія, а прочія и совсѣмъ прекратило; я вмѣстѣ съ другими оплакиваю сей фактъ, но и за всѣмъ тѣмъ спрашиваю себя: имѣется ли законное основаніе, дабы впадать, по случаю онаго, въ уныніе или малодушіе.

«Тѣмъ не менѣе, я не вхожу въ подробное рассмотрѣ-

ніе этого вопроса, ибо разсмотрѣніе привело бы меня къ разслѣдованію, которое, въ свою очередь, повлекло бы за собою полемику, которой въ моемъ положеніи я всячески долженъ избѣгать. Ограничиваюсь лишь слѣдующимъ краткимъ замѣчаніемъ. Помѣщики, подѣ влияніемъ досады, возбужденной въ нихъ упраздненіемъ крѣпостного права, бросились вырубать принадлежащіе имъ лѣса и продавать оныя за безцѣнокъ. Къ сожалѣнію, оцутительной выгоды отъ сего они не получили никакой, а странѣ, между тѣмъ, причинили несомнѣннѣйшій ущербъ. Съ истребленіемъ лѣсовъ надолго, если не навсегда, утвердилось господство изсушающихъ вѣтровъ, которые, не встрѣчая преградъ въ своемъ вѣяніи, повсюду производятъ пагубнѣйшее дѣйствіе. Обмелѣніе рѣкъ уже возымѣло начало, а въ близкомъ будущемъ предвидится и недостатокъ влажности въ воздухѣ. Поля угрожаютъ хроническимъ бесплодіемъ, а человѣческія легкія будутъ лишены возможности вдыхать животворную влажность воздуха. Въ какомъ же положеніи, среди всего сего, нахожусь я, на котораго довѣріе начальства возложило заботы по обезпеченію народнаго продовольствія, равно какъ и по охраненію народнаго здравія?!

«Въ виду всего вышеизложеннаго, я вновь, и въ послѣдній разъ, предлагаю принять рѣшительныя мѣры (не прибѣгая, однакожь, до времени, къ экзекуціямъ) къ поднятію общественнаго духа и возбужденію въ ономъ наклонности къ дѣяніямъ смѣлымъ и великимъ. Съ этою цѣлью имѣете вы непрестанно увѣщевать купцовъ, разночинцевъ и мѣщанъ; помѣщикамъ же и прочимъ благороднымъ людямъ кратко, но убѣдительно доказывать, что временныя лишенія должны быть переносимы безропотно, съ надеждой на милость Божію въ будущемъ. Всѣмъ же вообще внушать за достовѣрное, что я, съ своей стороны, готовъ вездѣ и во всякое время оказывать дѣятельнѣйшее содѣйствіе всякому благому начпнанію.

«Объ успѣхѣ вашихъ увѣщаній, внушеній и собесѣдованій обязываестесь сообщать мнѣ черезъ каждыя двѣ недѣли всенепремѣнно и неупустительно».

Одинъ экземпляръ этого циркуляра Оеденька прислалъ мнѣ при письмѣ, въ которомъ говорили: «Ты видишь, душа моя, что я еще бодрюсь; но если и за симъ наше судоходство останется въ прежнемъ жалкомъ положеніи, тогда — та foi — я не останавлиюсь даже передъ экзекуціей». На что я съ первой же почтой отвѣтилъ: «Мы всё удивляемся экспрессіи твоего циркуляра; это своего рода chef d'œuvre. Ахъ! если бъ ты жилъ во времена великой французской революціи! Теорія, отыскивающая въ помѣщицѣй мстительности причину происхожденія вѣтровъ и обмелѣнія рѣкъ, смѣла и нова. Но не слишкомъ ли, однакожь, смѣла? Подумалъ ли ты объ этомъ, мой другъ? Смотри, чтобы не было запроса!»

Увы! это былъ послѣдній пароксизмъ Оеденькина либерализма. Вскорѣ послѣ этого я на долгое время уѣхалъ за границу и совершенно потерялъ Оеденьку изъ виду. Затѣмъ, по возвращеніи въ Петербургъ, встрѣтившись съ однимъ пріѣзжимъ изъ Навознаго (то былъ Рудинъ, котораго Оеденька взялъ къ себѣ въ чиповники для особыхъ порученій, несмотря на его крайній образъ мыслей), я услышалъ отъ него слѣдующую краткую, но выразительную аттестацію о Кротиковѣ: «пореть дичь». Это вдвойнѣ меня огорчило: во-первыхъ, потому, что я искренно любилъ Оеденьку и мнѣ всегда казалось, что онъ можетъ сдѣлать свою карьеру только на либеральной почвѣ, а во-вторыхъ и потому, что меня въ это время уже сильно начали смущать будущія судьбы русскаго либерализма. Одновременно съ Кротиковымъ стезю свободомыслія покинули: Иванъ Хлестаковъ, Иванъ Трипичкинъ и Кузьма Прутковъ. Все это было тѣмъ болѣе горько, что и до этого времени нашъ либерализмъ существовалъ лишь благодаря благосклонному попустительству нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ лицъ.

И вотъ теперь—еще однимъ просвѣщеннымъ попустителемъ меньше!

Подъ влияніемъ этого горькаго чувства я не выдержалъ и написалъ къ Кротикову письмо, исполненное укоризнъ. А черезъ два мѣсяца получилъ слѣдующій сухой отвѣтъ:

«Извини, что не скоро отвѣтилъ, да и теперь пишу лишь нѣсколько строкъ: въ моемъ положеніи, право, не до переписки съ бывшими товарищами и друзьями. На вопросы твои, впрочемъ, считаю долгомъ объяснить, что, кромѣ либеральныхъ идей, о которыхъ ты такъ много и краснорѣчиво написалъ, есть еще идеи консервативныя, о которыхъ ты вовсе умалчиваешь. Вотъ что ты упустилъ изъ вида и что я не лишнимъ считаю тебѣ напомнить. Какимъ образомъ я пришелъ къ убѣжденію, что либеральныя идеи скрываютъ въ себѣ пагубное заблужденіе—здѣсь объяснять не мѣсто. Надѣюсь, однакожь, что ты безъ труда поймешь, что въ моемъ положеніи заблуждаться не только неприлично, но и непозволительно. Изъ всѣхъ золъ, которыя до сихъ поръ извѣстны, нѣтъ зла болѣе ужаснаго, какъ заблуждающійся помпадуръ, ибо съ его заблужденіемъ неизмѣнно связывается заблужденіе цѣлаго края. Я думаю, это довольно ясно и прибавлять къ этому нечего. Затѣмъ, моля Подателя всѣхъ благъ, дабы Онъ просвѣтилъ тебя, остаюсь не раздѣляющій твоихъ заблужденій, но все еще любящій тебя, *Федоръ Кротиковъ*».

Однако, я не только не возмутился этимъ наставленіемъ, но, возгорѣвъ вящшею ревностью по либерализмъ, попытался вразумить самаго Фединьку.

«Фединька!—писалъ я ему:—когда ты былъ либераломъ, какъ резюмировалась твоя политическая программа? Она резюмировалась слѣдующимъ образомъ: учрежденіе фабрикъ и заводовъ, устройство путей сообщенія, развитіе торговли, процвѣтаніе земледѣлія, неустанная разработка нѣдръ земли, устность, гласность и т. д. Теперь, когда ты сдѣлался консерваторомъ, какая возможна для тебя программа? Оче-

видно, отсутствіе фабрикъ и заводовъ, разстройство путей сообщенія, застои въ торговлѣ, упадокъ земледѣлія, господство изсушающихъ вѣтровъ, обмелѣніе рѣкъ и т. д. Ибо ты желаешь сохранить то, что есть, а есть именно то, что сейчасъ мною исчислено. Или, быть-можетъ, ты надѣешься на кабаки и сибирскую язву? Но въ такомъ случаѣ вырази прямо. Въместо прежнихъ блестящихъ циркуляровъ издай новый, въ которомъ категорически объяви, что впредь воспрещается какое бы то ни было развитіе, кромѣ развитія сибирской язвы».

Отвѣта на это письмо не послѣдовало.

Послѣ того я имѣлъ о Кротиковѣ лишь смутныя свѣдѣнія. Я слышалъ, что первымъ поводомъ къ отреченію его отъ либерализма было появленіе гласныхъ судовъ и земскихъ управъ. Это навело его на мысль, что существуютъ какіе-то корни и шты, которые надобно разыскать и истребить, ибо въ противномъ случаѣ ему, Кротикову, не будетъ житья. Затѣмъ наступили извѣстныя событія въ Западной Европѣ: интернаціоналка, франко-прусская война, парижская коммуна и т. д., и все это сильно заботило его, потому что онъ видѣлъ въ этихъ событіяхъ связь съ новыми судами и земскими учрежденіями. Онъ внимательно слѣдилъ за газетами, предполагая, сообразно съ тѣмъ или другимъ исходомъ событій, дать и своей внутренней политикѣ болѣе рѣшительное направленіе. Въ ожиданіи же того, какія идеи восторжествуютъ, здравыя или такъ-называемыя сюбверсивныя, онъ волновался и угрожалъ.

— Если восторжествуютъ здравыя идеи, — говорилъ онъ:—я, конечно, буду очень радъ. Да-съ, очень радъ-съ. Но, признаюсь откровенно, съ политической точки зрѣнія, я былъ бы недоволенъ, если бъ восторжествовала и революція... разумѣется, временно... По крайней мѣрѣ мы, безъ всякой опасности для себя, могли бы узнать, кто наши внутренніе враги, кто эти сочувствователи, которые поднимаютъ голову при всякомъ усѣхѣ превратныхъ идей,

какъ велика ихъ сила и до чего можетъ дойти ихъ дерзость. Et alors, messieurs...

Өеденька умолкалъ и загадочно грозился въ ту сторону, гдѣ помѣщались земская управа, окружной судъ и акцизное управленіе.

Но здравыя идеи восторжествовали; Франція подписала унижительный миръ, а затѣмъ пала и парижская коммуна. Өеденька, который съ минуты на минуту ждалъ взрыва, какъ-то опѣшилъ. Ни земская управа, ни окружной судъ даже не шевельнулись. Это до того сконфузило его, что онъ бродилъ по улицамъ и придирался ко всякому встрѣчному, испытывая, обладаетъ ли онъ надлежащею теплотою чувствъ. Однако чувства были у всѣхъ не только въ исправности, но, повидимому, послѣднія событія даже поддали имъ жару...

Өеденька недоумѣвалъ. Онъ былъ убѣжденъ, что тутъ есть какая-то интрига, но въ чемъ она состоитъ—объяснить себѣ не умѣлъ. Бѣдный! Онъ, видимо, слѣдовалъ старой рутинѣ и все искалъ какихъ-то фактовъ, которые дали бы ему поводъ объявить походъ. Онъ не подозрѣвалъ, что система фактовъ есть система устарѣлая, что нарождается и уже народилась совершенно новая система, которая позволяетъ безъ всякаго повода, безъ малѣйшаго факта бить тревогу и ходить войною вдоль и поперекъ, приводя въ трепеть сторонѣлыхъ обывателей...

И вотъ, какъ бы для того, чтобы вывести его изъ недоумѣнія, въ газетахъ появилось извѣстіе, что въ версальскомъ національномъ собраніи образовалась партія, которая на развалинахъ любезнаго отечества водрузила знамя «борьбы»...

Слово это было для Өеденьки цѣлымъ откровеніемъ. Да, это оно, это то самое слово, до котораго онъ столько лѣтъ такъ тщетно додумывался. Все, что безсвязно копилось въ немъ съ той самой минуты, когда онъ внезапно объявилъ себя консерваторомъ, все, къ чему онъ порывался

и къ приобрѣтенію чего дѣлалъ тщетныя попытки,—все нашло для себя осуществленіе въ словѣ: «борьба». Не то чтобы онъ понялъ смыслъ этого слова но онъ достигъ результата еще болѣе существеннаго: онъ понялъ, что ему нѣтъ надобности что-нибудь понимать. До сихъ поръ онъ отыскивалъ корни и нити; теперь онъ убѣдился, что ни въ чемъ подобномъ нѣтъ надобности и что на будущее время онъ окончательно освобожденъ отъ труда что-нибудь отыскивать.

Это было очень удобно, ибо давало возможность объявить походъ, не уяснивъ себѣ даже цѣли его. Отсутствіе ясно сознаваемой цѣли—вотъ ахиллесова пята всѣхъ администраторовъ, получившихъ воспитаніе у Дюссо и въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ. И Оеденька почувствовалъ себя какъ-то необыкновенно легко и свободно, когда убѣдился, что ему не нужно ни фактовъ, ни цѣлей, а нуженъ только «духъ», «направленіе», «превратныя толкованія»—и ничего больше. Что означаютъ эти слова—это до него не касается; онъ радъ уже и тому, что есть такія слова, которыя хоть и чертъ знаетъ что означаютъ, но даютъ исходную точку для борьбы. Борьба, сама себѣ дающая начало, сама себя питающая и сама себя имѣющая пожрать (Оеденька, впрочемъ, не разсчитывалъ на эту послѣднюю особенность), борьба противъ привидѣній прошлаго, настоящаго и будущаго, борьба необъяснимая въ своихъ источникахъ и неуловимая въ своихъ послѣдствіяхъ—вотъ программа, которую предстояло ему разрабатывать въ будущемъ. Она страдаетъ отсутствіемъ содержанія, но зато легче ея ничего нельзя вообразить. Не нужно ни ума, ни изобрѣтательности, ни предусмотрительности; нуженъ только темпераментъ да еще кой-какой вишній церемониаль, который помогъ бы скрыть безсодержательность системы и отсутствіе цѣлей.

Темпераментомъ Оеденька обладалъ въ пзобиліи; но хотя этого одного было вполне достаточно для совершенія вели-

каго дѣла борьбы, однако онъ почему-то рѣшилъ, что нужно прибавить кой-что и еще. Задача, предстоявшая ему, была слишкомъ нова, чтобъ приступить къ ней сплеча, подобно тому, какъ приступили къ разрѣшенію *своихъ* задачъ его предшественники-помпадурсы. Всѣ бывшія до него помпадурства заимствовали свои опредѣленія отъ котораго-нибудь изъ семи смертныхъ грѣховъ; его же помпадурство должно быть исключительно помпадурствомъ борьбы. «Да-съ, это не то, чтобъ брать хананцы или бить по зубамъ-съ; эта штука будетъ пограндіозиѣ-съ», — хвастался Оеденька, и, весь исполненный жажды славныхъ дѣлъ, рѣшился прежде всего поразить воображеніе обывателей Навознаго.

Церемоніаль, который придумалъ по этому случаю Оеденька, былъ очень сложенъ. Онъ перебралъ въ своей памяти весь курсъ исторіи Смараглова, весь репертуаръ театра Буффъ и всѣ газетныя извѣстія о чудесахъ въ рѣшетѣ, происходящихъ въ современной Франціи. Образовалось нѣчто волшебное. Крестовые походы, Іоанна д'Аркъ, храбрый рыцарь Дюнуа, лурдскія богомолья, отреченіе отъ сатапы въ Парэ-ле-Мопіаль — все нашло себѣ мѣсто въ этомъ громадномъ планѣ. Въ виду предстоящаго нравственнаго возрожденія Навознаго онъ не щадилъ ничего. Пусть завистники утверждаютъ, что его планъ «борьбы» напоминаетъ оперетту Леккока: «Le beau chevalier Dunois» и не имѣетъ никакого отношенія къ Навозному; онъ знаетъ, что въ Навозномъ уже давно прорываются факты, свидѣтельствующіе, что ядъ, погубившій Францію, проникъ и туда, и что, слѣдовательно, именно теперь планъ его какъ нельзя болѣе уместенъ и своевремененъ. Не дальше какъ вчера предсѣдатель земской управы въ клубѣ публично разсуждалъ о какой-то независимости и утверждалъ, что онъ самъ по себѣ, а Оеденька — самъ по себѣ. Вотъ фактъ. Скажутъ, что въ этомъ фактѣ еще нѣтъ настоящихъ корней и нитей — допустимъ, что это и такъ! Нѣтъ корней и нитей, но

есть ядь! «понимаете ли: ядь-сь!» И надо этотъ ядь истребить. «Да-сь».

Душою задуманнаго заговора будетъ, конечно, онъ самъ. Онъ—рыцарь безъ страха и упрека; онъ—Баярь изъ исторіи Смарагдова и Дюнуа изъ театра Буффъ. Пособниками у него будутъ: правитель канцеляріи, два чиновника особыхъ порученій, отрекшіеся отъ либерализма, и всѣ частныя пристава. Для бѣльшаго эффекта можно будетъ еще прихватить Поздрева, Тараса Скотинина и Держиморду. Ассистенты: предводитель и командиръ горнизоннаго батальона. По окончаніи похода, городской голова, въ мундирѣ, поднесетъ ему хлѣбъ-соль. А дабы сообщить предстоящему походу вполне волшебный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить его успѣхъ, предстояло еще отыскать что нибудь въ родѣ Іоанны д'Аркъ (безъ нея немислимо чудесное возрожденіе Навознаго), очистить администрацію отъ плевелъ и торжественно отречься отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его. Тогда «борьба» пойдетъ какъ по маслу.

Іоанну д'Аркъ онъ имѣлъ уже въ виду. То была дѣвица Анна Григорьевна Волшебнова, дочь начальника одной изъ мѣстныхъ командъ, съ которою Оеденька находился въ открытой любовной связи, но которая и за всѣмъ тѣмъ упорно продолжала именовать себя дѣвицею.

Положеніе m-lle Волшебновой было очень фальшивое. Оеденька увлекъ ее обѣщаніемъ жениться, но впоследствии не только забылъ о своихъ клятвахъ, но даже прямо объявилъ, что званіе помпадурши и само по себѣ достаточно почтенно. Вѣроломство Кротикова не обошлось, однакожь, безъ скандала, ибо штабсъ-капитанъ Волшебновъ счелъ долгомъ протестовать. Чтобъ усмирить его, Оеденька былъ вынужденъ утвердить какія-то неслыханныя цѣны на провіантъ и фуражъ, и только этимъ актомъ великодушій достигъ того, что оскорбленный отецъ явился къ нему съ повинною и объявилъ, что отнынѣ и навсегда всѣ недоразумѣнія между ними покончены.

Обзаведясь помпадуршей, Оеденька предназначалъ ей очень блестящую роль. Онъ желалъ, чтобъ она блистала на балахъ и имѣла салонъ, который служилъ бы средоточіемъ внутренней политики и въ которомъ она царила бы, окруженная толпою почительныхъ поклонниковъ и плѣняя всѣхъ остроуміемъ, любезностью и граціей. Но Анна Григорьевна была простая и робкая дѣвушка, которая очень серьезно привязалась къ своему помпадуру и въ то же время никакъ не могла освоиться съ такимъ положеніемъ, въ которомъ было слишкомъ много блеска. При всей ея миловидности и граціи, ей было далеко до настоящей, заправской помпадурши. Природа не дала ей ни величественнаго роста, ни роскошнаго бюста, передъ которымъ бы въ умиленіи останавливался прохожій. Не блистала она и нарядами, и какъ-то наивно краснѣла, когда навозныя Севины и Рекамье заводили при ней разговоръ на тему о мужчинѣ и его свойствахъ. Самое возвышеніе ея произошло совершенно неожиданно, такъ что предводительши и совѣтницы, съ нетерпѣніемъ ждавшія, на комъ остановится Оеденькинъ выборъ, были изумлены и сконфужены такимъ страннымъ пеходомъ дѣла.

Оеденька очень хорошо видѣлъ недостатки Анны Григорьевны и даже скорбѣлъ о нихъ. Но нѣкоторое время онъ все еще не терялъ надежды и почти насильво навязывалъ ей политическую роль.

— Vous devez être à la hauteur de votre position, ma chère! — безпрерывно твердилъ онъ ей и, чтобъ не слышать никакихъ отговорокъ, выписалъ для нея на свой счетъ нѣсколько дорогихъ нарядовъ отъ Минангуа изъ Москвы.

Но какъ ни была она малоопытна, однакожь поняла, что два-три хорошихъ наряда (Оеденька не былъ въ состояніи дать больше) въ такомъ обществѣ, гдѣ проматывалось тысячи и десятки тысячъ, съ единственною цѣлью быть какъ можно болѣе декольтé,—все равно, что капля въ

морѣ. Въ угоду ему она сдѣлала, однакожь, нѣсколько попытокъ, но — Боже! — сколько изобрѣтательности нужно ей было имѣть, чтобъ тутъ пришить новый бантъ, тамъ переѣмнить тюникъ — и все для того, чтобъ отвести глаза публикѣ и убѣдить, что она является въ общество не въ «мундирѣ», какъ какая-нибудь ассесорина, а всегда въ новомъ и свѣжемъ нарядѣ! И какъ безплодны были эти усилія! Какъ быстро разлетались они передъ проницательностью этихъ дамъ, съ перваго же взгляда безъ ошибки угадывавшихъ однажды видѣнное платье, подъ какими бы сложными комбинаціями оно ни являлось на сцену во второй разъ!

Ей было почти странно, когда она въ первый разъ шла съ предводителемъ во второй парѣ въ польскомъ (въ первой парѣ шелъ онъ съ предводительшей). Она видѣла, что кругомъ дебелия дамы шушукуются, что ей даютъ мѣсто съ какой-то нахальной торжественностью, что самъ предводитель, ведя ее за руку, чуть не напрямки высказываетъ, что онъ никогда не снизошелъ бы до дочери штабсъ-капитана Волшебнова, если бъ не требованія внутренней политики. Но вотъ польскій кончился: не успѣла она занять свое мѣсто, какъ музыка заиграла вальсъ; къ ней подлетаетъ пріѣхавшій въ отпускъ гусарь и съ утонченною любезностью, въ которой она, однакожь, угадываетъ худо скрываемую развязность, приглашаетъ ее на туръ. Затѣмъ, точно въ сновидѣніи, одни за другими слѣдуютъ: кадрили, полька, опять кадрили, опять вальсъ и, наконецъ, мазурка. И все время, съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, слѣдить за нею Оеденька и какъ-то невыразимо страдаетъ, когда она съ добросовѣстностью недавней институтки выдѣлываетъ шассе-круазе.

— *Ma chère! vous êtes par trop La Valière!* — шепчетъ онъ, подходя къ ней въ одинъ изъ танцевальныхъ промежутковъ. — Я желалъ бы, чтобъ вы взяли себѣ за образецъ *m-me de Maintenon!*

И вотъ, опять-таки въ угоду ему, она рѣшается сказать нѣсколько словъ объ усиленіи власти и о томъ, что на помпадурахъ долженъ лежать лишь высшій надзоръ, а не подробности; но она дѣлаетъ это такъ нерѣшительно и съ такимъ множествомъ оговорокъ, что Оеденька чувствуетъ свою власть не только не усиленную этимъ наивнымъ вмѣшательствомъ, но даже значительно умаленною.

Къ счастью, всѣ эти промахи имѣли мѣсто въ самый разгаръ Оеденькина либерализма и потому сошли Аннѣ Григорьевнѣ съ рукъ довольно легко. Испытавъ неудачу въ своихъ предположеніяхъ относительно блестящаго салона, въ которомъ онъ могъ бы съ полною искренностью развивать свои виды и предположенія, Оеденька далъ своей фантазіи болѣе буржуазное направленіе. Небольшая, уютная гостиная, тѣсный кружокъ друзей-либераловъ, скромная беседа о томъ, что Россія быстрыми шагами стремится на пути къ преусіянью и, наконецъ, безпредѣльно-любящее сердце женщины — ужели это недостаточно-завидная обстановка даже для наиболѣе взыскательнаго помпадура? Оеденька рѣшилъ, что въ крайнемъ случаѣ это еще будетъ очень недурно, а пожалуй даже лучше, нежели тщетный блескъ, который требуетъ значительныхъ денежныхъ издержекъ и, сверхъ того, почти всегда сопровождается скандалами...

Когда она узнала объ этомъ рѣшеніи, то радости ея не было предѣловъ. Двѣ вещи она ненавидѣла: представительность и внутреннюю политику — и вотъ онъ, ея *roi-soleil*, навсегда освобождаетъ ее отъ нихъ. Отнынѣ она будетъ имѣть возможность безъ помѣхи удовлетворять своимъ петребовательнымъ вкусамъ: своей пажобности и любви къ домашнему очагу.

Она еще въ институтѣ была пажобна (законоучитель, указывая на нее, говорилъ: «вотъ истинная дочь церкви!»), а теперь эта пажобность еще болѣе усилилась, ибо у нея есть предметъ для молитвъ. Она молится за *него*; она про-

силь у неба успѣха его благимъ начинаніямъ и прощенію невольнымъ его прегрѣшеніямъ. Скромно одѣтая въ темненькое платье, она становится у клироса въ женскомъ монастырѣ, и съ ея появленіемъ дѣлается словно свѣтлѣе и пріютнѣе среди этихъ темныхъ стѣнъ. Молодые монахини юрче перебѣгаютъ отъ клироса къ клиросу и на-бѣгу съ добродушнымъ лукавствомъ привѣтствуютъ ее. Сама мать-игуменья, при видѣ ея, смягчаетъ постоянно строгое выраженіе своего лица. Всѣ ее любятъ здѣсь, всѣ готовы оказать ласку и привѣтъ, не сиравалясь, согласно или несогласно это будетъ съ видами внутренней политики. Когда она подаетъ любимой своей крыломанкѣ бархатную номинальную книжку, монашка не даетъ ей даже сказать, кого слѣдуетъ помянуть.

— Знаю, сударыня, знаю, за кого молитесь! — говорить она съ выраженіемъ добродушнаго себѣ-на-умѣ и почти бѣгомъ бѣжитъ сообщить на ухо отцу протоіерею имя раба Божія Θεодора.

Какъ хорошо, какъ спокойно ей здѣсь, подъ сѣнію этихъ мирныхъ стѣнъ! Какое прекрасное варенье подаютъ у матери-игуменьи, какой вкусный квасъ! Она готова по цѣлымъ днямъ болтать съ молодыми монашками; у нея есть между ними фаворитки, которыя даже вступаютъ съ нею въ разговоръ о *немъ*, и она нимало не чувствуетъ себя при этомъ сконфуженною. Всѣ хвалятъ *его* умъ, всѣ утверждаютъ, что никогда не бывало такого помпадура въ Навозномъ. Даже въ тѣ горькія минуты, когда она убѣждалась, что Θεоденька измѣняетъ ей (а это случалось нерѣдко, потому что онъ далеко не былъ равнодушенъ къ сверкающимъ плечамъ и бюстамъ навозныхъ львицъ), она спѣшила сюда, чтобъ излить свое горе на груди одной изъ юныхъ затворницъ. Она была увѣрена, что услышитъ здѣсь не насмѣшку и злорадство, а слова ободренія и надежды. Въ этихъ случаяхъ она молилась еще усерднѣе и пламеннѣе, и все кругомъ, казалось, молилось вмѣстѣ съ нею о

просвѣщеніи раба Божія Оеодора свѣтомъ истины. И когда, успокоенная и умиротворенная, она возвращалась домой и встрѣчала тамъ раскаявшагося Оеденьку, то ни единымъ движеніемъ не давала ему знать, что замѣчаетъ его прудѣлки, а только говорила:

— Théodore! помните, что нигдѣ вы не найдете той преданности, той беззавѣтной любви, какую нашли здѣсь, въ этомъ сердцѣ! И потому, когда вамъ наскучатъ дурныя наслажденія, когда вы убѣдитесь, что за ними таятся коварство и обманъ—возвратитесь ко мнѣ и отдохните на этой груди!

Дома она чувствовала себя счастливою. Она любила стряпню и предпочитала блузу всякому другому платью. Днемъ, покуда «онъ» распоряжался по службѣ, она хлопотала по хозяйству и всю изобрѣтательность своего ума употребляла на то, чтобъ Оеденька нашелъ у нея любимое блюдо и сладкій кусокъ. Вечеромъ, управившись съ дѣлами, онъ являлся къ ней, окруженный блестящей плеядой павозныхъ свободныхъ мыслителей, и читалъ свои циркуляры.

Онъ былъ либераленъ, и она была либеральна. Оба написали изъ Петербурга двухъ товарокъ ея по институту, ходившихъ съ остриженными волосами и отрицавшихъ авторитеты, и ѣздили съ ними въ открытыхъ экипажахъ по городу. Оба страстно желали, чтобъ торговля развивалась, а судоходство оправдывало надежды начальства. Оба вѣрили, что кредитъ возродитъ земледѣліе и дастъ толчокъ нашей заснувшей промышленности. И въ ожиданіи всего этого оба сладко вздыхали...

Иногда на интимныхъ вечернихъ собраніяхъ присутствовалъ и палъ Волшебновъ, и тогда вечеръ принималъ окончательно семейный характеръ. Анна Григорьевна да-скалась то къ отцу, то къ Оеденькѣ, то у одного, то у другого спрашивала, достаточно ли сладокъ чай. Читали статьи В. П. Безобразова и удивлялись, что такая плодо-

творная вещь, какъ кредитъ, не только не оплодотворяетъ Навознаго, но даже служить какъ бы къ запусѣнiю. Упивались передовыми статьями «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ доказывалось, что нѣтъ ничего легче, какъ отрицать и глумиться надъ прогрессомъ, и что, напротивъ того, нѣтъ задачи болѣе достойной истиннаго либерала, какъ съ довѣрiемъ ожидать дальнѣйшихъ разъясненiй.

И пока въ гостиной шли либеральные разговоры, папа Возшебновъ хлопоталъ около закуски и, залучивъ подъ шумокъ чиновника особыхъ порученiй Веретьева, выкушпвалъ съ нимъ по «предварительной».

Но вдругъ чортъ двинулъ Оеденьку сдѣлаться консерваторомъ, и онъ сразу оборвалъ съ своими прежними сподвижниками по либерализму. Не стало пятимныхъ вечеровъ, замолкли либеральные разговоры, на сцену опять выступила внутренняя полтика, сопровождаемая сибирскою язвою и греческимъ языкомъ. Оеденька отыскивалъ корни и нити и, не находя ихъ, былъ безпокоенъ и золъ.

Перемѣна эта до того озадачила Анну Григорьевну, что она по началу даже сдѣлала нѣсколько либеральныхъ промаховъ. Ей казалось страннымъ, что чиновники особыхъ порученiй, Рудинъ и Волоховъ, еще такъ недавно проповѣдовавшiе въ ея квартирѣ теорiю возрожденiя Россiи посредствомъ социализма, проводимаго мощною рукою администрацiи, вдругъ стушевались, прекратили свои посѣщенiя и уступили мѣсто какимъ-то двуязыльнымъ ретроградамъ, которые большую часть времени проводили въ каморкѣ у папа Возшебнова и прежде, нежели настоящимъ образомъ приступить къ закускѣ, выпивали отъ пяти до десяти «предварительныхъ». Но вскорѣ Оеденька раскрылъ передъ нею загадочность своего поведенiя. Онъ объяснилъ ей, что общество въ опасности, что покуда остается неразореннымъ очагъ революцiй, до тѣхъ поръ Европа не можетъ наслаждаться спокойствiемъ, что въ самомъ На-

возномъ существуетъ громадный наплывъ неблагонадежныхъ элементовъ, которые, благодаря интригѣ, всюду распространяють корни и нити, и что онъ, Оеденька, поставилъ себѣ священнѣйшею задачею объявить имъ войну, начавъ съ акцизнаго вѣдомства и кончая судебными земскими учрежденіями.

— Je ferai une guerre à outrance! — гремѣлъ онъ, потрясая кулаками: — une guerre sans merci... oui, c'est ça!

— Однако, какой ты строгій, Théodore!

— Нельзя, ma chère! Вспомни, сколько времени они насъ морочили! вспомни этихъ двухъ нигилистовъ, которыхъ мы возили по городу! Га! я никогда имъ не прощу этого!

— Но онѣ были миленькія, Théodore!

— Миленькія! Vous perdez la tête, ma chère! Des geuses! des pétroleuses! des filles sans foi ni loi! Дѣвчонки, которыя не признавали авторитетовъ, которыя мнѣ... мнѣ... прямо въ глаза говорили, что я порю дичь!.. Нѣтъ, дальнѣйшая слабость была бы ужъ преступленіемъ! Миленькія! D'un seul coup elles vous demandent cent mille têtes à couper! Excusez du peu!

И онъ метался изъ стороны въ сторону, отыскивая хоть какой-нибудь фактъ, который далъ бы ему поводъ приступить къ разслѣдованію корней и нитей. Но фактовъ не было. Никогда еще съ такимъ рвеніемъ не снимали передъ нимъ шляпы акцизные чиновники; никогда окружной судъ не обнаруживалъ болѣе строгости относительно лицъ, дозволявшихъ себѣ взломъ съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ воспользоваться чужимъ пятакомъ; никогда земская управа съ болѣею страстностью не пріобрѣтала для мѣстной больницы новыхъ умывальниковъ и плевальницъ, взамѣнъ таковыхъ же, пришедшихъ въ ветхость. Все какъ бы сговорилось усердіемъ и прилежаніемъ радовать сердце опечаленнаго помпадур...

Это было самое тяжелое время для Анны Григорьевны.

Өеденька ходилъ сумрачный и громко выражался, что онъ — жертва интриги. Дни проходили за днями; съ каждымъ новымъ днемъ онъ съ большимъ и большимъ усилениемъ искалъ фактовъ, и ничего не находилъ.

— *A la fin ça devient monstrueux!* — говорилъ онъ ей. — Вездѣ есть факты; даже Петька Толстолобовъ, соломенный помпадуръ. — и тотъ нашелъ фактъ! И вдругъ у одного меня — *penni!* Кто жъ этому повѣритъ!

Дошло до того, что онъ даже ее однажды упрекнулъ въ тайномъ содѣйствіи интригъ. Ее, которая... Ахъ! это была такая несправедливость, что она могла только заплакать въ отвѣтъ на обвиненіе. Но и тутъ она не упрекнула его, а только усерднѣе стала молиться, прося у неба о исполненіи Өеденькѣ фактовъ.

И вотъ, въ ту самую минуту, когда Өеденька уже думалъ погибнуть, онъ прочелъ въ газетахъ слово: «борьба». Онъ понялъ, что ему ничего не нужно понимать, что не нужно ни фактовъ, ни корней, ни нитей, что можно съ пустыми руками, съ одной доброй волей, начать дѣло нравственнаго возрожденія Навознаго, сопровождаемое борьбою *à grand spectacle*, съ истребленіями, разореніями, расточеніями и другими принадлежностями возрождающейся власти. Невольнымъ образомъ мысль его обратилась къ Аннѣ Григорьевнѣ, и тутъ только онъ сообразилъ, какъ хорошо, что она не сдѣлалась Ментеноншею, какъ онъ когда-то настаивалъ, а осталась простою и скромною Лавальершею.

— *Elle sera ma Jeanne d'Arc!* — воскликнулъ онъ и, какъ озаренный, побѣжалъ къ ней.

А она уже ждала его, какъ будто знала, что ему нужна ея помощь.

— *Ah! ça! vous serez ma Jeanne d'Arc!* — сказалъ онъ ей, простирая руки. — Я всегда видѣлъ, что роль, которую вы до сихъ поръ играли, не по васъ! Наконецъ, ваша роль нашлась. Но, конечно, вы знаете, кто была *Jeanne d'Arc!*

Она безъ запинки прочла ему то мѣсто изъ исторіи Смарагдова, гдѣ говорится о Іоаннѣ д'Аркъ и ея подвигѣ.

— Oui, c'est cela même! Въ случаѣ надобности, вы сядете на коня... знаете, какъ изображаютъ ее на картинахъ... и тогда... *gare à vous, messieurs les communalistes de la zemsskaïa ouprava!*

Оеденька сдѣлался веселѣе и забавнѣе — ужъ и это былъ выгрышъ для Анны Григорьевны. Покончивши съ Іоанной д'Аркъ, онъ необыкновенно дѣятельно принялся за осуществленіе другихъ частей церемоніала борьбы.

Прежде всего онъ бросился очищать персоналъ своей собственной администраціи. Покуда онъ былъ только консерваторомъ, въ дѣйствіяхъ его замѣчалась нѣкоторая осторожность. Онъ еще какъ бы стыдился. Онъ выказывалъ холодность въ обращеніи съ бывшими сподвижниками по либерализму, избѣгалъ имѣть съ ними дѣло, но открыто преслѣдовать ихъ не рѣшался. Съ своей стороны, либералы хотя и замѣтили перемену въ образѣ мыслей Оеденьки, но не только не приняли ее къ руководству, а, напротивъ того, какъ бы въ пику ему, даже усугубили свое рвеніе къ интересамъ казны. И такимъ образомъ дѣло продолжало идти, какъ говорится, ни шатко, ни валко, ни на сторону. Но теперь онъ разомъ потерялъ всякій стыдъ. Онъ былъ не просто консерваторъ, а представитель принципа нравственнаго возрожденія, и потому долѣе терпѣть не могъ. Начавъ съ своихъ приближенныхъ, онъ выказалъ при этомъ такую рѣшимость, что многіе тутъ же раскаялись — и только этимъ успѣли избѣгнуть заслуженной кáры. Первымъ принесъ покаяніе правитель канцеляріи Лаврецкій и увлекъ за собой чиновниковъ особыхъ порученій, Райскаго и Веретьева. Лаврецкій въ это время уже являлъ собой только жалкое подобіе прежняго Лаврецаго. Онъ до того ожирѣлъ, что лишь съ трудомъ понималъ, какія идеи — либеральныя и какія — консервативныя. При томъ же, имѣя большое семей-

ство и мотовку-жену, онъ не могъ пренебрегать и жалованьемъ, тѣмъ больше, что Дворянское Гнѣздо, приносящее при крѣпостномъ правѣ прекрасный доходъ, теперь ровно ничего не давало. Поэтому, когда Оеденька объявилъ ему, что отнынѣ имъ предстоитъ борьба, то онъ какъ-то апатически пожевалъ губами и, сказавъ: «что жь... по мнѣ, пожалуй», отправился въ канцелярію писать циркуляръ о благополучномъ вступленіи Оеденьки въ новый фазисъ административной проказливости. Что же касается до Райскаго и Веретьева, то первый изъ нихъ не рѣшался выйти въ отставку, потому что боялся огорчить бабушку, которая надѣялась видѣть его камеръ-юнкеромъ; второй же и прежде, собственно говоря, никогда не былъ либераль, а любилъ только пить водку съ либералами, какового времяпровожденія, въ обществѣ консерваторовъ, предстояло ему пожалуи еще больше. Изъ остальныхъ либераловъ Маркъ Волоховъ отнесся къ Оеденькинымъ проказамъ какъ-то загадочно, сказавъ, что ему кто ни попъ, тотъ батька, и что такихъ курицыныхъ дѣтей, какъ обыватели Навознаго, всяко возродить можно. Затѣмъ остался Рудинъ, который, подобравъ небольшую шайку «вѣрныхъ», на скорую руку устроилъ комитетъ общественнаго спасенія и въ полномъ его составѣ отправился агитировать страну въ тотъ край, гдѣ помнадурствовалъ Петька Толстолобовъ.

Но такъ какъ административная машина не имѣла права останавливаться, то всѣхъ выбывшихъ изъ строя либераловъ Оеденька немедленно замѣнилъ шалопаями, опредѣливъ множество таковыхъ и сверхъ штата, на случай, если бъ Лаврецкій и другіе раскаявшіеся, подвергшись угрызеніямъ, снова сдѣлались либералами. Тутъ прежде всего фигурировали: Ноздревъ, Тарасъ Скотининъ и Держиморда (разыскивали и Сквозника-Дмухановскаго, но оказалось, что онъ умеръ, состоя подъ судомъ), которые и сдѣлались главными исполнителями всѣхъ Оеденькиныхъ предначертаній. Шалопай сновали по улицамъ, насунивши брови, фыркая во всѣ

стороны и не произносил ни единого звука, кромѣ: «го-го-го!» Видѣ ихъ навелъ въ либеральномъ лагерѣ такую панику, что даже либералы постороннихъ вѣдомствъ («независимые», какъ они сами себя называли) — и тѣ трусили. Уныло бродили они по улицамъ, коптя вздохами твердь небесную, не рѣшаясь оставить ни службы, ни либерализма, путаясь между зависимостью и независимостью и ежeminутно терзаясь надеждой, что ихъ простятъ. Но шалопан не прощали. Съ зоркостью коршуна намѣчали они скрывающагося въ кустахъ либерала и тотчасъ же опищивали его, исцуская при этомъ злорадно-ироническое цырканье. Ряды либераловъ страннымъ образомъ порѣдѣли и затѣмъ въ теченіе какого-нибудь мѣсяца погибли всѣ молодые насажденія либерализма. Земская управа прекратила покушку плевальницъ, ибо Оеденька по каждой покункѣ входилъ въ пререканія; присяжные выносили какіе-то загадочные приговоры, въ родѣ: «нѣтъ, не виновенъ, но не заслуживаетъ снисхожденія», потому что Оеденька всякій оправдательный или обвинительный (все равно) приговоръ, если онъ былъ выраженъ ясно, считалъ внушеннымъ сочувствіемъ къ коммунизму и галдѣлъ объ этомъ всему городу, зажигая восторги въ сердцахъ предводителей и предводительшъ. Вдали показывался грозный призракъ сибирской язвы.

Оеденька зналъ это, и по временамъ ему даже казалось, что шалопан, въ дикомъ усердіи своемъ, извращаютъ его мысль. Какъ ни скромно держала себя Анна Григорьевна, по и ее устрасила перспектива сибирской язвы. Маркъ Волоховъ подмѣтилъ въ ней этотъ спасительный страхъ (увы! она противъ воли чувствовала какое-то неопредѣленное влеченіе къ этому змію-искусителю, уже успѣвшему погубить родственницу Райскаго) и всячески старался эксплуатировать его.

— Съѣдятъ они и васъ, и вашего помпадура, и водку всю у васъ вылакаютъ! — угрожалъ онъ ей. — Это, суда-

рыня, сила! Берегитесь, да и помпадура-то поберегите! Миѣ что! Я уложилъ чемоданъ — и былъ таковъ! А миѣ васъ жалко! Васъ я жалѣючи говорю — вотъ что, красавица вы наша!

— Ахъ, нѣтъ! ужъ вы пожалуйте! Пожалуйте, хоть вы не оставляйте Оеденьку! — всполошилась она п однажды, преодолевъ природную робость, очень настоятельно стала доказывать Оедепкѣ, что нельзя жить безъ плевальницъ, безъ приговоровъ, съ одною только сибирскою язвою.

— Шалопан погубять васъ, Théodore, — сказала она: — а вмѣстѣ съ вами погубять и меня! Pensez у, mon ange, прогоните ихъ, покуда еще есть время! Возвратите Рудина (il était si amusant, le cher homme!) и прикажите Лаврецкому, Райскому и Веретьеву быть, попрежнему, либералами.

Оеденька на минутку задумался: въ немъ шевельнулись проблески недавняго либерализма и чуть-чуть даже не одержали верхъ. Но фатумъ ужъ тяготѣлъ надъ нимъ.

— Que voulez-vous, ma chère! — отвѣтилъ онъ какъ-то безнадежно: — миѣ мерзавцы необходимы! Превратныя толкованія взяли такую силу, что дольше медлить невозможно. Послѣ... быть-можетъ... когда я достигну извѣстныхъ результатовъ... тогда, конечно... Но въ настоящее время, кромѣ мерзавцевъ, я не вижу даже людей, которые бы съ пользою могли миѣ содѣйствовать!

— Какъ хотите, мой другъ! Вы знаете: что бы съ вами ни случилось, я всегда раздѣлю вашу участь! Но все-таки... отчего бы не обратиться вамъ, напримѣръ, къ Волохову? Я не знаю... миѣ кажется, что онъ преданный!

— Я знаю это, и не разъ объ этомъ думалъ, душа моя! Но Волоховъ еще такъ недавно сдѣлался консерваторомъ, что не успѣлъ заслужить полного довѣрія. Не моего, конечно — я искренно вѣрю его раскаянію! — но довѣрія общества... C'est un conservateur du lendemain, ma chère, tandis que les autres... les chénapans... sont des vrais con-

servateurs de la veille! Вотъ что для меня важно. Что же касается до сибирской язвы, то ты можешь быть на этотъ счетъ спокойна: ни меня, ни тебя она коснется не по-смѣетъ.

Однимъ словомъ, упомянутое, по обыкновенію, восторжествовало. То злое и проказливое упомянутое, которое находить для себя смягчающія вину обстоятельства лишь въ невмѣняемости помрачившихся.

Къ этому времени какъ разъ подоспѣло извѣстіе о публичномъ отреченіи отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, происшедшемъ во Франціи въ Парэ-ле-Моциаль. Прочитавъ объ этомъ въ газетахъ, Феденька сообразилъ, что необходимо устроить нѣчто подобное и въ Навозномъ. А дабы облечь свое намѣреніе надлежащею торжественностью, онъ отправился за совѣтомъ къ Пустыннику.

Въ Навозномъ, среди мірскаго круговорота, спасался Пустынникъ. Несмотря на свое званіе и преклонныя лѣта, это былъ мужчина веселый, краснощекій, кровь съ молокомъ. Любилъ онъ въ мѣру поѣсть и въ мѣру же выпить, а еще болѣе любилъ другихъ угостить. Любилъ и нѣтъ духовныя и свѣтскія стихи (послѣдніе всегда старыя, сочиненныя до «Прощаюсь, ангель мой, съ тобою») и терпѣть не могъ уединенія. Почему онъ назывался пустынникомъ— этого никто, и всего меньше онъ самъ, не могъ объяснить; извѣстно было только, что ни у кого не пекутся такіе вкусныя рыбныя пироги, ни у кого не подается такой ядреный квасъ, такіа вкусныя наливки, соленья и варенья, какъ у него. Все лучшее въ губерніи по части провизіи стекалось у него и ставилось на столъ на радость и утѣшеніе посѣщавшимъ его гостямъ.

— Люблю радоваться! — говаривалъ онъ: — и самъ себѣ радуюсь, а еще больше радуюсь, когда другіе радуются! Нѣсть мѣста для скорби въ сердцѣ моемъ. Все прійдите! все насладитесь! — вотъ какихъ, сударь, правилъ я дер-

жусь! Чтò толку кукукаться да исподлобья на всѣхъ смотрѣть! И самому тоска, да и на другихъ тоску нагонись!

Өеденька застала Пустынника въ обществѣ цѣлаго хора домашнихъ пѣвчихъ, которые пѣли:

Не дивитесь, друзья,
Что не разъ
Между васъ
На пиру веселомъ я
Призадумывался!

— «Призадумывался!» — вздохнулъ Пустынникъ, грузно поднимаясь съ дивана и идя навстрѣчу Өеденькѣ. — До здѣ задумывались, а днесъ возвеселимся! Мы было пироги рушить собирались, да я думаю: кого, моль, это недостаетъ— анъ ты и вотъ онъ! Накрывать на столъ — живо! Да веселую! Чтò встали? «Ахъ вы, сѣни мои, сѣни!»

Но Өеденька охладилъ порывы Пустынника, сказавъ, что имѣеть сообщить нѣчто важное.

— Вы, гражданскіе, вѣчно съ дѣлами! А посмотришь, дѣла-то ваши всѣ вмѣстѣ выѣденнаго яйца не стоятъ! Ну, сказывай, чтò еще накуралесилъ?

— Слышали ли вы, Пустынникъ, чтò во Франціи дѣлается?

Пустынникъ удивленно взглянулъ на Өеденьку.

— Не любопытень я; а впрочемъ, почтмейстеръ заѣзжаетъ — сказываетъ.

— О томъ, что почти вся палата, въ полномъ составѣ, ѣздила въ городъ Парэ-ле-Моніаль и отъ сатаны отреклась— слышали?

— Чтò жъ, пусть лучше Богу молятся, не-чѣмъ шалберничать!

— Не въ томъ дѣло, Пустынникъ, а каковъ фактъ!

— Хоть иновѣрцы, а тоже по-своему Бога почитаютъ. Ничего это. Да скажи ты мнѣ на милость, къ чему ты эту капитель завелъ? Мнѣ что-то даже скучно стало.

— А къ тому, что я эту самую церемонію хочу здѣсь устроить!

Это было до того удивительно, что Пустынникъ ничего не нашелся отвѣтить, а только хлопнулъ Оеденьку по ляжкѣ и сказалъ:

— Закусимъ!

— Нѣтъ, Пустынникъ, я безъ шутокъ хочу это здѣсь устроить.

— Да ты опомнись, сударь! Вѣдь мы здѣсь, въ Навозномъ, даже вѣдать не вѣдаемъ, кто таковъ онъ есть, сатана-то!

— Ну, нѣтъ-съ! вы не знаете, вы здѣсь сидите, а о томъ и не знаете, какія вездѣ пошли превратныя толкованія!

— Чего не знаю, о томъ и говорить не могу!

— А я такъ знаю. Свобода-съ! несмѣняемость-съ! независимость-съ! Вотъ оно куда пошло!

— Слыхаль, сударь.

— Надо все это истребить!

— Сдѣлай милость, закусимъ!

Оеденька, наконецъ, обидѣлся.

— Я думалъ, что вы содѣйствіе окажете, а вы съ закуской!

— Да какое же я тебѣ содѣйствіе оказать могу? Зависимые вы или независимые, смѣняемые или несмѣняемые— это ваше, гражданское дѣло! Вотъ свобода—это точно что яды! Это и я скажу!

— Я вотъ что придумалъ, слушайте. На этихъ дняхъ, какъ только будетъ хорошая погода, я, во главѣ благонамѣренныхъ, отправляюсь въ подгородную слободу и произвожу объѣтъ ..

— Убѣдительнѣйше тебя прошу: закусимъ!

— Отстаньте вы съ вашей закуской! Говорите: можете ли вы разсуждать или нѣтъ?

— Ну, давай разсуждать натошакъ!

— Итакъ, я иду въ подгородную слободу и произношу объѣтъ...

— По примѣру, значить?

— Ну, да, по примѣру. Оттого мы, благонамѣренные, и слабы, что всё врозь идемъ. Нѣтъ, чтобы хорошему примѣру подражать, а все какъ бы на смѣхъ другъ друга поднимать норовимъ!

— Не смѣяться-то нельзя!

— Что же тутъ, однако, смѣшного?

— Ну, какъ же не смѣшно — посуди ты самъ. Идешь ты нѣвѣсть куда, съ сатаной полемику вести хочешь! А я такъ думаю, что изъ всего этого ппкникъ у васъ, у благонамѣренныхъ, выйдетъ! Дѣлать тебѣ нечего—вотъ что!

Өеденька даже вспыхнулъ весь.

— Это о комъ-нибудь другомъ можно сказать, что дѣлать нечего, только не обо мнѣ!—произнесъ онъ пронически. — Я не закусываю, какъ другіе, а съ утра до вечера точно въ котлѣ киплю!

— Если ты это на мой счетъ сказалъ, что нѣкто закусываетъ—такъ что жъ! Нечего мнѣ дѣлать—это я и самъ скажу! Спужу, пѣсни пою, закушу малость—конечно, не Богъ знаетъ какое государственное это дѣло, однако, и вреда отъ него никому нѣтъ. А ты, извини ты меня, завистливъ очень. Своего-то у тебя дѣла нѣтъ, такъ ты другимъ помѣшать норовишь. Анъ вотъ и вредъ. Изволь, спрошу я тебя: управа ли, судъ ли—чѣмъ они тебѣ поперекъ горла встали? пошто ты на всякъ часъ ихъ клянешь? Дѣло свое они дѣлаютъ—достоверно знаю, что дѣлаютъ, тебя не замаютъ—чего еще нужно? Да и люди отмѣнные! Заговорять—заслушаешься; ровно на гусяхъ играютъ! Скажи ты мнѣ, Христа ради: какую такую строптивость ты въ нихъ замѣтилъ?

— Ну, Пустынникъ, съ вами говорить—пожалуй, и до ссоры недалеко. Скажите-ка лучше прямо: съ нами вы или нѣтъ?

— Это на пикникъ-то?—нѣтъ, ужъ меня уволь: у меня плоть немощна.

— А еще Пустынникомъ называетесь!

— А почему ты знаешь, какъ я въ Пустынники-то попалъ! Можетъ, мнѣ петля была! Можетъ, по естеству-то, мнѣ вотъ такъ же, какъ и тебѣ, по пикникамъ бы ѣздить хорошо! А я сижу да сохну.

— Ну-съ, такъ прощайте-съ.

— Да закуси ты, сдѣлай милости! Авось, у тебя сердце-то отойдетъ!

— Нѣтъ ужъ, увольте.

— Ну, не хочешь, какъ хочешь. А то закусилъ бы инъ! Это все у тебя отъ думы. Брось! пушай другіе думаютъ! Эку сухоту себѣ нашель: завидно, что другіе дѣлами занимаются—зачѣмъ не къ нему всѣ дѣла приписаны! Ну, да ужъ прощай, прощай! Вижу, что сердиться! Увидишься съ сатаной—плюнь ему отъ меня въ глаза! Только врядъ ли увидишь ты его. Потому, живемъ мы здѣсь въ благочестіи и во всякомъ благомъ поснѣшеніи, властямъ предержащимъ повинуемся, старшихъ почитаемъ—неповадно ему у насъ!

Феденька вышелъ отъ Пустынника опечаленный, почти раздраженный. Это была первая его неудача на поприщѣ борьбы. Онъ думалъ окружить свое вступленіе въ борьбу всевозможною помпой—и вдругъ нѣтъ главнаго украшенія помпы, нѣтъ Пустынника. Пустынникъ, съ своей стороны, вышелъ на балконъ и долго слѣдилъ глазами за удаляющимся экипажемъ Феденьки. Сѣдые волосы его развѣвались по вѣтру и лицо казалось какъ бы закутаннымъ въ облако. Онъ тоже былъ раздраженъ и чувствовалъ, что недѣльное объясненіе съ Феденькой разстроило весь его день.

— И чортъ тебя баламутить!—бормоталъ онъ, тряся головой.—Именно онъ, духъ праздности, унынія и любовначалія, вселился въ тебя!

Несмотря на неудачу съ Пустынникомъ, Оеденька не оставилъ своей затѣи. На другой же день (благо время случилось красное), онъ, въ сопровожденіи правителя канцеляріи, чиновниковъ особыхъ порученій и частныхъ приставовъ, съ ранняго утра двинулся въ подгородную слободу. Шествіе открывалъ Ноздревъ, а замыкалъ Держиморда; Тарась же Скэтининъ шель рядомъ съ Оеденькой и излагалъ программу будущаго. Лаврецкій съ прочими раскаявшимися разсѣялись по сторонамъ и притворились, что рвутъ цвѣты. Придя въ подгородную слободу, Оеденька выбралъ пустопорожнее пространство, гдѣ было не такъ загажено, какъ въ прочихъ мѣстахъ, велѣлъ удалить куръ и поросятъ и подвергнувъ себя двухчасовому воздержанію. Затѣмъ всталъ и предъ лицомъ неба проклялъ свои прежнія заблужденія; а дабы запечатлѣть эту клятву самымъ дѣломъ, тутъ же подписалъ заратѣе изготовленный Лаврецкимъ циркуляръ. Въ циркулярѣ этомъ описывался церемоніаль проклятія и выражалась надежда, что всѣ подчиненные поспѣшатъ послѣдовать этому примѣру. Кромѣ того, излагалось, что наука есть оружіе обоюдоострое, съ которымъ необходимо обращаться, по возможности, осторожно. Что посему, ежели господа частные пристава не надѣются отъ распространенія наукъ достигнуть благонадежныхъ результатовъ, то лучше совсѣмъ оныя истребить, нежели допустить превратныя толкованія, за которыя многія тысячи людей могутъ въ сей жизни получить законное возмездіе, а въ будущей—лишиться спасенія...

Исполнивъ все это, Оеденька громко возопилъ: «сатана! покажись!» Но, какъ это и предвидѣлъ Пустыникъ, сатана явиться не посмѣлъ. Обрядъ былъ конченъ; оставалось только возвратиться въ Навозный; но тутъ сюрпризомъ пріѣхала Іоанна д'Аркъ во главѣ цѣлой кавалькады дамъ. Привезли корзины съ провизіей и виномъ, послали въ городъ за музыкой, и покаянный день кончился премиленнымъ пикникомъ, подъ конецъ котораго дамы поднесли

Феденькѣ бѣлое атласное знамя съ вышитымъ на немъ словомъ: БОРЬБА.

Такимъ образомъ исполнилось и другое предсказаніе Пустынника относительно пикника...

Я знаю: прочитавъ мой рассказъ, читатель упрекнетъ меня въ преувеличеніи. Помилуйте!— скажетъ онъ:— развѣ мы не достаточно знаемъ Федора Павлыча Кротикова? Никто, конечно, не станетъ отрицать, что это—малый забавный, а отчасти даже и волшебный, но вѣдь и волшебность имѣетъ свои предѣлы, которые даже самый безпардонный человекъ не въ силахъ переступить. Ну, съ какой стати Феденька будетъ отрекаться отъ сатаны? Не пожелаетъ ли онъ скорѣе познакомиться съ нимъ? Съ какой стати придетъ ему въ голову возводить дѣвицу Волшебную въ санъ Іоанны д'Аркъ? Зачѣмъ ему Іоанна д'Аркъ? Не поспѣшитъ ли онъ, наоборотъ, и настоящую-то Іоанну д'Аркъ, если бѣ таковая попала ему подъ руку, поскорѣе произвести въ санъ дѣвицы Волшебной?

Какъ ни вѣски могутъ показаться эти возраженія, но я позволяю себѣ думать, что они не больше, какъ плодъ недоразумѣнія. Очевидно, что читатель ставитъ на первый планъ форму рассказа, а не сущность его, что онъ называетъ преувеличеніемъ то, чтѣ, въ сущности, есть только пносказаніе, что, наконецъ, гонясь за дѣйствительностью обыденною, осязаемою, онъ теряетъ изъ вида другую, столь же реальную дѣйствительность, которая хотя и рѣдко выбивается наружу, но имѣетъ не меньше правъ на признаніе, какъ и самая грубая, бьющая въ глаза конкретность.

Литературному изслѣдованію подлежатъ не тѣ только поступки, которые человекъ безпренятственно совершаетъ, но и тѣ, которые онъ совершилъ бы, если бѣ умѣлъ или смѣлъ. И не тѣ одиѣ рѣчи, которыя человекъ говоритъ, но и тѣ, которыя онъ не выговариваетъ, но думаетъ. Развяжите человекъ руки, дайте ему свободу высказать *всю*

свою мысль—и передъ вами уже встанетъ не совсѣмъ тотъ человекъ, котораго вы знали въ обыденной жизни, а нѣсколько иной, въ которомъ отсутствіе стѣсненій, палагаемыхъ лицемѣремъ и другими жизненными условностями, съ необычайною яркостью вызоветъ наружу свойства, оставшіяся дотолѣ незамѣченными, и, напротивъ, отброситъ на задній планъ то, что на поверхностный взглядъ составляло главное опредѣленіе человека. Но это будетъ не преувеличеніе и не искаженіе дѣйствительности, а только разоблаченіе той *другой* дѣйствительности, которая любитъ прятаться за обыденнымъ фактомъ и доступна лишь очень и очень пристальному наблюденію. Безъ этого разоблаченія невозможно воспроизведеніе *всего* человека, невозможенъ правдивый судъ надъ нимъ. Необходимо коснуться всѣхъ готовностей, которыя кроются въ немъ, и испытать, насколько живуче въ немъ стремленіе совершать такіе поступки, отъ которыхъ онъ въ обыденной жизни поневолѣ отказывается. Вы скажете: какое намъ дѣло до того, волею или неволею воздерживается извѣстный субъектъ отъ извѣстныхъ дѣйствій, для насъ достаточно и того, что онъ не совершаетъ ихъ... Но берегитесь! *сегодня* онъ дѣйствительно воздерживается, но завтра обстоятельства поблагодарятъ ему, и онъ *непремѣнно* совершитъ все, что когда-нибудь лелѣяла тайная его мысль. И совершитъ тѣмъ съ болѣею безпощадностью, чѣмъ болѣшій гнетъ сдавливалъ это думанное и лелѣянное.

Я согласенъ, что въ дѣйствительности Оеденька многого не дѣлалъ и не говорилъ изъ того, что я заставилъ его дѣлать и говорить; но я утверждаю, что онъ *несомнѣнно все это думалъ*, и, слѣдовательно, сдѣлалъ бы или сказалъ бы, если бы умѣлъ или смѣлъ. Этого для меня вполне достаточно, чтобъ признать за моимъ рассказомъ полную реальность, совершенно чуждую всякой фантастичности.

Многое потому только кажется намъ преувеличеніемъ, что мы безъ должнаго вниманія относимся къ тому, что

дѣлается вокругъ насъ. Дѣйствительность слишкомъ при-
мелькалась намъ, да и мы сами какъ-то отвыкли отдавать
себѣ отчетъ даже въ тѣхъ наблюденіяхъ, которыя мы не-
сомнѣнно дѣлаемъ. Поэтому, когда литература называетъ
вещи не совсѣмъ тѣми именами, съ которыми мы при-
выкли встрѣчаться въ обыденной жизни, намъ думается
уже, что это—небывальщина.

Но на самомъ дѣлѣ небывальщина гораздо чаще встрѣ-
чается въ дѣйствительности, нежели въ литературѣ. Лите-
ратурѣ слишкомъ присуще чувство мѣры и приличія, чтобъ
она могла взять на себя задачу съ точностью воспроизве-
сти карриатуру дѣйствительности. Напрасно усиливалась бы
она опошлять и искажать дѣйствительность—въ послѣдней
всегда останется нѣчто, передъ чѣмъ отступить самая смѣ-
лая способность къ искаженіямъ. «Исказители, каррикуату-
ристы!»—возглашаютъ близорукіе люди. Но пускай же они
укажутъ предѣлы глупаго и пошлаго, до которыхъ не до-
ходила бы дѣйствительность; пусть хоть разъ въ жизни
сумѣютъ понять и оцѣнить то, что на каждомъ шагу слы-
шать ихъ ухо и видятъ ихъ взоръ!

Если бъ я рассказалъ жизнь Оеденьки въ формѣ обна-
женной лѣтописи выдающихся фактовъ его дѣятельности,
я думаю, что читатель былъ бы болѣе въ правѣ упрекнуть
меня въ искаженіи, хотя бы въ моемъ разсказѣ не было
на горчичное зерно вымысла. Нѣтъ ничего несогласіе съ
истиной, какъ истина въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее по-
нимаетъ большинство людей. Ежели судить по разсказамъ
лѣтописцевъ, передающихъ только голые факты, то Ое-
деньку пришлось бы, пожалуй, назвать злодѣемъ. Такова
истина большинства. Но это уже потому одному неправда,
что если бъ Оеденька былъ заправскій злодѣй, то обыва-
телю Павознаго невозможно было бы существовать. Сверхъ
того: злодѣй имѣетъ систему, а у Оеденьки въ распоряже-
ніи находится лишь япчица; злодѣй не выступить на
арену, не подготовившись заранѣе, не прозондировавъ тѣ

мѣста, гдѣ удобнѣе класть отраву; Оеденька же не только ня къ чему не подготовленъ, но имѣеть всѣ свойства молодого жеребчика, вырвавшагося на волю изъ стойла. Онъ гогочеть и роетъ землю, самъ не зная зачѣмъ. Поэтому, присматриваясь къ нему, я убѣждаюсь, что главное его качество есть простодушіе, усугубленное неразвитостью, и что вслѣдствіе этого голова его полна бредней, которыя, смотря по обстоятельствамъ, принимаютъ благопріятный или неблагопріятный для обывателя характеръ. Многія изъ этихъ бредней до того фантастичны, что онъ самъ старается скрыть ихъ, но я ловлю его на полусловѣ, я пользуюсь всякимъ темнымъ намекомъ, всякимъ минутнымъ изліяніемъ, и съ помощью ряда усилій вступаю твердой ногой въ хранину той другой, не обыденной, а скрытой дѣйствительности, которая одна и представляетъ вѣрное мѣрило для всесторонней оцѣнки человѣка. Не знаю, въ какой степени успія мои увѣнчаются успѣхомъ, но убѣжденъ, что пріемъ мой, во всякомъ случаѣ, долженъ быть признанъ правильнымъ.

Говорять о каррикатурахъ и преувеличеніяхъ,—но нужно только осмотрѣться кругомъ, чтобъ обвиненіе это упало само собою.

Чего стоить борьба съ привидѣніями, на которую такъ легко рѣшается даже простодушнѣйшій изъ помпадуровъ.

Чего стоить мысль, что обыватель есть не что иное, какъ административный объектъ, всѣ притязанія котораго могутъ быть разомъ разрѣшены тремя словами: не твое дѣло!

Это ли не карриатура?

Но кто же пишетъ эту карриатуру? не сама ли дѣйствительность? не она ли на каждомъ шагѣ облчаетъ самое себя въ преувеличеніяхъ?

«Изъ Егорьевска пишутъ»... «изъ Белебея пишутъ»... «изъ Пронска пишутъ»... Умѣйте же, наконецъ, читать, господа!

Возьмите для себя исходнымъ пунктомъ хоть извѣстiе: «изъ Пронска пишутъ: вчера нашъ помпадуръ, будучи на охотѣ, устроенной въ честь его однимъ изъ подгородныхъ землевладѣльцевъ, переломилъ пастуху ребро»... и идите дальше. Ежели сегодня оказывается возможнымъ и безнаказаннымъ такое-то очевидно волшебное дѣйствiе, то спросите себя: какiе размѣры приметъ это волшебство завтра? Не останавливайтесь на настоящей минутѣ, но прозрѣвайте въ будущее. Тогда вы получите цѣлую картину волшебствъ, которыхъ, *быть-можетъ*, еще нѣтъ въ дѣйствительности, но которыя несомнѣнно придуть...

Какъ бы то ни было, но повторяю: каррикатуры нѣтъ... кромѣ той, которую представляетъ сама дѣйствительность.

Если смотрѣть на дѣло съ разумной точки зрѣнiя, то можно было ожидать, что, совершивъ все вышенъизложенное, Оеденька кончитъ тѣмъ, что станетъ втупикъ. Однакожъ, къ удивленiю, ничего подобнаго не случилось.

Водрузивъ знамя борьбы, онъ почувствовалъ, что у него словно гора съ плечъ свалилась. Никогда ему не было такъ легко и привольно. Онъ весь устремился куда-то въ даль, а на прошедшее взглянулъ какъ на дурной бредъ, который пересталъ быть для него обязательнымъ. Отнынѣ нѣтъ ни устности, ни гласности, ни постройки умывальниковъ при посредствѣ принципа самоуправленiя—все это будетъ замѣнено однимъ словомъ: «фюить». Даже несомнѣнно-консервативные «корни и нити», которыми онъ еще такъ недавно щеголялъ, показались ему мелкими и презрѣнными. Все это пустая и лишняя процедура. Ему нужно совсѣмъ не то; ему нуженъ не фактъ, а «духъ».

— Я этотъ «духъ» уничтожу! — воилялъ онъ на всѣхъ перекресткахъ и распутяхъ. — Я этотъ «духъ» изъ нихъ выбью!

И вслѣдъ затѣмъ давалъ Ноздреву порученiе поднюхать, чѣмъ пахнетъ.

Но ни онъ, ни Тарасъ Скотининъ не могли опредѣлить, въ чемъ состоитъ тотъ «духъ», который они поставили себѣ задачею сокрушить. На вопросы по этому предмету Оеденька мялся и отвѣчалъ: «*mais comment ne comprenez-vous pas cela?*» Скотининъ же даже не отвѣчалъ ничего, а только усиленно вращалъ зрачками. Поэтому оба, въ концѣ копцовъ, разсудили за благо употреблять это слово, какъ нѣчто не требующее толкованій, но вполне ясное и твердое.

Скотининъ до того очаровалъ Оеденьку, что совершенно отбѣснилъ Лаврецаго. Онъ всякое утро представлялъ Кротикову докладъ, подъ которымъ, за неумѣиємъ его грамотѣ, подписывался Кутейкинъ. Въ докладѣ никакихъ другихъ фразъ не было, кромѣ: «а дабы сей пагубный духъ истребить» и: «а дабы обуздать злокозненный оный духъ». Въ заключеніе предлагалась *мѣра*: фюнты! Оеденька выслушивалъ эту длинную іереміаду, безъ умолку болтая всякій вздоръ и лишь изрѣдка, ради приличія, дѣлая попытку что-нибудь возразить. Но обыкновенно заключенія доклада принимались всецѣло и тутъ же передавались Ноздреву и Держимордѣ, которые со всѣхъ ногъ бросались исполнять ихъ.

Вообще Оеденька сдѣлался необыкновенно бодръ и дѣятеленъ. Вставалъ онъ чрезвычайно рано и тотчасъ же принималъ Скотинина, Ноздрева и Держиморду, которые, въ ожиданія его призыва, сидѣли въ передней, бесѣдуя съ камердинеромъ Яшкой. Отдавши нужныя приказанія по части истребленія «духа», онъ призывалъ Веретьева (единственнаго изъ прежнихъ сподвижниковъ, къ которому онъ сохранилъ довѣріе) и заставлялъ его представлять, какъ жужжить муха, комаръ, пчела и т. п. Если и затѣмъ оставалось свободное время, то приглашался Митрофанъ Простаковъ, на которомъ Оеденька изучалъ, каковъ долженъ быть натуральный, неиспорченный человѣкъ. Такимъ образомъ незамѣтно летѣли часы за часами. Передъ обѣдомъ

онъ отпраплялся гулять по улицамъ и тутъ дѣлалъ такъ-называемыя личныя распоряженія, то-есть таращилъ глаза, гоготалъ и набрасывался на проходящихъ.

— Чтò ты? да какъ ты? да зачѣмъ ты? — задыхался онъ. — Я изъ тебя этотъ «духъ» выблю! Я этотъ «духъ» уничтожу! Ого-го!

Загнѣвъ, сдѣлавъ всѣ «распоряженія» и завершивъ ихъ словомъ: «фюить!» — Оеденька возвращался домой и садился за обѣдъ.

— J'espère que j'ai bien gagné mon diner, — говорилъ онъ Веретьеву. — Надѣюсь, что я могу потребовать для себя хоть одной минуты спокойствія!

И онъ, дѣйствительно, имѣлъ основаніе спокойно ѣсть свой обѣдъ, потому что Скотининъ въ это время уже обдумывалъ свой завтрашній докладъ, а Ноздревъ и Держиморда неутомимо блюли, чтобъ сегодняшнія скотининскія предначертанія были выполнены неукоснительно. Въ продолженіе цѣлаго дня они врываются въ частныя жилища, дѣлали выемки, хватали, ловили, расточали и къ ночи являлись къ Скотинину съ цѣлымъ ворохамъ захваченныхъ книгъ и бумагъ, которыя Кутейкинъ принималъ для дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Ноздревъ, по свойственной ему пылкости нрава, не разъ порывался взять взятку, но Держиморда постоянно его удерживалъ.

— Рано! — увѣщевалъ онъ: — надобно сначала хорошенько себя зарекомендовать! Потомъ наворачтаемъ!

А Оеденька, видя, что у него день и ночь кипитъ дѣятельность, утѣшался этимъ и говорилъ:

— On me dit que ce sont des chénapans — est-ce que j'en doute! Mais ils font à merveille mes affaires, et c'est tout ce qu'il me faut!

Да и Анна Григорьевна, по мѣрѣ силъ, усердствовала. Съ тѣхъ поръ какъ она побывала на покаянномъ пикникѣ, съ ней совершилось словно перерожденіе. Она не только вошла въ роль Иоанны д'Аркъ, но, такъ сказать, отожде-

ствилась съ этою личностью. Глаза у нея разгорѣлись, ноздри расширились, дыханіе сдѣлалось знойное, волосы были постоянно распущены. Въ этомъ видѣ, сидя на воровомъ конѣ, она передъ началомъ каждой церковной службы галопировала по улицамъ, призывая всѣхъ къ покаянію и къ войнѣ противъ матеріализма. Нельзя, впрочемъ, умолчать, что усиѣху ея проповѣди не мало содѣйствовали частные пристава, которые употребляли всѣ мѣры кротости, дабы обыватели Навознаго не погрязали въ матеріализмъ, но наполняли храмы Божіи. Учтиво брали они прохожаго за шиворотъ и говорили ему:

— Ну, сдѣлай ты хоть примѣръ! ну, не молись, а только примѣръ сдѣлай!

И прохожіе, видя, что ихъ «просятъ честью», съ удовольствіемъ бросали дѣла и устремлялись въ храмы.

Феденька не только выполнилъ программу, изложенную имъ въ покаянномъ циркулярѣ, но даже пошелъ дальше. «Лучше совсѣмъ истребить науки, нежели допустить превратныя толкованія», писалъ онъ въ циркулярѣ; а Скотининъ, какъ дважды-два—четыре, доказалъ ему, что всякое усиліе, дѣлаемое человѣкомъ съ цѣлью оградить себя отъ какихъ-либо случайностей, есть бунтъ противъ неисповѣдимыхъ путей. А посему: не слѣдуетъ ни пожаровъ тушить, ни принимать какія-либо мѣры противъ голода или повальныхъ болѣзней. Все это посылается не безъ цѣли, но или въ видахъ наказанія, или въ видахъ испытанія. Слѣдовательно, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ не требуется ничего, кромѣ покорности и твердости въ перенесеніи бѣдствій.

— Я, вашество, самъ на себѣ испыталъ такой случай,— говорилъ Тарась.—Были у меня въ имѣніи скотскіе падежи почти ежегодно. Только я, знаете, сначала тоже мудровалъ: и ветеринаровъ приглашалъ, и знахарямъ чортову пропастъ денегъ просадилъ, и пона въ Егорьевъ день по полю каталъ—все, знаете, чтобъ польза была. Хоть ты чтѣ хочешь!

Наконецъ, я рѣшился-съ. Бросилъ все, пересѣкъ скотницъ и положилъ праздновать Ильинскую пятницу. И что жь, сударь! Съ тѣхъ поръ—какъ отрѣзало. Вездѣ кругомъ скотина, какъ мухи, мреть, а меня Богъ милуетъ!

Доктрина эта пришла къ Оеденькѣ очень по праву. Во-первыхъ, въ ней было что-то возвышенное, а во-вторыхъ, она освобождала его отъ многихъ обязанностей, которыя мѣшали исключительно предаться дѣлу истребленія ненавистнаго ему «духа». Не дерзость ли предотвращать болѣзни, голодъ, пожары, когда все это посылается свыше, по заслугамъ людей? Чаша нечестій до того переполнилась, что самое лучшее средство спасти это гнѣздилище неключимостей (такъ называлъ Оеденька Навозный) — это погубить его. Пусть голодъ, холера и огонь дѣлаютъ свое губительное дѣло; пусть истребляютъ виновныхъ, невинныхъ же подвергаютъ испытанію. Оеденька безъ сожалѣнія оставитъ этотъ новый Содомъ и готовъ промѣнять его даже на пустыню. При словѣ «пустыня» воображеніе Оеденьки, и безъ того уже экзальтированное, пріобрѣтало такой полетъ, что онъ, не въ силахъ будучи управлять имъ, начиналъ очень серьезно входить въ роль погубителя Навознаго. Ангель смерти, казалось ему, паритъ надъ нечестивымъ городомъ; пожаръ истребилъ всѣ дома, по улицамъ валяются распухшіе трупы людей и распространяютъ смрадъ. А онъ, Оеденька, одѣтый по-дорожному (поодаль видѣется заложенный дормезъ, изъ окна котораго выглядываетъ Іоанна д'Аркъ), стоитъ на базарной площади и провозглашаетъ грандіозный походъ въ пустыню. Послушные его голосу, со всѣхъ сторонъ стекаются уцѣлѣвшіе обыватели, посыпаютъ свои головы пепломъ и, разодравъ на себѣ одежды, двигаются, подъ его покровительствомъ, въ степь Сахару (Оеденька такъ давно учился географин, что полагалъ Сахару на границѣ Тамбовской и Саратовской губерній). Пришедши туда, онъ предложитъ обывателямъ приносить покаяніе, валяться на голой землѣ и питаться дикимъ медомъ

и акридами, самъ же разобьетъ шатерь, выпишетъ Дорота въ качествѣ метрдотеля и, въ обществѣ Юанны д'Аркъ, предводительницъ и предводителей, будетъ вкушать изысканныя яства. По вечерамъ избранныки будутъ играть въ карты, танцовать и говорить дамамъ *amabilités*...

— Миѣ и въ пустынѣ будетъ хорошо-съ!—говорилъ Оеденька. — Меня хоть на край свѣта ушлите—я и тамъ отлично устроюсь-съ!

— Еще какъ, вашество, устроимся-то!—прибавлялъ, съ своей стороны, Скотининъ.—Возьмемъ съ собою Еремѣвну да Вральмана, заставимъ сказки сказывать, или вотъ Митрофанушкѣ велимъ голубей гонять—и театровъ не надо.

— *Le brave homme!*—въ умиленіи восклицала Оеденька и, треща Скотинина по плечу, присовокупляла:—Возьмемъ, старикъ, всѣхъ возьмемъ! Уложимъ чемоданы, захватимъ Еремѣвну и Митрофанушку и поѣдемъ на обывательскихъ куда глаза глядятъ!

Итакъ, новый фазисъ административной проказливости, въ который вступилъ Оеденька, не только не принесъ ему никакихъ затрудненій, но даже произвелъ въ немъ довольно приятную экзальтацію. И прежняя жизнь его была бредомъ, и теперь она продолжала быть бредомъ, съ тою лишь разницею, что прежній бредъ имѣлъ сначала либеральный, потомъ консервативный характеръ, а теперь онъ принялъ форму бреда борьбы. Но эта послѣдняя форма была даже пріятнѣе двухъ первыхъ, потому что не признавала никакихъ границъ и, слѣдовательно, легко наполнялась всякаго рода содержаніемъ.

Но не столько было замѣчательно то, что Оеденька не почувствовалъ въ своемъ положеніи никакой противъ прежняго переменъ, сколько то, что самый объектъ его административныхъ воздѣйствій нимало не измѣнилъ своей фпзіономіи. Казалось, что Навозный даже не замѣтилъ, что Кротиковъ, вмѣсто Рудина и Волохова, приблизилъ къ себѣ Скотинина и Ноздрева, что, переставъ писать циркуляры

о необходимости учрежденія заводовъ, спѣ ударился въ административный мистицизмъ. Обыватели не знали ничего ни о недавнемъ либерализмѣ Оеденьки, ни о настоящемъ его умозстугленіи. Они, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали ѣсть проги (а въ случаѣ неимѣнія таковыхъ, довольствовались и хлѣбомъ изъ лебеды), платить дань, жениться и посягать. Это было до такой степени необыкновенно, что даже Волоховъ удивился,—онъ, который нѣкогда выразился, что такихъ курицыныхъ дѣтей, какъ обыватели Навознаго, всяко возрождать можно. Ясно было, что большинство находится въ томъ завидномъ положеніи, когда оно ни въ какомъ случаѣ ни отъ какихъ переменъ ни выиграть, ни проиграть ничего не можетъ.

Собственно говоря, отъ легкомыслія Оеденьки пострадали только навозные либералы. Изъ нихъ многіе подверглись расточенію, а многіе распоролн себѣ животы, предпочтя напрасную смерть постыдному «фюитъ!», которое раздавалось въ ихъ ушахъ, непрерывно угрожая ихъ существованію. Но, во-первыхъ, въ глазахъ большинства это были единичныя жертвы, отъ исчезновенія которыхъ городу было ни тепло, ни холодно; а во-вторыхъ, Оеденька старался своимъ преслѣдованіямъ придать характеръ борьбы съ безвѣріемъ и непризнаніемъ властей. А такъ какъ обыватели Навознаго искони боялись вольнодумства пуще огня, то они не только не обращали вниманія на вопли жертвъ, но, напротивъ, хвалили Оеденьку и подстрекали его къ новымъ подвигамъ.

Казалось, однакожъ, что было одно обстоятельство, которое не могло не тронуть навозенцевъ. Какъ сказано выше, Оеденька возвелъ теорію фатализма до такой крайности, что не хотѣлъ ни пожаровъ тушить, ни принимать мѣры противъ голода и повальныхъ болѣзней. Это ужъ слишкомъ близко касалось навозныхъ животныхъ, чтобы не произвести въ нихъ нѣкотораго переполоха. Но на дѣлѣ оказалось, что теорія, до которой Оеденька додумался лишь труднымъ

процессомъ либеральныхъ разочарованій, была во всё время основаніемъ всѣхъ вѣрваній обывателей, всей ихъ жизни. Изстари они безропотно помиралы, исповѣдуя, что противъ бѣды да поущенія, какъ ни мудруй, ничего не подѣлаешь. Изстари повелось у нихъ такъ, что сегодня человѣкъ пироги съ начинкой ѣсть, а завтра онъ же подъ окнами у сосѣдей куски выпрашиваетъ. При всемъ своемъ простодушіи, Оеденька отлично постигъ это свойство навозенцевъ. Онъ понялъ, что если край будетъ и въ концѣ разоренъ, вслѣдствіе набѣговъ Ноздрева и Держиморды, то у него все-таки останется мужицкая спина, которая имѣетъ свойство обростать гуще и пушистѣе, по мѣрѣ того, какъ ее оголяютъ.

Итакъ, и Оеденька, и Навозный край зажили на славу, проклиная либераловъ за то, что они своимъ буйствомъ накликали на край различныя бѣдствія. Сложилась даже легенда, что бѣдствія не прекратятся, покуда въ городѣ существуетъ хоть одинъ либераль, и что только тогда, когда Оеденька окончательно разоритъ гнѣздо нечестія, можно будетъ не страховать имуществовъ, не удобрять полей, не сѣять, не пахать, не жать, а только наполнять житницы...

Х.—Зиждитель.

Первые дни великаго поста. Городъ словно въ траурѣ. На дворѣ оттепель, тумавъ, слякоть, канѣль. Афиши нѣтъ.

Куда идти? что дѣлать? Сходилъ бы въ департаментъ потолковать о назначеніяхъ, перемѣщеніяхъ и увольненіяхъ, но знаю, что послѣ бѣшеныхъ дней масляницы чиновники сидятъ на столахъ, болтаютъ ногами, курятъ папирсы и на лицахъ ихъ ничего не написано, кромѣ: «было бы болото, а черти будутъ». Сходилъ бы въ редакцію «нашей уважаемой газеты» покалякать, какія стоятъ на очереди реформы, но не дальше, какъ часъ тому назадъ, получилъ отъ редактора записку: «приходить незачѣмъ; реформъ нѣтъ»

и не будетъ: калякать не объ чемъ». Сходилъ бы, наконецъ, въ домъ бывшаго откупщика, а нынѣ желѣзнодорожнаго дѣятеля, у котораго каждодневно, съ утра до ночи, жуируютъ упраздненные полководцы и губернаторы, посмотрѣлъ бы, какъ они поглощаютъ предоставленную имъ гостепріимнымъ хозяиномъ провизію, послушалъ бы, какъ они косятъ современныхъ реформаторовъ, но постъ и на этотъ храмъ утѣхъ наложилъ свою руку. По крайней мѣрѣ, давеча, совершая утреннюю прогулку, я встрѣтилъ одного изъ «упраздненныхъ», который, посидѣвъ въ церковь къ часамъ, на ходу скороговоркой сказалъ мнѣ:

— Сегодня къ Моисею Соломоновичу—ни-ни! Говѣеть. Кромѣ чесноку и фасоли—ничего! Въ такомъ-то домѣ!

Идти, стало-быть, некуда. Дома тоже оставаться незахѣмъ. Читать—ничего, писать—не о чемъ. Весь организмъ пораженъ усталостью и тупымъ безучастіемъ ко всему происходящему. Спать бы лечь хорошо, но даже и спать не хочется.

Сажусь, однако, беру первую попавшуюся подъ руку газету и приступаю къ чтенію передовой статьи. Начала нѣтъ; вмѣсто него: «мы не разъ говорили». Кюнца нѣтъ; вмѣсто него: «объ этомъ поговоримъ въ другой разъ». Средина есть. Она написана пространно, просмакована, даже не лишена гражданской меланхолиі, но, хоть убей, я ничего не понимаю. Сколько лѣтъ ужъ я читаю это: «поговоримъ въ другой разъ!» Да ну же поговори!—такъ и хочется крикнуть...

Я съ дѣтскихъ лѣтъ имѣю вкусъ къ русской литературѣ. Всегда былъ усерднымъ читателемъ, и, могу сказать по совѣсти, даже въ то время, когда цензоръ одну половину фразы вымарывалъ, а въ остальную половину, въ видахъ округленія, вставлялъ: «о, ты, пространствомъ безконечный!»—даже и въ то время я понималъ. Отсѣку, бывало, одно слово, другое отъ себя прибавлю—и понимаю. Но именно нынче возникъ у насъ особенный отдѣлъ печатнаго

слова, который рѣшительно ничего не возбуждаетъ во мнѣ, кромѣ ропота на Провидѣніе. Это—отдѣлъ передовыхъ газетныхъ статей. Читаю-читаю—и ничего ухватить не могу. Только-что за что-нибудь ухвачусь—глядь, ужь пропало. Точно сквозь спто—такъ и льется, такъ и исчезаетъ...

Прежде у насъ не было ни гласныхъ судовъ, ни земскихъ учрежденій, но была цензура. При содѣйствіи цензуры, литература была вынуждаема отсутствіе своихъ собственныхъ политическихъ и общественныхъ интересовъ вымещать на Луи-Филиппа, на Гизо, на французской буржуазіи и т. д. Несмотря на это, писали не только понятно, но даже занятно. Какъ ни слаба была связь между мной и Луи-Филиппомъ, но мнѣ было лестно, что русская журналистика не одобряетъ его внутренней политики. Въ внушеніяхъ, дѣлаемыхъ Гизо, я видѣлъ извѣстное міросозерцаніе; я толковалъ себѣ ихъ такъ: ужь если Гизо такъ проштрафился, то что же должно сказать о дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Держимордѣ? И вотъ, вмѣстѣ съ устроителями февральскихъ банкетовъ, я кричалъ: à bas Louis-Philippe! à bas Guizot! кричалъ искренно и горячо, хотя лично ничего отъ того не выигрывалъ, что Луи-Филиппъ былъ 24-го февраля 1848 года уволенъ безъ прошенія въ отставку. Выигрывалъ не я, а мое міросозерцаніе, выигрывали тѣ политическіе и общественные идеалы, къ которымъ я себя приурочивалъ.

Теперь у насъ существуютъ всевозможные политическіе и общественные интересы. Все дано намъ: и гласный судъ, и земскія учрежденія, а сверхъ того многое оставлено и въ прежняго. Тутъ-то бы и поговорить. По поводу одного—порадоваться, по поводу другого—плить гражданскую скорбь. Въдѣ дѣло идетъ уже не о дотации герцога Немурскаго (напѣли мы за нее порядкомъ Луи-Филиппу въ свое время!), а о собственной нашей дотации въ формѣ гласностей, утностей и т. п. А между тѣмъ никто ничему не радуется, никто ни о чемъ не печалится! Какъ будто бы

изякихъ дотацій и не бывало. Спихватился-было г. Головачовъ, издалъ книгу: «Десять лѣтъ реформъ»... пѣлыхъ десять лѣтъ! Но и онъ никого не утѣшилъ и не опечалилъ, а многихъ даже удивилъ.

— Видѣли—подъ стекломъ «Десять лѣтъ реформъ» статья?—изумляясь, спрашивали одни.

— Какія «Десять лѣтъ реформъ»? когда? зачѣмъ? — изумлялись въ отвѣтъ другіе.

И только.

Словомъ сказать, вкусъ къ французской буржуазіи пропалъ, а надежда проникнуть, при содѣйствіи крестьянской реформы, въ какую-то таинственную суть—не выгорѣла. И остался русскій человѣкъ ни при чемъ и не на комъ ему свое сердце сорвать. Въ результатѣ—всеобщая адская скука, находящая себѣ выраженіе въ небываломъ обиліи безформенныхъ общихъ фразъ. Ничего, кромѣ азбуки, въ самомъ пошломъ, казенномъ значеніи этого слова. Менандръ проводитъ мысль, что надо жить въ ожиданіи дальнѣйшихъ разъясненій. Агатовъ выражаетъ, что жить въ ожиданіи разъясненій не штука, а вотъ штука—прожить безъ всякихъ разъясненій. А бѣдный дворянинъ Никаноръ идетъ еще дальше и лѣзетъ изъ кожи, доказывая, что въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, не должно быть рѣчи не только о «разъясненіяхъ», но даже о «неразъясненіяхъ», и что всякому вѣрному сыну отечества надлежитъ жить да поживать, да дѣтей наживать. И все это говорится съ сонливою серьезностью, говорится отъ имени какихъ-то «великихъ партій», которыя стоятъ-де за «нами» и никакъ не могутъ подѣлится между собою выѣденнаго яйца.

Скучное время, скучная литература, скучная жизнь. Прежде хоть «рабы рѣчи» слышались, страстные «рабы рѣчи», иносказательныя, но понятныя; нынче и «рабьихъ рѣчей» не слышать.

Я не говорю, чтобъ не было движенія—движеніе есть,—

но движеніе докучное, напоминающее дерганье изъ стороны въ сторону.

Представьте себѣ человѣка, который сидитъ въ наглухо запертомъ экипажѣ и дремлетъ. Сквозь дремоту онъ чувствуетъ, что и не ѣдетъ, и на мѣстѣ путемъ не стоитъ, но что есть какое-то дерганье, которое помпнутно беспокоитъ его. До него доносится говоръ, людскіе шаги, постукиванье, позвякиванье, и все это смутно, все попеременно то смолкаетъ, то опять возобновляется. Вотъ и опять что-то дернуло, и опять, и опять. Вотъ и дремота, наконецъ, соскакиваетъ съ путника — зачѣмъ? Вѣдь и придя въ себя, онъ становится лицомъ къ лицу, все-таки, не съ дѣйствительностью, а съ загадкою. Что случилось? чтѣ означаетъ дерганье? Предвѣщаетъ ли оно движеніе или безсрочную остановку на мѣстѣ? Приѣхали ли куда-нибудь? Хоть не туда, куда ѣхали, а туда, откуда выѣхали?

Всѣ эти вопросы остаются безъ отвѣта, потому что кругомъ темнота, а впереди ничего, кромѣ загадки. Въ такомъ безнадежномъ положеніи можно волноваться вопросами только сгоряча, но разъ убѣдившись, что никакія волненія ни къ чему не ведутъ, остается только утихнуть, сложить руки и думать о томъ, какъ бы такъ примоститься, чтобы дерганье какъ можно меньше нарушало покой. Разумѣется, существуютъ люди, которые и въ подобныхъ положеніяхъ не могутъ не обольщаться, что вотъ-вотъ сейчасъ разбудятъ и скажутъ: приѣхали! Но спрашивается: что же тутъ хорошаго? Ну, приѣхали! Куда приѣхали?—вѣдь навѣрное куда-нибудь въ чуланъ, въ которомъ царствуютъ сумерки и среди этихъ сумерокъ безтолково мятется людской сбродъ. Въ движеніяхъ этого сброда замѣчается суета, на лицахъ написано непонятіе. Толкутся, дерутся, рвутъ другъ у друга куски... сами не знаютъ, зачѣмъ рвутъ. Нѣтъ, какъ хотите, а лучше замереть: можетъ-быть, какъ-нибудь оно и пройдетъ, пропозетъ это странное время.

До того смякла, понизилась жизнь, что даже административное творчество покинуло насъ. То творчество, которое обязательно переходитъ черезъ весь петербургскій періодъ русской исторіи. По крайней мѣрѣ, послѣ лучезарнаго появленія на аренѣ административной дѣятельности контрольных чиновниковъ, удостовѣрившихъ, что такъ-называемая «современная ревизія отчетностей» должна удовлетворить самыхъ требовательныхъ русскихъ конституціоналистовъ, я просто ни на какихъ новыхъ административныхъ пионеровъ указать не могу.

Вспомните прежнихъ финансистовъ, статистиковъ, судей! Какою бездной талантиности должны были обладать эти люди! Вѣдь они являлись на арену дѣятельности не только безъ всякихъ приготовленій, но просто въ чемъ мать на свѣтъ родила, однако и за всѣмъ тѣмъ, все-таки, умѣли нѣчто понимать, нѣчто сказать, разсуждать, выслушивать, говорить. Вспомните, наконецъ, прежнихъ помпадуровъ! Приѣдетъ, бывало, помпадуръ въ предоставленный ему край и непременно что-нибудь да сдѣлаетъ: либо дороги аллеями обсадить, либо пожарную трубу выплешетъ, либо предпишетъ разводить картофель...

Была пытливость, была потребность игры ума. Не знанія, а именно игры ума. Сверхъ того, была потребность воспрославить свое имя... хоть покункою шрифта для губернской типографіи.

Теперь ни игры ума, ни жажды славы — ничего нѣтъ. Пичѣмъ не подкупишь человѣка, ибо все въ немъ умерло, все замѣнено словомъ «фюить!» Но развѣ это слово? Вѣдь это бессмысленный звукъ, который можетъ заставить только вздрогнуть.

Или опять другое модное слово: «не твое дѣло!» — развѣ можно такъ говорить? Можетъ ли быть что-нибудь предосудительнѣе этой безнадежной фразы? Не она ли изсушила въ конецъ наше пресловутое творчество? не она ли поло-

жила начало той адской апатии, которая съѣдаетъ современное общество и современную русскую жизнь?

Между тѣмъ какъ я такимъ образомъ унывалъ, мнѣ подали карточку, на которой я прочиталъ: le comte Serge de Bystrizinn, conseiller d'état, président de la Société Economique de Tchoukloma, etc., etc.

Сережа Быстрицынъ принадлежалъ къ той блестящей плеядѣ моихъ одноклассниковъ, изъ которой потомъ вышли: Одея Кротиковъ, Митя Козелковъ, Петька Толстолобовъ и другіе помпадуръ, съ которыми я уже имѣлъ случай познакомиться читателя. Но онъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Въ немъ не было ни блеска, которымъ отличался Кротиковъ, ни дипломатической ловкости, которая составляла характеристическую черту дѣятельности Козелкова. Еще на школьной скамьѣ это былъ ребенокъ скромный, чистенькій, хозяйственный и солидный. Сидитъ, бывало, на своемъ мѣстѣ и все надъ чѣмъ-то копается. Или корабликъ изъ бумаги дѣлаетъ, или домикъ вырѣзываетъ, или строгаетъ что-нибудь. Спросишь его:

— Зачѣмъ ты, Сережа, все кораблики дѣлаешь?

Онъ солидно и разсудительно отвѣтитъ:

— А можетъ-быть и понадобятся!

Такимъ образомъ надѣлалъ онъ этихъ корабликовъ видимо-невидимо, и мы, легкомысленныя дѣти, признавъ, даже подшучивали надъ нимъ, что это онъ новый флотъ на мѣсто черноморскаго строить. Но воспитатели наши уже тогда угадывали въ немъ будущаго хозяина и организатора.

— Oh, celui-la ne perdra pas la tête, comme vous autres, têtes remplies de foin! — говаривалъ, бывало, москѣ Баратель: — faites le passer par toutes les réformes que vous voudrez, il en sortira à son avantage!

И дѣйствительно, по выходѣ изъ школы, онъ не устремился, подобно прочимъ товарищамъ, на поискъ медленной

карьеру, но удалился въ свою чухломскую деревню, и тамъ, чтобы не терять права на получение чиновъ, пристроился къ мѣсту почетнаго смотрителя уѣзднаго училища. Здѣсь тихими, но вѣрными шагами онъ достигалъ того, что другимъ было достигнуто быстро, при помощи цѣлованія плечиковъ, посѣщенія Дюссо и заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ. Я не знаю, что собственно дѣлалъ Сережа, сидя въ деревнѣ, но думаю, что онъ, по обыкновенію своему, кленлъ, вырѣзывалъ и строгалъ, потому что крестьянская реформа не только не застала его врасплохъ, какъ другихъ, но, напротивъ того, онъ встрѣтилъ ее во всеоружіи и сразу сумѣлъ поставить свое хозяйство на новую ногу. Этого мало: примѣромъ своимъ онъ заразилъ нѣсколькихъ молодыхъ чухломцевъ и успѣлъ организовать изъ нихъ общество, имѣвшее цѣлью возрожденіе чухломскаго хозяйства. Этого было достаточно, чтобы составить ему и его уѣзду какую-то полуфантастическую хозяйственно-организаторскую репутацію. Чухломцы были замѣчены. Нѣкоторые изъ нихъ скоро вынырнули изъ чухломскихъ болотъ и успѣли занять хорошія административныя положенія. Поговаривали о школѣ чухломскихъ администраторовъ, которая съ удобствомъ должна была замѣнить другую школу администраторовъ, не имѣвшую за душой ничего, кромѣ «фюнта». «Чухломцы все сдѣлаютъ!—говорилось въ петербургскихъ гостиницахъ:—они и земледѣліе возродятъ, и торговлю разовьютъ, и новыя породы скота разведутъ, и общественное спокойствіе спасутъ!» Но Сережа, этотъ прототипъ чухломца-организатора, все еще упорно сидѣлъ въ Чухломѣ и нимало даже не завидовалъ болѣе прыткимъ чухломцамъ, которые сгибли ковать желѣзо, пока оно горячо. Онъ ждалъ съ терпѣніемъ, ибо зналъ, что чаша сія не минетъ его. И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ прочіе организаторы-чухломцы, разсыянные по лицу земли и недостаточно выдержанные, постепенно изнемогали въ борьбѣ съ недомками, Сережа все прочнѣе и прочнѣе устранивалъ свое

положеніе. Наконецъ, слава его достигла такихъ размѣровъ, что нельзя ужъ было больше терпѣть. Что-нибудь одно: или услатъ его туда, куда Макарь телятъ не гонялъ, или призвать и сказать: нѣ, возрождай!

Это было что-то невѣроятное, фантастическое. Говорили, будто, занимаясь рыбоводствомъ, онъ дошелъ до того, что скрестилъ налима съ лещомъ, и что отъ этого произошла рыба, соединявшая маслянистую тежку леща съ налимею печенкою. Потомъ началъ ходить слухъ, что онъ утилизировалъ крапиву, началъ выдѣлывать изъ нея поташъ, который и разсылаетъ теперь во всѣ страны свѣта. Въ довершеніе всего, пришло достовѣрное извѣстіе, что у него на скотномъ дворѣ существуетъ быкъ, который, по усмотрѣнію своего владѣльца, можетъ быть родоначальникомъ и молочной, и мясной породы. Эти скромныя, но полезныя для человѣчества дѣянія до такой степени выгодно выдѣлялись изъ цѣлой цѣпи дѣяній легкомысленныхъ и безплодно возмутительныхъ, что не обратить на нихъ вниманія было невозможно.

— Слышали: Быстрицынъ?..

— Изумительно!

— Да, батюшка, это... организаторъ! Это не свистунъ! Это настоящій, дѣйствительный помпадуръ-хозяинъ! Такой помпадуръ, какихъ именно въ настоящее время требуетъ Россія!

И онъ былъ призванъ...

Пріѣхавши въ Петербургъ, онъ мнѣ первому сообщилъ о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ, но сообщилъ застычиво и даже съ отѣнкомъ опасенія, что у него неостанетъ силъ, чтобъ оправдать столько надеждъ. Какъ истинный чухломецъ, онъ былъ не только скромень, но даже немножко дикъ («un peu farouche», какъ говоритъ Федра объ Иншольтѣ), и мнѣ стоило большого труда ободрить его.

— Посмотри на Кротикова, на Толстолобова,—говорилъ я ему:—вѣдь это развѣ люди!

— Кротиковъ и Толстолобовъ, — отвѣчалъ онъ, — это администраторы по призванію. Это герои минуты. Ихъ совѣсть можетъ оставаться спокойною, если у нихъ даже ничего за душою нѣтъ, кромѣ «фюпть». Но я, понимаешь ты, я — хозяинъ! Я долженъ, ты понимаешь — *долженъ* создать, организовать, устроить. Наши чухломцы уже сдѣлали нѣчто въ этомъ смыслѣ, но, признаюсь, я не совѣмъ доволенъ ими. Они еще недостаточно освободились изъ-подъ гнета недоимокъ. Но я... я не могу ограничиться тѣмъ, что взыскалъ столько-то тысячъ недоимокъ! Я могу хвалиться только тѣмъ, что ничего не взыскалъ... потому что у меня никакихъ недоимокъ нѣтъ и не можетъ быть!

Тѣмъ не менѣе, онъ уступилъ моимъ настояніямъ, то есть хотя и поломался немного, но принялъ. И справедливость требуетъ сказать, что скромность не только не повредила ему, но даже еще рельефнѣе выставила его организаторскія способности. Не имѣя за себя ни громкихъ воспоминаній о совмѣстномъ посѣщеніи заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, ни недавнихъ впечатлѣній совмѣстнаго собутыльничества у Дюссо, безъ малѣйшаго посредничества Камиль-де-Лионъ, Лотаръ или Бланшъ Виланъ, просто, естественно явился онъ на судъ — и сейчас же сдѣлался героемъ дня. Всѣ стремились видѣть его, всѣ разспрашивали, какимъ образомъ онъ сумѣлъ достигнуть такихъ изумительныхъ результатовъ; всѣ поняли, что даже тѣ бойкіе чухломцы, которыхъ организаторскимъ способностямъ еще такъ недавно удивлялись, — и тѣ, въ сравненіи съ нимъ, не больше, какъ ученики и провозвѣстники. Что настоящій, заправскій чухломецъ — это онъ, это графъ Сергѣй Васильевичъ Быстрицынъ!

Онъ вошелъ ко мнѣ во всей формѣ, взволнованный. Губы его были сухи, глаза какъ-то особенно блестяли, все лицо сіяло восторженностью. Онъ былъ очень милъ въ эту минуту.

— Все кончено! — сказалъ онъ, пожимаая мнѣ руки: —

чапа, которой я такъ избѣгалъ... я уже чувствую прикосновеніе ея краевъ къ губамъ моимъ!

— Куда?

— Въ Паскудскъ!

— Исправляющимъ?

— Нѣтъ, настоящимъ. И съ производствомъ въ дѣйствительные.

Онъ сжалъ губы, какъ будто хотѣлъ овладѣть полною своихъ чувствъ.

— Поздравляю! Это шагъ!

— Богъ, Который видитъ мою совѣсть, Онъ знаетъ, какъ я не желалъ этого шага, какъ страшилъ меня эти почести... все это мшпурное величіе!

Онъ опять сжалъ губы, но, противъ воли, глаза его затуманились. Повторяю: онъ очень былъ милъ!

— Чтò же дѣлать, мой другъ!—утѣшалъ я.—Провидѣніе, надо покориться Его волѣ! Тяжелъ твой вѣнецъ—я согласенъ, но надобно нести его! Неси, братецъ, носи! Ты пострадаешь, зато Паскудскъ будетъ счастливъ!

— Je le jure!—воскликнулъ онъ, простирая руку.

Я принялъ его клятву и, разумѣется, счелъ за долгъ прочитатъ приличную этому торжеству предикку.

— Помни эту клятву, мой другъ!—сказалъ я:—помни, чтò говорится про клятвы: разъ солгалъ, въ другой солгалъ, въ третій никто ужъ и не повѣритъ! Ты поклялся, что Паскудскъ будетъ счастливъ—такъ и гони эту линію! «Фюитъ»-то да «не твое дѣло» бросить надобно!

— Какія дрянныя, безсмысленныя выраженія!

— Да, душа моя, надоѣли они, до смерти надоѣли! Лучше совсѣмъ ничего не дѣлать, нежели вращать глазами да сквернословить! Испугать обывателя, конечно, не трудно, но каково-то его въ чувство потомъ привести! Дай же мнѣ слово, что ты никогда не будешь ни зрачками вертѣть, ни сквернословить... никогда!

— Je le jure!

Мы взялись за руки и нѣсколько минутъ стояли, смотрясь другъ другу въ глаза, какъ влюбленные.

— Ну, очень радъ. И радъ не столько за тебя, сколько за Паскудскъ!—сказалъ я, наконецъ.—Теперь тебѣ надобно только великими образцами напиться. Надѣюсь, однакожь, что ты будешь искать этихъ образцовъ не въ ближайшихъ своихъ предметникахъ?

— Jamais!

— Но въ древности бывали помпадуры, достойные подражанія. Я самъ зналъ одного, который, въ теченіе семи лѣтъ помпадурства, два новыхъ шрифта для губернской типографіи приобрѣлъ!

— Mon cher! я ужъ думалъ объ этомъ! Но все это частности... положимъ, полезныя... а все-таки частности! Увы! въ исторіи нашихъ помпадурствъ нѣтъ образцовъ, которыми мы могли бы руководиться! Даже въ самыхъ лучшихъ помпадурцахъ творчество имѣетъ характеръ случайности. Это не энзимители, а заплатныхъ дѣлъ мастера. Одинъ съѣтъ картофель, а о путяхъ сообщенія не думаетъ; другой обсаживаетъ дороги березками, а не думаетъ о томъ, что дороги тогда только полезны, когда есть что возить по нимъ. Читая лѣтописи этихъ дѣяній, нельзя не отдавать имъ справедливости, но, въ то же время, нельзя не чувствовать, что все это опыты, дѣлавшіеся, такъ сказать, ошучью. Никто не смотритъ вглубь, никто не видитъ корня. Многіе, напримѣръ, прославились тѣмъ, что разыскали цѣлую массу недомокъ...

— Высыскали массу недомокъ! Какъ ты, однакожь, легко объ этомъ говоришь!

— Да, но прежде нежели удивляться этому подвигу, спроси себя: что такое недомки и откуда онѣ? Недомки и благоустроенное хозяйство—развѣ это понятія совмѣстимыя? Развѣ слово «недомки» можетъ быть допущено въ сколько-нибудь приличномъ административномъ лексиконѣ! Россія—и недомки! Это безконечная карта, на неизмѣри-

момъ пространствѣ которой человекъ на каждомъ шагѣ понираетъ неисчерпаемыя богатства—и какой-нибудь милліонъ, два милліона, три милліона недоимокъ! *Quelle misère!* Какое горькое, оскорбительное сопоставленіе!

Я зналъ, что это основной тезисъ чухломской школы. Развитіе творческихъ силъ народа съ цѣлью столь безпреступнаго взисканія податей и сборовъ, которое исключало бы самое понятіе о «недоимкѣ»; изысканіе новыхъ источниковъ производительности, въ видахъ воспособленія государственному казначейству, и, наконецъ, упраздненіе военныхъ экзекуцій, какъ средства, не всегда достигающаго цѣли и, при томъ, сопряженнаго съ издержками для казны—вотъ вся сущность чухломской конституціи. Но никогда я не слыхалъ ее высказанною съ такою безповоротною опредѣленностью!

— Если бъ начальство могло слышать тебя, *Serge*, какъ бы оно порадовалось!—сказалъ я

— Все это я ужъ объяснилъ тому слѣдусть. И что всего удивительнѣе, всѣ слушали меня какъ будто я рассказываю какія-то чудеса!

— Какъ же не чудеса! Помилуй! Жизнь безъ недоимокъ! отсутствіе экзекуцій! новые источники! Какихъ еще больше чудесъ!

— Никакихъ чудесъ нѣтъ. Нужно только терпѣніе... и, конечно, немного умѣнья...

— *Avec beaucoup de patience et...* знаю! Но вѣдь, говорятъ, ты въ имѣніи своемъ, дѣйствительно, устроилъ что-то необыкновенное?

— Ничего необыкновеннаго. Никакихъ чудесъ. Я работалъ, и былъ такъ счастливъ, что нѣкоторые изъ моихъ опытовъ дали результаты... поразительные! Вотъ и все.

— Напримѣръ, помѣсь налива и леща... *parlez-moi de ça!*

— Ну, да, это такъ. Это опытъ удачный. Но самъ по себѣ онъ не имѣетъ еще большого значенія. Онъ важень... онъ дѣйствительно важень... но лишь въ связи съ другими

подобными же опытами, долженствующими дать совершенно новыя основанія нашей сельской жизни. Рыбоводство, скотоводство, свиноводство, садоводство — tout se lie, tout s'enchaîne dans ce monde! А моя система — это именно цѣлый міръ!

— Рыбоводство, скотоводство... и тутъ же рядомъ, такъ сказать, во главѣ всего... помпадурство! Какъ ты соединишь это? Какимъ образомъ устроишь ты такъ, чтобъ помпадурство не препятствовало скотоводству, и наоборотъ?

— Ничего нѣтъ проще. Стѣдуетъ только сказать самому себѣ: надо дѣлать совершенно противоположное тому, что дѣлаютъ всѣ прочіе помпадуры, — и результаты получатся громадные. Пойми меня, душа моя. Большинство помпадуровъ главною цѣлью своей дѣятельности поставило такъ-называемую внутреннюю политику. Они ничего другого не признаютъ, кромѣ войны, ничѣмъ другимъ не занимаются, кромѣ пререканій съ обывателями. Вслѣдствіе этого они предпринимаютъ болѣе или менѣе отдаленные походы, производятъ экзекуціи, расточаютъ, разгоняютъ и въ довершеніе всего безпокоятъ начальство донесеніями. Понятно, что при такихъ условіяхъ скотоводство не можетъ процвѣтать. Я же, напротивъ того, прежде всего говорю себѣ: никакой внутренней политики нѣтъ и не должно быть! Все это вздоръ, потому что не существуетъ даже предмета, противъ котораго эта политика могла бы быть направлена.

— Ну, это ты, кажется, ужъ черезъ край хватилъ!

— Напротивъ того, и если ты послѣдуешь за мной въ развитіи моей мысли, ты, конечно, согласишься со мной. Итакъ, raisonnons. Обозрѣвая à vol d'oiseau населеніе какаго бы то ни было края, что мы видимъ? Во-первыхъ, мы видимъ сотни, тысячи, сотни тысячъ, милліоны, цѣлое море мужиковъ. Спрашиваю тебя: если я буду истреблять, посредствомъ внутренней политики, мужиковъ—кто будетъ платить подати? кто будетъ производить то, безъ чего я,

какъ человѣкъ извѣстныхъ привычекъ, не могу обойтись? кто, наконецъ, доставить матеріалъ для цѣлой статистической рубрики подъ названіемъ: «движеніе народонаселенія»? Но этого мало: скажу тебѣ по секрету, что нашъ мужикъ даже не боится внутренней политики, потому просто, что не понимаетъ ея. Какъ ты его ни донимай, онъ, все-таки, будетъ думать, что это не «внутренняя политика», а просто Божеское поущеніе, въ родѣ мора, голода, наводненія, съ тою лишь разницею, что на этотъ разъ воплощеніемъ этого поущенія является помпадуръ. Нужно ли, чтобъ онъ понималъ, что такое внутренняя политика?—на этотъ счетъ мнѣнія могутъ быть различны; но я, съ одной стороны, говорю прямо: берегитесь, господа! потому что какъ только мужикъ пойметъ, что такое внутренняя политика—*p,i=ni, c'est fini!*

— Гм!.. да... пожалуй, что это и такъ. Сказываютъ, и шахъ персидскій тоже такое мнѣніе высказалъ. Говорятъ, что когда его въ Парижѣ спросили, какая страна ему больше понравилась, то онъ отвѣтилъ: «*Moi... Russie... politique jamais!.. hurra toujours... et puis айда!*» И такъ это, сказываютъ, Макъ-Маговшѣ понравилось, что она тутъ же выразилась: «и у насъ, говорить, ваше величество, къ будущему пріѣзду вашему то же будетъ!»

— Ну, вотъ видишь ли! Но продолжаю. Во-вторыхъ, среди моря мужиковъ, я вижу небольшую группу дворянъ и еще меньшую группу кушцовъ. Если я направлю внутреннюю политику противъ дворянъ—кто же будетъ исправлять должность опоры? съ кѣмъ буду я проводить время, играть въ ералаши, танцовать на балахъ? Ежели я расточу кушцовъ—у кого я буду ѣсть пироги? Остается, стало-быть, только одно четвертое сословіе, которое могло бы быть предметомъ внутренней политики,— это сословіе ни-гилистовъ.

— Итакъ, ты совершенно отвергаешь внутреннюю политику?

— Да, совершенно. Это исходный пункт моей программы. Искушать и уничтожать только болота, а прочее все оплодотворять. Это, коли хочешь, тоже своего рода внутренняя политика, но политика созидающая, а не расточающая. Затѣмъ я приступаю ко второй половинѣ моей программы и начинаю съ того, что przygotowляю почву, необходимую для будущаго сѣянiя, то-есть устраняю вредные элементы, которые могутъ представлять неожиданныя препятствiя для моего дѣла. Такихъ элементовъ я, главнѣйшимъ образомъ, усматриваю три: пьянство, крестьянскiе семейные раздѣлы и общинное владѣнiе землей. Вотъ три гидры, которыя мнѣ предстоитъ побѣдить. Прежде всего, разумѣется — пьянство, какъ противникъ, пользующiйся особенной популярностью. Но ты позволишь мнѣ вмѣсто дальнѣйшихъ объясненiй прочесть уже заготовленный мною по этому предмету циркуляръ.

Быстрицынъ порылся въ карманѣ своего мундира и вытащилъ изъ него бумажку, которую онъ, очевидно, показывалъ ужъ не мнѣ первому.

«Въ виду постоянно развивающагося пьянства, я считаю долгомъ изложить вамъ мой взглядъ на сей важный предметъ,—началь онъ.—Но прежде всего я чувствую потребность надлежащимъ образомъ установить точку зрѣнiя, на которой вы должны стоять при чтенiи настоящаго циркуляра. Я отнюдь не намѣренъ настаивать на полномъ изыятiи водки изъ народнаго употребленiя. Кромѣ того, что это задача мнѣ непосильная, я очень хорошо понимаю, что въ нашемъ суровомъ климатѣ совершенно обойтись безъ водки столь же трудно, какъ, напримѣръ, жителю пламенной Италiи трудно обойтись безъ макаронъ и безъ живительныхъ лучей солнца, а обитателю болѣе умѣренной полосы, нѣмцу — безъ кружки пива и колбасы. Водка полезна во многихъ случаяхъ — я это знаю. Во-первыхъ, при согрѣтiи оковеннѣвшихъ на холодѣ членовъ; во-вторыхъ, при угощенiи друга; въ-третьихъ,— при болѣзняхъ.

Кто не знаетъ цѣлительныхъ свойствъ рижскаго бальзама и водокъ, на манеръ онаго выдѣливаемыхъ? Кому не известны водки: полынная, желудочная, анисовая, перцовая и, наконецъ, архіерейскіи настой?! Рюмка, выпитая передъ обѣдомъ, помогаетъ пищеваренію; точно такъ же рюмка и даже двѣ, выпитыя въ обществѣ хорошихъ знакомыхъ, ободряютъ духъ человѣка, дѣлаютъ его склоннымъ къ дружеству и къ веселому изліянію чувствъ. Общежитіе безъ водки невысказуемо. И, конечно, тотъ можетъ почесть себя истинно счастливымъ, кто знаетъ, на какой рюмкѣ ему остановиться, или, лучше сказать, кто рядомъ прозорливыхъ надъ собою наблюденій сумѣлъ въ точности опредѣлить, послѣ какой счетомъ рюмки онъ становится пьянъ. Но, къ сожалѣнію, свойственная человѣку самонадѣянность не всякому дозволяетъ достигнуть сего желательнаго для преусушанія народной нравственности результата.

«Вотъ объ этой-то послѣдней, *пьяной*, рюмкѣ и намѣренъ я бесѣдовать съ вами.

«Гдѣ, въ какомъ притонѣ, въ какомъ товариществѣ человѣкъ находитъ сію пагубную для него рюмку? Дома онъ не найдетъ ея, ибо здѣсь его остановитъ заботливая рука жены, умоляющіе взоры воспитанныхъ въ страхѣ Божіемъ дѣтей и, наконецъ, благожелательный совѣтъ друга. Въ гостяхъ онъ тоже не найдетъ ея, ибо тутъ его остановитъ простое чувство приличія. Очевидно, стало-быть, что онъ найдетъ ее въ такомъ убѣжищѣ, за порогомъ котораго оставляется не только чувство приличія, но и воспоминаніе о семейномъ очагѣ и его радостяхъ. Это мрачное убѣжище — долженъ ли я называть его? — это кабакъ! Здѣсь отецъ семейства, выпивъ пагубную рюмку, потребуетъ еще пагубнѣйшей, и затѣмъ, заложивъ сперва сапоги, потомъ шубу, незамѣтно утратитъ уваженіе къ самому себѣ. Здѣсь мать семейства, выведенная изъ терпѣнія безобразнымъ видомъ упившагося мужа, начинаетъ собственноручно расправляться съ нимъ въ виду плачущихъ и недоумѣваю-

щих дѣтей. Здѣсь едва вышедшій изъ колыбели ребенокъ уже притворяется пьянымъ и ломается въ угоду развратной толпѣ.

«Вотъ мрачная картина пьянства и тѣхъ безобразныхъ вертеповъ, въ которыхъ оно производится. Надѣюсь, что ея достаточно, чтобъ возбудить въ людяхъ благонамѣренныхъ отвращеніе и даже тошноту. А потому, и имѣя въ виду, что пьянство, сверхъ всего вышеизложеннаго, есть главная причина недоимокъ»...

— Ну, тамъ — какъ обыкновенно: слѣдить, наблюдать, увѣщевать и т. д. Ну, какъ по-твоему? убѣдительно?

— Превосходно! Особливо объ этой рюмкѣ... Я, братъ, самъ это на себѣ испыталъ! Пьешь-пьешь иногда — и все ничего; и вдругъ — эта рюмка! Такъ вотъ словно и скотить тебя! Только я, признаться, думаю, что не въ одномъ кабакѣ можно эту рюмку найти. Вотъ я, на примѣръ, въ кабакѣ не бывалъ, а эту рюмку знаю!

— Еще бы! а я-то?! Но вѣдь мы... на насъ вѣдь недоимокъ нѣтъ; да и время у насъ свободное — кому до насъ надобность! Ну, а мужикъ — *c'est autre chose!*

— Да, братъ, мужикъ — это точно, что *autre chose*. Ему нельзя эту рюмку знать, потому что, кромѣ того, что рюмка сама по себѣ денегъ стоитъ, она еще и расчеты его всѣ запутываетъ. Ему, на примѣръ, чѣмъ-свѣтъ встать надо, рожь на базаръ везти, а у него голова трещить. Ему санишки изладить нужно, а у него руки дрожать, онъ вмѣсто полоза-то — по рукѣ себя топоромъ тяпнулъ!.. Да, мужикъ — это именно *autre chose!* За нимъ еще какъ за ребенкомъ ходить надобно, чтобъ онъ, значить, въ непрестанныхъ физическихъ трудахъ находился... тогда, и только тогда, онъ объ одной рюмкѣ забудеть!

— Вотъ это-то именно я и желаю внушить своимъ подчиненнымъ!

— И прекрасно. Ну-съ, а теперь далѣе.

— Далѣе я поведу войну съ семейными раздѣлами и

общиннымъ владѣніемъ. Циркуляры по этимъ предметамъ еще неготовы, но они у меня ужь здѣсь (онъ ткнулъ себя указательнымъ пальцемъ въ лобъ). Теперь же я могу сказать тебѣ только одно: въ моей системѣ это явленія еще болѣе вредныя, нежели пьянство; а потому я буду преслѣдовать ихъ съ болышею энергіей, нежели даже та, о которой ты получилъ понятіе изъ сейчасъ прочитаннаго мной документа.

Въ его голосѣ звучало такое искреннее убѣжденіе, такая несомнѣнная рѣшимость, что мнѣ невольно пришло на мысль: да, если этотъ человѣкъ не попадетъ подъ судъ, то онъ покажетъ, гдѣ раки зимуютъ!

— Послушай, однакожь, мой другъ, вѣдь все это: и семейные раздѣлы, и община, и круговая порука — все это находится подъ защитой закона! Стало-быть, ты хочешь сдѣлаться паскудскимъ законодателемъ? Но безопасно ли это?

— *Pas de malsaines théories! restons dans la pratique!* Практика въ этомъ случаѣ — самый лучшій отвѣтъ. Начнемъ хоть съ тебя. Ты, вотъ, сидишь теперь у себя въ квартирѣ, и ужь, конечно, чувствуешь себя подъ защитой закона. И вдругъ — фюить! — *et vous êtes à mille verstes de votre chez-soi, de vos habitudes, de vos amis, de la civilisation... que sais-je enfin!* Вѣдь это возможно, спрашиваю я тебя?

— Конечно, оно не невозможно, но...

— Никакихъ «но»! фюить — и больше ничего! Теперь спрашиваю тебя: ежели я, какъ помпадуръ, имѣю возможность обойти законъ ради какого-то «фюить», то неужели же я поцеремонюсь сдѣлать то же самое, имѣя въ виду совершить нѣчто дѣйствительно полезное и плодотворное?

— Да, это такъ. То-есть, коли хочешь, оно и не «такъ», но ужь если допустить въ принципѣ, что можно дѣлать все, что хочешь, то лучше свиней разводить, нежели вращать зрачками. Итакъ, это рѣшено. Ты исполнилъ первую половину своей программы, ты разорилъ кабаки, поло-

жилъ предѣлъ семейнымъ раздѣламъ, упразднилъ общину... затѣмъ?

— Затѣмъ начинается собственно положительная часть моего предпріятія. Оплодотвореніе, орошеніе, разведеніе улучшенныхъ породъ скота, указаніе лучшихъ способовъ воздѣлыванія земли и проч. Тутъ я ужъ какъ у себя дома.

— То-есть, какъ въ своемъ собственномъ чухломскомъ хозяйствѣ?

— Да, это будетъ продолженіемъ моего чухломскаго хозяйства. Но ты не можешь себѣ представить, какіе поразительные результаты я иногда получалъ! Вотъ тебѣ одинъ примѣръ изъ множества: въ 1869 году я приобрѣлъ себѣ ютландскаго борова и ютландскую свинью — какъ ты думаешь, сколько у меня въ настоящую минуту свиней?

— Любопытно!

— Слушай же. Въ 1870 году свинья, въ два раза, принесла мнѣ двадцать поросятъ; въ числѣ ихъ пять боровковъ, изъ которыхъ я трехъ съѣлъ...

— Вкусные?

— Масло. Нѣжность, манность, таяніе... rien de plus exquis! У васъ, въ Петербургѣ, не имѣютъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія! Осталось пятнадцать свинокъ и два боровка. Въ 1871 году та же свинья дала еще двадцать поросятъ, изъ которыхъ семь боровковъ; пять я съѣлъ. Въ 1872 году у меня было на-лицо, кромѣ родичей, двадцать восемь свинокъ и четыре боровка. Въ 1872 году весь первый приплодъ былъ пущенъ на племя; старую свинью откормили и зарѣзали на ветчину; съ старымъ боровомъ слѣдовало бы поступить такъ же, но жаль стало: какъ производитель, онъ неоцѣнимъ. Я оставилъ его, comme qui dirait, для усиленія департамента, какъ оставляютъ старыхъ, опытныхъ чиновниковъ. Пятнадцать молодыхъ свиней, подобно матери своей, поросились по два раза и принесли... триста поросятъ! Изъ нихъ я съѣлъ тридцать пять боровковъ. Къ 1873 году числилось: пятнадцать свиней

приплода 1870 года и тринадцать — приплода 1871 года и четыре борова (старого борова зарѣзали) — все это было пущено на племя. Сверхъ того, на скотномъ дворѣ бѣгло двѣсти тридцать свинокъ и тридцать пять боровковъ. Въ 1873 году результатъ полученъ неслыханный: двадцать восемь свиной принесли... шестьсотъ поросятъ! Изъ нихъ продано и зарѣзано: двадцать свиной и двѣсти поросятъ. Къ 1874 году числилось на-лицо: четыреста поросятъ и, сверхъ того, двѣсти тридцать восемь свиной и тридцать одинъ боровъ, которые всѣ пущены на племя. Чтѣ будетъ въ 1874 году — не знаю!

— Душа моя! — испугался я: — но вѣдь такимъ образомъ можно весь шаръ земной покрыть свиньями!

— И можно бы, если бъ этому не препятствоваль ножъ и человѣческая плотоядность! Но представъ себѣ этотъ результатъ въ примѣненіи къ народному хозяйству! Представъ себѣ его какъ одно изъ многочисленныхъ административныхъ средствъ, находящихся въ моихъ рукахъ... Какой могущественный рычагъ!

Онъ умолкъ, но лицо его говорило краснорѣчивѣе словъ. Все оно сіяло мягкимъ, благожелательнымъ сіяніемъ, все было озарено мыслью: это по части свиной; затѣмъ пойдуть коровы, овцы, лошади, куры, гуси, утки! Я, съ своей стороны, тоже молчалъ, потому что мною всецѣло овладѣла мысль; сколько-то будетъ свиной у Быстрицына въ 1900 году? Съ какимъ свинымъ багажемъ онъ закончитъ XIX-е и вступитъ въ XX-е столѣтіе нашей эры?

— И какой навозъ, — продолжалъ онъ вдохновенно: — почти солдатскій! Вѣдь это осуществленіе той мечты, которая не даетъ спать истинному хозяину!

— Итакъ, ты начнешь свою дѣятельность въ Паскудскѣ съ разведенія свиной?

— Желалъ бы; но, къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что эта мѣра слишкомъ радикальная. Ça prète trop au calembour. Поэтому я начну съ племенныхъ быковъ. На

первый разъ я брошу въ обращеніе по одному на каждую волость: это немного, но ты увидишь, какія они надѣлаютъ чудеса! Да, мой другъ! Міръ экономическій — это міръ чудесъ по преимуществу. Пусти въ народное обращеніе какого-нибудь симентальскаго быка — и черезъ десять лѣтъ ты не узнаешь мѣстности. Природа, люди — все будетъ другое. На мѣсто болотъ — цвѣтущіе луга, на мѣсто обнаженныхъ полей — обильныя пажити...

— Изумительно!

— Говорю тебѣ: это цѣлый міръ волшебствъ!

— Но на чьи же деньги пріобрѣтешь ты симентальскихъ быковъ?

— Га! Это ужъ они сами! Мой долгъ подать совѣтъ и наблюсти, чтобъ снѣ былъ выполненъ, а деньги — это они сами.

— Разумѣется! Твой долгъ — указать, ихъ долгъ — исполнить!

— Добровольно, *mon cher*, добровольно! Моя система не требуетъ принужденій! Я являюсь на сходъ лично и объясняю...

— Ты! помпадуръ! на сходѣ... и лично!

— Да, душа моя, лично! Я забываю все это мишурное величіе и на время представляю себѣ, что я — простой, добрый деревенскій староста. Итакъ, я являюсь на сходъ и объясняю. Затѣмъ, ежели я вижу, что меня недостаточно поняли, я поручаю продолжать дѣло разъясненія исправнику. И вотъ, когда исправникъ объяснитъ окончательно — тогда, по его указанію, составляется приговоръ и прикладываются печати... И новая хозяйственная эра началась!

— Прелестъ! Мнѣ остается удивляться только одному: какъ это до сихъ цорь тебя проглядѣли! Какъ дозволили тебѣ хоть одну лишнюю минуту прозябать въ Чухломѣ!

Въ отвѣтъ на это Быстрицынъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ на меня такъ мило и такъ любовно, что я не удержался и сбнялъ его. Обнявшись, мы долго ходили по комнатамъ

моей квартиры и все мечтали. Мечтали о всеобщемъ возрожденіи, о золотомъ вѣкѣ, о «курицѣ въ супѣ» Генриха IV, и, кажется, дошли даже до того, что по секрету шепнули другъ другу фразу: à chacun selon ses besoins.

— А начальство? развивалъ ли ты передъ нимъ свои мысли?—спросилъ я, когда мы вдоволь намечтались.

— Въ восхищеніи!

— Ну, и слава Богу!

Словомъ сказать, я такъ пріятно провелъ время, какъ будто присутствовалъ на первомъ представленіи «La Belle Hélène». Согласитесь, что для первой недѣли великаго поста это очень и очень недурно!

Но другъ мой Глумовъ сумѣлъ - таки разрушить мое очарованіе.

По обыкновенію, онъ вошелъ ко мнѣ мрачный. Мимоходомъ пожалъ мнѣ руку, бросилъ на столъ картузь, усялся на диванъ и угрюмо закурилъ папиросу.

— А у меня сейчасъ Быстрицынъ былъ, — сказалъ я: — онъ въ Паскудскъ помпадуромъ ѣдетъ!

— Скатертью дорога!

— Послушай! Вѣдь ты знаешь, что онъ послѣдователь или, лучше сказать, основатель той чухломской школы помпадуровъ-внжителей, которая..

— Знаю.

— Ну, такъ онъ рассказывалъ мнѣ свой планъ дѣйствій. Ахъ, это очень серьезно, очень, очень серьезно, что онъ задумалъ!

— Напримѣръ?

— Вообрази себѣ, прежде всего онъ хочетъ уничтожить пьянство; потомъ онъ положить предѣлъ крестьянскимъ семейнымъ раздѣламъ и, наконецъ, упразднить сельскую общину... Словомъ сказать, онъ предполагаетъ дѣйствовать à la Pierre le Grand... Изумительно, не правда ли?

— То-есть, упразднить и уничтожить à la Pierre le Grand; а что же онъ, вмѣсто всего этого, à la Pierre le Grand заведетъ?

— Полеводство, птицеводство, скотоводство... mais tout un système! Все это они въ Чухломѣ надумали. Вообрази, онъ въ 1869 году приобрѣлъ для себя ютландскаго борова и ютландскую свинью, и какъ ты думаешь, сколько у него теперь свиней?

— Почему мнѣ знать!

— Въ 1874 году его свиное стадо заключало въ себѣ двѣсти тридцать восемь свиней, тридцать одного борова и четыреста поросятъ. Это въ пять лѣтъ — отъ одной пары родчей! И замѣть, что стадо было бы вдвое многочисленнѣе, если бъ онъ отчасти самъ не ѣлъ, а отчасти не продавалъ лишнихъ поросятъ. Каковъ результатъ!

— Ничего, результатъ важнецкій... хоть бы Коробочкѣ! Только вѣдь Коробочка à la Pierre le Grand не дѣйствовала, съ сводомъ законовъ не воевала, общинъ не упразднила, а плодила и приканливала, не выходя изъ той сферы, которая вполнѣ соответствовала ся разумнѣю!

Удивительный человекъ этотъ Глузовъ! Такое иногда сопоставленіе вклеить, что просто всякую нить разговора потеряешь съ нимъ. Вотъ хоть бы теперь: ему о Pierre le Grand говоришь, а онъ, ни съ того, ни съ сего, Коробочку приплетъ. И это онъ называетъ «вводить предметъ диспута въ его естественныя границы»! Сколько разъ убѣждалъ я его оставить эту манеру, которая не столько убѣждаетъ, сколько злитъ — и все не въ прокъ.

«Мнѣ, говорить, дѣла нѣтъ до того, что дуракъ обижается, когда вещи по именамъ называютъ! Да и какой прокъ отъ лганья? Вотъ навозъ испоконъ вѣка принято называть «золотомъ», а развѣ отъ этого онъ сдѣлался дѣйствительнымъ золотомъ?» И замѣйте, это — человекъ служащій, то-есть докладывающій, представляющій на усмотрѣніе, дающій объясненія, получающій чины и кресты, и т. д. Какъ онъ

справляется тамъ съ своими сопоставленіями? Правда, онъ иногда говаривалъ мнѣ: «на службѣ, братъ, я всё пять чувствъ теряю»,—но все-таки какъ-то подозрительно! Какъ ни зажимай носъ, а очутишься съ начальствомъ лицомъ къ лицу — волей-неволей обонять придется!

— Ну, съ какой стати ты Коробочку привелъ? — упрекнулъ я его. — Я сказалъ, что Быстрицынъ намѣревается дѣйствовать à la Pierre le Grand... Положимъ, что я употребилъ выраженіе несвойственное, даже преувеличенное, но все-таки...

— Нимало не преувеличенное. У насъ нынче куда ни обернись — все Пьеръ-ле-Граны! дешевле не берутъ и не отдаютъ. Любой помпадуръ ни о чемъ иномъ не думаетъ, кромѣ того, какъ бы руку на что-нибудь наложить или какой-нибудь монументъ на воздухъ взорвать. И все а-ля Пьеръ-ле-Гранъ. Летитъ, братецъ, онъ туда, въ «свое мѣсто», словно буря, «тьма отъ чела, съ посвиста пыль», летитъ и все одну думу думаетъ: разорю! на законъ наступлю! А-ля Пьеръ-ле-Гранъ, значить. А загляни-ка ты ему въ душу: для какой такой, молъ, причины, ты, милый человекъ, на законъ наступить хочешь? — анъ у него тамъ ничего нѣтъ, кромѣ «фюнтъ» или шального «проекта все-россійскаго возрожденія, посредствомъ распространенія улучшенныхъ породъ поросать»!

— Душа моя! у тебя натура художественная, и потому ты слишкомъ охотно преувеличиваешь! Ты даже самъ не замѣчаешь этого, а, право, преувеличиваешь! Къ чему это странное уподобленіе бурѣ? Къ чему эти выраженія: «разорю! на законъ наступлю»? И это — въ примѣненіи къ Быстрицыну! Къ Быстрицыну, который, не далѣе какъ полчаса тому назадъ, клялся мнѣ, что вся его система держится на убѣжденіи и добровольномъ соглашеніи! Къ Быстрицыну, который лично — понимаешь! онъ, помпадуръ, и лично! — намѣренъ посѣщать крестьянскіе сходы! Гдѣ же тутъ «разорю»?

— Опомнись! Да вѣдь ты сейчасъ же самъ говорилъ, что онъ сельскую общину упразднить хочетъ, что онъ намѣревъ семейные раздѣлы прекратить!?

— Да, но согласиись, что съ экономической точки зрѣнія, это вѣдь вещи дѣйствительно вредныя; что при существованіи ихъ человѣкъ, который намѣревается положить начало новой сельскохозяйственной эрѣ, не можетъ же не чувствовать себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ!

Фраза эта вылилась у меня совершенно нечаянно, но, признаюсь, очень мнѣ понравилась. Я даже вознамѣрился, пользуясь симъ случаемъ, прочесть Глумову краткую экономическую предикку, въ которой изяснить, что съ одной стороны несомнѣнно доказано, а съ другой стороны опыты народовъ свидѣтельствуютъ... Но, къ удивленію моему, Глумовъ не только не увлекся моимъ краснорѣчіемъ, но даже разсердился. Онъ вскочилъ съ дивана и нѣкоторое время не говорилъ, а только разѣвалъ ротъ, какъ человѣкъ, находящійся подъ впечатлѣніемъ сильнѣйшаго гнѣва.

— Да кто же тебѣ сказали! — разразился онъ, наконецъ, но, къ удовольствію моему, тотчасъ же сдержалъ себя, и уже спокойнымъ, хотя все же строгимъ голосомъ продолжалъ:—Слушай! дѣло не въ томъ, вредны или полезны тѣ явленія, которыя Быстрицынъ намѣревается сокрушить, въ видахъ безпрепятственнаго разведенія поросятъ, а въ томъ, имѣеть ли онъ право дѣйствовать à la Pierre le Grand относительно того, что находится подъ защитой дѣйствующаго закона?

— Представь себѣ, я вѣдь самъ сдѣлалъ ему именно это возраженіе!

— Ну?

— И знаешь, что онъ отвѣтилъ мнѣ? Онъ отвѣтилъ: «если можно обойти законъ для того, чтобы безпрепятственно произносить «фюить», то неужели же нельзя его обойти въ видахъ возрожденія?» И я вынужденъ былъ согласиться съ нимъ!

— И ты «вынужденъ былъ согласиться съ нимъ!» — передразнивалъ меня Глумовъ.

— Да, потому что если можно дѣлать все, что хочешь, то, конечно, лучше дѣлать что-нибудь полезное, нежели вредное!

Я такъ искусно игралъ силлогизмомъ: «полезная вещь полезна; Быстрицынъ задумалъ вещь полезную; слѣдовательно задуманное имъ полезно», что Глумовъ даже вытаращилъ глаза. Однако, онъ и на этотъ разъ сдержалъ себя.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ:—ну, Быстрицынъ упразднитъ общину и разведетъ поросятъ.

— Не однихъ поросятъ! Это только одинъ примѣръ изъ множества! Тутъ цѣлая система: скотоводство, птицеводство, пчеловодство, табаководство...

— И даже хрѣноводство, горчицеводство... пусть такъ. Допускаю даже, что все пойдетъ у него отлично. Но представь себѣ теперь слѣдующее: сосѣдь Быстрицына, Петенька Толстолобовъ, тоже пожелаетъ быть реформаторомъ а-ля Шьеръ-ле-Гранъ. Видитъ онъ, что штука эта идетъ на рынкѣ бойко и думаетъ: семь-ка, я удеру штуку, прекращу празднованіе воскресныхъ дней, а вмѣсто того заведу клоповодство!

— И опять-таки преувелпченіе! Клоповодство! Преувелпченіе, душа моя, а не возраженіе!

— Хорошо; уступаю и въ этомъ. Ну, не клоповодствомъ займется Толстолобовъ, а устройствомъ... положимъ, хоть фаланстеровъ. Вѣдь Толстолобовъ — парень рѣшительный: ему всякая штука въ голову можетъ придти! А на него глядя, и Оеденька Кротиковъ возопіетъ: а нутко я насчетъ собственности пройдуся! И тутъ же, не говоря худого слова, декретируетъ: жить всѣмъ, какъ во времена апостольскія живали! Какъ ты думаешь, ладно такъ-то будетъ?

Увы! я даже не могъ отвѣтить на вопросъ Глумова. Я страдалъ. Я такъ жаждалъ «отрадныхъ явленій», я такъ твердо былъ увѣренъ въ томъ, что не дальше, какъ черезъ

два-три мѣсяца прочту въ «нашей уважаемой газетѣ» корреспонденцію изъ Паскудска, въ которой будетъ изображено: «Съ нѣкотораго времени нашъ край поистинѣ сдѣлался ареной отрадныхъ явленій. Давно ли со всѣхъ сторонъ стекались мірскіе приговоры объ уничтоженіи кабаковъ, какъ развратителей нашего добраго, простодушнаго народа,—и вотъ снова отовсюду притекають новыя приговоры, изъ коихъ явствуетъ, что сельская община въ сознаніи самихъ крестьянъ является единственнымъ препятствіемъ къ пышному и всестороннему развитію нашей производительности!» Да, я ждалъ всего, я надѣялся, я предвкушалъ! И вдругъ—картина! Клоповодство, фаланстеры, возвращеніе апостольскихъ временъ! И что всего грустнѣе—я не могъ даже сказать Глумову: ты преувеличиваешь! ты говоришь неправду! Увы! я слишкомъ хорошо зналъ Толстолобова, чтобы позволить себѣ подобное обличеніе. Да, онъ ни передъ чѣмъ не остановится, этотъ жестоковѣрный человѣкъ! Онъ покроетъ міръ фаланстерами, онъ разрѣжетъ грошъ на миллионъ равныхъ частей, онъ засѣетъ всѣ поля персидской ромашкой! И при этомъ будетъ, какъ вихрь, летать изъ края въ край, возглашая: га-га-га, го-го-го! Сколько онъ переверкаетъ, сколько людей перекалѣчить, сколько добра погадить, покажетъ самъ, наконецъ, упадетъ подъ судъ! А вмѣсто него другой придетъ и начнетъ переверканное расковеркивать и опять возглашать: га-га-га, го-го-го! Вѣдь были же картофельныя войны, были попытки фаланстеровъ въ формѣ военныхъ поселеній, были импровизированныя, декорационныя селенія, дороги, города? Что осталось отъ этихъ явленій! И что стоило ихъ коверканье и расковерканье!

— А я бы на твоемъ мѣстѣ,—продолжалъ, между тѣмъ, Глумовъ,—обратился къ Быстрицѣ съ слѣдующею рѣчью: Быстрицѣ! ты бесспорно хорошій и одушевленный добрыми намѣреніями человѣкъ, но ты берешься за такое дѣло, которое ни въ какомъ случаѣ тебѣ не принадлежитъ.

Хороша ли сельская община, или дурна, препятствует ли она развитію производительности, или не препятствует— это вопросъ спорный, рѣшеніе котораго (и въ особенности рѣшеніе практическое) вовсе до тебя не относится. Предоставь это рѣшеніе тѣмъ, кто прямо заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ; самъ же не мудрствуй, не смущай умовъ и на законъ не наступай! Помни, что ты—помпадуръ, и что твое дѣло не созидать, а слѣдить за цѣлостью созданнаго. Созданы, на примѣръ, гласные суды—ты, какъ левъ, стремись на защиту ихъ! Созданы земства—смотри, чтобы даже вѣтеръ не смѣлъ вѣнуть на нихъ! Тогда ты будешь почтень и даже при жизни удостоишься монумента. Творчество же оставь и затѣмь—гради съ миромъ.

— Но что же, наконецъ, дѣлать?—воскликнулъ я съ тоскою.—Что дѣлать, ежели, съ одной стороны, для административнаго творчества нѣтъ арены, ежели, съ другой стороны, суды препятствуютъ, земства препятствуютъ, начальники отдѣльныхъ частей препятствуютъ, и ежели, за всѣмъ тѣмъ, помпадуръ обладаетъ энергіей, которую надобно же какъ-нибудь помѣстить?.. Гдѣ же исходъ?

— А ежели человѣкъ ужъ черезъ край изобилуетъ энергіей, то существуетъ прелестное слово: «фюнтъ», которое даже самаго жестоковѣйнаго человѣка по горло удовлетворить можетъ!

— Фюнты! помилуй! Да это, наконецъ, постыдно!

— Постыдно, даже глупо, но до извѣстной степени отвѣчаетъ потребностямъ минуты. Во-первыхъ, нечего больше говорить. Во-вторыхъ, это звукъ, который, какъ я уже сказалъ, представляетъ очень удобное помѣщеніе для энергіи. Въ-третьихъ, это звукъ краткій и потому затрогивающій только единичныя явленія. Тогда какъ пресловутое зыждительство разомъ коверкаетъ цѣлый жизненный строй...

XI.—Единственный.

УТОПИЯ.

Это былъ несомѣнно самый простодушный помпадуръ въ цѣломъ мірѣ.

Природа создала его въ одну изъ тѣхъ минутъ благодатной тишины, когда изъ материнскаго ея лона на всѣхъ льется миръ и благоволеніе. Въ эти краткія мгновенія во множествѣ рождаются на свѣтъ люди не весьма прозорливые, но скромные и добрые; рождаются и, къ сожалѣнію, во множествѣ же и умирають... Но умныя муниципалитеты подстерегають уцѣлѣвшихъ и, по достиженіи ими законнаго возраста, ходатайствуютъ о нихъ передъ начальствомъ. И современиемъ пользуются плодами своей прозорливости, то-есть бываютъ счастливы.

Увы! съ каждымъ днемъ подобныя минуты становятся все болѣе и болѣе рѣдкими. Нынче и природа дѣлается словно озлобленною, и все творить помпадуровъ неумныхъ, но злыхъ. Злые и неумные, они мечутся изъ угла въ уголь и въ безумной рѣзвости скачутъ по доламъ и по горамъ, воздымая прахъ земли и наполняя имъ вселенную. Съ чего рѣзвятся? надъ кѣмъ и надъ чѣмъ празднуютъ побѣду?

Но этотъ помпадуръ, даже среди необыкновенныхъ, былъ самый необыкновенный. Начальственнаго любомудрія не было въ немъ нисколько. Во время прогулокъ, когда прохожіе снимали передъ нимъ шапки, онъ краснѣлъ; когда же усматривалъ, что часовой на тюремной гауптвахтѣ, завидѣвъ его, готовится дернуть за звонокъ, то мысленно желалъ провалиться сквозь землю и немедленно сворачивалъ куда-нибудь въ сторону.

— Не люблю я этихъ выбѣганій!—говорилъ онъ.—Прибѣгутъ, какъ шальныя, вышучать глаза, ружьями кидать гачнуть—что хорошаго!

Даже съ квартальными онъ позволялъ себѣ быть просто-

душнымъ. Не допускалъ, чтобы кварталный ожесточалъ обывателя, не скорбѣлъ, когда и обыватель забывалъ о кварталномъ.

— Квартальный, — говорилъ онъ, — *всенепременно* долженъ быть сытъ, одѣтъ и обутъ; обыватель же все сіе воленъ исполнить по мѣрѣ-возможности. Ежели онъ и не очень сытъ, то съ него не взыщется!

Ни наукъ, ни искусствъ онъ не зналъ; но если попадалась подъ руку книжка съ картинками, то разсматривалъ ее съ удовольствіемъ. Въ особенности нравилась ему повѣсть о походахъ Робинзона Крузо на необитаемомъ островѣ (къ счастью, изданная съ картинками).

— Эту книгу, — выражался онъ, — всякій русскій чело-вѣкъ въ настоящее время у себя на столѣ безсмѣнно дер-жать долженъ. Потому, кто можетъ зараньше опредѣлить, на какой онъ островъ попасть можетъ? И сколько, тепе-рича, есть въ нашемъ отечествѣ городовъ, гдѣ ни хлѣба испечь не умѣютъ, ни супу сварить не изъ чего! А ежели кто эту книгу основательно знаетъ, тотъ самъ все сіе и испечетъ, и сваритъ, а по времени, быть-можетъ, даже и другихъ къ употребленію подлинной пищи приспособитъ!

Въ администраціи онъ былъ философъ, и былъ убѣжденъ, что самая лучшая администрація заключается въ отсутствіи таковой.

— Ежели я живу смирно и лишняго не выдумываю, — внушалъ онъ своему письмоводителю, — то и всѣ прочіе будутъ смирно жить. Ежели же я буду выдумывать, а тѣмъ паче писать, то непременно что-нибудь выдумаю: либо утѣ-неніе, либо просто глупость. А тогда и прочіе начнутъ выдумывать, и выйдетъ у насъ смятеніе, то-есть кавардакъ.

Этого мало: онъ даже полагалъ (и, быть-можетъ, не безъ основанія), что въ каждой занумерованной и писанной на бланкѣ бумагѣ непременно заключается чья-нибудь поги-бель, а потому принималъ себѣ за правило изъ десяти пода-ваемыхъ ему къ подписи бумагъ подписывать только одну.

— Вы ко мнѣ съ бумагами какъ можно рѣже ходите,— говорилъ онъ письмоводителю:— потому что я не разорять пріѣхалъ, а созидать-сь. Погубить человѣка не трудно-сь. Черкнулъ: «Помпадуръ 4-й», и нѣтъ его. Только я совѣмъ не того хочу. Я и самъ хочу быть живъ, и другимъ того же желаю. Чтобъ все были живы: и я, и вы, и прочіе-сь! А ежели вамъ невтерпѣжь бумаги писать, то можете для своего удовольствія строчить сколько угодно, я же поддिसывать не согласенъ.

Иногда онъ развивалъ свои административныя теоріи очень подробно.

— Всякій,—говорилъ онъ,—кого ни спросите, что онъ больше любить, будни или праздникъ,—навѣрное отвѣтитъ: праздникъ. Почему-сь? А потому, государь мой, что въ праздникъ начальники бездѣйствуютъ, а слѣдовательно нѣтъ ни бунтовъ, ни соотвѣствующихъ имъ экзекуцій. Я же хочу, чтобъ у меня всякій день праздникъ былъ, а чтобы будни, въ которые бунты бывають, даже изъ памяти у всехъ истребились!

Или:

— До сихъ поръ такъ было, что обыватель тогда только считалъ себя благополучнымъ, когда начальникъ находился въ отсутствіи. Сіи дни праздновали и, въ ознаменованіе общей радости, ѣли пироги. Почему, спрашиваю я васъ, все сіе именно такъ происходило? А потому, государь мой, что съ отъѣздомъ начальника наставала тишина. Никто не скакалъ, не кричалъ, не слѣшили, а слѣдовательно и не сквернословилъ-сь. Я же хочу, чтобы на будущее время у меня такъ было: если я даже присутствую, пускай всякій полагаетъ, что я нахожусь въ отсутствіи!

Но что болѣе всего привлекало къ нему сердца — это административная стыдливость, доходившая до того, что онъ не могъ произнести слово «сѣчь», чтобъ не сгорѣть при этомъ со стыда.

Когда онъ прибылъ въ городъ, то прежде всего, раз-

умѣется, пожелать ознакомиться съ дѣлами. Письмоводитель сразу вынесъ ему цѣлый ворохъ. Но когда онъ развернулъ одно изъ нихъ, то первая попавшаяся ему на глаза фраза была слѣдующая:

«... когда же начали ихъ сѣчь...»

Онъ покраснѣлъ и поспѣшно обратился къ другому дѣлу. Но тамъ тоже было написано:

«... а потому начали ихъ сѣчь вновь...»

Тогда онъ покраснѣлъ еще больше, и съ этой минуты рѣшился разъ навсегда никакихъ дѣлъ не читать.

— Всѣ дѣла въ такомъ родѣ?—застѣнчиво обратился онъ къ письмоводителю.

— Послабленій не допускается-сь.

— Какая, однакожь, печальная необходимость!—задумчиво воскликнулъ онъ, и затѣмъ шопотомъ продолжалъ:— И часто бываютъ у васъ революціи?

— Одна въ годъ—это какъ калачъ испечь, а то такъ и двѣ.

— Грустно! И зачѣмъ это люди дѣлаютъ революціи—не постигаю! Не лучше ли жить смирно, аккуратно и быть счастливыми... безъ революцій?

— Осмѣлюсь доложить, это все умники-сь. А глядя на нихъ, и дураки заимствуются-сь.

Помпадуръ задумался.

— А знаете ли, — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—какая мнѣ вдругъ мысль въ голову пришла?

— Не могу знать-сь.

— Что революціей собственно никакихъ вѣтъ и не бывало-сь!

Письмоводитель даже глаза выпучилъ: до того неумѣстоно показалась ему подобная выходка со стороны чело-вѣка, называющаго себя помпадуромъ.

— Какъ это возможно-сь?—бормоталъ онъ.—Всѣ квар-тальные въ одинъ голосъ доносятся-сь!

Но помпадуръ уже не слушалъ возраженій и, ходя въ волненіи по комнатѣ, убѣжденнымъ голосомъ говорилъ:

— Да-съ; нѣтъ революцій, и не бывало! Вы думаете, что было во Франціи въ 1789 году? революція-съ? Отнюдь-съ! Просто-на-просто умные люди объ умныхъ предметахъ промежду себя разговоръ хотѣли имѣть, а господамъ французскимъ квартальнымъ показалось, что какія-то революціи затѣваются-съ!

Эта мысль была для него какъ бы откровеніемъ. Заручившись ею, онъ вдругъ совершенно ясно созналъ все, что дотолѣ лишь смутно мелькало на днѣ его доброй души.

— Да-съ, — продолжалъ онъ развивать свой взглядъ: — если бѣ господа квартальные поостереглись, многихъ бы неприятностей можно было избѣжать! Да и что за радость отыскивать революціи — не постигаю! Если бѣ даже доподлинно таковыя въ зародышѣ существовали, зачѣмъ оныя преждевременно пробуждать и накликать-съ? Не лучше ли тихимъ манеромъ это дѣло обдѣлать, чтобы оно, такъ сказать, изморомъ изныло, чѣмъ во всеуслышаніе объявлять: вотъ, молъ, мы каковы! каждый годъ по революціи дѣлаемъ! А ежели ужъ нельзя это паскудство скрыть, то все же предварительно увѣщевать, а не сѣчь господъ революціонеровъ надлежить!

— Пытали этакъ-то... — скептически замѣтилъ письмоводитель.

— Нѣтъ, вы поймите меня! Я подлинно желаю, чтобы всѣ были живы! Вы говорите: во всемъ виноваты «умники». Хорошо-съ. Но ежели мы теперича всѣхъ «умниковъ» изведемъ, то какъ вы полагаете, великъ ли мы авантажъ получимъ, ежели съ одними дураками останемся? Вамъ, государь мой, конечно, оно неизвѣстно, но я по собственному опыту эту штуку отлично знаю! Однажды, доложу вамъ, въ походѣ мнѣ три дня пришлось глазъ-на-глазъ съ дуракомъ просидѣть, такъ я чуть рукъ на себя не наложилъ! Такъ-то-съ.

Письмоводитель нѣсколько разъ разѣвалъ ротъ для возраженій, но тщетно. Онъ ходилъ по комнатѣ и твердилъ

свое: «не вѣрю! ничему я этому не вѣрю». Наконецъ, остановился и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Не только въ революціи, я даже въ чорта не вѣрю. И вотъ по какому случаю. Однажды, будучи въ кадетскомъ корпусѣ—разумѣется, съ голоду—пожелалъ я продать чорту душу, чтобы у меня каждый день булокъ вволю было. И что же-съ? Вышелъ я ночью во дворъ-съ и кричу: «чортъ! явись!» Анъ вмѣсто чорта-то явился вахтеръ, заарестовалъ меня, и я въ то время чуть-чуть не подвергся исключенію-съ. Вотъ оно, легковѣріе-то, къ чему ведетъ!

— Оно точно-съ,—отвѣчалъ письмоводитель, но какъ-то вяло, какъ будто ему до смерти хотѣлось спать:—многіе нынче въ чорта не вѣрують!

— И знаете ли что еще?—продолжалъ онъ, горячася все больше:—всѣ эти розказни объ революціяхъ напоминають мнѣ исторію съ жидомъ, у котораго въ носу свистѣло. Идетъ онъ по лѣсу и весь даже въ поту отъ страха: все кажется, что кругомъ разбойники пересвистываются! И только ужъ когда онъ вдоволь надрожался, вдругъ его словно обухомъ по головѣ: «а вѣдь это у меня въ носу».. Такъ-то-съ.

И дѣйствительно, какъ ни старались квартальные измѣнить его взглядъ на дѣла внутренней политики, онъ оставался непоколебимъ и на всѣ предостереженія неизмѣнно давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Нѣтъ революцій-съ, нѣтъ и никогда не бывало-съ!

Мало того: даже арестовалъ квартальнаго Перепелкина, когда тотъ, весь блѣдный и почти ополоумѣвшій отъ страха, прибѣжалъ объявить, что въ сосѣдней роцѣ снигири затѣяли бунтъ.

— Это вы, милостивый государь, бунтъ затѣваете,—сказалъ онъ ему:—а не снигири-съ! Снигирь—птица небольшая и къ ученію склонная-съ—зачѣмъ ей бунтовать? Застрѣлить ее недолго-съ; только кто же тогда въ нашихъ

рощахъ свистѣть будеть-съ? Извольте, государь мой, снять сапоги и сѣсть подъ арестъ-съ!

И что же вышло? Сначала, дѣйствительно, обывателямъ казалось нѣсколько страннымъ, что выискался такой помпадуръ, который не вѣрить въ бунты, но мало-по-малу и они начали освоюваться съ этимъ взглядомъ. Прошелъ годъ, прошелъ другой; снигири свистали и щебетала во всѣхъ рощахъ, а революціи все не было.

— А мы думали, что это-то самая революція и есть, — толковали межъ собой обыватели: — поди жъ ты!

Онъ же, ласковый и простодушный, ходилъ по улицамъ, и не только никого не ловилъ, но, напротивъ того, радовался, что всякій при какомъ-нибудь дѣлѣ находится, а онъ одинъ ничего не дѣлаетъ и тѣмъ цѣлому городу счастье приноситъ.

Однакожь, было одно напоминаніе, которое угнетало его, и это напоминаніе заключалось въ словѣ: помпадуръ.

Среди разнообразія помпадурскихъ прерогативъ онъ въ особенности боялся одной: предстоящаго ему выбора помпадурши. Въ безчисленномъ множествѣ помпадуршъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ исторія, онъ не зналъ ни одной, которая довела бы своего помпадура до добра. Въ сознаніи своего помпадурства, онъ, еще будучи въ кадетскомъ корпусѣ, до малѣйшей подробности изучилъ литературу этого вопроса, и убѣдился, что въ концѣ помпадурскихъ любовныхъ предпріятій никогда ничего не стояло, кромѣ гибели. И что всего важнѣе — гибель была такъ сладка, что помпадуры сами влеклись къ ней и утопали въ морѣ утѣхъ, нимало не заботясь о своевременномъ выполненіи получаемыхъ отъ начальства предписаній. Опутанные любовными сѣтями, помпадуры, несомнѣнно бодрые, дѣлались въ самое короткое время неузнаваемыми. Тѣлодвиженія ихъ утрачивали развязность, глаза становились тусклыми и неспособными проникать въ сердца подчиненныхъ; языкъ

отказывался отъ произнесенія укорительныхъ выраженій; даръ сердцевѣдѣнія пропадалъ совершенно. Все это онъ понималъ—и за всѣмъ тѣмъ чувствовалъ, что надъ нимъ тяготѣетъ фатумъ, котораго онъ ни предотвратить, ни отдалить не въ силахъ.

Искушенія, которыя преслѣдовали его съ самой минуты прїѣзда въ городъ, придавали еще болѣе цѣны его борьбѣ. Еще не успѣлъ онъ какъ слѣдуетъ ознакомиться съ мѣстнымъ обществомъ, какъ уже стало ясно, что усилія всѣхъ первѣйшихъ въ городѣ дамъ направлены къ тому, чтобы какъ можно скорѣе пробудить въ немъ инстинктъ помпадурства. Узнавали, какія онъ любитъ плечи, какой ростъ, цвѣтъ волосъ, походку. Нѣкоторыя выхваляли при этомъ добродушіе своихъ мужей и давали понять, что съ этой стороны никакихъ опасеній не можетъ существовать. Но онъ какъ-то загадочно относился ко всѣмъ этимъ занскиваніямъ и оболъщеніямъ.

— Всякая походка хороша-съ, ежели ее украшаетъ добродѣтель,—отвѣчалъ онъ на ухаживанья, а ежели замѣчалъ, что и затѣмъ какая-нибудь предприимчивая предсѣдательша или начальница отдѣльной части продолжаетъ дѣйствовать наступательно, то вѣжливо шаркалъ ножкой и уходилъ прочь.

Очевидно, что у него былъ свой планъ, осуществленіе котораго онъ отложилъ до тѣхъ поръ, пока фатумъ окончательно не пристигнетъ его. Планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы, не уклоняясь отъ выполненія помпадурскаго назначенія, устроить это дѣло такъ, чтобы оно, по крайней мѣрѣ, не сопровождалось пушечною пальбою.

Прежде всего, вниманіе его, разумѣется, остановилось на такъ-называемой благородной интригѣ. Но, разсмотрѣвъ этотъ проектъ со всѣхъ сторонъ, онъ долженъ былъ сознаться, что осуществленіе его сопряжено со множествомъ случайностей, которыя положительно могутъ замутивать административную ясность его души. Что высокопоставленная

помпадурша отличается большею нѣжностью и близкою кожи и вообще смотреть какъ-то сытѣе, нежели помпадурша изъ низкаго званія — это было для него ясно. Но этимъ и ограничивались всѣ преимущества, а затѣмъ открывался цѣлый рядъ такихъ неудобствъ, которыя не выкупались ни роскошью бюста, ни тонкостью прикрывающаго его батиста.

— Удовольствіе отъ этихъ кружевницъ все то же-съ, только крику больше,—отвѣчалъ онъ услужливымъ людямъ, соблазненнымъ его картиною помпадурши, утопающей въ батистѣ и кружевахъ. Затѣмъ онъ уже не возвращался болѣе къ этому плану.

Надлежало сыскать другую комбинацію, и онъ дѣятельно занялся этимъ. Самою лучшею казалась, конечно, такая, при которой мягкое тѣло соединялось бы съ простодушіемъ. Счастливое соединеніе этихъ качествъ можно было найти или въ средѣ упитаннаго и взлелѣяннаго пуховиками купечества, или въ средѣ мѣщанства, занимающагося содержаніемъ постоянныхъ дворовъ, харчевенъ и кабаковъ. Но тутъ же встрѣчались серьезныя препятствія, которыя невозможно было пройти безъ вниманія. Во-первыхъ, онъ предвидѣлъ, что мѣстная аристократія никакъ не проститъ ему связи съ мѣщанкой. Во-вторыхъ, онъ задумывался и надъ тѣмъ, какъ посмотреть на подобную связь начальство. Конечно, съ точки зрѣнія государственной, лучше, если помпадуръ выбираетъ себѣ помпадуршу изъ низкаго званія, ибо это содѣйствуетъ слиянію сословіи. Но не всякій начальникъ способенъ возвыситься до государственной точки зрѣнія; большая же часть дѣйствуетъ просто, безъ высшихъ точекъ зрѣнія, смотря по тому, какая система помпадурства, батистовая или затрапезная, господствуетъ въ данную минуту.

Однимъ словомъ, какъ онъ ни углублялся, ни взвѣшивалъ, все было мракъ и сомнѣніе въ этомъ вопросѣ. Ни уставовъ, ни регламентовъ—ничего. Одно оставалось яснымъ

и несомнѣннымъ: что онъ помпадуръ и что не-помпадурство-
вать ему невозможно.

А судьба уже бодрствовала за него, и на сей разъ бодр-
ствовала совершенно правильно, ибо помогала добродѣ-
тельнѣйшему изъ всѣхъ въ мѣрѣ помпадуровъ выйти съ
честью изъ затрудненія.

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе трогательное
и наивное, какъ исторія его сближенія съ нею.

Шелъ онъ однажды по городу и, по обыкновенію, ни-
кого не ловилъ. И вдругъ видитъ: стоитъ у дверей кабака
баба и грызетъ подсолнухи. Баба была какъ всѣ вообще
бабы, выросшія въ холѣ подъ сѣнію постоялаго двора или
за прилавкомъ кабака: широкая, толстомясая, большегла-
зая, съ круглымъ лицомъ и такъ-называемыми сахарными
грудами. Однакожъ, онъ тотчасъ же сообразилъ, что если
эту бабу въ хорошія руки, то она *вся* сдѣлается сахарная.
Но такъ какъ дѣло было днемъ, то сейчасъ приступить
онъ не рѣшился, а только посѣменилъ ножками, чтобъ дать
бабѣ понять.

По наступленіи вечера, онъ снова пошелъ по тому же
направленію и увидѣлъ, что баба опять стоитъ у дверей,
очевидно уже не случайно. Она была примыта, пригла-
жена, скалила зубы и не безъ лукавства смотрѣла на него
своими выпученными глазами.

«Сахарная будетъ!» — молвилъ онъ про себя и, по-
дойдя къ бабѣ, спросилъ отрывисто: — Вы чьихъ-съ?

— Была мужняя, теперъ вдова стала, — отвѣтила она,
заалѣвшись.

— Кабакъ — вашъ-съ?

— Съ батюшкой хозяйствуемъ.

— Меня знаете-съ?

— Своихъ начальниковъ да не знать!

Онъ нѣкоторое время стоялъ и, видимо, хотѣлъ что-то
сказать; быть-можетъ, онъ даже думалъ сейчасъ же предло-
жить ей раздѣлить съ нимъ бремя власти. Но вмѣсто того

только развѣвалъ ротъ и ткнулся корпусомъ впередъ. Она тоже молчала и, повернувъ въ сторону рдѣющее лицо, потихоньку смѣялась. Вдругъ онъ взглянулъ впередъ и увидѣлъ, что изъ-за угла сосѣдняго дома высовывается голова частнаго пристава и съ любопытствомъ слѣдитъ за его движеніями. Какъ ужаленный, онъ круто повернулъ направо кругомъ и быстрыми шагами сталъ удаляться назадъ.

Цѣлый тотъ вечеръ онъ тосковалъ и болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалъ себя помпадуромъ. Чтобы разсѣять себя, илѣлъ сигналы, повторялъ одиночное ученіе, но и это не помогало. Наконецъ, усѣлся у окна противъ мѣсяца и началъ млѣть. Но въ эту минуту явился частный приставъ и разрушилъ очарованіе, доложивъ, что пойманъ съ поличнымъ мошенникъ. Надо было видѣть, какъ онъ векипѣлъ противъ этого ретиваго чиновника, уже двукратно нарушившаго млѣніе души его.

— Восца у васъ, милостивый государь!—кричалъ онъ.— Сколько разъ говорено вамъ: оставьте! Оставьте, милостивый государь, русскимъ языкомъ повторяю я вамъ!

Но по уходѣ пристава тоска обуяла еще пуще. Цѣлую ночь метался онъ въ огнѣ, и ежели забывался на короткое время, то для того только, чтобъ и во снѣ увидѣть, что онъ помпадуръ. Наконецъ, истощивъ всѣ силы въ борьбѣ съ бессонницей, онъ покинулъ одинокое ложе и принялся за чтеніе «Робинзона Крузо». Но и тутъ его тотчасъ же поразила мысль: что было бы съ нимъ, если бы онъ, вмѣсто Робинзона, очутился на необитаемомъ островѣ? Какимъ образомъ исполнилъ бы онъ свое назначеніе?

Ни спать, ни читать не представлялось никакой возможности...

— Сахарная! — вскричалъ онъ въ какомъ-то дикомъ изступленіи и тотчасъ же собрался бѣжать.

Было раннее утро; заря едва занялась; городъ спалъ; пустынные улицы смотрѣли мертво. Ни единого звука,

кромѣ нерѣшительнаго чириканья кое-гдѣ просыпающихся воробьевъ; ни единаго живого существа, кромѣ боязливо озирающихся котовъ, возвращающихся по домамъ послѣ ночныхъ походовъ (какъ онъ завидовалъ имъ!). Даже собаки — и гдѣ спали у воротъ, свернувшись калачикомъ и вздрагивая подѣ вліаніемъ утренняго холода. Надъ городомъ висѣлъ туманъ; тротуары были влажны; деревья въ садахъ заснули, словно повитыя волшебной дремой.

Онъ шелъ и чувствовалъ, что онъ помпадуръ. Это чувство ласкало, пѣжило, манило его. Ни письмоводителя, ни квартальнаго, ни приставовъ — ничего не существовало для него въ эту минуту. Несмотря на утренній полусумракъ, воздухъ казался проникнутымъ лучами; несмотря на глубокое безмолвіе, природа казалась изнемогающею подѣ бременемъ какого-то кипучаго и нетерпѣливо-просящагося наружу ликовація. Онъ зналъ, что онъ помпадуръ, и зналъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Грудь его саднило; блаженство катилось по всѣмъ его жиламъ.

И вдругъ его обожгло. Изъ-за перваго же угла, словно изъ-подъ земли, выросъ квартальный и, гордый сознаніемъ исполненнаго долга, дѣлалъ рукою подѣ козырекъ. Въ испугѣ онъ взглянулъ впередъ; тамъ, въ перспективѣ, видѣлся цѣлый лѣсъ квартальныхъ, которые, казалось, только и ждали момента, чтобъ вытянуться и сдѣлать подѣ козырекъ. Онъ понялъ, что и на сей разъ его назначеніе, какъ помпадуръ, не будетъ выполнено.

На другой день онъ собралъ квартальныхъ и сказалъ имъ:

— Я желаю, господа, чтобъ вы не беспокоили себя по почамъ.

Но квартальные не поняли и гаркали, что имъ не въ тягость, а въ сласть, и т. п.

— Я желаю, господа, чтобъ вы не беспокоили себя по почамъ! — все еще кротко, но уже вразумительнѣе повторилъ онъ.

Но квартальные продолжали гаркать. Тогда онъ понялъ, что тутъ существуетъ недоразумѣніе, и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Русскимъ языкомъ вамъ, прохвосты, говорю: не смѣть меня подстергать по ночамъ!

Квартальные поняли.

Благодаря этой мѣрѣ, «они» свидѣлись. Озираясь и крадучись, пробрался онъ на зарѣ въ Развѣзную слободку, гдѣ стоялъ *ея* домикъ. Квартальные притворились спящими. Будочники, завидѣвъ его приближеніе, исчезали въ подворотни сосѣднихъ домовъ. *Она* стояла у открытаго окна... *она!* Широкая, дородная, бѣлая, вся сахарная! Она ждала.

— Вы-съ? — спросилъ онъ полу-дерзновеннымъ, полу-испуганнымъ голосомъ.

Стыдясь, она закрыла лицо рукавомъ, но слышно было, какъ уста ея шептали: «ахъ! великія наши согрѣшенія!»

— Желаете ли вы, сударыня, жить со мною внѣ онаго, но все равно какъ бы въ ономъ? — спросилъ онъ ее твердымъ голосомъ.

Она слегка дрогнула, но все еще перемогала себя.

— Слушай-ко, — сказала она, не то кокетничая, не то маскируя свое смущеніе: — я вамъ лучше загадку загаду. *Взяну я въ окошко, стоитъ рыны лукошко,*—что, по вашему, будетъ?

— Рѣна-съ! — отвѣчалъ онъ, и даже хихикнулъ отъ нереполнявшаго его умиленія.

— Анъ звѣзды!

— Звѣзды-съ? — изумился онъ.

Послѣдовала минута молчанія; оба тяжело и порывисто дышали, а онъ даже чуть-чуть сопѣлъ. Она прервала томительное безмолвіе.

— Вѣдь ты, поди, для лакомства? — сказала она чуть слышно.

Онъ замычалъ.

— Ежели для одного лакомства будешь любить, — про-

должала она. — и въ томъ я вамъ запрещаю! Извольте безъ труда оставить!

Онъ замычалъ вторично.

— И что ты во мнѣ, въ бабѣ, лестнаго для себя нашель?! — вдругъ вскрикнула она, простирая руки.

Она сама не знала, за что онъ ее полюбилъ.

— За что ты меня любишь? — говорила она ему: — что ты во мнѣ, бабѣ, лестнаго для себя нашель? Ни я по-французскому, ни я принять, ни поговорить! Вотъ развѣ тѣло у меня бѣлое...

— За тѣло-съ и за простоту-съ, — отвѣчалъ онъ, спѣша успокоить ея сомнѣнія.

И точно: простоты она была необыкновенной. Даже квартальнымъ — и тѣмъ жаловалась:

— За что онъ меня полюбилъ? Жила я, баба заугольная, въ сору да въ навозѣ копалась — анъ, нѣтъ! и тутъ онъ до меня проникъ! и тутъ меня, простую бабу, сыскалъ!

Квартальные почтительно вздрагивали и отвѣчали:

— За простоту-съ. Сами они ужъ оченно просты. Такъ просты, такъ просты!

Насталъ какой-то волшебный рай, въ которомъ царствовало безпримѣрное блаженство. Прежде онъ нерѣдко бывалъ подверженъ приливамъ крови къ головѣ, но теперь и эту болѣзнь какъ рукой сняло. Вся фигура его приняла бодрый и дѣятельный видъ, совершенно, впрочемъ, лишенный характера суетливости, а выразившій одно внутреннее довольство. Когда онъ шелъ по улицѣ, привѣтливый взглядъ его, казалось, каждому говорилъ: живи! И каждый жилъ, ибо зналъ, что начальствомъ ему во-истину жить дозволено.

День проходилъ такъ быстро, что иногда онъ ропталъ, зачѣмъ сутки заключаютъ въ себѣ только двадцать четыре часа. Утромъ, вставши рано, онъ отправлялся въ Разъ-

Взжую слободку и уже доро́гой начиналъ млѣть. Домикъ, служившій цѣлью его посѣщеній, принялъ веселый и чистенькій видъ. Кабака не осталось и слѣдовъ; стѣны были обиты тесомъ и выкрашены свѣтло-сѣрою краскою; на окнахъ висѣли бѣлыя занавѣски и стояли горшки съ неатѣйливыми растеніями. Внутри все было тоже выскоблено, привычно и вымыто. Ни мухи, ни таракана; прохлада и тишина. Только съ другой половины, изъ стряпущей, допоспѣлъ стукъ ножей и звяканіе ухватовъ и сковородъ, по это даже усугубляло очарованіе. Запахъ мяты и липоваго цвѣта былъ господствующимъ; къ нему, по временамъ, когда отворялась дверь, примѣшивался запахъ жареныхъ пироговъ, но и онъ не омрачалъ картины блаженства, но прибавлялъ ей еще больше цѣлы. Даже куры, которыя кудахтали на дворѣ, и тѣ, казалось, не спроста кудахтали, а во свидѣтельство исполненія желаній.

Вся раскрасѣвшаяся отъ стряпни, она выбѣгала къ нему навстрѣчу; и онъ не находилъ ни въ этой краснотѣ, ни въ капляхъ пота, выступавшихъ на лицѣ ея, ничего противнаго законамъ изящнаго. Онъ зналъ, что она обливалась потомъ и выбивалась изъ силъ единственно ради него. По приходѣ его она прежде всего начинала допытываться, за что онъ ее, бабу, любитъ; онъ же, съ своей стороны, кротно и обстоятельно объяснялъ ей причину, и въ этомъ несложномъ разговорѣ мгновенія летѣли за мгновеніями; затѣмъ она начинала обнаруживать безпокойство и какимъ-то просительнымъ голосомъ спрашивала:

— Пирожка хочешь?

— А съ чѣмъ у васъ нынче пироги? — въ свою очередь, спрашивалъ онъ, дѣлая видъ, какъ будто не всякая начинка, приготовленная ея руками, можетъ быть ему по вкусу.

— Съ легкимъ нынче; капустки искали, да не нашли...

— Что жъ, и съ легкимъ хорошо... можно!

Появилась цѣлая сковорода шпаящихся пироговъ, кото-

рые исчезали одинъ за другимъ, а мгновенія летѣли себѣ да летѣли. Потомъ она принималась опять допытываться, за чтò онъ ее, бабу, любитъ — и опять летѣли мгновенія. Иногда къ бесѣдѣ присоединялся старикъ, отецъ ея, но отъ него большой пользы не было, потому что, какъ только закрыли его кабакъ, онъ тотчасъ же отъ горести ослѣпъ и оглохъ.

Тѣмъ не менѣе, «слѣпенькій батюшка» все еще жаждалъ дѣятельности и, пользуясь ея офиціознымъ положеніемъ, непрерывно къ ней приставалъ. Однажды она даже попробовала завести объ этомъ разговоръ съ *нимъ*.

— Хоть бы ты въ базарные смотрители его произвелъ, — сказала она: — а то онъ совсѣмъ отъ ѣды отбился — все пить!

— Не просите-сь, — сказалъ онъ твердо: — ибо я для того собственно съ вами знакомство свелъ, дабы казенный интересъ соблюсти! Какой онъ смотритель-сь! Онъ сейчасъ же первымъ дѣломъ всю провизію съ базара къ себѣ притащить-сь! Послѣдствіемъ же сего явятся недоимщики-сь. Станутъ говорить: оттого мы податей не платимъ, что помнадуриниъ отецъ имѣніе наше грабитъ. Въ какомъ я тогда положеніи буду? Недоимщиковъ съчь — неправильно-сь; родителя вашего казнить — пріятно ли для васъ будетъ?

— Голубчики! да вѣдь онъ слѣпенькій, куда ему за провизіей гнаться! Ему бы жалованье-то получить!

— Это ничего, что слѣпенькій: услышитъ, чѣмъ пахнетъ — прозритъ-сь! А хоть бы и насчетъ жалованья — вы думаете, жалованье-то съ неба падаетъ?

— Ну его!

— Нѣтъ-сь, оно не съ неба-сь, а все съ тѣхъ же сходитъ, которые вотъ поросятами да пндѣйками насъ кормятъ-сь! Я это, въ кадетскомъ корпусѣ обучаясь, очень твердо узналъ-сь!

Но размолвки подобнаго рода происходили рѣдко и тот-

часть же прекращались, ибо какъ онъ только начиналъ обнаруживать величіе души, она перемѣняла разговоръ и начинала допытываться, за что онъ ее, бабу, любитъ. Тогда вновь начиналось подробное разсмотрѣніе этого вопроса, и всѣ недоумѣнія прекращались сами собою.

Среди отдохновеній онъ нерѣдко вступалъ съ нею и въ административные разговоры, всегда въ полной увѣренности, что возрѣнія ея вполне соответствуютъ его собственнымъ возрѣніямъ.

— Вчера ко мнѣ вора привели, — говорилъ онъ: — да я его отпустилъ-съ.

— И Христось съ нимъ! — отвѣчала она.

— Я такъ на этотъ счетъ разсуждаю, что все это они дѣлають съ голоду-съ.

— А то съ чего же! Безъ нужды да воровать! Тутъ стыда не ѡберешься! Я вотъ давно ужъ хочу тебя спросить: отчего между благородными меньше воровства, нежели, напримѣръ, между нашимъ братомъ, простымъ народомъ?

Оттого, что у благороднаго болѣе благородныхъ чувствъ. Стыдится-съ. А тоже и между благородными бываетъ воровство, только, по обширности своей, не имѣетъ презрительнаго вида.

Ахъ, грѣхи наши тяжкіе! — вздыхала она.

Да-съ; я насчетъ этого еще въ кадетскомъ корпусѣ такую мысль получилъ: кто хочетъ по совѣсти жить, тотъ долженъ такъ это дѣло устроить, чтобъ не было совѣмъ надобности воровать! И тогда все будетъ въ порядкѣ: квартальнымъ будетъ легко, и сѣчь не за что, и обыватели почувствуютъ себя въ безопасности-съ!

— Голубчикъ ты мой! — говорила она, смотря съ умиле-ніемъ ему въ глаза.

— Да-съ, я давно ужъ такъ думаю, и надѣюсь, что усилія мои не останутся безплодными. Главное въ этомъ дѣлѣ — имѣть въ виду, что воръ есть человекъ. Я самъ однажды

такимъ манеромъ въ кадетскомъ корпусѣ булку у товарища увороваль... Что же-съ!

— И за что ты меня, простую бабу, полюбилъ!

Этимъ восклицаніемъ окончательно заключалось утреннее отдохновеніе. Онъ припоминалъ, что его ждутъ «дѣла», и съ облегченнымъ сердцемъ выходилъ на улицу.

Дѣятельность обывателей, управлявшихся около домовъ своихъ, веселила его. Когда онъ встрѣчался съ человѣкомъ, имѣющимъ угрюмый видъ, онъ не наскакивалъ на него съ восклицаніемъ: «что волкомъ-то смотришь?» — но думалъ про себя: «вотъ человѣкъ, у котораго, должно-быть, на сердцѣ горе лежитъ!» Когда слышалъ, что обыватель предается звонкому и раскатистому смѣху, то также не обращался къ нему съ вопросомъ: «чего, каналья, пасть-то разинулъ?» — но думалъ: «вотъ милый человѣкъ, съ которымъ бы я охотно посмѣялся, если бы не былъ помпадуромъ!» Результатомъ такого образа дѣйствій было то, что обыватели начали смѣяться и плакать по своему усмотрѣнію, отнюдь не опасаясь, чтобы въ томъ или другомъ случаѣ было усмотрѣно что-либо похожее на непризнание властей.

Онъ любилъ, чтобъ квартальные были дѣятельны, но требовалъ, чтобъ дѣятельность эта доказывала только отсутствіе бездѣятельности. Когда онъ видѣлъ, что квартальный вдругъ куда-то поспѣшно побѣжить, потомъ остановится, понюхаетъ и, ничего не предпринявъ, тотчасъ же опять побѣжить назадъ — сердце его наполнялось радостью. И и за всѣмъ тѣмъ не проходило минуты, чтобъ онъ не кричалъ имъ вслѣдъ:

— Тише! тише! не заѣзжать!

Сначала квартальнымъ было трудно воздерживаться отъ заѣзжаній, ибо они были убѣждены, что заѣзжаніе представляетъ своего рода упрощеніе формъ и обрядовъ дѣлопроизводства; но такъ какъ они были легковѣрны (исключительно, впрочемъ, въ сношеніяхъ съ начальствомъ), то

ему не стоило почти никакого труда увѣрить ихъ, что «незаѣзжаніе» составляетъ форму дѣлопроизводства еще болѣе упрощенную, нежели даже «заѣзжаніе».

— Исторія, господа, никогда не останавливается, но непрерывно идетъ впередъ, — сказали онъ имъ. — Сначала люди жили въ дикости и не имѣли никакого дѣлопроизводства, а потому каждый заѣзжалъ каждому по мѣрѣ возможности. Потомъ это бросили, ибо исторія прослѣдовала впередъ-съ. Явились подьячіе, стригулисты, кляузники, которые, отмѣнивъ заѣзжаніе, стали являть посредствомъ проторей и убытковъ. Но для многихъ и это было неудобно, ибо время проходило въ волокитѣ, а при томъ же и исторія вновь прослѣдовала впередъ-съ. Тогда опять прибѣгли къ «заѣзжанію», какъ къ формѣ, оставляющей для заѣзжающихъ наиболѣе досуга, и такъ какъ общество постепенно разрасталось, то представилась необходимость разделить его членовъ на заѣзжателей и заѣзжаемыхъ. Такъ ли я, господа, говорю?

— Такъ точно-съ! истинная правда-съ! — кричали въ отвѣтъ квартальные, причемъ нѣкоторые, однакожь, вздыхали.

— Ну-съ, а теперь я вамъ объясню, почему и эта послѣдняя форма дѣлопроизводства оказывается нынѣ уже неудовлетворительною. Когда вы заѣзжали, милостивые государи, вамъ казалось, что вы совершали судъ скорый — это такъ. Но все же вы тратили на это не мало времени и, кромѣ того, испытывали неудовольствіе при видѣ побитыхъ носовъ. Затѣмъ вы горячились, выходили изъ себя и мало-по-малу истощали свое здоровье. Я зналъ многихъ курьеровъ, которые буквально усыяли дороги ямщичьими зубами, но какихъ всходовъ они отъ этого посѣва ожидали—это до сихъ поръ не открыто. Попробуйте теперича не заѣзжать совѣмъ, и вы увидите, что свободного времени останется у васъ больше, жалованье вы будете получать все то же, обыватель же немедленно приобрѣтетъ

сытый видъ и, слѣдовательно, также получить средство удѣлять по силѣ-возможности. И вы, и обыватели — всѣ будутъ въ выгодѣ-съ!

И дѣйствительно, предсказаніе это исполнилось съ буквальной точностью: не только обыватели, но сами квартальные приобрѣли сытый видъ и въ послѣдствіи даже удивлялись, какъ имъ не приходила въ голову столь простая и ясная мысль, что лучший способъ для приобрѣтенія сытаго вида заключается именно въ воздержаніи отъ заѣзжаний. Какъ только это средство пушено во внутреннюю политику, какъ руководящее, то жпръ самъ собою нагуливается, покуда не сформируется совершенно лоснящійся отъ сытости человѣкъ.

Среди этихъ хлопотъ не забывалъ онъ и своего писмоводителя, особливо ежели послѣдній черезчуръ ужъ приставалъ къ нему съ заготовленными проектами донесеній и отношеній.

— Доселѣ я подписывалъ изъ десяти бумагъ одну, — говорилъ онъ ему: — теперь же рѣшился такъ: не подписывать ни одной! Пускай всѣ объ нашемъ городѣ позабудутъ-съ — только тогда мы благополучно почивать будемъ-съ.

И, видя выраженіе унынія на лицѣ писмоводителя, прибавлялъ:

— А жалованье вы будете получать попрежнему-съ.

Такимъ образомъ наступало время обѣда, когда онъ обыкновенно возвращался домой. Къ обѣду приглашался писмоводитель и тотъ изъ квартальныхъ, который, на основаніи достовѣрныхъ фактовъ, могъ доказать, что онъ въ теченіе всего предшествующаго дня подлинно никого не обидѣлъ и никому не заѣзжалъ. Пицца подавалась жирная и съдобная, и онъ ѣлъ охотно, но вина остерегался и пилъ только квасъ.

— Вино — такая вещь, господа, — говорилъ онъ: — что мало выпить его невозможно, а много выпьешь — еще

больше захочется. А выпивши—особливо если кто въ помнадурскомъ званіи состоитъ—непремѣнно кого-нибудь обидишь. А потому я не пью, хотя другимъ препятствовать не желаю: пусть кушаютъ на здоровье!

Послѣ обѣда, по краткомъ отдохновеніи, онъ отира- влялся въ рощу и слушалъ щебечущихъ снигирей. Онъ не только не боялся ихъ, но всячески старался приручить. И точно: какъ только онъ появлялся въ рощѣ, они стаями слетались къ нему, садилась на плечи и на голову и кле- вали изъ рукъ моченый бѣлый хлѣбъ.

— Ахъ вы, бунтовщики мои, — говорилъ онъ какъ-то жалостливо:— между собой-то вы, милые, мирно ли живете?

Затѣмъ опять возвращался въ городъ, повторяя по пути квартальнымъ:

— Тихе! тихе! не заѣзжайте!

Наступалъ вечеръ; на землю спускались сумерки; въ домахъ зажигались огни. Выслушавъ перечень добрыхъ дѣлъ, совершенныхъ въ теченіе дня квартальными надзи- рателями, онъ отправлялся въ клубъ, гдѣ приглашалъ пред- водителя идти съ нимъ по стезѣ добродѣтели. Предводи- тель подавался туго, но такъ какъ поставленныя ему на видъ выгоды были до того ясны, что могли убѣдить даже малаго ребенка, то и онъ, наконецъ, уступилъ.

— Вы возьмите, какая это пріятность,—говорилъ онъ:— ежели вы теперича мужичку рубль простите, онъ навѣр- ное вамъ на три рубля сработаетъ, да, кромѣ того, свою любовь задаромъ вамъ подаритъ!

— Это чтѣ говорить!—колебался предводитель:—благо- дарности въ нихъ пропасть—это вѣрно!

— А тамъ, смотришь, ипдюшечка-съ, курочка-съ, яичекъ десяточекъ: самъ не съѣсть—все вамъ-съ!

— Это такъ! — повторялъ предводитель уже утверди- тельно, и тотчасъ же шелъ на базаръ и давалъ мужику рубль. Но такъ какъ онъ былъ даже простодушнѣе самого помнадура, то тутъ же прибавлялъ: — Ты смотри, я тебѣ

рубль подарилъ, а ты мнѣ на три сработай, да сверхъ того люби!

Однимъ словомъ, не только между купцами и мѣщанами, но даже въ клубѣ сумѣлъ онъ поселить миръ и любовь, и при томъ безъ всякихъ мѣръ строгости, съ помощью одного неизреченнаго своего простодушія.

Позднѣе, когда городъ уже стихалъ совершенно, онъ вновь отпиривался въ Разъѣзжую слободку; но такъ какъ квартальные спали во-истину, то никто не слышалъ, какъ изъ открытаго окна веселенькаго домика вылетало восклицаніе:

— И за что ты меня, бабу, любишь?!

Дни проходили за днями; городъ былъ забытъ. Начальство, не получая ни жалобъ, ни рапортовъ, ни вопросовъ, сначала заключило, что въ городѣ все обстоитъ благополучно, но потомъ, мало-по-малу, совершенно выпустило его изъ вида, такъ что даже не помѣстило въ списокъ населенныхъ мѣстъ, доставляемыхъ въ Академію Наукъ для календаря.

Помпадуръ торжествовалъ; помпадурша сдѣлалась поперекъ себя шире, но все еще не утратила плѣнительности. Въ теченіе десяти лѣтъ не случилось ни одного возстанія; снигири постепенно старѣлись и плодили другихъ снигирей; но и эти, подобно родителямъ, порхали лишь съ вѣтки на вѣтку, услаждая обывательскій слухъ своимъ щебетаньемъ и отнюдь не думая о революціяхъ; обыватели отъѣлись, квартальные отъѣлись, предводитель просто задыхался отъ жира. Одно было у всѣхъ на умѣ: заживо поставить помпадуру монументъ.

И вдругъ все это блаженство рушилось въ одну минуту, благодаря ничтожнѣйшему обстоятельству.

Помпадуръ совершилъ не все. Онъ позабылъ отвести отъ города пролегавшій черезъ него проѣзжій трактъ.

Въ одно прекрасное утро на стогнахъ города показался

легкомысленнаго вида человекъ, который, со стеклышкомъ въ глазу, гулялъ по городу, заходилъ въ лавки, нюхалъ, прицѣнивался, разспрашивалъ. Хотя основательные купцы на все его вопросы давали однѣ отвѣты: «проваливай!», но такъ какъ онъ и затѣмъ не унимался, то сочтено было за нужное предупредить объ этомъ странномъ обстоятельстве кварталныхъ. Квартальные, въ свою очередь, бросились къ градоначальнику.

— Открыли-сь! насъ открыли! — кричали они впопыхахъ.

Онъ поблѣднѣлъ, однакоже, не потерялъ надежды спасти дѣло рукъ своихъ. Поспѣшно надѣлъ онъ на себя мундиръ, прицѣнилъ шпагу и отправился на базаръ отыскивать напугавшаго всехъ незнакомца.

— Кто вы таковы-сь? и не угодно ли пожаловать мнѣ вашъ видъ? — спросилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Незнакомецъ молча подаль свою дорожную. Въ дорожной значилось: «NN, экспертъ отъ наукъ, отправляется по Россіи для изслѣдованія богатствъ, скрывающихся въ недрахъ земли».

— Странно, что вашего города даже на географическихъ картахъ не значится! — замѣтилъ экспертъ отъ наукъ, пока онъ разсматривалъ дорожную.

— Ничего страннаго нѣтъ-сь! Сей городъ до настоящей минуты былъ самъ по себѣ столь благополученъ, что не было надобности ему о себѣ объявлять-сь! — отвѣчалъ онъ съ горечью и затѣмъ, не входя въ дальнѣйшія объясненія, повернулъ назадъ и пошелъ по направленію къ Разъѣзжей слободкѣ.

Пропишествіе это въ свое время надѣлало очень много шуму, ибо въ нашъ просвѣщенный вѣкъ утерять изъ виду цѣлый городъ съ самостоятельною цивилизаціей и съ громадными богатствами въ недрахъ земли — дѣло не шуточное. Прислана была слѣдственная комиссія, которая горючо принялась за дѣло и прежде всего изумилась край-

нему изобилію совершенно сытыхъ и при томъ ручныхъ снѣгирей. Долго она старалась проникнуть въ тайну этого изобилія, но не добилась никакого другого результата, кромѣ того, который заранѣе былъ формулированъ самимъ помпадуромъ, а именно, что снѣгирь есть птица скромная и къ ученію склонная.

Другіе результаты, обнаруженные изслѣдованіемъ, были еще поразительнѣе. Оказалось:

1) что въ городѣ, въ теченіе десяти лѣтъ, не произошло ни одной революціи, тогда какъ до того времени не проходило ни одного года безъ возмущенія;

2) что въ продолженіе того же времени не было ни одного случая воровства;

3) что квартальные надзиратели сыты;

4) что обыватели сыты;

5) что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ обыватели обнаружили склонность къ сооруженію монументовъ;

6) что слухъ о богатствахъ, скрывающихся якобы въ нѣдрахъ земли, есть не болѣе какъ выдумка, пущенная экспертомъ отъ наукъ въ видахъ легчайшаго полученія изъ казны прогонныхъ денегъ; въ городѣ же никто изъ жителей никакимъ укрывательствомъ никогда не занимался;

7) что всѣмъ симъ городъ обязанъ своему градоначальнику, Помпадуру 4-му.

Разсмотрѣвши дѣло и убѣдившись въ справедливости всего вышесказаннаго, начальство не только не отрѣшило добраго помпадура отъ должности, но даже опубликовало его поступки и поставило ихъ въ примѣръ прочимъ. «Да вѣдомо будетъ всѣмъ и каждому, — сказано было въ изданномъ по сему случаю документѣ, — что лучше одного помпадура добраго, нежели семь тысячъ злыхъ имѣть», на основаніи того общепризнаннаго правила, что даже малый каменный домъ все-таки лучше, нежели большая каменная болѣзнь.

Что же касается собственно до города, то ему немедленно присланъ былъ отъ казенной палаты окладной листъ.

ХII.—Мнѣнія знатныхъ иностранцевъ

о

П О М П А Д У Р А Х Ъ .

Заканчивая свои рассказы о «помпадуряхъ»—рассказы, къ сожалѣнiю, не исчерпывающiе и сотой доли помпадурской дѣятельности, я считаю, что будетъ умѣстно познакомить читателей съ тѣми впечатлѣнiями, которыя производили мои герои на нѣкоторыхъ знатныхъ иностранцевъ, въ разное время посѣщавшихъ Россiю.

Подобнаго рода свидѣтельствъ у меня подъ руками очень много; но я приведу здѣсь только четыре отрывка, наиболѣе подходящiе къ нашимъ литературнымъ условiямъ. Между прочимъ, я имѣю очень рѣдкую книгу, подъ названiемъ: «Путеводитель по русскимъ сѣзжимъ домамъ», соч. австрiйскаго серба Глуничча-Ядрилича, прiѣзжавшаго вмѣстѣ съ прочими братьями-славянами, въ 1870 году, въ Россiю, но не попавшаго ни въ Петербургъ, ни въ Москву, потому что соломенный помпадуръ подъ личною своею отвѣтственностью посадилъ его на все время торжествъ на сѣзжую. Сочиненiе это проливаетъ яркiй свѣтъ не только на внутреннюю, но и на внѣшнюю политику помпадуровъ, и переводъ его послужилъ бы немалымъ украшенiемъ для нашей небогатой литературы, но, къ величайшему сожалѣнiю, я не могъ привести изъ него даже самомалѣйшаго отрывка, потому что книга эта безусловно запрещена цензурой... Этого примѣра, я полагаю, совершенно достаточно для читателя, чтобы понять, почему я былъ такъ умѣренъ въ моихъ выдержкахъ.

Затѣмъ, обращаясь къ издаваемымъ нынѣ отрывкамъ, я считаю долгомъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Какъ и во всѣхъ сочиненіяхъ иностранцевъ о Россіи, насъ прежде всего поражаетъ въ нихъ какое-то неисправимое легковѣріе. Такъ, напримѣръ, князь де-ля-Кассонадъ очень серьезно рассказываетъ, что нѣкоторые помпадуры смѣшивали императора Сулука съ королевою Помарѣ, а другой путешественникъ, Шенпанъ, увѣряетъ, будто въ Россіи преподается особенная наука, подъ названіемъ: «Zwon poréta razdawaïss». Ясно, что оба эти лица были жертвою мистификаціи со стороны своихъ амфитріоновъ-помпадуровъ, которые, по прискорбному русскому обычаю, нашли для себя забавнымъ рассказывать иностранцамъ разныя небылицы о своемъ отечествѣ.

Сверхъ того, по обыкновенію всѣхъ иностранцевъ, цитируемые мною авторы очень часто впадаютъ въ преувеличенія и выказываютъ при этомъ колоссальнѣйшее невѣжество...

И не счелъ, однакожъ, нужнымъ останавливаться на этихъ недостаткахъ, ибо для насъ, русскихъ, самыя преувеличенія иностранцевъ очень поучительны. Читая рассказываемыя про насъ небылицы, мы, во-первыхъ, выносимъ убѣжденіе, что иностранцы — народъ легкомысленный и что, слѣдовательно, въ случаѣ столкновенія, съ ними очень не трудно будетъ справиться. Во-вторыхъ, мы получаемъ увѣренность, что перьями ихъ руководитъ дурное чувство зависти, не прощающее Россіи той глубокой тишины, среди которой происходитъ ея постепенное обновленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, представляли ли когда-либо лѣтописи Ланшева, Пошехонья, Сапожка и др. что-нибудь подобное тому, что происходило недавно въ заштатномъ городѣ Висбаденѣ по случаю возвышенія цѣнъ на пиво? Нѣтъ, ничего подобнаго не было, да и не могло быть, потому что и пошехонцы, и ланшевцы слишкомъ хорошо понимаютъ, что цѣны Богъ строить, и подъ сѣнію этой пословицы постепенно обновляются. Висбаденцы же ничего этого не знаютъ, а потому нечего удивляться, что для нихъ всѣ пути къ

обновленію закрыты. Ибо какое можетъ быть «обновленіе», когда на улицахъ идетъ шумъ и гвалтъ, за которымъ ни одной поговорки даже разслышать нельзя?

Иностранцы сознають это преимущество лаппевцевъ и белебеевцевъ и завидуютъ. Они понимаютъ, что означаетъ эта тишина и чѣмъ она пахнетъ для испаденскихъ разрушителей спокойствія, если пошехонцамъ вздумается вразумлять ихъ.

Но встрѣчается въ этихъ невѣжественныхъ разсказахъ и нѣчто такое, надъ чѣмъ можно серьезно задуматься.

Завидуя нашей тишинѣ, иностранцы не безъ ядовитости указываютъ, что мы сами какъ бы тиготимся ею. Что у насъ, среди глубокаго мира, отъ времени до времени трубить рога и происходятъ такъ-называемыя усмиренія (*répression de la tranquillité*). Мало того, нѣкоторые даже прямо утверждаютъ, будто у насъ существуетъ особенное сословіе помпадуровъ, котораго назначеніе въ томъ именно и заключается, чтобы нарушать общественную тишину и сѣять раздоры съ цѣлю успѣшнаго ихъ подавленія. Не безъ ироніи говорятъ они о недостаточной развитости нашихъ помпадуровъ и о происходящей отсель безпорядочной, судорожной дѣятельности ихъ. Дѣятельность эту они сравниваютъ съ безцѣльнымъ мельканіемъ въ пустомъ пространствѣ—мельканіемъ, которое на первый взглядъ можетъ показаться смѣшнымъ, но которое, при безпрестанномъ повтореніи, дѣлается почти обременительнымъ...

Повторяю: все это въ высшей степени преувеличено и до безконечности невѣжественно; но даже сквозь эти смѣшныя преувеличенія сквозитъ какой-то намекъ на реальность, которымъ не излишне воспользоваться. Всякому, напримѣръ, извѣстно, что главное побужденіе, руководящее помпадурскими дѣйствіями, составляетъ чрезмѣрная ревность къ охраненію присвоенныхъ помпадурамъ правъ и преимуществъ (прерогативъ). Въ сущности, побужденіе это, конечно, очень похвально, но надо сознаться, что, тѣмъ не

менѣе, оно нимало не способствуетъ ни возникновенію новыхъ плодотворныхъ жизненныхъ явленій, ни производству новыхъ цѣнностей. Поэтому было бы не только не вредно, но даже полезно, чтобы на практикѣ эта ревность проявлялась лишь въ той мѣрѣ, въ какой она не служитъ помѣхой мирнымъ гражданамъ въ ихъ мирныхъ занятіяхъ. Если человѣкъ исключительною задачею своей жизненной дѣятельности поставяетъ огражденіе своихъ правъ (какъ, на примѣръ, права принимать по праздникамъ поздравленія, права идти въ первой парѣ, когда балъ открывается польскимъ, и т. д.), то результатомъ его усилій можетъ быть только огражденіе правъ, и ничего больше. Положимъ, это будетъ дѣятельность, въ своемъ родѣ, почтенная, но все-таки никакого оплодотворенія изъ нея произойти не можетъ. А помпадуръ этимъ именно и грѣшатъ. Ограждая свои права, они забываютъ, что у нихъ есть и обязанности, изъ коихъ главнѣйшая — не отвлекать обывателей слишкомъ усиленными поздравленіями отъ другихъ занятій, которыя тоже могутъ быть названы небезполезными.

А грѣшатъ они потому, что не знаютъ наукъ. Я, конечно, далекъ отъ того, чтобы вмѣстѣ съ москѣ Шенанпомъ утверждать, будто въ нашихъ кадетскихъ корпусахъ преподается только одна наука «Zwon poréta rasdawaïss», но все-таки позволяю себѣ думать, что на воспитаніе помпадуровъ не обращено должнаго вниманія. Дюссо, Борель, Минерашки, театр Берга—все это школа слишкомъ недостаточная! Если бъ они знали, на примѣръ, исторію, то помнили бы анекдотъ о персидскомъ царѣ, который, ограждая свои права, выскѣкъ море, но и за всѣмъ тѣмъ не могъ побѣдить горсти храбрыхъ грековъ. Если бъ они знали статистику и политическую экономію, то поняли бы, что обывательская спина не всегда служитъ вѣрнымъ обезпеченіемъ для наполненія казны кредитными билетами. Если бъ имъ не чужда была юриспруденція, то они знали бы, что излишнее огражденіе собственныхъ личныхъ правъ

всегда ведетъ къ нарушенію правъ другихъ; это же послѣднее, въ свою очередь, влечетъ за собою если не непремѣнное возстановленіе нарушеннаго права, то, по крайней мѣрѣ, позывъ къ такому возстановленію. А за этимъ обыкновенно слѣдуетъ скандалъ, а иногда и наказаніе нарушителя по всей строгости законовъ.

Да, какъ это ни тяжело, но надо сознаться, что, даже для взысканія недоимокъ, науки—не бесполезная вещь. Онѣ учатъ человѣка, что жизнь пережить—не поле перейти; онѣ заставляютъ его вникать въ смыслъ его поступковъ и даютъ ему нѣкоторыя хорошія привычки. Вотъ чего недостаетъ помпадурамъ и вотъ почему они считаютъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ другихъ административныхъ задачъ, кромѣ огражденія присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ. Будучи удалены отъ наукъ, они не могутъ понять, что нѣкоторая сумма знанія гораздо надежнѣе оградила бы эти права, нежели странное и далеко не всѣхъ настигающее слово: «фюить!»

Недостатокъ знаній порождаетъ чрезмѣрную требовательность; чрезмѣрная требовательность, въ свою очередь, порождаетъ подозрительность. Извѣстно, напримѣръ, съ какою охотою употребляютъ помпадуры такія слова, какъ «посягать», «подкапываться», «потрясать» и т. д., представляя высшему начальству, будто слова эти составляютъ обыденный лексиконъ наровчатскихъ, лукояновскихъ и другихъ обывателей. А между тѣмъ въ этихъ увѣреніяхъ заключается самая вопіющая неправда. Я, по крайней мѣрѣ, искренно убѣжденъ, что никто даже не помышляетъ о томъ, чтобы оспаривать помпадурскія права, и что вся бѣда тутъ въ томъ, что не всякій можетъ эти права уловить. Отсюда—безконечное и довольно тягостное для обѣихъ сторонъ *qui-pro-quo*. Чаще всего помпадуры и самъ хорошенько не знаютъ, въ чемъ состоятъ его требованія; но это незнаніе, вмѣсто того, чтобы ограничить его, дѣлаетъ еще болѣе ненасытнымъ. Столь же часто бываетъ, что обыватель и го-

товъ бы, съ своей стороны, сдѣлать всякое удовольствіе, но, не зная, въ чемъ это послѣднее заключается, попадаетъ въ-просакъ, то-есть поздравляетъ тогда, когда не нужно поздравлять, и наоборотъ. А изъ этого происходитъ то, что одинъ невѣдомо чтò предъявляетъ, а другой невѣдомо на чтò посягаетъ. Явное недоразумѣніе, которое опять-таки будетъ устранено лишь тогда, когда наука прольетъ свой свѣтъ на запутанныя отношенія, существующія между помпадурами и обывателями, и сумѣетъ регламентировать ихъ.

Итакъ, въ отзывахъ иностранцевъ есть извѣстная доля правды. Но правда эта не должна огорчать насъ. Мы слишкомъ сильны, мы пользуемся слишкомъ несомнѣнною внутреннею тишиной, чтобы впадать въ малодушіе передъ лицомъ правды. Мы спокойно можемъ выслушать самую горькую истину, нимало не измѣняя присущему намъ сознанію нашихъ доблестей.

При томъ же мы знаемъ, что у насъ есть испытанное средство помпадуровъ. Это средство: повышенія, перемѣненія и увольненія, которыя очень достаточно гарантируютъ насъ.

Оговорившись такимъ образомъ, перехожу къ самымъ «мнѣніямъ» иностранцевъ. Мнѣнія эти переведены мною прямо съ подлинниковъ и при томъ съ самою буквальною точностью. Разсказъ же татарина Хабибулы Науматуллоевича о пребываніи въ Россіи іомудскаго принца (такъ какъ существованіе племени іомудовъ не подлежитъ сомнѣнію, то я полагаю, что долженъ быть и іомудскій принцъ) напечатанъ мною съ оставленіемъ слога и подлинныхъ выраженій разсказчика.

«Impression de voyage et d'art», par le prince de la Cassonade, ancien Grand Veneur de S. M. l'Empereur Soulouque I, actuellement, grâce aux vicissitudes de la fortune, garçon en chef au Café Riche à Paris. Paris. Ledentu édi-

teur. 18***. Deux forts Vols. («Путевыя и художественныя впечатлѣнія», соч. князя де-ля-Кассопадъ, бывшаго обер-егермейстера Е. В. Императора Сулука I, а нынѣ, благодаря превратностямъ судьбы, главнаго гарсона въ кафѣ Рюшь въ Парижѣ).

«Когда я былъ командированъ моимъ всемилостивѣйшимъ государемъ и повелителемъ во Францію и Испанію для изученія способовъ дѣлать государственные перевороты, и въ Россію—для изученія способовъ взисканія недоимокъ, я встрѣтился въ этой послѣдней съ особенной корпораціей, которой подобной нѣтъ, кажется, въ цѣломъ мірѣ и которая чрезвычайно меня заинтересовала. Я говорю о помпадурахъ.

«Каждый изъ здѣшнихъ городовъ имѣетъ своего главнаго помпадура, которому подчинено нѣсколько второстепенныхъ помпадуровъ, у которыхъ, въ свою очередь, стоитъ подъ начальствомъ безчисленное множество помпадуровъ третьестепенныхъ, а сіи послѣдніе уже имѣютъ въ своемъ непосредственномъ завѣдываніи массу обывателей или чернь (la vile populace). Всѣ они составляютъ такъ-называемую бюрократическую армію и различаются между собою лишь болѣе или менѣе густымъ шитьемъ на воротникахъ и рукавахъ. Такъ какъ было бы тяжело и затруднительно изслѣдовать нравы всѣхъ этихъ разновидностей, то я, главнымъ образомъ, сосредоточилъ свое вниманіе на главныхъ помпадурахъ, потому что они представляютъ собой прототипъ, по которому можно безъ труда сдѣлать заключеніе и о прочихъ.

«Главные помпадуры избираются преимущественно изъ молодыхъ людей, наиболѣе способныхъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ. На образованіе и умственное развитіе ихъ большого вниманія не обращается, такъ какъ предполагается, что эти лица ничѣмъ заниматься не обязаны, а должны только руководить. При этомъ имѣется, кажется, въ виду еще и та мысль, что науки вообще имѣютъ растлѣвающее

вліяніе, и что, слѣдовательно, онѣ всего менѣе могутъ быть у мѣста тамъ, гдѣ требуются лишь свѣжесть и непреоборимость. И дѣйствительно, главные помпадуръ живутъ въ столь безнадежномъ отъ наукъ отдаленіи, что нѣкоторые изъ нихъ не шути смѣшивали моего всемилостивѣйшаго повелителя Сулука I съ королевою Помарѣ, а сію послѣднюю—съ извѣстной парижской лореткой того же имени. Признаюсь, эти смѣшенія причиняли мнѣ не мало огорченій, и я не разъ вынуждался объявлять очень категорически, что повтореніе чего-либо подобнаго можетъ имѣть послѣдствіемъ серьезный casus belli.

«Преимущественное назначеніе главныхъ помпадуровъ заключается въ томъ, чтобы *препятствовать*. Несмотря, однакожь, на мои усилія разъяснить себѣ, противъ чего собственно должна быть устремлена эта тормозящая сила,—я ничего обстоятельнаго по сему предмету добиться не могъ. На всѣ мои вопросы я слышалъ одинъ отвѣтъ: *mais comment ne comprenez-vous pas ça?* Изъ чего и вынужденъ былъ заключить, что, вѣроятно, Россія есть такая страна, которая лишь по наружности пользуется тишиною, но на самомъ дѣлѣ наполнена горючими веществами. Иначе какая же была бы надобность въ цѣлой корпораціи людей, которыхъ специальное назначеніе заключается въ принятіи прекратительныхъ мѣръ безъ всякихъ къ тому поводовъ?

«Такъ, напримѣръ, я съ любопытствомъ наблюдалъ однажды, какъ одинъ чрезвычайно вышитый помпадуръ умиралъ другого менѣе вышитаго за то, что сей послѣдній не поздравилъ перваго съ празникомъ. Клянусь, никогда королева Помарѣ (а кто же не знаетъ, до какой степени она неизящна въ своихъ выраженіяхъ?) не обращалась къ своему кучеру съ подобнымъ потокомъ высокоукоризненныхъ словъ! Когда же я позволилъ себѣ усомниться, чтобы обстоятельство столь неважное способно было возбудить столь сильный гнѣвъ, то расшитый помпадуръ взглянулъ на меня съ такимъ страннымъ видомъ, что я посмѣ-

шилъ раскланяться, дабы не вышло изъ этого чего дурного для меня или для моего всемплодивѣйшаго повелителя. Въ другое время другой помпадуръ откровенно мнѣ сознавался, что онъ только и дѣлаетъ, что усмиряетъ бунты, причемъ назвалъ мнѣ и имена главныхъ бунтовщиковъ: предѣдателей окружного суда и мѣстной земской управы. А такъ какъ, не далѣе какъ за день передъ тѣмъ, я имѣлъ случай съ обоими бунтовщиками играть въ ералашъ и при этомъ не замѣтилъ въ ихъ образѣ мыслей ничего вреднаго, то и не преминулъ возразить негодующему помпадуру, что, по мнѣнію моему, оба названныя лица ведутъ себя скромно и усмиренія не заслуживаютъ. Но онъ, не желая ничего слушать, отвѣтилъ мнѣ, что все это—интрига, и что онъ, помпадуръ, не успокоится, покуда не раскроетъ въ подробности всѣ нити и корни оной. Я могъ бы рассказать здѣсь множество другихъ примѣровъ подобной же загадочной страсти къ усмиреніямъ, но полагаю, что и этихъ двухъ вполне достаточно, тѣмъ болѣе, что причина этой усмирительной болѣзни и до-днесъ остается для меня неразъясненною, а слѣдовательно, сколько бы я ни плодплъ фактовъ, въ основаніи ихъ все-таки будетъ лежать таинственное: *mais comment ne comprenez-vous pas ça?*—и ничего болѣе.

«Всю сумму своихъ административныхъ воздѣйствій помпадуры сумѣли сконцентрировать въ одномъ крошечномъ словѣ: «фюить!» и, кажется, это единственное слово, которое они умѣютъ произносить съ надлежащею ясностью. Все прочее принимаетъ въ ихъ устахъ форму невнятнаго бормотанія, изъ котораго трудно извлечь что-либо поучительное. Я тщетно усиливался доказывать, что слово «фюить», несмотря на удобства, доставляемые его краткостью, все-таки викакихъ разрѣшеній не заключаетъ; въ отвѣтъ на мои доказательства я повсюду слышалъ одно: *roug vous autres, c'est encore assez bon*. Это, конечно, заставляло меня умолкать, ибо ежели люди сами признаютъ себя

выполни́ обозначенными словомъ «фюить», то мнѣ, иностранцу (а тѣмъ болѣе имѣющему дипломатическое порученіе), разувѣрять ихъ въ томъ не приходится.

«Вообще у нихъ есть фаталистическая склонность обратиться міръ въ пустыню и совершенное непониманіе тѣхъ послѣдствій, которыя можетъ повлечь за собою подобное административное мѣропріятіе. Склонность эту я готовъ бы назвать человѣконенавистничествомъ, если бъ не имѣлъ безчисленныхъ доказательствъ, что въ основаніи всѣхъ дѣйствій и помысловъ помпадурскихъ лежитъ не жестокость въ собственномъ смыслѣ этого слова, а безграничное легкомысліе. Такъ, напримѣръ, когда я объяснилъ одному изъ нихъ, что для нихъ же будетъ хуже, ежели міръ обратится въ пустыню, ибо некого будетъ усмирять и даже некому будетъ готовить имъ кушанье, то онъ съ невѣроятнымъ англоблго отвѣтилъ мнѣ: «тѣмъ лучше! мы будемъ ѣздить другъ къ другу и играть въ карты, а обѣдать будемъ ходить въ рестораны!» И я опять вынужденъ былъ замолчать, ибо какая же возможность поколебать эту непреодолимую вѣру въ какое-то провиденціальное назначеніе помпадуровъ, которая ни передъ чѣмъ не останавливается и никакихъ невозможностей не признаетъ!

«Вмѣстѣ съ невѣжественностью и легкомысленною страстью къ разрушенію, помпадуры въ значительной мѣрѣ соединяютъ и сластолюбіе. Обаяніе власти привлекаетъ къ нимъ сердца не весьма разборчивыхъ провинціальныхъ женщинъ, а корыстолюбіе мужей-чиновниковъ заставляетъ ихъ сморзрѣть сквозь пальцы на продѣлки преступныхъ ихъ женъ. Тѣмъ не менѣе, я напрасно ожидалъ утонченности въ обращеніи помпадуровъ съ женщинами. Хотя всѣ они очень бѣгло говорятъ по-французски (впрочемъ, и тутъ больше въ ходу какой-то бессмысленный жаргонъ парижскихъ кафешантановъ, смѣшанный съ неменѣе бессмысленнымъ жаргономъ кокотокъ), но французская вѣжливость столь же чужда имъ, какъ и любому изъ парижскихъ cochers de

басге. Неоднократно, приглашенный на вечера, на которыхъ присутствовали особенно преданная помпадурамъ молодежь и роскошнѣйшія женщины города, я ничего не видалъ, кромѣ безстыдныхъ жестовъ, которые даже меня, бывшаго оберъ-егермейстера моего всемплоствивѣйшаго императора Сулука I, заставляли краснѣть. Въ этомъ заключалась вся веселость, вся аттическая соль этихъ вечеровъ. Я никогда не забуду, какъ одна изъ этихъ дамъ (замѣчательно, впрочемъ, красивая) распѣвала французскую пѣсенку: «et j'frotte et j'frotte—et allez donc!», сопровождая свое пѣніе такими оживленными тѣлодвиженіями, которымъ позавидовала бы любая chanteuse de cabaret. Помпадуръ сидѣлъ тутъ же и не только не унималъ безстыдницу, но даже хмурилъ брови всякій разъ, какъ она ослабѣвала. Въ другомъ городѣ другой помпадуръ повелъ меня въ купальную, въ стѣнѣ которой было очень искусно продѣлано отверстие въ сосѣднее женское отдѣленіе, и заставилъ меня смотрѣть. Грѣшный человѣкъ, я посмотрѣлъ съ удовольствіемъ, но потомъ все-таки не могъ воздержаться отъ вопроса: какое же отношеніе все это можетъ имѣть къ администраціи?

«Въ заключеніе я долженъ сказать, что это—корпорациі очень загадочная. Я не отрицаю въ помпадурахъ нѣкоторой дозы отваги, свидѣтельствующей о величій души, но, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что отвага эта растрачивается на такія дѣла, безъ которыхъ легко можно было бы обойтись. Таковы, напримѣръ: выбиваніе зубовъ у ямщиковъ во время ѣзды на почтовыхъ и проч. Съ грустнымъ чувствомъ оставилъ я эту страну, убѣдившись, что даже относительно взысканія недомокъ она не представляетъ ничего новаго и поучительнаго для нашего любезнаго отечества.

«Но когда я, по долгу совѣсти, доложилъ о всемъ вышеизложенномъ моему всемплоствивѣйшему императору и повелителю Сулуку I, то, къ величайшему моему огорченію

и удивленію, услышалъ отъ него: «дуракъ! да намъ пмепно это-то и нужно!» Съ тѣхъ поръ мнѣ была объявлена немилость за непониманіе истинныхъ интересовъ моего повелителя, а потомъ начались и преслѣдованія, которыя разрѣшились изгнаніемъ изъ отечества. Нынѣ я состою въ качествѣ *garçon en chef* въ *café Riche* въ Парижѣ. Но, впрочемъ, не теряю надежды на Бога и Его всещедрую милость ко мнѣ. Ибо опала моя есть лишь плодъ недоразумѣнія; я же во всякое время готовъ и опять занять прежній свой постъ при моемъ всемилостивѣйшемъ повелителѣ, и даже, если ему будетъ угодно, устроить въ любезномъ отечествѣ точь-въ-точь такую же корпорацію помпадуровъ, какую я видѣлъ въ Россіи».

«Une triste histoire. Souvenirs d'un voyage dans les steppes du Nord», par Onésime Chenapan, ancien agent provocateur ayant servi sous les ordres de monseigneur Maupas, préfet de police. 1853. Paris. Librairie nouvelle. 1 vol. («Грустная исторія. Воспоминанія о путешествіи въ сѣверныя степи». Соч. Онисимъ Шенапанъ, бывшій политическій сыщикъ, служившій подъ начальствомъ монсенъера Мона, префекта полиціи).

«Берусь за перо, чтобы рассказать, какимъ образомъ одинъ необдуманый шагъ можетъ испортить всю человѣческую жизнь, уничтожить всѣ ея плоды, добытые цѣною долгихъ унженій, повергнуть въ прахъ всѣ надежды на дальнѣйшее повышеніе въ избранной спеціальности и даже отнять у человѣка лучшее его право въ этомъ мірѣ—право называться вѣрнымъ сыномъ святой римско-католической церкви!

«Всѣ это сдѣлалъ надо мной одинъ праздный человѣкъ, назвавшій себя помпадуромъ, сдѣлалъ просто, естественно, безъ малѣйшихъ колебаній, не оставивъ въ моемъ сердцѣ ни малѣйшей надежды получить какое-либо вознагражденіе за причиненный мнѣ ущербъ!

«Юноша! ты, который читаешь эти омытыя слезами строки, внимательнѣе вдумайся въ ихъ содержаніе, и ежели когда-нибудь въ *Closerie de Hlas* или въ иномъ подобномъ мѣстѣ тебѣ случится встрѣтиться съ человѣкомъ, именующимъ себя *помпадуромъ*,—бѣги его! Ибо имя этому человѣку: жестокосердіе и легкомысліе!

«Въ 1852 году, вскорѣ послѣ извѣстнаго декабрьскаго переворота, случай свелъ меня съ княземъ де-ла-Клюква (*le prince de la Klioukwa*), человѣкомъ еще молодымъ, хотя нѣсколько поношеннымъ (*quelque peu taré*), въ которомъ я по внѣшнему его виду и веселымъ манерамъ никогда не позволилъ бы себѣ предположить сановника. Оказалось, однако, что онъ былъ таковымъ.

«Встрѣча произошла въ одномъ изъ парижскихъ *cafés chantans*, которые я посѣщала по обязанностямъ службы, такъ какъ въ этихъ веселыхъ мѣстахъ преимущественно ютились заблуждающіеся молодые люди, не выказывавшіе безусловнаго довѣрія къ перемѣнѣ, происшедшей 2-го декабря. Тутъ же можно было найти и множество иностранцевъ, изучавшихъ Парижъ съ точки зрѣнія милой бездѣлицы.

«Разговоръ нашъ начался по поводу пѣсенки: «*Ah! j'ai un pied qui r'tmue*», которая тогда только-что пошла въ ходъ и которую мастерски выполняла *m-lle Rivière*. Оказалось, что мой сосѣдъ (мы за однимъ столомъ, не торопясь, попивали наши *petits verres*) не только тонкій цѣнитель жанра, но и самъ очень мило исполняетъ каппталъныя пьесы каскаднаго репертуара. Не могу сказать, почему, но, къ моему несчастію, я почувствовалъ какое-то слѣпое, безотчетное влеченіе къ этому человѣку, и послѣ бесѣды, продолжавшейся не больше четверти часа, откровенно сознался ему, что я *agent provocateur*, пользующійся особеннымъ довѣріемъ *монсеньера Мопа*. И, къ удивленію моему, онъ не только не бросился меня бить (какъ это почти всегда

дѣлають заблуждающіеся молодые люди), но даже протянулъ мнѣ объ руки и, въ свою очередь, объявилъ, что онъ русскій и занимаетъ въ своемъ отечествѣ рангъ помпадур.

«— Я объясню вамъ впослѣдствіи,—сказаль онъ при видѣ недоразумѣнія, выразившагося въ моемъ лицѣ:—въ чемъ заключаются атрибуты и предѣлы власти помпадурскаго ранга; теперь же могу сказать вамъ одно: никакая другая встрѣча не могла бы меня такъ обрадовать, какъ встрѣча съ вами. Я именно искалъ познакомиться съ хорошимъ, вполне надежнымъ *agent provocateur*. Скажите: выгодно ваше ремесло?

«— *Monseigneur*,—отвѣчалъ я:—я получаю въ годъ 1,500 франковъ постоянного жалованья и, сверхъ того, въ видѣ поощренія, особую плату за каждый доносъ.

«— Однакожь... это недурно!

«— Если бъ я получаль плату построчно, хотя бы наравнѣ съ составителями газетныхъ *entrefilets*—это было бы, дѣйствительно, недурно: но въ томъ-то и дѣло, *monseigneur*, что я получаю мою плату поштучно.

«— Но, вѣроятно, къ Рождеству или къ Пасхѣ являются на выручку какіе-нибудь остаточки?

«— Никакъ нѣтъ, *monseigneur*. Всѣми остаточками безраздѣльно пользуются *monseigneur* Маурас и всемплотивѣйшій мой повелитель и императоръ Наполеонъ III. Единственнымъ подспорьемъ къ объясненному выше содержанию служить особенная сумма, назначаемая на случай увѣчий и смертнаго боя, очень нерѣдкихъ въ томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь. 2-го декабря я буквально представляль собою сочащуюся кровью массу мяса, такъ что въ одинъ этотъ день заработаль болѣе тысячи франковъ!

«— Тысячу франковъ... *mais c'est très joli!*

«— Но у меня есть престарѣлая мать, *monseigneur*, у меня есть дѣвица-сестра, которую я тщетно стараюсь пристроить!

«— Oh! *quant à cela... чортъ ихъ подери!*

«Это восклицаніе было очень знаменательно и должно бы предостеречь меня. Но Провидѣнію угодно было потемнить мой разумъ, вѣроятно для того, чтобы не помѣшать мнѣ испить до дна чашу уготованныхъ мнѣ истязаній, орудіемъ которыхъ явился этотъ ужасный человекъ.

«— Ну-съ, а теперь скажите мнѣ: случалось ли вамъ когда-нибудь—по обязанностямъ службы, *s'entend*—распечатывать чужія письма?—продолжалъ онъ послѣ минутнаго перерыва, послѣдовавшаго за его восклицаніемъ.

«— Очень часто, *excellence*!

«— Поймите мою мысль. Прежде, когда письма запечатывались простымъ сургучемъ, когда конверты не заклеивались по швамъ—это, конечно, было легко. Достаточно было тоненькой деревянной спички, чтобы наvertѣть на нее письмо и вынуть его изъ конверта. Но теперь, когда конвертъ представляетъ массу почти непроницаемую... какимъ образомъ поступить? Я неоднократно пробовалъ употреблять въ дѣло слону, но, признаюсь, усилія мои ни разу не были увѣнчаны успѣхомъ. Получатели писемъ догадывались и роптали.

«— А между тѣмъ нѣтъ ничего проще, *excellence*. Здѣсь мы поступаемъ въ этихъ случаяхъ слѣдующимъ образомъ: беремъ письмо, приближаемъ его къ кипящей водѣ и держимъ надъ паромъ конвертъ тою его стороною, на которой имѣются заклеенные швы, до тѣхъ поръ, пока клей не распустится. Тогда мы вскрываемъ конвертъ, вынимаемъ письмо, прочитываемъ его и помѣщаемъ въ конвертъ обратно. И никакихъ слѣдовъ нескромности не бываетъ.

«— Такъ просто—и я не зналъ! Да, французы во всемъ насъ опередили! Великодушная нація! какъ жаль, что революціи такъ часто потрясаютъ тебя! *Et moi, qui, à mes risques et périls, me consumais à dépenser ma salive! Quelle dérision!*

«— Но развѣ распечатываніе чужихъ писемъ входитъ въ ваши атрибуты, *monseigneur*?

«— Въ мои атрибуты входитъ все, что касается внутренней политики, а въ особенности распечатываніе частныхъ писемъ и взысканіе недоимокъ (*extorsion des nédoïmkas, une espèce de peine corporelle, en vigueur en Russie, surtout dans le cas où le paysan, par suite d'une mauvaise recolte, n'a pas de quoi payer les impôts*). Знаете ли вы, однакожь, мой новый другъ, что вы вывели меня изъ очень-очень большого затрудненія?

«Онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и былъ такъ великодушень, что пригласилъ меня ужинать въ *café Anglais*, гдѣ мы почти до утра самымъ пріятнымъ образомъ провели время. Въ заключеніе онъ очень любезно предложилъ мнѣ сопутствовать ему въ его родныя стѣны, гдѣ, по словамъ его, представлялась для меня очень выгодная карьера.

«— Вы поѣдете со мной и на мой счетъ,—говорилъ онъ мнѣ:— жалованье ваше будетъ простираться до четырехъ сотъ франковъ въ мѣсяць; сверхъ того, вы будете жить у меня и отъ меня же получать столъ, дрова и свѣчи. Обязанности же ваши отнынѣ слѣдующія: научить меня всѣмъ секретамъ вашего ремесла и разузнавать все, что говорится про меня въ городѣ. А чтобы легче достичь этой цѣли, вы должны будете посѣщать общество и клубы и тамъ притворно фрондировать противъ меня... Понимаете?

«Я былъ изумленъ и обрадованъ. *O, ma pauvre mère! o, ma soeur, dont la jeunesse se consume dans la vaine attente d'un mari!.*

«Но, несмотря на охватившее меня волненіе, я все-таки замѣтилъ нѣкоторую несообразность въ его предложеніи, которую и поспѣшилъ разъяснить.

«— Позволю себѣ одно почтительное замѣчаніе, *monseigneur*,—сказалъ я.—Вы изволили сказать, что я буду жить у васъ въ домѣ, и въ то же время предписываете мнѣ фрондировать противъ васъ. Хотя я и понимаю, что это послѣднее средство можетъ быть употреблено съ несомнѣнною пользой, въ видахъ направленія общественнаго мнѣнія, во,

мнѣ кажется, не лучше ли въ такомъ случаѣ будетъ, если я поселюсь не у васъ, а на особенной квартирѣ — просто въ качествѣ значнаго иностранца, живущаго своими доходами?

«— Это ничего, — отвѣтилъ онъ мнѣ съ очаровательной улыбкой. — Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь этимъ! У насъ въ степяхъ въ этомъ отношеніи такой обычай: гдѣ ѣдятъ, тамъ и мерзятъ, у кого живутъ, того и ругаютъ...

.....
«И рѣшился.

«Разставаясь съ тобой, о, моя возлюбленная Франція, я чувствовалъ, какъ сердце мое разрывается на куски!

«O, ma mère!

«O, ma pauvre soeur chérie!

«Но я сказалъ себѣ: oh! ma belle France! если только степь не поглотитъ меня, то я сколочу маленькій капита-лецъ и заведу въ Парижѣ контору бракоразводныхъ и бракосводныхъ дѣлъ. И тогда ничто и никогда уже не разъединитъ насъ, о, дорогая, о, несравненная отчизна моя!

«Въ ожиданіи этой возжелѣнной минуты, я рѣшилъ все мое жалованье отдавать моей бѣдной матери. Самъ же предположилъ жить насчетъ постороннихъ доходовъ, въ кото-рыхъ, при нѣкоторомъ съ моей стороны умѣньи и изобрѣ-тательности, несомнѣнно не будетъ у меня недостатка...

.....
«Дорогой, князь былъ очень предупредителенъ. Онъ по-стоянно сажалъ меня за одинъ столъ съ собою и кормилъ только хорошими кушаньями. Нѣсколько разъ онъ порывался подробно объяснить мнѣ, въ чемъ состоятъ атрибуты помпадурства; но, признаюсь, этими объясненіями онъ возбуждалъ во мнѣ лишь живѣйшее изумленіе. Изумленіе это усугублялось еще тѣмъ, что во время объясненій лицо его принимало такое двусмысленное выраженіе, что я никогда не могъ разобрать, серьезно ли онъ говоритъ, или лжетъ.

«— Званіе помпадура, — говорилъ онъ мнѣ, — почти не-нужное; но именно эта-то ненужность и придаетъ ему то

пикантное значеніе, которое оно имѣеть у насъ. Оно не нужно, и между тѣмъ оно есть... Вы меня понимаете?

«— Не совсѣмъ, monseigneur!

«— Постараюсь высказаться яснѣе. У помпадура нѣтъ никакого спеціального дѣла («лучше сказать, викакого дѣла», поправился онъ); онъ ничего не производитъ, ничѣмъ непосредственно не управляетъ и ничего не рѣшаетъ. Но у него есть внутренняя политика и досугъ. Первая даетъ ему право вмѣшиваться въ дѣла другихъ; второй — позволяетъ разнообразить это право до безконечности. Надѣюсь, что теперь вы меня понимаете?

«— Извините, excellence, но я такъ мало посвященъ въ пружины стеной политики (*la politique des steppes*), что многого не могу уразумѣть. Такъ, на примѣръ: для чего вы *вмѣшиваетесь* въ дѣла другихъ? Вѣдь эти «другіе» суть служители того же бюрократическаго принципа, котораго представителемъ являетесь и вы? Ибо насколько я понимаю конституцію степей...

«— Прежде всего—у насъ вовсе нѣтъ конституціи. Наши стени вольны... какъ стени или какъ тотъ вихрь, который гуляетъ по нимъ изъ одного конца въ другой. Кто можетъ удержать вихрь? спрашиваю я васъ. Какая конституція можетъ настигнуть его?— прервалъ онъ меня такъ строго, что я нѣсколько смѣшался и счелъ за нужное извиниться.

«— Я не такъ выразился, monseigneur,—сказалъ я:—я употребилъ слово «конституція» не въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы удостоили принять его. По мнѣнію людей науки, всякое государство, однажды *конститутированное*, уже тѣмъ самымъ заявляетъ, что оно имѣеть свою *конституцію*... Затѣмъ, разумѣется, можетъ быть конституція вредная, но можетъ быть и полезная...

«— Все это прекрасно-съ, но я прошу васъ не употреблять въ нашихъ разговорахъ ненавистнаго мнѣ слова «конституція»... никогда! *Entendez-vous: jamais! Et maintenant que vous êtes averti, continuons.*

«Итакъ, я сказалъ, что для меня непонятно, какое значеніе можетъ имѣть вмѣшательство однихъ бюрократовъ въ занятія другихъ бюрократовъ.

«Я готовъ былъ прибавить: «Быть-можетъ, вы дѣлитесь? Тогда — я понимаю? О, *comme je comprends cela, monseigneur!*» Но, не будучи еще на совершенно короткой ногѣ съ мопмъ высокопоставленнымъ другомъ, воздержался отъ этого замѣчанія. Однакожь, онъ, повидимому, понялъ мою тайную мысль, потому что покраснѣлъ какъ варенный ракъ и взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ:

«— Я протестую всѣми силами души моей! Слышите: протестую!

«— Но въ такомъ случаѣ я, право, не понимаю, въ чемъ же состоитъ цѣль этого непрерывнаго вмѣшательства?

«— Вы глупы, *Cherapan!* (Да, онъ сказалъ мнѣ это, несмотря на то, что въ то время былъ еще очень учтивъ относительно меня). Вы не хотите понять, что чѣмъ больше съ моей стороны вмѣшательства, тѣмъ болѣе я получаю правъ на вниманіе моего начальства. Если я усмирю въ годъ одну революцію — это хорошо; но если я усмирю въ годъ двѣ революціи — это ужъ отлично! И вы, который находитесь на службѣ у величайшаго изъ усмирителей революцій — вы не понимаете этого!

«— Я понимаю, я даже очень хорошо понимаю это, *monseigneur!* Но, признаюсь, я полагаю, что положеніе вашего отечества...

«— Всѣ отечества находятся въ одномъ положеніи для человѣка, который желаетъ обратить на себя вниманіе начальства — *vous m'entendez?* Но это еще не все! Я имѣю и личное самолюбіе... *sacrebleu!* У меня есть внутренняя политика, у меня есть прерогативы! Я хочу проводить мой взглядъ... *sapristi!* Я желаю, чтобъ съ этими взглядами сообразовались, а не противодѣйствовали имъ! Это мое право... это, наконецъ, мой капризъ! Вы возлагаете на меня отвѣтственность... вы требуете отъ меня *et ceci, et cela...* по-

звольте же и мнѣ имѣть свой капризъ! Надѣюсь, что это не какая-нибудь чудовищная претензія съ моей стороны?

«— Но законъ, monseigneur? Какимъ образомъ примирить капризъ съ закономъ?

«— La loi! parlez-moi de ça! nous en avons quinze volumes, mon cher!

«На этомъ нашъ разговоръ пресѣкъся. Какъ ни нова была для меня административная теорія, выразившаяся въ послѣднемъ восклицаніи моего собесѣдника, но, признаюсь откровенно, отвага, съ которою онъ выразился о законѣ, поправила мнѣ. Хотя monseigneur Maupas нерѣдко говаривалъ мнѣ: «по нуждѣ, mon cher, и закону премѣна бываетъ», но онъ говорилъ это потихоньку, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь не услышалъ. И вдругъ — эта ясность, эта смѣлость, этотъ полетъ... какъ было не плѣниться имъ! Казаки вообще отважны и склонны видѣть непріятеля даже тамъ, гдѣ мы, люди старой цивилизаціи, видимъ лишь покровительство и гарантію. Эти люди совсѣмъ свѣжіе, не имѣющіе ни одного изъ предрасудковъ, которые обременяютъ жизнь западнаго человѣка. Съ самою веселою непринужденностью смотрятъ они на такъ-называемыя нравственныя обязательства, но зато никто не можетъ сравниться съ ними относительно тѣлесныхъ упражненій, а за столомъ, за бутылкой вина, съ женщинами—это рѣшительно непобѣдимѣйшіе борцы (joueurs) въ цѣломъ мірѣ. Я, на примѣръ, ни разу не видалъ моего амфитріона пьянымъ, хотя количество истребленныхъ имъ, въ моихъ глазахъ, напитковъ, поистинѣ, едва вѣроятно. Ни разу не сложилъ онъ оружія передъ непріателемъ, и все дѣйствіе, оказываемое на него виномъ, ограничивалось перемѣною цвѣта лица и нѣскольکو большимъ одушевленіемъ, съ которымъ онъ начиналъ лгать (blaguer).

«Тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что значеніе, которое имѣютъ помпадуры въ русскомъ обществѣ, продолжало казаться для меня неяснымъ. Я не могъ себѣ пред-

ставить, чтобы могла существовать гдѣ-нибудь такая административная каста, которой роль заключалась бы въ томъ, чтобы мѣшать (я считаю слово «вмѣшиваться» слишкомъ серьезнымъ для такого занятія), и которая на напоминаніе о законѣ отвѣчала бы: *sapristi! nous en avons quinze volumes!* Сомнѣнія мои я, впрочемъ, относилъ не къ собственной своей непонятливости, а скорѣе къ неумѣнію князя ясно формулировать свою мысль. Онъ самъ, какъ видно, не сознавалъ, въ чемъ состоитъ его административная роль, и это будетъ совершенно понятно, если мы вспомнимъ, что въ Россіи до сихъ поръ (писано въ 1853 году) разсадниками администрація считаются кадетскіе корпуса. Въ этихъ заведеніяхъ молодымъ людямъ пространно преподають одну только науку, называемую «*Zvon poréta razdawaïss*» (самъ князь былъ очень веселъ, когда передалъ мнѣ это длинное названіе, и я увѣренъ, что ни въ какой другой странѣ Европы науки съ подобнымъ названіемъ не найдется); прочія же науки, безъ которыхъ ни въ одномъ человѣческомъ обществѣ нельзя обойтись, проходятся болѣе нежели кратко. Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что лица, получившія такое воспитаніе, оказываются неспособными выражать свои мысли связно и послѣдовательно, а отдѣляются одними ничего не стоящими восклицаніями, въ родѣ: «*sapristi*», «*ventre de biche*», «*parlez-moi de ça*» и т. д.

«Только тогда, когда негостепріимная стѣна уже приняла насъ въ свои суровыя объятія, то-есть по прибытіи на мѣсто, я могъ хотя отчасти уразумѣть, что хотѣлъ выразить мой высокопоставленный амфитріонъ, говоря о своихъ прерогативахъ.

«Покуда мы еще не вѣхали въ предѣлы того края, въ которомъ помпандурствовалъ князь де-ла-Клюква, поведеніе его было довольно умѣренно. Онъ билъ ямщиковъ съ снисходительностью, о которой я могу отозваться лишь съ величайшею похвалою (я не говорю уже о поведеніи его за границей, гдѣ онъ былъ весь — утонченная вѣжливость).

Но едва онъ завидѣлъ пограничный столбъ, указывавшій начало его владѣній, какъ тотчасъ же вынулъ изъ ноженъ свою саблю, перекрестился и, обращаясь къ ямщику, испустилъ крикъ, имѣвшій злобщее значеніе. Мы понеслись стрѣлою и какъ сумасшедшіе скакали всѣ пятнадцать верстъ, остававшихся до станціи. Но ему казалось, что его все еще недостаточно скоро везутъ, потому что онъ черезъ каждыя пять минутъ поощрялъ ямщика полновѣсными ударами сабли. Я никогда не видалъ человѣка до такой степени разсерженнаго, хотя причины его гнѣва не понималъ. Признаться, я сильно боялся, чтобъ во время этой бѣшеной скачки у нашего экипажа не переломилась ось, ибо мы несомнѣнно погибли бы, если бы это случилось. Но уговорить его не торопить ямщика было невозможно, потому что безумная ѣзда по дорогамъ есть одна изъ прерогативъ, за которую номинадуры особенно страстно держатся.

«— Я научу ихъ, какъ ѣздить... каналий!— твердилъ онъ, обращаясь ко мнѣ и какъ бы наслаждаясь страхомъ, который должна была выражать моя фізіономія.

«И дѣйствительно, мы проѣхали нѣсколько болѣе двухсотъ верстъ въ теченіе двѣнадцати часовъ, и, несмотря на эту неслыханную быстроту, онъ приказывалъ на станціяхъ сѣчь ямщиковъ, говоря мнѣ:

«— C'est notre manière de leur donner le pourboire!

«Пріѣхавши въ главный городъ края, мы остановились въ большомъ казенномъ домѣ, въ которомъ мы буквально терялись какъ въ пустынѣ (князь не имѣлъ семейства). Было раннее утро, и мнѣ смертельно хотѣлось спать, но онъ непремѣнно желалъ, чтобы немедленно произошло официальное представленіе, и потому разослалъ во всѣ концы гонцовъ съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи. Черезъ два часа залы дома уже были наполнены трепещущими чиновниками.

«Хотя и въ нашей прекрасной Франціи прерогативы играютъ немаловажную роль, но, клянусь, я никогда не

могъ себѣ представить что-либо подобное тому, что я увидѣлъ здѣсь. У насъ слово «негодяй» (*vaurien, polisson...* и, къ несчастью, *chenapan*) есть высшая степень порицанія, которую можетъ заслужить провинившійся подчиненный отъ разсерженнаго начальника; здѣсь же, независимо отъ обильно расточаемыхъ личныхъ оскорбленій, принято еще за правило приобщать къ нимъ родственниковъ оскорбляемаго въ восходящей степени. Князь былъ красень какъ ракъ и перебѣгалъ отъ одного подчиненнаго къ другому, источая цѣлые потоки дурной брани. Въ особенности же доставалось отъ него одному хромому маіору, котораго онъ иронически рекомендовалъ мнѣ: «вотъ мой *Mopà*». Я думалъ, не замышлялъ ли этотъ несчастный человѣкъ похитить, въ отсутствіе князя, его власть (что, конечно, оправдывало бы его гнѣвъ); но оказалось, что ничего подобнаго не бывало. Я до сихъ поръ не могу объяснить себѣ, что мотивировало тѣ прискорбныя сцены, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ это памятное для меня утро. Хотя же князь и объяснилъ ихъ желаніемъ оградить свои прерогативы, но и эта причина казалась недостаточною, ибо никто, повидимому, на эти прерогативы не посягалъ. Словомъ сказать, офиціальное представленіе кончилось къ полнѣйшему торжеству моего высокопоставленнаго амфитріона, который ходилъ по комнатамъ, выгнувъ шею, какъ копь, и гордо празднуя безъ труда одержанную побѣду.

«Только за обѣдомъ я успѣлъ нѣсколько опомниться. Было довольно весело, ибо здѣсь присутствовало нѣсколько фаворитовъ князя, молодыхъ людей, безспорно очень образованныхъ. Одинъ изъ нихъ, недавно возвратившійся изъ Петербурга, очень удачно представилъ, какъ *m-lle Page* *) на своихъ *soirées intimes* поеть: «*Un soiré à la barrière*». Пѣсенка эта, хотя далеко не новая и почти исчезнувшая изъ моей памяти, доставила мнѣ живѣйшее удовольствіе.

*) Извѣстная въ то время актриса французскаго театра въ Петербургѣ.—*Авт.*

«Вечеромъ того же дня князь представилъ меня дамѣ своего сердца, которую онъ, незадолго передъ тѣмъ, отнял у одного изъ здѣшнихъ муниципальных совѣтниковъ *). Роскошнѣйшая эта женщина произвела на меня глубокое впечатлѣніе, которое еще болѣе усилилось, когда нога моя почувствовала подъ столомъ давленіе ея ножки. Мужъ ея былъ тутъ же и очень смѣшилъ насъ своими шутками надъ обманутыми мужьями, изъ числа которыхъ онъ простодушно не исключалъ и самого себя. Нѣкоторые изъ этихъ шутокъ, подъ личиною наивности, заключали въ себѣ настолько язвительности, что помпадуръ сердился и краснѣлъ. Но морганатическая его подруга, повидимому, уже привыкла къ подобнымъ сценамъ и присутствовала при нихъ совершенно какъ постороннее лицо.

«Веселый нашъ ужинъ приближался къ концу, какъ вдругъ прибѣжали доложить, что въ концѣ города вспыхнулъ пожаръ.

«— Ну, вотъ и прекрасно, — обратился ко мнѣ помпадуръ:—vous allez me voir à l'œuvre!

«Но я, признаюсь, былъ далеко не радъ, когда увидѣлъ (это было въ первый разъ со времени нашего знакомства), что князь совсѣмъ пьянъ. Близость ли любимой особы подействовала на него возбуждающимъ образомъ, или это былъ непосредственный результатъ опьяненія властью — какъ бы то ни было, но онъ едва держался на ногахъ. Оказалось, однако, что и это послужило ему на пользу. Обыкновенно ни одинъ пожаръ не обходился безъ того, чтобы онъ кого-нибудь не прибилъ; теперь же онъ все время просналъ и проснулся уже тогда, когда пламя было совершенно потушено.

«При возвращеніи съ пожара домой онъ такъ неприятно поразилъ меня, что сердце мое впервые болѣзненно сжа-

*) Очевидно, это ошибка: муниципальных совѣтниковъ никогда въ Россіи не бывало.—*Авт.*

лось, какъ бы подъ вліяніемъ какого-то темнаго предчувствія.

«— Ну-съ, господинъ Шенапанъ (онъ даже не скрывалъ, что дѣлаетъ изъ моей фамиліи очень обидную для меня игру словъ), понравилось *тебѣ* у меня? — обратился онъ ко мнѣ.

«Какъ ни больно кольнула меня эта предумышленная игра словъ, а равно и безцеремонное *ты*, обращенное ко мнѣ, человѣку совершенно посторонняго вѣдомства, однако я чувствовалъ, что надобно покориться.

«— Я болѣе нежели очарованъ, *monseigneur!* — отвѣтилъ я.

«— Гм!.. желалъ бы я посмотрѣть, какъ бы ты не былъ очарованъ... прохвость (*prakhvost!*)!

«Сказавши это, онъ такъ странно засмѣялся, что я тотчасъ же понялъ, что я нахожусь не въ гостяхъ, а въ шлѣну.

«O, ma France bien aimée! O, ma mère!

«Князь очень скоро научился у меня всѣмъ секретамъ ремесла; но по мѣрѣ того, какъ онъ тверже становился на ноги, я больше и больше падалъ въ его глазахъ. Первые два мѣсяца онъ очень аккуратно уплатилъ мое жалованье, но на третій мѣсяць прямо объявилъ мнѣ, что я и весь не стою двухъ су. Когда же я началъ умолять его, ссылаясь на престарѣлую мать и дѣвицу-сестру, у которой единственное сокровище на землѣ—ея добродѣтель, то онъ не только не внялъ голосу великодушія, но даже позволилъ себѣ нѣсколько двусмысленностей насчетъ добродѣтели моей доброй, бѣдной сестры.

«Въ ожиданіи, что Богъ просвѣтитъ его сердце, я долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что мнѣ давали даромъ столъ и квартиру. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ важныхъ оскорбленій. У меня отняли мою прежнюю постель и замѣнили ее чѣмъ-то такимъ, чему на нашемъ прекрас-

номъ языкѣ иѣтъ имени. За столомъ надо мной постоянно издѣвались, принявъ, такъ сказать, за правило называть меня прохвостомъ. Къ несчастью, я имѣлъ неосторожность проговориться, что меня бивали въ Парижѣ при исполненіи обязанностей, и этою ненужною откровенностью я самъ, такъ сказать, приготовилъ безконечную канву для разнообразнѣйшихъ и неприличнѣйшихъ шутокъ, съ которыми эти неизобрѣтательные сами по себѣ люди обращались ко мнѣ. Сверхъ того, меня каждый разъ непременно оставляли безъ какого-нибудь блюда (обыкновенно, съ самою утонченною жестокостью, выбиралось то блюдо, которое я больше всего любилъ), и когда я жаловался на голодъ, то меня безъ церемоній отсылали въ людскую. Но всего прискорбнѣе для меня было то, что при мнѣ оскорбляли моего всемилостивѣйшаго повелителя и императора Наполеона III, а въ его лицѣ и мою прекрасную, дорогую Францію. Такъ, на примѣръ, спрашивали меня, правда ли, что Наполеонъ (они нарочно произносили это имя: Napoléoschka — уменьшительное презрительное) торговалъ въ Лондонѣ гусями, или, правда ли, что онъ вмѣстѣ съ Морни содержалъ въ Нью-Йоркѣ домъ терпимости? и т. д. И все эти легкомысленныя шуточки дѣлались въ то время, когда уже стоялъ на очереди грозный восточный вопросъ...

«Такъ продолжалось до осени. Наступали холода, а въ моей комнатѣ не вставляли двойныхъ рамъ и не приказали топить ее. Я никогда не принадлежалъ къ числу строптивыхъ, но при первомъ жестокомъ уколѣ холода и моя самоотверженность дрогнула. Тутъ только я убѣдился, что надежда на то, что Богъ просвѣтитъ сердце моего высокопоставленнаго амфитріона, есть надежда въ высшей степени легкомысленная и несбыточная. Скрѣпя сердце, я рѣшилъ оставить негостепріимныя стены, и явился къ князю съ просьбой снабдить меня хотя такою суммой, которая была нужна, чтобы достигнуть береговъ Сены.

«— Я уже не настаиваю на выдачѣ мнѣ должнаго, топ-

seigneur, — сказалъ я: — на выдачѣ того, что я заработалъ вдали отъ дорогой родины, питаюсь горькимъ хлѣбомъ чужбины...

«— И хорошо дѣлаешь, что не настаиваешь... *сенапан!*—замѣтилъ онъ холодно.

«— Я прощу только одной милости: снабдить меня достаточной суммой, которая позволила бы мнѣ возвратиться на родину и обнять мою дорогую мать!

«— Хорошо, я подумаю... *сенапан!*

«Дни проходили за днями; мою комнату продолжали не топить, а онъ все думалъ. Я достигъ въ это время до послѣдней степени протраціи и никому не жаловался, но глаза мои сами собой плакали. Будь въ моемъ положеніи послѣдняя собака—и та способна была бы возбудить сожалѣніе... Но онъ молчалъ!

«Впослѣдствіи я узналъ, что подобныя дѣйствія на рускомъ языкѣ называются «шутками»... Но если таковы ихъ *шутки*, то каковы же должны быть ихъ жестокости!

«Наконецъ, онъ призывалъ меня къ себѣ.

«— Хорошо,—сказалъ онъ мнѣ:—я дамъ тебѣ четыреста франковъ, но ты получишь ихъ отъ меня только въ томъ случаѣ, если перейдешь въ православную вѣру.

«Я съ удивленіемъ взглянулъ ему въ глаза, но въ этихъ глазахъ ничего не выражалось, кромѣ непреклонности, не допускающей никакихъ возраженій.

«Я не помню, какъ былъ совершенъ обрядъ... Я даже не увѣренъ, былъ ли это *обрядъ*, и не исполнялъ ли роль попа переодѣтый чиновникъ особыхъ порученій...

«Справедливость требуетъ, однакожъ, сказать, что по окончаніи церемоніи онъ поступилъ со мною какъ *grand seigneur*, т. е. не только отпустилъ условленную сумму сполна, но подарилъ мнѣ прекрасную, почти неношенную пару платья и приказалъ везти меня безъ прогоновъ до границъ слѣдующаго помпадурства. Надежда не обманула меня: Богъ хотя поздно, но просвѣтилъ его сердце!

«Черезъ двѣнадцать дней я былъ уже на берегахъ Сены и, вновь благосклонно принятый монсеньёромъ Мопà на службу, разгуливалъ по бульварамъ, весело напѣвая:

Les lois de la France,
Votre excellence!
Mourir, mourir,
Toujours mourir!

«O, ma France!

«O, ma mère!»

«La question d'Orient. Le plus sûr moyen d'en venir à bout». Par un Observateur Impartial. Leipzig, 1857. («Восточной вопросъ. Вѣрнѣйшій способъ покончить съ нимъ». Соч. Безпристрастнаго Наблюдателя. Лейпцигъ, 1857 *).

«Хочу рассказать, какъ одинъ мой пріятель вздумалъ надо мной пошутить, и какъ шутка его ему же во вредъ обратилась.

«На дняхъ пріѣзжаетъ ко мнѣ изъ Петербурга К***, бывший цѣловальникъ, а нынѣ откупщикъ и публицистъ. Обрадовались: сѣли, сидимъ. Зашла рѣчь о нынѣшнихъ дѣлахъ. Чтò и какъ. Многое похвалили, иному удивились, о прочемъ прошли молчапіемъ. Затѣмъ перешли къ братьямъ-славянамъ, а по дорогѣ и «больного челоуѣка» задѣли. Рѣшили, что надо пустить кровь. Переговоривъ обо всемъ, вижу, что уже три часа, время обѣдать, а онъ все сидитъ.

«— Расскажи, говорить, какъ ты къ черногорскому князю ѣздилъ!

«Рассказалъ.

«— А не расскажешь ли, какъ ты съ Палацкимъ познакомился?

*) Подозрѣваютъ, что подъ псевдонимомъ «Безпристрастный Наблюдатель» скрывается одинъ знаменитый московскій археологъ и чревоушцатель. Но такъ какъ подобное предположеніе ничѣмъ не доказано, то и этого автора я нашелся вынужденнымъ помѣстить въ число знатныхъ иностранцевъ.— *Авт.*

«Разсказаль.

«— Такъ ты говоришь, что «больному человѣку» кровь пустить надо?

«— Непремѣнно полагаю.

«— А нельзя ли какъ-нибудь другимъ манеромъ его разорить?

«— Нельзя. Водки онъ не пьетъ.

«Бьетъ три съ половиной, а онъ все сидитъ. Запла рѣчь о предсказаніяхъ и предзнаменованіяхъ.

«— Снилось мнѣ сегодня ночью, что я въ гостяхъ обѣдаю!—вдругъ говоритъ К***.

«Или, другими словами, прямо навязывается ко мнѣ на обѣдъ. Въ величайшемъ смущеніи смотрю на него, тпущь разгадать: какія еще новыя шутки онъ со мной предпринять выдумаетъ? Ибо, какъ человѣкъ богатый, онъ можетъ предпринять многое такое, что другому и въ голову не придетъ. Однако, дѣлать нечего; слѣдуя законамъ московскаго хлѣбосольства, рѣшаюсь покориться своей участи.

«— Дома, говорю, у меня ничего не готовлено, а вотъ въ Новотроицкій, коли хочешь...

«Сказаль это и испугался.

«— Въ Новотроицкій, такъ въ Новотроицкій, — говорить. — Только, чуръ, на твой счетъ. Мнѣ, братъ, сегодня такая блажь въ голову пришла: непременно на твой счетъ обѣдать хочу.

«Дѣлать нечего, поѣхали.

«Выпили по рюмкѣ очищеннаго и съѣли по небольшому кусочку ветчины. Мало. А между тѣмъ, по непомѣрной нынѣшней дороговизнѣ, вижу, что уже за одно это придется заплатить не менѣе пятнадцати копеекъ съ брата.

«Тогда я счелъ, что съ моей стороны долгъ гостепріимства уже исполненъ, и что засимъ я имѣю даже право расчитывать, что и онъ свой долгъ выполнитъ, то-есть распорядится насчетъ обѣда. Ничуть не бывало. Уже разсказаль я ему и о томъ, какъ я у Ганки обѣдалъ, и о

томъ, какъ едва не отобѣдалъ у Гоголя, а онъ все смѣется и никакихъ распоряженій не дѣлаетъ. Тогда, дабы уничтожить въ душѣ его всякія сомнѣнія, я позвалъ полового и спросилъ у него счетъ.

«— А обѣдать-то какъ же? — спросилъ меня К***.

«— Я, съ своей стороны, сытѣхонекъ! — отвѣтилъ я, едва, впрочемъ, скрывая терзавшій меня голодь.

«Тогда онъ, весело расхохотавшись, сказалъ:

«— Ну, братъ, вижу, что тебя не побѣдишь! Вѣришь ли, всю дорогу, изъ Петербурга ѣхавши, я твердилъ себѣ: не все мнѣ его кормить! пообѣдаю когда-нибудь и я на его счетъ! Вотъ-те и пообѣдалъ!

«Затѣмъ, когда недоразумѣніе между нами кончилось, заѣли мы за столъ, причемъ я, изъ предосторожности, заѣсилъ себѣ грудь салфеткою.

«Подавали: селянку московскую изъ свѣжей осетрины — прекрасную; котлеты телячьи паровыя — превосходныя; жаренаго поросенка съ кашей — отмигивѣйшаго.

«Зная исправность моего желудка, я ѣлъ съ такимъ расчетомъ, чтобъ быть сытымъ на три дня впередъ.

«Наѣвшись, стали опять бесѣдовать о томъ, какъ бы «больного человѣка» подкузьмить, ибо хотя К*** и откупщикъ, но такъ какъ многіе ученые его гостепринимствомъ во всякое время пользуются, то и онъ между ними приобрѣлъ нѣкоторый въ политическихъ дѣлахъ глазомѣръ.

«Прикладывали и такъ, и этакъ. Флотовъ нѣтъ — передъ флотами. Денегъ нѣтъ — передъ деньгами. Все будетъ, коли люди будутъ; вотъ людей нѣтъ — это такъ.

«Сидимъ. Повѣсили головы.

«Однакожь, когда выпили нѣсколько здравицъ, то постепенно явились и люди.

«— Какъ людей нѣтъ! кто говоритъ, что людей нѣтъ! да вотъ его пошлите! его! Гаврилу! Да! — кипятился К***, указывая на служившаго намъ полового.

«И затѣмъ, разгорячаясь по мѣрѣ каждой выпитой здра-

вицы, онъ въ особенности началъ рекомендовать мнѣ нѣ-когого N—скаго помпадуръ, Петра Толстолобова, какъ че-ловѣка, которому даже и передъ Гаврилой предпочтеніе отдать можно.

«— Это такой человѣкъ! — кричалъ онъ: — такой чело-вѣкъ! Географин не знаетъ, ариѳметики не знаетъ, а кровь хоть кому угодно пустить! Самородокъ!

«— Поди, онъ, чай, и въ Стамбуль-то доѣхать не сумѣеть! — усомнился я.

«— Не сумѣеть — это вѣрно!

«Задумались. Стали прикидывать, сколько у насъ само-родковъ въ нѣдрахъ земли скрывается: наукъ не знаютъ, а кровь пустить могутъ!

«— Одна бѣда — какими способамъ его въ Стамбуль водворить! Флотовъ нѣтъ, денегъ нѣтъ! — восклицаетъ К***.

«— Чудакъ ты, братецъ, самъ же сейчасъ говорилъ, что флотовъ нѣтъ — передъ флотами!

«— Кто говорилъ, что флотовъ нѣтъ? Я, что ли, гово-рилъ, что флотовъ нѣтъ! Никогда! Я говорилъ...

«Выпили еще здравицу и послали Палацкому телеграмму въ Прагу. Заснули.

«Въ 12 ночи проснулись.

«— Я, — говоритъ К***: — удивительнѣйшій сонъ ви-дѣлъ!

«И рассказалъ мнѣ, что во снѣ ему представилось, будто бы Толстолобовъ ужъ водворенъ въ Стамбуль и пускаетъ «большому человѣку» кровь.

«— И такъ, братецъ, онъ ловко...

«Но я, будучи трезвъ, отвѣтилъ на это:

«— Не всегда сны сбываются, другъ мой! Вотъ ты вчера видѣлъ во снѣ, что въ гостяхъ у меня обѣдаешь, а между тѣмъ кто изъ насъ у кого въ гостяхъ отобѣдалъ? По сему можешь судить и о прочемъ.

«Сказавши это, я вышелъ изъ трактира; онъ же остался

въ трактирѣ, дабы на досугѣ обдумать истину, скрывавшуюся въ словахъ моихъ.

«Имѣяй уши слышати — да слышитъ!»

«Какъ мы везли Ямудки принца Иззединъ-Музаферъ-Мирза въ Россію». Писалъ съ натуры принцовъ воспитатель Хабибулла Науматуллоевичъ, бывшій служитель въ атель Бельвю (въ С.-Питимбурхи, на Невскимъ, противъ кіятра. Съ двухъ до семи обѣды по 1 р. и по 2 р. и по картѣ; ужины, завтраки) *). Изданіе Общества покровительства животнымъ.

«Въ пятницу, на масляной, только-что успѣли мы отслужить господамъ, прибѣжалъ въ нашъ атель Ахметка и говорить: — Хабибулла! можешь учить принца разумъ? — Я говорю: могу. — Айдъ, говорить, въ Касимовъ, бери плакать и ѣзжай въ Ямудію!

«Ѣзжалъ Касимовъ, биралъ плакать — айдъ въ Ямудію!

«Ѣзжалъ тамошній сталица. Чудной городъ, весь изъ песку. Сичасъ къ принцу.

«— Иззединъ - Музаферъ - Мирза! — говорю: — хозяинъ атель Бельвю (на самомъ Невскимъ, противъ кіятра, обѣды по 1 р. и 2 р. и по картѣ; ужины, завтраки) прислалъ мнѣ тебе разумъ учить — айдъ въ Питембургъ!

«— Какой такой Питембургъ? — говорить.

«Смѣшно мнѣ стало.

«— Балшой ты инакъ выросъ, а Питембургъ не знаешь!

«Согласился.

«— Айдъ, — говоритъ: — только учи мнѣ разумъ, Хабибулла! пакалста учи!

«Стали собираться. Чимоданъ — нѣтъ; сакваяжъ — нѣтъ! Беда!

*) Какой странный воспитатель для молодого юмудскаго принца! — можетъ замѣтить читатель. Совершенно согласенъ съ справедливостью этого замѣчанія, но измѣнить ничего не могу.—*Авт.*

«— Есть ли, — говорю, — по крайности, орденъ у тебя?
Наши господа ордена любятъ.

«— Есть, — говорить, — орденъ ишакъ. Самъ дѣлалъ.

«— Бери больше, — говорю.

«Ѣхали-Ѣхали; плыли-плыли. Страсть!

«Пескамъ Ѣхали, полямъ Ѣхали, лѣсамъ, горамъ Ѣхали.
Морямъ плыли, заливамъ-праливамъ плыли, рѣкамъ плыли,
озерамъ не плыли...

«Одначе пріѢхали.

«— Какой такой страна? — спрашивалъ принцъ.

«— Балшой ты ишакъ выросъ, а такой дурацкой вещь
спрашиваешь. Не страна, а Рассея, говорю.

«— Учи мене разумъ, Хабибулла! пожалста учи!

«Ѣжали одинъ городъ — одинъ помпадуръ стричалъ.

«— Какой такой человекъ? — говорить принцъ.

«— Помпадуръ, — говорить.

«— Бери орденъ ишакъ и термалама на халатъ!

«Ишакъ бралъ, термалама бралъ, плечомъ цѣловалъ,
ружьемъ стрѣлялъ... беда!..

«Другой городъ Ѣжали — другой помпадуръ стричалъ.

«— Бери орденъ ишакъ и термалама на халатъ!

«Ишакъ бралъ, термалама бралъ, плечомъ цѣловалъ,
ружьемъ стрѣлялъ!

«Сто версть Ѣжали, тысячу версть Ѣжали—вездѣ пом-
падуръ стричали. Народъ нѣтъ, помпадуръ есть.

«— Хорошо здѣсь, — говорить принцъ: — народъ не
видать, помпадуръ видать — чисто!

«Въ Маршанскъ на машини Ѣжали — машина какъ
свиснетъ! Страсть! Заболелъ нашъ Иззединъ-Музаферъ-
Мирза, за животь взялся.

«— Умрешь здѣсь, — говорилъ: — айдѣ домой, въ
Ямудію!

«Досадно мнѣ, ай-ай, какъ досадно стало!

«— Балшой, — говорю, — ты ишакъ выросъ, а до мѣста
потерявъ не можешь!

«Слышать не хочетъ — шабашъ!

«— Айда́ домой! Риформа дома дѣлать хочу!

«Одну только станцію на машини ѓзжали — айда́ назадъ въ Ямудію!

«Ѣхали-Ѣхали; плыли-плыли.

«Одинъ городъ Ѣзжали — одинъ помпадуръ стричаль; другой городъ Ѣзжали — другой помпадуръ стричаль.

«Ишакъ давалъ, термалама не давалъ. Жалко стало.

«— Ай-ай, хорошо здѣсь! — говорилъ прынецъ: — народъ пѣтъ, помпадуръ есть — чисто! Айда́ домой риформа дѣлать.

«Домой Ѣзжалъ, риформа начиналъ.

«Народъ гонялъ, помпадуръ сажалъ, риформа кончалъ».

1873 г.

НЕВНИЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Л. Голубович

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

HERNIMPE PACH/3PI

I. — Гегемоніевъ.

Молодой коллежскій регистраторъ Потанчиковъ получилъ мѣсто станового пристава. Произошло это радостное въ лѣтописяхъ русской администраціи событіе слѣдующимъ необычайнымъ образомъ.

Однажды, одѣвшись чистенько, явился онъ на дежурство къ его превосходительству, генералу Зубатову. Генераль, кромѣ другихъ добродѣтелей имѣвшій даръ съ перваго взгляда угадывать людей, угадалъ и Потанчикова. Проходя мимо юнаго коллежскаго регистратора, онъ окинулъ его быстрымъ и проницательнымъ взоромъ, и тутъ же вполголоса сказалъ сопровождавшему его вице-губернатору:

— А какъ вы думаете... этотъ молодой человѣкъ... вѣдь изъ него можетъ выйти молодецъ-становой?

— Мо... мо... — промычалъ-было вице-губернаторъ, желая, вѣроятно, высказать, что Потанчиковъ молодецъ, но на первомъ же слогѣ запнулся, вспомнивъ, что ему отъ начальства строго-на-строго было наказано всего болѣе о томъ нешиться, чтобъ съ губернаторомъ жить въ ладу.

— А стань-ко, любезный, ближе къ свѣту,—продолжалъ его превосходительство, обращаясь къ Потанчикову.

Потанчиковъ повиновался. Генераль, заложивъ руки за спину, снова окинулъ его испытующимъ взглядомъ, и, произведя довольно подробный наружный осмотръ, видимо остался доволенъ своею способностью угадывать людей.

— Гм!.. да, въ этомъ прокъ будетъ! — проговорилъ

онъ. — Я, знаете, всю эту реформу въ исполненіе привести хочу... чтобъ этихъ законопротивныхъ фізіономій у меня не было... А ты желаешь въ становые, мой милый?

Потанчиковъ сначала помертвѣлъ, потомъ застыдился, потомъ опять помертвѣлъ. Горло у него пополамъ перехватило, и одна нога, неизвѣстно отчего, начала присѣдать.

— Ну, хорошо, хорошо... вижу! — сказалъ генераль, любясь смущеніемъ молодого человѣка, и, обращаясь къ вице-губернатору, прибавилъ: — Такъ потрудитесь сдѣлать распоряженіе.

Въ этотъ же достопамятный день, вечеромъ, новоспеченный становой соорудилъ въ трактиръ такую попойку, послѣ которой выборные люди отъ всѣхъ отдѣленій губернскаго правленія слонялись цѣлую недѣлю, словно влюбленные.

Тутъ были всѣ, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависѣли будущія судьбы Потанчикова. Былъ и несокрушимый въ цунштахъ Псалмопѣвцевъ, и цѣломудренный Матѳій Скорбященскій, были Подгоняйчиковъ и Трясучкинъ, было двое Воскресенскихъ, трое Богоявленскихъ и проч.

— Просто, братъ, волшебная панорама! — ораторствовалъ Потанчиковъ, повѣствуя объ утреннемъ происшествіи: — показываетъ, это, показываетъ... Какъ только пережилъ!

— Да, братъ, изъ простыхъ рыбаей! — благодушно замѣтилъ Матѳій Скорбященскій.

— Ужь и не говори! Думалъ жизнь, по обычаю предковъ, въ званіи писца скончать...

— А теперь вотъ будешь вселенную перомъ уловлять! — прервалъ, вздохнувъ, одинъ изъ Богоявленскихъ.

— Нѣтъ, это что, это все пустое! — скороговоркой вступился Трясучкинъ. — А ты возьми, станице-то, станице-то какой: сплавы, братъ, конокрады, раскольники... Вотъ ты что вообрази!

— Да, при умѣ статьи хорошія! — отозвался Псалмопѣвцевъ.

— Ты больше натискомъ... натискомъ больше дѣйствуй.

— Да въ губернію чаще навѣдывайся...

— Да ребятишекъ нашихъ не забывай...

— Ты, братъ, не оскорбись, коли иной разъ по моему столу тебѣ замѣчаніе будетъ... Я, братъ, тебѣ другъ — ты это знай! — изъяснялся Скорбященскій.

— Безъ замѣчанія иной разъ нельзя...

— Безъ замѣчаній какъ же можно!

— Иной разъ, братъ, самъ губернаторъ тово... да что тутъ говорить, отстоимъ!

— Такъ ты больше натискомъ... натискомъ больше дѣйствуй! — повторилъ Трясучкинъ.

— А по-моему, такъ прежде всего къ Зиновею Захарычу сходить слѣдуетъ, — отозвался Псалмопѣвецъ.

— Сходи, братъ, не человѣкъ, а душа!

— Сходить, отчего не сходить, сходить можно! — отвѣчалъ Потанчиковъ, улыбаясь всѣмъ лицомъ отъ полноты внутренняго счастья.

— Нѣтъ, ты не говори: «сходить можно!» — наставительно замѣтилъ Псалмопѣвецъ: — потому ты еще не понимаешь! Ты думаешь, въ чемъ существо веществъ состоитъ? Напримѣръ, назовемъ хоть часы, или вотъ стаканъ... Ты развѣ понимаешь?

— Да, братъ, именно надо у Зиновея Захарыча поучиться; надо!

— Или возьмемъ примѣромъ хоть то: развѣ ты можешь угадать, какое тебя впереди поношеніе ожидаетъ? Спрашиваю тебя, можешь ли угадать?

— Да я, Разумникъ Семенычъ, схожу-съ... я, Разумникъ Семенычъ, еще пунштику прикажу-съ...

— Можно. А Зиновею Захарычъ всему тебя научить и весь тебѣ кругъ дѣйствія совершить. Такъ ты къ нему сходи, да не легковѣрно, а со страхомъ и трепетомъ приступи! Вспомни ты это мое слово: въ отчаянности утѣшеніе найдешь, преткновенія разсѣнешь и побѣдишь, въ дѣ-

лахъ откровеніе получишь, коли заповѣдь его твердо хранить будешь!

Вѣрный данному слову, Потанчиковъ дѣйствительно отправился на другой день къ Зиновею Захарычу.

Зиновой Захарычъ былъ выгнанный изъ службы подъячій, видомъ худеный, маленькій, весь изъѣденный желчью. Встарину величали его весельчакомъ, и онъ дѣйствительно былъ всегда веселъ, но веселъ по-своему, съ какимъ-то мрачнымъ оттѣнкомъ, какъ будто радовался и увеселялся собственно тѣмъ, что удачно лишилъ жизни своего ближняго. Вся фигура его была каверзна и безобразна и до такой степени представляла собой образецъ ломаной линіи, что, при распространившихся въ послѣднее время понятійхъ о линіи кривой, онъ не могъ быть терпимъ на службѣ даже въ земскомъ судѣ, гдѣ, какъ извѣстно, находится самое мѣсторожденіе ломаной линіи. Поэтому Зиновой Захарычъ долженъ былъ кончить земное свое странствіе, подобно фіалкѣ, въ тѣни того широколѣтвистаго дерева, которое въ просторѣчій именуется клюзой и ябедой.

— Отъ тебя любезный, и на подчиненныхъ уныніе! — сказалъ ему генеральъ Зубатовъ, первый изъ русскихъ администраторовъ, который серьезно потребовалъ, чтобъ чиновники имѣли манеру благородную и видъ, при исполненіи обязанностей, безстрастный. — Нѣтъ, ты подай, непременно подай въ отставку!

Но общественное мнѣніе рѣшительно приняло сторону Гегемоніева. Рассказывали истинныя происшествія о томъ, какъ гнуснаго вида офицеры оказывались въ послѣдствіи прекрасными полковыми командирами и даже геніальными военачальниками. Говорили о премудрости Провидѣнія, которое одному даетъ въ удѣлъ красоту, другому богатство, третьему острый умъ, а четвертому ничего. Проріяцали, что никакое несправедливое дѣйствіе не останется безъ возмездія въ будущемъ, и вообще на генерала негодовали,

а Гегемоніева восхваляли. А все-таки Зиновой Захарычъ долженъ былъ повиноваться персту указующему...

Но въ особенности неслись къ Гегемоніеву сердца капцеляристовъ всѣхъ возможныхъ родовъ и видовъ. Они любили, въ часы досуга, внимать разсказамъ этого новаго Улисса и выслушивали ихъ въ веселіи сердца своего. И слава, которую пользовался Зиновой Захарычъ въ этомъ отношеніи, была вполне имъ заслужена. Никто, конечно, не могъ подать столь благого совѣта, никто не могъ такъ утѣшить, обнадежить и умудрить, какъ дѣлалъ это Гегемоніевъ. Гонимые судьбой возвращались отъ него бодрыми, недугующіе—исцѣленными, печальные—радостными, слѣпые—прозрѣвшими, безнадежные—утѣшенными и просвѣтленными.

На бѣду Потанчикова, хозяйка квартиры, въ которой жилъ Гегемоніевъ, объявила ему, что Зиновой Захарычъ со вчерашняго дня слегъ въ постель и въ настоящую минуту находится чуть ли не при смерти.

— Въ подпитіи, конечно-съ? — робко замѣтилъ Потанчиковъ.

Но хозяйка положительно завѣрила, что баринъ цѣлмя сутки маковой росипки въ ротъ не бралъ и умираетъ безъ всякой аллегоріи. Потанчиковъ уже хотѣлъ удалиться, какъ изъ сосѣдней комнаты послышался дребезжанціи голосъ самаго Гегемоніева, призывавшіи хозяйку.

— Пожалуйте!—сказала она, возвращаясь чрезъ минуту къ Потанчикову.

— Больны, Зиновой Захарычъ?—спросилъ Потанчиковъ, садясь у изголовья Гегемоніева.

— Да... перепустилъ, видно... на именинахъ третьяго дня у Разумника Семеныча былъ... ну, и поплясалъ тоже...

— Это пройдетъ, Зиновой Захарычъ; отъ радости худо не бывасть-съ.

— Да, въ наше время, это точно, что люди отъ веселья не хварывали, а нынче, братъ, и радость-то словно не

на пользу: вездѣ ровно тѣмнеть какая обстоитъ... Ты зачѣмъ?

— А вотъ-съ становымъ на всю жизнь осчастливили... желательно было бы отъ васъ позаимствоваться-съ...

— Спасибо, спасибо тебѣ, что меня, старика, вспомнилъ. Это точно, что я напутствовать могу, потому я произошелъ... я много, братъ, въ жизни произошелъ! Плохо вотъ только мнѣ; даже словно душить въ груди... однако, ничего, попробую...

«— Вертоградъ этотъ, — началъ Гегемоніевъ, по времени прерывая рассказъ свой удушливымъ кашлемъ: — вертоградъ, о которомъ мы будемъ бесѣдовать, весьма необыкновенный. Въ самое короткое время, съ небольшимъ въ какихъ-нибудь сто лѣтъ, разросся, приумножился и изукрасился онъ преестественно.

«Говоришь ты мнѣ: «становымъ на всю жизнь осчастливленъ», а знаешь ли, что есть «становой»? Думаешь ты, можетъ-быть, что становой есть Потанчиковъ, есть Овчинниковъ, есть Преображенскій? А я тебѣ скажу, что все это одна только видимость, что и Потанчиковъ, и Овчинниковъ тутъ только на прикладъ даны, въ существѣ же веществъ становой есть, ни мало, ни много, невещественныхъ отношеній вещественное изображеніе... Шутка!

«Скажу я тебѣ по этому самому случаю аллегорію.

«Въ молодыхъ моихъ лѣтахъ, хаживалъ я, сударь, въ школу, и немало-таки розгачей и мученическихъ вѣнцовъ, просвѣщенія ради, прінялъ. И сказывали намъ тогда, какъ въ старые годы отцы наши варяговъ изъ-за моря призывали, и какъ варяги порядокъ у насъ производили, и не обошлось тутъ безъ того, чтобъ гости хозяевъ легонько не постегали.

«И всему этому я, по невинности своей, въ ту пору вѣрилъ, и все это вышла, однакожъ, одна новѣйшаго произведенія аллегорія. Разберемъ это дѣло по пунктамъ.

«Ну, скажи ты мнѣ на милость, зачѣмъ было отцамъ нашимъ изъ-за моря варяговъ призывать, когда у насъ и свои всегда на-лицо? И скажи ты мнѣ еще, какимъ бы родомъ эти варяги, если бы это не была аллегорія, могли и доселѣ все въ томъ же видѣ остаться, безъ всякихъ въ нравахъ и обычаяхъ перемѣнъ? Это пунктъ первый.

«Второй пунктъ: «земля наша велика и обильна»... Если бы это не былъ вымыселъ, развѣ могъ бы лѣтописецъ такимъ образомъ выразиться? Развѣ не было ему извѣстно, что за тысячу-то лѣтъ всю матушку Русь на одну ладонку посадить, а другою прикрыть было можно? Что жъ это значить? Не то ли, что нѣкто, взирая на нынѣшнее пространство Россіи, увлекся восторженностью своей до того, что даже забылъ, что пишеть о временахъ давно прошедшихъ? Ясно?

«Третій пунктъ: «а порядку въ ней нѣтъ»... Чтò сей сонъ значить? А значить это, что вообще порядку нѣтъ и не можетъ быть, пока три брата въ надлежащую ясность дѣла не приведуть. Стало-быть: «приходите княжить и володѣть нами»... Ну, и пришли. Пришли, сударь, три брата: первый-то братъ капитанъ-исправникъ, второй-то братъ стряпчій, а третій братецъ, маленькій да востренькій,—самъ мусье окружной!

«Они же бояхусь звѣринаго ихъ обычая и права»... Это значить, что точно спервоначалу было имъ будто робостно, а послѣ, однако, ничего: сжились да начали володѣть и взаправду!

«Ну-съ, сударь мой, пришли, значить, три брата, а какъ земля наша велика и обильна, то и выходитъ, что имъ втроемъ управиться въ этомъ изобиліи стало совсѣмъ неспособно. И пошли у нихъ братцы мельшіе, примѣрно хоть ты или я: чѣмъ больше порядку, тѣмъ больше братцевъ, и до того, сударь, дошло, что, кромѣ порядка, ничего у хозяевъ-то и не осталось. Гдѣ было жито — тамъ порядокъ; гдѣ худоба всякая была — тамъ порядокъ; гдѣ даже

рошницы росли—и тамъ завелся порядокъ. И стало, сударь мой, хозяйевамъ куда какъ радостно: земля, говорить, наша хоть и не избилъна, да порядокъ въ ней есть... Резонъ!

«Вотъ и выходитъ, что вся эта исторія одно инословіе изображаетъ, и если примѣрно тебя опредѣляютъ теперь въ становые, то ты такъ и знай, что ты тотъ самый Труворъ и есть, о которомъ сказано, что для порядку призванъ.

«А порядокъ что такое? А порядокъ есть такое всѣхъ частей вертограда сего соотвѣтствіе, въ силу котораго всякому дѣйству человѣческому свой небуиственный ходъ заранее опредѣляется. А небуиственность что? А небуиственность есть такое качество, въ силу котораго ты, человѣкъ простой, шагу безъ того сдѣлать не можешь, чтобъ *перметте* не сказать. Въ этомъ-то *перметте* и заключается вся сущность и сила, такъ какъ оно простираетъ свое домогательство ко всѣмъ дѣйствіямъ человѣческимъ безъ изъятія. И такъ какъ обладатели его мы, три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, то и выходитъ, что жизнь человѣческая вся въ нашихъ рукахъ совершается.

«Въ былыя времена, когда я къ служебнымъ сладостямъ еще приобщенъ былъ, дѣйствовали мы на этомъ полѣ очень удачно. Главное тутъ—воображеніе имѣть, чтобъ оно тебѣ на всякій часъ нипсу для дѣйствія доставляло. Воображаю я, напримѣръ, что ты фальшивую монету дѣлаешь; воображаю я это не потому, чтобъ ты въ самомъ дѣлѣ монету дѣлалъ, а просто потому, что воображеніе у меня есть и никто для него предѣла не заказалъ. Хорошо. Вотъ беру я бѣлый листъ бумаги и изображаю на немъ тако: «По дошедшимъ слухамъ, имѣется подозрѣніе, что такой-то Потанчиковъ занимается якобы дѣланіемъ фальшивой монеты. Подтверждаются эти слухи частью необыкновеннымъ образомъ жизни, который ведетъ Потанчиковъ (ибо въ домѣ его по ночамъ весьма часто усматривается выходящій какъ бы изъ подполья тусклый свѣтъ), частью чрезвычайнымъ

появленіемъ въ сеѣ мѣстности фальшивыхъ денегъ, преимущественно же тѣмъ, что жена Потанчикова, будучи такогото числа на базарѣ, купила бѣличій салоуъ, причеиъ похвалялася, говоря: скоро и не такой еще кушлю! А потому и т. д.» Все это, сударь мой, это я себѣ вообразилъ, и никакого огня, ни фальшивыхъ денегъ не бывало. Однако тебѣ, Потанчикову, отъ этого не легче. Призываю я меньшого своего брата, который хоть и весь въ мени, а считается будто твоимъ депутатомъ, и идеиъ мы вмѣстѣ къ тебѣ съ обыскомъ. Супруга у тебѣ стонетъ, ребятушки зѣваютъ, собаки на дворѣ воютъ... ну, и одаряешь ты, сударь, насъ по силѣ-возможности: только, моли, отвяжитесь, ради Христа!

«Ты, дружище, пойми это, что въ тебѣ и вачало, и середина, и конецъ человѣческаго существованія заключастся. Ты, сударь, истинную вѣру охраняешь, ты уваженіе къ властямъ посяваешь, ты здравіе, благоденствіе и продовольствіе всюду распространяешь, ты отъ глада и града, отъ труса и наводненія, отъ моря и повѣтрія сырыхъ и безпомощныхъ освобождаешь! И все ты одинъ, становой приставъ Никаноръ Перегриновъ Потанчиковъ, у котораго подъ началомъ единый писецъ состоитъ да десятка два-три сотскихъ! Мало того: потребуется начальству птицу Финикъ сыскать—ты и птицу сыщешь; потребуется статистику сочинить—ты и статистику сочинишь. Ты всѣми добродѣтелями и науками отъ Бога награжденъ долженъ быть; ты и хозяинъ добрый, и сыщикъ злохитрый, и химикъ изрядный, и статистикъ урожденный! А такъ какъ ты всего этого, по ограниченности природы человѣческой, исполнить не въ силахъ и такъ какъ про эту твою ограниченность и начальству, яко изъ человѣковъ же состоящему, не безызвѣстно, то какое изъ сего прямое слѣдствіе истекать должно? А то слѣдствіе, что ты если не дѣло дѣлать, такъ, по крайности, выгоды свои долженъ соблюсти!

«Это тебѣ философія, а вотъ и практика. Прежде всего

помнить ты долженъ, что всякая статья должна, по силѣ-возможности, сокъ дать, чтобъ жажду твою утолить и гладнаго тебя накормить. По началу оно будто робостно, а по времени въ такой вкусъ и азартъ войдешь, что словно вотъ соловей: поешь и самъ себя даже не чувствуешь... Пробоваль я тоже и зарокъ на себя класть: буду, молъ, сидѣть смирно, — такъ нѣтъ, никогда больше двухъ сутокъ воздержаться не могъ! Потому, во-первыхъ, что я своему тѣлу развѣ врагъ? А во-вторыхъ, и потому, что есть, сударь, въ нашемъ ремеслѣ притягательная сила, противъ которой, хоть будь ты семи нядей во лбу, не устоишь! И томить тебя, и душить, и подымаетъ всего... покуда свой натуральный кругъ дѣйствія не совершишь!

«Одно нашего брата губить—это питіе безмѣрное. Залѣзешь—это въ трушобу, театровъ нѣтъ, баловъ не имѣется, и пошелъ курить! Слоняешься иной разъ по дорогамъ и въ слякоть, и въ стыть; и въ глаза-то тебѣ хлещетъ, и сквозь-то тебя пронимаетъ, — ну, и воскликнешь: жажду! Иной разъ сутки цѣлыя слова путемъ не вымолвишь; все или молчишь, или ругаешься — ничего для души нѣтъ!.. Друге, женившись, думаютъ себя соблюсти, такъ слушай ты меня: не вѣрь тѣмъ, кто тебя этимъ предметомъ соблазнять будетъ! Нашъ братъ, опричникъ, на все долженъ быть готовъ: и въ болотѣ увязнуть, и отъ меча погибнуть, и отъ пламени огненного сгорѣть. Стало-быть, зачѣмъ тутъ жена? Зачѣмъ развѣ, чтобъ руки тебѣ связать да трусостью сердце твое обуять? Ты пойми это, что въ нашемъ ремеслѣ ты осторожностью да выжиданіемъ ничего не возьмешь; ты коли хочешь пользу имѣть, такъ жестъ у тебя долженъ быть вольный, широкій, чтобъ и вдоль забиралъ, и поперекъ захватывалъ, да и вглубь, и ввысь и рвалъ и металъ... Зачѣмъ тутъ жена?

«А все-таки надо правду сказать: хоть ты бойся, хоть не бойся, а какъ придется концы съ концами сводить—въ результатѣ все ничего и очень мало выходитъ... Вотъ

и я, напримѣръ... я ли, кажется, не поревноваль, а все подь старость голову приклонить негдѣ! Хоть и сказалъ въ ту пору его превосходительство, хлопнувши меня по животу, что тутъ, мель, все курочки да гусочки хапаные сидятъ, а вѣдь, коли по совѣсти-то сказать, какія же это курочки? Наши, братъ, курочки русскія: худенькія, маленькія да жиденькія—въ силу имъ насытиться. Вотъ тѣхъ бы индюшекъ попробовать, которыя къ его превосходительству на столъ отъ откушника подаются, ну, тогда точно: вышли бы мы и тѣломъ побѣдѣе, и ростомъ поавантажнѣе... Такъ вотъ и смегай ты, какъ въ свѣтѣ жить, безпечальну быть!

«Однако, сытымъ быть можно. Главное, мнѣніе надо въ себѣ побѣдить, кичливость плотскую смиренномудрію духовному покорить, а пуще всего подь судъ не попадать, потому что въ уголовную хоть и однажды попадешь, однако послѣ того всю жизнь будешь счастливъ, все равно какъ бы на затылкѣ тебѣ кожу вырѣзали, или на лбу клеймо напечатали. А нашъ братъ какъ дорвется до теплаго мѣстечка, такъ не то чтобъ смѣлостью, а больше озорствомъ дѣйствуетъ: я-ста да мы-ста,—ну, и разбросаетъ все зря: того ему не надо, то для него презрительно... А ты, коли хочешь невредимымъ быть, все берп, ничѣмъ не брезгай, да не плюй въ бороду-то, не плюй, а пуще ее погладь, потому что и жизнь-то твоя вся въ бородѣ заключается.

«И еще: его сивушество іерусалимскаго князя Подугарова наче звѣздъ уважай. Помни: опъ по всей землѣ, всѣхъ кабаковъ, выставокъ всерадостный обладатель и повелитель... кто жъ ему равень?

«Итакъ, сударь, ты отъ меня напутствованъ. Иди же ты съ миромъ и не сомнѣвайся... А меня оставь... потому что я умирать хочу!»

II.—Зубатовъ.

Генераль Зубатовъ, Богъ ему судья, не очень-таки долюбиваль меня. «У васъ, говоритъ бывало, слишкомъ голова горяча, милостивый государь,—вы діалектикѣ, милостивый государь, предаетесь!.. Служба требуетъ дѣла, а не соображеній, милостивый государь!.. Она требуетъ фактовъ, фактовъ и фактовъ!»

И все этакъ строгимъ манеромъ.

И держаль онъ меня, по случаю діалектики, въ великомъ заговнѣ; пройти, бывало, по улицѣ совѣстно; словно и заборы-то улыбаются и шепчуть тебѣ вслѣдъ: діалектикѣ, діалектикѣ, діалектикѣ!

А подь діалектикомъ разумѣль Семень Семенычъ отчасти такого человека, который перомъ побаловать любить, отчасти такого, который на какой-нибудь официальный вопросъ осмѣливается откликнуться: «не могу знать», а отчасти и такого, который не бѣжитъ сломя голову на всякій рожонъ, на который ему указываютъ.

Къ балующимъ перомъ Семень Семенычъ адресовался обыкновенно слѣдующимъ образомъ:

— Чтò вы мнѣ, милостивый государь, тамъ рассказываете? Какія вы тамъ нашли еще препятствія? Развѣ вамъ велѣно вникать въ препятствія? Развѣ васъ объ этомъ спрашиваютъ? Я, милостивый государь, тридцать пять лѣтъ служу, и благодареніе Богу, никогда никакихъ препятствій не видалъ!

— Помилуйте, ваше превосходительство, вѣдь это все равно, что на камень рожь сѣять...

— Ну, что же-съ... и посѣмъ-съ!..

— Да вѣдь рожь-то не выростеть!

— Выростеть-съ, а не выростеть, такъ будемъ камень сѣчь-съ!

— А она и отъ этого не выростеть!

— И опять будемъ свѣчь-сь! Намъ до этого дѣла нѣтъ, что можно и что нельзя... а мы будемъ свѣчь-сь!

Къ «немогузнайкамаъ» Семень Семенычъ обращался такъ:

— Что вы мнѣ тамъ доносите и два, и три? Вы должны сказать мнѣ прямо: или два, или три... Служба не терпитъ этой неопредѣленности...

— Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству, что...

— Знаю я это, милостивый государь, очень знаю... Но вѣдь мнѣ нужны не «или» ваши, а настоящая цифра, потому что я эту цифру долженъ въ вѣдомости показать, и итогъ... да, и итогъ, сударь, подвести!.. Въ какую же силу я ваше «или» тутъ сосчитаю?..

Но всего болѣе антипатиченъ былъ для него третій сортъ дѣляковъ.

— Я вамъ приказалъ, сударь... почему вы не исполнили?—говорилъ онъ имъ, принимая самыя суровыя тоны.

— Такъ и такъ, ваше превосходительство, я былъ на мѣстѣ и убѣдился, что указываемый вами рожонъ совсѣмъ не рожонъ...

— А развѣ объ этомъ васъ спрашивали? а знаете ли вы, милостивый государь, что за подобныя разсужденія въ военное время разстрѣливаютъ?

И такъ далѣе, въ томъ же тонѣ и духѣ. Однимъ словомъ, генераль любилъ, чтобъ чиновникъ смотрѣлъ у него весело, не разсуждалъ и тѣмъ менѣе противорѣчилъ, не сомнѣвался, не провидѣлъ и на ногу былъ легокъ.

И вдругъ, въ одно прекрасное утро, онъ задумался. Долго онъ думалъ и сначала, повидимому, скорбѣлъ и вздыхалъ, но, наконецъ, пріятная улыбка озарила уста его.

— А что жъ,—сказалъ онъ:—въ самомъ дѣлѣ! Надо же и имъ дать вздохнуть... трудненько оно будетъ... правда... а впрочемъ, что за вздоръ—не боги же горшки обжигали!

Въ этотъ же день я былъ приглашенъ къ его превосходительству и удивленъ слѣдующею рѣчью:

— Вотъ, любезный другъ,—сказалъ онъ мнѣ ласково:—

оказывается теперь, что мы съ вами до сихъ поръ спали, то-есть не то чтобъ совсѣмъ спали, а такъ, знаете, скользили по поверхности... составляли тамъ вѣдомости... наблюдали, чтобъ входящія и исходящія не были закапаны... Выходить, что все это было ненужно... Д-да!

— Д-да! — повторилъ я въ изумленіи.

— Выходить, что отъ этого у насъ и торговля не развивается... и фабрикъ нѣтъ... и богатство народное... тово...

Я видѣлъ по его лицу, какъ всѣ эти непривычныя выраженія мучительно зарождались въ его головѣ и еще мучительнѣе сходили съ языка.

— Выходить, намъ надо тепереча записаться настоящимъ дѣломъ,—сказалъ онъ рѣшительно.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

— Да; теперь это нужно... теперь вотъ и Европа на насъ посматриваетъ... ну, да и время совсѣмъ не то! Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь, чтò значить время-то!

Генераль улыбнулся и началъ загонять ногою въ уголъ валявшуюся на полу бумажку.

— Вотъ хоть бы вчера,—продолжалъ онъ:—вѣдь какъ казалось все гладко, все прекрасно... плыли мы, можно сказать, по океану и воды даже подъ собой не слышали... а нынче...

— Отчего же, однако, вашему превосходительству кажется, что нынче все измѣнилось?

— Да нѣтъ! неужто жъ вы этого не чувствуете? Вѣдь пора же, пора намъ, наконецъ, сбросить съ себя это скинство!.. Надо же и намъ когда-нибудь стать въ уровень съ Европой... Вѣдь этакъ мы того дождемся, что насъ помѣстятъ въ число пастушескихъ народовъ!.. И дождался бы!

Глаза Семена Семеныча сверкнули гнѣвомъ.

— Развѣ ваше превосходительство получили какія-нибудь извѣстія изъ Петербурга?—спросилъ я робко.

— Нѣтъ, вы меня не понимаете! Я просто убѣдился, что не можетъ это такъ оставаться, и потому на первый

разъ призывалъ ужь нынче частнаго пристава Роголю и сказалъ ему, чтобъ онъ отнюдь не смѣлъ волю рукавъ давать... потому что въдь это, наконецъ, нельзя же: все въ рыло да въ рыло!

При этихъ словахъ я вспомнилъ, что дѣйствительно Роголя еще утромъ прѣзжалъ ко мнѣ весь встревоженный и объявилъ, что его превосходительство находится въ восторженномъ состояніи.

— А что?—спросилъ я.

— Да помилуйте,—отвѣчалъ онъ:—чуть-свѣтъ меня подпаялъ... Я думалъ, что какое-нибудь упущеніе или пожаръ... скачу, и что же-съ? «Я, говорить, за тѣмъ тебя призывалъ, чтобъ напомнить, чтобъ ты не дрался, а дѣйствовалъ кротостью и собственнымъ примѣромъ; если жъ ты будешь драться, такъ я тебя, подлеца, самого такимъ образомъ откатаю, что ты три дня садиться не будешь»... Посудите сами, ваше высокоблагородіе!

Въ ту минуту я не разобралъ хорошенько этого обстоятельства и даже утѣшилъ Роголю, что, должно-быть, его превосходительству во снѣ что-нибудь нехорошее привидѣлось; но теперь... теперь я самъ начиналъ догадываться, что тутъ дѣйствительно есть какой-то пунктикъ, который не далѣе какъ въ прошедшую ночь зародился въ головѣ его превосходительства, но къ утру выросъ и распространился вширь съ погибельною быстротой.

— Я и прежде всегда утверждалъ,—ораторствовалъ, между тѣмъ, его превосходительство:—что не нужно слишкомъ натягивать струны... потому что, вы понимаете, мы, наконецъ, отупѣли съ этимъ натягиваніемъ.

Семень Семенычъ взглянулъ на меня, какъ бы вызывая на размышленія; но я стоялъ сконфуженный и подавленный; мой носъ инстинктивно нюхалъ въ воздухъ, глаза сами собой устремлялись на барометръ, какъ бы ища опоры для объясненія этой внезапной перемѣны.

— Такъ вы, пожалуйста, займитесь,—продолжалъ генералъ:—надо намъ... тово... идти рядомъ съ вѣкомъ...

— Что же прикажете, ваше превосходительство?

— Ну, да вы меня понимаете... я бы хотѣлъ, чтобъ этакъ тово... новенькое что-нибудь... Знаете ли что?—прибавилъ онъ весело, какъ бы озаренный внезапной мыслью:—устроимте-ка здѣсь биржу!

— То-есть, какъ же биржу?

— Ну, да, биржу... какъ въ Петербургѣ или вотъ въ Москвѣ... Теперь у насъ все это въ младенчествѣ... они всѣ сдѣлки свои въ трактирѣ за парой чая дѣлаютъ... Ну, а если мы заведемъ биржу, торговля-то, знаете ли, какъ двинется впередъ!..

— А если купцы на биржу не станутъ ходить?

— Надобно, mon cher, на первое время сдѣлать для нихъ обязательнымъ, чтобъ ходили... потому что иначе какія же могутъ быть у насъ усовершенствованія?

— Это точно, ваше превосходительство!

— Ну, такъ вы, стало-быть, займетесь этимъ? Кстати! Анна Ивановна жалуется мнѣ, что васъ давно не видать у насъ... такъ приходите сегодня обѣдать... запросто!

Само собою разумѣется, что я не позабылъ о приглашеніи, и ровно въ три часа былъ въ гостиной Зубатовыхъ.

Но, къ величайшему моему удивленію, я нашелъ Анну Ивановну въ столь же восторженномъ настроеніи духа, какъ и Семена Семеныча. Въ то время, какъ я вошелъ въ гостиную, она вела оживленную бесѣду съ товарищемъ председателя уголовной палаты Семіоновичемъ.

— Согласитесь, однакожь, со мной, что тутъ еще многое остается сдѣлать,—говорила она.—Мсье Щедринъ! вы, я надѣюсь, поддержите меня...

— Но позвольте, Анна Ивановна,—вступился Семіоновичъ:—вы напрасно думаете, что я принадлежу къ числу отсталыхъ. Я полагаю, что намъ слѣдуетъ только объяснить, и всѣ недоразумѣнія устроятся сами собою...

— C'est inouï ce que nous avons souffert!—продолжала Анна Ивановна, обращаясь ко мнѣ.—Изумительно даже, какъ могли мы дышать!

«Кроткая Annette! что съ тобой сдѣлалось! что съ тобой сдѣлалось!—подумалъ я, переходя отъ изумленія къ совершенному остоленію.—Ты, которая до сихъ поръ позволяла себѣ думать только о наслажденіяхъ предстоящей минуты, ты, которая смотрѣла на жизнь какъ на рядъ милыхъ и граціозныхъ сценъ, въ родѣ пословицъ Альфреда Мюссе, ты ожесточена, ты говоришь о какой-то духотѣ, о какихъ-то прошедшихъ страданіяхъ... Боже!»

— Вотъ это-то именно и есть единственный пунктъ, насчетъ котораго я нѣсколько расхожусь съ вами, Анна Ивановна,—возразилъ, между тѣмъ, Семіоновичъ.—Я нахожу, что страданіе—самая лучшая школа жизни... Не даромъ великій поэтъ сказалъ:

Но не хочу, о, други! умирать,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать...

Стало-быть, страданіе не совсѣмъ-то дурная вещь... стало-быть, въ страданіи возможно даже своего рода наслажденіе, которое высоко цѣнится знатоками!..

— Не знаю; быть-можетъ, я не принадлежу къ числу знатоковъ, но, признаюсь вамъ, я не охотница до страданія... Мнѣ кажется такъ пріятно, такъ легко, когда меня никто не беспокоитъ, si l'on me laisse jouir en paix de mon existence... n'est-ce pas, мсье Щедринъ?

— Нѣтъ сомнѣнія, что жить спокойно гораздо пріятнѣе, нежели пользоваться тревогами,—отвѣчалъ я.

— Но я и не утверждаю, что страданіе должно быть нормальнымъ состояніемъ человѣка, — возразилъ Семіоновичъ.—Я говорю только, что страданіе—школа, и надѣюсь, что самое это слово доказываетъ, что здѣсь идетъ о немъ рѣчь, какъ о мѣрѣ, про которую говоритъ поэтъ:

Вѣдь въ наши дни спасительно страданье...

— Я надѣюсь, что мы съ честью выйдемъ изъ этой

школы,—сказала Анна Ивановна:—хотя, признаюсь вамъ, въ первый разъ это будетъ ужасно трудно... nous sommes encore si peu habitués de jouir des bienfaits de la civilisation... Я сегодня утромъ говорила съ мужемъ: это ужасъ, сколько надобно сдѣлать... il faut faire ceci et cela... Вездѣ, куда ни обернитесь, вездѣ надобно снова начинать...

— Да, это такъ,—отвѣчалъ Семіоновичъ задумчиво.—Не знаю... я какъ-то опасаюсь... мнѣ кажется... que nous n'avons pas assez de forces... que nous succombons à la tâche, en un mot!

— О, это опасеніе совершенно напрасное! Puisque au fond le peuple russe est avant tout un grand peuple... C'est une justice, que l'Europe entière se plait à lui rendre...

— А! здравствуйте! О чемъ это вы такъ горячо тутъ спорите?—прервалъ Семень Семенычъ, входя въ это время въ гостиную и подавая поочередно всѣмъ намъ руку, чего прежде никогда съ нимъ не случилось.

— Продолженіе давешняго разговора, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я.

— А! это любопытно!

— Вотъ мсьѣ Семіоновичъ находитъ, что мы недостаточно созрѣли,—отозвалась Анна Ивановна.

— То-есть, для чего?—спросилъ генераль.

Анна Ивановна затруднилась; она была вполне увѣрена, qu'il s'agit d'une très bonne chose, но какъ называется эта chose—не знала. А впрочемъ, что мудренаго: можетъ-быть, такъ она и называется... chose! Семіоновичъ, однакожъ, вывелъ ее изъ затрудненія.

— Мы не поняли другъ друга, Анна Ивановна!—сказалъ онъ нѣсколько обиженнымъ тономъ.—Мое воспитаніе... мое прошедшее, наконецъ... все это достаточно говорятъ въ мою пользу... Повѣрьте, я не принадлежу къ числу отста-
лыхъ!

— Ну, да, ну, да!—сказалъ Семень Семенычъ: — нынче ужъ оно и не ко времени!

— Я говорю только, что ваше перерожденіе достанется намъ не безъ труда!

— О, насчетъ этого я совершенно съ вами согласенъ... Я, напримѣръ, придумалъ теперь одну штучку. Конечно, это будетъ очень полезно... однако и за всѣмъ тѣмъ не могу поручиться, чтобъ она принялась такъ, какъ было бы желательно!

— Позволено ли будетъ узнать, ваше превосходительство, въ чемъ заключается ваше намѣреніе?—спросилъ Семіоновичъ.

— Такъ... я хочу... биржу здѣсь устроить!—отвѣчалъ генералъ съ тою посиѣшностью и вмѣстѣ усиліемъ, которыми всегда сопровождается желаніе высказаться какъ-нибудь небрежно. При этомъ онъ, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, застыдился и покраснѣлъ.

— Vous n'avez pas l'idée, comme ils nous trompent, ces marchands!—вступилась Анна Ивановна.—А тогда мы будемъ все на биржѣ покупать.

— Ты мнѣ, мамаша, на биржѣ новую курточку купишь! — пролетѣлъ маленькій сынокъ Анны Ивановны, прислушавшись къ разговору.

— Извините меня, Анна Ивановна,—замѣтилъ Семіоновичъ, пользуясь случаемъ, чтобъ отметить генеральшѣ за предположеніе о его отсталости:—но мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ вѣрно смотрите на значеніе биржи...

— Ну, да, ну, да, — сказалъ генералъ, снисходительно улыбаясь:—эти дамы только и думаютъ что о нарядахъ... Онѣ даже на переворотъ готовы смотрѣть съ точки зрѣнія тряпокъ... Ха-ха!

— А впрочемъ, мысль Анны Ивановны объ устроеніи такого магазина, который представлялъ бы всѣ ручательства относительно добросовѣстности и дешевизны, тоже весьма счастливая мысль,—возразилъ Семіоновичъ, спѣша на помощь подломившейся на льду либерализма генеральшѣ и такимъ образомъ умѣряя язвительность великодушіемъ.

— Mais... n'est-ce pas! — сказала Анна Ивановна, отдыхая.

Извѣстie, что готово кушать, прекратило на время разговоръ, но за обѣдомъ онъ возобновился съ новою силою. И генераль, и генеральша такъ увлекательно доказывали необходимость оставить рутину и идти новыми, неизвѣданными доселѣ путями, что даже суровый Семіоновичъ согласился *qu'au fait il y a quelque chose à faire*. Я и самъ чувствовалъ, что въ воздухѣ была разлита какая-то непривычная теплота, что по временамъ моего обонянiя касались живительные ароматы, что кровь съ усиленною быстротою прилиwała къ головѣ и сердцу...

Но не могу не сознаться, что все это происходило какъ будто во снѣ и что самые звуки говорившихъ кругомъ меня голосовъ дожились въ мой слухъ какъ-то смутно, неопредѣленно.

— Прежде всего надо позаботиться о торговлѣ, — говорилъ генераль: — потому что торговля — это нервъ...

— Да... и желѣзныя дороги, — сказалъ Семіоновичъ: — вотъ гдѣ для насъ предметъ первой важности! Пространство насъ одолеваетъ, ваше превосходительство, наша собственная карта насъ давить!

— Ну, съ этимъ какъ-нибудь справимся, съ Божьей помощью! — разсудилъ генераль.

— Однакожъ... это ужасно... сколько приходится сдѣлать! — задумчиво продолжалъ Семіоновичъ, внезапно всѣмъ тѣломъ вздрогнувъ.

— Еще бы! — замѣтила генеральша.

— Вы забыли еще о грамотности, — отозвался генераль и, обращаясь ко мнѣ, присовокунилъ: — Кстати, чтобъ не забыть! не худо бы намъ съ вами и насчетъ этого что-нибудь... знаете, въ такомъ же родѣ...

— Позвольте, однакожъ, ваше превосходительство, — возразилъ Семіоновичъ: — мнѣ кажется, что грамотность... я

думаю, что для этого у насъ еще почва недостаточно, такъ сказать, взрылена?

— Да, признаюсь вамъ, я и самъ такъ думалъ прежде... но теперь... я скорѣе склоняюсь въ пользу того мнѣнія, что тутъ совсѣмъ никакой почвы не надобно.

— Однакожь, ваше превосходительство, спеціалисты на основаніи достовѣрныхъ фактовъ утверждаютъ, что на пятьсотъ грамотѣвъ двѣсти непременно оказываются негодьями... Какъ хотите, а эта пропорція...

— Мамаша! я не хочу учиться... я не хочу сдѣлаться негодяйкой!—неожиданно закричалъ сынокъ Семена Семеныча.

— Полно, душечка, это о мужичкахъ говорятъ! — утѣшала его Анна Ивановна.

— Коли хотите, и я въ душѣ съ вами согласенъ,—продолжалъ, между тѣмъ, Семень Семенычъ:—но...

Генераль развелъ руками, какъ будто хотѣлъ сказать: *que voulez vous que je fasse!*

Много и еще было говорено разныхъ умныхъ рѣчей, и всякій разъ, когда кому-либо изъ собесѣдниковъ приходила счастливая мысль, генераль обращался ко мнѣ и говорилъ: «Кстати, чтобъ не забыть! Не мѣшаетъ и на это обратить серьезное вниманіе!»

Читателю, быть-можетъ, страннымъ и невѣроподобнымъ покажется, что бѣльшая часть моихъ героевъ словно во снѣ или въ туманѣ дѣйствуютъ. Въ справедливости этого замѣчанія долженъ сознаться я и самъ; но что же мнѣ дѣлать, если таково вообще свойство всѣхъ умирающихъ людей? Отъ умирающаго нельзя требовать ни послѣдовательности въ сужденіяхъ, ни даже совершенно округленныхъ періодовъ для выраженія послѣднихъ; всѣ ихъ мысли, всѣ ихъ чувства представляются въ видѣ какихъ-то клочковъ, въ видѣ ничѣмъ не связанныхъ отрывковъ, въ которыхъ мысль и чувство являются въ состояніи почти эмбрионическомъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать здѣсь, что міръ полонъ

такого рода умирающих; между ними очень мало злых и очень много недалновидныхъ. Вообще я убѣжденъ, что на свѣтѣ злые люди встрѣчаются лишь случайно; въ существѣ, они тѣ же добряки, только кожу у нихъ судьба-индѣйка стянула, рыло перекосила и губы помазала желчью. Да и то, по бѣльшей части, отъ своей собственной глупости люди дѣлаются злыми, потому что умный человѣкъ сразу пойметъ, что злиться не изъ чего да и не расчесть. Что же касается до недалновидныхъ людей, то это точно, что ходить въ народѣ слухи, будто ихъ не мало по бѣду свѣту шатается; однако, не могу скрыть, что я очень рѣдко встрѣчалъ такихъ, которые бы откровенно признавали себя дураками. Напротивъ того, обыкновенно случается такъ, что, напримѣръ, Петръ Ивановичъ, встрѣтивши друга своего, Ивана Петровича, и поговоривъ съ нимъ немного, уже восклицаетъ мысленно: «Господи! да какъ же глупъ Иванъ Петровичъ!.. Неужто онъ этого не знаетъ!» А Иванъ Петровичъ въ это самое время, въ свою очередь, тоже мысленно восклицаетъ: «Господи! да какъ же глупъ Петръ Ивановичъ!.. Неужто онъ этого не знаетъ!» И выходитъ тутъ въ нѣкоторомъ смыслѣ таинственно-духовный маскарадъ. Но, прося у читателя извиненія за такое отступленіе, спѣшу продолжать разсказъ мой.

На другой день я получилъ отъ Семена Семеныча записку. Очевидно, мысль о новомъ характерѣ, который должна была принять его дѣятельность, до такой степени жгла его, что онъ не могъ выносить даже малѣйшую медленность въ этомъ отношеніи. Казалось, онъ въ одну минуту хотѣлъ облагодѣтельствовать всѣхъ и каждого и преисполнить край плодами цивилизаціи. Въ запискѣ было изображено:

«Виды и предположенія:

«1) Биржа. Правильность торговли. Огромные запросы и такъ далѣе. Развить.

«2) Грамотность. Смягченіе нравовъ. Уменьшеніе пре-

ступеней. Облегченіе обязанностей полиціи и т. д. Развить.

«3) Пути сообщенія, а *буде можно, то и жельзныя дороги*. Сколько среднимъ числомъ провозится ежегодно товаровъ до Н. пристани? Развить.

«4) Фабрики и заводы. Польза отъ нихъ. Средства къ достиженію сего: поощренія и награды. (Извѣстно, что рускіе купцы и т. д.). Развить.

«Весьма обяжете, ежели все сіе исполните въ возможнс непродолжительномъ времени».

Прочитавъ эту записку, я струсиль. Съ одной стороны, меня, конечно, соблазняла красивая сторона предпріятія; съ другой—я не могъ не испугаться его огромности. Но напрасны были мои опасенія. Генераль былъ такъ добросовѣстенъ, что счелъ необходимымъ, предварительно принятія рѣшительныхъ мѣръ относительно развитія торговли и промышленности, посоветоваться объ этомъ съ почетнѣйшими лицами торгующаго сословія. Эта добросовѣстность испортила, однакожь, все дѣло. При первомъ намекѣ на возможность учрежденія биржи, купцы попадали въ обморокъ, несмотря на то, что всѣ они были тѣлосложенія необыкновенно крѣпкаго и съ честью выдерживали самыя побои.

— Что-о?—сказалъ Семень Семенычъ грозно. — Стало-быть, вы сопротивляться задумали?

— Помилуйте, ваша милость, ужъ очень это будетъ для насъ обидно,—отвѣчалъ одинъ изъ купцовъ, прежде всѣхъ очнувшійся.—Нельзя ли замѣсто биржи-то просто чѣмъ-ни-на-есть обложить насъ на общепольное устройство?

— Что-о? ты что за выскочка? и какъ ты смѣешь за всѣхъ говорить?.. Николай Иванычъ, запишите его фамилію!

Между торговцами воцарилось молчаніе; передняя шеренга держала руки по швамъ.

— Такъ вотъ, друзья мои, — продолжалъ Семень Семенычъ: — вы слышали мои слова, знаете мои желанія...

остаётся, слѣдовательно, изыскать средства къ приведенію ихъ въ исполненіе... Конечно, нѣкоторые изъ васъ, какъ видно, еще не понимаютъ намѣреній, которыя клонятся единственно къ вашей же пользѣ, но само собой разумѣется, что это не должно останавливать ни меня въ моихъ предположеніяхъ, ни васъ въ содѣйствіи къ выполненію ихъ.

Сказавъ это, Семень Семенычъ удалился, и долъгъ справедливости заставляетъ меня сказать, что онъ не только не дрался въ этомъ случаѣ, но даже и за бороду никого не вытрясъ.

Но дѣло не удалось. Купцы, оставленные на произволъ судьбы, безъ кормила и весла, объявили, что для нихъ за-тѣя Семена Семеныча слишкомъ обидна, чтобъ они рѣшились сами на себя руку положить.

— Ну, что, какъ наше дѣло?—спросилъ меня генераль, когда я, послѣ продолжительнаго совѣщанія съ обществомъ, явился къ нему съ отчетомъ.

— Не соглашаются, ваше превосходительство!

— Гм!..

Глубоко опечаленный генераль сталъ лицомъ къ окну и долго безмолвствовалъ. Но времяамъ, до слуха моего долетали звуки, несомнѣнно доказывавшіе, что его превосходительство барабанилъ въ это время пальцами по стеклу.

— Напрасно, ваше превосходительство, совѣщались съ ними,—сказалъ я, старая желаніемъ утѣшить Семена Семеныча:—эти вещи надо дѣлать секретно отъ нихъ, такъ, чтобъ они не опомнились...

Семень Семенычъ повернулся ко мнѣ и съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

— Вы правы,—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Они, ваше превосходительство, своей пользы понимать не могутъ,—продолжалъ я, увлекаясь преданпостью къ особѣ моего начальника.

— Вы правы,—повторилъ генераль.

— Такого рода предположенія всего удобнѣе приводить въ исполненіе посредствомъ полиціи,—снова началъ я.

— Вы правы... да, къ несчастію, вы совершенно правы!

— Если они не понимаютъ своихъ выгодъ, то весьма естественно, что нужно дѣлать имъ добро противъ ихъ желанія...

— Это совершенно справедливо... но... Къ сожалѣнію, я долженъ сказать вамъ, mon cher, что время нынче такое... вѣрно все кротостью да благоразумными мѣрами распорядительности... Ахъ, другъ мой, ремесло администратора становится слишкомъ тяжело, и если бы я не любилъ мое отечество (Семень Семенычъ махнулъ рукой)... давно бы пора на покой старыя кости сложить!..

— Прикажете продолжать настаивать?—спросилъ я.

— Нѣтъ, ужъ зачѣмъ... оставьте ихъ въ покоѣ... пусть дѣлаютъ какъ знаютъ!.. Горько, Николай Ивановичъ!

Разговоръ на этотъ разъ прекратился, но не прекратилась благонамѣренная дѣятельность Семена Семеныча. Проекты слѣдовали за проектами, и въ нашей маленькой канцеляріи закипѣла непривычная и небывалая дотошная жизнь.

Но—увы!—ни проектъ о распространеніи грамотности, ни проектъ о путяхъ сообщенія—ничто не удавалось, несмотря на таинственность и тишину, среди которыхъ они выработывались. Проекты эти похожи были на тѣ объявленія о новозобрѣтенныхъ средствахъ противъ магии и клоповъ, которые (т.-е. средства) такъ удачно дѣйствуютъ на бумагѣ, въ дѣйствительности же безсильны убить самого тощаго и изможденнаго клопа.

Семень Семенычъ сдѣлался скученъ. Уныло ходилъ онъ цѣлые дни по кабинету, заложивъ руки за спину и грустно покачивая головой. Съ ужасомъ сознавалъ онъ, что мѣсяцъ тому назадъ онъ былъ совершенно бодръ и дѣятеленъ, былъ распорядителемъ и исполнителемъ въ одно и то же время, однимъ словомъ, способенъ и достоинъ, а теперь... теперь, когда наступило, новидимому, «благораспореніе воздушныхъ и изобиліе плодовъ земныхъ», онъ

вдругъ, безъ всякой видимой причины, оказывается чуть-чуть не злостнымъ банкротомъ... Ужасно! Все, что онъ ни придумаетъ, звучитъ пусто, словно лукошко, у котораго вышибли дно; все, за что онъ ни возьмется, отзывается мертвечиной. И ему внезапно стало такъ тошно и несносно жить на свѣтѣ, что не мила казалась Анна Ивановна, не радовалъ милый сыночекъ Сережа, а меня не могъ онъ даже видѣть безъ нѣкотораго озлобленія, потому что я являлся хотя и неумышленнымъ, но, тѣмъ не менѣе, горькимъ и постояннымъ свидѣтелемъ его неудачъ.

Однажды утромъ я получилъ отъ Анны Ивановны приглашеніе пожаловать къ ней какъ можно скорѣе. Я засталъ ее заплаканною и разстроенною.

— Вы не знаете, какое насъ постигло несчастье,—сказала она:—Simon! бѣдный Simon!

— Что такое, Анна Ивановна? — спросилъ я встревоженный.

— Ah, mais voyez plutôt vous même, cher Николай Иванычъ!

Съ этимъ словомъ она отворила дверь въ кабинетъ Семена Семеныча, и странное зрѣлище представилось глазамъ нашимъ. Семенъ Семенычъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и чертилъ на бумагѣ чудовищный пароходъ; волосы его были растрепаны, въ глазахъ блуждалъ дикій огонь.

Я тотчасъ же понялъ ужасную истину: нѣтъ сомнѣнія... генераль лишился разсудка!

— А! — воскликнулъ онъ, увидѣвъ меня: — ну, теперь, кажется, они не отвертятся отъ меня... Я все обдумалъ!

— Simon! успокойся, другъ мой! — убѣждала Анна Ивановна.

Семенъ Семенычъ сдѣлалъ рукой движеніе, какъ будто хотѣлъ отогнать докучную муху.

— Я надѣюсь, что начальство оцѣнитъ труды мои, — сказалъ онъ съ какой-то блаженной улыбкой: — скоро будетъ Святая, и тогда...

Онъ показалъ на лѣвую сторону груди.

— Это несомнѣнно, ваше превосходительство; въ настоящее время вамъ больше всего нуженъ отдыхъ,—замѣтилъ я.

— Убѣдите, убѣдите его, Николай Иванычъ! — умоляла Анна Ивановна:—Simon! тебѣ слѣдуетъ почивать!

Генераль снова сдѣлалъ движеніе рукой.

— А не правда ли, что я много на свою долю потрудился?—сказалъ онъ.—Вы, Николай Иванычъ, видѣли, вы можете засвидѣтельствовать передъ всѣми, что я именно былъ неусыпелъ!

Анна Ивановна всхлипывала; Семень Семенычъ, глядя на нее, тоже не выдержалъ и залился цѣлымъ потокомъ слезъ. Положеніе мое было весьма тягко.

— Друзья мои!—сказалъ генераль, рыдая:—я умираю! Я умираю, потому что много трудился! Если бъ я меньше заботился, а больше гулялъ, меньше вникалъ и больше кушалъ, я остался бы живъ!

III.—Пріѣздъ ревизора.

I.

Въ 18** году, декабря 9 числа, статскій совѣтникъ Фурпачевъ получилъ изъ Петербурга, отъ благопріятеля своего, столоначальника NN департамента, письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь!

«Семень Семенычъ!

«Поспѣшаю почтеннѣйше извѣстить васъ, что въ непродолжительномъ времени имѣетъ быть къ вамъ на губернію статскій совѣтникъ Максимъ Ѳедоровичъ Голынцевъ. Будетъ у васъ подъ предлогомъ освидѣтельствованія богоугодныхъ заведеній, въ дѣйствительности же для доскональныхъ разузнаній о нравственномъ состояніи служа-

щихъ въ вашей губерніи чиновниковъ. Качества Максима Федоровича таковы: словоохотливъ и добросердеченъ; любить женскій полъ и тонкое вино; выпивши, откровененъ и шутивъ безъ мѣры; въ особенности уважаетъ людей, которые говорятъ по-французски, хотя бы то были даже молокососы; въ карты играетъ, но насчетъ рукъ и такъ далѣе—ни-ни! За снѣмъ, вѣряя себя и свое семейство вашему неоставленію, прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи уважающаго васъ

Филиппа Вертявкина.

«PS. Милостивой государынѣ Настасьѣ Ивановнѣ отъ меня, отъ жены и отъ всѣхъ дѣтей низжайшее почтеніе.

«NB. Еще любить Г., чтобъ его называли «вашимъ пресвосходительствомъ». Чуть не забылъ».

— Однако, это скверно! — говоритъ статскій совѣтникъ Фурначевъ, прочитавши письмо. — Чтò бы такое значило: «насчетъ рукъ ни-ни?» Вѣдь это выходитъ, что онъ... ни-ни!

Семень Семенычъ въ волненіи ходитъ по комнатѣ и, наконецъ, кричитъ въ дверь:

— Настасья Ивановна! Настасья Ивановна!

Входитъ Настасья Ивановна, облаченная въ глубокой неглиже.

Глаза ея нѣсколько опухли и вообще выраженіе лица сердито, потому что она только-что часокъ-другой соснула. Семень Семенычъ посмотрѣлъ на ея измятое лицо и съ досадою плюнулъ.

— Опять ты спала! — сказалъ онъ, глядя на нее съ глубокимъ омерзѣніемъ. — Хотя бы ты въ зеркало, сударыня, посмотрѣла, на чтò ты сдѣлалась похожа! И откуда только сонъ у тебя берется!

— Если вы только за тѣмъ меня позвали, чтобъ ругаться, такъ напрасно трудились!

Настасья Ивановна хочетъ удалиться.

— Да постой, постой же, сударыня! Получилъ я сего-

двѣ письма... ѣдетъ къ намъ ревизоръ... и, какъ видно, неблагонамѣренный... потому что тово... ни-ни...

Семень Семенычъ топчется на мѣстѣ и не знаетъ, какъ выразиться. Онъ убѣжденъ, что ревизоръ человекъ неблагонамѣренный, но почему-то не умѣетъ сформулировать оснований, на которыхъ зиждется это убѣжденіе.

— Такъ вы тово... попріодѣньтесь немного! — продолжаетъ онъ, совсѣмъ смутавшись.

— Вотъ какъ вы испугались, что ужъ и Богъ знаетъ что говорите! — замѣчаетъ Настасья Ивановна, читая письмо Вертякина. — Точно ужъ и пріѣхалъ вашъ ревизоръ! Однако, я по всему вижу, что онъ долженъ быть очень милый человекъ, этотъ ревизоръ, потому что любитъ дамское общество...

— Да, только не наше съ вами... Эй, человекъ, лошадь!

Семень Семенычъ отправляется къ генералу Голубовичкому и застаётъ его въ большомъ безпокойствѣ. До свѣдѣнія его превосходительства дошло, что одинъ изъ важнѣйшихъ въ городѣ чиновниковъ, будучи на собственномъ своемъ сговорѣ, происходившемъ по случаю предстоящаго бракосочетанія его съ дочерью потомственного гражданина Хрентюгина, внезапно вскочилъ изъ-за стола и началъ бить стекла въ окнахъ бѣломраморнаго зала нареченнаго теста.

— Ты это что, ваше высокородіе, дѣлаешь? — спросилъ его изумленный хозяинъ. — «А вотъ я такимъ манеромъ всёхъ противляющихся мнѣ сокрушаю!» — отвѣчалъ женихъ, и съ этими словами вышелъ изъ дома.

Встревоженный генералъ большими шагами ходитъ по комнатѣ. Онъ справедливо разсуждаетъ, что если высшіе сановники, эти, такъ сказать, административные дупельшнены, въ порывахъ горячности допускаютъ себя до подобнаго малодушества, то какимъ же образомъ должны поступать зуйки, поручейники, кулички и прочая медкая болотная дичь?

— А мы еще какъ радовались за Павла Тимоѳеича, что они такую прекрасную партію дѣлають!—замѣчаетъ стоящій въ углу маленькой чиновникъ, занимающій должность довѣреннаго лица при особѣ его превосходительства.

— Что жь, пьянь, что ли, онъ былъ?

— Должно-быть, не безъ того-съ, ваше превосходительство; они, смѣю вамъ доложить, довольно-таки этому привержены... только все больше въ одиночествѣ занимаются-съ и велятъ себя въ этихъ случаяхъ запираеть... Ну, а тутъ и при народѣ случилось...

Генераль продолжаетъ ходить и волноваться.

— И еще случай есть, ваше превосходительство,—робко говоритъ чиновникъ.

— Ну, что тамъ еще?

— Въ Песчанолѣсьѣ стряпчій съ городничимъ-съ... тоже на именинахъ дѣло было-съ...

— Нельзя ли докладывать скорѣе, безъ мазанья!

— И стряпчій городничему животь укусылъ-съ! — оканчиваетъ скороговоркой чиновникъ.

— Господинъ Фурначевъ пріѣхали,—докладываетъ лакей.

— Ну, этого зачѣмъ еще чортъ принесъ! — восклицаетъ взволнованный генераль.—Просить!

Семень Семенычъ входитъ и улыбается. Съ одной стороны, онъ очень радъ видѣть его превосходительство въ добромъ здоровьѣ; съ другой стороны—ему весьма прискорбно, что имѣеть сообщить извѣстіе, котораго послѣдствій никто, даже самый проникательный чловѣкъ, предугадать не въ силахъ.

— Да что же такое? Неужто еще кто-нибудь подрался?—спрашиваетъ генераль.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, но наша губернія... впрочемъ, можетъ-быть, это и къ лучшему-съ...

— Да говорите же! что вы душу-то мнѣ тянете!

— Ревизоръ, ваше превосходительство, ревизоръ къ намъ въ скоромъ времени прибыть долженъ!

При словѣ «ревизоръ» съ генераломъ едва не дѣлается дурно.

— Кто сказалъ «ревизоръ»? какой ревизоръ? откуда ревизоръ?—спрашиваетъ онъ, вдругъ весь вспыхнувъ и уже застегивая манишально пальто на всѣ пуговицы.

— Успокойтесь, ваше превосходительство,—продолжаетъ Семень Семенычъ:—ревизоръ, сказываютъ, охотникъ больше до дамскаго общества...

— Гм!.. отъ кого же вы получили это извѣстіе?

— Есть въ Петербургѣ одинъ благодѣтельствованный мною столоначальникъ-съ...

— Это неприятно! это тѣмъ болѣе неприятно, что тутъ же разомъ случились двѣ паквильныя исторіи... Скажите, пожалуйста, вы были у Хрептюгина въ то время, какъ Павелъ Тимоѣичъ стекла билъ?

— Какъ же-съ, я былъ въ числѣ приглашенныхъ...

— Чтò же такое съ нимъ сдѣлалось? Вотъ чего я понять не могу!

— Съ Павломъ Тимоѣичемъ это нерѣдко бываетъ, ваше превосходительство, только онъ до сихъ поръ умѣлъ это скрыть-съ. Сидѣли мы цѣлый вечеръ, и все какъ будто ничего; и онъ тоже тутъ былъ — ну, и тоже ничего-съ... Только за ужиномъ, — должно-быть, не присмотрѣли за нимъ,—вотъ онъ сначала хереску-съ, потомъ мадерцы-съ, да вдругъ и всталъ изъ-за стола: «музыканты! комаринскую!» говоритъ. Я, видѣвши, что онъ ужъ внѣ себя, позвалъ Хрептюгина и говорю ему: «вѣдь Павла-то Тимоѣича надобно убрать!» Не успѣлъ я это сказать, какъ ужъ и пошелъ по залѣ набать-съ... Впрочемъ, это еще, ваше превосходительство, уладится: Павелъ Тимоѣичъ ужъ объяснился съ нареченнымъ тестемъ...

— Ну, а слышали вы другую исторію—это еще почище будетъ: въ Песчанолѣсьѣ стряпчій городничему животь прокусилъ!

— Ахъ, страмъ какой!

— Расскажи-ка, братецъ, расскажи!—обращается генераль къ довѣренному чиновнику.—Нечего сказать, хорошъ сюрпризь для ревизора будетъ!

— Были они,—начинаетъ чиновникъ,—на имениномъ вечерѣ; только и началъ стряпчій хвастаться: «я, говорить, здѣсь все могу сдѣлать!» Ну, городничему это будто обидно показалось; онъ возьми да и ударь стряпчаго по лицу: «что-то, молъ, ты противъ этого сдѣлаешь!» А стряпчій, какъ ростомъ противъ городничаго не вышелъ, вцѣпился ему зубами въ животь-ся...

— Ахъ, страмъ какой!—повторяетъ господинъ Фурначевъ.

— И вотъ, послѣ этого милости просимъ тутъ пользу какую-нибудь для края прпрнести!—говоритъ генераль, разводя руками.

II.

Вѣсть объ ожидаемомъ прїездѣ ревизора мгновенно разнеслась по городу. У тѣхъ изъ чиновниковъ, у которыхъ всякое душевное волненіе выражается трясеніемъ поджилокъ, таковое совершилось благополучно. Городъ оживился, но это оживленіе было какое-то бездушное, похожее на ту суету, которая начинается во всякомъ губернскомъ городѣ съ утра каждаго высокотожественнаго праздника и продолжается ни болѣе, ни менѣе, какъ до извѣстнаго, судьбой опредѣленнаго срока. Петръ Борисычъ Лепехинъ, охотникъ поиграть въ двухкопечный преферансъ, внезапно вспомнилъ, что высшее начальство непоощрительно смотритъ на такое невинное прерпровожденіе времени и призадумался. Онъ почелъ долгомъ немедленно справиться объ этомъ въ Сводѣ Законовъ, и хотя ничего похожаго на угрозу тамъ не нашель, но на всякій случай, пришедши вечеромъ въ клубъ, не только самъ не торопился составить партію, но даже отказался наотрѣзь отъ карточки, которую предлагалъ ему Порфирій Петровичъ.

Федоръ Герасимычъ Крестовоздвиженскій, пришедши въ присутствіе, потребовалъ немедленно къ себѣ какія-то четиры дѣла («знаете: тѣ дѣла, по которымъ...») и, обнюхавши ихъ, вдругъ пришелъ въ восторженность, замахалъ руками и закричалъ: «завтра же! сегодня же! катать ихъ! подь судъ ихъ!»

Иванъ Павлычъ Вологжанинъ неумоимо началъ разѣзжать по всѣмъ знакомымъ и собирать полезныя свѣдѣнія о житѣ-бытѣ крутогорскихъ обывателей, дабы, въ случаѣ надобности, приподнести этотъ букетъ господину ревизору и чрезъ то заявить свою дѣятельность и преданность.

Въ будку, которая съ самой постройки своей никогда не видала будочника и оставлена была безъ стеколъ, поставили перваго и вставили послѣднія.

Пожарныхъ лошадей выкормили какъ индѣекъ Ивана Ивановича *).

Словомъ, всякій готовился къ принятію ревизора по-своему. Только частный приставъ Рогуля оказалъ при этомъ твердость духа, достойную лучшей участи. Когда ему сказали, что будетъ, дескать, ревизоръ, и не мѣшало бы, по этому случаю, побольше бодрствовать и поменьше спать, то онъ только поковырялъ въ носу, пшилъ квасу, до котораго былъ большой охотникъ, и молвилъ:

— Знаемъ мы этихъ ревизоровъ! Не первый годъ на свѣтѣ живемъ!

Но самая хлопотливая и трудная часть дѣятельности выпала на долю генеральши Голубовицкой. Она кстати вспомнила, что бѣдные города Крутогорска что-то давно не получали никакого пособія, и что такое благодѣтельное дѣло всего приличнѣе могло быть устроено въ глазахъ ревизора. Поэтому на совѣтѣ, составленномъ изъ лицъ приближенныхъ и извѣстныхъ своею преданностью, было рѣ-

*) См. «Вечера на хуторѣ» Гоголя: «Иванъ Федоровичъ Шповька» и т. д.

шено: немедленно устроить благородный спектакль, а если окажется возможнымъ, то и живыя картины.

— Помилуйте, Дарья Михайловна, какія же могутъ быть у насъ живыя картины? Вы посмотрите на нашихъ дамъ!— возражаетъ старинный нашъ знакомый, Леонидъ Сергѣичъ Разбитной *).

Но Дарья Михайловна, которая имѣетъ весьма развитой станъ и вообще удачно сложена, настаиваетъ на необходимости живыхъ картинъ. Выборъ останавливается на четырехъ картинахъ: «Рахиль, утоляющая жажду Иакова», «Любимая одалиска», «Молодой грекъ съ ружьемъ», «Донъ-Жуанъ и Гайдé».

— Я могу взять на себя фигуру Иакова!—говоритъ молодой товарищъ предсѣдателя уголовной палаты, Семіоновичъ, и поспѣшно прибавляетъ:—А если угодно, то и Донъ-Жуана...

Дарья Михайловна въ недоумѣніи. Семіоновичъ, безъ сомнѣнія, очень достойный молодой человѣкъ и отлично знаетъ уголовные законы, но, во-первыхъ, онъ имѣетъ привычку постоянно издавать посомъ какой-то неприятный свистъ, а во-вторыхъ, и фигура у него какая-то странная, угловатая... очень будетъ нехорошо! Дарья Михайловна хотѣлось бы отдать эти двѣ фигуры учителю гимназіи Ливкину, который имѣетъ и всѣ нужныя для того качества и къ которому она чувствуетъ родъ тихой дружбы.

— Вы, мсьё Семіоновичъ, будете слишкомъ утомлены спектаклемъ,—говорила она.

— Это ничего,—отвѣчалъ Семіоновичъ:—я работаю скоро и легко...

— Ну, Гайдé, Одалиска и Рахиль—объ этихъ фигурахъ нечего и говорить!—вступается кругленькій помѣщикъ Загржембовичъ:—эти фигуры по праву принадлежать Дарья Михайловнѣ; но кому отдать Ламбро?

*) О Разбитномъ можно справиться въ «Губернскихъ очеркахъ», ч. 3-я: *Просители*.

— Архивариусу губернскаго правленія!—предлагаетъ Разбитной.

— Вы всегда съ вашими шутками, мсьё Разбитной!—говоритъ Дарья Михайловна.—Messieurs, кто желаетъ взять на себя Ламбро?

— Я бы охотно ее взялъ, — вступается Семіоновичъ, — но у меня Донъ-Жуанъ!

— Такъ вы Донъ-Жуана уступите... хоть мсьё Линкину!

— Признаюсь вамъ, для меня положеніе Донъ-Жуана больше симпатично... тутъ есть страсть, есть жизнь.

— Зато Ламбро можетъ одѣться въ красный плащъ,—замѣчаетъ весьма основательно Разбитной,—и тутъ можетъ быть великолѣнное *effet de lumière*.

— Итакъ, Донъ-Жуанъ—мсьё Линкинъ, Ламбро—мсьё Семіоновичъ,—говоритъ Загржембовичъ:—но здѣсь возникаетъ вопросъ, на счетъ какихъ суммъ сдѣлать костюмъ для Донъ-Жуана, потому что мсьё Линкинъ не имѣетъ даже достаточно бѣлья, чтобы ежедневно пользоваться чистою рубашкою?

— Можно какъ-нибудь изъ благотворительныхъ суммъ,—отвѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Да кстати бы ужъ и рубашку ему чистую сшить,—прибавляетъ Разбитной, которому досадно, что Донъ-Жуаномъ будетъ не онъ, а Линкинъ.

— Вы опять съ вашими шутками!—сухо замѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Ну-съ, хорошо-съ; эта статья устроена; теперь кто же будетъ «Молодой грекъ съ ружьемъ»?

Молодого грека должна взять на себя особа женскаго пола—это несомнѣнно; ружье можно достать изъ гарнизоннаго батальона—съ этой стороны тоже нѣтъ препятствія. Но кто же изъ крутогорскихъ дамъ согласится изобразить фигуру, которая, въ нѣкоторомъ смыслѣ, дѣлаетъ ущербъ общественной нравственности? Первое благо, которымъ дол-

жень обладать Молодой грекъ, заключается въ большомъ и остромъ носѣ—кто изъ дамъ такимъ обладаетъ? Судили-судили, и наконецъ гласъ народный указалъ на коллежскую ассесоршу Катерину Осиповну Неміолковскую, которая, имѣя точь-въ-точь требуемый носъ, охотно согласится облачиться и въ противоестественный мужской костюмъ. Постановлено: отправить завтрашній день къ Катеринѣ Осиповнѣ депутацію и усерднѣе просить ее пожертвовать собой на пользу общую.

— Стало-быть, живыя картины улажены... Что же касается до спектакля, *messieurs*, — говорить Дарья Михайловна:—то онъ будетъ составленъ изъ слѣдующихъ пьесъ:

ВЪ ЛЮДЯХЪ АНГЕЛЪ НЕ ЖЕНА,

ДОМА СЪ МУЖЕМЪ САТАНА.

КОМЕДИЯ ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

дѣйствующія лица:

Г. Славскій	Мечиславъ Владиславовичъ Семіоновичъ.
Г-жа Славская . . .	Аглада Алексѣевна Размановская.
Г-жа Трефкина . . .	Анфиса Петровна Луковична.
Г-жа Небосклонова.	Анна Семеновна Симіасъ.
Размазня	Федоръ Федоровичъ Шополовъ (самородный комикъ, процвѣтающій въ палатѣ государственныхъ имуществъ въ должности помощника чего-то или кого-то).
Прындинъ	Леонидъ Сергѣичъ Разбитной.
Лакей 1-й	} Экзекуторъ губернскаго правленія Стуколкинъ.
Лакей 2-й	

ЧИНОВНИКЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ 1-МЪ ДѢЙСТВІИ.

дѣйствующія лица:

Княгиня	Дарья Михайловна Голубовицкая.
Полковникъ	Леонидъ Сергѣичъ Разбитной.

Мисхоринъ Семёнъ Семеновичъ Лпкинь.
Надимовъ Мечиславъ Владиславовичъ Семіоновичъ.
Дробинкинъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Шомполовъ.

— Кажется, *messieurs*, такимъ образомъ будетъ хорошо?—прибавляетъ Дарья Михайловна, прочитавъ списокъ ролей.

Всѣ находятъ, что отлично.

— Теперь, господа,—вступается Семіоновичъ:—необходимо выбрать намъ режиссера... Я предлагаю возложить эту обязанность на Алонзія Целестинныча Загржембовича.

— Аксіось!—возглашаютъ преданные.

Алонзій Целестиннычъ кланяется и благодаритъ за довѣріе. Онъ даетъ слово, что употребитъ всѣ усилія, чтобъ оправдать столь лестное порученіе.

— Алонзій Целестиннычъ!—говоритъ Разбитной:—вы не забудьте, что для Шомполова необходимо, чтобъ на репетиціяхъ былъ ерофеичъ и колбаса.

Всѣ берутся за шляпы и намѣреваются разойтись.

— Господа! господа! — возглашаетъ Загржембовичъ:—какъ режиссеръ, я долженъ васъ остановить, потому что не рѣшенъ еще одинъ важный пунктъ: кто будетъ суфлеромъ?

— Мамаса! — говоритъ старшій сынокъ Дарьи Михайловны:—я хочу бы суфьеємъ.

— Нѣтъ, душечка, ты будешь казачкомъ.

— Я узъ бый казачкомъ, я хочу быть суфьеємъ!

— Ну, полно, душечка, ты будешь шоколадъ подавать!

— Я, господа, предлагаю выбрать суфлера изъ учениковъ гимназій: имъ часто приходится суфлировать другъ другу!

— Великолѣпная мысль! вы золотой человекъ, Алонзій Целестиннычъ!

— *L'incident est vidé!*—воскликаетъ Разбитной.

Всѣ уходятъ, и Семіоновичъ, заранѣе предвкушая доставшуюся ему роль и искрививши судорожно ротъ, декла-

мируетъ на лѣстницѣ: «и къ горю моего званія, я долженъ сказать, что я и обижаться не вправѣ, пока у насъ будутъ взяточники». Въ швейцарской ояъ уже полонъ негодованія: «надо крикнуть на всю Россію,—провозглашаетъ ояъ:— что пришла пора, и она дѣйствительно пришла, — искоренить зло съ корнями», и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ рукою жестъ, какъ будто дѣйствительно копаются ею въ землѣ.

По всему видно, что Семіоновичу пришлось очень кстати роль Надимова. Ояъ человекъ молодой и горячій, и потому надѣется помѣстить въ этой роли, какъ въ ломбардѣ, весь внутренній жаръ, безпредметно накупившій въ его груди.

Что касается до Разбитого, то ояъ хотя тоже не совсемъ равнодушенъ къ ожидающимъ его впереди сценическимъ тревогамъ, но выражаетъ свои чувства нѣсколько иначе, а именно: на каждой площадкѣ лѣстницы производитъ по одному въ высшей степени козлообразному антрашу и отправляется откушать рюмку водки къ доброй знакомой своей, Вѣрѣ Готлибовнѣ Пройминой.

III.

Наступилъ, наконецъ, и день первой репетиціи. Въ провинціи благородные спектакли всегда составляютъ эпоху и на долгое время оставляютъ за собой отрадные воспоминанія. Особенно любятъ ихъ дамы, для которыхъ эпоха спектакля какъ-то фаталистически совпадаетъ съ порою возрожденія и любви. Статистическія изслѣдованія съ послѣдней очевидностью доказываютъ, что потребность въ благородныхъ спектакляхъ обнаруживается преимущественно послѣ десятаго декабря, то-есть въ то время, когда солнце, какъ извѣстно, поворачивается на лѣто. Хотя на дворѣ и гвоздятъ еще крещенскіе морозы, но въ теплыхъ гостиныхъ уже чувствуются запахи весны; появляются цвѣточки на окнахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ расцвѣтать и сердца. И вотъ, мало-по-малу, въ четырехъ закопченныхъ стѣнахъ провинціального театра полагается первоначальная

закваска той пятимной, крохотной драмы, которая потомъ исчерпываетъ собою весь провинціальный карнавалъ. Сценическое искусство служитъ здѣсь только предлогомъ или, лучше сказать, кулисами, за которыми развиваются домашнія интриги, устраиваются свиданія, разыгрываются сцены ревности и т. д. Съ одной стороны, мечутся въ глаза лица совершенно счастливыя и довольныя; съ другой, печально выступаютъ впередъ инхондрики, снѣдаемые завистью и злобой при взглядѣ на чужое счастье; съ одной стороны, слышится тотъ мягкій, какъ будто дѣтскій смѣхъ, который самое счастье озаряетъ еще новымъ и болѣе яркимъ свѣтомъ, и рядомъ съ нимъ раздаются болѣзненные вздохи, сосредоточенно вылетающіе изъ груди какого-нибудь отвергнутого трезора. Здѣсь же, какъ будто бы для того, чтобъ лучше отѣнить картину, явится передъ вами какой-нибудь Шомполовъ, который смотритъ на предстоящій спектакль какъ на подвигъ всей своей жизни, и добродушная физиономія режиссера, который обыкновенно избирается изъ такъ-называемыхъ «мышинныхъ жеребчшковъ», обладающихъ любовнымъ жаромъ въ самой умѣренной степени, и потому способныхъ сохранять постоянный нейтралитетъ. Иногда картина разнообразится наѣздомъ слишкомъ ревнивыхъ мужей, желающихъ собственными глазами удостовѣриться, въ какомъ положеніи находится супружеская вѣрность; но и это какъ-то не огорчаетъ, а, напротивъ того, умиляетъ, потому что если ужъ признавать силу солнечнаго поворота на лѣто, то это признаніе должно быть равносильно и для мужей, и для женъ. Впрочемъ, наѣзды подобнаго рода весьма рѣдки, потому что провинціальные мужья — народъ вообще добродушный и, при объявленіи имъ о нарядѣ ихъ женъ для предстоящаго спектакля, высказываютъ досаду свою отрывисто и невинно головой. «Ну, пошла пыльня въ ходъ! — говорятъ они. — Семь безъ козырей! Порфирій Петровичъ — вы чтѣ?»

Часы бьютъ семь, и Шомполовъ достаточно ужъ увлажилъ свои внутренности изъ графинчика, содержащаго въ

себѣ настойку, извѣстную подь именемъ ерофеича. Онъ ходитъ по сценѣ и груститъ, что случается съ нимъ всегда, когда Ерощка-малырь намалюетъ баканомъ на лицѣ его итальянскій пейзажъ съ надписью: «изверженіе Везувія». Отъ нечего-дѣлать, онъ обращается къ сторожу.

— Меня, братъ Михеичъ, здѣсь понимать не могутъ!— говоритъ онъ уныло.—Здѣсь и люди-то, братъ, не люди, а такъ, какія-то сирены, только навыворотъ: хвостъ человѣчій, а станъ рыбій... Ну, скажи ты самъ: какой же я комикъ: и сложеніе, и голосъ—все во мнѣ трагическое!.. Тутъ пахнетъ убійствомъ, братъ, злодѣяніями—вотъ что!

Михеичъ слушаетъ и искоса посматриваетъ на водку.

— Что, видно, водочки захотѣлось? Ну, выпьемъ, братъ, выпьемъ... я добрый!.. Намеднись вотъ заставили меня Падчерицына играть... теперь Дробинкина! А Надимова небось не дали, а дали его Семіоновичу—онъ, дескать, товарищъ предсѣдателя! Гдѣ жъ тутъ справедливость, Михеичъ? ну, какой я Падчерицынъ?

— Мое, сударь, дѣло занавѣсь опустить, или вотъ садъ на мѣсто поставить,—отвѣчаетъ Михеичъ.

— Что жъ это, наконецъ, будетъ! вѣдь я, наконецъ, къ публикѣ прибѣгну!.. я актеръ, я настоящій актеръ!.. Такъ вотъ нѣтъ же, Михеичъ! не могу, братъ, я къ публикѣ прибѣгнуть, руки у меня связаны: жена, братъ, шестеро дѣтей! Откажись я играть, такъ завтра и отъ должности, пожалуй, отрѣшатъ... Вотъ что горько-то!

Входятъ Загржембовичъ и Разбитной. Послѣдній въ весьма пріятномъ расположеніи духа скачетъ вдругъ обѣими ногами на лѣстницу и мурлыкаетъ куплеты изъ роли Прындики.

— Алоизій Целестинычъ! — обращается Шомполовъ къ Загржембовичу: — вы справедливый человѣкъ! За что они меня обидѣли? За что мнѣ Размазню дали, а Надимова отдали Семіоновичу?

— Вы пьяны, Шомполовъ,—замѣчаетъ Разбитной, живописно раскидываясь на диванѣ.

— Нѣтъ, я не пьянъ, Леонидъ Сергѣичъ! Я выпилъ, потому что обиженъ, а я не пьянъ! Нѣтъ, я далеко не пьянъ... Я хочу сказать, что я актеръ, настоящій актеръ, а не затычка!

— Ха-ха! «затычка»! Нѣтъ, это безподобно: *mais vous êtes imrayable, mon cher Chompoloff!*

— Кто меня затычкой зоветъ?—кричитъ Шомполовъ, уже забывъ, что онъ самъ наградилъ себя этимъ прозвищемъ.— Кто надо мной смѣяться смѣетъ?

— Ха-ха! *imrayable! imrayable!*

— Кто меня затычкой зоветъ?—продолжаетъ Шомполовъ.—Не хочу я играть Размазню... Я Гамлетъ, я Чацкій, я Надимовъ, а не Размазня!

Пріѣздъ Дарьи Михайловны и Аглаиды Алексѣевны Размановской полагаетъ конецъ спору.

— Ah, *vous voilà, messieurs!*—говоритъ Дарья Михайловна и вмѣстѣ съ тѣмъ ищетъ чего-то глазами.

— Мсьё Линкина еще нѣтъ!—въ упоръ отвѣчаетъ Разбитной, и отвѣчаетъ съ ехидствомъ, потому что между нимъ и Линкинымъ есть яблоко раздора, и это яблоко—сама Дарья Михайловна.

Разбитной вообще считается «*l'enfant chéri des dames*», и потому очень оскорбляется, если кто-нибудь осмѣливается предпочитать ему другого.

— Мсьё Разбитной! вы должны сегодняшній вечеръ занимать меня—это такъ слѣдуетъ по пьесѣ!—говоритъ Аглаида Алексѣевна, садясь возлѣ Разбитного.

— Вотъ Шомполовъ говоритъ, что ему водки не даютъ!—начинаетъ «занимать» Разбитной.

— Фи, мсьё Шомполовъ, вы опять съ вашею противною водкой! Какъ это вы ее пьете!

— Помилуйте, Леонидъ Сергѣичъ, когда же я жаловался?

— Все равно; по вашему лицу видно, что вы грустите.

— А знаете что, мсьё Разбитной,—прерываетъ Аглаида Алексѣевна:—я одинъ разъ—разумѣется, украдкой отъ та-

man — попробовала выпить этой гадкой водки... и если бы вы знали, что со мной было!.. Вы, впрочемъ, не проболтайтесь... это секретъ!

Входятъ: Катерина Осиповна Неміолковская (она же и Грекъ съ ружьемъ), сопровождаемая Линкинымъ.

— Вы всегда опаздываете, мсье Линкинъ, — сухо замѣчаетъ Дарья Михайловна.

Но Линкинъ въ ту же минуту пристраивается къ Дарьѣ Михайловнѣ, и лицо ея проясняется.

— Начинать, господа, начинать! — кричитъ Загржембовичъ, хлопая въ ладоши.

— Господа! у насъ въ палатѣ сегодня вечернее засѣданіе было! извините, что опоздалъ! — кричитъ Семіоновичъ, влетая сломя голову.

Пріѣзжаетъ и Анфиса Петровна Луковицына съ дочерью своей, по мужѣ Симіасъ, дамой, обладающей лицомъ акваринароваго цвѣта. Прибытіе ихъ проходитъ, однакожъ, незамѣченнымъ.

На сцену выступаетъ Англаида Алексѣевна и ужасно махаетъ руками, желая показать этимъ, что она обрываетъ звонки.

Разбитной, пользуясь этимъ случаемъ, въ одно мгновеніе ока направляется въ тотъ темный уголокъ, въ которомъ расположилась Дарья Михайловна съ Линкинымъ.

— Сердце женщины—это цѣлая бездна! Вы странный человекъ, Линкинъ: вы хотите постигнуть то, что само себя иногда постигнуть не въ состояніи!—томно говоритъ Дарья Михайловна.

Линкинъ слушаетъ молча; онъ знаетъ, что Дарья Михайловна любитъ не только поговорить, но даже насладиться звуками своего собственнаго голоса, и потому не смѣетъ прерывать очаровательницу.

— Читали ли вы Гётевы «Wahlverwandschaften»?—продолжаетъ Дарья Михайловна.

— Читалъ-съ.

— Помните ли вы ту минуту, когда Шарлоттѣ дѣлается вдругъ такъ совѣстно?.. Ну, я ручаюсь, что вы не поняли этого!

— Я, признаюсь, не замѣтилъ этого мѣста.

— И не удивительно, что вы не замѣтили. Такую тонкую, почти неуловимую черту можетъ понять только женщина... Сегодня, кажется, вечеръ у Балтазаровыхъ?—продолжаетъ Дарья Михайловна, замѣтивъ приближеніе Разбитного.

— Кажется,—отвѣчаетъ Линкинъ.

— Вы съ ними знакомы?

— Нѣтъ.

Разбитной, хотя и достигъ своей цѣли, прервавъ интимный разговоръ, но чувствуетъ себя самого внезапно поглупѣвшимъ и не находитъ въ головѣ ни одного путнаго слова. Онъ топчется на одномъ мѣстѣ, то краснѣетъ, то блѣднѣетъ, нѣсколько разъ сряду разѣваетъ ротъ, чтобы сказать что-нибудь острое, и не можетъ.

— Вамъ, кажется, начинать скоро, Дарья Михайловна,—говоритъ онъ, наконецъ, не безъ усилій.

Въ эту минуту на сценѣ раздается потрясающій вопль. Оказывается, что Шомполовъ ущипнулъ очень больно мадамъ Симіасъ.

— Господа! къ сожалѣнію, репетиція не можетъ продолжаться!—возглашаетъ Загржембовичъ:—мсьё Шомполовъ не совсѣмъ здоровъ.

— Кто нездоровъ? Какъ нездоровъ?—вступается Шомполовъ.—Она меня оскорбила! она сказала мнѣ, что я пьянъ!

— Господа! репетиція кончилась!

IV.

Между тѣмъ статскій совѣтникъ Голынецъ уже приближался къ Крутогорску. Ъхаль онъ довольно медленно, потому что на всякой станціи собиралъ подъ рукою, отъ станціонныхъ писарей и ямщиковъ, свѣдѣнія о генералѣ Голу-

бовицкомъ. Свѣдѣнія оказывались, впрочемъ, весьма удовлетворительныя.

— Извѣстно, генераль-съ! — отвѣчали писаря въ одно слово, будто сговорившись. — На то они и начальники, чтобы взыскивать!

«Гм!.. стало-быть, строгъ и распорядителенъ — это хорошо!» — подумаль Голыщевъ.

— Шибко ужъ очень ѣдятъ, — отвѣчали, въ свою очередь, ямщики.

«Гм!.. стало-быть, дѣятеленъ — это похвально!» — зарубилъ себѣ на носъ Голыщевъ.

Наконецъ, декабря 20 числа 18** года, въ восемь часовъ пополудни, возокъ Максима Федорыча въѣхалъ въ Крутогорскъ. На заставѣ встрѣтилъ его полиціймейстеръ.

— Ва... вашему пре-е-восходительству...

— Вы, должно-быть, озябли? — прервалъ Максимъ Федорычъ, видя, что полиціймейстеръ, вмѣсто того, чтобы рапортовать, только щелкаетъ зубами. — Вы можете простудиться, мой любезный!

Возокъ помчался на отводную квартиру, а полиціймейстеръ съ своей стороны поспѣшилъ доложить генералу, что Максимъ Федорычъ не человѣкъ, а ангель.

Максимъ Федорычъ, пріѣхавъ на квартиру, спросилъ самоваръ и позвалъ къ себѣ хозяина, потому что и тутъ, несмотря на утомленіе, первую его мыслью было не спать лечь, а, напротивъ того, узнать что-нибудь подъ рукою. Вообще, онъ понималъ свою обязанность весьма серьезно и зналъ, что осторожность въ полицейскомъ чиновникѣ есть мать всѣхъ добродѣтелей. Хозяинъ явился въ кругломъ фракѣ и оказался весьма милымъ негоціантомъ, чему Голыщевъ очень пріятно изумился и выразилъ при этомъ надежду, что и въ прочихъ городахъ Россіи современемъ купцы послѣдуютъ примѣру этихъ aimables Kroutogoriens.

— Ну, скажите, что вашъ добрый генераль? — началъ испытывать Максимъ Федорычъ стороною.

— Слава Богу-сь, ваше превосходительство!

«Ваше превосходительство» подѣйствовало на Максима Ѳедорыча успокоительно.

«Mais ils sont tres bien élevés ici!» — подумалъ онъ и вслухъ прибавилъ:— Да, да! онъ у васъ такой дѣятельный!

— Попеченіе большое имѣютъ, ваше превосходительство!

— Ну, и генеральша тоже, она вѣдь милая?

— Дарья Михайловна-сь?.. Смѣю доложить вашему превосходительству, что такихъ дамъ по нашему мѣсту-сь... наше мѣсто, сами изволите знать какое, ваше превосходительство!

— Гм!.. это хорошо! Ну, и веселятся у васъ: бываютъ собранія, театры, балы?

— Какъ же-сь, ваше превосходительство, благороднымъ манеромъ тоже собираются-сь... въ карты поиграть-сь, или въ клубъ-сь... все больше Дарья Михайловна попеченіе имѣютъ...

— Это хорошо! Я такъ скажу, что это одинъ изъ главныхъ рычаговъ администраціи, чтобъ всѣмъ было весело! Если всѣмъ весело, значить всѣ довольны — это ясно, какъ дважды-два! Къ сожалѣнію, не всѣ администраторы обращаютъ на этотъ предметъ должное вниманіе!

— Ужъ что же хорошаго будетъ, ваше превосходительство, какъ всѣ, насупившись, по угламъ сидѣть будутъ.

— Ну, да, ну, да, очень радъ, очень радъ познакомиться съ такимъ милымъ и образованнымъ негоціантомъ.

Максимъ Ѳедорычъ замѣтилъ, однако, что ужъ довольно поздно, и потому рѣшился отдохнуть. Но прежде чѣмъ отойти ко сну — до такой степени серьезень былъ его взглядъ на служебныя обязанности — онъ вынулъ свою записную книжку, въ которой уже были начертаны слова: «строгъ, но справедливъ», «дѣятель, распорядитель», и собственноручно сдѣлалъ въ ней слѣдующую отмѣтку: «общедѣлатель и заботится о соединеніи общества, въ чемъ

не мало ему помогаетъ любезная его супруга, о которой существуютъ въ губерніи самыя лестныя отзывы».

V.

На другой день у генерала Голубовишкаго былъ обѣдъ. За обѣдомъ присутствовали: Змѣищевъ, Фурначевъ, Порфирьевъ, Крестовоздвиженскій и прочіе сильныя міра; кушали также и нѣкоторые молодые люди, но исключительно изъ числа тѣхъ, отъ которыхъ ничѣмъ не пахнетъ, а именно: Разбитной, Семіоновичъ и Загржембовичъ. Изъ дамъ присутствовала одна хозяйка дома.

Еще наканувѣ Степанъ Степанычъ призвалъ къ себѣ повара и имѣлъ съ нимъ серьезное объясненіе.

— Завтра у меня гость обѣдать будетъ, ты пойми это!— сказалъ онъ повару.

— Это понять можно, ваше превосходительство; не въ первый разъ столы готовимъ!

— Ну, что же ты сдѣлаешь?

— Горячее супъ съ кнелюю изготавить можно.

— Господи! просто, братецъ, воображенія у тебя никакого нѣтъ!..

— А то можно и уху сварить.

— Супъ съ кнелюю да уха, только и словъ! Ну, чортъ съ тобой, дѣлай что хочешь!

Тѣмъ и кончилось совѣщаніе, но обѣдъ все-таки вышелъ хорошій. Подавали супъ съ кнелюю (поваръ поставилъ-таки на своемъ), на холодное котлеты и ветчину съ горошкомъ, на соусъ фрикасе изъ мозговъ и мелкой дичи, въ которую воткнуты были оловянные стрѣлы, потомъ пуншъ глянсѣ, на жаркое пидѣйку и въ заключеніе малиновое желе, въ видѣ развалинь Колизея, внутри которыхъ горѣла стеариновая свѣчка, производя весьма пріятный эффектъ для глазъ.

Максимъ Ѳедорычъ, какъ дамскій поклонникъ, садится

поближе къ Дарьѣ Михайловнѣ и между ними завязывается очень живой разговоръ.

— И вы не скучаете? — спрашиваетъ Максимъ Ѳедорычъ.

— Иногда... а впрочемъ, нѣтъ! Я такъ всегда занята, что некогда и подумать о скукѣ!

— Ахъ, да, я и забылъ, что у васъ есть дѣти... *chers petits anges! ils sont bien heureux d'avoir une mère comme vous, madame!*

— *Mais... oui! je les aime...*

Дарья Михайловна треплетъ старшаго сына по щечкѣ.

— Ей, Максимъ Ѳедорычъ, скучать некогда: она даже и теперь устраиваетъ благородный спектакль, — отзывается съ другого конца генераль, внимательно слѣдящій за всѣми движеніями Голынцева.

— *Vraiment? mais savez-vous*, мнѣ ужасно покровительствуетъ счастье... я безъ ума отъ спектаклей, особенно отъ благородныхъ... и я васъ заранѣе предупреждаю, что вы найдете во мнѣ самаго строгаго критика.

— Мы таки частенько здѣсь веселимся, — снова вступается генераль.

— Это хорошо! Удовольствія, а особливо невинныя... это, я вамъ скажу, даже полезно: это правы очищаетъ, не даетъ, знаете, имъ зачерствѣть...

— Это несомнѣнно!

— А позволено ли будетъ узнать, *si ce n'est pas une indiscretion toutefois*, какія пьесы будутъ играть?

— «Чинovníка», — отвѣчаетъ Дарья Михайловна.

— *Ah! c'est sérieux! c'est très sérieux!* Только, я вамъ скажу, тутъ надо актеру... *par ce que c'est très sérieux!*

Дарья Михайловна рекомендуетъ Семіоновича.

— Вы, конечно, поняли эту роль? — спрашиваетъ его Максимъ Ѳедорычъ. — Вы извините меня, что я дѣлаю такой вопросъ: дѣло въ томъ, что это вѣдь очень серьезно!

Семіоновичъ вертитъ головою въ знакъ согласія.

— Я видѣлъ въ этой роли первоклассныхъ нашихъ актеровъ, и признаюсь, не совсѣмъ удовлетворенъ ими. Нѣтъ, знаете, этого жару, этого негодованія... ну, и манеры не тѣ... Вы вѣдь вообразите, что Надимовъ старинный дворянинъ, que c'est un homme de bonne famille, и вдругъ этотъ человекъ рѣшился не только принести себя въ жертву отечеству, но и разорвать всякую связь съ «стариннымъ русскимъ развратомъ»... Mais il est presque révolutionnaire, cet homme!

— Я именно такъ и понялъ это, ваше превосходительство! — отвѣчаетъ Семіоновичъ.

— Да, тутъ надо много, очень много жару, чтобы передать эту роль... О княгинѣ я не спрашиваю: эта роль по всѣмъ правамъ должна принадлежать вамъ, — обращается Голынецъ къ Дарьѣ Михайловнѣ.

— А еще будутъ играть комедію, гдѣ Аглинька звонки рветъ! — перебиваетъ старшій сынъ Голубовицкихъ.

— А я буду сакалядь подавать, — продолжаетъ младшій сынъ.

— «Сакалядь», душечка? Oh, le charmant enfant!.. Я понимаю, что вы не должны, не можете скучать, Дарья Михайловна!

Дарья Михайловна треплетъ по щечкѣ и младшаго сына.

— Мамаша, Сеничка хочетъ въ Аглинькинъ шоколадъ песку насыпать, — докладываетъ старшій сынъ.

— Фп, душечка!

— Oh, le charmant enfant... quel âge a-t-il, madame?

— Sept ans.

— Mais savez-vous, madame, qu'il est très développé pour son âge? Тебѣ, душечка, куда хочется: въ военную или штатскую?

— Я хочу въ кьясномъ мундирѣ ходить!

Всѣ смѣются и съ нѣжностью смотрятъ на маленькаго пичугу, который уже желаетъ краснаго мундира.

— Нынѣшнее молодое поколѣніе удивительно какъ

быстро развивается! — замѣчаетъ Голынецъ. — Я увѣренъ, что Надимову всего какихъ-нибудь шестнадцать лѣтъ, въ то время, когда онъ вступаетъ на сцену... Notez bien cela, — прибавляетъ Голынецъ, обращаясь къ Семіоновичу.

— Извините меня, ваше превосходительство, — возражаетъ Семіоновичъ: — но Надимовъ передъ этимъ путешествовалъ, былъ на Нилѣ...

— Это такъ, но развѣ онъ не могъ путешествовать съ своими родителями или съ гувернеромъ?

— Путешествовать — такъ, но быть на Нилѣ — согласитесь сами, что это довольно трудно!

— Можетъ-быть, можетъ-быть... Au fond, vous êtes peut-être, dans le vrai... но, все-таки, вопросъ заключается въ томъ, что молодые люди нынче чрезвычайно какъ быстро развиваются... qu'en pensez-vous, madame?

— Mais... je pense que oui...

— Я, впрочемъ, отнюдь не противъ этого... Конечно, опытность, l'expérience n'est pas à dédaigner, et nous autres, vieux galopins, nous en savons quelque chose...

— Опытность великая вещь, ваше превосходительство, — замѣчаетъ генералъ, который по временамъ тоже не прочь преждевременно произвести Максима Фодорыча въ слѣдующій чинъ.

Порфирій Петровичъ покрываетъ въ знакъ сочувствія.

— Я противъ этого не спорю, ваше превосходительство: есть вещи, противъ которыхъ нельзя спорить, потому что онѣ освящены исторіей... Но все-таки жаръ, энергія... все это такія вещи, которыхъ намъ съ вами недостаетъ... mais n'est-ce pas, madame?

Дарья Михайловна очень мило улыбается; присутствующіе также смѣются, и даже довольно шумно, но, тѣмъ не менѣе, благовоенитавно и добродушно, какъ будто хотятъ сказать генералу: «а что, попались, ваше превосходительство!» Генералъ самъ признаетъ себя побѣжденнымъ и

ставить себя въ уровень съ общимъ веселымъ настроеніемъ общества.

— Зачѣмъ же вы, однакожъ, себя включаете въ число стариковъ? — очень любезно замѣчаетъ Дарья Михайловна Голынцеву.

— Vous êtes bien aimable, madame, — отвѣчаетъ Максимъ Ѳеодорычъ: — но — увь! — я долженъ сознаться, что время мое прошло!

— Должно-быть, тоже изволили развиваться быстро? — шутливо замѣчаетъ генераль.

— А что вы думаете? Вѣдь это правда! Въ бывалые годы я тоже недурно проводилъ время... mais que voulez-vous! la jeunesse — c'est comme les vagues de l'océan: cela s'en va et ne se retourne plus!

Въ это время желе съ стеариновою свѣчкой отвлекаетъ общее вниманіе. Максимъ Ѳеодорычъ съ любопытствомъ слѣдитъ за блюдомъ, пока обносятъ имъ всѣхъ гостей, и въ заключеніе находить que c'est joli. Встаютъ изъ-за стола и отправляются въ гостиную, гдѣ опять возобновляется жпвой и интересный разговоръ.

— Я никакъ не ожидалъ, чтобъ въ такомъ отдаленномъ городкѣ можно было такъ пріятно проводить время... Vraiment! — замѣчаетъ Максимъ Ѳеодорычъ.

— Если бы вашему превосходительству угодно было удостоить меня посѣщеніемъ сегодня вечеромъ на чашку чаю... — говоритъ Порфирій Петровичъ, подходитъ къ Голынцеву и переминываясь съ ноги на ногу.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ... Вы меня извините, что я не былъ у васъ съ визитомъ...

— Помилуйте, ваше превосходительство!..

И Порфирій Петровичъ, сдѣлавъ полуоборотъ на одномъ каблукѣ, кашлянувъ и нѣсколько покраснѣвъ, удаляется.

— Et demain, nous allons en piquenique; j'espère, que vous en serez? — спрашиваетъ Дарья Михайловна.

— Madame, vous pouvez disposer de mon temps et de ma personne selon votre bon vouloir...

— Въ такомъ случаѣ, я сама за вами заѣду, — любезно продолжаетъ генеральша.

— Ah, madame! vous êtes d'une bonté!

Наконецъ, всѣ начинаютъ чувствовать нѣкоторое обремененіе желудка и мало-по-малу раскланиваются съ хозяевами. Голынцевъ замѣчаетъ это и также спѣшитъ отретироваться.

Всѣ очень довольны.

— Ахъ, какой пріятный человѣкъ! — говоритъ Порфирій Петровичъ, обращаясь къ Крестовоздвиженскому.

— Просто именно добрейшій человѣкъ, — отвѣчаетъ Крестовоздвиженскій и внезапно начинаетъ размахивать руками, какъ человѣкъ, который не въ состояніи овладѣть своими чувствами.

Семіоновичъ уходитъ, обдумывая замѣчанія Голынцева по поводу роли Надимова, и рѣшается припустить еще болѣе жару въ выраженія того спасительнаго негодованія, которымъ проникнута эта роль. Леонидъ Сергѣичъ Разбитной выражаетъ свое удовольствіе тѣмъ, что скачетъ съ одной ступеньки на другую обѣими ногами вдругъ, и на одной ступенькѣ говоритъ: «*riqué*», а на другой: «*piqué*».

VI.

На другой день, часу въ третьемъ пополудни, огромный поѣздъ останавливается передъ домомъ, въ которомъ имѣетъ резиденцію Максимъ Фодорычъ. Впереди всего поѣзда ѣдетъ полиціймейстеръ на лихой тройкѣ, подобранной вѣлодось въ волосъ изъ числа пожарныхъ лошадей. За полиціймейстеромъ слѣдуютъ четверомѣстные сани, въ которыхъ обрѣтаются генераль и генеральша Голубовицкіе и двое дѣтей. Тутъ же садится и Максимъ Фодорычъ.

Поѣздъ трогается; ямщикамъ приказано быть веселыми, вслѣдствіе чего они поютъ пѣсни и помахиваютъ кнутами.

Максимъ Федорычъ замѣчаетъ, что такого рода загородныя поѣздки, кромѣ того, что представляютъ много удовольствія, весьма полезны для здоровья.

— Et regardez, comme c'est joli! — обращается онъ къ Дарѣ Михайловнѣ, указывая на длинную вереницу саней, растянувшуюся на полверсты. — Какъ это напоминаетъ запоздалыхъ путниковъ, которые сѣшать на почлегъ!

И дѣйствительно, картина очень милая, потому что день ясный, и лучи солнца, упадая на бѣлую снѣговую равнину, обливають ее сверкающимъ, почти нестерпимымъ блескомъ; сани быстро скользятъ по едва пробитой дорогѣ, а пристяжныя лошади, взрывая копытами снѣгъ, одѣвають экипажи серебристымъ облакомъ пыли, что также очень недурно.

— У насъ удивительно-здоровый климатъ, — говоритъ генералъ:—повѣрите ли, ваше превосходительство, странно сказать, а даже въ простомъ народѣ никогда никакихъ болѣзней не происходитъ!

— Да? Стало-быть, состояніе народнаго здоровья можно назвать удовлетворительнымъ?

— Больше чѣмъ удовлетворительнымъ!

— Ну, а народная нравственность?

— Насчетъ народной нравственности тоже могу сказать, что довольно удовлетворительна... Конечно, бываютъ тамъ между ними... Ну, да это домашними средствами!

— Гм!.. это хорошо, это очень утѣшительно, что народная нравственность въ удовлетворительномъ состояніи... Потому что народъ, ваше превосходительство... это его, можно сказать, единственная забота, чтобъ быть нравственнымъ... Если ужъ и въ народѣ нѣтъ нравственности, что же такое будетъ?

— Это справедливо, ваше превосходительство... въ этомъ отношеніи, я могу сказать... я очень счастливъ... Народъ здѣсь очень нравственъ! Одно только обстоятельство меня огорчаетъ: ябедниковъ здѣсь очень много.

— Д-да?

— Точно такъ-съ. Я, конечно, не сталъ бы жаловаться вамъ на это, если бы не имѣлъ удовольствія такъ близко познакомиться съ вами и не убѣдился вполне, что вы не заподозрите меня... Но теперь могу сказать прямо: да, ябедничество слишкомъ укоренилось здѣсь!

— Скажите пожалуйста!.. Но чѣмъ же вы объясните такое явленіе? Вѣроятно, оно откуда-нибудь занесено сюда, потому что не можетъ же быть, чтобъ здѣсь были какія-нибудь причины жаловаться... Вездѣ, гдѣ я былъ, передо мной проходили все лица совершенно довольныя.

— Изъ Новгорода, Максимъ Ѳедорычъ, изъ Новгорода... Повѣрьте, что это все старая новгородская кляуза дѣйствуетъ!..

— Гм!.. стало-быть, здѣшній народъ стоитъ на довольно высокой степени развитія? — замѣчаетъ Голынецвъ, вспоминая о Марѳѣ Посадницѣ.

— О, да! съ этой стороны я могу похвалить себя совершенно счастливымъ! Я могу сказать, что имѣю дѣло съ людьми развитыми, и если бы не ябедничество...

— Однакожь, надо бы принять мѣры противъ распространенія этого зла, ваше превосходительство... Я, съ своей стороны, готовъ содѣйствовать!

— Я, съ своей стороны, полагаю, ваше превосходительство, что для уничтоженія этого зла необходимо между народомъ распространить «истинное просвѣщеніе»...

— То-есть, какъ это истинное просвѣщеніе... грамотность, хотите вы сказать?

— О, нѣтъ, упаси Боже! Грамотность-то именно и распространяетъ у насъ ябедниковъ...

— Гм!.. да! я понимаю васъ! Вы хотите сказать, что если бы не было грамотныхъ, то некому было бы просьбы писать? Такъ, кажется?

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— А что вы думаете: вѣдь въ этомъ много правды! Не-

сомнѣно, что тогда административная машина упростилась бы чрезвычайно... Ну, и сокращеніе переписки... Однако, мнѣ весьма бы любопытно было знать, что вы разумѣете подь «истииннымъ просвѣщеніемъ»?

Генераль задумывается; онъ хочетъ выразиться какъ-нибудь аллегорически, упомянуть про невинность души, про довѣрчивость, про веселое и безгорестное выраженіе физиономіи и другіе несомнѣнные признаки «истииннаго просвѣщенія», но такъ какъ въ ораторскомъ искусствѣ онъ никогда не имѣлъ случая упражняться (потому что и вообще въ Россіи искусство это находится въ младенчествѣ), то весьма естественно, что мысли его путаются, и въ головѣ его поднимается такой сумбуръ, для приведенія котораго въ порядокъ необходимо было бы учредить цѣлое временное отдѣленіе съ тремя столами, изъ коихъ одинъ завѣдывалъ бы невинностью души, другой—довѣрчивостью и т. д. Дарья Михайловна замѣчаетъ это и спѣшитъ выручить сууруга своего изъ бѣды.

— Ah, messieurs, vous aurez encore tout le temps de causer affaire!—замѣчаетъ она, очаровательно улыбаясь.

— Это правда. Мы, ваше превосходительство, были очень пеучтивы передъ Дарьей Михайловной!—говоритъ Максимъ Ѳедорычъ, и потомъ снова прибавляетъ, указывая на поѣздъ:—Mais regardez, comme c'est joli!

Однако, виднѣется уже и цѣль поѣздки: однопэтажный сѣренькій домикъ, въ которомъ устроено все нужное для принятія гостей. Неподалеку отъ дома генеральскую тройку обгоняютъ сани, въ которыхъ сидятъ Загржембовичъ, Семіоновичъ и Разбитной, т. е. сокъ крутогорской молодежи. Разбитной возсѣдаетъ на облучкѣ, и въ то время какъ тройка равняется съ санями Дарьи Михайловны, онъ старается держать себя какъ можно лише и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается смотрѣть по сторонамъ и разговариваетъ съ своими спутниками, чтобъ показать, что онъ лихой и все ему нипочемъ.

Въ небольшой залѣ уже накрытъ столъ и батальонная музыка играетъ весьма усердно. Хотя это дѣло обыкновенное и всѣмъ давно извѣстно, что батальонъ, вмѣстѣ съ кузницей и швальной, непременно обладаетъ и полнымъ бальнымъ оркестромъ музыки, но Максимъ Ѳедорычъ считаетъ долгомъ пріятно изумиться.

— Да у васъ тутъ цѣлый оркестръ! — говоритъ онъ Дарья Михайловнѣ. — *Mais... c'est très joli!*

За обѣдомъ начинается тотъ же милый, летучій разговоръ, котораго образчики приведены въ предыдущей главѣ, съ тою разницею, что теперь онъ непринужденнѣе и вслѣдствіе этого еще милѣе. Дарья Михайловна ни на шагъ не отпускаетъ отъ себя дорогого гостя. За общимъ шумомъ и говоромъ между ними заводится интимная бесѣда, въ которой Дарья Михайловна открываетъ Максиму Ѳедорычу всѣ тайныя сокровища своего ума и сердца. Бесѣда, разумѣется, ведется на томъ миломъ французскомъ діалектѣ, о которомъ наши провинціальныя барыни такъ справедливо выражаются: «этотъ душка французскій языкъ».

— Если кто хочетъ найти доступъ къ сердцу жепщины, тотъ долженъ постучаться въ двери ея воображенія, — утверждаетъ Максимъ Ѳедорычъ.

— Вы думаете?

— Я совершенно въ этомъ увѣренъ... Кто произноситъ при мнѣ слово «воображеніе», тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ произноситъ и слово «женщина», и наоборотъ...

— А я думаю, что на обѣднхъ женщинъ клеветаютъ, говоря, что у нихъ воображеніе развито насчетъ сердца... Возьмите, напримѣръ, чувство матери!

— О, чувство матерн — это такъ! *C'est sublime, il n'y a rien à dire!* Но я не о немъ и говорю... Мы возьмемъ женщину, свободную отъ всякихъ такого рода отношеній, женщину, созданную, такъ сказать, для того, чтобъ только любить... *madame Beauséant* *), напримѣръ?

*) Герония романовъ Бальзака.

— Но я вамъ могу указать противъ этого на Марту, на Лукрецію Флоріані *)...

— И все-таки я утверждаю, что всѣ эти героини именно потому и оказались слабы сердцемъ, что въ нихъ слишкомъ развито было воображеніе.

Дарья Михайловна задумывается.

— Нѣтъ, вы не знаете женщины! — говоритъ она положительно.

— Oh, mais je vous demande pardon, madame!..

— Нѣтъ, потому что вы отнимаете у женщины ея лучшее сокровище—сердце!.. А впрочемъ, я и забыла, что вы мужчина...

— А все-таки главное въ женщинѣ — это ея воображеніе...

— Вы странный человекъ, мсьё Голынецъ: вы хотите увѣрить меня, что постигнули женщину... то-есть постигли то, что само себя иногда постигнуть не въ состояніи...

— Oh, quant à cela, vous avez parfaitement raison, madame!

— Читали ли вы Гётевы «Wahlverwandtschaften»?

— О, какъ же!

— Помните ли вы тамъ одно мѣсто... ту минуту, когда Шарлотта, отдаваясь своему мужу, вдругъ чувствуетъ... Скажите: сердце ли это, или воображеніе?

Максимъ Ѳедорычъ безмолвствуетъ, потому что, признаться сказать, онъ въ первый разъ слышитъ о Шарлоттѣ, да сверхъ того и вопросъ Дарьи Михайловны слишкомъ ужъ отзывается метафизикой.

— Вы потому ошибаетесь въ женщинѣ, — продолжаетъ Дарья Михайловна томно: — что ищете чувства въ одномъ ея сердцѣ... Но вѣдь оно вездѣ, это чувство, оно во всемъ ея существѣ!

Максимъ Ѳедорычъ рѣшительно побѣжденъ.

— О, если вы берете вопросъ съ этой точки зрѣнія, —

*) Героини романовъ Ж. Санда.

говорить оъ: — то, конечно, противъ этого я ничего не имѣю сказать.

Такимъ образомъ побѣда остается за Дарьей Михайлов-ной, но, какъ женщина умная, она очень хорошо понимаетъ, что одолжена своимъ торжествомъ не столько самой себѣ, сколько великодушію своего противника.

Послѣ обѣда время проводится очень пріятно; въ залѣ устраиваются танцы, въ сосѣдней комнатѣ раскладываются карточные столы. Слѣдовательно, и юность, увѣчанная розами, и маститая старость, украшенная благолѣпными сѣдинами, равно находятъ удовлетвореніе своимъ законнымъ потребностямъ.

Максимъ Ѳедорычъ играетъ въ карты легко и чрезвычайно пріятно. Онъ не кричитъ, не подмигиваетъ, не говоритъ: «тэкъ-съ», и вообще не выказываетъ никакихъ признаковъ душевнаго волненія. Партію его составляютъ: генераль Голубовицкій, Порфирій Петровичъ Порфирьевъ и Семень Семеновичъ Фурначевъ. Занятіе картами не мѣшаетъ Максиму Ѳедорычу вести вмѣстѣ съ тѣмъ весьма пріятный и оживленный разговоръ; во время сдачи онъ постоянно находитъ какую-нибудь новую тему и развиваетъ ее со свойственнымъ ему увлеченіемъ. Такъ, напримеръ, онъ находитъ, что Англія сдѣлала въ послѣднее время на промышленномъ поприщѣ гигантскіе успѣхи, а что во Франціи, напротивъ того, *l'ère des révolutions n'est pas close...*

— Ахъ, какой пріятный человекъ!—замѣчаетъ Порфирій Петровичъ, когда Голынецевъ оставляетъ на минуту своихъ партнеровъ, чтобы посмотреть на танцующихъ.

— И, кажется, много начитанъ!—прибавляетъ отъ себя Семень Семенычъ.

Но вотъ начинается мазурка, и Максимъ Ѳедорычъ, по необходимости, долженъ кончить игру, потому что дамы единодушно сговорились выбирать его для фигуръ. Само собою разумѣется, что Максимъ Ѳедорычъ въ восторгѣ;

онъ забываетъ почтенный свой возрастъ и рѣзвится какъ дитя: хлопаетъ въ ладоши во время шэновъ и рондовъ, придумываетъ новыя фигуры и съ необыкновенною граціею ловить платки, которые бросаются, впрочемъ, дамами именно въ сторону, гдѣ находится Голынецъ.

Однимъ словомъ, день проходитъ незамѣтно и весело. Во время сборовъ въ обратный путь, Максимъ Ѳедорычъ очень суетится и хлопочетъ. Онъ лично наблюдаетъ, чтобы дамы закутывались теплѣе, и до тѣхъ поръ не успокаивается, покуда не убѣждается, что попечительныя его настоянія возымѣли надлежащее дѣйствіе.

VII.

Я не стану говорить объ обѣдахъ и вечеринкахъ, данныхъ по случаю пріѣзда Максима Ѳедорыча сильными міра сего; пройду даже молчаніемъ и великолѣпный балъ, устроенный въ залѣ клуба... Во все время своего пребыванія въ Крутогорскѣ Максимъ Ѳедорычъ былъ положительно разрываемаъ на части, и за всѣмъ тѣмъ не только не показывалъ ни малѣйшаго утомленія или упадка душевныхъ силъ, но, напротивъ того, въ каждомъ новомъ празднествѣ какъ бы почерпалъ новыя силы для совершенія дальнѣйшихъ подвиговъ на этомъ блестящемъ поприщѣ.

Перломъ всѣхъ этихъ увеселеній остался все-таки благородный спектакль, на которомъ я и памфрентъ остановилъ вниманіе читателя. Максимъ Ѳедорычъ самъ неуспѣшно слѣдилъ за ходомъ репетицій, вразумлялъ актеровъ, понуждалъ лѣнливыхъ, обуздывалъ слишкомъ ретивыхъ и даже убѣдилъ Шомполова въ томъ, что водка и искусство — двѣ вещи разныя, которыя легко могутъ обойтись другъ безъ друга.

Прежде всего шла пьеса: «Въ людяхъ ангель» и проч., и всѣ единогласно сознались, что лучшаго исполненія желать было невозможно. Аглаида Алексѣевна Размановская играла рѣшительно *comme une actrice consommée!* Хотя въ особенности много неподдѣльнаго чувства было выра-

жепо въ послѣдней сценѣ примиренія, но и на балѣ у Размазни дѣло шло нисколько не хуже, если даже не лучше. Отлично также изобразила госпожа Симіась перерѣзную дѣвицу Небосклонову, а пропѣтый ею куплетъ о Пушкинѣ произвелъ фуроръ. Но Разбитной, по общему сознанию, превзошелъ самая смѣлая ожиданія. Онъ какъ-то сюсюкалъ, безпрестанно вкладывалъ въ глаза стеклышко и во всемъ поступалъ именно такъ, какъ долженъ былъ поступать настоящій Приндикъ. Одинъ Семіоновичъ былъ неудовлетворителенъ. Онъ никакъ не могъ понять, что Славскій — дипломатъ, который подъ конецъ пьесы даже получаетъ назначеніе въ Константинополь, и велъ себя рѣшительно какъ товарищъ предсѣдателя. Даже Фурначевъ понималъ, что тутъ что-то не такъ, и сообщилъ свое заключеніе Порфирію Петровичу, который, однакожъ, не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ, а выразился только, что «съ насъ и этого будеть!»

Начались и живыя картины. Максимъ Ѳедорычъ лично осмотрѣлъ Гайдѣ и нашель, что Дарья Михайловна была magnifique. Шомполовъ, бывший въ это время за кулисами, увѣрялъ даже, будто Максимъ Ѳедорычъ прикоснулся губами къ обнаженному плечу Гайдѣ и при этомъ какъ-то странно всѣмъ тѣломъ дрогнулъ. Впрочемъ, надо сказать правду, и было отъ чего дрогнуть. Когда открылась картина и представилась глазамъ зрителей эта роскошная женщина, съ какой-то страстной нѣгой раскинувшаяся на турецкомъ диванѣ, взятомъ на поддержаніе у совѣтника палаты государственныхъ имуществъ, то вся толпа зрителей дико завопила: таково было потрясающее дѣйствіе обнаженнаго плеча Гайдѣ. Напрасно насупливался мрачный Ламбро, напрасно порывался впередъ миловидный Донъ-Жуанъ — публика не замѣчала ихъ полезныхъ усилій и всѣми чувствами стремилась къ Гайдѣ, къ одной Гайдѣ.

Вторая картина была также прелестна. Нѣсколько приятныхъ молодыхъ дамъ и дѣвицъ, un essaim de jeunes beau-

tés, въ костюмахъ одаднскъ, и посреди нихъ Дарья Михайловна, съ гитарой въ рукахъ, произвели эффектъ поразительный.

Третью картину спасла рѣшительно Дарья Михайловна, потому что Семіоновичъ (Іаковъ) не только ей не содѣйствовалъ, но даже совершенно неожиданно свиснулъ, разрушивъ вдругъ все очарованіе.

Грекъ съ ружьемъ прошелъ благополучно.

Но само собою разумѣется, что главный интересъ все-таки сосредоточивался на «Чиновникѣ». Въ публикѣ ходили насчетъ этой пьесы разные несообразные слухи. Многіе увѣряли, что будетъ всенародно представленъ становой приставъ, снимающій съ просителя даже исподнее платье; но другіе утверждали, что будетъ, напротивъ того, представленъ становой приставъ, снимающій рубашку съ самого себя и отдающій ее просителю. Последнее мнѣніе имѣло за себя всѣ преимущества со стороны благонамѣренности и правдоподобія, и потому весьма естественно, что въ общемъ направленіи оно оправдалось и на дѣлѣ. Максимъ Оедорычъ сильно струсиль. Онъ видѣлъ, что Семіоновичъ не такъ понялъ свою роль.

— Mais veuillez comprendre, mon cher, — говорилъ онъ: — вѣдь Надимовъ человекъ новый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и старый... то-есть, вотъ видите ли... душа у него новая, а тѣло, то-есть оболочка... старая!.. Здѣсь-то, въ этомъ безвыходномъ столкновеніи, и источникъ всей катастрофы... Vous comprenez?

Но Семіоновичъ не понималъ; онъ, напротивъ того, утверждалъ, что у Надимова душа старая, а тѣло новое... и что въ этомъ-то именно и заключается не катастрофа, а поучительная и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоивающая цѣль пьесы: это, молъ, ничего, что ты тамъ языкомъ-то озорничаешь, мысли-то у тебя все-таки тѣ же, что и у насъ грѣшныхъ.

Максимъ Ѳеодорычъ былъ въ отчаяніи и не скрывалъ даже чувствъ своихъ.

— Все идетъ отлично,—говорилъ онъ въ партерѣ окружавшимъ его губернскимъ аристократамъ:—по Надимовъ... признаюсь вамъ, я опасаюсь, я спльно опасаюсь за Надимова... Какая жалость!

И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобъ представить чело-вѣка по наружности холоднаго, насквозь проникнутаго без-подобнѣйшимъ *comme il faut* и только въ глубинѣ души горящаго огнемъ безкорыстія, чело-вѣка, собирающагося высказать свою тоску по безкорыстію на всю Россію, однакожь, по чувству врожденной ему стыдливости, высказы-вающего ее только княгинѣ, Мисхорину, полковнику и Дробинкину, Семіоновичъ выходилъ изъ себя, дралъ свои волосы и въ одномъ мѣстѣ дошелъ до того, что прибилъ себя по щекамъ. Даже кругогорская публика какъ-то странно охнула при такомъ явномъ нарушеніи законовъ естествен-ныхъ и чело-вѣческихъ, а Порфирій Петровичъ весь сго-рѣлъ отъ стыда.

Наконецъ, представленіе кончилось. Слово «joli» слыша-лось во всѣхъ углахъ—только канцелярскіе чиновники, оби-татели горныхъ и страшные зюлы, остались не совсѣмъ довольны, да и то потому, что ихъ заверили, что будетъ непременно представленъ становой, да и не какой-нибудь другой становой, а именно второго стана Полорѣцкаго уѣзда—Благоволенскій.

На другой день въ губернскихъ вѣдомостяхъ была на-печатана въ видѣ письма къ редактору слѣдующая статья:

«Позвольте и мнѣ, скромному обитателю нашего мирнаго города, поговорить о прекрасномъ торжествѣ, котораго мы были свидѣтелями. Извѣстно вамъ, милостивый государь, какое благодѣтельное вліяніе имѣють зрѣлища (а въ осо-бенности благородныя) на нравственность народную. Съ одной стороны, примѣромъ наказаннаго порока смягчая преступныя наклонности, зрѣлища, съ другой стороны, не-

сопѣнно возвышаютъ въ человѣчествѣ эстетическое чувство; эстетическое же чувство, въ свою очередь, пройдя сквозь горнило нравственности, возвышаетъ сію послѣднюю, и черезъ то ставитъ ее на ту ступень, гдѣ она дѣлается основою всякаго благоустроеннаго гражданскаго общества. Съ этой точки зрѣнія намѣренъ я обозрѣть критически вчерашнее торжество.

«Первое, что представляется при этомъ моему умственному взору—это цѣль, которой служили благородные жрецы искусства. Не одна слеза будетъ отерта, не одинъ вздохъ благодарности вознесется, въ видѣ теплой молитвы, за благородныхъ благотворителей... Одинъ французскій ученый сказалъ, что дама, которая покупаетъ шаль, подаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ милостыню бѣдному... Святая и глубокая истина! И наши добрые кругогорцы вполнѣ ее поняли. Но не стану больше распространяться объ этомъ предметѣ; я знаю, что скромность, и даже нѣкоторая стыдливость, есть нераздѣльная принадлежность всякаго благотворительнаго дѣянія, и потому... умолкну.

«Но не могу умолчать о благотворной мысли, существовавшей при выборѣ пьесъ. Въ настоящее время, когда умственное око Россіи должно быть обращено, по преимуществу, внутрь ея самой, наши добрые кругогорцы вполнѣ доказали, что они стоятъ въ уровень съ обстоятельствами. Выборъ такой пьесы, какъ «Чиновникъ», положительно доказываетъ это. Мы сами были свидѣтелями потрясающаго дѣйствія этой пьесы, которое, въ соединеніи съ истинно-пластической игрой исполнявшаго роль Надимова члена благороднаго кругогорскаго общества, останется навсегда незабвеннымъ на страницахъ нашей лѣтописи. Да! мы можемъ смѣло давать на нашей сценѣ «Чиновника»! мы можемъ безъ горечи выслушивать страстныя и благонамѣренныя филиппики г. Надимова! Эти укоры, эти филиппики не до насъ относятся! Благодареніе Богу, мы уже поняли свой долгъ относительно любезнаго нашего оте-

чества и, положа руку на сердце, можемъ сказать: г. Надимовъ! въ вашихъ словахъ заключается горькая правда, по этой правдѣ нѣтъ мѣста въ Крутогорской губерніи!

«Скажу нѣсколько словъ и объ исполненіи, но, не желая оскорбить прекрасное чувство скромности, которымъ одушевлены наши благородные благотворители, выпужденъ умолчать о многомъ, что накипѣло на днѣ благодарной души. Прежде всего, долженъ я упомянуть о трудахъ ея превосходительства Дарьи Михайловны, по мысли и постановленіямъ которой было устроено настоящее торжество. Затѣмъ всѣ исполнители, принявшіе участіе въ дѣлѣ благотворенія, были безукоризненны. Какъ хороша была княгиня! Какъ увлекательно-наивна была Славская! Какъ... по нѣтъ, я чувствую, что перо мое начинаетъ переходить само собою за предѣлы той скромности, о которой я говорилъ... Итакъ, умолкну!

«Мужайтесь, благородные труженики! боритесь съ препятствіями и преодолевайте ихъ! Не смотрите на то, что на пути вашемъ иногда растутъ не розы, а терніи — таково ужъ удѣлъ всѣхъ дѣйствій человеческихъ! Помните всегда, что за вашими невинными занятіями стоятъ толпы иныхъ тружениковъ, которые посылаютъ къ небу горячія мольбы о ниспосланіи вамъ сугубыхъ силъ на новые подвиги!»

Сочинитель этой статьи, коллежскій секретарь Пѣснонѣвцевъ, удостоился въ тотъ же день чести быть приглашеннымъ къ обѣденному столу его превосходительства Семена Семеныча.

VIII

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, Максимъ Федорычъ спохватился, что пора ужъ ѣхать, тѣмъ болѣе, что репертуаръ увеселеній начпнать истощаться. Онъ собралъ свои воспоминанія, посоветовался съ записною книжкой и нашелъ, что матеріаловъ для будущаго донесенія предоста-

точно. О генералѣ Голубовицкомъ и преимущественно о генеральшѣ предположилъ онъ высказаться съ особенною теплотою. Въ пользу ихъ можно, пожалуй, даже пожертвовать двумя-тремя субъектами, чтобъ лучше и явственнѣе отѣнить картину. Само собою разумѣется, что нельзя же всѣхъ чиновниковъ найти добродѣтельными; это невозможно, во-первыхъ, потому, что сама природа въ своихъ проявленіяхъ разнообразна до безконечности; а во-вторыхъ, потому, что и начальство не повѣритъ этой эпидеміи добродѣтели и, чего добраго, заподозритъ еще способности ревизора. Поэтому выбраны были въ жертву такъ-называемые пререкатели и безпокойные, которыхъ и оказалось двое: совѣтникъ губернскаго правленія Евфратскій и членъ приказа Семибашенный. Евфратскій жилъ весьма уединенно, ни къ кому не ѣздилъ, и вслѣдствіе того былъ заподозрѣнъ въ вольнодумствѣ и въ намѣреніи возстановить въ Россіи патріаршеское достоинство, о чемъ будто бы онъ и выражался стороною тамъ-то и тогда-то. Семибашенный же хотя и не мечталъ о возстановленіи патріаршескаго достоинства, но, взамѣнъ того, неоднократно предъявлялъ пагубную наклонность къ исламу и даже публично называлъ турокъ счастливыми, приводя въ основаніе такого мнѣнія лишь грубыя поползновенія своей чувственности. Само собою разумѣется, что такіа лица не заслуживали ни малѣйшаго списхожденія.

Прощаніе было очень трогательно. На обѣдѣ, данномъ по этому случаю генераломъ Голубовицкимъ, было сказано много теплыхъ словъ и вышито не мало тостовъ за здоровье дорогого гостя.

— Скажу вамъ откровенно, — выразился при этомъ генералъ, съ чувствомъ пожимая руку Максима Федорыча: — я давно, очень давно не имѣлъ такого пріятнаго гостя!

— Позвольте и мнѣ, въ свою очередь, удостовѣрить ваше превосходительство, что давно, очень давно я не имѣлъ такихъ пріятныхъ минутъ, какія провель здѣсь, въ вашемъ

любезномъ обществѣ, — отвѣчалъ Максимъ Ѳеодорычъ взволнованный.

— Mais revenez nous voir, — любезно сказала Дарья Михайловна.

— Impossible, madame! Мы, люди службы, люди дѣятельности, не всегда можемъ слѣдовать влеченіямъ сердца...

Всѣ присутствовавшіе были растроганы. Когда же, послѣ обѣда, наступилъ часъ разставанія, и Максимъ Ѳеодорычъ долго, въ какомъ-то безмолвіи, держалъ въ своихъ рукахъ руку Дарьи Михайловны, то его превосходительство Семень Семенычъ не могъ долѣе выдержать. Онъ какъ-то восторженно замахалъ руками и бросился обнимать Голынцева, а Семеновичъ, стоя въ это время въ сторонѣ, шопотомъ декламировалъ:

When we two parted
In silence und tears...

Вечеромъ, часу въ десятомъ, ровно черезъ мѣсяцъ по приѣздѣ въ Крутогорскъ, Максимъ Ѳеодорычъ уже выѣзжалъ за заставу этого города. Частный приставъ Рогуля, сопровождавшій его превосходительство до городской черты, пожелалъ ему счастливаго пути и тутъ же, обратившись къ будочнику, сказалъ:

— Ну, вотъ и ревизоръ! что жъ что ревизоръ! Нѣтъ, кабы вотъ Павла Трофимыча Перегоренскаго къ ревизиі допустили — этотъ, надо думать, обревизировалъ бы!

Въ эту же ночь послалъ Богъ свѣжку, который въ какихъ-нибудь два часа закрылъ самый слѣдъ повозки Максима Ѳеодорыча.

IV.—Утро у Хрептюгина.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Иванъ Онуфричъ Хрептюгинъ, 55 лѣтъ, негоціантъ.

Дмитрій Ивановичъ, пиаче Démétrius, сынъ его, 20 лѣтъ, служитъ при губернаторѣ.

Статскій совѣтникъ Семень Семенычъ Фурначевъ. 50 лѣтъ, имѣеть къ Хрептюгину начальственныя отношенія.

Маіоръ Станиславъ Ѡадеичъ Понжперховскій, 40 лѣтъ, ремесломъ проходимецъ.

Иванъ Петровичъ Доброзраковъ, отставной штабъ-лѣкаръ, 55 лѣтъ.

Леонидъ Сергѣичъ Разбитной, чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, молодой человекъ.

Отставной подпоручикъ Живновскій, 50 лѣтъ.

Титулярная совѣтница Степанида Карловна Гусова, 45 лѣтъ, экономка Хрептюгиныхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

СЦЕНА I.

Театръ представляетъ богато-убранную гостиную въ домѣ Хрептюгина. Въ серединѣ и направо отъ зрителя двери. На столѣ передъ диваномъ поставлена закуска и водка.

Гусова (*пожилая женщина, одѣтая въ черное шелковое платье; на плечахъ у нея желтая шаль, на головѣ чепецъ; при открытіи занавѣса она занимается приготовленіемъ закуски*).

Шутка сказать, скоро одиннадцатый часъ, а онъ еще дрыхнетъ! и не убьетъ же Богъ. громомъ этакаго аспида! По естеству-то, ему бы теперь на босу ногу бѣгать да печки затоплять, анъ онъ, вотъ, валяется... Да и спать вѣдь не спитъ, а именно валяется, потому, дескать, что въ Питерѣ благородные люди такимъ манеромъ дѣлають. (*Задумывается*). Вотъ я и благородная, и мужъ титулярнымъ совѣтникомъ былъ... такъ хоть бы за столъ съ собой посадили — и того нѣтъ!

СЦЕНА II.

Гнусова и Понжперховскій (видный мужчина, въ военномъ стуртукъ; усы нафабрены и тщательно завиты, волосы на голову прилажены; вертлявъ и занятъ собой; говоритъ съ сильнымъ акцентомъ).

Понжперховскій. Иванъ Онуфричъ не вставали?

Гнусова. Гдѣ же ему встать, батюшка!

Понжперховскій. Это лучше-съ; я, признаюсь вамъ, даже не люблю, когда вашъ Онуфричъ передъ глазами торчитъ... Поговорить можно и безъ него, выпить и закусить тоже-съ...

Гнусова. Конечно, сударь!

Понжперховскій. Я вамъ доложу, почтеннѣйшая Степанида Карповна, что на этихъ людей нужно смотрѣть съ философической точки зрѣнія... Вотъ я, напримѣръ: люблю и въ карточки перекинуть, и хорошую сигару выкурить, и пообѣдать изящно, и побесѣдовать... все это у Хрептюгина я нахожу-съ. Слѣдственно, что жъ мнѣ за дѣло до того, что онъ еще вчерашняго числа не-вѣсть въ какой родословной записанъ былъ? Возьмемъ хоть бы теперь: закуска, я вижу, на столѣ приготовлена, водка есть... ну, и ваша пріятная бесѣда тоже-съ... За ваше здоровье, Степанида Карповна! (Пьетъ и закусываетъ.)

Гнусова. На здоровье, сударь. Оно точно, вы люди наѣзжіе... вамъ оно ничего, какъ онъ колобродить, да и колобродить-то при васъ онъ еще не больно осмѣлится...

Понжперховскій. Это всеконечно-съ... потому что мы иногда можемъ и до лица коснуться...

Гнусова. А каково-то намъ, грѣшнымъ? Бѣднякъ, сударь, что муха: гдѣ заборъ, тамъ дворъ; гдѣ щель, тамъ постель! Намеднишь вотъ чуть со двора меня не согналъ: «хочу, говорить, чтобъ у меня нѣмка въ экономахъ была!» Ну, рассудите вы сами, Станиславъ Оадденчъ, хуже, что ли, я нѣмки-то!

Понжперховскій. Сс!... да онъ долженъ былъ бы радоваться, что ему дворянка служить!

Гнусова. То же и я говорю... Насилу ужъ его Аксинья Ивановна уняла.

Понжперховскій. Д-да-съ... такъ вотъ видите: стало-быть, Аксинья-то Ивановна добрая!

Гнусова. И, сударь, не говорите! тоже озорница выросла!

Понжперховскій. Это можно измѣнить-съ... Будетъ не только шелковая, а даже бархатная: на это манера есть-съ... А вы исполнили порученьяце-то, моя почтенная?

Гнусова. Говорила, сударь... только она все чтой-то мнется... сначала было-подалась, а потомъ и опять на попытую.

Понжперховскій. Да что же такое-съ?

Гнусова. Да говорить, что ты больно по гостямъ шататься любишь, а я, говорить, желаю, чтобъ мужъ у меня безсмѣнно при мнѣ сидѣлъ...

Понжперховскій. Ну, скажите, пожалуйста! Вѣдь вотъ жадность какая! Да вы бы внушили ей, моя почтеннѣйшая, что и безъ того ей ужъ подѣ-тридцать!

Гнусова. Говорила я, такъ она все свое: папаша, говорить, коли захочетъ, такъ для брака и изъ Петербурга генералы прѣдутъ!

Понжперховскій. Д-да... а какъ хотите, это вѣдь правда, что дрянная-то кровь, какъ ты тамъ ее ни перегоняй сквозь кубъ, а все скажется... Мнѣ не ея-съ, а вотъ приложеній-то жалко!

Гнусова. Чтò и говорить, сударь!

СЦЕНА III.

Тѣ же и Доброзраковъ *(роста большого и нѣсколько при этомъ сутуловатъ; смотритъ урюмо; въ военномъ сюртукѣ)*.

Доброзраковъ *(становясь въ дверяхъ)*. Пану полковнику здравія желаемъ! Чи добрже маешь, пане?

Понжперховскій. Чтò намъ дѣлается, докторъ! Отъ насъ вамъ пожива плохая.

Доброзраковъ. Ну, это еще бабушка на-двое сказала... объ этомъ будетъ у насъ въ то время разговоръ, какъ ноги, дружище, протлгивать станешь! (*Устремляетъ взоръ на водку.*) А! и водка на столъ; это добрже! А ну, полковникъ, испытаемъ-ка цѣлебныя свойства этой жидкости! Мнѣ, я вамъ скажу, что-то сегодня нездоровится: стара стала, слаба стала... потуда и живъ, покуда внутри водкой сполоснешь! Да и та нынче измѣнять стала (*Пьетъ.*) Было, было и наше времечко! Вынешь, бывало, сколько поды-мешь, а нынче... сколько глазомъ окинешь! (*Всѣ смѣются.*)

Понжперховскій. А чтò вы думаете, докторъ: можетъ-быть, отъ этого-то всполаскиванія оно и не дѣйствуетъ. Вотъ въ нашихъ сторонахъ помѣщикъ былъ, тоже занимался этимъ, такъ, повѣрите ли, внутренности-то у него даже выгорѣли всѣ — такъ и скончался-сь!

Доброзраковъ. Вздоръ, сударь! (*Ударяетъ себя по животу.*) Эта печка такого сорта, что какъ ее ни топн — все къ дальнѣйшей топкѣ достойна и способна... Я вотъ шестой десятокъ на свѣтѣ живу, и могу сказать — бывала-таки у насъ топка... да, изрядная! А все хоть сейчасъ въ походъ готовъ!.. (*Гнусовой.*) Иванъ Онуфричъ всталъ?

Гнусова. Никакъ пѣтъ еще, Иванъ Петровичъ, какъ можно!

Доброзраковъ. То-есть, онъ и проснулся, пожалуй, да тотъ еще часъ, видно, не пробилъ, въ который дуракамъ просыпаться прилично... Э-э-эхъ! то-то вотъ и есть: мужика сколько ни вари, все сыростью пахнетъ! Издали-то онъ ни то, ни сѣ, а что ближе, то гаже!

Гнусова (*иронически*). Ну, какъ, сударь! Извѣстно, возвысилъ Богъ куликовъ родъ — какъ же и не покуражиться ему!

Доброзраковъ. Люблю за то, что по крайней мѣрѣ, не говоря худого слова, ноги на столъ задралъ! Повторимъ,

полковникъ. (*Подноситъ Понжперховскому рюмку; оба пьютъ.*)

Понжперховскій. Это вы истинную правду, докторъ, сказали: человекъ, покуда въ дикомъ состояніи находится — ничего... даже можно сказать, что это именно почтенный человекъ-съ! Но коль скоро повезла ему фортуна или успѣлъ онъ, такъ сказать, надуть себѣ подобнаго, то это именно даже удивительно, какой вдругъ переворотъ въ немъ бываетъ!

Доброзраковъ. Какой тутъ переворотъ! Первымъ долгомъ — ноги на столъ... Этотъ переворотъ и хавронья сдѣлать можетъ!

Понжперховскій. Правда, докторъ! Я самъ иногда, глядя на него, думаю, зачѣмъ онъ, напримѣръ, бороду брѣшетъ?

Доброзраковъ. Съ бородой-то, по-моему, еще лучше. Борода глазамъ замѣна: кто бы плюнулъ въ глаза — плюнетъ въ бороду! (*Всѣ смѣются.*)

Понжперховскій. Или, напримѣръ, зачѣмъ ему такой домъ? Онъ еще не знаетъ, какъ и ходить-то по паркету... Кабы этакія средства да человекъ образованному, сколько бы можно добра тутъ сдѣлать!

Доброзраковъ. Нѣтъ, вы лучше скажите, зачѣмъ ему годовой врачъ? Вотъ вы что скажите! Вѣдь у него, кромѣ прыщей на носу, и болѣзней-то никакихъ не бываетъ!

Гнусова (*иронически*). Чтой-то ужъ и не бываетъ! Вы, Иванъ Петровичъ, ужъ, кажется, не въ мѣру его конфузите!

Доброзраковъ (*смотритъ на часы*). Однако, надо ему сказать, что пора бы и перестать валяться-то... Ужъ и султанъ турецкій давно, поди, всталъ?

СЦЕНА IV.

Тѣ же и Дмитрій Ивановичъ (*вбѣгаетъ стремительно; одѣтъ франтомъ и завитъ*).

Дмитрій Ивановичъ. Гдѣ папаша? гдѣ папаша? Двѣнадцатый часъ, а онъ тамъ проклажается! Вы-то чего жъ смотрите, Степанида Карповна!

Гнусова (*оскорбляясь*). Помилуйте, Дмитрій Ивановичъ, я вѣдь дама... развѣ могу я въ опочивальню къ вашему папашѣ входить?

Дмитрій Ивановичъ (*останавливаясь въ изумленіи передъ Гнусовой*). Дама?!.. А кто же вамъ сказалъ, что вы дама?

Гнусова. Все же, чаѣ, не мужчина, сударь!

Дмитрій Ивановичъ. Такъ вы говорите: «женщина», а то «дама»!

Доброзраковъ. Да что жъ такое случилось, Дмитрій Ивановичъ?

Дмитрій Ивановичъ (*размахивая руками*). Князь... князь... желаетъ узнать о папашиномъ здоровьи... Поняли, что ли? (*Гнусова, всплеснувъ руками, стремительно убѣгаетъ*).

Доброзраковъ (*начиная застегиваться*). Ахъ ты, Господи! самъ его сіятельство ѣдетъ!

Дмитрій Ивановичъ. Кто вамъ говоритъ про его сіятельство! Поѣдетъ къ вамъ его сіятельство! Будетъ съ васъ и того, если и Леонида Сергѣича пришлетъ!

Доброзраковъ (*разстегиваясь*). А! Разбитной! Ну, при этомъ и въ рубашкѣ быть предостаточно!

Дмитрій Ивановичъ. Вы, докторъ, кажется, забываетесь! Вы не понимаете, въ какомъ домѣ находитесь!

Доброзраковъ (*озираясь кругомъ*). А въ какомъ?—въ каменномъ!.. Ну, да полноте, Дмитрій Ивановичъ, я вѣдь это такъ, шутки ради... Извѣстно ужъ, Леонидъ Сергѣичъ—особа не простая... гдѣ жъ намъ противъ нихъ! Я вамъ такъ даже скажу, что я и купаться-то бы передъ нимъ въ одной рубашкѣ не осмѣлился, а такъ бы вотъ въ мундирѣ и полѣзъ въ воду...

Дмитрій Ивановичъ. Вы все съ своими шутками!

Доброзраковъ. Старикъ вѣдь я, Дмитрій Ивановичъ,—кому же и пошутить-то!

Понжперховскій. А мнѣ, видно, уйти покудова... не люблю я этого Разбитного!

Доброзраковъ. Что такъ?

Понжперховскій. Гордишка-съ!

СЦЕНА V.

Дмитрій Ивановичъ и Доброзраковъ.

Дмитрій Ивановичъ. Ну, скажите, докторъ, зачѣмъ, напри-
мѣръ, этотъ выходецъ сюда таскается?

Доброзраковъ. А такъ вотъ, просто потому, что есть умокъ
сладенько поѣсть... Вы ужь очень строги, Дмитрій Ива-
нычъ.

Дмитрій Ивановичъ. Нѣтъ, я не строгъ, докторъ, я только
желаю, чтобъ въ этомъ домѣ чистый воздухъ былъ... Пони-
маете? Знаете ли, какъ у меня здѣсь наболѣло, докторъ?
(Указываетъ на сердце). Вѣдь на улицу выйти нельзя:
свинья тамъ въ грязи валяется, такъ и та, чего добраго,
тебѣ родственница!

Доброзраковъ. Да, это зрѣлище, тово... нельзя сказать,
чтобъ пейзажъ живописень былъ!

Дмитрій Ивановичъ. Нѣтъ, вы войдите въ мое положеніе,
докторъ! Намеднись, вотъ, иду я въ хорошей компаніи
мимо рядовъ; ну, и княжна тутъ... Только откуда ни возь-
мись—бабушкинъ братъ, весь въ кубовой краскѣ выпач-
канъ: «а это, говоритъ, кажется, нашъ Митюха съ барами-то
ходить!» Вы поймите, что я тутъ долженъ былъ вытерпѣть!

Доброзраковъ. А вы бы, Дмитрій Ивановичъ, дѣдушку-то
подъ салазки! Знаете, и пословица гласитъ: Еремѣя пот-
чуютъ умѣя, за-воротъ да въ три шен! Ну, и вы бы такъ-съ!

Дмитрій Ивановичъ. Вы все шутите, докторъ, а мнѣ ужь
не до шутокъ, право! (Подходитъ къ закускѣ). Господи!
даже закуски порядочной подать не могутъ: грибы, да
рыжики, да ветчина! Эй, кто тутъ есть! (Является гор-
ничная.) Да позови ты лакея, варвары вы этакіе! Вѣдь ты
и при гостяхъ, пожалуй, сюда вломишься! Возьми подносъ,
да вели приготовить закуску—генеральскую, слышишь?
(Горничная беретъ подносъ и уходитъ. За дверьми слышнень
шорохъ). А! да вотъ, кажется, и папаша идетъ!

Доброзраковъ (втолмоса). Раздайся грязь, навозъ ползеть!

СЦЕНА VI.

Тѣ же и Хрептюгинъ (*въ пестрыхъ брюкахъ и коротенькомъ сюртукѣ; на шеѣ повязанъ неглиже желтый батиственный платочекъ; въ рукахъ трубка, изъ которой онъ полегоньку покуриваетъ; ходитъ съ маленькимъ развалцемъ и шаркаетъ ногами*).

Хрептюгинъ. А! Démétrius! видно, его сіятельство стосковался по насъ? Леонидъ Сергѣичъ, что ли, изволить жаловать? Ну, что жъ, милости просимъ! Приготовленій не дѣлаемъ, а запросто—милости просимъ!

Доброзраковъ. Чтò вамъ, Иванъ Онуфричъ? Разумѣется, вы люди сильные, вамъ не въ диковинку высокихъ гостей принимать!

Хрептюгинъ. Какіе, братецъ, это гости! Между нами, просто шавера! Вотъ въ Пестербургѣ... это точно... тамъ я на своемъ мѣстѣ...

Доброзраковъ. Что и говорить! Я вотъ насчетъ здоровья узнать пріѣхалъ...

Хрептюгинъ. Да что, братецъ! ни шатко, ни валко, ни на сторону! Желудокъ все... чуть, знаешь, съѣшь что-нибудь этакое... не совсѣмъ легкое... просто, братецъ, дѣло дрянь выходитъ!

Доброзраковъ. Да вы бы поберегли себя. Вѣдь ваше здоровье не то, что, напримѣръ, ваше. Мы и померемъ, такъ никто не замѣтитъ: все равно что муха померла; ну, а вы совсѣмъ другое дѣло...

Хрептюгинъ. Знаю, братецъ, знаю, да чтò прикажешь дѣлать? Съ волками жить, по-волчьи выть—иногда и перепустишь!.. Démétrius! ты бы, дружокъ, закуску велѣлъ приготовить; скажи Гнусовой, что тамъ, на третьей полкѣ, жестянка непочатая стоитъ.

Дмитрій Ивановичъ. Я ужъ сказалъ... Да что это у васъ, рара, съ утра до вечера точно кабаки! Только и дѣлаютъ, что водку пьютъ... Вѣдь это свинство!

Доброзраковъ. Ахъ, Дмитрій Ивановичъ! да вѣдь папенька вамъ сказывали, что съ волками жить, по-волчьи выть... ну, и водка, стало-быть, поставлена тутъ правильно!

СЦЕНА VII.

Тѣ же и Живновскій (*входитъ изъ среднихъ дверей*).

Живновскій. Благодарю Ивану Онуфричу низайше кланяюсь! Дмитрій Ивановичъ! Иванъ Петровичъ!

Хрептюгинъ. Откуда Богъ принесъ?

Живновскій. Все хлопоталь-съ... Кто что, а я все на пользу общую-съ... На вчерашнемъ пожарищѣ былъ-съ.

Хрептюгинъ. Потухъ, что ли?

Живновскій. Дымится, благодаръ, дымится! По этому-то случаю я и былъ. Распорядиться, знаете, некому! Полицией-мейстеришка дрянъ, пожарные тоже-съ,—вотъ и пришлось за нихъ работать! Всю ночь провозились, да и утро такъ между пальцевъ ушло!

Доброзраковъ. Ишь тебя нелегкая носить: точно тебѣ тысячи за это даютъ!

Живновскій. Помилуйте, Иванъ Петровичъ! вѣдь челоѵчество погибаетъ!

Доброзраковъ. А я такъ думаю, что пожаръ-то тебѣ замѣсто праздника?

Живновскій. Нельзя же-съ! (*Озираеться*.) А водочка-то, видно, «ау» сказала?

Доброзраковъ. Ау, братъ!

Живновскій. Эхма! а не худо бы послѣ трудовъ выпить!

Хрептюгинъ. Ну, и подождешь—не умрешь. Рассказывай, кого же ты на пожарищѣ видѣлъ?

Живновскій. Сама княжна Анна Львовна тамъ была, и съ Леонидомъ Сергѣичемъ... Пожелали тоже о подробностяхъ узнать,—ну, я имъ все это въ живой картинѣ представилъ... Вдова, говорю, пятеро дѣтей... все это, знаете, въ необходимомъ лишь, по почному времени, ношебномъ платьѣ.

Да, не дай Богъ никому, — вотъ я какъ скажу! Бываль я, конечно, въ передѣлахъ: и тонуль-съ, и со второго этажа прыгиваль... ну, а отъ огня Богъ избавиль! А впрочемъ, Леонидъ-то Сергѣичъ къ вамъ вѣдь ѣдетъ.

Хрептюгинъ. Развѣ говорили что-нибудь?

Живновскій. Говорили, благодѣтель, какъ не говорить! Какъ я, знаете, пересказаль имъ все это, такъ княжна тутъ же къ Леониду Сергѣичу обратилась: пль фо, говорить, Khreptioughine.

Дмитрій Ивановичъ (*озабоченно*). Деньги при васъ, папаша?

Хрептюгинъ. Небось, вотъ у него (*показываетъ на Живновскаго*) займы попрошу... Ха-ха! А какъ ты думаешь, Иванъ Петровичъ, четвертной довольно!

Дмитрій Ивановичъ. Чтò вы, чтò вы, папаша! да Леонидъ Сергѣичъ и не возьметъ! Нѣтъ, ужъ жертвовать такъ жертвовать — меньше сторублевой нельзя!

Хрептюгинъ. Ну, можно и сторублевую... Конечно, и то сказать: у нихъ только и надежды, что на меня!

Доброзраковъ. Чтò и говорить, Иванъ Онуфричъ: на насъ, грѣшныхъ, какая же надежда! Мы люди простые: живемъ богато, со двора покато, чего ни хватись, за всѣмъ въ люди покатись!

Хрептюгинъ. Только, братецъ ты мой, одолѣли ужъ они меня очень — даже словно вотъ мухи: и въ глаза, и въ носъ, и въ уши такъ и лѣзутъ! Намеднись вотъ на пріютъ: отъ князя полиція пріѣзжала, — нельзя, говорить, меньше тысячи; черезъ часъ мѣста, предсѣдатель чиновника присылаетъ — ну, пятьсотъ; потомъ управляющій... Какъ-то оно ужъ и надоѣло, братецъ!

Доброзраковъ. За то честь большая, Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Ну, конечно...

Живновскій. Ужъ тамъ честь ли, не честь ли, а отдать все-таки придется... Такъ по-моему ужъ лучше честью...

Хрептюгинъ (*величественно*). Ну, ты что еще!

Дмитрій Ивановичъ. Я удивляюсь, папаша, какъ вы гово-

рите о такихъ пустякахъ... это все прежнее сквалыжничество въ васъ дѣйствуетъ! А вы вспомните, что князь въ надворные совѣтники васъ представилъ!

Хрептюгинъ. Ну, конечно... А впрочемъ, мы здѣсь промежду себя, такъ я вамъ могу по секрету сказать, что этотъ господинъ надворный совѣтникъ ужъ давно меня измаялъ! Можетъ и желудокъ-то отъ этого безпокойства разстроился!

Живновскій. Это сущая правда, Иванъ Онуфричъ! Всякое огорченіе прежде всего на желудокъ кидается.

Хрептюгинъ (*Доброзракову*). Да, братъ, могу сказать, что я эти пожертвованія именно знаю! Еще княжой предмѣстникъ эту исторію-то поднялъ: «пожертвуй да пожертвуй на общепольное устройство!» Ну, и пожертвовалъ: въ саду бесѣдокъ на мои денежки настроили, рѣшетку чугунную вывели... ну, и прислали въ ту пору признательность...

Живновскій. Поди, чай, какъ сердцу-то прискорбно было!

Хрептюгинъ. Я къ его превосходительству: такъ, молъ, и такъ, говорю, что жъ это за мода! А онъ мнѣ: «ну, говорить, видно еще жертвовать приходится, — давай, говорить, пловучій мостъ черезъ рѣку строить!» Дѣлать нече, позатянулся ужъ я въ это болото маленько, сталь и мостъ строить!.. Ну, и прислали медаль... И что жъ бы ты, сударь, думалъ: мнѣ же его превосходительство по, этому случаю пиръ задать велѣлъ!

Дмитрій Ивановъ. Ахъ, панаша! право, васъ даже тошно слушать, что вы говорите!

Доброзраковъ. А что, Иванъ Онуфричъ, вѣдь коли по правдѣ-то сказать, въ ту пору и медаль-то для васъ, чай, куда лестно было получить: вѣдь вы тогда только-только развѣ не въ мужикахъ были!

Живновскій. Правильно.

Хрептюгинъ (*смущаясь, Живновскому*). Ну, ты чего еще!

Дмитрій Ивановъ (*смотря въ окно*). Ыдетъ, ѣдетъ. Ахъ ты, Господи! А эта безтолковая Степанида Карповна и закуски не даетъ! Голова кругомъ идетъ!

СЦЕНА VIII.

Тѣ же и Разбитной (*входитъ гордо и даже съ нѣкоторою осмотрительностью*).

Разбитной. Здравствуйте, Иванъ Онуфричъ, здравствуйте! Ну, какъ ваше здоровье? (*Жметъ ему руку*).

Хрептюгинъ (*развязно*). Милости просимъ, Леонидъ Сергѣичъ... Слава Богу-съ... Очень благодаренъ его сіятельству.

Разбитной. Да, я отъ князя. Князь сегодня всталъ въ очень веселомъ расположеніи духа... Ночью, знаете, пожаръ этотъ былъ, и это очень старика развлекло. Князь поручилъ мнѣ освѣдомиться о вашемъ здоровьи, любезнѣйшій Иванъ Онуфричъ,—право! Сегодня, знаете, кушаютъ онъ чай и говоритъ мнѣ: «а не худо бы, mon cher, тебѣ провѣдать, какъ поживаетъ мой добрый Иванъ Онуфричъ».

Хрептюгинъ. Премного благодарны его сіятельству... *Démétrius!*

Дмитрій Ивановичъ. Сейчасъ, папаша! (*Выходитъ на короткое время и потомъ возвращается*.)

Разбитной. Онъ очень часто о васъ вспоминаетъ—такой, право, памятливыи старикашка! Я вамъ скажу, что если бы этому человѣку руки развязать, онъ, я не знаю, что бы надѣлалъ!

Хрептюгинъ. Попеченіе имѣють большое; я сколько начальниковъ зналъ, а такихъ заботливыхъ именно не бывало у васъ!

Доброзраковъ. Взглядъ просвѣщенный, Иванъ Онуфричъ!

Разбитной. Д-да; онъ вѣдь у насъ въ молодости либераломъ былъ, какъ же! И теперь еще любитъ объ этомъ времени вспоминать: «я, говоритъ, mon cher, смолоду-то сорви-голова былъ!» Преуморительный старикашка. (*Входитъ лакей во фракъ съ подносомъ, на которомъ поставлены разныя закуски; въ дверяхъ показывается Гнусова; въ теченіе всей сцены она стоитъ за дверьми и по временамъ выглядываетъ*).

Хрептюгинъ. Милости просимъ, Леонидъ Сергѣичъ, закусить!

Разбитной. Э... я охотно съѣмъ этого страсбургскаго пирога. (*Подходитъ къ столу и ѣстъ.*) Да вы гастрономъ, почтеннѣйшій Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Ужь куда намъ, Леонидъ Сергѣичъ!.. Вотъ здоровье мое все плохо... все, знаете, желудокъ! Иной разъ и готовъ бы просить его сіятельство сдѣлать мнѣ честь хлѣба-соли откупать...

Дмитрій Ивановичъ. А что, въ самомъ дѣлѣ, папаша! Князь къ намъ такъ милостивъ, что съ нашей стороны даже свинство, что мы не покажемъ ему нашей признательности.

Хрептюгинъ. Если его сіятельству угодно, то я завсегда готовъ... Для насъ, Леонидъ Сергѣичъ, это большого счета не составляетъ.

Разбитной. Хорошо-съ... я скажу князю: онъ, вѣроятно, назначить вамъ день, когда вы можете принять его. Однако, широгъ этотъ такъ хорошъ, что я рѣшаюсь съѣсть еще кусочекъ... *Ma foi, tant pis pour le diner du prince!* А вы, докторъ?

Доброзраковъ. А вотъ сейчасъ-съ. Мы, признаться, ко всѣмъ этимъ тонкостямъ не привыкли; по-нашему, такъ колбасы кусокъ, чтобы, знаете, жевать было что.

Разбитной. Вы добрый, докторъ!

Доброзраковъ (*наливаетъ рюмку водки, кланяется*). За здоровье его сіятельства, князя Льва Михайлыча!

Живновскій. А мнѣ, видно, безъ потчиванья выпить! (*Подходитъ къ столу.*)

Хрептюгинъ (*Доброзракову*). Что ты, что ты, Иванъ Петровичъ! кто жъ ѣсть здоровье водкой... *Démétrius*, что жъ?

Дмитрій Ивановичъ. Сейчасъ, папаша! (*Убѣгаетъ.*)

Разбитной (*вслѣдъ ему*). *Mais dites, mon cher, qu'on donne des verres et que le champagne soit frappé!* (*Хрептюгину.*) Мы вашего сына таки вышколимъ, Иванъ Онуфричъ. (*Лакей вноситъ подносъ съ стаканами и бутылку шампанскаго;*

Дмитрій Ивановичъ наливаетъ вѣзмъ, кромъ Живновскаго.)
За здоровье его сіятельства, князя Льва Михайлыча! *(Выпиваетъ.)*

Дмитрій Ивановичъ. Ура! *(Выпиваетъ.)*

Доброзраковъ. Желаю здравствовать! *(Выпиваетъ.)*

Живновскій. Что жъ, и мнѣ, видно, выпить! Я, признаться, не охотникъ до винограднаго! Ну, ужъ для его сіятельства! *(Наливаетъ самъ себѣ стаканъ и пьетъ.)*

Хрептюгинъ. Сто лѣтъ жить да богатѣть! Вотъ это я вино люблю, Леонидъ Сергѣичъ, потому что оно вино легкое... тонкое...

Разбитной. Господа! я требую слова!

Дмитрій Ивановичъ. Шш!.. *(Всѣ умолкаютъ.)*

Разбитной. Господа! мнѣ пріятно будетъ засвидѣтельствовать передъ княземъ о тѣхъ чувствахъ искренней преданности, которыя я нашель въ васъ. Повѣрьте, господа, что для сердца начальника дороже всякихъ почестей, дороже всѣхъ богатствъ сердечное расположеніе подчиненныхъ. Нѣтъ сомнѣній—и исторія намъ доказываетъ это съ послѣднею очевидностью,—что всѣ сильныя государства до тѣхъ поръ держались, покуда въ сердцахъ подчиненныхъ жили чувства любви и преданности. Какъ скоро эти истинныя, основныя начала благоустроенныхъ обществъ исчезали, самыя общества переставали быть благоустроенными. Я говорю это, господа, здѣсь, въ этомъ домѣ, потому что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ слова мои не могутъ имѣть такого смысла. Здѣсь я вижу почтеннаго отца семейства, жертвующаго всею жизнью на пользу общую *(указываетъ на Хрептюгина)*, вижу старыхъ воиновъ, принявшихъ грудью не одинъ ударъ во имя любви къ отечеству *(указываетъ на Доброзракова и Живновскаго; послѣдній крутитъ усы)*, и, наконецъ, вижу юношу, полного надеждъ и вѣры въ будущее... И всѣ эти лица: и маститая старость, и увѣчанная розами юность соединяются въ одномъ общемъ чувствѣ преданности къ любимому начальнику... Господа! мнѣ

пріятно отъ лица князя изъявить вамъ полную его признательность! Господа! я пью за здоровье любезнѣйшаго нашего хозяина! (*Подходитъ съ стаканомъ къ Хрептюгину и жметъ ему руку.*) Иванъ Онуфрчч! да продлитъ Богъ вашъ вѣкъ для того, чтобъ вы могли на долгія времена слѣдовать влеченію вашего добраго сердца и отирать слезы сырыхъ, лишенныхъ крова... (*Выпиваетъ.*)

Дмитрій Ивановичъ. Ура! (*Пьетъ.*)

Доброзраковъ (*въ сторону*). Ловко подпустилъ!..

Живновскій (*въ сторону*). А по-русски это значить: перемете... ле бурсь (*показываетъ руками*). Молодецъ!

Хрептюгинъ. Очень, очень вамъ благодаренъ, Леонидъ Сергѣичъ! утѣшили вы меня... Именно это правда, что на пользу общую! Вчера былъ пожаръ, Леонидъ Сергѣичъ, остались тамъ вдовы... смѣю просить васъ принять отъ трудовъ моихъ двѣсти рублей на общественное устройство! (*Вынимаетъ изъ бумажника деньги и отдаетъ Разбитному.*)

Живновскій. Молодецъ Иванъ Онуфрчч!

Хрептюгинъ. Мало жертвовать, Леонидъ Сергѣичъ, не стѣнть-сь, такъ, по крайности, пуцай хоть Богу за насъ помолять! А деньги что-сь—денъги дѣло наживное-сь!

Живновскій. Разумѣется, благодѣтель, разумѣется... Вотъ въ вино вассервейнцу малую толику подпустите—анъ пожертвованіе-то въ тотъ же карманъ и возвратится.

Хрептюгинъ. Я, Леонидъ Сергѣичъ, люблю благодѣтельствовать... Я коли денъги имѣю, такъ желаю, чтобъ всякій, можно сказать, отъ лозы виноградной вкусилъ!

Разбитной (*кладя деньги въ карманъ*). Повѣрьте, Иванъ Онуфрчч, князь сумѣетъ оцѣнить...

СЦЕНА IX.

Тѣ же и Фурначевъ.

Фурначевъ (*останавливается въ дверяхъ и говоритъ за кулисы*). Скажи, братецъ, моему кучеру, чтобъ онъ ѣхалъ домой и доложилъ Настасьѣ Ивановнѣ, что я прибылъ въ

домъ Ивана Онуфрича благополучно. Да сейчасъ же чтобъ и воротился... Иванъ Онуфричъ! Леонидъ Сергѣичъ! Докторъ! (*Жметъ: всѣмъ руки, кромѣ Живновскаго.*) Вы, господа, кажется, съ утра за дѣломъ!..

Доброзраковъ. По благотворительной части, Семень Семенычъ!

Живновскій. Призираемъ этакъ вдовъ и сиротъ-съ... А больше насчетъ вдовъ-съ...

Хрептюгинъ. Да не угодно ли присѣсть вашему высокородію! (*Суетится около Фурначева.*)

Фурначевъ. Не трудитесь, любезный, я сяду самъ!.. Такъ вы, господа, по благотворительной части? Что жъ, это хорошо! всякій изъ насъ долженъ удѣлять отъ избытковъ своихъ!

Разбитной. Скажите, пожалуйста, Семень Семенычъ, вы не были сегодня у князя?

Фурначевъ. Не былъ, Леонидъ Сергѣичъ, не былъ, потому что не имѣлъ чести быть приглашеннымъ.

Разбитной. Странно! а онъ хотѣлъ васъ просить!.. Знаете, вчера былъ пожаръ, погорѣла вдова съ дѣтьми... что-то много ихъ тамъ... княжна очень интересуется положеніемъ этихъ сиротъ.

Фурначевъ. Это нашъ долгъ, Леонидъ Сергѣичъ, отирать слезы вдовыхъ и сиротъ; это, можно сказать, наша священная обязанность... Я не о себѣ это говорю, Леонидъ Сергѣичъ, потому что у меня правая рука не знаетъ, чтѣ дѣлаетъ лѣвая, а вообще... (*Вносятъ стаканы съ шампанскимъ.*)

Разбитной. Такъ вы заѣзжайте къ князю; ему будетъ очень пріятно. (*Вертитъ стаканъ и намѣревается пить безъ тоста.*)

Хрептюгинъ. Пить, Леонидъ Сергѣичъ, позвольте! (*Беретъ стаканъ.*) Господа! за здоровье Леонида Сергѣича! (*Доброзраковъ дѣлаетъ Хрептюгину знаки, указывая на Фурначева; Хрептюгинъ спохватывается, подбѣгаетъ къ Фурна-*

чеву и говоритъ вполголоса.) Извините, ваше высококордіе, обмолвился... мы ваше здоровье послѣ-съ... на прохладѣ вышьемъ.

Фурначевъ (*тоже вполголоса*). Что разъ уже сдѣлано, того воротить нельзя, любезный! Все воротить можно, а сдѣланное воротить невозможно.

Разбитной. Господа! я не нахожу словъ выразить всю мою признательность! Почтенный хозяинъ, предложившій этотъ тостъ, почтилъ не меня самого, а въ лицѣ моемъ упорный трудъ и непоколебимое безкорыстіе на высококомъ поприщѣ общественнаго служенія. Господа! не подъ влияніемъ виновныхъ паровъ, но подъ влияніемъ благотворныхъ движеній моего сердца говорю я: девизомъ нашимъ долженъ быть трудъ скромный, но упорный трудъ, никѣмъ не замѣчаемый, но честный трудъ, сегодня оканчивающійся, а завтра снова начинающійся. Господа! настала для насъ пора обратить наше умственное око внутрь насъ самихъ, ознакомиться съ нашими собственными язвами и изыскать средства къ уврачеванію ихъ. Не блестящая эта участь, и не розами, но терніями усыпанъ путь безвѣстнаго труженника, въ потѣ лица воздѣлывающаго землю, плодами которой воспользуются потомки! Но благословимъ его скромный, невидный трудъ, пошлемъ ему во слѣдъ самыя искреннія пожеланія нашего сердца... Вспомнимъ, что только они могутъ освѣтить лучомъ радости безотрадную пустыню, предъ нимъ разстилающуюся,—вспомнимъ это и не пожалѣемъ ни добрыхъ словъ, ни теплаго участія, ни одобреній... Я ска- залъ господа! (*Пьетъ*)

Дмитрій Ивановичъ. Ура! (*Пьетъ*.)

Фурначевъ (*жметъ Разбитному руку*). Вы благородный человекъ, Леонидъ Сергѣичъ! (*Отпиваетъ немного и ставитъ стаканъ*.)

Живновскій (*въ сторону*). И чертъ его знаетъ, гдѣ онъ говорить научился!

Хрептюгинъ (*Фурначеву*). Сдѣлайте ваше одолженіе, ваше высокородіе, опростайте стаканчикъ-то!

Фурначевъ. Не могу, Иванъ Онуфричъ, не могу. Здоровья я пожелалъ Леониду Сергѣичу отъ глубины души, а пить не могу. Утромъ, знаете, натура не принимаетъ.

Разбитной. Господа! я не могу больше! Сердце мое совершенно переполнено... Будьте увѣрены, мой любезнѣйшій Иванъ Онуфричъ, что я со всею подробностью передамъ князю тѣ пріятныя впечатлѣнія, которыя доставило мнѣ утро, проведенное у васъ... Прощайте, господа! (*Уходитъ. Дмитрій Ивановичъ провожаетъ его за двери.*)

СЦЕНА X.

Тѣ же, кромѣ Разбитного.

Фурначевъ (*Хрептюгину*). А за что же ты, любезный, меня обидѣлъ?

Хрептюгинъ. Помилуйте, ваше высокородіе, извините!

Фурначевъ. Итъ, ты скажи: кто статскій совѣтникъ и кто титулярный совѣтникъ?

Живновскій (*въ сторону*). Да, братъ, даль ты маху, Хрептюга!

Хрептюгинъ. Да ужъ помилуйте, ваше высокородіе! Языкъ просто сдуру, по теченію рѣчи, сказалъ.

Фурначевъ. А языкъ надо сдерживать... на то, братецъ, голова челоуѣку дана, чтобъ языкъ сдерживать!

Доброзраковъ. Это правда, Семень Семенычъ! Только я вамъ именно доложу, что Иванъ Онуфричъ севѣжничалъ больше отъ необразованности... не привыкъ еще, знаете, въ хорoшемъ обществѣ жить... все ему и кажется, что кругомъ-то свиньи!

Живновскій (*въ сторону*). Заступился!

Хрептюгинъ (*насилъственно улыбаясь*). Все шутить... ахъ, Иванъ Петровичъ, Иванъ Петровичъ! (*Фурначеву*.) Мы вашему высокородію за нашу провинность послѣ трикраты послужимъ!

Фурначевъ. То-то «послужимъ!»! Ты смотри же, этого слова не забудь!

Дмитрій Ивановичъ (*возвращаясь*). Нѣтъ, каково говорить-то Леопидъ Сергѣичъ, каково говорить! А еще удивляются, что княжна имъ интересуется! Да я вамъ скажу: будь я женщиной, да начни онъ меня убѣждать, такъ я и Богъ знаетъ чего бы ни сдѣлалъ.

Фурначевъ (*съ разстановкой*). Мягко стелеть, но жестко спать.

Живновскій. Это правильно!

Фурначевъ. Въ головѣ-то у него вѣтеръ ходитъ! Ему, конечно, еще незнакома наука жизни, а вѣдь куда корни ученія горьки!

Хрептюгинъ. Истинная правда, ваше высокородіе, истинная правда!

Фурначевъ. Тоже приглашаетъ къ пожертвованію! А почему онъ знаетъ: можетъ-быть, тотъ, котораго онъ, по легковѣрности своей, считаетъ Лазаремъ богатымъ, и есть тотъ самый убогій Лазарь, о которомъ въ Писаніи сказано! (*Краснѣетъ и на секунду умолкаетъ.*) Въ чужомъ карманѣ денегъ никто не считалъ... Про то только Владыко Небесный можетъ знать, что у кого есть и чего нѣтъ! А если и подлинно деньги есть, такъ онѣ, быть-можетъ, чрезъ великій жизненный искусь пріобрѣтены! (*Умолкаетъ. Наступаетъ нѣсколько минутъ тягостнаго безмолвія, въ продолженіе котораго Живновскій выпиваетъ двѣ рюмки водки.*)

Хрептюгинъ (*осторожно возобновляя разговоръ*). Что поваго въ городу дѣлается, ваше высокородіе?

Фурначевъ. По палатѣ у насъ, слава Богу, благополучно. Вчерашняго числа совершился заподрядъ... Слава Всевышнему, благополучно!

Хрептюгинъ. По чемъ же за ведро-съ?

Фурначевъ. По пятидесяти пяти копеекъ. Цѣна настоящая.

Живновскій. Ну, и на нищюю братію, чай, прішлось... Это правильно!

Хрептюгинъ. Молчи, сударь, молчи! Ваше высокородіе, прикажите его съ лѣстницы спустить!

Фурначевъ. Оставь!

Хрептюгинъ (*Живновскому*). Ничтожный ты человекъ! Вотъ какъ его высокородіе про тебя разумѣть!

Фурначевъ. Оставь! (*Вновь наступаетъ нѣсколько секундъ молчанія, въ продолженіе которыхъ Фурначевъ величественно барабанитъ объ ручку дивана, а Хрептюгинъ нѣсколько разъ порывается возобновить разговоръ, но не можетъ.*)

Хрептюгинъ (*рѣшительно*). Не прикажете ли холоденъ-каго, ваше высокородіе?

Фурначевъ. Не нужно!

Хрептюгинъ. Или изъ закусокъ чего-нибудь?

Фурначевъ. Это... можно.

СЦЕНА XI.

Тѣ же и Лакей.

Лакей (*подавая Хрептюгину письмо*). Съ почты-съ.

Хрептюгинъ (*разматривая письмо*). Отъ кого бы? А! отъ Антоіонаки! (*Къ Фурначеву*.) Позвольте, ваше высокородіе?

Фурначевъ. Можешь.

Доброзрановъ. Ишь вѣдь и знакомые-то у него какіе: все *аки да идрось!*

Живновскій. Питейная часть-съ... греки, римляне, финлянде... вавилонъ-съ! (*Фурначевъ снисходительно смѣется*.)

Хрептюгинъ (*читаетъ*). «Спѣшу увѣдомить тебя, любезный другъ Иванъ Онуфричъ, что дѣло о твоёмъ чинѣ приняло самую неприятную турнюру. Извѣстный тебѣ и благодѣтельствованный тобой столоначальникъ оказался величайшимъ вертопрахомъ, ибо не только не употребилъ врученныхъ тобою денегъ по назначенію, но, напротивъ того, истратилъ ихъ всё сполна на покупку картинъ непристойнаго содержанія»... (*Останавливается совершенно расте-*

рянный.) Гм!.. да... эта штука... могу сказать... ловкая, чортъ поберн! (*Усмѣхается и вздрагиваетъ.*)

Дмитрій Ивановичъ (*подбѣгая къ отцу*). Ну, что жъ за бѣда! надо еще жертвовать — вотъ и все! Есть отъ чего приходиться въ отчаяніе!

Живновскій. Правильно! это значить только, что каррьеръ нужно сызнова начинать!

Доброзраковъ. Можетъ, вы не доложили сколько-нибудь, Иванъ Онуфричъ?

Хрептюгинъ (*въ раздумьи*). Нѣтъ, да что жъ это такое? Жизни, что ли, они меня хотять лишить? (*Къ Фурначеву.*) Ваше высокородіе!..

Фурначевъ. Жаль мнѣ тебя, Иванъ Онуфричъ! Пострадалъ, братъ, ты... это именно, что пострадалъ! Однако, ты еще въ томъ можешь утѣшеніе для себя сыскать, что совѣсть у тебя спокойна... А много ли, скажи ты мнѣ, найдешь ты на свѣтѣ людей, которые съ чистымъ сердцемъ могутъ взирать на своего ближняго? Ты вотъ что въ соображеніе, другъ мой, возьми... и утѣшься!

Живновскій. Позвольте, благодѣтель, я стишки вамъ на этотъ случай скажу... я вѣдь въ молодыхъ-то лѣтахъ на всѣ руки былъ, даже и стихи сочинялъ... (*Припоминаетъ*). Какъ бишь? «Не унывай»... «Не унывай»... «Не унывай»... Эхъ, позабылъ, канальство! Ну, да все равно... главное-то «не унывай»... стало-быть, и вамъ унывать не слѣдуетъ.

Хрептюгинъ (*тоскливо*). Господи! денегъ-то что изведено!

(*Занавѣсъ опускается.*)

V. — Для дѣтскаго возраста.

Вечеръ. Юный поэтъ Кобыльниковъ (онъ же и столоначальникъ губернскаго правленія) корпится надъ мелко-исписаннымъ листомъ бумаги въ убогой своей квартирѣ и съ неслыханнымъ озлобленіемъ грызетъ перо и кусаетъ ногти. Уже седьмой часъ; еще часъ — и квартира совѣтника Ло-

патникова озарится веселыми огнями рождественской елки; еще часъ — и она выйдетъ въ залу, въ коротенькомъ бѣленькомъ платьицѣ (увы! ей еще только пятнадцать лѣтъ!), выйдетъ свѣженькая и улыбающаяся, выйдетъ вся благоухающая аромагомъ невинности.

— А что, мсьё Кобыльниковъ, вы исполнили свое обѣщаніе? — спросить опа его.

При этой мысли Кобыльниковъ вскочилъ со стула, какъ ужаленный, и схватилъ себя за голову. Онъ начиналъ сознавать, что заложилъ слишкомъ большой фундаментъ своему стихотворенію. Ужъ двѣ строфы, каждая въ восемь стиховъ, готовы и переписаны, но, судя по развитію, которое принимала основная мысль, нельзя было даже приблизительно предвидѣть, какой будетъ исходъ ея. Онъ уже принесъ достаточную дань восторговъ возникающимъ красотамъ молодой дѣвочки; упомянулъ и о платьицѣ, и о шейкѣ лилейной, и о щекахъ «словно персикъ пушистыхъ»...

И о томъ, о чемъ хотѣлъ бы,
Да не смѣю говорить...

Теперь онъ задалъ себѣ вопросъ: кому суждено обладать всѣми этими сокровищами — старцу ли безсильному, или поэту чернокудрому? Ужъ онъ начерталъ два первыхъ стиха:

О, скажи жъ, чей мощный образъ
Эту грудь воспламенить?
Эти перси...

Но тутъ воображеніе окончательно отказывалось служить. Рима на «образъ» рѣшительно не приходила; то есть, коли хотите, и приходило кое-что въ голову, но все какая-то чужъ: «вобразъ», «нообразъ» — чортъ знаетъ, какая дребедень!

— Нѣтъ, да каково же! каково же! — вопіялъ онъ въ отчаяніи: — каково это съ перваго же раза подлецомъ себя выставить!

А время, между тѣмъ, равнодушно смотрѣло на его горесть и подвигало да подвигало впередъ часовую стрѣлку. Кобыльниковъ тоскливо взглянулъ на часы и увидѣлъ, что до семи остается только пять минутъ.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтъ не поѣду! — воскликнулъ онъ, бросаясь въ изнеможеніи на стулъ. — Лучше одинъ просыжку, лучше безъ ужина останусь, нежели подлецомъ себя выставлю!

«Нобразъ!» — насмѣшливо шептало, между тѣмъ, воображеніе.

— Фуѣй, мерзость! и прилѣзутъ же въ голову такія пошлости, что ни складу, ни ладу нѣтъ!

Кобыльниковъ плюнулъ съ досады.

— Ни за что не поѣду! — повторилъ онъ, но вслѣдъ за этимъ ни съ того, ни съ сего раздумался.

Молодость вдругъ заговорила въ немъ ласкающими голосами. Передъ глазами его рисуется залитая свѣтомъ зала; посреди ея стоитъ елка, вся изукрашенная разными лентами и фольгой; елка, которой вѣтви гнутся подъ бременемъ пастилы и другихъ соблазнительныхъ сластей. А вонъ и бѣленькое платице, вонъ и головка, обрамленная темными кудрями! Господи! что за грація въ очертаніяхъ этой головки! что за свѣжесть, что за сокровища въ этой едва-едва начинающей развиваться груди! И что за веселые звуки пролетаютъ по комнатѣ, когда эта милая дѣвочка засмѣется! Точно вотъ солнышко выглядываетъ изъ-за хмурыхъ тучъ, и все вдругъ кругомъ улыбнется: и рѣчка, которая до тѣхъ поръ дѣлливо катила сѣрые волны, и ближняя лужайка, скрывавшая свой цвѣтной коверъ отъ дождей и холодовъ угрюмаго ненастья, и статскій совѣтникъ Поплавковъ, который сидитъ за карточнымъ столомъ и двадцатый разъ сряду озлобленно произноситъ: «насъ!» Вотъ она пошла танцовать — и все-то выходитъ у нея не такъ, какъ у другихъ. Посмотрите, напримѣръ, пли, лучше сказать, прислушайтесь, какъ танцуютъ Настя Поплавкова,

Нюта Смущенская! «Конь бѣжить, земля дрожить!» А она! Неслышно, почти незримо летаетъ она по крашеному полу, нимало не задѣвая крошечными ножками за землю и вся какъ будто уносясь и пчезая вверхъ!

Но, кромѣ того, и ужинъ не лишень своей прелести. Уже накрывается длинный столъ въ задней комнатѣ, и хотя руки двороваго официанта Андрея не совсѣмъ чисты, но, судя по хлѣбосольнымъ привычкамъ хозяина, нельзя сомнѣваться, что на столѣ будетъ и свѣжая осетрина, и жирный зажаренный лецъ, и все, однимъ словомъ, что приличествуетъ кануну такого великаго праздника, какъ Рождество Христово.

— И надо же быть такому несчастію! — разсуждаетъ самъ съ собою Кобыльниковъ, но разсуждаетъ какъ-то вяло, безъ прежнихъ порывовъ. Вообще видно, что картины, которыя нарисовало ему воображеніе, произвели замѣтное разслабленіе во всемъ его организмѣ.

Въ это время часы проиниѣли семь. Кобыльниковъ машинально всталъ со стула и направился къ платяному шкапу.

«Нобразъ! нобразъ!» — шепнулъ вдругъ враждебный голосъ и остановилъ его на половинѣ дороги.

Съ минуту еще длилась борьба его съ самимъ собою, но, наконецъ, молодость взяла-таки свое. Кобыльниковъ поспѣшно нятянулъ на себя фракъ и, взглянувши на переписанныя двѣ строфы, покуселся-было попытать счастья, нельзя ли сбыть ихъ съ рукъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были, но, по внимательномъ прочтеніи, стихотвореніе показалось ему еще болѣе недостаточнымъ, нежели когда-либо. Съ досадою отшвырнулъ онъ его отъ себя и выбѣжалъ изъ квартиры.

На дворѣ стояла ночь, та слѣпая, досадная ночь, которая можетъ случиться только въ далекомъ, провинціальномъ городкѣ, гдѣ откупщикъ еще не доведенъ кроткими мѣрами до сознанія своей обязанности жертвовать доста-

точное количество спирта для освѣщенія улицъ. Злой и рѣзкій вѣтеръ неся по улицѣ, поднимая и крутя въ воздухѣ цѣлые столбы снѣжной пыли, и взвизгивалъ, и завывалъ, ударяясь объ углы домовъ. Хорошо, что Кобыльникову предстояло пройти не болѣе тридцати шаговъ, а не то пришлось бы ему, бѣдному, воротиться въ квартиру и опять сѣсть за сочиненіе распроклятыхъ стиховъ.

«Нобразь!» — взвизгнулъ вдругъ вѣтеръ въ самыя уши поэта.

— Фу, ты, чортъ! — пробормоталъ Кобыльниковъ и, плотнѣе завернувшись въ шинель, съ успіемъ началъ карабкаться впередъ, утоная въ сугробахъ снѣга, завалившихся тротуаръ.

Но вотъ ужъ брезжить свѣтъ сквозь снѣжный туманъ; сначала онъ мелькаетъ въ видѣ крошечнаго круга, но мало-по-малу кругъ разрастается, и освѣщенные окна со-вѣтничьей квартиры представляются взору во всемъ ихъ заманчивомъ великолѣпнн. Издрогшій и измученный, врывается Кобыльниковъ въ переднюю желаннаго дома и долгое время поправляетъ потерпѣвшія отъ снѣга части своего туалета.

— А! молодой человекъ! милости просимъ! — встрѣчаетъ его хозяинъ дома, Иванъ Кузьмичъ Лопатниковъ. — Ну, что, одолѣли Капустниковское дѣло?

— Кончилъ-съ, — отвѣчаетъ Кобыльниковъ и мысленно говорить самому себѣ: «что, если бы ты зналъ, что я, вмѣсто Капустниковскаго дѣла, цѣлые три часа корпѣлъ надъ сочиненіемъ стиховъ?»

— То-то, а не то насъ съ вами новый генераль совѣмъ сѣсть!

Но, разговаривая съ хозяиномъ, Кобыльниковъ удивляется, однакожь, минуту, чтобъ бросить взглядъ въ сторону, и съ удовольствіемъ примѣчаетъ, что точно такой же взглядъ выглядываетъ изъ-за ѣлки и на него. Онъ спѣшитъ оставить гостепрнмнаго хозяина и всѣми силами души

устремляется туда, откуда блеснулъ ему теплый лучъ привѣта и дѣтской привязанности.

Читатель! не знаю, живали ли вы въ провинціи, но я, который благоденствовалъ въ Вяткѣ и процвѣталъ въ Перми, жуировалъ жизнью въ Рязани и наслаждался душевнымъ спокойствіемъ въ Твери, я смѣю васъ удостовѣрить, что воспоминанія о видѣнныхъ мною елкахъ навсегда останутся самыми свѣтлыми воспоминаніями пройденной жизни! Во-первыхъ, какая-то умиротворяющая, праздничная струя носится въ это время въ воздухѣ, какая-то свѣтлая, радостная мысль просится въ душу при видѣ этихъ зажженныхъ свѣчей, этихъ полныхъ, румяныхъ лицъ, при звукахъ этого говора и смѣха; а во-вторыхъ, что за прелестныя созданія эти дѣти, какъ пытливо озираются ихъ умненькіе глазки, и какъ мало похожи они на своихъ отцовъ, тутъ же предстоящихъ и съ томленіемъ выжидающихъ момента, когда можно засѣсть за зеленый столъ или приударить по питейной части! Иной родитель распозлся поперекъ себя толще, лицо у него на кругъ швейцарскаго сыру похоже, даже носа словно совсѣмъ нѣтъ, а сынокъ у него, смотришь, шустренькій, черномазенькій, глазки такъ и прыгаютъ, а носикъ римскій, тоненькій, словно выточенный; иной родитель похожъ на артиста, черноволосый, худошавый, блѣдный и вообще, что называется, интересный *jeune homme*, а сынокъ у него похожъ на губернатора, который, въ свою очередь, похожъ на копяу. Вотъ и поди ты! Смотришь, бывало, на этихъ улыбающихся, кудрявыхъ дѣтей, смотришь и думаешь: неужели Ваня будетъ когда-нибудь совѣтникомъ питейнаго отдѣленія? неужели эта рѣзвая, быстроглазая Ляля будетъ когда-нибудь вице-губернаторшей? И подумавши, взгрустнешь потихоньку.

Коля, мой другъ! не отплясывай такъ бойко казачка, ибо ты не будешь совѣтникомъ питейнаго отдѣленія! Скоро придетъ бука и всѣхъ совѣтниковъ оставитъ безъ прож-наго!

Лиля, милый мой ребенок! Не скругляй так своих маленьких ручек, не склоняй так кокетливо головушку на правую сторонушку, не мани так мило Митю Прорѣхина, ибо Митя не будетъ вице-губернаторомъ! Скоро придетъ бука и всѣхъ вице-губернаторовъ упразднить за необходимость!

— Принесли? — спрашиваетъ, между тѣмъ, Наденька у Кобыльникова, который, цунцовый какъ вишня, стоитъ передъ нею, переминавая въ рукахъ шляпу.

— Я-съ, Надежда Ивановна.. я-съ.. я началъ, но еще не окончилъ,—закрывается Кобыльниковъ.

— А я такъ думаю, что вы только похвастались, что умѣете стихи писать!

И Наденька порхнула отъ него, какъ птичка.

— Я, Надежда Ивановна, много ужъ написалъ, — умолялъ вслѣдъ ей Кобыльниковъ.

Но Наденька была уже далеко и щебетала, окруженная своими подругами.

— Ахъ, дай поскорѣе!—умоляла Пюта Смуценская.

— Mesdames! мы уйдемъ читать въ спальную! — говорила Настя Поплавкова.

— Нечего читать, онъ только похвастался! онъ совсѣмъ и не умѣетъ писать стихи!—стѣчала Наденька голосомъ, которому она усиливалась сообщить равнодушный тонъ, въ которомъ слышалась, однакожъ, досада.—Mesdames, мы его не будемъ принимать сегодня въ наше общество!

Въ это время Кобыльниковъ приблизился.

— Наденька!—сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

Наденька вскинула головку и взглянула на него такъ гордо, что бѣдный поэтъ внезапно почувствовалъ себя глупымъ.

— Вотъ еще новости! — сказала Наденька и при томъ такъ громко, что Кобыльниковъ осмотрѣлся во всѣ стороны и не на шутку струсилъ, чтобъ восклицанія этого не услышалъ папа Лопатниковъ.

Послѣ того вся юная компанія порхнула въ другую комнату, оставивъ Кобыльникова окончательно убитымъ.

— Какой онъ, однакожь, жалкій! — замѣтила при этомъ Нюта Смущенская.

— Вотъ еще, жалкій! Хвастунъ — и больше ничего! — хладнокровно отвѣтила жестокосердая Наденька.

Кобыльниковъ стоялъ словно обданный холодной водой. На душѣ у него было смутно и пусто, и какъ на смѣхъ еще подвернулись тутъ два скверные и глухие стиха:

Ничто меня не утѣшаетъ,
Ничто меня не веселитъ...

которые такъ и жужжали, словно неотвязный комаръ, въ ушахъ его.

«Что за проклятый вечеръ! Сначала эта рюма подлѣйшая, а теперь вотъ и еще какал-то мерзость лѣзетъ!» — подумалъ Кобыльниковъ и даже сгорѣлъ весь отъ стыда.

А вечеръ, между тѣмъ, шель своимъ чередомъ.

Пацѣ Донатниковъ безъ трехъ обремизилъ статскаго со-вѣтника Поплавкова, несчастіе котораго до такой степени поразило присутствующихъ, что всѣ, даже играющіе, какъ-то сжались и притихли, какъ бы свидѣтельствуя этимъ скорбнымъ молчаніемъ о своемъ сочувствіи къ великому горю угнетеннаго многочисленнымъ семействомъ мужа. Поплавковъ сидѣлъ красный какъ ракъ и какъ бы не понималъ, что вокругъ него происходитъ; даже ремиза не ставилъ, а безознательно чертилъ пальцемъ по столу какую-то необыкновенную цифру. Супруга же его, заглянувъ въ комнату играющихъ, тотчасъ повернула налѣво кругомъ и сказала во всеуслышаніе:

— А мой дуракъ только и дѣла, что пропгрываетъ!

Дѣти шумѣли и волновались: Митя Прорѣхинъ доказательно убѣждалъ Васю Затиркина отдать ему свою долю орѣховъ, приводя въ основаніе такой резонъ, что у того, кто кушаетъ много лакомства, дѣлаются современемъ соломennыя ножки. Маня Кулагина упрасивала брата Сашу

представить, какъ у нихъ на дворѣ индѣйскіе пѣтухи кричатъ: «здравія желаемъ, ваше благородіе!» Сеня Порубинъ, мальчикъ горбаченькій и злющій, какъ бы провидя, что происходитъ въ душѣ Кобыльникова, подбѣгалъ къ нему и начиналъ задрать насчетъ отношеній его къ Наденькѣ, причемъ позволялъ себѣ даже темныя намеки относительно какихъ-то интимностей, будто бы существовавшихъ между Наденькой и первоклассникомъ-гимназистомъ Прохоровымъ, который въ это самое время забился въ уголь и видимо наслаждался, ковыряя въ носу. И Кобыльниковъ никакъ не могъ поймать Порубина, чтобъ надрать ему хорошенько уши, потому что скверный чертенокъ, произведя ехидство, ускользалъ изъ рукъ его какъ змѣя.

Наденька то и дѣло порхала по комнатѣ и, какъ нарочно, смѣялась и болтала съ особеннымъ увлеченіемъ именно въ то время, когда проходила мимо огорченного поэта. Злую мысль внушилъ Кобыльникову Сеня Порубинъ.

— Еще бы не быть веселой, когда душка-Прохоровъ здѣсь! — процѣдилъ онъ сквозь зубы въ одну изъ минутъ когда Наденька была близко него.

Наденька вспыхнула и какъ будто оступилась.

— Вы это что говорите?—спросила она, останавливаясь передъ нимъ.

— Ничего; я говорю, что не мудрено, что нѣкоторымъ людямъ весело: душка-Прохоровъ здѣсь!—глупѣйшимъ образомъ настаивалъ Кобыльниковъ, поигрывая ключикомъ отъ часовъ.

— Я надѣюсь, однако, что отъ этой минуты между нами все кончено? — сказала Наденька и тотчасъ же удалилась.

— Это какъ вамъ угодно-съ,—говорилъ вслѣдъ Кобыльниковъ. — Конечно, со мной разстаться что же значить, когда есть въ запасѣ душка-Прохоровъ!

Обида эта глубоко уязвила крошечное сердце Наденьки, тѣмъ болѣе уязвила, что въ упрекѣ Кобыльникова была

нѣкоторая доля правды. Дѣйствительно, былъ короткій промежутокъ времени, но очень, впрочемъ, короткій, когда Наденька увлекалась Прохоровымъ. Слишкомъ рано развитой ребенокъ, она уже мечтала о чемъ-то; она украшала Прохорова различными достоинствами и добродѣтелями, которыя создавало ее дѣтское воображеніе; она любила уединяться съ нимъ и съ большою важностью говорила ему: «теперь, Прохоровъ, потолкуемте о вашемъ будущемъ!»

Но Прохоровъ любилъ только ковырять въ носу и говорилъ съ увлеченіемъ единственно о лакомствахъ, потому что въ душѣ былъ великій и страстный обжора. Увлеченіе Наденьки скоро прошло; она была даже убѣждена, что никто ничего не замѣтилъ... и вдругъ! Наденька бѣгала около елки, суетилась и болтала безъ умолку, но сердце ея работало. Среди начатой фразы, она вдругъ почувствовала, что нѣчто тѣснить ея грудь, что нѣчто жгучее подступаетъ къ ея глазамъ. Она вырвалась изъ толпы и убѣжала во внутреннія комнаты.

Кобыльничковъ все это видѣлъ, но ничего не понималъ. Онъ видѣлъ, что Наденька весела, и понималъ только то, что у Наденьки, должно-быть, башмачокъ развязался, если она такъ стремительно убѣжала.

А Наденька, между тѣмъ, уткнувшись въ подушку, обливала ее горячими слезами. И чѣмъ обильнѣе лились эти слезы, тѣмъ мягче и легче становилась самая обида, вызвавшая ихъ, тѣмъ назойливѣе смотрѣлось въ душу иное чувство, чувство, которое, въ одно и то же время, и заставляло нить ея бѣдное сердце, и проливало въ него цѣлые потоки радости и успокоенія.

— Гадкій Кобыльничковъ! — сказала она съ послѣднимъ всхлипываніемъ. — Бѣдный Митенька! — повторила она вслѣдъ затѣмъ, сладко задумавшись.

Елка, между тѣмъ, догорѣла; по данному знаку, дѣти кинулись на нее всей толпою и тотчасъ же повалили на

землю; произошло всеобщее замѣшательство; слышался визгъ, смѣшанный съ кликами торжества; Сеня Порубинъ, несмотря на свою хилость и многочисленные изъязны, какъ-то такъ изловчился, что успѣлъ замахать въ свои карманы чуть не половину гостинцевъ. Прохоровъ тоже полѣзь-было на фуражировку вмѣстѣ съ прочими, но ему не удалось достать ни одной палочки настилы, потому что дѣти подкатывались ему подъ ноги и рѣшительно не давали приняться за дѣло какъ слѣдуетъ; да къ тому же и няня маленькихъ Поплавковыхъ безъ церемоніи поймала его за руку и вывела изъ толпы, сказавъ при этомъ строго: «стыдись, сударь! такой большой выросъ, а съ дѣтми баловаться хочешь! Еще Машенькѣ ручку отдавишь!»

Какъ было бы совѣстно Наденькѣ, если бы она видѣла эту сцену!

Но о ней вспомнили только тогда, когда елки уже не существовало. Папѣ Лопатниковъ серьезно обезпокоился и собрался-было на поискъ за своею дѣвочкой, какъ она появилась сама въ дверяхъ залы.

Наденька была нѣсколько блѣдна, но на вопросъ папаша: «не болитъ ли головка?» отвѣчала: «не болитъ», а на вопросъ: «не болитъ ли животикъ?» отвѣчала: «ахъ, что вы, папаша!» и, вся вспыхнувши, спрятала свое личико на отцовской груди.

— Что же съ тобой, душенька?—допрашивалъ папаша.

— Ахъ, папаша, какой вы! — отвѣчала Наденька и порхнула отъ него въ сторону.

Во время этого допроса у Кобыльникова какъ-то все выше и выше поднималось сердце, и вдругъ сдѣлалось для него ясно, что онъ прескверную штуку сыгралъ, сказавши Наденькѣ такую пошлость. Со злобою, почти съ ненавистью взглянулъ онъ на Сеню Порубина и началъ-было показывать золоченый орѣхъ, чтобъ подманить его къ себѣ; но Сеня слово провидѣлъ, что дѣлается въ душѣ его, и,

самъ показывая ему цѣлую кучу золоченыхъ орѣховъ, только смѣялся, а съ мѣста не трогался.

«Ну, чортъ съ тобой! когда-нибудь послѣ раздѣлаемся!»— подумалъ Кобыльниковъ, и въ ту же самую минуту какъ бы инстинктивно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ была Наденька.

Оттуда глядѣли на него два сѣрыхъ глаза, и глядѣли съ тѣмъ же безграничнымъ простодушіемъ, съ тою же беззавѣтною нѣжностью, съ какою они привѣтствовали его изъ-за елки въ минуту прихода. Точно приросли къ нему эти глубокіе, большіе глаза, точно не въ силахъ были они смотрѣть никуда въ другую сторону. Кобыльникову почувлось, словно кровь брызнула у него изъ сердца и вотъ истекаетъ капля по каплѣ и наполняетъ грудь его. Горячо и бодро вдругъ стало ему.

— Посмотрите-ка, Надька-то! — шептала змѣице - Поплавкова горынчицу-Порубиной: — глазъ не можетъ отъ этого молокососа отвести, словно съѣсть его хочетъ!

— Влюблена, Анна Петровна, какъ кошка влюблена!— отвѣчала мапан Порубина и какъ-то злобно дрогнула при этомъ плечами.

— Удивляюсь, однако, чего этотъ старшій дуралей смотритъ!

— А чѣмъ же онъ не партія? Для безприданницы и этакой хоть куда!

— Ну, да все же...

— Вы что же ко мнѣ не идете? — спрашивала, между тѣмъ, Наденька Кобыльникова тѣмъ полушопотомъ, въ который невольно переходитъ голосъ, когда идетъ рѣчь о дѣлѣ, затрогивающемъ всѣ живыя струны существа.

Кобыльниковъ не отвѣчалъ; онъ просто-на-просто задыхался.

— Вы что ко мнѣ не идете?—повторила Наденька.

Онъ продолжалъ молчать, хотя сердце въ немъ умирало отъ жажды высказаться. Онъ чувствовалъ, что если вымолвить хоть одно слово, то не въ силахъ будетъ выдер-

жать. Можетъ-быть, онъ бросится къ Наденькѣ и стиснетъ въ своихъ рукахъ это доброе, любящее созданіе; можетъ-быть, онъ не бросится, но зальется слезами и зарыдаеть...

— Вы отчего мнѣ руки не даете?—настаивала Наденька.

— Наденька!—вырвалось изъ груди Кобыльникова.

— Вы зачѣмъ глупости говорите?

— Голубчикъ!—простоналъ Кобыльниковъ.

— А когда будутъ стихи?

Кобыльниковъ ужъ совсѣмъ-было собрался отвѣчать, что стихи не мнѣ, что стихи почти совсѣмъ готовы, что не только одно стихотвореніе, но десять, двадцать, сто стихотвореній готовъ онъ настроичить на прославленіе своей милой, безцѣнной Наденьки, какъ вдругъ скверный мальчишка Порубинъ испортилъ все дѣло.

— Вобразъ! — шккнулъ онъ, едва-едва не проскакивая между ногъ Кобыльникова.

Кобыльникову показалось, что самъ злой духъ говоритъ устами мальчишки.

— Ты почему знаешь? — сказалъ онъ, рванувшись въ погоню за мальчикомъ и поймавъ-такъ его.—Нѣтъ, ты говори, почему ты знаешь?

— Мамаша, меня Кобыльниковъ дереть!—завизжалъ во всю мочь Сеня.

При этомъ восклицаніи Кобыльниковъ невольно выпустилъ изъ рукъ свою добычу и даже началъ гладить Сеню по головѣ.

— Нѣчего, нѣчего гладить по головѣ! — шипѣлъ юный змѣенышъ. — Мамаша! онъ меня дереть за то, что я его поймалъ съ Наденькой!

Началось слѣдствіе.

— Позвольте узнать, Дмитрій Николаичъ, что вамъ сдѣлало невинное дитя?—допрашивала Кобыльникова оскорбленная татап Порубина.

— Вашъ сынъ мнѣ сказалъ дерзость!—отвѣчалъ совершенно растерявшійся Кобыльниковъ.

— Мамаша! Я ничего ему не говорил!—съ своей стороны жаловался Сеня, искусно всхлипывая.

— Вашъ сынъ сказалъ мнѣ: «вобразъ»!—внезапно брякнулъ Кобыльниковъ.

— «Вобразъ»? Что такое «вобразъ»? и чѣмъ же это слово для васъ обидно?

Говоря это, татап Порубина сомнительно покачивала головой и разводила руками.

— Ну, да! вобразъ, нобразъ, собразъ, побразъ!—дразнилъ обозлившійся Сеня, приплясывая передъ Кобыльниковымъ.

— Извольте видѣть?—сказалъ Кобыльниковъ.

— Вижу! все вижу! Стыдно вамъ, молодой человѣкъ! Сеня! отойди прочь отъ нихъ и не смѣй никогда съ ними разговаривать!

Порубина величественно удалилась, уводя за руку Сеню и безпрестанно оглядываясь, какъ бы въ опасеніи, что за ней бѣжить по пятамъ сама чума.

Кобыльникову сдѣлалось скверно; онъ вдругъ почувствовалъ, что не только скромпрометировалъ Наденьку, но и самъ сдѣлался смѣшнымъ въ ея глазахъ. Сколько онъ сдѣлалъ въ этотъ вечеръ глупостей! Онъ сдѣлалъ ихъ три: во-первыхъ, увлекся нелѣпой риемой, которая помѣшала ему кончить стихи, между тѣмъ какъ можно было бы одинъ стихъ и неремованный вставить (самые лучшіе поэты это дѣлаютъ); во-вторыхъ, сказалъ Наденькѣ какую-то пошлость насчетъ ея отношеній къ Прохорову; въ-третьихъ, связался съ пакостнѣйшимъ мальчишкой, который навѣрно произведетъ скандалъ на весь городъ. Кобыльникову показалось, что всѣ глаза обращены на него, что всѣ лица проникнуты строгостью, и что даже служитель Андрей намѣривается взять въ руки метлу, чтобъ вымести ею изъ честнаго дома гнуснаго соблазнителья пятнадцатилѣтнихъ дѣвицъ. Кобыльникова бросило въ жаръ; чтобъ оправиться отъ своего смущенія, онъ посиѣшилъ юркнуть въ хозяйскіи кабинетъ.

Тамъ за нѣсколькими столами шла игра. Игралъ въ ералашъ предсѣдатель казенной палаты съ губернскимъ прокуроромъ противъ совѣтника казенной палаты и батальоннаго командира. Предсѣдатель казенной палаты былъ не въ духѣ; къ нему пришло двѣнадцать пикъ безъ туза и двойка червей; онъ сходилъ съ двойки пикъ — тузъ оказался у партнера, который, однако, отвѣчать не могъ.

— Сижу на капиталахъ! — жаловался предсѣдатель. — Вѣдь это все франки, все франки!

Прокуроръ былъ смущенъ: онъ понялъ игру и старался только угадать, какая же у предсѣдателя тринадцатая карта. Предсѣдатель, какъ бы провидя его думу, поспѣшилъ разсѣять всѣ сомнѣнія и откровенно показалъ свою двойку червей, убѣждая только, чтобъ прокуроръ игралъ скорѣе.

Напротивъ того, къ совѣтнику валило: во всемъ у него была и игра, и поддержка, но самое счастье не радовало его, ибо онъ чувствовалъ, что оно огорчаетъ его начальника. Поэтому онъ всячески старался оправдаться; разбирая карты, пожималъ плечами, какъ бы говоря: «вѣдь лѣзеть же такое дурацкое счастье!» Дѣлая ходъ, не клалъ карту на столъ, а какъ-то презрительно швырялъ ее, какъ бы говоря: «вотъ и еще сукинъ сынъ тузъ!» Но предсѣдатель не принималъ ничего въ уваженіе, а напротивъ того — взвѣлся на своего подчиненнаго.

— Вы зачѣмъ же игру-то свою раскрываете? — присталъ онъ къ нему.

Совѣтникъ сдѣлалъ репонсъ.

— У васъ трефъ нѣтъ? — строго спросилъ батальонный командиръ.

— Нѣтъ-съ... есть-съ, — заикался совѣтникъ.

«И солгать-то не умѣлъ!» — подумалъ предсѣдатель.

А Кобыльниковъ смотрѣлъ на играющихъ и все думалъ, какъ бы чѣмъ-нибудь такимъ увѣнчать этотъ вечеръ, чтобъ за одинъ разъ искупить всѣ три глупости. Ему вдругъ

сдѣлалось хорошо и весело; ему представилась большая, освѣщенная комната; посреди комнаты стоитъ Паденька въ бѣломъ тарлатановомъ платицѣ, а подлѣ Паденьки стоитъ онъ; у нихъ въ рукахъ бокалы съ шампанскимъ; къ нимъ подходятъ гости, тоже съ бокалами въ рукахъ, и поздравляютъ.

— Иванъ Дементычъ! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, подходя, подъ вліяніемъ этихъ радужныхъ мечтаній, къ хозяину дома: — позвольте мнѣ нѣсколько словъ вамъ наединѣ сказать-съ...

Иванъ Дементычъ посмотрѣлъ на него съ неудовольствіемъ, потому что это неожиданное вмѣшательство отвлекло его отъ игры. Однако, видя, что Кобыльниковъ весь дрожалъ, онъ встревожился.

— Чтò такое еще? Ужъ не затерялъ ли Капустниковскаго дѣла? — спросилъ онъ.

— Мнѣ-съ... наединѣ! — повторилъ Кобыльниковъ.

Иванъ Дементычъ отошелъ съ нимъ въ сторону.

— Ну? — сказалъ онъ.

— Мнѣ-съ... я желаю... — заикался Кобыльниковъ, къ которому вдругъ возвратилась вся его робость.

— Да говори же, любезный, не мни! — съ досадою торопилъ Иванъ Дементычъ.

— Я прошу руки Надежды Ивановны! — скороговоркой проговорилъ Кобыльниковъ.

Иванъ Дементычъ повернулъ жениха къ свѣту и на одно мгновеніе посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ. Потомъ тотчасъ же пошелъ на старое мѣсто, предварительно отмахнувшись, какъ будто хотѣлъ согнать съвшую на носъ муху. Кобыльниковъ остолбенѣлъ и разставилъ не только руки, но и ноги; въ глазахъ у него позеленѣло, комната ходила кругомъ. Онъ понималъ только одно: что эта глупость была четвертая и при томъ самая крупная. Вдругъ онъ почувствовалъ, что промежъ ногъ у него что-то копошится: то былъ Сеня Порубинъ.

— Анъ, это четвертая! — дразнился скверный мальчишка, очевидно схватывая на-лету интимную мысль, терзавшую бѣднаго Кобыльникова.

Кобыльниковъ даже не слыхаль; онъ былъ уничтоженъ и опозоренъ, хотя папѣ Лапотниковъ, возвратясь на мѣсто, точно такъ же равнодушно объявилъ семь въ червяхъ, какъ бы ничего и не случилось. А Порубинъ, между тѣмъ, все подплясываетъ да поддразниваетъ: «анъ, четвертая!» Кобыльниковъ крадется по стѣнкѣ, чтобъ какъ-нибудь незамѣтнымъ образомъ улизнуть въ переднюю. Сеня Порубинъ замѣчаетъ это и распускаетъ слухъ, что у бѣглеца животъ болитъ. Кобыльниковъ слышитъ эту клевету и останавливается; онъ бодро стоитъ у стѣны и бравируетъ; но, несмотря на это, уничтожить дѣйствіе клеветы уже невозможно. Между дѣвицами ходитъ шопоть: «бѣдняжка!» Наденька краснѣетъ и отворачивается; очевидно, ей стыдно и больно до слезъ.

«Собразы!» — подсказываетъ проклятая память, и Кобыльниковъ, словно ужаленный, бросается вонъ изъ комнаты, производя своимъ бѣгствомъ ирривое шушуканье между дѣвицами

И вотъ опять Кобыльниковъ сидитъ въ одинокой своей квартирѣ, сидитъ и горько плачетъ! Передъ нимъ лежить Капустниковское дѣло, а слезы такъ и текутъ на бумагу; передъ нимъ: *проситъ купецъ Капустниковъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты*, — а у него глаза заволкло туманомъ, у него сердце рвется, бѣдное, на части!

Сквозь эти слезы, сквозь эти рыданія сердца, ему мелькаетъ свѣтлый образъ милой дѣвочки, ему чудится ея свѣжее дыханье, ему слышится бѣненіе ея маленькаго сердца...

— Митенька? — говоритъ она, вся застыдившись и склоняя на его плечо свою кудрявую головку.

— Mesdames, — шепчутъ кругомъ дѣвицы: — mesdames! у Кобыльникова животъ болитъ!

Кобыльшиковъ вскакиваетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ, схватывая себя за голову и вообще дѣлая всё жесты, какіе приличны человѣку, пришедшему въ отчаяніе.

«Вобразъ!»—кричитъ вдругъ неотвязчивая память.

Кобыльшиковъ закусываетъ себѣ въ кровь губу отъ злости: онъ опять садится къ столу и опять принимается за Капустниковское дѣло, въ надеждѣ заглушить въ себѣ воспоминанія веча.

А за перегородкой возятся хозяева-мѣщане. Они тоже—по всему видно—воротились изъ гостей и собираются спать. Слышны вздохи, слышно выниманіе ящиковъ изъ комодовъ, слышенъ шелестъ какой-то, который всегда сопровождаетъ раздѣваніе и укладываніе. Наконецъ, все стихло.

— Дура ты или нѣтъ?—допрашиваетъ хозяинъ свою хозяйку:—дура ты или нѣтъ?

— Ты проспись, пьяница! Ты опомнись, какой завтра праздникъ-то!—усовѣщиваетъ хозяйка.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи: дура ты или нѣтъ?—настаиваетъ хозяинъ.

За перегородкой слышится потрясающее званье. Голова Кобыльшикова мало-по-малу склоняется и наконецъ совсѣмъ упадаетъ на Капустниковское дѣло. Ему снится елка, ему снится, что онъ стоитъ посреди освѣщенной залы и что рядомъ съ нимъ, вмѣсто Наденьки, стоитъ купецъ Капустниковъ *и проситъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты...*

VI.—Миша и Ваня.

Забытая исторія.

Въ передней сидятъ два мальчика, Ваня и Миша, и ждутъ барыню изъ гостей. Скоро полночь, а барыня все не ѣдетъ; сальный огарокъ оплылъ и нагорѣлъ; тусклый и мелькающій свѣтъ его освѣщаетъ только лица двухъ собесѣдниковъ, да столъ, передъ которымъ они сидятъ; вверху и по угламъ темно. Въ домѣ тихо, словно въ гробу; гор-

ничныя дѣвки давно ужъ поужинали, воротились изъ кухни и улеглись спать, гдѣ попало, наказавши мальчикамъ разбудить ихъ, какъ только прїѣдетъ барыня. Въ окна, по временамъ, показывается что-то бѣлое: мелькнетъ-мелькнетъ и опять скроется; это сыплеть снѣгъ, но мальчишки думаютъ, что выглядываетъ голова мертвеца, и вздрагиваютъ.

Ваня мальчикъ крѣпкій, быстрый, черноводосый и черноглазый; онъ увѣряетъ Мишу, что ничего не боится, что однажды онъ видѣлъ настоящаго, заправскаго мертвеца— и того не струсилъ.

— Я ничего не боюсь,—говоритъ онъ, невольно, впрочемъ, блѣднѣя, когда морозъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, стукнетъ въ стѣны барскаго дома:—мигъ только скучно, да и то съ тобой ничего!

— А ну, какъ мы сгоримъ?—робко спрашиваетъ Миша.

— Сгорѣть мы не можемъ,—отвѣчаетъ Ваня такимъ увѣреннымъ тономъ, что Миша тотчасъ же успокаивается.

Миша, въ противоположность Ванѣ, мальчикъ слабенькій, первный, бѣленькій, съ бѣлокурою головкой и большими синими глазами. Онъ часто посматриваетъ на потолокъ и, увидѣвши, какой тамъ сгустился мракъ, вздрагиваетъ и пожимается.

Въ ту минуту, какъ мы съ ними знакомимся, они ведутъ оживленный, но нѣсколько странный разговоръ.

— Холоднымъ-то ножомъ, чай, больно? — спрашиваетъ Миша, пристально глядя Ванѣ въ глаза.

— Это только разъ больно, а потомъ ничего!—отвѣчаетъ Ваня и покровительственно гладитъ Мишу по головѣ.

— А помнишь, какъ поваръ Михей рѣзался! Тоже сначала все хвастался: зарѣжусь да зарѣжусь! а какъ полыснулъ ножомъ-то по горлу да какъ потекла кровь-то...

— Ну, что жъ что поваръ Михей! Михейка и вышелъ дуракъ! Потомъ, небось, вылѣчился, а для чего вылѣчился? все одно наказали дурака; а мы ужъ такъ полыснемъ, чтобъ не вылѣчиться!

— Ты ножи-то приготовилъ ли, Ваня?

— Когда не приготовилъ! еще съ утра выточилъ! Только ты у меня смотри, чуръ, не отступаться!

Миша вздохнулъ потихоньку; глаза его остановились на нагорѣвшей свѣчкѣ.

— Чтò, развѣ снять со свѣчки... въ послѣдній разъ!— сказалъ онъ слегка взволнованнымъ голосомъ.

— Чтò съ нея снимать-то? А я тебѣ вотъ чтò скажу, Мишутка: коли мы это теперича сдѣлаемъ, такъ безпремѣнно въ рай попадемъ, потому теперь мы маленькіе и грѣховъ у насъ нѣтъ! А замѣсто насъ попадетъ въ адъ Катерина Аванасьевна!

— А Ивану Васильичу будетъ за насъ что-нибудь?

— Ну, Ивану Васильичу, можетъ, и проститъ Богъ, потому онъ не самъ собою дѣйствуетъ!

— Катерицу-то Аванасьевну, стало-быть, мучить будутъ?

— Еще какъ, братъ, мучить-то, не роди ты, мать-земля! Первымъ дѣломъ на желѣзный крюкъ за ребро повѣсятъ, вторымъ дѣломъ заставятъ голыми ногами по горячей плитѣ ходить, потомъ сковороду раскаленную языкомъ лизать, потомъ желѣзными кнутьями по голой спинѣ бить... да столько, братъ, мученіевъ, что и сказать страсти!

— А вѣдь она не стерпитъ, Катерина-то Аванасьевна?

— Чтò ей, чорту экому, сдѣлается! стерпитъ! Да тамъ, братъ, Мишутка, на это не посмотреть! Тамъ, братъ, терпи! а не можешь терпѣть—все-таки терпи!

Разговоръ на минуту смолкъ. Вдругъ на улицѣ завыла собака, завыла жалобно и тоскливо, какъ умѣютъ выть только собаки.

— Ишь ты, это Трезорка покойника почувалъ!—сказалъ Миша измѣнившимся голосомъ.

— Ну, что жъ что почувалъ! Извѣстно, почувалъ! А ты, небось, ужъ и трусу спраздновалъ!

— Нѣтъ, Ваня, я не боюсь, я такъ только... я только думаю, отчего это собака всегда покойника чувствуетъ?

— А оттого, что собака—другъ человѣка! Вотъ лошадь тоже другъ человѣка, только она понятія не имѣетъ, а собака—она все понимаетъ, оттого и покойника чувствуетъ!

— А что, Ваня, кабы утопнуть? — спросилъ вдругъ Миша.

— Чудакъ ты, Минутка! Ты мнѣ разскажи сперва, какая нынче вода? Ты скажи, лѣто нынче, что ли?

— Да, нынче вода холодная... чай, въ воду-то бултыхнешься, такъ и не стерпишь!

— Вотъ то-то же и есть! Утопнуть-то — надо въ пролубь лѣзти, да еще барахтаться станешь, вылѣзешь, пожалуй; что однихъ мученіевъ тутъ примешь—пойми ты! А съ ножомъ ловко! ножомъ какъ польснулъ себя разъ—тутъ тебѣ и конецъ! Разумѣется, надо кричце!

— И бить никто больше не будетъ!—прошенталь Миша.

— И бить не будетъ! Возьмутъ твою душу ангелы и понесутъ къ престолу Божьему!

— А Богъ—ничего?

— А Богъ—спросить: зачѣмъ вы, рабы Божіи, предѣла не дождались? зачѣмъ, скажете, вы смертную мѣлу безо времени приняли? А мы Ему все и скажемъ!

— Мы все скажемъ, какъ насъ Катерина Аванасьевна мучила, какъ намъ жить топнѣхонько стало, какъ насъ день-деньской все били... все-то били, все-то тиранили!

Миша потупился; накипѣвшія на сердцѣ слезы горячимъ ключомъ хлынули изъ глазъ. И текли эти слезы, текли свободно, безъ усилій, безъ гримасъ, какъ течетъ созрѣвшій источникъ изъ переполненной груди земли-матери. Ваня сталъ утѣшать расплакавагося.

— А мы ловко ее завтра падуемъ, Катерину-то Аванасьевну,—сказалъ онъ:—завтра гости у нея за столомъ соберутся, ань служить-то будетъ и некому!

Миша вздохнулъ въ отвѣтъ.

— Я и ножи-то всѣ попряталъ,—продолжалъ Ваня:—пѣсть-то печѣмъ будетъ.

А Миша все-таки никакъ не могъ уняться; Ваня все возможное дѣлалъ, чтобъ какъ-нибудь развлечь его; сначала со свѣчи снялъ, потомъ глянулъ въ окно и сказалъ: «а сиверь-то, сиверь-то какой разыгрался! Ишь ты! ишь ты!»; наконецъ тоненькимъ голоскомъ зашѣлъ: «ахъ вы, ночки, ночки наши темныя!» — но Миша не только продолжалъ плакать, но при звукахъ пѣсни еще болѣе растужился.

— Нюня ты! — сказалъ Ваня съ нетерпѣніемъ.

Въ залѣ загудѣли часы. Заслышавши эти шипящія звуки, Миша вздрогнулъ, въ послѣдній разъ глубоко вздохнулъ и пересталъ плакать.

— Скоро барыня прѣдетъ, — робко сказалъ онъ, насчитавши двѣнадцать часовъ.

— Дождись — скоро! — отвѣчаетъ Ваня. — Эхъ, теперь бы вотъ соснуть лихо!

— Нѣтъ, ужъ ты не спи, Ваня, Христа-ради!

— Небось, боишься?

— Боюсь! — признался Миша и весь съѣжился

— Ну, дуракъ и есть! Сколько разъ я тебѣ говорилъ, что тамъ ничего нѣтъ! — поучалъ Ваня, указывая на двери, которыя вели въ неосвѣщенный коридоръ. — Хочешь, я сейчасъ туда пойду?

Однако, угрозы своей не исполнилъ. Водворилось молчаніе, а съ нимъ вмѣстѣ водворилась и тишина, тоскливая, надрывающая сердце тишина... Мальчики пристально вглядывались въ трепещущее пламя свѣчи; Ваня водилъ по столу большимъ пальцемъ, нажимая его, отчего палецъ сначала двигался плотно, а потомъ начиналъ подпрыгивать. На дворѣ опять завyla собака.

— Ишь ее! ишь ее! — вымолвилъ Ваня и вслѣдъ затѣмъ прибавилъ: — А что, Миша, гдѣ-то теперь Оля?

Оля была сестра Миши. Это была хорошенькая, бѣлокурая и бѣленькая дѣвушка, очень похожая на своего брата; ей было осьмнадцать лѣтъ. Съ полгода тому назадъ она неизвѣстно куда пропала, и рассказовъ объ этомъ вне-

запомъ исчезновеніи ходило между дворней множество. Говорили, что она отъ дурного житья скрылась, но говорили также, что и отъ стыда. Достоверно было то, что однимъ утромъ она пошла на рѣчку стирать и не возвращалась; на берегу была найдена корзина съ невыстираннымъ бѣльемъ, но ни одежды прачки, ни даже тѣла ея нигдѣ найдено не было. Достоверно также, что за два дня передъ тѣмъ она была острижена и что по этому случаю плакала, рвалась и убивалась. Барыня клялась и надсаживала себѣ грудь, завѣряя, что поганка Ольгушка утопилась не отъ дурного обращенія, а для того, чтобъ скрыть свой стыдъ. Тѣмъ же менѣе, на всемъ этомъ происшествіи лежала какая-то горькая тайна, и неизвѣстно было даже, дѣйствительно ли утопилась Ольга, или только бѣжала. При слѣдствіи нѣкоторые дворовые люди показали — было, что житье Ольги было «нехорошее»; но исправникъ, производившій слѣдствіе (такъ какъ происшествіе случилось въ подгородной деревнѣ Катерины Аванасьевны), ничему этому не повѣрилъ.

— Ну, вы это все врете! вы говорите правду, а не врете! — сказалъ онъ показателямъ и тутъ же приказалъ пригласить Катерину Аванасьевну.

Катерина Аванасьевна ахала и ссыалась на то, что у нея людей говядиной кормятъ. Позвали людей и спросили, дѣйствительно ли ихъ кормятъ говядиной; отвѣтъ былъ, что кормятъ. Исправникъ подумалъ, посопѣлъ и записалъ: «помѣщики содержать людей хорошо и даже говядиной кормятъ».

— Что же вы, бестѣи, врали? — обратился онъ къ дворовымъ.

Дворовые стояли блѣдные и переминаясь съ ноги на ногу; у нѣкоторыхъ искусаны были до крови губы. Катерина Аванасьевна замѣтила эту нераскаянность и сочла справедливымъ упасть въ обморокъ. Исправникъ бросился утѣшать ее, уславъ оторопѣвшаго Ивана Васильевича за

спиртомъ. Результатомъ всего этого было краткое, но сильное объявленіе, написанное рукою самого исправника. Оно гласило:

«Утромъ 24 сего іюня изъ сельца Полянокъ неизвѣстно куда скрылась принадлежащая отставному штабсъ-ротмистру Ивану Васильевичу Балящеву дѣвка Ольга Никандрова. Примѣтами та дѣвка: роста высокаго, бѣлокура, волосы стрижены, лицомъ бѣла, глаза спніе, носъ и ротъ умбреныя, особая примѣта: надъ лѣвой ноздрей небольшое родимое пятнышко; есть подозрѣніе въ беремености. Унесла съ собой данное ей помѣщикомъ пестрядинное платье, въ которое и была въ тотъ день одѣта. Полицейскія начальства, въ вѣдомствѣ коихъ та бѣглая дѣвка окажется, благоволятъ препроводить оную въ р—ій земскій судъ, для отдачи по принадлежности».

Тѣмъ это дѣло и закончилось. Катерина Аванасьевна на нѣкоторое время присмирѣла, но мѣсяца черезъ два совсемъ забыла о происшествіи и начала жуировать жизнью попрежнему.

Катерина Аванасьевна была глубоко развращенная женщина, но не знаю, имѣю ли я право называть ее злою. По крайней мѣрѣ, весь городъ къ ней ѣздилъ, и цѣлый день въ ея домѣ было, что называется, разливанное море; весь городъ зналъ, какіе она *фарсы* выдѣлываетъ надъ Машками и Ольгушками, и тѣмъ не менѣе никто не рѣшался отозваться объ этихъ фарсахъ не только строго, но даже и уклончиво. Напротивъ того, ее всѣ любили, потому что въ своемъ кругу она была барыня веселая и даже добрая, многимъ изъ своихъ друзей дѣлала разные одолженія и всѣхъ равно отлично принимала и кормила.

— Сегодня у Катерины Аванасьевны за обѣдомъ, въ супѣ, таракана подали, — говорили про нее въ городѣ: — что жъ бы вы думали? Она преспокойно-себѣ позвала повара и приказала ему таракана съѣсть!

— Лихая баба!

— Бѣдовая!

Нѣкоторые, конечно, дѣлали изрѣдка предположеніе, «какъ бы, дескать, не попасться Катеринѣ Аванасьевнѣ за эти *фарсы*», но очевидно, что въ этомъ случаѣ сомнѣніе заползало совсѣмъ не по поводу самыхъ *фарсовъ*, а по поводу глагола «попасться». Самые же фарсы служили какъ бы осѣлкомъ для обнаруженія своего рода остроумія, котораго кровавости никто не замѣчалъ, своего рода изобрѣтательности, которой ехидства никто не подозрѣвалъ.

— Сенька, поди, лизни печку!—говорили Сенькѣ.

Сенька лизалъ печку и обжигалъ языкъ; онъ возвращался весь красный, лицо его какъ-то неестественно напыживалось, изъ глазъ выжимались слезы.

— Ну, дуракъ, еще ревѣтъ вздумалъ!—говорили одни.

— Рожа-то, рожа-то какая!—восклицали другіе.

И затѣмъ слѣдовалъ взрывъ общаго, веселаго хохота.

Хохотъ—и больше ничего...

Не ясно ли, что все это безъ злорадства дѣлалось, что при этомъ главный расчетъ совсѣмъ не въ томъ состоялъ, чтобъ причинить Сенькѣ мучительную боль, а въ томъ, чтобъ посмотреть, какую Сенька рожу уморительную скорчить, какъ онъ напыжится... Самые кроткіе люди молчали, когда Сеньку посылали лизать пылающую печь; самые кроткіе люди не могли слегка не фыркнуть, когда Сенька возвращался, по совершеніи своего подвига, весь красный и пыхтящій... Они молчали и фыркали не потому, чтобъ одобряли подобнаго рода увеселенія, но просто потому, что такое ужъ время юмористическое было.

Теперь все это какой-то тяжкій и страшный кошмаръ; это кошмаръ, отъ котораго освободило Россію прекрасное, великодушное слово царя-освободителя... Да, оно одно. Ибо кто же можетъ ручаться, не лизалъ ли бы — безъ этого слова—Сенька горячую печку и до сей минуты? Не ходила ли бы дѣвка Ольга Никандрова и до сей минуты стриженная и оплеванная гостями своей барыни? Гдѣ гарантіи

противнаго? Въ нравахъ, что ли? Но развѣ не извѣстно, что славяне имѣютъ нравъ веселый, легкій и мало углубляющійся? Въ слезахъ, что ли? Но развѣ не извѣстно, что слезы, которыя при этомъ капаютъ, капаютъ внутрь, капаютъ кровавыми каплями на сердце и все накипаютъ, все накипаютъ тамъ, покуда не перекрѣпятъ совершенно?

Никогда не бываетъ зло такъ сильно, какъ въ то время, когда оно не чувствуется, когда оно, такъ сказать, разлито въ воздухъ. — «Что это за зло? — говорятъ тогда добросовѣстные изслѣдователи, которые имѣютъ привычку разсматривать предметы не съ одной, а со всѣхъ сторонъ: — это не зло, а просто порядокъ вещей!» — И на этомъ успокаиваются.

Кто же можетъ утверждать, что такому порядку вещей не суждено было продлиться и еще на многія лѣта, если бы сильная воля не вызвала насъ изъ тьмы кроваваго добродушія и бездны ехидной веселости?

Повторяю: это былъ тяжкій и страшный кошмаръ, въ которомъ и давящія, и давимые были равно ужасны.

Напоминаніе о сестрѣ подѣйствовало на Мишу болѣзненно. Онъ вдругъ, словно подъ тяжестью какой, пригнулся; блѣдное его личико сдѣлалось блѣнѣ полотна и на необсохшихъ еще глазахъ опять сверкнуло слезообильное облако.

— А вѣдь она барынь являлась! — продолжалъ Ваня.

— Врешь ты! — всхлипывалъ Миша чуть слышно.

— Являлась — это вѣрно! Ключница Матрена сказывала, что барыня-то, словно мертвая, изъ спальни въ ту пору выскочила, ни кровинки въ лицѣ нѣтъ!

— Врешь ты, она жива! — настаивалъ Миша, совершенно захлебываясь слезами.

— Ну, братъ, нѣтъ, это погоди! Она утопла — это ужъ какъ дважды-два! Изъ-за чего жъ бы ей тогда барынь являться, кабы она не утопла!

— Врешь ты! врешь все! — кричалъ Миша, съ которымъ чуть не сдѣлалась истерика.

— Ну, и опять-таки ты дуракъ! Изъ-за чего ты нюши-то распустилъ! Извѣстно, намъ одинъ конецъ!

Миша смолкъ; онъ, повидимому, что-то припоминалъ. Припоминалъ онъ, какъ Оля, проходя мимо него, нѣско­ро трепала его по щекѣ и приговаривала: «дурашка ты мой!»— припоминалъ онъ, какъ Оля однажды надѣвала на него чистенькую новенькую рубашечку и сказала при этомъ: «ну, носи теперь на здоровье, Мишутка ты мой!»—припо­миналъ онъ, какъ однажды Оля выбѣжала въ лакейскую вся блѣдная и изъ глазъ ея ручьями текли слезы; припо­миналъ онъ голосъ, молившій о пощадѣ, голосъ искажен­ный, вымученный, кричавшій: «матушка, Катерина Ава­насьевна, не буду! батюшка, Иванъ Васильчъ, не буду!»— припоминалъ онъ, какъ упала изъ-подъ ножницъ длинная русая коса Оленькина, какъ Оля билась и рвалась...

«Ахъ, не надо! не рѣжьте!»—раздавался въ ухахъ Миши знакомый молящій голосъ, раздавался съ такою ясностью и отчетливостью, что онъ вдругъ повѣрилъ... Онъ повѣ­рилъ, что Оля умерла дѣйствительно, и что это она, именно она является къ барынѣ и мучитъ ее по ночамъ. Ему по­казалось даже, что она и теперь съ ними, что она зо­ветъ его.

— Оля-то здѣсь вѣдь! — сказалъ онъ испуганнымъ го­лосомъ.

— Ну, вотъ это ты ужъ врешь! — отвѣчалъ Ваня, и между тѣмъ самъ вздрогнулъ и инстинктивно озирался кругомъ.

— Ей-Богу здѣсь!—настаивалъ Миша.

— Дуракъ ты! говорятъ тебѣ, нѣтъ никого! И изъ-за чего ей являться-то къ намъ? Ты пойми, зачѣмъ покойникъ является? Покойникъ является затѣмъ, чтобъ мучить; а насъ за чтò мучитъ она будетъ? Мы вѣдь Олю не трогали, Оля была добрая... да, она добрая была дѣвка!

— Оля была добрая! — машинально повторилъ Миша и ласково взглянулъ на своего товарища.

— Пстой ка, я по угламъ посмотрю!— продолжалъ Ваня, какъ будто съ единственною цѣлью успокоить Мишу; но очевидно было, что онъ и самого себя не прочь былъ успокоить.

Ваня всталъ съ лавки и сначала посмотрѣлъ подъ столъ; потомъ обошелъ всю комнату и въ углахъ даже пошарилъ по стѣнѣ; потомъ заглянулъ въ дверь, ведущую въ коридоръ. Никакого видѣнья нигдѣ не оказалось.

— Ну, вотъ, и пить ничего!— сказалъ онъ, усаживаясь на старое мѣсто.

— Оля была добрая!— задумчиво повторилъ Миша.

— За доброту-то и въ дворнѣ ее всѣ любили! Помнишь, Стенка какъ убивался, какъ она пропала-то? Стенка-то, говорятъ, жениться на ней хотѣлъ!

— Стало, его за это въ ту пору въ часть послали?

— За это, за самое... Стенка-то барынѣ говорить: «лучше, говоритъ, Катерина Аванасьева, вы меня теперича въ солдаты отдайте, а служить, говоритъ, я вамъ не желаю!»

— Ишь ты!

— А барыня говоритъ: «нѣтъ, говоритъ, Степушка, въ солдаты я тебя не отдамъ, а вотъ въ пастухахъ ты у меня сгниешь!» И гнѣтъ!

— И для чего только это она его въ солдаты не отдала!

— А потому, братецъ, такой у ней нравъ!

— А вѣдь въ солдатахъ, Ваня, хорошо?

— Ну... кто жъ его знаетъ! Однако, все лучше, нечѣмъ у насъ; у насъ ужъ какая жизнь!

Миша опять задумался; онъ хотѣлъ сказать Ванѣ, что лучше было бы въ солдаты пойти, чѣмъ... но на этомъ мысль его оборвалась; очевидно, онъ боялся разсердить Ваню и выставить себя въ глазахъ его трусомъ.

— А знаешь ли что, Мишутка? — вдругъ спросилъ Ваня.

— Что тебѣ?

— Пойдемъ-ка мы, обойдемъ комнаты... посмотримъ!

Мишѣ тотчасъ же мелькнуло: въ послѣдній разъ!

— Пойдемъ, Ваня!—сказалъ онъ.

Ваня снялъ со свѣчи и пошелъ впередъ.

— Вотъ это, братъ, зала!—сказалъ онъ, когда пришли въ первую комнату.

— Зала!—повторилъ за нимъ Миша.

— Кланяйся, братъ, теперь на всѣ четыре стороны!—наставлялъ Ваня.

Миша поклонился на всѣ четыре стороны; Ваня исполнилъ вмѣстѣ съ нимъ то же самое.

Такимъ образомъ обошли они всѣ комнаты и вездѣ простились; дошли, наконецъ, до крайней комнаты, гдѣ стояла широкая двуспальная кровать.

— Ишь ихъ!—сказалъ Ваня, и не только не поклонился на всѣ четыре стороны, но плюнулъ.

— Знаешь ли что, — продолжалъ онъ: — зажжемъ-ка теперь лиминацію! Вѣдь колдовка-то еще, чай, долго не прѣдетъ!

— Зажжемъ! — согласился Миша, и на лицѣ его сверкнула дѣтски-радостная улыбка.

По всему видно было, что натура Миши была натура нѣжная, женственная, артистическая; онъ любилъ, когда въ комнатахъ бывало свѣтло и свѣжо, и, напротивъ того, куксился въ мракъ и спертость воздухъ передней. По всему видно также, что Ваня зналъ про это свойство Миши и желалъ чѣмъ-нибудь угодить ему.

Зажгли иллюминацію дѣйствительно блестящую; Миша пожелалъ быть хозяиномъ, Ваня изъявилъ согласіе быть гостемъ. Но едва успѣли хозяинъ и гость усѣсться съ ногами на диванъ, едва успѣлъ хозяинъ предложить своему гостю обычный вопросъ о здоровьѣ, какъ въ передней раздался сильнѣйшій трезвонъ. Хозяинъ и гость бросились тушить свѣчи, но впопыхахъ дѣло не спорилось; раздался еще трезвонъ, болѣе сильный и болѣе нетерпѣливый.

Наконецъ, свѣчи кое-какъ затушили и бросились въ переднюю. Черезъ дверь еще Ваня слышалъ, какъ барыня сердиться изволили.

— Это все мальчишки-мерзавцы!—говорила она въ величайшемъ гнѣвѣ.—Вотъ ужъ погоди!

— Успокойся, душенька, — уговаривалъ Иванъ Васильичъ:—можетъ-быть, это братецъ Никаноръ Аванасьичъ прѣхалъ!

Въ это время Ваня отперъ наружную дверь.

— Братецъ Никаноръ Аванасьичъ здѣсь?—былъ первый вопросъ барыни.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Кто же свѣчи въ залѣ зажигалъ?

— Никто не зажигалъ-съ.

— Мерзавецъ!

Сильный ударъ свалилъ Ваню съ ногъ.

— Кто зажигалъ свѣчи въ залѣ? — накинулась барыня на Мишу, который стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—едва-едва прошепталъ Миша.

— Долго ли вы мучить-то насъ будете?—какимъ-то неестественнымъ голосомъ закричалъ Ваня, вскочивъ съ полу, и не успѣвъ никто моргнуть глазомъ, какъ онъ уже впился ногтями въ ротъ и носъ Катерины Аванасьевны.

Катеринѣ Аванасьевнѣ сдѣлалось дурно; Ваню наслу отняли отъ нея, потому что онъ словно замеръ и заочевнѣлъ весь. Катерину Аванасьевну повели подъ-руки въ спальню, причемъ Иванъ Васильичъ приговаривалъ: «и какъ это тебѣ, матушка, не стыдно безпокоить себя изъ-за этихъ хамовъ!» Ваню тоже увели на кухню; онъ не плакалъ, а только кричалъ; очевидно, что все существо его было глубоко и рѣшительно потрясено, что онъ не обладалъ собою, и этотъ рѣзкій неестественный крикъ вылеталъ изъ его груди помимо его воли. Вся дворня страшно перенюхивалась и сбѣжалась кругомъ Вани; начали его от-

тирать и насилу уняли. Когда крики унялись, Ваня мгновенно и крѣпко заснулъ.

Потому ли, что Катерина Аванасьевна дѣйствительно заболѣла, или потому, что дворовые доложили объ изступленіи, въ которомъ находился Ваня, но распоряженія насчетъ мальчиковъ въ ту ночь никакого сдѣлано не было. Сказано было только держать обоихъ въ кухнѣ. Миша легъ подлѣ Вани, но долго не могъ сомкнуть глазъ; завтрашній день представлялся его возбужденному воображенію со всеми подробностями, со всеми ужасающими истязаніями. Мерещились ему пуки розогъ, мерещилась ему Катерина Аванасьевна; лицо ея словно пылало, на головѣ словно змѣи вились, разѣвая рты, и высовывались оттуда огненные жала. Ваня по временамъ стоналъ; дворовые кругомъ безмятежно спали; Мишѣ сдѣлалось страшно...

«Ахъ, не надо! ахъ, не рѣжьте!» — раздавалось у него въ ушахъ, и образъ сестры носился передъ его глазами какъ живой, но не въ затрапезномъ, истасканномъ платьѣ, а весь бѣлый, прозрачный, весь словно озаренный чудеснымъ блескомъ...

Наконецъ, часовъ около трехъ онъ заснулъ.

Въ четыре часа Ваня разбудилъ его. Долго смотрѣлъ на него Миша изумленнымъ, слипающимся глазами, долго не могъ понять, гдѣ онъ и что съ нимъ...

— Пора! — шепталъ Ваня.

Миша вздрогнулъ, но все еще не понималъ.

— Вставай! — настаивалъ Ваня.

Миша машинально всталъ и машинально же одѣлся. Они вышли въ сѣни; холодный воздухъ охватилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и нѣсколько отрезвилъ Мишу. Въ рукахъ у Вани были ножницы; онъ проворно скинулъ съ себя казакинъ и началъ рѣзать его на куски.

— Не доставайся никому! — шепталъ онъ какъ-то злобно и сосредоточенно.

Потомъ онъ снялъ съ себя сапоги и проткнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ головки.

Миша смотрѣлъ на это, и вдругъ въ немъ вспыхнула какая-то страстная жажда жизни. Онъ ухватилъ себя обѣими ручонками за горло, началъ метаться и заплакалъ.

— Нюня! ступай спать!—произнесъ Ваня.

— Нѣтъ, нѣтъ!—заикался Миша:—нѣтъ, нѣтъ!.. я пойду! я, право, пойду! .

— Что жъ ты реवेशь? развѣ вчера не видѣлъ?

Они вышли на дворъ и перелѣзли черезъ заборъ. Улица была пуста, и непробудная тишина царствовала по всему городу. Дворовая собака Трезорка бросилась—было къ нимъ съ ласковымъ визгомъ, но Ваня показалъ ей кулакъ, вслѣдствіе чего она вильнула раза два хвостомъ и юркнула въ свою конуру. Утро было не столько холодное, сколько сырое и туманное; словно облако какое-то висѣло надъ улицей, словно мгла, наполненная иглистыми атомами, застилала воздухъ. Ваня былъ въ одной рубашкѣ; ему сдѣлалось холодно.

— Ну, братъ, — сказалъ онъ: — это я напрасно... Напрасно, значить, я теперича казакинъ своей изрѣзаль!

Миша не отвѣчалъ ему: вообще онъ дѣйствовалъ какъ-то страдательно, словно горѣла, и упорно горѣла, въ немъ непорванная струя жизни, но не знала, какъ ей высказаться, какъ прорваться наружу.

И вотъ передъ ними оврагъ; въ этомъ оврагѣ условились они исполнить свое намѣреніе; Ваня рассчитывалъ, что тамъ никто имъ не помѣшаетъ, никто не можетъ придти скоро на помощь.

Ваня спустился и пошелъ впередъ; онъ былъ бодръ, а между тѣмъ манящіе, сладкіе голоса жизни говорили и въ немъ; онъ смѣялся, а между тѣмъ въ груди его закипала какая-то страстная жажда; онъ шелъ и точилъ другъ обѣ друга ножи; но звукъ, который отъ этого происходилъ, былъ какой-то невеселый, отрывистый звукъ; онъ чувство-

валь, что внутри его все горить, а между тѣмъ блѣдное, исхудалое тѣло ходенемъ ходило отъ проникающей сырости и холода... Миша шелъ за нимъ слѣдомъ и попрежнему былъ въ какомъ-то забытьи.

На свѣту, будочникъ, спокойно спавшій въ своей будкѣ, былъ разбуженъ проѣзжими мужиками. Мужики слышали стонъ въ оврагѣ и почтительно докладывали о томъ дремлющему блюстителю общественной тишины.

— Батюшки! помогите!—прозвенѣло въ эту самую минуту въ воздухѣ.

Спустились въ оврагъ и нашли двухъ мальчишекъ, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтъ въ казакнѣй, другой—въ одной рубашкѣ. Ваня былъ бездыханенъ, но Миша еще былъ живъ. Невѣрная, трепещущая рука въ нѣсколько пріемовъ полоснула ножомъ по горлу, но робко и нерѣшительно.

Жажда жизни сказалась и восторжествовала.

VII.—Нашъ дружескій хламъ.

Когда мы, губернскіе аристократы, собираемся другъ у друга по вечерамъ, какого рода можетъ быть у насъ между собою бесѣда? Перемываемъ ли мы косточки своихъ ближнихъ, бесѣдуемъ ли о существѣ лежащихъ на насъ обязанностей, сообщаемъ ли другъ другу о нашихъ служебныхъ и сердечныхъ *bonnes fortunes*, о томъ, напримѣръ, что сегодня утромъ былъ у насъ подрядчикъ Скопищевъ, а завтра мы ждемъ заводчика Бѣлугина, и проч., и проч.?

На всѣ эти вопросы я съ гордостью могу отвѣчать, что обыденная, будничная жизнь не составляетъ и не можетъ составлять достойной канвы для нашихъ салонныхъ разговоровъ. Утромъ, запершись въ своихъ жилыхъ комнатахъ, мы можемъ, *à la rigueur*, переворачивать наше грязное бѣлье, бесѣдовать съ нашими секретарями и принимать различнаго рода антрепренеровъ; но съ той минуты, какъ

мы покидаемъ жилия комнаты и являемся въ наши салоны, всѣ эти неопрятности мгновенно исчезаютъ, подобно тому, какъ исчезаютъ клопы и другія насѣкомыя, гонимыя свѣтомъ дня. Какъ люди благовоспитанные, мы являемся въ наши салоны не иначе, какъ во фракахъ, и очень хорошо понимаемъ, что, находясь въ обществѣ, не имѣемъ права тревожить чье-либо обоняніе эмаваціями нашего задняго двора.

Да и какой интересъ могло бы представлять для насъ это переворачиванье домашняго хлама, когда намъ до такой степени извѣстны и переизвѣстны всѣ наши маленькія дѣлишки, наши карманныя скорби и любостыжательныя радости, что мы, какъ древніе авгуры, взглянуть другъ на друга безъ того не можемъ, чтобъ не расхохотаться?

Если я, напримѣръ, встрѣчаю на улицѣ его превосходительство Ивана Ѳомича и вижу, что въ очахъ его плаваетъ маслянистая влага, а самъ онъ, при встрѣчѣ со мной, покрывается пурпуромъ стыдливости и смотритъ на меня съ какимъ-то дѣтскимъ простодушіемъ, какъ будто хочетъ сказать: «посмотри, какъ я невиненъ! и посмотри, какъ хороша природа и какъ легка жизнь для чистыхъ сердцемъ!»—то я положительно знаю, что и этотъ пурпуръ, и эта ясность души происходятъ совсѣмъ не отъ того, что его превосходительство былъ на секретномъ любовномъ свиданіи, а оттого, что въ томъ заведеніи, въ которомъ онъ состоитъ аристократомъ, происходили сего числа торги. И по степени влажности глазъ, и по большей или меньшей невинности ихъ выраженія и безошибочно заключаю о степени успѣшности торговъ... Къ чему, скажите на милость, были бы тутъ вопросы, въ родѣ: «какъ поживаете, каково прижимаете?» Къ чему тутъ ласки, коварства и увѣренія, если я опредѣлительно вижу, что сей человѣкъ счастливъ, что душа его полна музыки и что весь онъ погруженъ въ какія-то сладкія, неземныя созерцанія? И дѣйствительно,

встрѣчи наши происходятъ въ молчаніи; онъ посмотреть на меня ласково и признательно, я взгляну на него симпатически; онъ скажетъ: «гм!» и я скажу: «гм!»... и мы расходимся каждый по своему дѣлу.

Или, напримѣръ, когда я вижу другого аристократа, генерала Голубчикова, пробирающагося, часовъ въ шесть пополудни, бочкомъ по темному переулку, и робко при этомъ озирающагося, то положительно могу сказать, что генераль пробирается не къ кому другому, а именно къ привилегированной бабкѣ Шарлоттѣ Ивановнѣ. Хотя же его превосходительство, замѣтивъ меня, и начинаетъ помахивать тросточкой, дѣлая видъ, что онъ гуляетъ, но я отнюдь не отважусь предложить ему пройтись вмѣстѣ со мною, потому что твердо знаю, что такого рода предложеніе въ конецъ уязвитъ его пылающее сердце. Руководясь этою мыслью, я прикасаюсь слегка къ полямъ моей шляпы и говорю: «гм!». Генераль, который въ другое время тоже отвѣтилъ бы мнѣ *à la militaire*, въ настоящемъ случаѣ считаетъ неизлишнимъ снять съ головы своей шляпу совершенно (не погуби, дескать), и тоже говорить: «гм!»... и мы расходимся. А между тѣмъ дорѣгой воображеніе уже рисуетъ передо мной образы. Съ одной стороны я вижу маленькаго генералика, совершенно пропадающаго въ объятіяхъ дебелой привилегированной бабки, а съ другой стороны—величественную и не менѣе дебелую генеральшу, спокойно предающуюся дома послѣобѣденному сну и вовсе не подозревающую, что ей крошечный Юпитерикъ нашель въ захолустьи какую-то вольнаго поведенія Іо и воспитываетъ ее въ явный ущербъ своей Юнонѣ.

И еще, напримѣръ, если я вижу въ восемь часовъ утра извѣстнаго подрядчика Скопищева, стучащагося въ двери дома, занимаемаго капитаномъ Малаховичемъ, то отнюдь не думаю, что Скопищевъ очутился здѣсь ни-свѣтъ-ни-заря затѣмъ только, чтобъ узнать о здоровьи супруги и дѣтей пана Малаховича, но съ полною достовѣрностью заключаю,

что ранній визитъ этотъ имѣеть тѣсную связь съ постройкой земляной дамбы въ городѣ ***. При этомъ въ умѣ моемъ естественно возникаетъ вопросъ: «если отъ пятнадцати тысячъ отдѣлить двадцать процентовъ, то какая составитя изъ этого сумма?» И въ это самое время, поравнявшись съ капитанскою квартирой, я усматриваю въ одномъ изъ оконъ толстенную фигуру, къ чему-то канальски прислушивающуюся. Замѣтивъ меня, капитанъ нѣсколько краснѣеть (вѣроятно, оттого, что я увидѣлъ его въ утреннемъ неглиже), пропозноситъ: «гм!» и поспѣшно удаляется отъ окна.

— То-то «гм!»—пропозношу и я въ свою очередь, и продолжаю идти своею дорожкой.

Скажите на милость: къ чему же было намъ бесѣдовать о томъ, для уразумѣнія чего достаточно одного движенія губъ, одной мимолетной искры въ глазахъ, одного помаванія головы?

И дѣйствительно, канвою для нашихъ разговоровъ служатъ предметы несравненно болѣе возвышенные. Надо вамъ сказать, благосклонный читатель, что хотя мы и называемся «губернскими аристократами», но, къ великому прискорбію, аристократичность наша довольно сомнительная. Мы, что называется, аристократы съ подлинною. Отечествомъ бѣльшей части изъ насъ служили четвертые этажи тѣхъ поражающихъ опрятностью казенныхъ зданій, которыя во множествѣ украшаютъ Петербургъ и въ которыхъ благополучно процвѣтають всѣхъ возможныхъ видовъ и цвѣтовъ экзекуторы и экспедиторы. Тамъ мы увидѣли свѣтъ, тамъ возрасли и воспитались, и если самъ Петербургъ способенъ производить только чиновниковъ и болотныя испаренія, то можно себѣ вообразить, на производство какого рода издѣлій способны упомянутые выше четвертые этажи? И дѣйствительно, мы вполне прошли всю суровую школу безгласности и смиреномудрія; мы были по очереди и секретарями, и приказчиками у имѣющихъ власть людей,

и поставщиками духовъ, собачекъ и румянъ у ихъ женъ. и забавою у ихъ гостей. Мы безмѣрно радовались и безобразію нашихъ носовъ, и геморроидальному цвѣту нашихъ лицъ, потому что все это составляло предметъ забавы и увеселенія для нашихъ благодѣтелей и вмѣстѣ съ тѣмъ заключало въ себѣ источникъ нашего будущаго благополучія — нашу фортуны и нашу карьеру! Наконецъ, послѣ долгихъ лѣтъ терѣнія и томныхъ искательствъ, мы получили дипломы на званіе губернскихъ аристократовъ, съ правомъ владѣть сколько душъ угодно. По началу свѣжій воздухъ провинціи сшибъ-было насъ съ ногъ; однако, свыкшись съ малолѣтства со всякаго рода огнестояностями, мы устояли и здѣсь, и мало того, что устояли, но даже озаботились устроить вокругъ себя ту самую атмосферу, которая всечасно напоминаетъ нашимъ носамъ передніа нашихъ благодѣтелей. Очевидно, что при такомъ направленіи умовъ все наши симпатіи, все вздохи и порыванія должны стремиться къ нему, къ этому милому Петербургу, гдѣ проведена была наша золотушная молодость и гдѣ у каждаго изъ насъ имѣется, по крайней мѣрѣ, по двадцати пяти штукъ пріятельски-знакомыхъ начальниковъ отдѣленія.

Дни прихода петербургской почты бываютъ въ нашемъ обществѣ днями какой-то тревожной и вмѣстѣ съ тѣмъ восторженной дѣятельности. Это и понятно, потому что въ эти дни мы получаемъ письма отъ нашихъ пріятелей - начальниковъ отдѣленія. Мы поспѣшаемъ другъ къ другу, чтобъ подѣлиться свѣжими вѣстями, и вотъ образуется между нами живая и интимная бесѣда.

— Ну, что, ваше превосходительство, — спрашиваю я у генерала Голубчикова: — получили что-нибудь изъ столицы?

— Какъ же-съ, какъ же-съ, ваше превосходительство! — отвѣчаетъ генералъ, потирая руки: — графъ Петръ Васильевичъ не оставляетъ - таки меня безъ пріятныхъ извѣстій о себѣ...

— Такъ вы получили письмо отъ самого графа? спрашиваю я, нѣсколько подзадоренный.

— Мм... да, — отвѣчаетъ генераль такимъ тономъ, какъ будто ему на все наплевать: — графъ частенько-таки изволить переписываться со мной!

— Мм... да, — произношу я и въ свою очередь, не желая уступить генералу Голубчикову, еще съ большимъ равнодушіемъ прибавляю: — а я такъ получилъ письмо отъ князя Николая Андренча... Каждую почту пишетъ! даже надоѣлъ старикъ!

И если при этомъ я положительно убѣжденъ, что генераль Голубчиковъ совралъ постыднѣйшимъ образомъ, то генераль, съ своей стороны, столь же положительно убѣжденъ, что и я совралъ не менѣе постыдно, что не мѣшаетъ намъ, однако, остаться совершенно довольными нашимъ разговоромъ.

— Скажите, пожалуйста! — удивляется въ другомъ углу его превосходительство Иванъ Омичъ, слушающій чтеніе какого-то письма.

— «... внушили себѣ, будто на лбу ихнемъ фиговое дерево произрастаетъ, и никто сей горькой мысли изъ ума ихъ сіятельства изгнать не можетъ», — раздается звучный голосъ статскаго совѣтника Генералова, читающаго вслухъ упомянутое письмо.

— Да правда ли это? Отъ кого вы получали это письмо? — сыплются съ разныхъ сторонъ вопросы.

— Отъ экзе... отъ директора, — скороговоркой поправляется статскій совѣтникъ Генераловъ, поспѣшно пряча письмо въ карманъ.

— А крѣпкій былъ старикъ! — говоритъ генераль Голубчиковъ, котораго, какъ неслужащаго подъ начальствомъ таинственнаго «ихъ сіятельства», описанное выше происшествіе интересуетъ только съ психической точки зрѣнія.

— Н-да... крѣпкій... — въ раздумьи и словно машинально повторяетъ недавно опредѣленный молодой предсѣдатель

Курилкинъ, при чтеніи письма какъ будто струсившій и поблѣднѣвшій.

— Я съ княземъ еще въ то время познакомился,—ораторствуетъ генераль Голубчиковъ: — когда столоначальникомъ въ департаментѣ служилъ. И представьте себѣ, какой однажды со мной случай былъ...

— Н-да, случай!.. — повторяетъ Курилкинъ, у котораго уже помутились взоры отъ полученнаго извѣстія.

— Вы какъ будто нездоровы, Иванъ Павлычъ? — обращается съ участіемъ къ Курилкину Иванъ Ѳомичъ.

— Нѣтъ... я ничего, — скороговоркой отвѣчаетъ Курилкинъ: — *au fait*, чтѣ мнѣ князь?

— «Чтѣ онъ Гекубѣ, чтѣ она ему?» — раздается сзади шопотъ титулярнаго совѣтника Корепанова, принимаемаго, несмотря на свой чинъ, въ нашемъ маленькомъ аристократическомъ кружкѣ за *comme il faut*, но, къ сожалѣнію, разыгрывающаго непріятную роль какого-то губернскаго Мефистофеля.

— Да-съ, такъ вотъ какой у насъ съ княземъ случай былъ,—продолжаетъ генераль Голубчиковъ:—вхожу я однажды въ приемную къ князю, только вижу—сидитъ дежурный чиновникъ, а лицо незнакомое. Признаюсь, я еще въ то время подумалъ: «чтѣ это за чиновникъ такой? какъ будто бы дежурный, а лицо незнакомое?» Ну-съ, хорошо, подхожу я къ этому чиновнику и говорю: «доложите ихъ сіятельству, что явился такой-то». — «Не принимаютъ, говорить, ихъ сіятельство нездоровы». Ну, а я съ графомъ былъ всегда въ короткихъ отношеніяхъ, слѣдственно для меня слово «не принимаютъ» не существовало... Вотъ и пришла мнѣ въ голову мысль: дай-ка, думаю, подтруню надъ молодымъ человѣкомъ, и, знаете, пресерьезно этакъ говорю ему: «жаль, говорю, очень жаль, что не принимаютъ». — «Да-съ, говорить, не принимаютъ». Только, можете себѣ представить, въ это самое время распахивается дверь кабинета и

выходить оттуда камердинеръ князя, Павелъ Дороеичъ... Знаете Павла Дороеича?

— Знаемъ, знаемъ! Павла Дороеича цѣлый Петербургъ знаетъ!—кричимъ мы какъ-то особенно радостно.

— А изъ-за Павла Дороеича выглядываетъ и самъ князь. «А, говорить, это ты, Гаврилъ Петровичъ! а меня, братъ, сегодня «прохлады» совсѣмъ замучили (онъ «это» прохладами называлъ), такъ я не велѣлъ никого принимать... Ну, а тебя можно!..» Только, можете себѣ представить, какую изумленную физиономію скорчилъ при этомъ дежурный чиновникъ!

— Да, интересный случай! — замѣчаетъ статскій совѣтникъ Генераловъ, сладко вздыхая.

— Случай съ запахомъ,—перебиваетъ Корепановъ.

— Предобрый старикъ! — говоритъ его превосходительство Иванъ Ѳомичъ, поспѣвая заглушить своимъ голосомъ неприятную замѣтку Корепанова.

— Добрый, именно добрый! — не смущаясь, продолжаетъ генералъ Голубчиковъ: — и какое довѣріе ко мнѣ имѣлъ, такъ это даже непостижимо! Бывало, сидимъ мы съ-глазана-глазъ: я бумаги докладываю, онъ слушаетъ. «А что, Гаврилъ Петровичъ, вдругъ скажетъ, прикажи-ка, братъ, мнѣ трубку подать!» Ну, я, разумѣется, сейчасъ брошусь: самъ все это сдѣлаю, самъ набью, самъ бумажку зажгу, самъ подамъ... И что жъ вы думаете, господа, даже никакой я въ это время робости не чувствовалъ:—точно вотъ со своимъ братомъ, начальникомъ отдѣленія, бесѣдуешь! Онъ трубочку покуриваетъ, а я бумаги продолжаю докладывать... Просто какъ будто ничего не бывало!

— Жаль, очень жаль будетъ, если этакого человѣка лишится отечество!—говоритъ Иванъ Ѳомичъ.

— Н-да... отечество! — повторяетъ Курилкинъ, повидному возвратившійся къ прежнему раздумью.

— А еще говорятъ, что вельможи всѣ горды да неприступны!—продолжаетъ Иванъ Ѳомичъ.—Ничуть не бывало!

— Это говорятъ тѣ, ваше превосходительство, — весьма основательно замѣчаетъ генераль Голубчиковъ: — которые настоящихъ-то вельможъ и въ глаза не видали. А вотъ какъ мы съ вами и въ халатикѣ съ ними посиживали, трубочки покуривали, такъ дѣйствительно можемъ удостовѣрить, что вся разница между вельможей и обыкновеннымъ человекомъ только въ томъ состоитъ, что у вельможи въ обхожденіи ароматъ какой-то есть...

— «Прохлады!» — ворчитъ сквозь зубы Корепановъ.

— Нашъ князь, — вступается статскій совѣтникъ Генераловъ: — такъ тотъ больше все лѣвой рукой дѣйствуетъ. И на стулъ лѣвой рукой указываетъ, и подаетъ все лѣвую руку.

— А что вы думаете? — говоритъ генераль Голубчиковъ: — вѣдь это именно правда, что у вельможъ лѣвая рука всегда какъ-то болѣе развита!

— Я полагаю, что въ этомъ свой расчетъ есть, — глубокомысленно замѣчаетъ Иванъ Омичъ.

— То-есть не столько расчетъ, сколько грація, — возражаетъ Голубчиковъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство: не грація, а именно расчетъ-съ.

— Нѣтъ... зачѣмъ же непременно «расчетъ»? Я, напротивъ того, положительно убѣжденъ, что грація, — говоритъ Голубчиковъ, задѣтый за живое настойчивостью Ивана Омича.

— А я, *напротивъ того, положительно убѣжденъ*, что расчетъ, и имѣю на это доказательства.

— Это очень любопытно!

— И именно я полагаю, что всякій вельможа хочетъ этимъ дать понять, что правая рука у него занята государственными соображеніями.

— Ну-съ... а лѣвая рука тутъ зачѣмъ-съ?

— А лѣвая рука, какъ свободная отъ занятій, предлагается посѣтителямъ-съ...

— Ну-съ... а дальше чтò-съ?

— Ну-съ, а дальше то же самое!

— Та-а-къ-съ!

Съ прискорбіемъ мы замѣчаемъ, что генералы наши не прочь посчитаться другъ съ другомъ. Извѣстно намъ, что между ними издревле существуетъ худо скрытая вражда, основаніемъ которой служить взаимное соперничество по части знакомства съ вельможами. Поэтому, хотя мы и питаемъ надежды на деликатность генерала Голубчикова, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуемъ, что еще одна маленькая капелька, и генеральское сердце безвозвратно преисполнится скорбью. Дѣйствительно, онъ взираетъ на Ивана Оомича съ кроткимъ, но горестнымъ изумленіемъ; Иванъ же Оомичъ не только не тронуть этимъ, но, напротивъ того, устроилъ руки свои фертомъ, и въ этомъ положеніи какъ будто посмѣивается надъ всеми громами и молніями. Положеніе дѣлается до такой степени натянутымъ, что статскій совѣтникъ Генераловъ считаетъ своею обязанностью немедленно вмѣшаться въ это дѣло.

— Я думаю, ваше превосходительство, — обращается онъ къ генералу Голубчикову: — что и въ самой граціи можетъ быть расчетъ, точно такъ же, какъ въ расчетѣ можетъ быть грація...

— Дѣло возможное! — отвѣчаетъ генераль холодно, явно показывая, что онъ старый воробей, котораго никакими компромиссами не падуешь.

Разговоръ снова заминается, и все мы чувствуемъ себя нѣсколько сконфуженными. Холодность генерала свинцовой тучей легла на наше общество, и нѣтъ, кажется, столь сильнаго солнечнаго луча, который могъ бы съ успѣхомъ разбить эту тучу. Мы все знаемъ, что Голубчиковъ преамбиціозный старикъ, и что едва ли онъ не единственный изъ нашихъ аристократовъ, о которомъ мы съ увѣренностью можемъ сказать, что онъ въ одинъ платокъ съ вельможами сморкается. Все мы, прочіе, въ этихъ случаяхъ болѣе или

менѣ прилыгаемъ, и если увѣряемъ иногда, что при такихъ-то обстоятельствахъ такой-то князь сказалъ намъ «ты» и назвалъ «любезнѣйшимъ», то этому можно вѣрить и не вѣрить. Но генераль Голубчиковъ дѣйствительно вполне чистъ въ этомъ отношеніи, и если ужъ скажетъ, напримѣръ, что однажды въ его присутствіи князь Петръ Алексѣичъ учинилъ декольтѣ, то никто не имѣетъ повода усомниться, что это именно такъ и было. «И для чего бы Ивану Ѳомичу не уступить! — думаемъ мы, внутренно соболѣзнуя о происшедшемъ. — Съ одной стороны, Ивану Ѳомичу слѣдовало бы сдѣлать небольшую уступочку, а съ другой, и генералу не мѣшало бы взглянуть на дѣло по-снисходительнѣе... и все было бы ладно, все было бы мирно, и мирно, и очень хорошо — такъ-то! А то вотъ дернула нелегкая — ахти-хти-хти!» Но куда мы только разсуждаемъ, статскій совѣтникъ Генераловъ уже принимаетъ дѣйствительныя мѣры къ замиренію враждующихъ сторонъ. Онъ прежде всего начинаетъ заигрывать съ генераломъ Голубчиковымъ, какъ наиболѣе неподатливымъ.

— Не получили ли чего-нибудь отъ графа насчетъ «этого» (крестьянскаго) дѣла, ваше превосходительство? — спрашиваетъ онъ.

— Получилъ-съ, — упорствуетъ генераль въ холодности.

— Ваше превосходительство всегда самыя вѣрныя свѣдѣнія имѣть позволите, — не менѣ упорно продолжаетъ заигрывать Генераловъ.

— Самъ по себѣ я никакихъ свѣдѣній не имѣю, но конечно... довѣріе его сіятельства... однимъ словомъ, могутъ такъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ посодѣйствовать...

— Какъ же-съ, какъ же-съ, ваше превосходительство! Вѣдь вы съ графомъ-то даже нѣсколько «свои»?

— Даже и не нѣсколько, — отвѣчаетъ генераль, постепенно смягчаясь: — потому что моя Анна Ѳедоровна положительнымъ образомъ приходится внучатной племянницей

Прасковѣ Ивановнѣ, а Прасковья Ивановна, какъ вамъ извѣстно...

— Да, если кто заслужить у графа желаетъ, такъ это именно что стоить только къ Прасковѣ Ивановнѣ дорогу найти! — восклицаемъ мы хоромъ.

— И представьте, что я открылъ это родство совершенно случайно! Однажды прихожу къ Прасковѣ Ивановнѣ по хозяйственнымъ ея дѣламъ, а ей вдругъ и прѣди на мысль спросить меня: «а чтò, говорить, ты женатъ или холостой?» — Женатъ, говорю, ваше сіятельство, на Грѣховой. — «Ахъ, говорить, да вѣдь жена-то твоя мнѣ внучатной племянницей приходится!» Начали мы тутъ разбирать да распутывать — анъ и открылось! А не прѣди ей на мысль спросить мсня — такъ бы оно и осталось подъ спудомъ...

Хотя мы неоднократно уже слышали этотъ анекдотъ, но считаемъ долгомъ и на сей разъ выслушать его съ полнымъ благоговѣніемъ. Вообще, ничто такъ не улаждаетъ нашихъ досуговъ, какъ разборъ родства и свойства сильныхъ міра сего. Повидимому, это весьма мало до насъ касается, потому что собственно наши родственники суть экзекуторы и экспедиторы, но таково уже свойство людей происхожденія благороднаго, что они постоянно стремятся къ сферамъ возвышеннымъ, низменности же предоставляютъ низкому классу. Не радостно ли, напримѣръ, услышать, что графъ Алексѣй Николаичъ выдаетъ дочь свою замужъ за сына князя Льва Семеныча? Не интересно ли при этомъ сообразить, что за молодую княгиню дано въ приданое столько-то тысячъ душъ, да у молодого князя съ своей стороны столько-то тысячъ? Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, а въ нашемъ городѣ и въ нашемъ обществѣ всякая новая семейная радость нашихъ вельможъ поистинѣ составляетъ семейную радость каждаго изъ насъ.

— Да, господа, геральдика важная вещь! — продолжаетъ, между тѣмъ, Голубчиковъ: — и нельзя не сожалѣть, что въ

нашемъ отечествѣ наука эта находится еще въ младенческомъ состояніи...

Подъ влияніемъ всѣхъ этихъ напоминаній, Иванъ Оомичъ, который доселѣ пребывалъ въ заключеніи, дѣлаетъ первый шагъ, чтобъ окончательно смягчить неудовольствіе генерала Голубчикова.

— И благопріятныя извѣстія изволили получить, ваше превосходительство? — вопрошаетъ онъ заискивающимъ голосомъ.

— Самыя благопріятныя-съ.

— То-есть, въ какомъ же родѣ?

— Въ самомъ благонадежномъ-съ. Короче сказать: опасеній никакихъ имѣть не слѣдуетъ.

Генералъ окидываетъ насъ торжествующимъ окомъ. Мы всѣ легко и весело вздрагиваемъ; нѣкоторые изъ насъ произносятъ: «слава Богу!» и крестятся.

И не оттого совѣмъ мы крестимся, чтобъ отъ «этого» дѣла былъ для насъ ущербъ или посрамленіе, а оттого единственно, что спокойствіе и порядокъ любимъ. Сами по себѣ мы не землевладѣльцы, и хотя у насъ имѣются нѣкоторыя благопріобрѣтенныя маетности, но онѣ заключаются преимущественно въ ломбардныхъ билетахъ, которые мы снѣдимъ въ настоящее время промѣнивать на пятипроцентныя. Итакъ, не корысть и не холодный эгоизмъ руководятъ нашими дѣйствіями и побужденіями, а собственно, такъ сказать, патріотизмъ. Сей послѣдній въ различныхъ людяхъ производитъ различныя дѣйствія. Иныхъ побуждаетъ онъ лѣзть на стѣну, иныхъ стулья ломать... насъ же побуждаетъ стоять смиренно. Согласитесь, что и это своего рода дѣйствіе. Мы до такой степени любимъ наше отечество въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало и существуетъ издревле (*au naturel*), что не смѣемъ даже вообразить себѣ, чтобъ могли потребоваться въ фигурѣ его какія-нибудь измѣненія. Конечно, мы не хуже другихъ понимаемъ, что нельзя иногда безъ того, чтобъ фетончикъ

какой-нибудь не поправить... ну, тамъ помощника, что ли, къ становому прикинуть, или даже и цѣлый департаментикъ, для пользы общей, сочинить — слова нѣтъ! Но все это такъ, чтобъ величія-то древняго не нарушить, чтобъ гармонію-то прежнюю соблюсти, чтобъ всякое дыханіе Бога хвалило, чтобъ и травка — и та радовалась!

Такой образъ мыслей, по мнѣнію моему, есть самый благонадежный и основанный на истинномъ пониманіи вещей. Чтобъ сдѣлать мысль мою осязательнѣе, прибѣгну къ сравненію. Благоразумно ли было бы съ моей стороны, если бы я, напримѣръ, заявилъ желаніе, чтобъ у генерала Голубчикова былъ римскій носъ? Нѣтъ, неблагоприятно. Во-первыхъ, потому, что онъ и нынѣ состоящимъ у него на лицѣ учтиво вздернутымъ башмачкомъ приводитъ въ трепеть сердца всѣхъ повивальныхъ бабокъ, а во-вторыхъ, потому, что мѣсторожденіе римскихъ носовъ — Римъ, а не Россія (самое названіе достаточно о томъ свидѣтельствуетъ). Другой вопросъ: благоразумно ли было бы, если бы я пожелалъ, чтобъ на скотномъ дворѣ пахло фіалкой, а не навозомъ? Нѣтъ, неблагоприятно, ибо запахъ фіалки приличествуетъ гостинымъ, а не скотнымъ дворамъ. Примѣровъ подобнаго рода безумныхъ желаній можно привести множество, но и приведенныхъ двухъ, кажется, вполне достаточно, чтобъ убѣдить всѣхъ и каждого, что въ иныхъ случаяхъ желаніе нововведеній и какихъ-то тамъ перемѣнъ совершенно равносильно тому, какъ бы кто настаивалъ, чтобъ у отечества нашего выросъ римскій носъ.

— Итакъ, это дѣльце въ архивъ можно сдать? — говоритъ Иванъ Омичъ, весело потирая руки.

— Какъ видно-съ.

— Да-съ; это, что называется...

— Всегда должно было ожидать.

— А вѣдь сначала-то оно было-пошло... тово...

— Да, бойко, бойко было-пошло.

— Политика — и больше ничего!

— Конечно, политика! Да оно и натурально, — продолжает ораторствовать Голубчиковъ: — мы только тѣмъ и крѣпки, господа, что никогда никакихъ вредныхъ нововведеній не принимали, а жили, съ помощью Божіей, какъ завѣщали намъ предки.

— Однако, Петръ Великій, ваше превосходительство?.. — учтиво замѣчаетъ Генераловъ.

— Ну, что жь... хоть и Петръ Великій! Бороды сбрызть приказать изволилъ — и больше ничего!

— Регулярное войско завелъ-съ! — дикимъ голосомъ отзывается изъ отдаленнаго угла батальонный командиръ, который упорно молчалъ, покуда, по его мнѣнію, разговоръ касался гражданской части.

— Ужь Петръ Михайловичъ не можетъ утерпѣть безъ того, чтобъ за свою часть не заступиться! — говоритъ Иванъ Оомичъ, ласково подмигивая.

— Въ гражданскую часть не вступаюсь-съ, а своего дѣла не уцую-съ! — какъ-то особенно исправно скандуетъ командиръ, какъ будто получаетъ за это благодарность по корпусу.

— Ну, что жь!.. хоть бы и регулярное войско! — не смущается Голубчиковъ: — это только для спокойствія — и больше ничего! Однако, никакихъ этакихъ машинъ, или, напримѣръ, чтобъ Иванъ назывался Матвѣемъ, а Матвѣй Сидоромъ (какъ нынче) — ничего этого не бывало!

— А нынче это бываетъ? — любознательно спрашиваетъ Корепановъ.

— Бываетъ-съ, — холодно отвѣчаетъ Голубчиковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что размышленія и соображенія насчетъ величественнаго хода нашей исторіи могли бы завлечь насъ довольно далеко, но появленіе милой хозяйки дома весьма естественно прерываетъ тонкую нить нашихъ историческихъ разысканій. Анна Федоровна издревле пользуется репутаціей любезности и неострашимой очаровательности. Еще въ Казани, въ домѣ своихъ родителей, она уже умѣла

быть самую пріятною и самую занимательною изъ всѣхъ туземныхъ дѣвицъ, несмотря на то, что въ этомъ городѣ, при помощи разныхъ учебныхъ заведеній, уровень любезности вообще стоитъ довольно высоко. Потомъ, принявъ къ себѣ въ компанію генерала Голубчикова, Анна Федоровна сдѣлала съ нимъ не столько артистическое, сколько полезное путешествіе по Россіи, успѣла очаровать Пермь, оставила отрадное впечатлѣніе въ Рязани и овладѣла всѣми сердцами въ Симбирскѣ. Въ настоящее время она предсѣдательствуетъ въ нашемъ городѣ, и предсѣдательствуетъ съ тѣмъ тактомъ, который ясно свидѣтельствуетъ, что, и не выходя изъ министерства финансовъ, женщина можетъ оставаться обворожительною. Хотя она является въ нашемъ (мужскомъ) обществѣ на минуту, тѣмъ не менѣе, ни одного изъ насъ не оставитъ безъ того, чтобы не подарить какою-нибудь любезностью, доказывая тѣмъ осязательно, что для умной женщины минута имѣетъ не шестьдесятъ секундъ, а столько, сколько ей захочется. Мнѣ сказывали (не знаю, въ какой степени это достовѣрно), что она даже секретаря своей палаты не оставляетъ безъ вопроса о здоровьи жены и дѣтей его, въ то время, когда этотъ достойный мужъ, посидѣвъ съ утреннимъ визитомъ въ кабинетъ его превосходительства, съ пустыми руками и красный какъ ракъ перебѣгаетъ черезъ залъ въ прихожую.

— Вы, конечно, серьезными дѣлами заняты, *messieurs*?— обращается она, окидывая всѣхъ насъ ласковымъ взоромъ.

— Нѣтъ, тряпками!—любезно отзывается генераль, который между дамами нашего общества пользуется репутаціей милаго гроньяра.

— Однако, мужчины имѣютъ о бѣдныхъ женщинахъ самое обидное понятіе, какъ будто мы только и можемъ быть заняты, что тряпками... — говоритъ генеральша, слегка вздыхая.

И затѣмъ, сдѣлавъ каждому изъ насъ пріятный вопросъ («*la santé de madame est toujours bonne?*» или: «а у вашего Колечки уже прорѣзались зубки, Иванъ Оомпчч?»),

она удаляется, увлекши за собой во внутренніе покои Ко-репанова, который, какъ человѣкъ молодой и холостой, можетъ, конечно, принести больше удовольствія ея demoiselles, нежели намъ.

Послѣ этого изъ внутреннихъ покоевъ къ намъ высылается превосходно сервированный чай, съ превкусными сдобными булками, причемъ генераль весьма привѣтливо замѣчаетъ: «вотъ это такъ дамское дѣло... хозяйничать... чай разливать»...

— А вѣдь русскій народъ именно добрый народъ! — говоритъ Иванъ Ѳомичъ, который, какъ любитель отечественной старины (онъ въ свое время, служа въ департаментѣ, цѣлый архивъ въ порядокъ привелъ), сгораетъ нетерпѣніемъ навести разговоръ на прежнюю тему.

— Кроткій народъ! — подтверждаетъ генераль Голубчиковъ.

— И терпѣливъ-съ! — отзывается командирь.

— И-да; этакій народъ стѣптъ того, чтобъ о немъ позаботиться! — говоритъ генераль, и въ глаза его внезапно закрадывается какое-то удивительное блаженство, чуть-чуть лишь подернутое меланхоліей, какъ будто онъ въ ту же минуту радъ-радѣхонекъ былъ бы озаботиться, но это по отъ него зависитъ.

— Въ нынѣшнемъ году всѣ пайки простиль-съ! — вмѣшивается командирь.

— Всѣ? — спрашиваетъ Голубчиковъ, въ конецъ побѣжденный такимъ великодушіемъ.

— Рѣшительно всѣ-съ!

— Какая, однакожъ, похвальная черта!

— Желательно было бы, знаете, изучить его, — предлагаетъ Иванъ Ѳомичъ.

— То-есть, въ какомъ же это смыслѣ?

— Ну, тамъ... нужды... желанія...

— Гм!.. я, однакожъ, не думаю, чтобъ это могло принести ожидаемую пользу...

— Почему же, ваше превосходительство?

— А потому, ваше превосходительство, что тут итъ именно того, что мы, люди образованные, привыкли разумѣть подь именемъ нужды и желаній.

— Согласитесь, однакожь, что нужды и желанія могутъ рождаться не только сами по себѣ, но и посредствомъ возбужденія, ваше превосходительство! Оставьте, напри-мѣръ, меня въ покоѣ—ну, я, конечно, не буду имѣть ни нужды, ни желаній, а предпиши-ка мнѣ кто-нибудь: «ты, любезный, обязанъ имѣть нужды и ощущать желанія»... повѣрьте, ваше превосходительство, что тѣ и другія явятся непремѣнно!

— Все это очень можетъ быть, но позвольте одинъ нескромный вопросъ: лучше ли будетъ?

— Если, ваше превосходительство, изволите разсматривать вопросъ съ этой точки зрѣнія...

— Не видимъ ли мы примѣровъ, что желанія только отравляютъ жизнь человѣка?

— Этого, конечно, нельзя отрицать-сь...

— Не встрѣчаемъ ли мы на каждомъ шагѣ, что тѣ люди самые счастливые, у которыхъ желанія ограничены, а нужды не выходятъ изъ предѣловъ благоразумія?

— Это всеконечно-сь...

— Слѣдовательно, ваше превосходительство, на это дѣло надо взглянуть не съ одной, а съ различныхъ точекъ зрѣнія...

Иванъ Ѳомичъ соглашается безусловно, и разговоръ, повидимому, истощается. Сознаюсь откровенно, мы недовольны этимъ. Ужь давно заглядываемся мы на зеленые столы, разставленные въ залѣ, а искренній пріятель мой, Никита Ѳедорычъ Птицынъ (званіемъ помѣщикъ), еще полчаса тому назадъ, предварительно толкнувъ меня въ бокъ, сказалъ мнѣ по секрету: «что за чушь несутъ наши генералы! давно бы пора за дѣло, а потомъ и водку пить!» И хотя я въ то время старался замять такой странный

разговоръ, но внутренно—не смѣю въ томъ не покаяться!— не могъ не пожелать, чтобъ Иванъ Ѳомичъ какъ можно скорѣе согласился съ генераломъ и чтобъ всё эти серьезные дѣла были отложены.

Но и на этотъ разъ надеждамъ нашимъ не суждено сбыться, потому что едва лишь генераль открываетъ ротъ, чтобъ сказать: «а не пора ли, господа, и за дѣло?» какъ двери съ шумомъ отворяются и въ комнату влетаетъ генераль Рылоновъ (въ сущности, онъ не генераль, но мы его въ шутку такъ прозвали), запыхавшійся и озабоченный.

— Слышали, ваше превосходительство?—обращается онъ къ хозяину дома.—Шалимовъ въ трубу вылетѣлъ!

— Съѣлъ Забуддыгиня!—восклицаемъ мы хоромъ.

— Скажите, пожалуйста!—отдѣляется голосъ Голубчикова.—И такъ-таки безъ всякихъ онёровъ?

— Безо всего-съ; даже никуда не причислень-съ.

— Что называется, умеръ безъ покаянія!—справедливо замѣчаетъ Иванъ Ѳомичъ.

Пѣхотный командиръ дико гогочетъ. Голубчиковъ долго не можетъ придти въ себя отъ удивленія и время отъ времени повторяетъ: «скажите, пожалуйста!»

— А вѣдь нельзя сказать, чтобъ глухой человекъ былъ!—говоритъ Генераловъ.

— Ничего особеннаго,—возражаетъ Рылоновъ.

— Все около свѣчки летать!

— А главное, то забавно, что свѣчку-то нашу сальную за солнце принималъ...

— Ань, и обжогъ крылышки!

— Ахъ, господа, господа! Какъ знать, чего не знаешь! Какъ солнышка-то нѣтъ, такъ и сальную свѣчку поневолѣ за солнце примешь!—говоритъ Голубчиковъ, впадая, по случаю превратности судебъ, въ сугубую сантиментальность.

— Все, знаете, какого-то смысла искалъ...

— Даже въ нашей канцелярской работѣ...

— Смѣшно слушать!

— Всѣхъ столоначальниковъ съ ногъ смоталъ!

— И что, напримѣръ, за расчетъ былъ ссориться съ Забудыгинимъ, — продолжаетъ Голубчиковъ: — рѣшительно не могу понять! Я самъ вотъ, какъ видите, не разъ ему говорилъ: «да плюньте вы на него, Николай Иванычъ!» Такъ нѣтъ, куда тебѣ. «Плюнуть-то, говорить, я на него, пожалуй, плюну, только вѣдь и растереть потомъ надо, ваше превосходительство!»

— Ань, вотъ и растирай теперь!

— Грани теперь въ Питерѣ мостовую, покуда приличное мѣсто отыщешь...

— Это какъ по-нашему говорится: *cherche!* — замѣчаетъ командирь.

— А плюнулъ бы, такъ и все бы ладно!

— Оно, конечно, ваше превосходительство, что лучше плюнуть, но вѣдь, съ другой стороны, и сердце иногда болить! — возражаетъ статскій совѣтникъ Генераловъ.

— И ой-ой, еще какъ болтъ! — развиваетъ Иванъ Омичъ.

— И все-таки плюнуть! — упорствуетъ Голубчиковъ. — Да помилуйте, господа, что жъ это за ребячество! Ну, вы представьте себѣ, напримѣръ, меня: ну, иду я по улицѣ и встрѣчаю на пути своемъ неприличную кучу... Неужели я стану огрызаться на нее за то, что она на пути моемъ легла? Нѣтъ, я плюну на нее и, плюнувши, осторожно обойду.

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, я насчетъ этого не могу пристать къ вашему мнѣнію, — возражаетъ Иванъ Омичъ. — Конечно, на кучу, такъ сказать, неодушевленную и, слѣдовательно, не своимъ произволомъ накиданную, сердиться смѣшно, но въ оврагъ ее свалить все-таки слѣдуетъ-съ.

— А если оврагъ ужъ завалень?

— И, ваше превосходительство! въ губернскомъ городѣ чтобъ не нашлось мѣста для нечистотъ! Да это Боже упаси!

— А я все-таки продолжаю утверждать, что слѣдуетъ плюнуть и больше ничего!

— Нѣтъ, вы мнѣ объясните, за что они передрались?— спрашиваетъ Генераловъ.

— Да вѣрно ли это?

— Ты, генераль, не совралъ ли?

— Вѣдь ты, ваше превосходительство, здоровъ врать-то!

— Помилуйте-съ, сейчасъ изъ клуба-съ; Забудыгинъ самъ всѣмъ рассказываетъ!

— Чай, шампанское на радостяхъ лакаетъ?

— Не безъ того-съ.

— Ну, значить, крупно наябедничалъ!

— А жаль молодого человѣка. Еще намедни съ говорилъ я ему: «плюньте, Николай Ивановичъ!» Такъ нѣтъ же!

Для объясненія этой сцены, считаю не излишнимъ сказать нѣсколько словъ о Шалимовѣ и Забудыгинѣ.

Шалимова мы вообще не любили. Человѣкъ этотъ, будучи поставленъ природою въ равныя къ намъ отношенія, постоянно предъявлялъ наклонности страшныя и даже отчасти подлыя. Дружелюбный съ низкимъ сортомъ людей, онъ былъ самонадѣянъ и даже заносчивъ съ равными и высшими. Къ красотамъ природы былъ равнодушенъ, а къ человѣческимъ слабостямъ предосудительно строгъ. Глумился надъ пристрастіемъ генерала Голубчикова къ женскому полу, хотя всякій благомыслящій гражданинъ долженъ понимать, что человѣкъ его лѣтъ (т.-е. преклонныхъ) и при томъ имѣющій хорошія средства, не можетъ безъ сего обойтись. Дѣйствія Забудыгина порицалъ открыто и (что всего важнѣе) позволялъ себѣ разныя колкости насчетъ его дѣйствительно несоответствующаго своему назначенію носа. Вообще же видѣлъ предметы какъ бы наизнанку и походилъ на человѣка, который, не воздвиг-

нубъ еще новаго зданія, желаетъ подкопаться подъ старое. Желаніе тѣмъ болѣе пагубное, что въ послѣднее время уже неоднократно являлись примѣры исполненія его. Слѣдовательно, удаленіе такого человѣка должно было не огорчить, но обрадовать насъ. И думаю, что принесенное Рылоновымъ извѣстіе произвело именно подобнаго рода дѣйствіе; хотя же генераль Голубчиковъ и заявилъ при этомъ нѣкоторое сожалѣніе, но должно полагать, что это сдѣлано имъ единственно по чувству христіанскаго человѣколюбія.

Что же касается Забулдыгина, то человѣкъ этотъ представляетъ нѣкоторый психическій ребусъ, доселѣ остающійся неразгаданнымъ. Повидимому, и въ мнѣніяхъ о природѣ вещей онъ съ нами не разнствуеть, и на откупа смотритъ съ разумной точки зрѣнія, и въ гражданскихъ доблестяхъ никому не уступить; тѣмъ не менѣе, есть въ немъ нѣчто такое, что заставляетъ насъ избѣгать искреннихъ къ нему отношеній. Это «нѣчто» есть странный нѣкій административный лай, который, какъ бы независимо отъ него самого, природою въ него вложенъ. Иной разъ онъ видимо приласкать человѣка хочетъ, но вдругъ какъ бы чѣмъ-либо поперхнется и, вмѣсто ласки, подниметъ столь озлобленный лай, что даже вчужѣ слышать больно. Такіе люди бываютъ. Иной даже свой собственный носъ въ зеркалѣ увидитъ и тутъ уже думаетъ: «а славно было бы, кабы этотъ поганый носъ откусить или отрѣзать!» Но если онъ о своемъ носѣ такъ помышляетъ, то какъ мало долженъ пещись о носсахъ, ему не принадлежащихъ! Очевидно, сія послѣдніе не могутъ озабочивать его нисколько. Многіе полагаютъ, что озлобленіе Забулдыгина происходитъ частью отъ причинъ гастрическихъ (пьянства и обжорства), частью же отъ огорченія, ибо, надо сказать правду, Забулдыгинъ не мало-таки потасовокъ въ жизни претерпѣлъ. Но намъ отъ этого не легче, потому что лай Забулдыгина не только на Шалимова съ компаніей, но и на

всѣхъ насъ безъ различія простирается, хотя съ нашей стороны, кромѣ уваженія къ отеческимъ преданіямъ и соблюденія издревле установленныхъ въ палатахъ обрядовъ, ничего противоестественнаго или пасквильнаго не допускается. А потому, въ семъ отношеніи, поступки Забуддыгина я ни съ чѣмъ другимъ сравнить не умѣю, кромѣ злобы ограниченной отъ природы шавки, лающей на собственный свой хвостъ, въ которомъ, отъ ея же неопрятности, завелся различныя насѣкомыя.

Пора, однакожь, кончить съ Шалимовымъ и Забуддыгинимъ, воспоминаніе о которыхъ отравляетъ пріятные часы нашего существованія. Уже давно ждуть насъ гостепріимные зеленые столы, и генералъ Голубчиковъ съ любезной улыбкой останавливается передъ каждымъ изъ насъ, предлагая по карточкѣ. Въ продолженіе послѣдующихъ двухъ часовъ со всѣхъ сторонъ раздаются лишь веселые возгласы, и могу сказать смѣло, что даже проигрышъ денегъ, обыкновенно располагающій человѣка къ скорби и унынію, не нарушаетъ общаго пріятнаго настроенія духа.

Въ особенности отличается нѣхотный командиръ, который за картами хочетъ вознаграждать себя за нѣсколько часовъ тягостнаго молчанія, наложеннаго имъ на себя въ продолженіе вечера.

— Греческій человѣкъ Трефандось!—воскликаетъ онъ, выходя съ трефъ.

Мы всѣ хохочемъ, хотя Трефандось этотъ является на сцену аккуратно каждый разъ, какъ мы садимся играть въ карты, а это случается едва ли не всякій вечеръ.

— Фики!—продолжаетъ командиръ, выходя изъ пиковой масти.

— Ой, да перестань же, пострѣль!—говоритъ генералъ Голубчиковъ, покатываясь со смѣху.—Вѣдь такъ я всю игру съ тобой перепутаю.

Такимъ образомъ мы пріятно проводимъ остальную часть вечера, вплоть до самаго ужина.

Кто что ни говори, а карты для служащаго человѣка вещь совершенно необходимая. День-то-деньской слоняясь по правленіямъ да по палатамъ, поневолѣ умаешься и захочешь отдохнуть. А какое отдохновеніе можетъ быть приличіе картъ для служащаго человѣка? Вино пить—непристойно; книжки читать—скучно, да и пишуть нынче все какія-то безнравственности; разговоромъ постоянно заниматься—и нельзя, да и матерію не скоро отыщешь; съ дамами лобезничать—для этого въ наши лѣта просторъ требуется; на молодыхъ утѣшаться—утѣшенья-то мало видишь, а все больше озорство одно... Словомъ сказать, вездѣ какъ будто пустыни. А карты—святое дѣло. За картами и время скорѣе уходитъ, и сердцу волю даешь, да и не проболтаешься. Иной разъ и чешется языкъ что-нибудь лишнее сказать, анъ тутъ десять безъ козырей сосѣду придетъ—ну, и промолчишь поповолѣ. Нѣтъ, карты именно благодѣтельная для общества вещь—это я не одинъ скажу.

Но вотъ и ужинъ. Кушанья подаются не роскошныя, но сытныя и здоровыя. Подкрѣпивши себя рюмкой водки, мы весело садимся за столъ и съ новою силою возобновляемъ прерванную преферансомъ бесѣду. Вспоминается милое старое время, вспоминаются молодые годы и сопровождающія ихъ канцелярскія проказы, воспоминаются добрые начальники, охранители нашей юности и благодѣтели нашей старости, и быстро летятъ часы и минуты подъ наплывомъ этихъ веселыхъ воспоминаній!

Такъ проводимъ мы свободные отъ служебныхъ занятій часы, и могу сказать по совѣсти, что наступающій затѣмъ сумракъ ночи не вызываетъ за собой никакихъ видѣній, которыя могли бы возмутить нашъ душевный покой. И въ самомъ дѣлѣ, перелистывая книгу моей жизни (книгу для многихъ столь горькую), я нахожу въ ней лишь слѣдующее:

Такого-то числа, всталъ, умылся, помолился Богу, былъ въ палатѣ, гдѣ пользовался правами и преимуществами, предоставленными мнѣ закономъ и древними обычаями ро-

дины; обѣдалъ, послѣ обѣда отдыхалъ, вечеръ же провелъ въ безобидныхъ для ближняго разговорахъ и увеселеніяхъ.

Такого-то числа, всталъ, умылся, помолился Богу, былъ въ палатѣ и т. д., т.-е. одно и то же ровно столько разъ, сколько, по благодати Провидѣнія, суждено будетъ прожить мнѣ дней въ земной сей юдоли.

VIII.—Деревенская тишь.

Утро. Кондратій Трифоновъ Свдоровъ спалъ ночь скверно и въ величайшей тоскѣ слоняется по опустѣлымъ комнатамъ деревенскаго своего дома. Комнаты цѣлый длинный рядъ, и слоняться есть гдѣ; нѣкогда онъ гордился этимъ рядомъ залъ, гостиныхъ, диванныхъ и проч., и даже называлъ его анфиладою, произнося и нѣсколько въ носъ; теперь онъ относится къ анфиладѣ иронически и, принимая гостей, говорить просто: «а вотъ и сараи мои!»

На дворѣ зима и стужа; въ комнатахъ свѣждо, окна слегка задушило снѣгомъ, видъ изъ этихъ оконъ неудовлетворительный: земля покрыта бѣлой пеленою, рѣчка скована, людскія избы занесло сугробами, деревня представляется издали какою-то безобразною кучею почернѣвшей соломы... Бѣло, голо и скучно!

Походить-походить Кондратій Трифоновъ и остановится. Иногда потретъ себѣ ладонью по животу и слегка постонетъ; иногда подойдетъ къ окну и побарабанитъ въ стекло. Вонь по дорогѣ ѣдутъ въ одиночку сани, въ саняхъ завалялся мужикъ; проѣзжаетъ мимо барскаго дома и шапки не ломаетъ.

«Ладно!»—думаетъ Кондратій Трифоновъ.

И опять начинаетъ ходить по своимъ «сараямъ», и опять остановится. Посмотритъ на сапоги, просторно ли они сидятъ на ногѣ, вытянетъ ногу, чтобъ удостовѣриться, крѣпко ли штрипки пришиты и не морщатъ ли брюки.

— Ванька, квасу!—кричитъ Кондратій Трифоновъ.

Ванька бѣжить изъ лакейской и подаетъ на подносѣ стаканъ съ пѣнящимся квасомъ. Но Кондратію Трифонуичу кажется, что онъ не подаетъ, а суеть.

— Чтò ты суешь? чтò ты мнѣ суешь?—вскидывается онъ на Ваньку.

— Ничего я не сую!—отвѣчаетъ Ванька.

«Ладно!»—думаетъ Кондратій Трифонуичъ.

И опять начинается ходьба. Кондратій Трифонуичъ останавливается передъ стѣнными часами и пристально смотритъ на циферблатъ; по срединѣ циферблата крупными буквами изображено: London, а внизу болѣе мелкими: Nossoff à Moscou. Все это онъ сто разъ видѣлъ, надъ всѣмъ этимъ сто разъ острилъ, но онъ все-таки смотритъ, какъ будто хочетъ выжать изъ надписи какую-то новую, неслыханную еще остроу. Часы стучать мѣрно и однообразно: тикъ-такъ, тикъ-такъ; Кондратій Трифонуичъ вторитъ имъ: «тикѣ-такѣ, тикѣ-такѣ», притопывая въ тактъ ногою. Наконецъ, и это прискучиваетъ; онъ снова подходитъ къ окну и начинаетъ вглядываться въ деревню. Оттуда не слышно ни единого звука; только сѣрые дымки вьются надъ хижинами добрыхъ поселянъ. Кондратію Трифонуичу, неизвѣстно съ чего, приходитъ на мысль слово «антагонизмъ», и онъ начинаетъ пѣть: «антагонизмъ! антагонизмъ!» выговаривая букву *и* въ носъ. Все это заканчивается свистомъ, на который опять вбѣгаетъ Ванька.

— Ты чтò на меня глаза вытаращилъ?—напускается на него Кондратій Трифонуичъ.

— Ничего я не вытаращилъ!—отвѣчаетъ Ванька.

— Ладно!—говоритъ Кондратій Трифонуичъ:—пошелъ, позови Агашку!

Черезъ минуту является Ванька и докладываетъ, что Агашка не идетъ.

— Почему жъ она не идетъ?

— Говоритъ: «не пойду!»

— Только и говорить?

— Только и говорить!

— Ладно!

Въ головѣ Кондратія Трифоныча зрѣеть мысль: онъ рѣшается все терпѣть, все выносить до прїѣзда становаго. Поэтому, хотя внутри у него и кипитъ, но онъ этого не выражаетъ; онъ даже никому не возражаетъ, только думаетъ про себя: «ладно!» и помалчиваетъ... до прїѣзда становаго.

Не дальше какъ вчера на ночь Ванька снималъ съ него сапоги и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, прыснулъ.

— Ты чему, шельма, смѣешься? — полюбопытствовалъ Кондратій Трифонычъ.

— Ничего я не смѣюсь!—отвѣчалъ Ванька.

— Этакая бестія! смѣется, да тутъ же въ глаза еще запирается!

— Чего мнѣ заирать? Кабы смѣялся, такъ бы и сказалъ, что смѣялся!—упорствовалъ Ванька.

— Ладно!

Съ этихъ поръ въ немъ засѣла мысль, съ этихъ поръ онъ рѣшился терпѣть. Одно только смущаетъ его: всѣ свои грубости Ванька производитъ наединѣ, то-есть тогда, когда находится съ Кондратьемъ Трифонычемъ съ-глазу-на-глазь. Выйдетъ Кондратій Трифонычъ на улицу—Ванька бѣжитъ впереди, снѣгъ разгребаетъ, спрашиваетъ, не озябли ли ножки; придетъ къ Кондратію Трифонычу староста—Ванька то и дѣло просовываетъ въ дверь свою голову и спрашиваетъ, не угодно ли квасу.

— Услуга-парень!—замѣчаетъ староста.

— Гм!.. да.. услуга!—бормочетъ Кондратій Трифонычъ и обдумываетъ какой-то планъ.

Онъ считаетъ обиды, понесенныя имъ отъ Ваньки, и думаетъ, какъ бы такимъ образомъ его уличить, чтобъ и отвергнуться было нельзя. Намеднись, напримѣръ, Ванька, подавая барину чаю, скорчилъ рожу; если бы можно было устроить, чтобъ эта рожа такъ и застыла до прїѣзда становаго, тогда было бы неоспоримо, что Ванька грубилъ.

Въ другой разъ, на вопросъ барина, какова на дворѣ погода, Ванька отвѣчалъ: «сиверко-съ», но отвѣчалъ это такимъ тономъ, что если бы можно было, чтобъ тонъ этотъ застылъ въ воздухѣ до пріѣзда становаго, то, конечно, никто бы не усомнился, что Ванька грубилъ. И еще разъ, когда баринъ однажды дѣлалъ Ванькѣ репримандъ по поводу незначительно вычищенныхъ сапоговъ, то Ванька, ничего не отвѣчая, отставилъ ногу; если бы можно было, чтобъ онъ такъ и застылъ въ этой позѣ до пріѣзда становаго, тогда, разумѣется...

— Нѣтъ, хитеръ, бестія, ничего съ нимъ не подѣлалась! — восклицаетъ Кондратій Трифонычъ, и ходитъ, и ходитъ по своимъ «сараямъ», ходитъ до того, что и польто словно жалуется и стонетъ подъ ногами его: да сядь же ты, ради Христа!

Онъ уже давно замѣтилъ, что между нимъ и Ванькой поселилась какая-то холодность, какая-то натянутость отношеній. Услышавши, что объ этомъ предметѣ весьма подробно объясняется въ книжкѣ, называемой «Русскій Вѣстникъ», онъ съѣздилъ къ сосѣду, взялъ у него книжку и узналъ, что подобная натянутость отношеній называется «сословнымъ антагонизмомъ».

— Ну, а дальше что?—допрашивалъ Кондратій Трифонычъ; но книжка говорила только, что объ этомъ предметѣ подробнѣе объясняется въ другой такой же книжкѣ.

— Оно, конечно,—разсуждалъ по этому поводу Кондратій Трифонычъ:—оно конечно... Ванька сапоги чистить, а я ихъ надѣваю; Ванька печки топить, а я около нихъ грѣюсь... Ну, да, это оно!

И съ тѣхъ поръ слово «антагонизмъ» до такой степени врѣзалось въ его память, что онъ не только положилъ его на музыку, но даже употребляетъ для выраженія всякаго рода чувствъ и мыслей.

И ходитъ Кондратій Трифонычъ по своимъ опустѣлымъ «сараямъ», ходитъ и останавливается, ходитъ и мечтаетъ.

Мало-по-малу мысль его оставляет Ваньку-подлеца и обращается къ другимъ предметамъ. Онъ думаетъ о томъ, что вдругъ будущимъ лѣтомъ во всѣхъ окрестныхъ имѣніяхъ засуха, а у него у одного все дожди, все дожди; что окрестные помѣщики не соберутъ и на сѣмена, а онъ все самъ-десять, все самъ-десять. Онъ думаетъ о томъ, что кругомъ все тихо, а у него въ имѣніи вдругъ землетрясеніе, слышится подземный шумъ, люди въ смятеніи, животныя въ ужасѣ... Вдругъ — вв!.. зз!.. жж!.. и — о, радость! — на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ у него росъ паршивый кустарникъ, въ одну минуту вырастаетъ высокій и частый лѣсъ, за который ему съ перваго слова дають по двѣсти рублей за десятину. Онъ думаетъ о томъ, что мужики его расторговались, что они помнятъ его благодѣянія и подносятъ ему соболью шубу въ пятнадцать тысячъ рублей серебромъ. Онъ думаетъ о томъ, что въ Москвѣ сгорѣло все сѣно, сгорѣли всѣ дрова и неизвѣстно куда дѣвался весь хлѣбъ, что у него, напротивъ того, вслѣдствіе собственной благо-разумной экономіи, а также вслѣдствіе различныхъ поощреній природы, всего этого накопилось множество, что онъ возитъ и продаетъ, возитъ и продаетъ... Онъ думаетъ о томъ, что вышло повелѣніе ни у кого ничего не покупать, кромѣ какъ у него, Сидорова, за то, что онъ, Сидоровъ, въ какую-то достопамятную годину пожертвовалъ изъ крестьянскаго запаснаго магазина столько-то четвертей, да потомъ еще столько-то четвертей, и тѣмъ показалъ ревность безпримѣрную и чувствительность подражанія достойную... Онъ думаетъ о томъ, что въ домѣ его собрались окрестные помѣщики и что онъ имъ толкуетъ о превосходствѣ вольнонаемнаго труда надъ крѣпостнымъ. «Конечно, господа,— говоритъ онъ имъ,—въ настоящее время помѣщикъ не можетъ получать дохода, сидя на мѣстѣ сложа руки, какъ это бывало прежде; конечно, онъ прежде всего долженъ употребить свой личный трудъ, свою личную, такъ сказать, распорядительность»...

Но вот мысли его, отъ усиленной работы, начинаютъ мѣшаться. Передъ глазами его, отъ непрерывнаго колорватнаго движенія, показываются зеленые круги; бѣлая колокольня, стоящая передъ барскимъ домомъ, начинаетъ словно подплясывать; дворовая баба, проходящая по двору, словно не идетъ, а на одномъ мѣстѣ пошатывается и что-то у ней подъ фартукомъ, что-то у ней подъ фартукомъ...

— Вѣтъ, что ли, мнѣ хочется?—спрашиваетъ самъ себя Кондратій Трифонычъ и съ злобою замѣчаетъ, что часовая стрѣлка показываетъ только десять.

— А вѣдь у ней подъ фартукомъ что-то есть,—продолжаетъ онъ, но не даетъ своимъ предположеніямъ дальнѣйшаго развитія, а только прибавляетъ: Ладно!

Надоѣло ходить, надоѣло мыслить... Кондратій Трифонычъ садится на диванъ и примѣчаетъ, что пыль со стола не сметена. Въ былое время, т.-е. до «антагонизма», онъ вскипѣлъ бы при видѣ такого безпорядка, онъ кликнулъ бы Ваньку и тутъ же задалъ бы ему трѣпку. Теперь этотъ безпорядокъ приноситъ ему болѣе удовольствія, нежели огорченія, ибо онъ видитъ въ немъ улику.

— Ванька!—кричитъ Кондратій Трифонычъ, и въ голосъ его слышится уже торжество побѣды:—это что?

— Столъ-съ,—отвѣчаетъ Ванька съ самымъ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— А на столѣ что?

— Пыль-съ.

— Ну?

Ванька молчитъ.

— Ладно!—говоритъ Кондратій Трифонычъ и черезъ минуту имѣетъ удовольствіе слышать, какъ Ванька хихикаетъ съ кѣмъ-то въ передней.

Кондратій Трифонычъ снова предается мечтаніямъ. Онъ мечтаетъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы онъ былъ живописцемъ; тогда онъ срисовалъ бы нахальную Ванькину рожу въ тотъ моментъ, когда отвѣчаетъ: «пыль-съ»,

и представилъ бы эту картинку становому. Но съ другой стороны, гдѣ же ручательство, что становой не приметъ этой картинки за вымышленное произведеніе собственной его, Кондратія Трифоныча, фантазіи? гдѣ свидѣтели, которые подтверждали бы, что Ванька, отвѣчая: «пыль-съ», имѣлъ именно такое, а не иное выраженіе лица?

— О, чортъ побери! Эти приказные вѣчно съ своими канцелярскими заковычками! — восклицаетъ Кондратій Трифонычъ и начинаетъ выскрывать мечтаній болѣе практическихъ.

Онъ мечтаетъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы становой вдругъ, въ эту самую минуту, выросъ изъ земли такъ, чтобъ Ванька не опомнися и никакъ не успѣлъ стереть пыль со стола. Представляетъ онъ себѣ изумленную, ополоумѣвшую морду Ваньки и невольно и сладко хихикаетъ.

— «Пыль-съ»,—дразнить онъ Ваньку, почти подплясывая на мѣстѣ.

— Это что?—грозно спрашиваетъ Ваньку воображаемый становой.

— «Пыль-съ»,—опять дразнится Кондратій Трифонычъ и опять подплясываетъ на мѣстѣ.

Становой, наконецъ, убѣждается; онъ приказываетъ срубить цѣлую березу и вручаетъ ее десятскимъ. Ваньку уводятъ... На другое утро Ванька является шелковый; цѣлый день все что-то чиститъ и стираетъ, цѣлый день мететъ полъ и оправляетъ барянову постель, цѣлый день ставитъ самовары и мѣшаетъ въ печкахъ дрова...

Но, съ другой стороны (о, чортъ возьми!), гдѣ же ручательство, что становой именно велитъ березу срубить? Гдѣ ручальство, что онъ не отвѣтитъ Кондратію Трифонычу, что онъ и самъ могъ бы стереть пыль со стола?

— О, чортъ побери! Эти приказные вѣчно съ своими канцелярскими заковычками!—восклицаетъ Кондратій Трифонычъ и начинаетъ выскрывать мечтаній еще болѣе практическихъ.

Онъ мечтаетъ, что никакихъ заковычекъ больше нѣтъ, что онъ призываетъ станowego (который нарочно тутъ и стоитъ, чтобъ заковычекъ не было) и говорить ему: — «Ванька мнѣ мипу сдѣлалъ!»

— Сейчасъ-съ, — говорить становой и летитъ во весь духъ распорядиться.

Потомъ онъ опять призываетъ станowego и говорить ему: — «Ванька пыли со стола не стерь!»

— Сейчасъ-съ, — говорить становой и летитъ распорядиться.

Но вотъ и опять мысли мѣшаются, опять образуются зеленые круги, опять подплясываетъ бѣлая длинная колокольня. Надоѣло сидѣть, надоѣло мыслить...

— Чортъ знаетъ, ѣсть, что ли, мнѣ хочется? — опять спрашиваетъ себя Кондратій Трифонычъ и съ тоскою взглядываетъ на часы. Тоска обращается въ ненависть, потому что часовая стрѣлка показываетъ половину одиннадцатаго.

— За поповымъ братомъ, что ли, спосылать? — разсуждаетъ самъ съ собою Кондратій Трифонычъ, и тутъ же рѣшаетъ, что спосылать необходимо.

Кондратій Трифонычъ малый не злой и даже покладистый для своихъ домочадцевъ, по съ нѣкотораго времени нравъ у него страннымъ образомъ перемѣнился. Ванька, съ свойственною ему легкомысленностью, отзывался объ этой перемѣнѣ, что Кондратій Трифонычъ спятилъ; ключница Мавра выражалась скромнѣе и говорила, что баринъ задумывается, что на него находить. Какъ бы то ни было, но перемѣна существовала и произошла едва ли не въ ту самую минуту, какъ онъ прочиталъ, что есть на свѣтѣ какой-то сословный антагонизмъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ онъ вообразилъ себѣ, что онъ — одна сторона, а Ванька — другая сторона, и что они должны бороться. Ванька представлялъ собою интересы всѣхъ чистящихъ сапоги и топящихъ печки Кондратій Трифонычъ — интересы всѣхъ носящихъ сапоги и грѣющихся около истопленныхъ печей. Ясно, что стороны

эти не могут понимать друг друга и что изъ этого долженъ произойти антагонизмъ. И вотъ онъ борется утромъ, борется за обѣдомъ, борется до поздней ночи. Но Ванька не понимаетъ, что такое антагонизмъ, и очевидно уклоняется отъ борьбы. Онъ исправляетъ свои обязанности по-прежнему, то-есть по-прежнему не стираетъ мыли со столовъ, по-прежнему забываетъ закрыть трубы въ печахъ, а Кондратій Трифонычъ видитъ во всемъ грубыя мины, злостныя позы à la negligé съ отвагой, и старается Ваньку изобличить. Изъ этого выходитъ, что Ванька, какъ только забьется въ переднюю, первымъ дѣломъ начинаетъ хихикать и представляетъ, какъ баринъ къ нему пристааетъ. Кондратій Трифонычъ слышитъ это и говоритъ: «ишь, шельма, смѣется!» а того никакъ понять не хочетъ, что Ванька даже и не подозреваетъ, что ему, Кондратию Трифону, хочется борьбы. И такимъ образомъ, умаявшись къ вечеру, оба засыпаютъ. Кондратій Трифонычъ видитъ во снѣ, что онъ сдѣлался медвѣдемъ, что онъ смялъ Ваньку подъ себя и торжествуетъ; Ванька видитъ во снѣ, что онъ третью сутки все чистить одинъ и тотъ же сапогъ и никакъ-таки вычистить не можетъ.

— Что за чудо!—кричитъ онъ во снѣ и, какъ оглашенный, вскакиваетъ съ одра своего.

— Ишь вѣдь, каналья, даже во снѣ не оставляетъ въ покоѣ!—думаетъ въ это время Кондратій Трифонычъ, пробужденный неестественнымъ крикомъ Ваньки.

И такимъ образомъ проходятъ дни за днями. Выигрываетъ отъ этого положительно одинъ Кондратій Трифонычъ, потому что такое препровожденіе времени, по крайней мѣрѣ, наполняетъ пустые дни его. Съ тѣхъ поръ, какъ завелось «превосходство вольнонаемнаго труда надъ обязательнымъ», съ тѣхъ поръ, какъ, съ другой стороны, опекунскій совѣтъ закрылъ гостепріимныя свои двери, глуховскія вѣси уныли и заустѣли. Заниматься рѣшительно нечѣмъ да и не для чего: все равно ничего не выйдетъ. Гово-

рять, будто это отъ того происходитъ, что кредиту нѣтъ и что Сидоровымъ подняться нечѣмъ; можетъ-быть, жалоба эта и справедлива, однако, до Сидоровыхъ ни въ какомъ случаѣ относиться не можетъ. Недостатокъ кредита не губить, а спасаетъ ихъ, потому что, будь у нихъ деньги, они накупили бы себѣ собакъ, а не то чтобъ что-нибудь для души полезное сдѣлать. А то еще подниматься! Повторяю: всея приуныли и запустили, въ всякихъ дѣлать нечего, потому что, все равно, ничего не выйдетъ. Тѣ, что оживляло ихъ въ бывалыя времена, какъ-то: взаимныя банкеты и угощенія, а также распоряженія на конюшнѣ, тѣ въ настоящее время не можетъ уже имѣть мѣста: первые— по причинѣ недостатка кредита, вторыя — потому что не дозволены. Какимъ же образомъ убить, какъ издержать распроклятые дни свои? Поневолѣ ухватишься за антагонизмъ, хотя въ сущности никакого антагонизма нѣтъ и не бывало, а было и есть одно: «вы наши кормильцы, а мы ваши дѣти!» Вотъ и Кондратій Трифонычъ ухватился за антагонизмъ, и хотя онъ не сознается въ этомъ, но все-таки жизнь его съ тѣхъ поръ потекла какъ-то полюбѣе. По крайней мѣрѣ, теперь у него есть политическій интересъ, есть политическій врагъ, Ванька, противъ котораго онъ направляетъ всю дѣятельность своихъ умственныхъ способностей. Смотришь, анъ день-то и кануль незамѣтнымъ образомъ въ вѣчность, а тамъ и другой наступилъ, и другой кануль...

Но вотъ и батюшкинъ братъ пришелъ; Кондратій Трифонычъ слышитъ, какъ онъ сморкается и откашливается въ передней, и въ нетерпѣннн ворчитъ:

— О, чтобъ!.. сморкаться еще выдумалъ!..

Батюшкинъ братъ — человекъ маленькій, рыхленькій; онъ уже лѣтъ семь какъ состоитъ въ ожиданнн ваканснн, но по какому-то несчастному случаю мѣста не получаетъ; лицо имѣетъ благостное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и угрожающее, какъ будто оно говоритъ: «а вотъ погоди, скажу я

тебѣ ужò проповѣдь!> Ходить батюшкинъ братъ словно лебедь плыветь, рукой дѣйствуетъ размашисто, говорить размазисто. Носъ у него, вслѣдствіе внезапнаго перехода со стужи въ тепло, влаженъ; на усахъ висятъ ледяныя сосульки.

— Скука, отче! — говоритъ Кондратій Трифонычъ послѣ взаимныхъ привѣтствій.

— Можно молитвою развлечься, — отвѣчаетъ багюшкинъ братъ, и при этомъ лицо его ослабляется.

— Ну, васъ!

Молчать.

— Сидѣль-сидѣль, молчалъ-молчалъ, — начинаетъ Кондратій Трифонычъ: — инда дурость взяла! Чортъ знаетъ, чего не передумалъ! Хоть бы ты, что ли, отче, наству-то вразумилъ!

— Развѣ предосудительное чтò замѣтить изволили? — отвѣчаетъ батюшкинъ братъ, и лицо его выражаетъ жалость, смѣшанную съ испугомъ.

— Да чтò! грубить-себѣ поголовно, да и шабашъ!

— Непохвально!

— Просто житья отъ хамовъ нѣтъ!

— Въ комъ же вы наиболѣе такое настроеніе замѣчать изволили, Кондратій Трифонычъ?

— Во всѣхъ! Отъ мала до велика — всѣ грубить! Да какъ еще грубить-то выучились! Ни слова тебѣ не говорить — а грубить! служить тебѣ, каналья, стаканъ воды подаетъ — а грубить!

Батюшкинъ братъ тоскливо помоталъ головой и крикнулъ.

— И во многихъ такое настроеніе замѣчаете? — брякнулъ онъ, забывъ, что повторяетъ свой прежній вопросъ.

— Да говорятъ же тебѣ: во всѣхъ! во всѣхъ! Ну, слышишь ли ты: во всѣхъ! во всѣхъ!

Батюшкинъ братъ слегка привскакнулъ и откинулся назадъ, какъ будто обжогся. Опять молчать.

— Что жь это за скука такая! — начинаетъ Кондратій Трифонычь. — Закуску, что ли, велѣтъ подать?

— Во благовременіи и пища невредительна бываетъ.

— А не во благовременіи какъ?

Батюшкинъ братъ опять привскакиваетъ и откидывается назадъ.

— Ну, и спди не ѣвши: зачѣмъ пустяки говоришь!

Молчать.

— Не люблю я, когда ты пустяки мелешь!

Молчать.

— И кого ты этими пустяками удивить хочешь?

Батюшкинъ братъ краснѣетъ. Кондратій Трифонычь тижко вздыхаетъ и произноситъ:

— Охъ, скука-то, скука-то какая!

— Время неблагопотребное, — рискуетъ батюшкинъ братъ, но тутъ же обнаруживаетъ безпокойство, потому что Кондратій Трифонычь смотритъ на него сурово.

— И откуда ты такимъ глупымъ словамъ выучился! Говорилъ бы просто: непотребное время! И не надоѣло тебѣ языкъ-то ломать! — строго говоритъ Кондратій Трифонычь.

Опять водворяется молчаніе, изрѣдка прерываемое глубокими вздохами Кондратія Трифоныча. Батюшкинъ братъ вынимаетъ платокъ изъ кармана и начинаетъ вытирать имъ между пальцевъ.

— Что это я все вздыхаю! что это я все вздыхаю! — произноситъ Кондратій Трифонычь.

— О грѣсѣхъ... — началъ-было батюшкинъ братъ, но не окончилъ, а только пискнулъ.

— Тѣфу ты!

Молчать.

— А ты слышалъ, что Скуракинъ на-дняхъ такого же вотъ, какъ ты, поповскаго брата высѣкъ? — спрашиваетъ внезапно Кондратій Трифонычь.

— Сс... стало-быть, слѣдствіе наряжено?

— Да, братъ; тоже вотъ все говорилъ: «о грѣсѣхъ» да «благоутробно» — ну, и высѣкъ!

Всю эту исторію Кондратій Трифонычъ сейчасъ только-что выдумалъ и никакого поповскаго брата Скуракинъ не сѣкъ. Но ему такъ понравилась его выдумка, что онъ даже повеселѣлъ.

— Да, братъ, права наши еще не кончились! Вотъ вздумалъ высѣчь — и высѣкъ! Ищи на немъ!

— Однако, позвольте, Кондратій Трифонычъ, осмѣливаюсь я думать, что господинъ Скуракинъ поступилъ не по закону!

— Ну, по какому тамъ еще закону! Извѣстно, сѣкутъ не по закону, а по обычаю!

— Позвольте, Кондратій Трифонычъ, я все-таки осмѣливаюсь полагать, что господинъ Скуракинъ не имѣлъ никакого права!

— Высѣкъ — и все тутъ!

— Высѣчь недолго-съ.

— Ну, да... и долго, и недолго... а высѣкъ!

Батюшкинъ братъ крикнулъ; онъ видимо былъ обиженъ. Что жъ это такое въ самомъ дѣлѣ? И съ какой стати Кондратій Трифонычъ завелъ такую пустую матерію? И не заключаютъ ли слова его фигуры иносказанія?

— Стало-быть, этакъ всѣхъ высѣчь можно? — произнесъ онъ съ видимымъ волненіемъ.

— Всѣхъ!

— Стало-быть, и... — батюшкинъ братъ не догворилъ.

— Стало-быть, и...

Батюшкинъ братъ обидѣлся окончательно. Мало-по-малу онъ такъ разревновался, что даже всталъ и началъ прощаться.

— Ужь я, Кондратій Трифонычъ, лучше въ другой разъ приду, когда улучится болѣе благоприятная минута, — сказалъ онъ.

— Ну, да постой! куда ты? Это вѣдь я пошутилъ.

— Неблагообразно шутить изволите!

— Фу, чортъ! опять ты съ своимъ благоутробіемъ! —
Да говорятъ тебѣ: пошутилъ!

— Нѣтъ, Кондратій Трифонычъ!

— Слышь, говорятъ: пошутилъ!

— Нѣтъ-съ, Кондратій Трифонычъ!

— Ну, и ступай! ну, и пропадай! Только ты у меня
смотри: ни всенощныхъ, ни молебновъ... ни-ни!

— И не надо-съ! Собственную же свою душу не соблю-
дете!

Батюшкинъ братъ ушелъ; въ передней опять послыша-
лось откашливаніе и сморканіе; Кондратій Трифонычъ опять
почувствовалъ приливъ тоски.

— Эй! воротить его! — крикнулъ онъ.

Ванька побѣжалъ, но воротился съ отвѣтомъ, что ба-
тюшкинъ братъ не идетъ...

— Сказать ему, что я умираю!

Батюшкинъ братъ воротился, но сталъ у самой двери.

— Чтò вамъ, сударь, угодно?—спросилъ онъ съ достоин-
ствомъ.

— Да садись же ты!

— Нѣтъ-съ, и дома посижу!

— Ну, да полно! Благопрости ты меня, поблагобесѣдуй
ты со мной! Ну, видишь?

Батюшкинъ братъ колебался.

— А не то, давай почавкаемъ что-нибудь! А если и это
не нравится, такъ поблаготрапезуемъ!

Батюшкинъ братъ плавными шагами приблизился къ
стулу и сѣлъ. Но онъ все-таки еще не совсѣмъ оправился,
потому что опять вынулъ изъ кармана платокъ и началъ
вытирать имъ между пальцевъ.

Приносятъ водку; Кондратій Трифонычъ наливаетъ рюмку
и подноситъ батюшкину брату; но въ ту минуту, когда
батюшкинъ братъ ужъ почти касается рукою рюмки, Кон-
дратій Трифонычъ дѣлаетъ быстрый маневръ и мгновенно

выпиваетъ водку самъ. Батюшкинъ братъ крикаетъ и опять косится на шанку. Однако, на этотъ разъ все устраняется благополучно.

— Я думаю на будущій годъ молотилку выписать, — говоритъ Кондратій Трифснучъ, а самъ въ то же время думаетъ: «кукнишь съ масломъ! на какія-то деньги ты выплнешь!»

— Это полезно, — отвѣчаетъ батюшкинъ братъ: — и крестьяне отъ васъ позаняться могутъ.

— Я и сѣноворошилку куплю, — упорствуетъ Кондратій Трифоничъ: — да вотъ еще сѣялка такая есть...

— Се... — произноситъ батюшкинъ братъ.

Молчать. Выпили по другой.

— У меня имѣніе хорошее! — говоритъ Кондратію Трифоничъ.

Батюшкинъ братъ, неизвѣстно съ чего, вдругъ распротираетъ руки, какъ будто хочетъ обнять необъятное.

— Ну, да! Это надо сказать правду, что хорошее, нужно только руки приложить! — продолжаетъ Кондратій Трифоничъ. — Вотъ я съ будущаго года молоко въ Москву возить стану!

— Экипажцы, стало-быть, такіе сдѣлаете?

— Ну, да! Положимъ, напимѣрь, что корова даетъ... ну, хоть ведро въ день!

Батюшкинъ братъ крикаетъ и откидывается назадъ.

— Ну, да... ну, хоть ведро въ день! Положимъ, хоть по восьми гривенъ за ведро... сколько это будетъ?

Кондратію Трифоничъ задумывается и въ разсѣянности выпиваетъ третью рюмку. Батюшкинъ братъ съѣдаетъ грибокъ.

— Одного торфу сколько у меня! — вдругъ восклицаетъ Кондратій Трифоничъ.

— Стало-быть, торфомъ торговать будете? — спрашиваетъ батюшкинъ братъ и, приложивъ руку къ сердцу (дабы не распахнулась ряска), крадется къ столу, чтобъ отрѣзать кусочекъ ветчинки.

— Всѣмъ буду торговать: и молокомъ буду торговать, и торфъ буду продавать, и ягоды въ Москву буду возить! Нонче, братъ, глядѣть-то нечего! нонче, братъ, дворянскую-то снѣсь надо по-боку!

— Сс... — удивляется батюшкинъ братъ. — Стало-быть, изволите находить, что непредосудительно?

Вмѣсто отвѣта Кондратій Трифонычъ вышиваетъ четвертую и въ то же время указываетъ на графинь батюшкину брату, который немедленно слѣдуетъ его примѣру.

— А позвольте узнать, — спрашиваетъ батюшкинъ братъ: — какъ же теперь кунцы, мѣщане... стало-быть, имъ возбранено будетъ торговать?

— А мнѣ что за дѣло!

— Стало-быть, это ужъ не будетъ, чтобъ всякому, то-есть, званію предѣлъ былъ положенъ?

— Не будетъ, а что?

— Ничего-съ: конечно, по Писанію, оно не то, чтобъ... потому, есть купующіе, есть и куплю дѣющіе, есть воздѣлывающіе землю, есть и поймающіе...

— Ну, такъ что жъ?

— Ничего-съ... я къ примѣру-съ...

— И кого только ты этими глупостями удивить хочешь!

Молчать.

— А то вотъ еще искусственнымъ разведеніемъ рыбъ заняться можно! — вдругъ изобрѣтаетъ Кондратій Трифонычъ.

— Сс... стало-быть, всякую рыбицу у себя завести можно?

— Всякую!

— Сс... подумаешь, какую, однако, власть надъ собой человекъ взялъ!

— Да, братъ, власть!

— Только тверди и звѣздъ небесныхъ еще содѣлать не можетъ.

— А рыбу можетъ всякую!

— И безвыгодно?

— Какое, къ чорту, безвыгодно! Ты пойми, сколько въ Москвѣ стерлядь-то стоит!

— Что жъ, это дѣло хорошее! Можетъ, и крестьяне около васъ позаимутся.

Молчать.

Кондратій Трифонычъ слегка зѣваетъ.

— Я понче все буду самъ: лѣсъ рубить буду самъ, молоко въ Москву возить — самъ, торфъ продавать — самъ! — говоритъ онъ, приходя внезапно въ восторгъ.

— Доброс, сударь, дѣло! — отвѣчаетъ батюшкинъ братъ.

— Понче, братъ, не то, что прежде! Нѣтъ, братъ, шалишь! Понче вездѣ все самъ: и посмотри самъ, и свѣсь самъ, и съѣди вездѣ самъ, и опять посмотри, и опять свѣсь!

Кондратій Трифонычъ, говоря это, суетится и тыкаетъ руками, какъ будто онъ въ самую эту минуту и смотреть, и вѣсить, и куда-то ѣдетъ.

— Это точно; и предки наши говаривали: «свой глазокъ-смотримъ!»

— Предки-то наши говаривали, а сами одну навозницу соблюдали!

Батюшкинъ братъ снисходительно улыбается. Водворяется молчаніе.

— Хорошо бы машину какую-нибудь выдумать! — говоритъ Кондратій Трифонычъ.

— Про какую-такую машину говорить изволите?

— Ну, да какую-нибудь... чтобъ и жала, и косила, и лѣсъ бы рубила, и масло бы пахтала... и вездѣ бы одинъ приводъ дѣйствовал!

— Слышно, англичане много всякихъ машинъ выдумываютъ!

— Сидѣлъ бы я себѣ дома, да дѣлалъ бы, да дѣлалъ бы машины, а потомъ въ Москву продавать возилъ бы.

— Вотъ Богъ англичанамъ на этотъ счетъ большую остроуму ума далъ! — настаиваетъ батюшкинъ братъ.

— А гашимъ не дажь!

— Зато нашъ народъ благочестіемъ и благоугодною къ церкви преданностью одарилъ!

— Ну, и опять тебѣ говорю: кого ты своими благоглупостями удивить хочешь?

Батюшкинъ братъ окончательно конфузится и закусываетъ губы. Напротивъ того, Кондратій Трифонычъ воспламеняется и постепенно входитъ въ хозяйственный азартъ. Онъ объясняетъ, что можно налима съ лещомъ совокушить и что изъ этого должна произойти рыба, у которой будутъ печенки и молоки налима, а тешка лещиная; онъ объясняетъ, что примѣры подобнаго совокупленія случались и въ природѣ: стерлядь совокупилась съ осетромъ и вышла рыба *шипъ*, которую онъ ѣлъ на обѣдѣ у губернатора.

— Не у тецешняго, — прибавляетъ онъ: — теперь у насъ какой-то гордишка, аристократинка какой-то, а вотъ у прежняго, у генерала Слабомулова.

Онъ объясняетъ батюшкину брату, какую онъ машину выпишетъ: и дрова таскать будетъ, и пахать будетъ, и воду носить будетъ, и топить ее будетъ не дровами, а землей, — все землей!

— Работниковъ, братъ, мнѣ съ этой машиной совсѣмъ не надо! — прибавляетъ онъ.

Онъ объясняетъ, наконецъ, какихъ онъ коровъ изъ Англій выпишетъ: костей у нихъ совсѣмъ нѣтъ, а все одно мясо да молоко, все молоко, все молоко!

Онъ объясняетъ, наконецъ, что выстроятъ новую колокольню, такую колокольню: одинъ этажъ каменный, другой деревянный, потомъ опять каменный и опять деревянный.

— Жертва Богу угодная! — замѣчаетъ батюшкинъ братъ: — жертва, сударь, все равно, что кадило благовонное!

— А ты думалъ какъ?

— Впрочемъ, колокольни у насъ еще постоятъ... вотъ насчетъ трапезы, Кондратій Трифонычъ!

— Ужь ты молчи, я все сдѣлаю: и колокольню сломаю, и трапезу сломаю, я все сломаю! — объясняетъ Кондратій Трифонычъ.

И разговаривая такимъ манеромъ, выпиваетъ рюмку за рюмкой, рюмку за рюмкой!

Батюшкинъ братъ, въ свою очередь, выпиваетъ, и вслѣдствіе этого безпрестанно поправляетъ пальцами глаза, какъ будто хочетъ ихъ разодрать, чтобъ лучше видѣть. Въ то же время онъ радуется, что въ одно утро приобрѣлъ столько разнообразныхъ свѣдѣній.

— Это вы благополезное дѣло затѣяли, Кондратій Трифонычъ!—говоритъ онъ.

— Тьфу ты!

Наконецъ, изолгавшись въ конецъ и, вѣроятно, найдя, что машины всѣ до одной изобрѣтены, коровы всѣ выписаны, Кондратій Трифонычъ впадаетъ въ истощеніе. Часы бьютъ два.

— Обѣдать! — кричитъ Кондратій Трифонычъ. — Ты со мной, что ли, отче?

— Ужь очень занятно вы рассказываете, Кондратій Трифонычъ, послушалъ бы и еще-съ.

— Ну, а коли послушалъ бы, такъ оставайся!

Подаютъ обѣдать; но геній хозяйственной распорядительности уже отлетѣлъ отъ Кондратія Трифоныча. Онъ не то чтобъ спать, но слегка совѣтъ и только изрѣдка подмигиваетъ батюшкину брату на Ваньку (дескать, посмотри, какъ суеть!), который, въ свою очередь, не стѣняясь присутствіемъ этого послѣдняго, показываетъ барину сзади языкъ. Такимъ образомъ, антагонизмъ, о которомъ такъ много говоритъ Кондратій Трифонычъ, представляется батюшкину брату въ лицахъ на самомъ дѣйствіи.

— Ты для чего же рыжиковъ къ жаркому не подаль?—невѣрнымъ, нѣсколько путающимся языкомъ допрашиваетъ Ваньку Кондратій Трифонычъ.

— А для того и не подавь, что огурцы есть, — тоже путающимся языкомъ отвѣчаетъ Ванька.

— Ишь ты! дразнится, шельма! — замѣчаетъ Кондратій Трифонычъ и подмигиваетъ батюшкину брату, какъ бы приглашая его быть свидѣтелемъ Ванькиной грубости.

Наконецъ, и сумерки упали. Батюшкинъ братъ давно ушелъ; Кондратій Трифонычъ спитъ и даже во снѣ ничего не видитъ. Какъ повалился онъ на постель, такъ ему голову словно заложило чѣмъ. Въ передней вторитъ ему Ванька.

Въ шесть часовъ Кондратій Трифонычъ уже шагаетъ по своимъ сараямъ и проситъ квасу. Въ средней комнатѣ уныло мерцаетъ стеариновая свѣча; прочія комнаты окутаны мракомъ. Кондратій Трифонычъ шагаетъ и думаетъ, что бы ему сдѣлать такое, чтобы...

— Чтобы что?—спрашиваетъ его внутренней голосъ.

— Господи, какая тоска! — восклицаетъ Кондратій Трифонычъ, не разрѣшая вопроса.

И опять ходить, и все о чемъ-то думаетъ, все чего-то ждать. Думаетъ о томъ, что завтра, быть-можетъ, будетъ снѣгъ, а быть-можетъ будетъ и вьюга; ждать, что къ Николину дню будутъ морозы.

— О, чортъ побери!—восклицаетъ онъ.

И опять ходить, и опять ждать—скоро ли чай подадутъ?.

— Ванька! да пошли ты, разбойникъ, Агашку ко мнѣ!—кричитъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

Агашка на этотъ разъ является. Это дѣвушка кругленькая, полненькая, бѣлокуренькая, съ измятымъ, но весьма пріятнымъ личкомъ.

— Что вы, Агашенька, ко мнѣ не ходите? — спрашиваетъ ее Кондратій Трифонычъ, сѣменя кругомъ нея ножками, какъ дѣлаютъ влюбленные пѣтухи.

— Вы развѣ спрашивали меня?—отзывается Агашенька, повертываясь на своей оси по тому же направленію, по какому ходить Кондратій Трифонычъ.

— Я за вами десять раз Ваньку посылалъ-съ!

— Ванька ни разу мнѣ не говорилъ!

— Этакой скоть, подлець! А отчего же вы сами никогда ко мнѣ не зайдете-съ?

Агашенька не отвѣчаетъ; она слегка зардѣлась.

— Ну-съ, Агашенька-съ?

— Я, Кондратій Трифонычъ, я-съ... — начинаетъ Агашенька и никакъ не можетъ кончить.

— Ну-съ, что же вы-съ?

— Я-съ... позвольте мнѣ, Кондратій Трифонычъ, замужъ идти-съ! — скороговоркой произноситъ Агашенька и умолкаетъ, словно сама испугалась словъ своихъ. А щеки у нея такъ и пылаютъ, такъ и рдѣютъ отъ стыда и испуга!

Кондратій Трифонычъ озадаченъ; онъ думаетъ, какъ ему поступить, и, разумѣется, какъ всѣ люди, которыхъ самолюбіе неожиданно уязвлено, на первыхъ порахъ надумываетъ глупѣйшую штуку. Онъ какъ-то надувается и устраиваетъ оскорбленную мину; онъ поднимаетъ плечи и, отступя нѣсколько шаговъ назадъ, указываетъ Агашѣ руками на двери.

— Скатертью дорога-съ! — говоритъ онъ. — Ну, такъ что же-съ, и съ Богомъ-съ!

— Душенька! Кондратій Трифонычъ! Ей-Богу, я не могу! — говоритъ Агашенька и въ то же время стыдится и рдѣетъ, едва выговаривая отъ волненія слова.

— А коли не можете, такъ и съ Богомъ! — отвѣчаетъ Кондратій Трифонычъ, попрежнему глупымъ образомъ уставляя руки по направленію къ двери.

Агашенька закрываетъ лицо платкомъ и быстро выбѣгаетъ.

Кондратій Трифонычъ остается одинъ и опять принимается за ходьбу. Но онъ чувствуетъ, что у него начинаетъ щемить сердце; онъ чувствуетъ, что къ глазамъ что-то подступаетъ.

— Ладно, это ладно!—говоритъ онъ самому себѣ.

— Что «ладно»-то?—спрашиваетъ внутренней голосъ.

«Ну, чортъ съ нею! — думаетъ онъ: — поѣду въ Москву и найду себѣ... А вѣдь она, чай, за повара?»

И опять начинаетъ сосать сердце, и опять начинаетъ что-то подступать къ глазамъ.

— Ваня! позови Агашу! — говоритъ онъ словно измѣнившимся голосомъ, просовывая голову въ переднюю.

Черезъ минуту Ванька возвращается и докладываетъ, что Агашка не идетъ.

— Да ты поди, ты скажи ей, что я... такъ.

Ванька скрывается.

— Вы меня спрашивали, Кондратій Трифонычъ?—раздается въ темнотѣ знакомый голосъ.

— Вы за кого жъ замужъ выходите, Агашенька-съ? — спрашиваетъ Кондратій Трифонычъ.

— Я-съ... за повара... за Степана-съ!

— Гм!.. за Степана! А въ дѣвушкахъ остаться не хотите?

— Ужъ позвольте, Кондратій Трифонычъ!

— Ну, Богъ съ вами! Кто же у васъ посаженнымъ отцомъ будетъ?

Агашенька перебираетъ пальцами концы большого платка, который накинуть у нея на шею.

— Хочешь, я посаженнымъ отцомъ буду?

— Ахъ, нѣтъ... нѣтъ... ужъ оставьте это, Кондратій Трифонычъ!

— Что жъ, и въ посаженные-то ужъ взять не хотите?

Агашенька видимо тяготится разговоромъ; она переминается съ ноги на ногу; ей хочется уйти. Кондратію Трифонычу кажется, что она неблагодарная.

— Ну, съ Богомъ! Что жъ... если я... если я... ну, и съ Богомъ!

Кондратій Трифонычъ давится и, чтобъ скрыть охватившее его волненіе, кашляетъ; но въ ту минуту, когда онъ поднимаетъ голову, Агаша ужъ нѣтъ...

— Хоть жить-то у меня останетесь ли? — кричит онъ вслѣдъ и, не получивши отвѣта, ворчитъ: — Ишь! даже отвѣта не даетъ! а вѣдь я два года еще право имѣю... Ладно!

Между тѣмъ на дворѣ разыгрывается вьюга; она несетъ снопы снѣга съ рѣпки и укладываетъ ихъ буграми и грядами около барскаго дома; она наполняетъ воздухъ какою-то сумятицей и застилаетъ огоньки, которые свѣтятся въ людскихъ избахъ и въ тихую погоду бываютъ видны изъ господскаго дома; она визжитъ и воетъ; она стучится въ стѣны и въ окна, словно просится со стужи въ тепло.

— Нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой, нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой! — слышится Кондратию Трифонуичу въ этомъ заунывномъ голошеніи вьюги.

Дѣлать рѣшительно нечего; что было дѣла — все передѣлать, что было мыслей — все передумать. Часы тоскливо стучать: тикъ-такъ, тикъ-такъ, и Кондратій Трифонуичъ чувствуетъ, какъ взмахи маятника, одинъ за другимъ, уносятся его надежды. Онъ чувствуетъ, что съ каждой минутой все больше и больше дряхлѣетъ, что дерево жизни подточено, что листья одинъ за другимъ все падаютъ, все падаютъ...

— Что жъ это онъ чаю, подлець, не даетъ! — вскрикиваетъ онъ какъ уязвленный, удостовѣрившись, что часовая стрѣлка стоитъ на половинѣ восьмого. — Ванька! чаю, чаю-то что жъ не даешь! Не стою я, что ли?

Ванька хочетъ уйти.

— Нѣтъ, ты мнѣ говори: не стою, что ли, я чаю, что ты меня до сихъ поръ моришь?

— Я думалъ, что не надо! — огрызается Ванька.

— Ты думалъ! онъ думалъ! милости просимъ! онъ думалъ! А ты знаешь ли, какъ вашего брата за думанье-то! Онъ думалъ!.. ты!.. ты!.. ахъ, ты! Ну, ступай.. ладно!

Кондратій Трифонуичъ опять пересчитываетъ свои обиды: тогда-то пыли не стеръ, тогда-то рожу состроилъ, тогда-то

приснулъ въ самое лицо барину, тогда-то безъ чаю намѣревался оставить.

— Агашку взбаламутить,—говорить онъ, инстинктивно склоня голову на бокъ, какъ будто сообщаетъ это по секрету становому на ухо.

Но вотъ и чай выпить; Кондратій Трифоновъ беретъ засаленныя карты и начинаетъ раскладывать грань-насыяньс. Онъ гадаетъ, уродится ли у него рожъ самъ-десять—не выходитъ; онъ гадаетъ, останется ли Агаша жить у него—не выходитъ; онъ гадаетъ, избавится ли его имѣніе отъ продажи съ публичнаго торга—не выходитъ.

— Нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой, нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой!—злится на дворъ вьюга.

Кондратій Трифоновъ спитъ; въ комнатѣ жарко и душно; онъ разметался; одна рука свѣсилась съ кровати, другая легла на лѣвую сторону груди, какъ будто хочетъ сдерживать учащенное бѣненіе сердца. Онъ видитъ во снѣ, что послѣдовало какое-то новое распоряженіе. Въ чемъ заключается это распоряженіе—сонъ не объясняетъ, но самое слово «распоряженіе» уже вызываетъ капли холоднаго пота на лицо Кондратія Трифоновича. Онъ стонетъ и захлебывается.

Поутру, часовъ въ восемь, чуть брезжится, а ужъ его будитъ Ванька.

— Чтò такое? чтò такое?—спрашиваетъ онъ, глядя на Ваньку мутными глазами.

— Становой прѣхаль!

— А!.. лладно!—произноситъ Кондратій Трифоновъ, и лицо его принимаетъ проническое выраженіе, которое очень не нравится Ванькѣ.

— Имѣніе описывать прѣхаль-сь!—говоритъ Ванька въ самый упоръ, какъ бы желая сразу окатить Кондратія Трифоновича холодной водой.

Занавѣсъ опускается.

IX.—Святочный рассказъ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ чпловника.)

I.

Въ 18** году, и именно въ ночь на Рождество Христово, пришлось мнѣ ѣхать по большому коммерческому тракту, ведущему отъ города Срывнаго къ Усть-Дѣминской пристани. «Завтра или, лучше сказать, даже сегодня—большой праздникъ,—думалъ я:—нѣтъ того человѣка въ цѣломъ православномъ мірѣ, который бы на этотъ день не успокоился и не предался всѣмъ отрадамъ семейнаго очага; нѣтъ той убогой хижины, которая не освѣтилась бы привѣтнымъ лучомъ радости; нѣтъ того нищаго, бездомнаго и увѣчнаго, который не испыталъ бы на себѣ благотворное дѣйство великаго праздника! Я одинъ, горькимъ наслѣдствомъ судьбы, вынужденъ ѣхать въ эту зимнюю, морозную ночь, между тѣмъ какъ всѣ мысли такъ естественно и такъ неудержимо стремятся къ теплomu углу, ѣхать Богъ вѣсть куда и Богъ вѣсть зачѣмъ, перестать жить и самому мѣшать жить другимъ?» Мысли эти неотступно осаждали мою голову и дѣлали положеніе мое, и безъ того непріятное, почти невыносимымъ. Всѣ воспомнанія дѣтства, съ ихъ безмятежными, озаренными мягкимъ свѣтомъ картинами, всѣ лучшіе часы и даже мгновенія моего прошлаго, какъ нарочно, возставали передо мной самыми симпатическими, ласкающими своими сторонами. «Какъ было тогда хорошо! — отзывался тихій голосъ гдѣ-то далеко, въ самой глубинѣ моей души. — и какъ, напротивъ того, все теперь непріятно и безучастно вокругъ!»

Кибитка, между тѣмъ, быстро катилась, однообразно и мѣрно постукивая передкомъ объ уступы, выбитые копытами возовыхъ лошадей. Дорога узенькою снѣговой лентой бѣжала все вдаль и вдаль; колокольцы, привязанные къ низенькой дугѣ коренника, будили оцѣпенѣвшую окрест-

ность то яснымъ и отчетливымъ звономъ, когда лошади бѣжали рысью, то какимъ-то беспорядочнымъ гуломъ, когда онѣ пускались вскачь; по временамъ этотъ звонъ и гулъ смѣшивался съ визгомъ полозьевъ, когда они вѣзывались въ полосу рыхлаго снѣга, нанесенную внезапнымъ вихремъ; по временамъ впереди кибитки поднималось и нѣсколько мгновений стояло недвижно въ воздухѣ облако морозной пыли, застилая собой всю окрестность... Горы, рѣчки, овраги—все какъ будто замерло, все сдѣлалось безразличнымъ подъ пушистою пеленою снѣга.

«Зачѣмъ я ѣду? — безпрестанно повторялъ я самъ себѣ, пожимаясь отъ проникавшаго меня холода: — затѣмъ ли, чтобъ бесполезно и произвольно впадать въ жизнь и спокойствіе себѣ подобныхъ? затѣмъ ли, чтобъ удовлетворить извѣстной потребности времени или общества? затѣмъ ли, наконецъ, чтобъ преслѣдовать свои личныя цѣли?»

И разныя странныя, противорѣчивыя мысли, одна за другой, отвѣчали мнѣ на этотъ вопросъ. То думалось, что вотъ пріѣду я въ указанную мнѣ мѣстность, пріючусь, съ горемъ пополамъ, въ курной избѣ, буду по цѣлымъ днямъ шататься, плутать въ непроходимыхъ лѣсахъ и искать... «Чего жъ искать, однакожъ?» — мелькнула вдругъ въ головѣ мысль, но, не останавливаясь на этомъ вопросѣ, продолжала прерванную работу. И вотъ я опять среди снѣговъ, среди суровою, среди лѣсной чащи; я хлопочу, я выбиваюсь изъ силъ... и, наконецъ, мое усердіе, то усердіе, которое все преодолагаетъ, увѣнчивается полнымъ успѣхомъ, и я получаю возможность насладиться плодами моего трудолюбія... въ видѣ трехъ-четырехъ бабъ, полуглухихъ, полуслѣпыхъ, полубезногихъ, изъ которыхъ младшей не менѣе семидесяти лѣтъ!.. «Господи! а ну какъ да онѣ прослышали какъ-нибудь? — шепчетъ мнѣ тотъ же враждебный голосъ, который, очевидно, считаетъ обязанностью всѣ мои мечты отравлять сомнѣніями: — что если Еваноеія... Е-ван-ои-я!.. куда-нибудь скрылась?» Но съ другой стороны... зачѣмъ мнѣ

Еванѳіа? зачѣмъ мнѣ всѣ эти бабы? и кому онѣ нужны, кому отъ того убытокъ, что онѣ ушли куда-то въ глушь, сложить тамъ свои старыя кости? А все-таки хорошо бы, кабы Еванѳію на мѣстѣ застать!.. Привели бы ее ко мнѣ: «ага, голубушка, тебя-то мнѣ и нужно!»—сказалъ бы я. «Позвольте, ваше высокоблагородіе! — шелпнулъ бы мнѣ въ это время становой приставъ (тотъ самый, который изловилъ Еванѳію, покуда я сидѣлъ въ курной избѣ и отъ скуки посвистывалъ): — позвольте-съ; я дозналъ, что въ такой-то мѣстности еще столько-то безногихъ старухъ секретно проживаетъ?»—О, Боже! да это просто подарокъ!—восклицаю я (не потому, чтобъ у меня было злое сердце, а просто потому, что я ужъ зарвался въ порывѣ усердія), и снова спѣшу, и задыхаюсь, и открываю... Господи! что я открываю!.. Что жъ, однакожъ, изъ этого, къ какому результату ведутъ эти усилія? Къ тому ли, чтобъ перевернуть вверхъ дномъ жизнь десятка полунстѣвшихъ старухъ?.. Нѣтъ, видно, въ самой мыслительной моей способности имѣется какой-нибудь порокъ, что я даже не могу найти приличнаго отвѣта на вопросъ, безъ того, чтобъ снова, дѣйствіемъ какого-то досаднаго волшебства, не возвратиться все къ тому же вопросу, изъ котораго первоначально вышелъ.

Между тѣмъ повозка начала все чаще и чаще постукивать передкомъ; полозья, по временамъ раскатываясь, скользили по обледѣлому черепу дороги; все это составляло несомнѣнный признакъ жилья, и дѣйствительно, высунувшись изъ кибитки, я увидѣлъ, что мы вѣхали въ большое село.

— Вотъ и до мѣста доѣхали! — молвилъ ямщикъ, поворачиваясь ко мнѣ.

Заннѣвѣвшая его борода и жалкій бѣлый понитокъ, составлявшій, вмѣстѣ съ дыривымъ и совершенно вытертымъ полшубкомъ, единственную его защиту отъ лютаго мороза, бросились мнѣ въ глаза. Странное ощущеніе испыталъ я

въ эту минуту! Хотя и обледенѣлыя бороды, и худые бѣлые понитки до того примелькались мнѣ во время моихъ частыхъ скитаній по дорогамъ, что я почти пересталъ обращать на нихъ вниманіе, но тутъ я совершенно невольнымъ и естественнымъ путемъ поставленъ былъ въ невозможность обойти ихъ.

«Какъ-то придется тебѣ встрѣтить Христовъ праздникъ!— подумалъ я, и тутъ же, по какому-то озорному сопряженію идей, прибавилъ:—а я вотъ ѣду въ теплой шубѣ, а не въ пониткѣ... ты сидишь на облучкѣ и безпрестанно вскакиваешь, чтобъ поугаты кнутомъ переднюю лошадь, а я сижу-себѣ, развалившись, и занимаюсь мечтаніями... ты долженъ будешь, какъ пріѣдешь на станцію, прежде всего лошадей на морозѣ распречь, а я *велю* ввести себя прямо въ тепло, *велю* поставить самоваръ, *велю* напоить себя чаемъ, *велю* собрать походную кровать и засну сномъ невинныхъ»...

Въ селѣ было пусто; былъ шестой часъ утра, а въ это время, какъ извѣстно, по большимъ праздникамъ, идетъ уже обѣдня въ тѣхъ селахъ, гдѣ нѣтъ помѣщиковъ и гдѣ массу прихожанъ составляетъ сѣрый народъ. И дѣйствительно, хотя мы почти мгновенно промчались мимо церкви, но я успѣлъ, сквозь отворенную ея дверь, разсмотрѣть, что она полна народомъ, что глубина ея горитъ огнями по-праздничному и что густой паръ стоитъ надъ толпою, одѣвая туманомъ и богомольцевъ, и ярко освѣщенный иконостасъ.

Наконецъ, лошади остановились у просторной избы. Это была станція, но не почтовая, гдѣ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, путешественникъ можетъ пріютить свою голову безъ опасенія быть ежеминутно встревоженнымъ шумомъ и говоромъ людей, хлопаніемъ дверей и незасыпающею дѣятельностью дня; это была простая изба, назначенная по отводу для отдыха проѣзжающихъ по казенной надобности чиновниковъ, куда собираютъ для нихъ свѣжихъ обывательскихъ лошадей. Сверхъ моего ожиданія, горница, въ которую меня ввели, оказалась просторною, теплою и даже

чистою; полъ и вдѣланныя по стѣнамъ лавки были нака-
нунѣ выскоблены и вымыты; передъ образами весело те-
плилась лампадка; четырехугольный столъ, за которымъ
обыкновенно трапезуютъ крестьяне, былъ накрытъ чистымъ
бѣлымъ переборомъ, а въ ближайшемъ ко входу углу, около
огромной русской печи, возилась баба-деньщица, очевидно
снѣша окончить свою стряпню къ приходу семейныхъ отъ
обѣдни. На одной изъ лавокъ, возлѣ передняго угла, си-
дѣлъ слѣпой и ветхій дѣдушка, въ родѣ тѣхъ, которыми
почти фаталистически снабжается всякая сколько-нибудь
многочисленная крестьянская семья, и держалъ въ рукѣ
деревянную палку, которою задумчиво чертилъ по полу. Онъ
дѣлалъ это дѣло съ необычайнымъ терпѣніемъ, какъ будто
оно составляло послѣднюю задачу его жизни, и, нащупавъ
палкою какую-нибудь неровность, сердился и ворчалъ.

Пріѣздъ мой не произвелъ, однакожъ, особеннаго впе-
чатлѣнія, такъ какъ, по случаю отвода избы подъ станцію,
хозяева ея скоро свыкаются съ общимъ видомъ чиновника,
котораго появленіе составляетъ въ кругу ихъ фактъ почти
ежедневный. Деньщица,—которая, по разсмотрѣніи, оказа-
лась молодухой,—продолжала усердно дѣлать свое дѣло, а
дѣдушка, попрежисму, водилъ палкой по полу и ворчалъ
про себя. На палаткахъ возились и потягивались ребяташки.

— Далеко отсюда становой живетъ?—спросилъ я.

— Да верстъ, чай, съ восемь будетъ,—отвѣчала деньщица,
дѣйствуя въ то же время ухватомъ, которымъ отпирала
въ печь горшокъ съ похлебкой.

— А ты говори дѣло, а не «чай»!—вступился мой спут-
никъ и камердинеръ Гриша, во всякое другое время очень
добрый малый, но теперь сильно озлобившійся вслѣдствіе
мороза и другихъ дорожныхъ непріятностей.

— А вотъ мужики придутъ—они тебѣ дѣло и скажутъ...
Ишь, больно строгъ: съ бабы спрашиваетъ!

— Эхъ ты! баба такъ баба и есть!—отозвался Гриша,
но съ такимъ глубокимъ презрѣніемъ, что я сразу созналъ

глубокую разницу, существующую между привилегированным поломъ и непривилегированнымъ.

— Никакъ кто пришелъ? Съ кѣмъ это ты, Татьяна, разговариваешь?—откликнулся дѣдушка.

— Становой далеко отсюда живетъ?—спросилъ я, обращаясь къ старику.

— Ась?

— Ишь ты! глухіе да глупые — вотъ и жди отъ нихъ толку!—злбно замѣтилъ Гриша.

— Баринъ пріѣхалъ... чиновникъ, дѣдушко! — кричала, между тѣмъ, Татьяна, наклонясь къ самому уху старика.— Спрашиваютъ, далече ли до становаго будетъ?

— Да верстъ пятькъ-поболь будетъ, — прошамкалъ старикъ. — Выѣдешь ты, сударь, за околицу и поѣзжай все вправо... тамъ три сосенки такія будутъ... древнія, сударь, еще дѣдушко мой ихъ помнилъ—въ какія сосны!.. Отъ нихъ повертывай прямо направо, будетъ тебѣ тамъ озеро, и поѣзжай ты черезъ него все прямо, все прямо... Лѣтомъ-то, сударь, здѣся-ко не проѣдешь, а надо кругомъ; такъ въ ту-пору вмѣсто пяти-то верстъ и пятнадцать-пуди будетъ!.. Ну, а за озеромъ прямо и представится тебѣ господинъ становой... Такъ-то.

— Такъ нельзя ли лошадей поскорѣй заложить?—спросилъ я.

— А у насъ и робятъ-то никого нѣтъ, всё въ церкву ушли,—отвѣчала молодуха.—Видно, ужъ тебѣ, баринъ, обождать придется!

— Дѣдушка! какъ бы лошадей заложить? — снова спросилъ я, наклонясь къ дѣдушкѣ.

— А что жъ, сударь, для-че не заложить! кони нонѣ дома, мигомъ заложать! Татьяна, сбѣгай по мужа-то, скажи, моль, чиновникъ наѣхалъ!

Но покуда Татьяна собиралась, семейные ужъ возвратились изъ церкви и гурьбой ввалились въ избу. Прежде всѣхъ, какъ водится, влетѣлъ никѣмъ не прошенный клубъ

морознаго воздуха и мигомъ наполнилъ комнату бѣлесоватымъ туманомъ; за нимъ вошелъ старшій сынъ дѣдушки, мужичокъ лѣтъ пятидесяти слинкомъ, очень сановитой и бодрой наружности, одѣтый, по-праздничному, въ синюю сибирку.

— Съ праздникомъ, батюшка!—сказалъ онъ, помолвившись напередъ образамъ:—Богъ милости прислалъ!

— Ну, слава Богу, слава Богу! — прошамкалъ старикъ, привставая съ лавки. — Вотъ и опять мы съ праздникомъ! Съ вами, что ли, некрутъ-то?

— Здѣсь, дѣдушко, будь здоровъ! — молвилъ, выступая впередъ, молодой парень.

И вспомнилъ, что по случаю военныхъ обстоятельствъ объявленъ былъ въ то время чрезвычайный наборъ, и невольно полюбозытствовалъ взглянуть на рекрута. Физиономія его была чрезвычайно симпатична: хотя гладко выстриженные волосы нѣсколько портили его лицо, тѣмъ не менѣе, общее его выраженіе было весьма пріятно; то было одно изъ тѣхъ мягкихъ, полустыдливыхъ, полужастѣнчивыхъ выраженій, которыя составляютъ почти общую принадлежность нашего народнаго типа. Смирно стоялъ онъ передъ старикомъ-дѣдушкой въ своемъ коротенькомъ рекрутскомъ полшубкѣ, засунувъ руку за пазуху и слегка понуривъ голову; въ голубыхъ его глазахъ не видно было огня строптивости или затаеннаго чувства ропота; напротивъ того, вся его любящая, безпредѣльно кроткая душа свѣтилась въ этомъ задумчивомъ и разсѣянномъ-блуждавшемъ взорѣ, какъ бы свидѣтельствуя о его вѣчной и непрекословной готовности идти всюду, куда укажетъ судьба.

— Ну, дай Богъ здоровья начальникамъ... отпустили тебя, Петруня... и насъ сдѣлали съ праздникомъ, — сказалъ старикъ.

Покуда старикъ говорилъ, сзади, у печки, слышались сначала вздохи, а потомъ и довольно громкія всхлипыванія. Петруня какъ-то болѣзненно весь сжался, услышавъ ихъ.

— Ну, вотъ, пошла баба голосить! уйми ты ее, Ивань!— обратился старикъ къ старшему сыну. — Нѣшто лучше бы было, кабы не отпустили сына-то!.. такъ ты бы радовалась, не-чѣмъ горевать!

— Такъ неужто жъ и пожалѣть нельзя!— отозвалась изъ угла баба. — Собирались нонѣ женить въ мясоѣдъ парня, анъ, замѣсть-того, вонъ онъ куда угодилъ... и не чаяли!

Петруня, казалось, еще болѣе сжался при послѣднихъ словахъ матери.

— Ничего, съ Богомъ... не на грѣхъ идетъ! Чай, еще не сколько мученья-то принялъ, Петруня?— спросилъ дѣдушка.

— Мученьевъ, дѣдушко, нѣтъ, а вотъ унтеръ сказывалъ, что черезъ десять дѣнь въ походъ пдти велѣно, — отвѣчала Петруня тихо и дрожащимъ голосомъ.

— Ну, что жъ, и въ походъ пойдешь, коли велѣно! Да ты слушай, голова! и я вѣдь молоденець бывалъ, тоже чуть-чуть въ некруты въ ту-пору не угодилъ... ужъ и что хлопотъ-то у насъ въ тѣ-поры съ батюшкой вышло!

— То-то «чуть-чуть»!— въ сердцахъ ворчала мать:— вотъ не сдали же! А тутъ какъ есть одинъ сынъ, да и тотъ не въ домъ, а изъ дому вонъ бѣжить!

— А кто жъ тебѣ не велѣлъ другого припасти!— сказала дѣдушка полусмѣливо, полудосадливо. — То-то вотъ баба: замѣсть-того, чтобъ потѣшить сыночка о праздникѣ, а она еще пуще его въ разстрой приводить! Ты пойми, глупая, что онъ у тебя въ гостяхъ здѣсь! Вотъ ужъ вели коней въ саночки запречь... погуляй покуда, Петруня, съ робятками-то, погуляй, милой!

Иванъ, однако, не принималъ никакого участія въ разговорѣ. Онъ спокойно раздѣвался въ это время и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ обычныя распоряженія по дому. Но это равнодушіе было только кажущееся, а въ сущности онъ не менѣе жены печалился участіемъ сына. Вообще, нашего

крестьянина трудно чѣмъ-нибудь расшевелить, удивить или душевно растрогать. Ежеминутно имѣя прямое отношеніе лишь къ самой незамысловатой и неизукрашенной дѣйствительности, ежеминутно встрѣчая лицомъ къ лицу свою настоящую жизнь, которая часто представляетъ для него одну безконечную невзгону и во всякомъ случаѣ многого никогда ему не даетъ, онъ привыкаетъ смѣло смотрѣть въ глаза этой суровой мачихѣ, которая по временамъ еще осмѣливается заговаривать льстивыми голосами и называть себя родною матерью. Поэтому всякая потеря, всякая неудача, всякое безвременье составляютъ для крестьянина такой простой фактъ, передъ которымъ нечего и задумываться, а только слѣдуетъ терпѣливо и бодро снести. Даже смерть наиболѣе любимаго и почитаемаго лица не подавляетъ его и не производитъ особеннаго перенелоха въ душѣ; мало того: я не одинъ разъ видалъ на своемъ вѣку умпрающихъ крестьянъ, и всегда (кромѣ, впрочемъ, очень молодыхъ парней, которымъ труднѣе было разставаться съ жизнью) замѣчалъ въ нихъ какое-то твердое и вмѣстѣ съ тѣмъ почти младенческое спокойствіе, которое многіе, конечно, не затруднились бы назвать геройствомъ, если бы оно не выражалось столь просто и неизысканно. Всѣ страданія, всѣ душевныя тревоги крестьянинъ привыкъ сосредоточивать въ самомъ себѣ, и если изъ этого правила имѣются исключенія, то они составляютъ предметъ хотя добродушныхъ, но всегда общихъ насмѣшекъ. Такихъ людей называютъ нюнями, бабами, стрекозами, и никогда разсудливый мужикъ не станетъ говорить съ ними о дѣлѣ. Правда, дрогнетъ иногда у крестьянина голосъ, если обстоятельства уже слишкомъ круто повернуть его, измѣнится и какъ будто перекосится на мигъ лицо, насупятся брови — и только; но жалоба, суетливость и безплодное аханье никогда не найдутъ мѣста въ его груди. Повторяю: невзгода представляется для крестьянина столь обычнымъ фактомъ, что онъ не только не обороняется отъ него, но даже и

не готовится къ принятію удара, ибо и безъ того всегда къ нему готовъ. Всю чувствительность, всѣ жалобы онъ, кажется, предоставилъ въ удѣлъ бабамъ, которыя и въ крестьянскомъ быту, какъ и вездѣ, по самой природѣ, болѣе склонны представлять себѣ жизнь въ розовомъ цвѣтѣ, и потому не такъ легко примиряются съ ея неудачами.

— Рекрутъ, что-ли, у васъ? — спросилъ я Ивана.

— Рекрутъ, сударь, сыномъ мнѣ-ка приходится.

— А велика ли у васъ семья?

— Семья, нечего Бога гнѣвить, большая; четверо насъ братовой, сударь, да дѣтки въ законъ еще не вышли... вотъ Петрунька одинъ и вышелъ.

— Тяжело, чай, расставаться-то?

Иванъ съ изумленіемъ взглянулъ на меня, и я, не безъ внутренней досады, долженъ былъ сознаться, что сдѣланный мною вопросъ совершенно праздный и ни къ чему не ведущій.

— Божья власть, сударь! — отвѣчалъ онъ и, обращаясь къ старику, прибавилъ: — Обѣдать, что ли, собирать, батюшка?

— Вели собирать! Иванушко, пора! чай, и свѣтъ скоро будетъ!.. Да за конями-то пошли, что ли!

— Давно Васютку усласть, приведутъ сейчасъ.

Петруня, между тѣмъ, незамѣтно скрылся за дверь. Не смотря на то, что изба была довольно просторная, воздухъ въ ней, отъ множества собравшагося народа, былъ до того спертъ, что непривычному трудно было дышать въ немъ. Кромѣ сыновей стараго дѣдушки съ ихъ женами, тутъ находилось цѣлое поколѣніе подростковъ и малолѣтковъ, которые немилосердно возились и болтали, подходя пичкая себя хлѣбомъ и сдобными лепешками.

— Кто-то вотъ насъ кормить на старости лѣтъ будетъ? — промолвила, между тѣмъ, хозяйка Ивана, попрежнему стоя въ углу пригорюнившись.

— Чай, братовья тоже есть, семья не маленькая! — отвѣчалъ дѣдушка, съ трудомъ скрывая досаду.

— Да, дожидайся, пока они накормятъ... чай, по тѣхъ поръ ихъ и видѣли, поколь ты живъ.

— Не дѣло, Марья, говоришь! — замѣтилъ второй братъ Ивана.

— Ее не переслушаешь! — отозвался третій братъ.

Окончанія разговора я не дослушалъ, потому что не могъ долѣе выносить этого спертаго, насыщеннаго парамп разныхъ похлебокъ воздуха, и вышелъ въ сѣнцы. Тамъ было совершенно темно. Глухо доносились до меня голоса ямщиковъ, суетившихся около повозки, и дребезжащее позвякиваніе колокольцовъ, накрѣпко привязанныхъ къ дугѣ, и еще какіе-то смутные звуки, которые непременно услышишь на каждомъ крестьянскомъ дворѣ, гдѣ хозяинъ живетъ мало-мальски заасливо.

— Какъ же быть-то? — сказалъ неподалеку отъ меня милый и чрезвычайно мягкій женскій голосъ.

— Какъ быть! — повторилъ, повидимому, совершенно бессознательно другой голосъ, который я скоро призналъ за голосъ Петруни.

— Скоро, чай, и сряжаться станете? — снова началъ женскій голосъ послѣ непродолжительнаго молчанія.

Петруня не промолвилъ ни слова и только вздохнулъ.

— Портяночки-то у тебя теплыя есть ли? — вновь заговорилъ женскій голосъ.

— Есть.

— Ахъ, не близкая, чай, дорога!

Снова наступило молчаніе, въ продолженіе котораго я слышалъ только учащенные вздохи разговаривающихъ.

— Ужъ и какъ тяжело-то мнѣ, Петруня, кабы ты только зналъ! — сказалъ женскій голосъ.

— Чего тяжело, чай, замужъ выдешь! — молвилъ Петруня дрожащимъ голосомъ.

— А что станешь дѣлать... и выду!

— То-то... чай, за стараго... за вдовца дѣтнаго...

— За стараго-то лучше бы... по крайности, хоть любить бы не стала, Петруня!

— А молодого, небось, полюбила бы!.. То-то вот вы: потоль у васъ и милъ, поколь въ глазахъ! — сказала Петруня, котораго загодя мучила ревность.

— Ой, ужъ не говори ты лучше!.. умерла бы я, не чѣмъ съ тобой разставаться—вотъ сколь мнѣ тебя жалко!

— А меня, небось, въ сраженіяхъ убьютъ, покуда ты здѣсь замужъ выходить будешь... дѣтей, чай, народишь!.. Вотъ унтеръ намеднись сказывалъ, что въ сраженіи какъ есть ни одинъ человекъ цѣль не будетъ—всѣхъ побьютъ!

Вмѣсто отвѣта, мнѣ послышались тихія, словно дѣтскія, всхлипыванія.

— Ну, что жъ, и пушай бьютъ!—продолжалъ Петруня, находя какое-то горькое удовольствіе въ страданіяхъ своей собесѣдницы.

Всхлипыванія послышались горче прежняго.

— Ахъ, пропадай моя голова... хочешь, сбѣгу, Мавруша?—внезапно спросилъ Петруня.

— Чтò ты, чтò ты, Петруня! что жъ это будетъ!—отвѣчала Мавруша голосомъ, въ которомъ слышался испугъ.

— Убѣгу да и все тутъ,—продолжалъ Петруня:—уйду въ лѣса къ старцамъ... Ищи, лови тогда!

— Стариковъ-то твоихъ, чай, въ ту-пору такъ и засудятъ!—робко замѣтила Мавруша.

Петруня молчалъ.

— Въ разоренье-поди приведутъ!—продолжала Мавруша, какъ бы разсуждая сама съ собой.

То же молчаніе.

— Итъ, ты ужъ лучше не бѣгай, Петруня, какъ-нибудь, Богъ дастъ, и свидимся.

— То-то «свидимся»! замужъ, чай, хочется, а не «свидимся»! Ты бы напрямки такъ и говорила.. а то «свидимся»! Такъ бѣжать, что ли?

— Куда жъ бѣжать? Коли для меня ты хочешь бѣжать, такъ я за тобой вѣдь бѣжать не могу!

Петруня заплакалъ.

— Петруня! желанный ты мой!—прошептала Мавруша.

Петруня заплакалъ пуще прежняго.

— Охъ, да хоть бы не плакалъ ты!—сказала Мавруша какимъ-то утомленнымъ, замученнымъ голосомъ.

— Вотъ каково дѣло, что и пособить нечѣмъ!—говорилъ Петруня, обрываясь почти на каждомъ словѣ.—Куда я теперь дѣнусь? Охъ, да подумай же ты, Мавруша, какъ бы намъ хорошо-то было!.. жили бы мы теперь съ тобой... и мясоѣдъ вотъ на дворѣ... И все-то вѣдь прахомъ пошло... точно ничего и не было! Намеднишь вотъ унтеръ сказывалъ, вереть тысячи за двѣ поведутъ... такъ когда же тутъ свидѣться!

— Петруня! гдѣ же ты запропалъ?—раздался сзади меня голосъ женщины.

— Здѣсь! обѣдать, что ли?—откликнулся Петруня.

— Обѣдать дѣдушко зоветъ.

— Сейчасъ. Прощай, Мавруша! нонѣ къ ночи надо опять въ городъ ѣхать... прощай! Можетъ, ужъ и не свидимся!

— Развѣ на село-то не пойдете съ партіей? Хоть бы посмотрѣла я на тебя!

— Нѣтъ, по почтовой поидемъ; вотъ развѣ что: ужъ дѣдушка коней посулилъ... погуляемъ, что ли?

— Не пустять, Петруня,—тихо отвѣчала Мавруша:—а ужъ какъ бы не погулять! Старики-то нонѣ у меня больно зорки стали: поди, и теперь, чай, ищутъ меня!

— Ну, такъ ииъ Богъ съ тобой! Прощай же, Мавруша!

Голоса стихли; но Петруня нѣсколько времени еще не приходилъ въ избу; минуты съ двѣ слышался мнѣ и глубокіе вздохи, и неясный шопотъ, прерываемый рыданіями, и стало мнѣ самому такъ обидно, тяжело и больно, какъ будто внезапно лишили меня всего, что было дорого моему

сердцу. «Вотъ, думаль я, простая, кажется, съ виду штука, а поди-ка переживи ея!» И должно сознаться, что до тѣхъ поръ никогда эта мысль не заходила мнѣ въ голову.

— Иди, что ли! — снова раздался сзади меня голось деньщицы.

— Иду, иду!—отвѣчала Петруня.—Прощай, Мавруша!—продолжалъ онъ какимъ-то гортаннымъ, задыхающимся голосомъ:—прощай же, касатка!

И вслѣдъ за тѣмъ онъ бѣгомъ вбѣжалъ на лѣстницу и направился быстрыми шагами въ избу.

Когда я, черезъ четверть часа, снова вошелъ въ избу, вся семья обѣдала, но общій ея видъ былъ нерадошенъ. Какое-то принужденіе носилось надъ ней, и хотя дѣдушка старался завести обычную бесѣду, но усилія его не имѣли успѣха. Иванъ молчалъ и смотрѣлъ угрюмо; Марья потихоньку всхлипывала; Петруня сидѣлъ съ заплаканными глазами и ничего не вѣлъ; прочіе члены семьи, хотя и менѣе заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, невольнo слѣдовали, однакожъ, за общимъ настроеніемъ чувствъ; даже малолѣтки, обыкновенно столь неугомонные, какъ-то притихли и сжались. Однимъ словомъ, тутъ только и было праздничнаго, что кушанья, которыхъ было перемѣнъ шесть и которыя однообразно слѣдовали одно за другимъ, ни въ комъ не возбуждая веселья. Я тоже невольнo задумался, глядя на эту семью... и о чемъ задумался?

«Что-то дѣлается,—думаль я,—въ томъ далекомъ-далекомъ городѣ, который, какъ червь неусыпающій, никогда не знаетъ ни усталости, ни покоя? Радуются ли, нѣтъ ли тамъ Божьему празднику? и кто радуется? и какъ радуется? Не подпалъ ли тамъ праздникъ подъ общее тлетворное владычество простой обрядности, безъ всякаго внутренняго смысла? не сдѣлался ли онъ тамъ днемъ, къ которому надо особеннымъ образомъ искривить ротъ въ видѣ улыбки, къ которому надо закупить много конфектъ, много нарядовъ, въ который, по условному обычаю, слѣдуетъ призвать въ

гостиную дѣтей съ тѣмъ, чтобъ вдоволь натѣшиться ихъ благоприличными манерами и затѣмъ вновь отослать ихъ въ дѣтскую, считая всѣ обязанности въ отношеніи къ нимъ уже исполненными до слѣдующаго праздника? Сохранилъ ли тамъ праздникъ свое христіанское, братское значеніе, въ силу котораго сама собой обновляется душа человѣка, самъ собой отверзаются его объятія, само собой раскрывается его сердце? Вѣдь праздникъ есть такая же потребность человѣческой жизни, какъ радость—потребность человѣческаго сердца: это потребность успокоенія и отдыха, потребность хоть на время сбросить съ себя тяжесть жизненныхъ узъ, съ тѣмъ, чтобъ безусловно предаться одному ликованію!»

И передо мной незамѣтно раскрылся знакомый рядъ картинъ, свидѣтелей моего прошедшаго, картинъ, въ которыхъ много было движенія, много суеты, много даже какихъ-то неясныхъ очертаній и смутныхъ намековъ на жизнь, радость и наслажденіе... Но была ли это радость дѣйствительная, было ли это то чистое наслажденіе, которое не оставляетъ послѣ себя въ сердцѣ никакого осадка горечи? Вотъ онъ, этотъ громадный городъ, въ которомъ воздухъ кажется спертымъ отъ множества людскихъ дыханій; вотъ онъ, городъ скорбей и никогда неудовлетворяемыхъ желаній; городъ желчныхъ честолюбій и ревнивыхъ, завистливыхъ надеждъ; городъ гнусно-искривленныхъ улыбокъ и заражающихъ воздухъ признательностей! Какъ волшебень онъ теперь при свѣтѣ своихъ миллионныхъ огней, какая страшная струя смерти совершаетъ свой безконечный, разъядающій оборотъ среди этого вѣчнаго тумана, среди мiazмовъ, безопасно врывающихся со всѣхъ сторонъ! Сколько мученій, сколько никѣмъ незнаемыхъ и никѣмъ нераздѣленныхъ надеждъ, сколько горькихъ разочарованій, и вновь надеждъ, и вновь разочарованій!

«Господи! надо же было надъ Петрушей такой бѣдѣ стрястись! Кабы не это, сидѣлъ бы онъ здѣсь беззаботный и

радостный; весело бесѣдовало бы теперь за трапезой честное потомство слѣпнякаго дѣдушки... И надо же было слѣпому случаю пройти безопаднымъ своимъ плугомъ по этому прекрасному зеленому лугу, чтобъ взбуровить его ровную поверхность и исполосать ее черными, безобразными бороздами!»

Размышленія эти были прерваны докладомъ о томъ, что лошади готовы. Горько мнѣ было садиться одному въ сани, горько было разставаться съ людьми, особливо въ этотъ праздникъ, когда, и вслѣдствіе воспоминаній прошедшаго, и вслѣдствіе всего склада жизни, необходимость общества людей какъ-то особенно живо чувствуется. Казалось бы, что общаго между мной и этою случайно встрѣченною мною семьею, какое тайное звено можетъ соединить насъ другъ съ другомъ? И между тѣмъ я несомнѣнно сознавала присутствіе этой связи, я несомнѣнно ощущала, что въ сердцѣ моемъ таится невидимая, но горячая струя, которая, безъ вѣдома для меня самого, приобщаетъ меня къ первоначальнымъ и вѣчно бьющимъ источникамъ народной жизни.

II.

На дворѣ было еще темно, хотя свѣтъ, очевидно, готовился уже вступитъ въ права свои; морозъ сдѣлался какъ будто еще лютѣе прежняго; крѣпкій верховой вѣтеръ сильно буровилъ здѣсь и тамъ снѣжную равнину и, поднимая цѣлыя столбы снѣга, направлялъ свой путь далѣе, съ тѣмъ, чтобъ опять черезъ минуту вернуться и, поднимая новые снѣжные столбы, опять нестись куда-то далеко-далеко. Холодъ и вѣтеръ тѣмъ болѣе были для меня ощутительны, что я ѣхалъ въ открытыхъ саняхъ, потому что долженъ былъ, послѣ необходимыхъ объясненій съ становымъ представомъ, опять вернуться на станцію, гдѣ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, я и заблагоразсудилъ оставить свою повозку.

Вотъ и тѣ три сосенки, о которыхъ толковалъ мнѣ старикъ; сквозь мутное облако частаго, тонкаго снѣга я видѣлъ только очертанія ихъ, но вѣроятно душа моя была слишкомъ особеннымъ образомъ настроена, что за плавнымъ покачиваніемъ широкихъ ихъ вершинъ мнѣ именно слышалось, будто онѣ жалуются и говорятъ о томъ, какъ надоѣла имъ эта долгая, почти безконечная жизнь, какъ устали онѣ отъ этихъ отовсюду вторгающихся вѣтровъ, которые безпренятственно и безнаказанно оскорбляютъ ихъ, то обламывая самые крѣпкіе ихъ побѣги, то разбрасывая мохнатые ихъ вѣтви въ какой-то тоскливой безпорядочности. Вотъ и озеро, которое подало мнѣ о себѣ вѣсть особенностью звука, издаваемого копытами лошадей, и вѣшкками, которыя часто натыканы здѣсь по обѣимъ сторонамъ дороги... Я глянулъ въ даль, и не знаю почему — тамъ, на самомъ концѣ ея, представился мнѣ становой приставъ, въ видѣ страшнаго, лохматаго чудовища, съ семью головами, съ длинными желѣзными когтями и долгимъ огненнымъ языкомъ. И такъ ясно и отчетливо мелькало передо мной это странное и, къ счастью, совершенно невѣроятное видѣніе, что мнѣ стало жутко, и я поспѣшилъ плотнѣе закутаться въ шубу, чтобъ не видать его кривляніи.

Черезъ полчаса я вѣзжалъ въ огромное торговое село, въ которомъ было много домовъ совершенно городской постройки. Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась квартира становаго пристава, и я еще издали могъ налюбоваться на множество огней, которые, очевидно, были зажжены на дѣтской елкѣ. Огни горѣли весело и, проходя сквозь обледенѣлыя стекла оконъ, принимали самые измѣнчивые и разнообразныя цвѣта.

Становой или, какъ его обыкновенно зовутъ крестьяне, «баринъ», былъ дома. Звали его Ермолаемъ Петровичемъ, по фамиліи Бондыревымъ; по наружности же былъ онъ мужчина дюжій, и вслѣдствіе того постоянно отдувался и

дышалъ тяжело, словно запаленная лошадь. Лицо его, пух-
лое и отекающее, было покрыто слоемъ жирнаго вещества,
который придавалъ его кожѣ доскъ почти зеркальный;
огромная его лысина, по общему отзыву сослуживцевъ,
имѣла свойство испускать изъ себя облако тумана въ слѣ-
дующихъ двухъ случаяхъ: во время губернаторской реви-
зии, когда, какъ извѣстно, сердечныя движенія въ уѣздномъ
чиновникѣ дѣлаются особенно сильны и остры, и по выпити
тѣмъ двадцать-пятью рюмки очищенной. Голосъ у него былъ
сильный, густой басъ, сопровождаемый легкою хрипотой, и
выходилъ изъ гортани какъ бы коломъ. Къ величайшему
моему удивленію, это несоразмѣрное преобладаніе матеріи
ни мало не тяготило его; вообще онъ былъ на службѣ ле-
гокъ какъ пухъ, и когда исполненіе служебныхъ обязан-
ностей требовало съ его стороны уже слишкомъ усиленной
дѣятельности, то вся его досада проявлялась въ томъ только,
что онъ нытьѣлъ и ругался нуще обыкновеннаго. Впро-
чемъ, онъ былъ, въ сущности, малый добродушный, и
когда принималъ благодарность, то всегда говорилъ спа-
сибо, и этимъ весьма льстилъ самолюбію доброхотныхъ да-
телей.

— Милости просимъ побесѣдовать въ комнату, ваше
высокоблагородіе! — сказалъ онъ, встрѣтивъ меня въ при-
хожей: — у меня нынче праздникъ, дѣтки вотъ разво-
зились...

— А мнѣ надо бы скорѣе ѣхать, — отвѣчалъ я не со-
вѣтъ впопадъ, все еще находясь подъ вліяніемъ лохматаго
чудовища.

— Что же такъ-съ? Часомъ раньше, часомъ позже—дѣло
не волкъ, въ лѣсъ не уйдетъ-съ. Заодно ужъ у насъ по-
кушаете, а послѣ обѣда и въ путь-съ. Мнѣ вѣдь тоже съ
вами надо будетъ отправляться, такъ если сейчасъ же и
ѣхать—не будетъ ли ужъ очень это обидно? Вѣдь празд-
никъ-съ...

Я остался, и отчасти былъ даже доволенъ этой задерж-

кой, потому что очень усталъ съ дороги. Въ комнатѣ, въ которую ввелъ меня Бондыревъ, было все его семейство и сверхъ того еще нѣсколько постороннихъ лицъ, съ которыми онъ, однакожъ, не заблагоразсудилъ меня познакомить. Онъ только указалъ мнѣ рукой на дѣтей, сказавъ: «а вотъ и потроха мои!» и затѣмъ насильственно усадилъ меня на диванъ. Изъ семейныхъ были тутъ: жена Ермолая Петровича, бабочка лѣтъ двадцати пяти, которая была бы недурна собой, если бы не такъ усердно мазалась свинцовыми бѣлилами и не носила столь туго накрахмаленныхъ юбокъ; мать ея, худенькая, повязанная платкомъ старуха съ фіолетовымъ носомъ, которую Бондыревъ, неизвѣстно почему, величалъ «вашимъ превосходительствомъ», и четверо дѣтей, которыя основательностью своего тѣлосложенія напоминали Ермолая Петровича, и чуть ли даже, подобно ему, не похрипывали.

— Не угодно ли чаю съ дороги?—спросила меня жена.

— Чтò чай! вотъ мы его высокоблагородіе водочкой попросимъ, — отозвался Бондыревъ. — Я, ваше высокоблагородіе, этой китайской травы въ ротъ не беру — оттого и здоровъ-сь.

— Вы изъ «губерніи» изволите ѣхать? — обратилась ко мнѣ старуха-теща.

— Да, я недавно оттуда.

— Такъ-сь. А какъ, я думаю, тамъ теперича хорошо должно быть! Предсѣдательствующіе, по случаю праздника, въ соборѣ въ мундирахъ стоятъ... самъ генералъ, чай, насупившись...

— Ну, пошла, ваше превосходительство, огородъ гордить!—замѣтилъ Бондыревъ.—Ну, скажите на милость, зачѣмъ генералу насупившись стоять! чай, для праздника-то Христова и имъ бровки свои пораздвинуть можно!

— Ахъ, батюшка мой! насупившись стоять по той причинѣ, что озабоченъ очень!.. Обуза вѣдь не маленькая!

— А по мнѣ, такъ всего лучше пѣвчіе... Это восхити-

тельно!—вступилась жена.—При слабости нервъ, даже слушать почти невозможно!

— Итъ, вотъ на моей памяти бывали въ соборѣ пѣвчіе—такъ это именно, что всѣхъ въ слезы приводили! — перебила теща. — Ужъ на что былъ въ ту пору губернаторъ суровый человѣкъ, а и тотъ воздержаться никакъ не въ силахъ былъ! Особливо былъ тутъ одинъ черноватенькій: запоетъ, бывало, сначала тихонько-тихонько, а потомъ и переливается, и переливается... даже словно журчить весъ! Авдотья Степановна, второго діакона жена, сказывала, что ему по два дня ѣсть ничего не даывали, чтобъ голосъ чище былъ!

— Вотъ распроклятая-то жизнь!—молвилъ Ермолай Петровичъ, подмигнувъ мнѣ лѣвымъ глазомъ, и потомъ, обращаясь къ тещѣ, прибавилъ:—А какъ посмотрю я на ваше превосходительство, такъ все-то у васъ однѣ глупости да малодушества на умѣ.

Но ея превосходительство, должно-быть, ужъ привыкла къ подобнымъ апострофамъ, потому что, нимало не конфузясь, продолжала:

— Ужъ я, бывало, такъ и не дышу, словно туманъ у меня въ глазахъ, какъ они-это выводить-то зачнуть! Да, такой ужъ у меня характеръ: коли передъ глазами у меня что-нибудь божественное, такъ я, можно сказать, сама себя не помню... такъ это все тамъ и колышится!

Мадамъ Бондырева глубоко и сосредоточенно вздохнула.

— Да, въ деревнѣ ничего этого не увидишь! — сказала она.

— Гдѣ увидать! одни выходы у его превосходительства чего стѣять! Всѣ чиновники, бывало, въ мундирахъ стоятъ, и каждому его превосходительство свой репримандъ сдѣлаетъ! И пойдутъ-это потомъ каждый день закуски да обѣды—однѣхъ свиной для колбасъ сколько въ батальонѣ, при солдатской кухнѣ, откармливали!

— Ну, это-то заведеніе и донесъ, пожалуй, осталось—

скорбѣть объ этомъ вѣчего! — флегматически объяснилъ Ермолай Петровичъ. — А что, ваше высокоблагородіе, не угодно ли будетъ повторить отъ скуки? Водка у насъ, осмѣлюсь вамъ доложить, отличная: сразу, что называется, ожжетъ, а потомъ и пойдетъ ползкомъ по суставчикамъ... каждый изноеть-сь!

— Вотъ у моего покойника, — слова обратилась ко мнѣ теща, — хорошую водку на столъ подавали. Онъ только и говоритъ, бывало: «лучше ничѣмъ меня откупщикъ не почти, а водкой почти!»

— Ну, это опять неосновательно, — замѣтилъ Бондыревъ: — пословица гласить: пей, да ума не пропей — стало-быть, зачѣмъ же я изъ-за водки другія статьи буду negliжировать?

— Да вѣдь и онъ, сударь, не negliжироваль, а такъ только къ слову это говариваль. Онъ водку-то черезъ кубъ, для крѣпости, перегаживаль...

— Ну, а ваши какъ дѣла? — спросилъ я Бондырева.

— Слава Богу, ваше высокоблагородіе, слава Богу! дай Богъ здоровья добрымъ начальникамъ, милостями не оставляють... нынѣ вотъ подъ судъ отдали!

— Какъ такъ?

— Да просто-сь. Чтой-то ужъ, ваше высокоблагородіе, будто и не знаете? Чай, и вы тутъ ручку приложили!

— Въ первый разъ слышу.

— Что жъ-сь, и тутъ мудренаго нѣтъ! Извѣстно, не читать же вашимъ высокоблагородіямъ всего, что подписывать изволите!

— Скажите, по крайней мѣрѣ, за что вы отданы подъ судъ?

— А неизвѣстно-сь. Оно, конечно, довольно тутъ на справку вывели, и жизнь-то, кажется, наизнанку всю выворотили... однѣхъ неисполнительностей штукъ до полсотни подыскали — даже подивился я, откуда весь этотъ соръ выгребли. Да-сь; тяжеленька-таки наша служба; губер-

ское-то правленіе не то чтобъ, какъ мать, по-родительски тебѣ спустило, а пуще считаетъ тебя, какъ бы сказать, за подкидыша: ты, дескать, такой-сякой, все за-разъ сдѣлать долженъ!

— По пословицѣ, Ермолай Петровичъ, по пословицѣ! «Свегровъ снохѣ говорила: сношенька, будетъ молотъ; отдохни — потолки!»

Послѣднія слова пропзнесъ неизвѣстный миѣ старикъ, стоявшій до сихъ поръ въ углу и не принявавшій никакого участія въ разговорѣ. По всему было видно, что этотъ новый собесѣдникъ принадлежалъ къ числу тѣхъ жалкихъ жертвъ провинціального бюрократизма, которыя преждевременно утрачиваютъ душевныя свои силы, вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія водки, и затѣмъ на всю жизнь дѣлаются неспособными ни къ какому дѣлу или запитію, требующему умственныхъ соображеній. Онъ былъ одѣтъ въ вицмундиръ стариннаго покроя съ узенькими фалдочками и до такой степени поружѣлый, что даже самый опытный глазъ не могъ бы угадать здѣсь признаковъ первобытнаго зеленого цвѣта. По всего замѣчательнѣе въ этомъ человѣкѣ былъ необыкновенный, грибовидный его носъ, на которомъ, какъ на палитрѣ, сочетались всевозможные цвѣта, начиная отъ чисто-тѣлеснаго и кончая самымъ темнымъ яхонтовымъ. Носъ этотъ, какъ послѣ оказалось, былъ источникомъ горькихъ несчастій и глубокихъ разочарованій для своего обладателя.

— Это жаль, однакожь, — сказалъ я Бондыреву, опущая невольное угрызеніе совѣсти при видѣ человѣка, котораго погибели я самъ нѣкоторымъ образомъ содѣйствовалъ.

— Ничего, ваше высокоблагородіе! мы въ уголовной-то словно въ банькѣ выпаримся... еще бодрѣй послѣ того будемъ!

— Это истинно такъ! — пояснилъ обладатель носа.

— А что, видно, и тебѣ горловину-то прочистить хочется? — обратился къ нему Бондыревъ. — Ваше высокобла-

городіе! позвольте представить: Егоръ Павлычъ Абессаломовъ, служить у меня въ вольнонаемныхъ; проку-то отъ него, признаться, мало, такъ больше вотъ для забавы, для домашнихъ-съ держу... Телтровъ у насъ нѣтъ, такъ по крайности хоть онъ развлечетъ.

— Ну, ужъ, нашли какую замѣну! — презрительно процѣдила жена.

— А что жъ! по деревнѣ, лучше и быть не надо!—продолжалъ Ермолай Петровичъ. — Объ ину пору онъ насъ, ваше высокоблагородіе, до слезъ мимикой своей смѣшитъ!

— Если его высокоблагородію не гнуспо, такъ я и теперь свое представленіе сдѣлать могу! — отрекомендовался Абессаломовъ, выпрямляясь какъ бы передъ наптіемъ вдохновенія.

— Прикажете, ваше высокоблагородіе! Не-чѣмъ такъ-то сидѣть, такъ хоть на диковинки наши посмотрите... Катай, Абессаломовъ.

— «Юля пятаго числа»...—началъ Абессаломовъ.

— Нѣтъ, стой, не такъ рассказываешь!—прервалъ его Ермолай Петровичъ.—А ты коли охотишься рассказывать, такъ рассказывай дѣломъ: и въ позицію стань, и начало сдѣлай! Развозовъ! маршь сюда и ты!

Послѣднія слова относились къ молодому человѣку, служившему письмоводителемъ у Бондырева. Какъ оказалось впоследствии, онъ долженъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подавать Абессаломову реплику, чрезъ чтѣ представленію сообщалась особенная живость и вмѣстѣ съ тѣмъ усугублялся комизмъ. Очевидно, что кто-то (чуть ли даже не самъ Бондыревъ) съ любовью работалъ надъ этой потѣхой, чтобъ возвести ее отъ простаго разсказа до степени драматической пьесы.

Абессаломовъ сталъ въ позицію, то-есть выдвинулъ впередъ одну ногу, правую руку отставилъ наотмашь и, выпрямившись всѣмъ корпусомъ, голову закинулъ назадъ. Всѣ присутствующіе улыбались, а нѣкоторые даже откровенно

фыркали, заранѣ предвкушая предстоящее имъ наслаженіе. Абессаломовъ началъ:

НЕВЫГОДНЫЙ НОСЪ.

(Интермедія въ лпцахъ).

«Милостивые господа и госпожи! имѣю доложить вамъ о происшествіи, котораго удивительность равняется лишь его необыкновенности! (*Смѣхъ въ аудиторіи*).

«Источникомъ какъ сего происшествія, такъ и другихъ многихъ отъ него золь текущихъ, есть сей самый носъ (*теребитъ себя за носъ*), который здѣ предстоитъ предъ вами! А въ чемъ сіе происшествіе, тому слѣдуютъ пункты. (*Ишь ты! по пунктамъ!*) раздается въ аудиторіи. *Смѣхъ усиливается*).

«Юля пятаго числа 18** года, въ девять часовъ утра, слѣдоваль я, по издревле принятому еще предками нашими обычаю, на службу. Необходимо, однако, предварительно доложить вашимъ благородіямъ, что съ самаго съ Петра и Павла, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, подвергнулся я необыкновенной тоскѣ. То-есть, тоска не тоска, а тянетъ-вотъ, тянетъ тебя цѣлый день, да и вся недолга. Даже жена удивлялась. «Чтой-то, говоритъ, душечка (она у меня въ пансіонѣ французскому языку обучалась, такъ нѣжное-то обращеніе знаетъ!), — чтой-то, говоритъ, душечка! на тебя даже смотрѣтъ словно тошно — ты бы хоть водочки выпилъ!» — Худо, говорю я, худо это, Прасковья Петровна; это большое несчастіе обозначаетъ!.. Однакожь, выпилъ въ ту пору маленько водочки—оно и поостлегло.

«Вотъ только наступило это пятое число. Не успѣлъ я выйти на улицу, какъ идетъ мнѣ встрѣчу нѣкоторый озорникъ, идетъ и очи на меня пучить. «Вотъ, говоритъ, носъ! для двухъ росъ, а одному достался!» (*Взрывъ хохота въ аудиторіи*). Однако, я ничего, пошелъ своей дордой и даже подумалъ про себя: «погоди, братъ! не больно прытко;

можетъ, у тебя и рыло-то все наизнанку выворотить». Не успѣлъ я это, государи мои, подумать, какъ встрѣчается со мной другой озорникъ. «А позвольте, говорить, милостивый государь! извѣстно ли вамъ, что у васъ на лицѣ стоитъ феноменъ?» И все это, знаете, съ усмѣшкой, и рожа-то у него поганымъ манеромъ отъ смѣху перекосилась... — Милостивый государь! — сказала я, начиная обижаться. — «Да вѣтъ, говорить, вы и сами не понимаете, какимъ обладаете сокровищемъ... да господа англичане миліонъ рублей вамъ дадутъ, ежели вы позволите имъ отрѣзать... вашъ носъ!»

«Развозовъ. А что жъ, это вѣдь правда: носъ-то у тебя именно феноменъ!

«Абессаломовъ. Отстань ты... дай говорить!.. Ну-съ, отвязался онъ отъ меня коё-какъ, и пришлось мнѣ послѣ того мимо резиденціи ихъ превосходительства идти. А ихъ превосходительство, какъ на грѣхъ, на ту пору чай на балконѣ кушали... Ну, занятіевъ у нихъ никакихъ тогда не случилось, смотрѣли, значить, больше по сторонамъ, да смотрѣвши и узрѣли меня, многогрѣшнаго. Вскипѣли. «Что это, говорятъ, за чиновникъ? Какой у него противный носъ!» Не спорю я... не прекословлю! Точно, что носъ мой въ присутственномъ мѣстѣ терпимъ быть не можетъ! Однако, терпѣли же меня двадцать пять лѣтъ, да и ихъ превосходительство, можетъ, отъ праздности только замѣтили... а вышло совсѣмъ наоборотъ-съ. Пересказали, должно-быть, эти слова мои завистники; только сижу я въ этотъ самый день въ присутствіи, приходитъ нашъ предсѣдательствующій, и часа черезъ два — что бы вы думали, я слышу? (съ *разстановкой*)—что о моемъ, государи мои, увольненіи ужъ и постановленіе состоялось!

«Развозовъ. Однако, живо же они тебя обработали.

«Абессаломовъ. Слѣпнымъ журналомъ-съ. Даже закономъ предписанныхъ формъ не соблюли, потому что въ законахъ именно строжайше повелѣно никакихъ штрафовъ не

налагать, а кольми паче насильственному умертвію не предавать, не истребовавъ предварительнаго объясненія!

«Развозовъ. Въ чемъ же, однако, объясненія отъ тебя требовать?»

«Абессаломовъ. Все же-съ! А если не въ чемъ миѣ объясниться, такъ тѣмъ паче-съ! Вѣдь это обидно... я не одинъ... тутъ все потомство мое, можно сказать, изъ-за носа страждетъ! Въ законахъ именно сказано, чтобъ на лицо не взирать!»

Развозовъ. Ты это оставь. Это не наша инстанція. Такъ даже скажу: если и напередки тебѣ на этотъ счетъ языкомъ побаловать захочется, такъ ты вспомни пословицу: *языкъ мой—врагъ мой*, и вспомнивши плюнь. Я тридцать пять лѣтъ служу (*Развозову было всего лѣтъ двадцать пять*), и то все кругомъ да около хожу, а въ центру ни въ жизнь еще не попадалъ!

«Абессаломовъ. Вотъ-съ, прихожу я послѣ того домой. Человѣкъ я дѣтнй, жена у меня золотушная, такъ каждый годъ все либо дочку, либо сына подарить...

«Развозовъ. И все, чай, съ такими же посами?»

«Абессаломовъ. Какъ можно — сохрани Богъ! Старшенькая у меня дочь, Наташенька, совсѣмъ даже схожаго со мной ничего не имѣетъ... красавица!.. Такъ прихожу я-это домой! — Ну, говорю, жена! Богъ милости прислалъ! — «А что такъ?» — Да такъ, говорю, ѣздилъ въ ниръ Кирило, да подаренъ тамъ въ рыло... уволень, братъ, въ чистую! (*Общій хохотъ; Абессаломовъ, съ волненіи, не можетъ въ которое время продолжать*). И вотъ-съ, стали мы послѣ того жить да поживать, да добра наживать; живемъ, нечего сказать, богато, со двора покато, за что ни хватись, за всѣмъ въ люди покатись; запасовъ всякихъ многое множество, а пуще всего всякаго нѣта запасено съ самаго съ лѣта. Жена скоро покойницей стала, бо для насъ время гладно настало, а дочекъ-красотокъ люди пріютили, бо родители имъ продовольствіе прекратили, а затѣмъ остаюсь,

безъ дальнѣйшихъ словъ, покорный вашъ слуга Егоръ Павловъ Абессаломовъ». (*Общія рукоплесканія; жена становится презрительно усмѣхается*).

Окончивъ представленіе, Абессаломовъ немедленно подошелъ къ подносу съ закуской и сряду вынулъ три рюмки водки; послѣ того онъ удалился въ уголокъ и, сѣвъ на стулъ, почти мгновенно заснулъ.

— А что, ваше высокоблагородіе!— обратился ко мнѣ Бондыревъ: — вотъ вы и въ столицахъ изволили быть, а этакаго въ своемъ родѣ дарованія и тамъ, чай, со свѣчкой попицешь!

Но я не отвѣчалъ ни слова на этотъ вопросъ, потому что впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ страннымъ существомъ и его разсказомъ, было изъ самыхъ тяжелыхъ. Несмотря на грубо-комическій колоритъ разсказа, видно было, что весь тонъ его фальшивый, и что за нимъ слышится нѣчто до того похожее на страданіе, что невозможно и непозволительно было увлечься этою мнимою веселостью. Вообще, если Ермолай Петровичъ рассчитывалъ на то, чтобъ позабавить меня, то далеко не достигъ своей цѣли, и день мой былъ окончательно испорченъ этимъ представленіемъ. Я ѣхалъ сюда измученный моимъ одиночествомъ; все существо мое было настроено къ принятію тѣхъ благодатныхъ, свѣтлыхъ впечатлѣній, которыя, Богъ вѣсть почему, въ извѣстные дни и эпохи неотразимо и неизмѣнно носятя надъ душой, но странное «представленіе» мигомъ разрушило это свѣтлое, гармоническое настроеніе. Такъ иногда случается, что въ правильное и совершенно плавное теченіе жизни вдругъ врѣзывается обстоятельство въ полномъ смыслѣ слова ей постороннее, и врѣзывается съ такой силой, что не только заставляетъ принять себя, но и деспотически подчиняетъ себѣ весь строй этой жизни.

III.

Начинало уже смеркаться, когда мы пріѣхали на станцію. По селу, и тамъ, и сямъ, бродили группы подгуляв-

шихъ крестьянъ, а передъ станціоннымъ домомъ стояла даже цѣлая толпа народу.

— Вѣрно, что-нибудь случилось! — еще издали замѣтили мнѣ Бондыревъ, указывая на толпу.

И дѣйствительно, толпа, казалось, тревожно выжидала нашего прѣзда. Едва успѣли мы выйти изъ саней, какъ все это вдругъ заговорило и безпорядочно замахало руками. Изъ избы долетали до насъ звуки того унылаго голошенья, услышавъ которое даже самый опытный наблюдатель не въ состояніи бываетъ опредѣлить, что скрывается за этими взвизгиваньями и завываньями: искреннее ли чувство, или простой формализмъ.

— Что случилось? — спросилъ Бондыревъ.

— Петруха... Петруха... — раздалось въ толпѣ.

Сердце мое болѣзненно дрогнуло.

— Племянникъ у насъ бѣжалъ, ваше благородіе! — отвѣчалъ, выступая впередъ, одинъ изъ сыновей дѣдушки.

— Рекрутъ, что ли?

— Рекрутъ, ваше благородіе.

— Ахъ, шельмы вы такія! И снисхожденія-то вамъ сдѣлать нельзя!

— Имѣютъ его, ваше благородіе! Самъ отецъ пошелъ, — робко проговорилъ дядя Петруни.

— Да, изымаютъ, держи карманъ! А не было ли у него на селѣ любезной? — спросилъ Бондыревъ, чутьемъ угадывая истину.

— Маврушка Савельева, чай, знаетъ! — молвилъ кто-то въ толпѣ.

— Что ты, перекрестись! — почти завопилъ, протискиваясь сквозь толпу, сѣдой старикъ, должно-быть, отецъ Маврушки. — Ничѣмъ моя Маврушка тутотка не причастна, ваше благородіе.

— Ишь ты какое дѣло случилось! — снова началъ дядя Петруни. — Ничѣмъ мы, кажется, его не изобидѣли, а опъ вотъ что съ нами сдѣлалъ.

— А вотъ мы это послѣ разберемъ! — отвѣчалъ Бондыревъ и, обращаясь къ толпѣ, промолвилъ: — Чтобъ былъ у меня рекрутъ найдень! Всѣ маршъ въ лѣсъ искать!

И сказавъ это, величественнымъ шагомъ потекъ въ избу порасправить въ теплѣ свое бѣлое тѣло.

Х.—Развеселое житье.

Разсказъ.

„Станетъ царь-государь меня спрашивать:
Ты скажи, дѣтишка, крестьянской сынъ!
Ужъ ты съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой
держалъ?“

Бурлацкая пѣсня.

«Развеселое, братъ, это житье! Ни передъ тобой, ни надъ тобой, ни кругомъ, ни около никакого начальства нѣтъ; никто, значить, глаза тебѣ не мозолить, никто съ тебя не спрашиваетъ, а при случаѣ всякъ самъ же тебѣ отвѣтъ должень дать.

«Такъ скажу: коли нѣтъ у тебя роду-племени, пли обидѣлъ-забѣлъ кто ни-на-есть, пли сердце въ тебѣ стосковалось, — кинь ты жизнь эту нуждную, кинь заботу эту черную, поклонись ты лѣсу дремучему: «лѣсъ, молю, государь, дремучій боръ! ты прими меня страннаго, ты прими безчастнаго-безталаннаго. Разутишь ты, государь, душу мою горькую, разнеси тоску мою по свѣту вольному! Чтобъ зналъ вольный свѣтъ, какова есть жизнь распрелютая, чтобъ вѣдали люди прохожіе-проѣзжіе, какъ сиротское сердце въ груди встосковалось, въ вольномъ воздухѣ душа разыгралась».

«Народу у насъ предовольно. И изъ Рязани, и изъ Казани, и изъ-подъ самаго Саратова, есть и казенные, есть и барскіе, однако больше барскіе... Бываютъ и кавалеры: эти больше отъ «зеленыхъ луговъ» въ лѣсу спасаются. Народъ все тѣртый: и въ водѣ тонулъ, и въ огнѣ горѣлъ; стало-быть, какъ зачнетъ тебѣ сказы сказывать — заслушаешься. Иной, братецъ, головы два разъ лишался, а все

голова на плечахъ болтается; пной кавалеръ и за отечество рыво ужъ слишкомъ отлпчку показалъ, и въ паратахъ претерпѣніе видѣлъ, а все въ живыхъ стоитъ. Никто какъ Богъ. Одинъ кавалеръ рапортовалъ: пуля ему въ самый лобъ треснула, разлетѣлась-это голова врозь, поспнѣли руки-ноги, ну и языкъ тоже: буде врать, говорить... Что жъ, сударь? къ дохтуру—не помогъ; къ командиру—не помогъ; самъ бригадный былъ—не помогъ; а Смоленская помогла! Значить—сила!

«Такимъ родомъ живучи, на людяхъ и сиротство свое забываешь. Ну, и другое еще: свычка. Это значить: коли къ чему человекъ привыкнетъ, лучше съ жизнью ему разстаться, нежели привычку свою покинуть. Сказывалъ одинъ кавалеръ, что по времени и къ палкѣ привычку сдѣлать можно. Ну, это должно-быть ужъ слишкомъ, а съ хорошимъ житьемъ точно-что можно слюбиться.

«Да и хорошо вѣдь у насъ въ лѣсу бываетъ. Лѣтомъ, какъ сойдетъ-это снѣгъ, ровно все кругомъ тебя заговорить. Зацвѣтуть-это цвѣты-цвѣтики, прилетитъ птичка-малиновочка, застучитъ дятель, закукуетъ кукушечка, муравьи въ землѣ закопошутся—и не вышелъ бы! Травка малая подь сосной забѣтъ,—и та словно родная тебѣ. А почнетъ этта лѣсъ гудѣть, особливо объ-ночь: и вѣтру не чуть, и верхи не больно чтообъ шаталися,—а гудѣтъ! Такъ гудѣтъ, что даже земля многіе десятки верстъ ровно стонетъ! Столь это хорошо, что даже сердце въ тебѣ взыграетъ!

«Бываютъ, однако, и напасти на насъ, а главная напасть—зима. Первое дѣло—работы совсѣмъ нѣтъ: стужа-то не свой братъ, не сидеть ждать на дорогѣ, какъ слезы изъ глазъ морозомъ вышибаетъ; второе дѣло—всякій въ ту-пору въ лѣсъ наѣзжаетъ: кому бревешко срубить, кому дровецъ надобно,—ну, и неспособно въ лѣсу жить. Значить, въ зимнее время все больше по чужимъ людямъ, аки Иуда, шманаемся: гдѣ хлѣбца подадутъ, а гдѣ и пирожка укусишь. Только чудной, право, нашъ народъ: хлѣбца тебѣ

Христовымъ именемъ подастъ, даже убойнкой объ яну-пору удовлетворить, а въ избѣ погрѣться не пустить: ни-ни, проваливай мимо! Такимъ родомъ, все по гумнамъ и имѣемъ ночлегъ. Иной разъ разнеможешься,—просто смерти! Спяну словно перешибеть, въ головѣ звенить, глаза затекутъ, ноги ровно бревна сдѣлаются, — а все ходи! Еще гдѣ до свѣту, запоютъ-это пѣтухи, потянешь носомъ дымокъ,— ну, и вставай, значить, покидай свое логово! А не уйдешь, такъ тебя, раба Божія, силой изъ-подъ соломы выволокутъ, да на сусѣднее поле и положить: отдыхай, моль, тутъ, сколько тебѣ хочется! Звѣрь-народъ!

«Однако, братъ, штука это жизни! Иной разъ даже тоннѣхонько, и на свѣтъ бы не глядѣлъ, и руки бы на себя наложилъ—анъ пѣтъ, словно нарочно все такъ подстроится, чтобъ быть тебѣ живу,—живъ и есть. Ровно она сама къ себѣ пристасть, жизнь-то: живи, моль, восчувствуй! Ну, и восчувствуешь: пойдешь это въ кабакъ,хватишь косушку разомъ, и простынетъ въ тебѣ зло, благо сердце у насъ отходчиво.

«Случилась однажды со мной оказія. Иду я по Доробину, а на дворѣ стала ночь; только иду я, идучи будто думаю; и холодно-то мнѣ, и голодно-то, и пѣтъ у меня роду-племени, нѣту батюшки, нѣту матушки, и все, знашь, какъ-то на фартуну свою жалуясь, что ужъ очень, значить, горько мнѣ привелось. Только вижу, у Мысея въ избѣ огонь горить. Полюбопытствовалъ я и гляжу въ окошко; ну, извѣстно, что въ избѣ дѣлается. Посередь горницы молодуха прядеть, въ углу молодойкъ за станомъ сидитъ, на земли робятки валяются, старый ланти на лавкѣ ковыряетъ... то-есть видаль и перевидалъ я все это. Однако, тутъ, Богъ-е-знаетъ, что со мной стало: растопилось это во мнѣ сердце, даже затрясся весь. Взошелъ въ избѣ: «Богъ въ помощь, говорю, господа хозяева! не пустите ли страннаго обогрѣться?

«— А ты отколь? — спрашиваетъ Мысей и смотритъ на

меня старикъ зорко. Ну, самъ, чай, знаешь, трудно ли тутъ соврать? Сказаль, что пзъ Гай либо изъ Лыкошева,— и дѣло съ концомъ! Анъ, вотъ-те Христочь, не посмѣль солгать, языкъ даже не повернулся; стою да молчу.— Инъ, дай ему, Марьюшка, хлѣбца, Христа-радъ! — говоритъ Мысей-то: — а ты, говоритъ, странный, ступай,— Богъ съ тобой!

«Ну, и пошелъ я; только всю эту ночь я промаялся. Горе, что ли, меня больно задавило, а это точно, что глазъ сомкнуть не могъ. Все это будто сквозь туманъ либо Мысей представляется, либо робятки малые, либо молодуха... и ровно рай у нихъ въ избѣ-то!

«Вторая наша напасть—полиція; однако, съ нею больше на деньгахъ дѣло имѣемъ.

«Вздумаль эта становой насъ ловить, однако мамонѣ спраздноваль. Вотъ какъ дѣло было. Призваль онъ къ себѣ отъ «Разбалуя» пѣловальника:—Ты, говоритъ, всему этому дѣлу голова: ты, стало-быть, и ловить должонъ.

«— Помилуйте, ваше благородіе!—говоритъ Михай Митричь: — у насъ въ заведеніи, окромѣ какъ тихимъ манеромъ выпить, никакихъ другихъ дѣловъ не бываетъ; одно слово, говоритъ, монастырь... сосновый-съ!—Однако, становой на него затональ:—Звать, говоритъ, ничего не хочу!— Ну, Михай Митричь за Батыгой: такъ и такъ, моль, утекайте пока до бѣды. Затосковаль Батыга, денно и ночьюъ горькую пилъ, а изъ бѣды-таки выручилъ. Зарядивши себя такимъ родомъ, пошелъ онъ... какъ бы ты думаль, куда? Къ самому, то-есть, къ становому!

«— Я, говоритъ, есть тотъ самый Батыга, объ которомъ ваше благородіе узнавать изволили... — Такъ становой-то даже обезпамятѣль весь отъ злости. Подлетѣль это къ нему, вѣщилъся смаху въ бороду, и ну волочить. Даже говорить ничего не говоритъ, а только ротъ разбъваетъ да дышитъ. Только Батыга все претерпѣль, ни въ чемъ не перечилъ, а какъ увидѣль, однако, что его благородію маленько будто

полегчило, повелъ и онъ свою рѣчь.—А я, молъ, къ вашему благородію съ лаской, говоритъ.—Ну, и опять обезпамятѣль становой:—Сотскихъ!—кричитъ:—кандалы сюда!—И все-таки въ кандалы не заковаль, а порѣшили наше дѣло промежь себя полюбовно: отъ насъ ему въ мѣсяць пятьдесятъ цѣлковыхъ, а намъ воровать съ осторожностью.

«А по прочему по всему житъе намъ хорошее.

«Попалъ я на эту лицію постепенно. Человѣкъ я Божій, обшить кожей, попросту, по-русски сказать, дворовый господинъ Ивана Кондратьича Семерикова, на золотѣ не ѣдалъ, медовой сытой не заливаль, ходилъ больше въ нанкѣ да въ пеструшкѣ, хлебаль щи, а пилъ воду. На этомъ, братъ, коштѣ не разжирѣешь, а если и разжирѣешь, такъ, значить, не отъ себя и не отъ господъ, а никто какъ Богъ. Поступилъ я сперва-на-перво въ барскій домъ въ мальчишки. Должность эта небольшая: на погребъ за квасомъ слетай, въ обѣдъ за стуломъ съ тарелкой постой, ножи вычисти, тарелки перемой, да изъ чулка урокъ свяжи,—только и всего... Такъ-то я и росъ. Помню даже теперь, какъ, бывало, облизываешься, глядя на господъ, какъ они кушать изволятъ. Иной разъ такъ забудешься, что и ротъ по-ихнему разѣвать начнешь,—ну, и сѣчь сейчасъ, потому что ты лакей и, стало-быть, долженъ за стуломъ стоять смирно.

«Хоть баринъ у насъ и богатый, однако ихній тятенька, еще у всѣхъ дворовыхъ на памяти, въ ближнемъ кабакѣ Михѣи Митричемъ сидѣлъ... По этому самому случаю, а больше, можетъ, и для того, чтобъ себя передъ благородствомъ оправдать, Иванъ нашъ Кондратьичъ свою честь держаль очень строго. Не то чтобъ къ кабаку, какъ къ истинному своему отечеству, лнуть, а все наровить, бывало, какъ бы въ большія хоромы вгрызться. А съ нашимъ братомъ—никакого и разговору не было.

«Наши дворовые были Иванъ Кондратьичемъ недовольны. Особливо обижался имъ буфетчикъ Петръ Филатовъ. Прежде-

то были мы, слышь ты, княжіе (Овчинина князя Сергѣй Федорыча, можетъ, слыхаль?). Ну, стало-быть, Петру-то Филатычу и точно-что будто обидненько было послѣ князя какой-нибудь, съ позволенія сказать, мрази служить.

«А пріятный для слуги господинъ какой долженъ быть? Тотъ господинъ для слуги пріятенъ, который его слушаетъ, который обиходъ съ нимъ имѣть и на совѣтъ слугу своего безпремѣнно зоветъ. Въ стары годы, сказываютъ, на этотъ счетъ просто было: господа съ слугами въ шашки игравали и всегда съ ними компанію вживали. Онъ же, Петръ Филатовъ, сказывалъ, что, бывало, господа другъ съ дружкой бесѣду ведутъ, а слуги у дверей сберутся да временемъ и свое словенко въ господскую рѣчь пустятъ. Ну, конечно, что такъ-то будто лучше, а впрочемъ это не мое, а Петра Филатова разсужденіе, потому какъ я на это дѣло давно уже плюнулъ и ногой, братецъ ты мой, его растеръ.

«Пречудный былъ этотъ старикъ. Начнетъ, бывало, про князя разсказывать—что твой соловей залвается,—и не заткнешь ничемъ; а вспомнить, что вотъ на старости лѣтъ Семеріку служить привелось, а пойдетъ-это губами шамкать; даже весь посинѣетъ отъ злости. Такая ужъ, видно, линія на роду человѣку написана.

«На четырнадцатомъ году свезли меня въ Москву къ повару-франкузу въ ученье; жилъ я въ поваренкахъ четыре года и, хвастать нечего, свѣту большого изъ-за плиты не видалъ. Потомъ, однако, пустили господа по оброку, чтобъ еще больше, значить, въ наукѣ своей прозойти.

«Про Москву такъ долженъ сказать: множество видѣлъ я городовъ, а супротивъ Москвы не сыщется. Въ Москвѣ всякій въ свое удовольствіе живетъ, господа въ гости другъ къ дружкѣ ѣздятъ, а простой вародъ въ заведеніяхъ—блаженство! Возьмемъ, примѣрно, трактиры одни, чего тамъ нѣтъ? И чай, и водка, и закуски... и все, значить, тамъ. Машинка «Вѣтерокъ» тебѣ сыграетъ, приказный отъ Иверскихъ воротъ въ-присядку отпляшетъ; въ одномъ углу ты

сячнина дѣла промежь себя рѣшать, въ другомъ просьбицу строчать, въ третьемъ обнимаются, въ четвертомъ слезы проливаютъ... Жизнь! Къ такому-то житью какъ попривыкнешь, ни на что другое и не смотрѣлъ бы! Такъ тебя и тянетъ съ утра ранняго все въ трактиръ да въ трактиръ.

«Баринъ, къ которому я нанялся (а нанялся я къ нему въ лакея, а не въ повара), очень меня полюбилъ; смирный, добрый былъ этотъ баринъ, не наругатель и не озорникъ, а къ простому народу особливо былъ жалостливъ. Служить онъ нигдѣ не служилъ и занимался, по своей охотѣ, все больше книжками, а по вечерамъ господа молодые къ нему собирались.

«Однакожь, недолго я у него жилъ. Въ скорости этотъ баринъ незнамо куда запропалъ, да въ скорости же пришелъ и ко мнѣ отъ нашего бурмистра приказъ въ деревню явиться.

«Ужь какъ мнѣ эта деревня тошна послѣ Москвы показала—даже рассказать нельзя! Первое дѣло, призываетъ меня къ себѣ Семерикъ и приказываетъ при конюшнѣ находиться. Снялъ я свое платье московское, нарядился въ старый армякъ.

«Ну, армякъ, такъ армякъ,—и на томъ спасибо.

«Второе дѣло, содержаніе въ деревнѣ больно ужъ безобразное. Настанетъ, бывало, время обѣдать идти, такъ даже сердце въ тебѣ все воротить. Щи пустыя, молоко кислое,—только слава одна, что ѣшь, а настоящаго совѣсть нѣтъ.

«Однако, хоть и всячески я себя перемогалъ, а по времени не въ моготу стало. И сдѣлалось со мною тутъ словно чудо какое. Отъ думы, что ли, или оттого, что, въ Москвѣ живши, себя ужъ очень изнѣжилъ, телько сталъ я мучиться да тосковать, даже ровно страхъ на меня отъ всѣхъ этихъ мученьевъ началъ. «Господи! думаю, бывало, неужто жъ и взаправду мнѣ въ этой трущобѣ, какъ червю, гнить придется?» А сердце вотъ такъ и рветъ, такъ и поетъ въ груди.

«Даже работать совсѣмъ пересталъ. Знаю и самъ, что худо это, что другіе, можетъ и лучше тебя, за тебя работаютъ, однако принужденія сдѣлать себѣ не въ силахъ. Ну, и дай Богъ нашимъ здоровья—пожалѣли меня, до барина этого не довели.

«Богъ только одинъ разъ по вечеру господа наши въ гости уѣхали; пошелъ я во дворъ поглядѣть, какъ наши сѣнныя дѣвушки въ горѣлки бѣгаютъ. Только бѣгаютъ—это дѣвки, а во флигель на крылечкѣ какая-то барыня на нихъ смотритъ. Ну, и наши все тутъ въ кучу собрались; идетъ промежъ нихъ хохоть да балагурство; увидѣли меня, на смѣхъ тоже подняли:—Что, пришелъ, или, молъ, смирился?—Анъ, нѣтъ, говоритъ Филатовъ, онъ къ Марьѣ Сергѣевнѣ на поклонъ явился!—Тутъ только я и узналъ, что эта барыня сама Марья Сергѣевна и есть.

«А Марья Сергѣевна у нашего барина въ родѣ какъ экономка жила. Была она просто-на-просто пастуха нашего дочь; только Семерикъ и въ паневѣ ее облюбовалъ, и по этому самому отца-то изъ пастуховъ въ дальнюю деревню въ старосты произвелъ, а ее въ горницу къ себѣ опредѣлилъ. Ну, взяли сердечную, вымыли, вычесали, въ платье нѣмецкое одѣли и къ Семерикку представили; барыня наша, сказываютъ, много объ этомъ въ ту-пору стужалася.

«Однако, любопытно мнѣ стало поглядѣть на нее. Самъ знаешь, барнинова сударка—стало-быть, сила. Коли не настоящее, значить, тебѣ начальство, такъ еще хуже того; какъ же тутъ утерпѣть, не посмотрѣть? Подошелъ я къ крылечку и гляжу на нее.

«И вотъ, братецъ ты мой, даже до сей минуты вспомнить я о ней не могу: такъ-это и закипитъ, задрожитъ все во мнѣ! Ровно подвядо во мнѣ все нутро, ровно сердце въ груди даже заиграло, какъ взглянула она на меня! И нельзя даже сказать, чтобъ ужъ очень изъ себя пышна или красива была, а такой-это былъ у нея взглядъ мягкій да ласковый, что всякому около нея тепло и радостно стано-

вилосо. Ну, и усмѣшечка эта на губахъ тихонькая... ровно вотъ зоренька утренняя сквозь облачка поигрываетъ.

«Много видѣлъ я барынь красивыхъ, и изъ нашего званія тоже хороши дѣвушки изъ себя бываютъ, а все-таки Маши другой не встрѣчалъ. Доброта въ ней большая была; а потому, можетъ, самому краса ея силу имѣла, что душа у ней на лицѣ всякому объявлялась. Такъ скажу: не знай я теперя, что давно она въ могилу пошла, жизни бы не пожалѣлъ, въ кабалу бы себя опять отдалъ, только бы на лицо ея насмотрѣться, только бы голоса ея милого послушаться!

«Ну, и она, увидѣвши меня будто въ первый разъ, тоже полюбопытствовала.

«— Не вы ли, говорить, новый поварь, что изъ Москвы онамеднись выслали?

«— Я, говорю.

«— Отчего жъ, говорить, вы въ такомъ платьѣ ходите?

«— А оттого, молъ, что на то есть барская воля.

«— Такъ вы барина попросили бы... онъ вѣдь только гордь очень, а добрый!

«— Нѣтъ, говорю, я просить не буду, потому что внередъ знаю, что если стану съ бариномъ говорить, такъ ужъ это безиремѣнно, что ему нагрублю.

«— Что жъ такъ?

«— Да такъ, Марья Сергѣевна... за что, примѣрно, онъ меня платья моего лишилъ?

«— Вотъ вы какіе! пожили въ Москвѣ, да и стали ужъ слишкомъ спѣсивы! А вы бы глядя на другихъ дѣлали.

«Ну, я противъ этихъ ея словъ ничего сказать не рѣшился; стою да молчу.

«— А хорошее, говорить, въ Москвѣ житье?

«И сама, знаешь, тяжелько такъ вздыхаетъ.

«— И вездѣ, говорю, хорошо, гдѣ, то-есть, жить намъ мило.

«— А гдѣ, по-вашему, мило?—спрашиваетъ.

«— А тамъ, говорю, мило, гдѣ у насъ милый другъ находится...

«Сказаль это, да и смотрю на нее, и даже чувствую, какъ меня всего знобить. И она со словъ моихъ словно зардѣлась вся, опустила это голдовонку и задумалась.

«— Вамъ, можетъ, желательно, чтобъ я за васъ барина попросила, говорить.

«— Коли ваше желаніе на то есть, говорю, такъ отъ васъ я принять милость не откажусь.

«Больше въ тотъ вечеръ я съ ней не говорилъ. Только стало мнѣ съ той минуты словно легко и незаботно на свѣтѣ жить. Пошелъ я къ себѣ на сѣноваль спать, и всю-то ночь вмѣсто снанья только пѣсни пропѣлъ.

«Да и ночь-то на ту-пору такая случилась: теплая да звѣздная, ровно даже горить-это наверху отъ множества звѣздъ! И все-это кругомъ тебя спить; только и слышишь, какъ лошадь около яслей на мякину фыркнула, или въ денникѣ жеребенокъ въ солому съ-просоньева закопошился.

«На утрѣ позвали меня къ барину. Не могу о себѣ сказать, чтобъ изъ робкихъ былъ; однако, на ту-пору такъ сробѣлъ, что даже сердце во мнѣ упало. Баринъ принялъ меня въ лакейской предъ всѣми людьми и очень что-то грозно.

«— Ну, что, говорить, прочухался?

«Я молчу.

«— Что жъ ты не отвѣчаешь, звѣръ?

«Я опять молчу. Только слышу, что по-за-дверью ровно зашуршало что. Задрожаль, затрясся я весь.

«— Виновать, говорю.

«— То-то, моль, виновать!

«Ну, и простилъ онъ меня, въ кухню опредѣлить велѣлъ.

«Стали мы послѣ этого чаще видаться, только больше все при людяхъ. Иной разъ и встрѣтишься гдѣ-нибудь

одинъ-на-одинъ, однако смѣшаешься, обрѣдешь,—ну, ничего и не скажешь. Объ одномъ только и въ мысляхъ, бывало, удержишь, какъ бы съ ней встрѣтиться, или бы пороховъ отъ платяся ей услышать, или бы вотъ хоть издали на нее полюбоваться. Ну, и она словно замѣтила, что усмѣшка ея шибко мнѣ нравится: какъ ни пройдетъ мимо меня, всякій разъ безпремѣнно усмѣхнется... Такъ и протянулось наше дѣло до осени.

«По осени, такъ, около Введеньева дня, стали наши господа въ Москву собираться. Пошелъ-это по дому трескъ да шумъ; возы съ поклажей сряжаютъ, экипажи дорожные излаживаютъ,—ну, какъ у большихъ господъ обыкновенно водится. Слышу я, что и Мама съ господами уѣзжаетъ, а мнѣ приказу ѣхать не объявляютъ. Сталъ я стороной отъ людей узнавать: кто говорить — Павлу-повару ѣхать, кто говорить — мнѣ ѣхать, а настоящаго нѣту. Времени, межъ тѣмъ, все меньше остается,—смерть, да и полно!

«Первѣшилъ я подъ конецъ, чтобъ мнѣ самому съ Машей объ этомъ переговорить. Выбралъ время, какъ ей изъ дому во флигель на ночь идти, сталъ и жду у крылечка. Только вижу, что вдали огонекъ забрезжилъ и прямо-таки къ флигелю бѣжитъ, словно вотъ искорка, откуда ни взялась, одна, сама собой въ воздухъ летаетъ.

«— Вы, говорю, Марья Сергѣевна?

«Спервоначалу она было испугалась, даже остушилась и упала, однако, голосу не дала. И ее бережненько поднялъ, посадилъ на крылечко и фонарь затушилъ.

«— Вы, я говорю, не опасайтесь меня, Марья Сергѣевна!. Я съ тѣмъ нарочно и пришелъ, чтобъ васъ видѣть. Мочи моей больше нѣтъ; все у меня сердце отъ тоски изорвалось!

«Подошелъ я поближе къ ней, взялъ ее за рученьку и слышу, что она словно листъ вся трясется.

«— Вы вотъ съ господами въ Москву собираетесь, говорю. стало-быть, разставанье будетъ намъ долгое... По-

этому я так теперь о себѣ понимаю, что самый я безъ васъ буду несчастный человекъ, и, стало-быть, ничего мнѣ другого желать не надо, какъ только руки на себя наложить или въ лѣса отъ такихъ мученьевъ бѣжать...

«— Да вѣдь и вы, чай, съ нами въ Москву поѣдете? Чтой-то, ужъ и бѣжать собрались... словно и разуму своего вы лишились!

«— Нѣтъ, говорю, въ Москву я съ вами не поѣду; да и вы, коли меня жалѣете, барина отъ этого намѣренія отклоните. Потому, первое, что въ Москвѣ я надежды на себя не имѣю. А второе дѣло, мнѣ и здѣсь на ваше житье смотрѣть совсѣмъ непереносно стало.

«Какъ выговорилъ я ей это, она словно даже ручьемъ залилась.

«— Такъ, вотъ, говорить, чѣмъ вы меня попрекаете, точно сами не знаете, какова моя здѣсь жизнь!

«— Я, говорю, не съ тѣмъ это сказалъ, чтобъ васъ попрекать, а съ тѣмъ, что при моихъ къ вамъ чувствахъ смотрѣть мнѣ на эти дѣла не приходится.

«Только она еще пуще на это заплакала, а меня ровно тутъ духъ какой обуялъ! Бросился я къ ней, поднялъ-это ее къ себѣ на руки... И жалко-то мнѣ ее, и душу-то я бы за нее отдать, и злость, однако, за сердце словно вотъ клещами хватасть: пропадай, моля, все, не доставайся она ни мнѣ, ни ему! Даже заковать весь, даже не слышу ничего, мну да тиранию ее, сердечную, въ рукахъ, будто задушить хочу... А она только потихоньку стоить, а рваться отъ меня не рвется.

«— Ваня! говорить, что ты надо мною сдѣлать хочешь?

«Опамятовался я подъ конецъ, выпустилъ ее изъ рукъ. Тяжко мнѣ тутъ сдѣлалось, такъ тяжело, что и сказать нельзя. Смотрю-это на барскій дворъ, и самъ Богъ знаетъ что думаю; смотрю тоже и на большую дорогу, и на лѣсъ дальній,—и все это будто перемѣшалось во мнѣ; точно не самъ я, а именно лукавый во мнѣ думаетъ.

«И такова была въ ней душа ангельская, что она не токма-что тиранства моего не попомвила, а меня же, звѣря лютаго, угѣшать бросилась.

«— Вани, говорить, голубчикъ ты мой! ахъ, да посмотри же, посмотри же ты на меня! пожалѣй ты меня! Легче бы мнѣ въ пропасть теперь сгнуться, чѣмъ сердце твое на себѣ видѣть!

«И вотъ, братецъ ты мой, хоть зима на дворѣ стояла: значить и тѣмнеть, и сивирь, и снѣгъ, однако, краше для меня эта ночь самой теплою лѣтней ночи показалась! Всѣ эти звѣзды, что на небѣ горять, словно въ сердцѣ у меня загорѣлися!

«На утро прикинулась къ ней горячка. Доложилъ объ этомъ барину и послали за дохтуромъ. Дохтуръ обозрилъ ее и сказалъ, что въ Москву ѣхать никакъ нельзя. Сокрушился Семерикъ; однако, такую къ Мангѣ привычку взялъ, что даже поѣздку въ Москву хотѣлъ отложить. Только тутъ ихняя супруга, дай Богъ ей здоровья, за наше счастье вступилася. Семерикъ говорить: «не поѣду!» Семеричиха кричить: «врешь, поѣдешь!» И опять Семерикъ свое долбитъ, а Семеричиха такъ на него и заливается: «и безъ того я отъ тебя не-вѣсть-что безобразіевъ терплю, чтобъ смѣлъ ты меня на всю жизнь въ деревню запереть!» Много у насъ тутъ сраму на весь домъ было. Однако, Семеричиха, какъ была генеральская дочь, одолѣла. Стали собираться; вышелъ и мнѣ приказъ быть готовымъ.

«Ну, вѣтъ, думаю, это, видно, подождать придется! И удумалъ я тутъ штуку. Явился къ Семеричихе и, какъ ни воротило мнѣ сердце, налъ къ нему въ ноги взаправду.

«— Позвольте, говорю, въ деревнѣ остаться!

«— Это еще что за штуки?—говорить:—и какъ ты смѣлъ прямо на глаза мои показываться?

«— Я, говорю, по слабости моей, въ Москвѣ надежды на себя не имѣю, потому какъ тамъ и знакомство у насъ

большое, и случаевъ больше есть, а въ деревнѣ все одно, что въ монастырѣ...

«Понравилось это Семерику. А душе всего то по-сердцу пришлось, что вотъ, молъ, лютаго звѣря въ смпреніе привелъ!

«— Ну, говоритъ, коли есть твое желаніе, чтобъ въ исправленіи своемъ укрѣпиться, такъ я препятствовать этому не могу... Взять въ Москву Павлушку!

«Уфхали.

«Остались мы съ Машей въ домѣ почестъ-что одни. Молодыхъ всѣхъ господа еще съ обозомъ въ Москву угнали, а въ деревнѣ оставили только стариковъ да конюховъ. Къ Машѣ старуху Матрену Ивановну приставили — золотая это была душа! Стало-быть, очень намъ было свободно! По началу она еще слабость въ себѣ чувствовала, а недѣльки черезъ двѣ и поправляться стала. А Семерикъ то и дѣло, что изъ Москвы гонца за гонцомъ шлетъ, да строго-на-строго наказываетъ, чтобъ Машу къ нему въ самой скорой скорости выслать. Однако, нѣтъ.

«И словно рай промежъ насъ тогда поселился. По времени, даже смѣлость такая у насъ проявилась, что и людей совсѣмъ опасаться перестали. Заложницъ, бывало, объ-вечеръ жеребца съ барской конюшни въ охотницкія сачки, укутаешь ее, голубушку, въ шубку, и пошелъ по полянкамъ гулять, — даже духъ занимается! А ночи-то, братъ, лунныя да морозныя, и снѣгомъ-то кругомъ тебя обдаетъ, и вѣтромъ-то жжетъ... Жизнь! У Маши, бывало, даже глазенки заискрятся, столь это хорошо!

«Ну, и домой тоже пріѣдешь, огогрѣвать ее станешь, на рукахъ, словно ребеночка, баюкаешь...

«Да, братъ,—какъ подумаешь да погадаешь, что все это жило да сплыло, да быльемъ поросло, и что всему этому житію Семерикъ на всякъ часъ поперекъ можетъ стать,— даже страхъ тебя какой-то беретъ!

«И скажи ты мнѣ на милость, отчего бы, напримѣръ,

мнѣ счастливымъ не быть? И отчего, напримѣръ, вздумать я разъ въ жизни радость свою имѣть, и тутъ вышло, что радость та не моя, а чужая? Отъ этой, братъ, думы и ушелъ я въ лѣса, чтобъ больше она меня не тревожила.

«Провѣдалъ, однако, прозналъ опъ—какъ ужъ, не знаю— про нашу любовь. Бурмистръ, что ли, ему отписать,—этого доказать не могу; только разъ приѣзжаемъ мы вечеромъ съ поля, анъ въ барскомъ домѣ огни горять. Маша моя такъ и ахнула... Ну, и я тоже маленько будто посумнился.

«— Что, говорю, Маленька! гаркнуть развѣ, и помпнай какъ звали?»

«Только говорю я это, а самъ вижу, что она ни жива, ни мертва въ саночкахъ сидитъ. «Ну, думаю, плохо, значить, наше дѣло. — пришлось въ раздѣлку идти!»... Надѣялся-было я на первыхъ порахъ во флигелѣ ее схоронить, анъ и тотъ запертъ.

«Привели насъ къ Семерику... Ну... кончилось тѣмъ, что Машу черезъ два дня въ деревню за вдовца за дѣтнаго замужъ отдали, а меня приказали въ солдаты сдать...

«Въ эту ночь много я отъ холоду вытерпѣлъ, а пуще того отъ думы да отъ тоски сокрушился. То будто зимазимская морозная передъ глазами носится, и полянки эти дальняя, и саночки малыя, и Маша, разлюбунка моя, тутъ... И словно свѣтъ голубой мнѣ въ глаза бьетъ, и въ этомъ свѣтѣ голубомъ она, моя голубунка, ровно въ воздухѣ, дрожить и колышится... Залило меня горе всего!

«Порѣшилъ я, однако, бѣжать. Не то чтобъ солдатства крѣпко боялся, а словно дѣло это для насъ необычное, да и съ Манею разстаться жалко; все думасшь: не закопаютъ же ее живую въ могилу,—авось можно свидѣться какъ-нибудь.

«Вотъ на другой день подняли меня ранымъ-ранѣхонько. Вывели, всего обнарили. На дворѣ подвода стоитъ, и отдатчикъ съ подводчикомъ наготовѣ ожидаютъ. Пришли родные, пришла дворня вся: бабы воютъ да стонутъ, особливо матушка. Цзмаяли они меня.

«Привелось намъ мимо скотныхъ дворовъ ѣхать. Не утерпѣлъ я — и сталъ проситься, какъ бы Машу мнѣ по-видать. Известно, отдатчикъ, вмѣсто отвѣта, велѣлъ лошадь стегать; однако, я вскочилъ и зачалъ его за горло душиить: — Мнѣ, говорю, за одно терпѣть, а тебѣ не быть живу, варвары вы такіе! — Ну, испугался, пустилъ. Вопеть я въ избу: избенка-эта темная да смрадная, словно хлѣвъ коровій.

«— Много лѣтъ здравствовать, Марья Сергѣевна! — говорю.

«Только услышала она мой голосъ, бросилась-это ко мнѣ, уиѣнилась за полушубокъ... даже ровно замерла тутъ.

«— Погубилъ я тебя, Машенька, говорю, не будетъ мнѣ за это счастья въ сей землѣ!

«— Жить... нѣтъ... нѣтъ! — говоритъ, а сама такъ и дрожить, такъ и трясется вся, и въ лицѣ ни единой кровиночки нѣтъ.

«Сѣлъ я на лавку, положилъ ее на колѣни къ себѣ и сталъ это цѣловать да миловать. Только чую, будто слезы у меня горять, да и сердце въ груди ровно ширится. Ну, думаю, плакать, такъ плакать... въ остатній разъ! Плачу я это, даже духъ у меня отъ слезъ словно захлестываетъ... только и могу выговорить: Машенька! Машенька!.. ахъ, да каково жъ это больше не свидѣться! — А она даже и не отвѣчаетъ ничего; завернулась, голубка, подъ полушубокъ ко мнѣ, да только руками обѣими меня удерживаетъ... И сладко-то, и тоскливо-то мнѣ!

«Только, видно, дали во дворъ знать, что двоимъ со мной не сладить; прибѣжало еще человекъ съ пять на подмогу. Стали ее отымать отъ меня; ну, и она по началу ровно не поняла, что съ ней дѣлается, даже взять себя допустила.. Однако, какъ началъ я скотницѣ Аграфенѣ въ ноги кланяться, чтобъ она ее, сиротку, пригрѣла да приголубила, вдругъ она словно разразилась: взвизгнула-

это, застонала и зачала изъ ихъ рукъ рваться... даже я сама поскорѣй изъ избы выбѣжала.

«Бѣду я дорогою да все думаю: «Уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!» Гляжу-это на поле дальнее; вонъ въ сторону вихорикъ закружился, вонъ пеленку снѣжную взбурило... уйду, молъ, отъ нихъ, безпремѣнно уйду! Вонъ мостикъ ветхонькій черезъ рѣчку лежитъ; по краямъ у рѣчки ледокъ, словно хрусталь чистый, склиблся, а середочка плещется, ровно живая журчить... уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!.. Вонъ лѣсокъ впереди заснѣлся: ишь ты, какой лѣсъ частый да береженный!.. вонъ и въ деревню въѣхали... пошли саночки по ступенямъ тукъ-гукъ... Ахъ, да уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!

«— Пусти, Потапъ! — говорю отдатчику.

«— Чтò ты, говоритъ, чай, я не о двухъ головахъ!

«— Пусти, Потапъ! въ могилу за тебя живой лягу, души не пожалѣю... пусти!

«Не пустиль... Да уйду же я отъ тебя, безпремѣнно уйду!

«Привѣхали мы на постоялый дворъ ночевать. Съели ужинать, а я все одно думаю: «уйду, да уйду». Положили они меня для вѣрности промежъ себя спать, даже полушубокъ съ меня сняли, да подъ головы себѣ сунули. Однако, я не сплю и все въ умѣ одно держу: «уйду, молъ, я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!» Вотъ только слышу я—загудѣло мужичьё, были тутъ, кромѣ насъ, извозчики; наѣдятся они на ночь, такъ ровно начнетъ ихъ коробить во снѣ-то. Иной, знаешь, не своимъ голосомъ во снѣ зарычитъ, другой даже вскочить съ-просоньевъ, посидить-посидить словно полоумный, перекрестится, да и опять спать. Ну, и я попытать ихъ сначала хотѣлъ: вскочилъ чтò есть мочи, не шелохнется ли, молъ, ктò?.. Однако никто голосу не далъ; только Потапъ съ-просоньевъ сталъ около себя шарить, да не на ту сторону, сердечный, попалъ и нащупалъ проѣзжаго извозчика. Только я ползкомъ да ползкомъ... чу! сверчокъ

за печкой затрещаль... чу! вздохнулъ кто-то, — не Потапъ ли? Чу, кого-то словно душить во снѣ... И всего-то до двери пять шаговъ, а сколько я тутъ отъ одной думы измаялся, что лучше бы, кажется, пять верстъ на своихъ ногахъ сдѣлать... А все-таки доползъ подь конецъ! Тутъ на лавкѣ чей-то полушубокъ порожній обѣзрилъ, и его про запасъ смахнулъ.

«Вышелъ я на задворки, и вѣришь ты? — кажется, не долго мученія мои тянули — и всего-то съ сутки! — а словно я тутъ впервой воздухомъ свѣжимъ дохнулъ! Даже ослабъ весь, и ноги подкашиваются, и грудь будте расшаталася... Вышелъ я на задворки; однако, какъ началъ дѣломъ смекать: «плохо, думаю, это я сдѣлалъ; такимъ манеромъ они меня какъ разъ по слѣду накроютъ; лучше на большую дорогу пойти». Вышелъ, да не думая, словно изъ лука стрѣла, пустился въ обратный бѣжать.

«Бѣжалъ я безъ отдыху версты съ три, даже грудь начало саднить. А ночь-то мѣсячная да свѣтлая, и поле кругомъ чистое да ровное, — версты за двѣ человекъ видно! Вижу я: коли дальше идти, первое дѣло — изъ силъ выбьюсь, а второе дѣло — хватиться могутъ, и кто жъ ихъ знаетъ, въ какую сторону ихъ лѣпшій повернетъ! Показалась въ сторонѣ деревушечка, я и повернулъ въ проселокъ. Только она, распроклятая, точно дразнить меня: вотъ, кажется, рукой подать, такъ и вертится передъ глазами; однако, за ихними мужьяцкими вавилонами, добрыхъ я съ полчаса маялся, доколѣ дошелъ.

«Тутъ я впервой позналъ, что такое бѣглый человекъ значить. Пришелъ въ деревню, смотрю около себя, а куда идти — не смыслю. Словно ужъ судьба сама за меня промышляла да въ овинъ привела; зарылся я въ солому, да два дня оттоль и не выходилъ, — такъ не ѣвши и лежалъ... После сказывали мнѣ наши, что и въ этой деревнишкѣ меня отыскивали, однако, стало-быть, не постарались.

«Черезъ два дня вышелъ. Ну, прежде всего ѣсть до

смерти хочется. На дворѣ еще темнеть была, только кой-гдѣ огни въ избахъ видѣлись: значитъ, исправная баба ужъ печку затопила. Подошелъ я къ одной избѣ, вышибъ кулакомъ подворотню, подлѣзь скрозь нее и прямо въ избу къ бабѣ.

«— Подавай хлѣба! говорю.

«Только она — какъ была съ ухватомъ въ рукахъ, такъ тутъ на мѣствѣ и обмерла. Я къ столу; досталъ хлѣба, взялъ кстати и ножикъ.

«— Только ты пикни у меня, говорю; не нонѣ, такъ завтра — такъ дойму, что на вѣкъ языка лишишься!

«И точно, дай Богъ ей здоровья, — не пикнула.

«Наѣлся и опять въ солому залегъ — сумерекъ дожидаться. Теперь, думаю, хорошо: и сытъ, да и ножикъ при мнѣ есть. И все-то меня къ дому да къ дому тянетъ.

«Вотъ въ сумерки всталъ отъ своего логова и пошелъ-таки прямо въ деревню. Вижу еще издалеца, что въ кучерской у насъ свѣтъ горить. Не думавши долго, прямо туда.

«— Ребята! говорю, кто изъ васъ противъ меня измѣнщикомъ хочетъ быть?

«Только они сидятъ да помалчиваютъ, да промежъ себя переглядываются.

«— Если кто меня выдать хочетъ, говорю, такъ я тутъ весь; а не желаете выдать, такъ обогрѣйте да накормите меня!

«Никто, однако, противъ своего брата измѣнщикомъ быть не согласился. Тутъ я узналъ, что въ тотъ самый день Машу на деревню что-ни-на-есть за гадючаго мужика отдали замужъ; а Семерикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сейчасъ послѣ свадьбы въ Москву укатилъ.

«Загорѣлось во мнѣ: хочу да хочу Машу видѣть! даже ѣсть не могу; такъ всего и поднимасть меня.

«Пошелъ на деревню; вижу — стоитъ на краю избенка развалившая; подошелъ къ окошку — думаю, нѣтъ ли гульбы

у нихъ? Однако, видно, бѣдность шибко мужика одолѣла, либо совѣсть на народѣ зазрѣла, только не чуть въ избѣ никого, кромѣ хозяевъ. Горитъ-это посередѣ горницы лучина, и ровно чадъ да дымъ отъ нея идетъ, а свѣту почестъ ничего-таки нѣтъ; въ углу на полу ребята въ-по-валку спать... ну, одно слово, и голодно-то, и холодно-то въ этой избѣ, совсѣмъ, кажется, и жить-то нельзя. Одно мнѣ чудно показалось, что они ровно какъ вмѣстѣ жили,— сидятъ около свѣтца. Маша бѣлишко кой-какое дѣткамъ починиваетъ, а Трофимъ сапоги на продажу тачаетъ. Долго я такъ смотрѣлъ на нихъ, все думаю: взойти или не взойти? Однако Маша будто почувала что: встала съ мѣста и слушаетъ; ну, и Трофимъ къ окошку побрелъ.

«— Это я, говорю, Трофимъ Петровичъ! я, молъ, бѣглый Иванъ! Пустишь, что ли?»

«Услышавши меня, онъ по-началу даже отъ окна отшатнулся, однако вскорѣ опять поправился.

«— Пустишь, что ли, Марьюшка? — спрашиваетъ.

«Только она ровно испугалася: побѣжала-это отъ свѣтца прочь и за печку спряталася.

«— Пусти, говорю, Петровичъ! Вотъ тебѣ Богъ, что только проститься хочу; одной минуты не пробуду больше!

«Взошелъ я въ избу, помолился Богу, сѣлъ на лавку

«— Богъ въ помощь! говорю.

«Только она вышла ко мнѣ, мертвая-размертвая. Однакъ идетъ твердо.

«— Прости меня, Иванушка, говорить.

«Я заплакалъ; спжу-это на лавкѣ и, словно баба, малодушествую. Господи! какъ мнѣ горько-то, горько-то въ ту пору было! Словно темъ кругомъ меня облегла, словно страхъ да ужасъ на меня напалъ, словно тянетъ, сосетъ все мнѣ сердце!

«— Прощай, Иванушка! — опять говорить она, а у самой слезиночка въ голосѣ дрожить.

«Вскочилъ я; хотѣлъ въ оханку ее схватить, однако

вижу — въ углу Трофимъ стоитъ и словно у него зубъ на зубъ не попадаетъ. И она тоже руки впередъ протянула, будто какъ застыдилася. Ну, думаю, стало-быть, нашему дѣлу и взаправду окончанье пришло!

«— Прощай, говорю, Маша! прощай и ты, Трофимъ!

«Молчать оба.

«— Видно, моль, не свидѣться намъ?

«— Да, видно, не свидѣться! — молвилъ Трофимъ.

«Словно ожгло меня это слово.

«— Звѣрь ты! говорю.

«— Нѣтъ, говорить, не я звѣрь... Ты, говорить, рукой махнулъ да въ лѣса бѣжалъ, а ей весь вѣкъ со мной въ голодѣ да въ нуждѣ горе мыкать приходится... Такъ инъ лучше не замай ты насъ!

«Смотрю я на нее; все думаю: не скажется ли въ ней хоть на минуточку наше прежнее разлюбовное время-времячко?..

«Ну, и нѣтъ, какъ нѣтъ; стоитъ она какъ безъ чувствъ совсѣмъ, глазами въ землю смотреть, только верхняя губа будто дрожить легонько.

«— Ну, говорю, ииъ и взаправду, Маша, прощай! Однако, все-таки, на розстаняхъ, чай, поцѣловаться надо...

«... Такъ наше дѣло и кончилось. Вышелъ я отъ нихъ какъ безъ памяти. Отхваталъ я, братъ, въ эту ночь версты тридцать слишнимъ. Иду да иду впередъ, а куда иду — даже понятіе потерялъ. Снѣгъ мокрый глаза залѣпляеть, вѣтеръ въ лицо дуетъ, ноги въ сугробахъ тонуть, а я все иду, и все о чемъ-то думаю, хоть истинной думы и нѣтъ во мнѣ. Все это какъ во снѣ — отъ одного къ другому переходить: и Маша-то тутъ, и не ѣдаль-то я, и сѣна вонъ стогъ въ полѣ стоитъ, и ночь-то была въ-пору холодная да темная. Останови да спроси: о чемъ, моль, сейчасъ думалъ? — ни въ свѣтѣ отвѣта не дашь!

«Однако на утрѣ уморился, и понятіе это ко мнѣ изморомъ воротилось. Тутъ только догадался я, что замѣсто

того, чтобъ къ нашимъ на конный дворъ вернуться, я верстъ тридцать въ сторону шагнулъ. Ну, не судьба, значить!

«Вижу, навстрѣчу мнѣ мужичокъ съ дровами ѣдетъ. Мужичоночко этакой худенькой да мозглявенькой; «ну, на что такому мозглецу топорь?» думаю. Подошелъ къ нему.

«— Продай, молъ, топорь, дяденька!

«Онъ перенугался.

«— Христось, говорить, съ тобой. молодецъ! топорь-оть, чай, мой!

«— Извѣстно, говорю, что твой; только и для насъ онъ словно надобень!

«Ну, онъ столько учтивъ былъ, что больше со мной не разговаривалъ.

«Такимъ манеромъ прошло больше мѣсяца, что я все дальше пробирался.

«Вѣришь ли, даже не обогрѣлся ни разу порядкомъ, ни разу путемъ не поѣлъ. Привычки-то къ ночному рукомеслу еще не было, да и шелъ я все глухимъ мѣстомъ да проселкомъ, — такъ и въ питейный-то зайти не съ чѣмъ. И страхъ тоже одолѣлъ, потому что зима для бѣлаго чело-вѣка—самое некорыстное время; кругомъ—это суметы, ни бѣжать, ни схорониться некуда: того гляди — какъ зайца изымають.

«Однако, около Благовѣщенія, словно потеплило, а въ деревняхъ въ это время на пригревѣ объ ину-пору даже жарко бываетъ. Тутъ, братецъ мой, только я восчувство-валъ, какова на свѣтѣ жизнь хороша есть. Сядешь, бывало, въ сторонкѣ около стожка; солнышко прямо въ лицо тебѣ поглядываетъ; вѣтерки, словно бархатные, кругомъ поигры-ваютъ; въ сторонѣ, чу! вода русло себѣ просасываетъ; на-верху всякая птица кишнемъ-кишитъ, и не видать ея въ вышинѣ, а словно стонъ сверху внизъ стелется. Журчить-это, шумить все, точно и не одинъ ты въ свѣтѣ, точно за-

всегда кто-ни-на-есть съ тобой присутствуетъ... Самое развеселое это время!

«Тутъ и поживинка у меня порядочная случилась. Иду я разъ сумерками своимъ трактомъ и вижу, что посередь самой большой дороги кибитка стоитъ; лошади, пара, сзади привязаны, ямщика нѣтъ. Подхожу я къ кибиткѣ, слышу—разговоръ тамъ идетъ; одинъ сѣдокъ, должно-быть, слышалъ меня, всталъ и смотритъ черезъ кибитку... Купецъ.

«— Много лѣтъ здравствовать, господа хозяева! говорю.

«Только онъ думаетъ, что меня, значить, ямщикъ помогать имъ прислалъ.

«— Скоро ли же ямщикъ-то вернется?—спрашиваетъ.

«Пошелъ я впередъ, будто кибитку осматриваю, а самъ примѣчаю, какъ бы за дѣло мнѣ половчѣй взяться. Вижу—впереди зажора, у кибитки одна оглобля напрочь отломлена; значить, ни назадъ, ни впередъ нѣтъ возможности.

— Да ты что за человекъ?—спрашиваетъ купецъ.

«А другой его товарищъ, даже не видѣвши еще ничего, забился въ глубь, да только знай-стонеть. Вижу я, что они ребята ласковые, и въ разговоръ съ ними взошелъ.

«— Вы, говорю, хозяева, просто, что ль, ѣдете?

«— Нѣтъ, говорить, безъ топора тоже не ѣздимъ.

«Ну, и топоръ показывается.

«—А коли есть топоръ, такъ дайте, значить, пять цѣлковыхъ,—и Богъ съ вами! А не то будемъ силу пробовать!

«Заартачился-было купецъ, да товарищъ его, спасибо, на выручку мнѣ подоспѣлъ. Застоналъ-это, заревѣлъ пуще прежняго: «отдай да отдай пять цѣлковыхъ!»

«Разсчитались.

«Пошелъ я послѣ того въ кабакъ, да тамъ и забылся. Объ ину-пору хорошо это бываетъ. Придетъ-это тошно да смутно такъ; назади некорыстно, да и вернуться туда ужъ нельзя, а впереди словно туманъ да темнеть виситъ... куда

идти? Думаешь, — думаешь, даже головой о стѣпу шарахнешься. Косушка вина много тутъ помощи дѣлаетъ. Выпьешь одну — въ сердцѣ словно радуга просияетъ; выпьешь другую — словно по морю по окіану плывешь; выпьешь третью — ни земли, ни воды подъ тобой нѣтъ, да и люди — ровно точки въ глазахъ мерещатся...

«Въ кабацѣ я человѣка встрѣтилъ. Показалось мнѣ, что онъ на меня съ перваго раза слишкомъ зорко посмотрѣлъ, да и съ цѣловальникомъ словно перемигнулся. Вотъ, выпилъ я свою чарку и сѣлъ въ углу на лавку, будто какъ благодушествую, а у самого даже муравьи по-за-кожей заползали! Все, знаешь, по новости своей думаю, что на лавзутчика попалъ. Тогда они промежь себя разговоръ ведутъ съ цѣловальникомъ.

«— Худо, Савва Дементычъ! — говоритъ человѣкъ: — развѣ вотъ лѣтомъ поправимся, а не то, видно, совсѣмъ отсель откочевывать придется.

«— Что жъ такъ?

«— Да ровно ужъ слишкомъ много порядковъ здѣсь завелось. Намеднись Спдорку на гумнѣ изловили, отпустить-то отпустили, да ужъ и выкупъ больно несообразный заломили. Надоѣло... Только бы товарищей такихъ подыскать, чтобъ и въ огонь, и въ воду охочи были идти, такъ, какъ жетса, ни на минуту бы здѣсь не остался.

«— И Дарьюшку ништо не жалко?

«— Что Дарьюшка! только связался я съ ней, а то давно бы намъ это дѣло покинуть надо! Намеднись-вотъ мужъ: «ты, говоритъ, меня въ окаянство ввелъ, ты меня воромъ сдѣлалъ, да и жену теперь отнимаешь!» Какъ будто я задаромъ его воромъ-то сдѣлалъ! И что еще, такъ-это остервенѣлъ, что ухватилъ ножъ да съ ножомъ зря впередъ и лѣзетъ. Даже смотрѣть на него глупо.

«Цѣловальникъ захохоталъ.

«— Однако надо правду-истину сказать, говорить, и ты въ его добръ ровно слишкомъ хозяйствуешь!

«— Чего хозяйствовать! Съ ней, братъ, всякій хозяйствовать можеть, — была бы охота! Намеднись-вотъ офицеръ проѣзжіи почевать у нихъ остановился, такъ мнѣ даже тошно стало, какъ она передъ нимъ привередничала...

«— Такъ вотъ она какова!

«— Да ужъ такъ-то «такова», что опять-таки говорю: найдись у меня теперь товарищъ хорошии, чтобъ вмѣстѣ ѡбъязать отсель, ни на минуту бы даже не задумался.

«А самъ говорить это да на меня поглядываетъ. Однако, я молчу и все это думаю, что онъ меня испытать хочеть. Долго ли, коротко ли они промежь себя побесѣдовали, только онъ не утеривль, подошелъ ко мнѣ.

«— Да ты что, говоритъ, землякъ, въ землю глазами уткнулся да нюни распустилъ?

«— А такъ, молъ.

«— Что такать-то, а ты говори дѣло. Отколь бредешь?

«— Прохожіи, молъ; шелъ да зашелъ,—и все тутъ!

«— Прохожіи Иванъ стащилъ на селѣ кафтанъ, идетъ на большую дорогу за шубой... Такъ, что ли?

«— Хоть бы и такъ, тебѣ что за дѣло?

«— Больно ты, братъ, гордъ, либо трусливъ ужъ не въ мѣру. Тебя же жалѣючи спрашиваютъ.

«— Да ты самъ-то кто таковъ?

«— А я, говоритъ, человекъ небольшой, по прозванію сторожъ ночной; неподалечку бекетъ здѣсь содержимъ да проѣзжающихъ въ страхъ Божиємъ держимъ!

«Цѣловальникъ засмѣялся.

«— Да и уму-разуму наставляемъ ихъ, потому какъ безъ нашей науки они безпремѣнно забылись бы... Вотъ еще онамеднись углицкіе купцы тутъ ѣхали: ну, я точно-что малую толику отъ нихъ попользовался; однако, за это и притчу имъ сказалъ: «Который, молъ, звѣрь всѣхъ звѣрей люте?—левъ. Кто льва люте?—человѣкъ; потому—человѣкъ человекъ погубляетъ, а левъ льва никогда. Кто человекъ люте?—разбойникъ!.. Такъ вы, говорю, ваши здо-

ровья, въ этомъ мѣстѣ поздно ночью не ѣздите, потому— тутъ шалить»... Такъ хочешь, что ли, съ нами молодець?

«Посумнился я тутъ съ крошечку. Хоть и вижу, что кончанье для меня одно впереди, однако съ непривычки все будто робостно.

«— Что задумался? Или, братъ, по пословицѣ: собака волка дереть, и драть не умѣеть, и отстать не смѣеть? А ты, коли въ тебѣ живая душа есть, говори прямо: хочешь другомъ быть?

«— Ты бы ему поднесъ для куражу, Мироньчъ,—говорить цѣловальникъ:—а то вишь онъ какъ отъ дороги осовѣлъ!

«Стали мы тутъ пить и бражничали такимъ родомъ дня съ три. На четвертый день такіе ли други-пріятели сдѣлались, словно вотъ вѣкъ только другъ о дружкѣ и сокрушались. Такъ и рѣшилась судьба моя въ кабакѣ.

«Привелъ онъ меня къ своей любезной. Мужъ у нея тутотка на большой дорогѣ въѣзжій дворъ держаль... такъ, небольно чтобъ очень корыстный. Мѣсто это самое глухое да непріятное; и стаялъ ихній дворъ, словно торчокъ, одинъ-одинѣхонокъ; кругомъ вереть на двѣнадцать лѣсъ дремучій, по дорогѣ песокъ по колѣни; ни воды, ни лужаечки нѣтъ,—такъ, дичь одна. Какъ ѣдетъ, бывало, кто по дорогѣ, такъ издалеча еще слышно, какъ по лѣсу словно щелканье поидеть. Стало-быть, польза отъ постояльцевъ была самая пустая; развѣ ужъ больно кто обночаетъ, или кони въ пескахъ шибко замаются, такъ къ Ѳедоту Карпову на часокъ завернуть, а прочіе норвятъ, бывало, мимо поскорѣй проѣхать. Да и жили они какъ-то сумнительно; у другихъ хозяевъ и работникъ, и работница путные есть, а у нихъ и всего-то одна работница, да и та нѣмая да дурочка была. Ну, для проѣзжихъ господъ оно и неприглядно; который и остановится случаемъ, такъ все по сторонамъ озирается, не хотятъ ли, молъ, рѣзать его.

«А Ѳедотъ Карповъ самый изъ себя паренекъ мизир-

ный да нескладный былъ. Махонькой да тощей такой, борода-это клинушкомъ, глазки маленькіе да врозь разбѣгаются,—даже смотрѣтъ гнусно. И все-то, бывало, или на палатяхъ проклажается, либо въ окошко сонной глядитъ, а начнетъ-это работать, такъ и не глядѣлъ бы на него: только въ навозѣ, словно борозъ, копошится... А со всѣмъ этимъ такой жадай былъ, что какъ увидитъ монету—даже словно обезпмятѣеть весь: этимъ только и держалъ его Корнѣй въ уздѣ.

«Зато на Дарьюшку точно-что можно залюбоваться было. И высокая-то, и полная-то, и глаза большіе на выкатѣ, а тѣло бѣлое да разбѣлое, словно вотъ пѣна молочная скипляла. Одно слово, отдай все да и мало. Пойдетъ-это по горницѣ или даже на мѣстѣ шевельнется,—такъ вся тебѣ кровь въ голову вдругъ и кинется... Пѣсни тоже пѣтъ мастерица была: чтѣ хочетъ надъ тобой своимъ голосомъ сдѣлаетъ! И тоской-то тебя всего залетѣтъ, и удалю да молодечествомъ сердце разутѣнитъ,—словно вся человѣческая душа въ рукахъ у ней была. Жила, вишь, она прежде у одного молодого кунчика, однако вышелъ ему срокъ жениться. — онъ и выдалъ ее за Федота. Отъ него и пѣсни-то пѣтъ она выучилась.

«Пришли мы къ нимъ около полдень; смотримъ, Дарьюшка у воротъ сидитъ, на солнышкѣ грѣется. Поздоровались.

«— Жить, что ли, у насъ будете?—спрашиваетъ Дарьюшка, а все на меня исподлобья поглядываетъ.

«— Да,—говоритъ Корнѣй:—покудова до тепла надобно будетъ прожить.

«— А послѣ куда?

«— А куда путь лежать будетъ... Вѣрнаго еще ничего сказать теперъ не могу.

«Только она на эти его слова ровно усмѣхнулась; только такъ-то нехорошо да обидно, что разомъ мнѣ Корнѣевы слова вѣспомнились, которыя онъ цѣловальнику въ кабацѣ говорилъ.

«— Чего смѣешься? правду говорю, что остатніе дни у васъ здѣсь валандаюсь!—говорить Корнѣй.

«— Ну, и съ Богомъ! — отвѣчаетъ Дарьюшка, а сама все на меня да на меня поглядываетъ.

«Словно помертвѣлъ Корнѣй.

«— Ишь ты, подлая!—говорить.

«Однако, она ничего; сидитъ-себѣ, да знай полеговсчку посмѣивается.

«— Такъ неужто жъ, молъ, мнѣ всеѣмъ твоимъ прихо- тимъ подражать?—говорить.—Хочешь идти, такъ иди... пла- кать по тебѣ, что ли?

«— И уйду; только такъ я тебя на прощаньи приго- дблю, что вѣкъ ты меня не забудешь... Змѣя ты!

«Чудно мнѣ это показалось. «Будь, думаю, я на Кор- нѣевомъ мѣстѣ, не посмотрѣлъ бы на косы твои русыя!» Однако онъ смолчалъ; только все у него нутро, словно у звѣря лѣснаго, зарычало.

«Въ тотъ же вечеръ у нихъ съ Ѳедотомъ Карновымъ дѣло чуть не до убивства дошло, и все опять эта Дарьюшка на озорство завела.

«— Слышаль, говоритъ, Ѳедотъ Карнычъ, что Корнѣй Миронычъ отъ насъ въ дальны стороны собирается?

«Какъ сказала она это, Ѳедотъ Карновъ даже помертвѣлъ весь. Ну, и Корнѣй словно потунился. А она вмѣсто того, чтобъ смирать ихъ, только пуще другъ на дружку натра- вливаетъ.

«— Сказываютъ, какъ это тамъ хорошо да привольно, и рѣкк-то, слышь, молочныя, и берега-то кисельные, и во- руютъ-то всѣ безданно-безпошлинно... ииъ и тебѣ за нимъ ужъ бѣжать, Ѳедотъ Карнычъ?

«Слушаетъ это Ѳедотъ, а у самого даже бороденка словно листъ трясется.

«— Правду, что ли, баба лаетъ?—говорить.

«Ну, солгать бы тутъ Корнѣю: пошутить, молъ, и вся недолга; однако, онъ или посоветился, или не нашелся

съ перваго разу: пробормотать что-то невнятно въ отвѣтъ и замолчать.

«— Анъ, врешь ты! — говоритъ Ѳедотъ. — Не посмѣешь отсель уйти!

«А самъ и заикается-то, и по столу-то кулакомъ бьетъ...

«— Али любь тебѣ сталъ?—говоритъ Корнѣй.

«— Любь не любь, а у меня съ тобой счеты есть... Въ кабалу ты ко мнѣ шель!

«Ну, лѣзетъ на Корнѣя, да и шабашъ, даже на мѣстѣ словно скачетъ; и кулачишкомъ-то, и головой-то ему въ брюхо норовить... Удивленіе да и только!

«— Ты, говоритъ, женой у меня завладать; такъ задаромъ, что ли, я тебѣ ее отдать?

«— Ишь, тебя больно спрашивались...

«А Ѳедотъ все одно:

«— Издохнешь, говоритъ, мнѣ служивши! Убью я тебя и въ отвѣтъ не буду!.. Потому—ты воръ... Да, говоритъ, воръ, воръ, воръ... разбойникъ ты!

«Корнѣй только знай рукой отмахивается, какъ онъ слышкомъ на него наскакивать начнетъ.

«А Дарьюшка, сдѣлавши свое дѣло, ушла за перегородочку, словно горя ей мало; только и слышно, какъ она тамъ позѣвываетъ да потягивается.

«— Часто этакъ-то у васъ бываетъ?—спрашиваю я ее.

«— А кто ихъ знаетъ! Каждый день все ссору да драку заводять... Чтò на нихъ смотрѣть-то? Да неужто взаправду Корнѣй на чужую сторону собирается?

«— Да, взаправду.

«— Куда?

«— А куда глаза глядятъ.

«— Ну, и Богъ съ нимъ!

«— Будто тебѣ его не жалко?

«Такъ она, братецъ мой, не то чтобъ поскучать или хоть бы задуматься—все же чужой человекъ передъ ней—даже засмѣялась въ отвѣтъ.

«— Ты, говорить, съ Корнѣемъ, что ли?»

«— Съ Корнѣемъ.

«— Напрасно... кабы ты съ нами остался, и Ѳедотъ бы Карнычъ Корнѣя отпустилъ.

«Говорить это, да такъ-таки прямо въ глаза мнѣ и смотреть.

«— А намеднись, говорить, офицеръ проѣзжій у насъ становился, такъ раза съ четыре ворочался: все бѣжать съ собою меня сманивалъ! И опять прѣхать обѣщался...

«— А Корнѣй чего смотрѣлъ?»

«— Что Корнѣй! Извѣстно, въ хлѣву злобствовали! Развѣ его въ горницу пуцають, когда прѣзжіе господа есть?»

«— Видно, ты-таки охоча гулять-то!

«— А для-че не гулять, когда гулять можно... весело гулять! Вотъ у меня баринъ былъ миленькій, — ужъ то-то мы съ нимъ погуливали!.. Хочешь, что ли, пѣсню тебѣ спую?»

«Сняла со стѣны гитару, да словно разлилась тутъ вся:

«Ахъ, гдѣ, жена, была-была, гдѣ, сударыня, была?»

Я была, сударь, была, у пона въ гостяхъ»...

«И поеть-то, и плечьми-то подергиваетъ, и каблучками-то пристукиваетъ... всякая словно жилка въ ней вдругъ заговорила!

«А грудь-то бѣлая да полная, тяжеленько-это подъ гитарой мечется, ровно моченьки у ней нѣтъ, ровно истомило ее всю, измаяло! Такъ оно хорошо да сладко, что и Корнѣй съ Ѳедотомъ лаяться перестали, а у меня даже свѣтъ въ глазахъ помутился!.. Какъ легли мы послѣ того съ Корнѣемъ на сѣнницѣ спать, долго она мнѣ сквозь сонъ все мерещилась!

«Жили мы у нихъ съ мѣсяць-мѣста, ничего не дѣлаючи: однако, я укрѣпился, противъ товарища подлецомъ сдѣлаться не хотѣлъ. Подивился я тутъ на Корнѣя! Ужъ на что, кажется, крѣпкій человекъ былъ, а передъ этимъ Ѳедоткой словно овца смирялся: что хотѣли изъ него дѣлали.

Она, бывало, и за водой его посылаетъ, и кушанье стряпать велитъ—все справляя!

«По времени, и совѣмъ тепло установилось. Сталь Федотъ Карповъ намъ докучать, что мы только руки склавши сидимъ да чужой хлѣбъ ѣдимъ. Началь и я Корнѣю вспоминать, что не затѣмъ въ товарищи къ нему пошелъ, чтобъ у бабы подъ юбкой прятаться...

«Вотъ вышли мы со двора поздно вечеромъ, на самый Егорьевъ день. За десять версть отъ двора и мѣсто у насъ было такое назначено, чтобъ съ товарищами сойтись. Только идемъ мы опушкой, а у меня словно сердце въ груди измираетъ: то, знаешь, робость непереносная всего обхватываетъ, то вдругъ такую въ себѣ силу и мочь почувствуешь, что, кажется, не шелъ, а летѣлъ бы впередъ да впередъ. И чего-чего тутъ не передумаешь: и стоны-то загодя тебѣ слышатся, и кровь будто передъ глазами проливается...

«И ничего-таки этого не бываешь, и все, братецъ ты мой, это одинъ разговоръ! Настоящій разбойникъ никогда не убиваетъ; убиваетъ больше мелкій ворлишка, который съ предметомъ своимъ совладать не можетъ. А у насъ всякое дѣло миромъ кончается: одна часть тебѣ, другая часть намъ, — и ступай на всѣ на четыре стороны! Случается, правда, что бабы отъ страха пищать,—ну, и Христосъ съ ними, пускай пищать!

«Потому, какая для насъ корысть человѣка жизни лишать? Первое дѣло—грѣхъ занапрасно на душу возьмешь, а второе дѣло—слѣдъ безпремѣнно оставишь. Иной, свою часть вручивши, погорюетъ—да и броситъ дѣло такъ, потому дорожному человѣку съ полицейскими связываться тоже не приходится. Ну, а какъ убьешь-то его, онъ волей-неволей на тебя пожалуется; пойдутъ-это шарить да сыскивать, и хоть ничего настоящаго не найдутъ, однако на цѣлый мѣсяць все дѣло тебѣ перепакостятъ.

«Въ эту ночь мы барина остановили. Молоденькій такой

да и ѣжненькій, а трисется, сердечный, одинъ на телѣжечкѣ. Шибко онъ насъ испугался, даже смѣшался совсѣмъ.

«— Что жъ ты не везешь, каналыя ты этакая!— кричить ямщику, а самъ почти плачетъ. Ну, денегъ у него мы не густо нашли, потому—домой на побывку налегкѣ ѣхалъ, а взяли у него чемоданишко, часы золотыя да перстенекъ съ руки. Больно мнѣ его жалко было. И то говорилъ Корнѣй:— что, молъ, младость обижать?— Однако, онъ не послушалъ...

«Въ другую ночь видимъ—цѣлый рыдванъ по дорогѣ шестерникомъ ползеть. Ну, такъ и мерещится мнѣ, что Семериковъ это рыдванъ.

«— Братцы, говорю, голубчики, никакъ это *мой* ѣдетъ!

«Однако, вышель не онъ, а баринъ какой-то большой. Растянулся-себѣ на подушкахъ баринъ любезный, спитъ во всю ивановскую, а у самого крестъ на манишкѣ болтается. Ну, мы его разбудили.

«— Ваше благородіе,—говорить Корнѣй:—извольте вставать, на станцію пріѣхали!

«Только онъ по-началу высоко было-взялъ.

«— Какъ вы смѣете, говорить, да вы знаете ли, говорить, что я васъ туда унеку, куда Макаръ телятъ не гоняетъ!..

«Потомъ, однакожъ, урезонился маленько... Много онъ намъ ласковыхъ словъ говорилъ: что и воровать-то стыдно, что и братья-то мы всѣ, что обижать намъ другъ дружку, стало-быть, не приходится; однако, какъ наше дѣло къ спѣху было, мы вслушаться въ его рѣчи настоящимъ манеромъ не могли, и такъ-таки въ-чистую его обобрали, что даже лошади послѣ того отъ легкости рысцой побѣжали.

«Стащили мы нашу добычу въ лѣсъ, въ самую труппу, и хворостомъ тамъ ее завалили. Только въ лѣсу долго оставаться еще неспособно было. И по дорогѣ, и въ полѣ ужъ сухо, а въ лѣсу еще земля словно не весь паръ отдала. Приклонишься къ низу, даже видишь, какъ земля на глазахъ

твоихъ отходить начинается, а въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ поглуше, словно вотъ легкая-легонькая пеленочка еще лежить, — ледокъ, значить. А изъ-подо льду ужъ и травка зелененькая выбивается.

«Воротились мы на постоялый раннимъ утромъ, чуть еще солнышко показалось. Въ горницѣ, видно, еще спали; только нѣмая работница за ворота вышла, позѣвываетъ да на восходъ крестится; да и та, увидѣвши насъ, словно испугалась, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, въ ворота шарахнулась... Чтò за чудо! Однако, Корнѣй, должно-быть, чутьемъ бѣду свою почуялъ и самъ за ней слѣдомъ ударился...

«Только я ужъ засталъ, какъ онъ Ѳедота допрашивалъ; Вижу, на немъ и званія лица нѣтъ, а Ѳедотъ стоитъ у стѣны въ одной рубашкѣ, волосы-это растрепаны, рожа невытая; стоитъ да подъ рукой его, ровно комаръ, топорщится.

«— Куда убѣгла? Сказывай!—говорить Корнѣй.

«И не то чтобъ шибко выкрикиваетъ, однако даже мнѣ отъ его голосу жутко стало.

«Ну, и Ѳедоткѣ, видно, не до разговоровъ пришлось: лепечетъ что-то про себя да руками разводитъ.

«— Продалъ ты, что ль, ее?—опять говорить Корнѣй.— Сказывай, сказывай же ты мнѣ, аспидъ ты этакой!

«Собралъ онъ его, братецъ ты мой, въ оханку и грянулъ объ полъ. Ужъ топталъ онъ, топталъ, ужъ возилъ онъ его по полу-то, возилъ!.. Давно и душонка-то его смрадная, чай, въ тартарары пошла, а онъ все сытости не чувствуетъ... Возьмешь-это, поднимешь его съ полу, и опять объ-земь—какъ шваркнетъ!

«Ну, подъ конецъ и самъ пзмаляся; грянулся-это на лавку, да какъ завопить да застонеть, ажъ вчужѣ меня холодный потъ прошибъ!

«Часа черезъ два мы этотъ проклятый постоялый дворъ со всѣхъ четырехъ угловъ зажгли. Такъ и сгорѣлъ со

вѣми пожитками; даже нѣмал, по глупости свой, выбѣжать не успѣла...

«И пошли мы послѣ того во путь, во дороженьку, отреклись отъ міра прелестнаго, поклонилися бору дремучему, и живемъ, нече сказать, ни худо, ни красно, а хлѣбъ жуемъ не напрасно.

«Странствуемъ мы съ нимъ по русскому царству, православному государству, странствуемъ по горамъ, по доламъ, по лѣсамъ, по полямъ, по зеленымъ лугамъ, а больше около большой дороги держимся.

«Весело, брать! это ужъ говорить нечего... т.-е. просто у насъ житье-пережитье!.. Однако, идешь-это иной разъ по опушечкѣ, и вдругъ на тебя дурость найдетъ... Растужилъ-разгорюешься, и падешь гдѣ-нибудь подъ елочкой, тяжело вздыхаючи, горьки слезы роняючи, свою жизнь проклинаячи... И елочка-это словно тебя понимаетъ: такъ-то плавно да заунывно лапами своими надъ тобой помаваетъ: вздохни, молъ, замученный! вздохни, безталанный, безчастный! вздохни, сирота, сиротскій сынъ!

«Видѣлъ я сонъ: прихожу будто я въ градъ вѣкій, и прихожу не одинъ, а съ товарищами: такіе пріатели есть, сотскими прозываются. Подхожу-это къ палатамъ пространнымъ: съ четырехъ концовъ башни высятся, спереду стоятъ батюшки-солдатушки; стоятъ солдатушки, ружьемъ честь отдають, за бѣлы руки меня принимаютъ, принимаячи разутѣшными рѣчамъ убажакють: «ты войди, молъ, къ намъ, воръ-разбойничекъ! душегубчикъ ты окаянненькій! Отдохни ты у насъ въ острогѣ каменномъ, за затворами крѣпкими желѣзными!»

«И еще видѣлъ я сонъ: стою я на мѣстѣ высокімъ и къ столбу у меня крѣпко-на-крѣпко руки привязаны. Собралось тутъ народу видимо-невидимо; все на меня позѣвать-поглазѣть, на меня, на шельмецаго-шельмеца, на разбойника!

«И молился я тут Спасову образу,
И на всё стороны низко кланялся:
Вы простите меня, люди Божии,
Помолитесь за мои грѣхи,
За мои ли грѣхи тяжкіе!
Не успѣлъ я на народъ возрѣти,
Какъ отсѣкли мою буйну голову,
Что по самыя плечи могучи...

«Ну, этотъ сонъ нельзя сказать, чтобъ пригожь былъ...
Однако, не лучше ли намъ это бросить—забыть...

«Ахъ, въ горѣ жить, некручинну быть!
А и горе-горе, гореванище!
Ахъ, въ горѣ жить, некручинну быть,
Нагому ходить—не стыдиться!»

XI. — Послѣ обѣда въ гостяхъ.

Удивительное дѣло, какъ все это было пригнано, какая во всемъ сказывалась система и гармонія! Потомство рѣшительно не повѣритъ. Поговоримъ хоть о губернскомъ надзорѣ. Всякій согласится, что безъ надзора нельзя: во-первыхъ, обывателямъ некому будетъ жаловаться, во-вторыхъ—куда же дѣнутся всё эти лица, которымъ ввѣренъ надзоръ? въ-третьихъ... ну, да вообще какъ-то неловко безъ контроля! Что могли бы сказать о насъ иностранцы, если бы у насъ не было контроля? Могли бы сказать: у нихъ царствуетъ произволь, потому контроля нѣтъ! Могли бы сказать: удивительно, какъ это люди живутъ въ такой странѣ, въ которой контроля нѣтъ! А теперь, какъ контроль есть, то иностранцы должны молчать, и ничего больше.

Главное дѣло, чтобъ контроль былъ безобидный и шелъ, такъ сказать, въ видѣ непрерывнаго перекрестнаго огня. Объяснимъ это примѣромъ. Если меня будетъ контролировать мужикъ, что можетъ изъ этого выйти? Разумѣется, ничего путнаго, потому что и онъ меня не понимаетъ, и я его не понимаю, и станемъ мы цѣлый день разгова-

ривать, я по-русски, онъ по-татарски. Совѣмъ другое дѣло, когда сойдутся люди просвѣщенные и скажутъ другъ другу: ты надзираи за мной, а я буду надзирать за тобой. Ясно, что здѣсь не можетъ случиться не раздоровъ, ни недоумѣній; ясно, что просвѣщенные люди поймутъ другъ друга и будутъ объясняться единственно по-русски. Такимъ образомъ, подозрѣніе о производѣ устраняется; обыватели на каждомъ шагѣ встрѣчаютъ лицо, которому могутъ принести жалобу; приличія соблюдены, всё довольно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раздоровъ никакихъ...

Возьмемъ другой примѣръ, болѣе осязательный.

Нашъ почтенный начальникъ края постоянно находится подъ контролемъ весьма не легкимъ; за нимъ надзираетъ и губернской штабъ-офицеръ, и губернской прокуроръ, — а между тѣмъ спросите его по совѣсти, чувствуетъ ли онъ это? Нѣтъ, онъ не чувствуетъ, ибо, съ другой стороны, штабъ-офицеръ и прокуроръ находятся и подъ его контролемъ. Слѣдовательно, сойдутся вмѣстѣ, переговаривать между собой ладкомъ, анъ, смотришь, и прекратятся разомъ всё недоумѣнія, смотришь—и пошли опять козырять, какъ ни въ чемъ не бывало.

Нашъ добрый и милый пріятель, Семенъ Михайлычъ Булановскій, былъ именно такого мнѣнія о контролѣ. Во-первыхъ, онъ вообще одобрялъ всю систему, а во-вторыхъ, хвалилъ въ особенности то, что контроль именно поручень ему, а не кому другому. «Это—говаривалъ онъ — именно величественное зданіе, въ которомъ всякій находится при томъ кругѣ, гдѣ кому по способностямъ быть слѣдуетъ».

И знаю, что въ послѣднее время развелось много неблагонамѣренныхъ людей, которые утверждаютъ, будто бы не предстоить никакой надобности ни въ штабъ-офицерахъ, ни въ прокурорахъ, ни даже... въ начальникахъ края! Для управленія обывателями, говорятъ они, достаточно однихъ законовъ! Конечно, если разсуждать съ точки зрѣнія теоретической, то нельзя не сознаться, что законы въ своемъ

родѣ тоже представляютъ величественное зданіе; но, съ другой стороны, бываютъ случаи, когда они говорить не могутъ и когда личное искусное вмѣшательство одно можетъ предотвратить величайшія бѣдствія. Въ особенности удобно и необременительно сіе средство въ дѣлахъ свойства, такъ сказать, домашняго (ибо въ нашемъ любезномъ отечествѣ еще встрѣчаются дѣла сего свойства). Приходитъ, напримеръ, ко мнѣ жена и жалуется, что мужъ ея поступаетъ съ ней не какъ супругъ, а какъ челоѣкъ посторонній. Что сдѣлать бы законъ? Законъ, во-первыхъ, сказалъ бы: «сударыня, докажите!» Во-вторыхъ, если бы и послѣдовало доказательство, то законъ отвѣчалъ бы: «это, сударыня, не мое дѣло». Напротивъ того, что сдѣлаю я? Во-первыхъ, я призову мужа и скажу ему: «какъ же тебѣ, любезный, не стыдно! Посмотри, какая у тебя жена хорошенькая!» Во-вторыхъ, если онъ этимъ не убѣдится, я пригрожу ему закономъ: «да, скажу, любезный, у насъ на этотъ счетъ и законъ есть!» А такъ какъ онъ законовъ не знаетъ, то и убѣдится навѣрное. Смотришь — анъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію! Другой примѣръ: приходитъ ко мнѣ работникъ и жалуется, что хозяинъ жалованья ему не платитъ. Натурально, я за хозяиномъ: «зачѣмъ ты, любезный другъ, денегъ не платишь?» Ну, онъ мнѣ: такъ и такъ. Отъ хозяина я опять къ работнику: «развѣ ты не можешь, любезный другъ, подождать?» Смотришь — анъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію!

Но важнѣе всего то, что мы, россияне, отъ рожденія нашего питаемъ къ судамъ нелюбовь. Одаренные отъ природы воображеніемъ впечатлительнымъ и характеромъ живымъ, даже строптивымъ, мы требуемъ, чтобъ дѣла рѣшались немедленно, а желанія наши удовлетворялись безпрепятственно. Что бы это такое было, если бы существовали одни суды и не существовало начальства? Страшно подумать, но предугадать не трудно. Во-первыхъ, обыватели пришли бы въ уныніе; во-вторыхъ, въ дѣлахъ произошелъ бы застой. Ре-

зультатъ же всего этого—хаосъ, среди котораго люди стремились бы не къ тому, чтобъ сдѣлать себѣ одолженіе, но къ тому, чтобъ поѣдать другъ друга.

Повторяю, нашъ милый Семень Михайлычъ вполне раздѣлялъ эти убѣжденія. Онъ находилъ, что въ особенности полезенъ надзоръ негласный, который благодѣтельствуешь, такъ сказать, въ тишинѣ уединенія. Въ такомъ видѣ, по мнѣнію его, онъ уподобляется Провидѣнію, всегда намъ присутствующему. Обиженный не имѣетъ основанія унывать, ибо знаетъ, что есть рука, которая защититъ его и покараетъ злодѣя. При такой увѣренности не можетъ не житья легко, ибо жизнь, такъ сказать, сама выноситъ обывателя на крылахъ своихъ. Въ этомъ же, быть-можетъ, заключается и дѣйствительная причина того, что въ государствахъ, гдѣ подобный контроль устроенъ, лица обывателей принимаютъ видъ откровенный и беззаботный, не говоря уже о томъ, какъ это пріятно начальству.

Вообще, Семень Михайлычъ чудный малый и слыветъ въ губерніи завиднымъ женихомъ. Онъ очень мило изъясняется по-французски, а благородной изысканности его манеръ удивляются всѣ помѣщики. Онъ нѣсколько сухощавъ и вообще сложенъ, если позволено такъ выразиться, меланхолически; при этомъ строень и имѣетъ черты лица не только выразительныя, но даже язвительныя. Правильности его носа еще не такъ давно удивлялась купеческая жена Барабонкина, а пристального взгляда его сѣрыхъ глазъ не могъ вынести самъ губернскій предводитель дворянства, когда его, по поводу ущерба какому-то казенному интересу, велѣно было келейнымъ образомъ допросить. Но человѣкъ чистый и невинный могъ смотрѣть ему въ глаза смѣло и съ увѣренностью всегда встрѣтитъ въ нихъ теплое участіе. Ко всему этому (какъ бы въ довершеніе общаго очарованія), онъ употребляетъ какіе-то анаемскіе духи, которыми умащаетъ себѣ усы и тѣло и отъ которыхъ такъ и разить чѣмъ-то таинственнымъ.

Семень Михайлычъ человѣкъ холостой, но не прочь жениться. Если онъ до сихъ поръ не принесъ себя въ жертву гименею, то это произошло совѣмъ не отъ того, чтобъ нашихъ дѣвицъ не пльняла его обольстительная наружность, но отъ того, что онъ желаетъ сдѣлать партію во всѣхъ отношеніяхъ блестящую. Ему мало того, что дѣвица, на которую онъ обращаетъ свои взоры, пышка, ему надо, чтобъ и отецъ ея былъ пышка, т. е. снабженъ надлежащими капиталами. «Жена должна принести мужу деньги и протекцію», говоритъ онъ, и, совершенно довольный собой, мечеть жгучіе взоры на сонмище тающихъ дѣвицъ.

Живеть онъ просто, но мило, въ домѣ той самой купчихи Барабошкиной, которая такъ восхищалась правильностью его носа. Говорятъ, будто бы онъ не платитъ за квартиру, но если это и правда, то, во всякомъ случаѣ, онъ обдѣлываетъ свои дѣла такъ скромно, что никто уличить его ни въ чемъ не можетъ. Въ какое бы время вы ни зашли къ нему—всегда можете найти добрый привѣтъ, добрую сигару и добрый стаканъ вина.

Семень Михайлычъ очень пріятный собесѣдникъ; онъ проникательный политикъ и умѣренный, но глубокомысленный философъ. Трудно повѣрить, но при всѣхъ своихъ многочисленныхъ занятіяхъ онъ находитъ время даже слѣдить за теченіемъ планетъ и, руководствуясь Брюсовымъ календаремъ, охотно объясняетъ обычнымъ своимъ собесѣдникамъ тайное ихъ значеніе. Такъ, напримѣръ, не далѣе, какъ прошлой зимой, онъ по теченію планетъ очень вѣрно предсказалъ, что въ персидской странѣ произойдутъ козни тайныхъ враговъ, стремящихся огорчить любезное отечество, но что козни эти будутъ открыты нѣкоторымъ царедворцемъ Олоферномъ, который и посрамитъ кознейцевъ. Все точно такъ и сбылось: черезъ двѣ недѣли мы уже читали въ газетахъ, что Олофернъ поймалъ и обличилъ злодѣевъ, которые были посажены въ мѣшокъ и ввержены въ море. Есть у него и библіотека, составленная исключительно изъ книгъ,

трактующихъ о разныхъ видахъ любви къ отечеству. По мнѣнію его, только такія книги и могутъ услаждать душу государственнаго человѣка, да еще сочиненія эротическаго содержанія; но сіи послѣднія должны быть читаемы съ умѣренностью и втайнѣ, дабы не породить соблазна въ народъ, который, по простодушію своему, можетъ, чего добраго, принять преподанныя тамъ правила за руководство въ жизни.

Однимъ словомъ, такіе люди, какъ Семень Михайлычъ, составляютъ истинное украшеніе городовъ, въ которыхъ поселяются; а такъ какъ въ Россіи нѣтъ губернскаго города, въ которомъ не было бы своего Семена Михайлыча, то и оказывается, что всѣ они изукрашены въ этомъ отношеніи преестественно.

Имѣя въ виду впереди балъ у губернатора и потомъ ночную пирушку у откупщика, я зашелъ къ Семёну Михайлычу, чтобы отвести душу въ умѣренно-либерально-политико-философской бесѣдѣ.

Я засталъ его за чтеніемъ новаго обширнаго трактата о любви къ отечеству; неподалеку, на случай отдохновенія, валялся новый романъ Поль-де-Кока.

Прежде всего мы, разумѣется, разговорились о различныхъ благотѣльныххъ реформахъ, ожидающихъ наше любезное отечество, потомъ о дѣйствіи, которое онѣ оказываютъ на обывателей. Оказалось, что это дѣйствіе, покажется, ограничилось тѣмъ, что генераль Голубчиковъ сошелъ съ ума въ ожиданіи уничтоженія откуповъ, да предсѣдатель уголовной палаты зашилъ мертвую въ ожиданіи судебной реформы. Мы, разумѣется, погоревали.

— Удивляться тутъ нечему,—сказалъ мнѣ Семень Михайлычъ по поводу непріятнаго происшествія съ генераломъ Голубчиковымъ:—такая вѣсть можетъ поразить и болѣе крѣпкіе организмы.

— Какой, однако, ударъ для всего семейства!

Семень Михайлычъ только махнулъ рукой, какъ бы говоря: погоди, то ли еще будетъ!

— Странно одно,—продолжалъ онъ:—какъ это Иванъ Николаичъ до сихъ поръ не приготовился! Посмотрите на меня: я ужъ давнымъ-давно ко всему готовъ!

— Что, развѣ получили что-нибудь?

— Не получилъ, но получу!

Семень Михайлычъ сказалъ это съ такимъ дрожаніемъ въ голосѣ, что я не сомнѣвался, что онъ получилъ нѣчто, но до поры до времени скрываетъ. Любопытство задѣло меня за живое.

— Вотъ вы говорите, что генераль не приготовился,—сказалъ я, желая увлечь его въ откровенную бесѣду:— да помилуйте, какъ же тутъ и приготовиться-то! Вѣдь онъ еще нынче утромъ получилъ радостное для себя извѣстіе.

— И все-таки надо было приготовиться!

— Да какъ же это, однакожъ?

— Повѣрьте мнѣ, что ничего нѣтъ легче. Нужно только соображеніе и христіанское смиреніе!—возразилъ Семень Михайлычъ и, немного помолчавъ, прибавилъ:—Да, главное все-таки христіанское смиреніе, какъ тамъ кто ни говори!—Семень Михайлычъ, который курилъ въ это время трубку, сталъ дуть въ нее съ такою силой, что искры цѣлымъ облакомъ посыпались на коверъ.—Я былъ сегодня у обѣдни и молился,—продолжалъ онъ таинственнымъ голосомъ:—только, когда проѣбли херувимскую, я вдругъ почувствовалъ, какъ будто что-то кольнуло меня въ самое сердце... Я, знаете, всталъ въ забвеніе, стою и молюсь, стою и молюсь... Ахъ, что я видѣлъ въ эту сладкую минуту! ахъ, что я видѣлъ! Скажу одно: съ этого мгновенія бремя жизни скатилось съ души моей! съ этого мгновенія я... готовъ!

«Чортъ возьми! а вѣдь дѣло плохо, коль скоро Семену Михайлычу видѣнія явятся!»—подумалъ я, невольно припомнивъ катастрофу, приключившуюся съ генераломъ Голубчиковымъ.

— И представьте себѣ, другъ мой, едва я возвратился изъ церкви, какъ мнѣ подають письмо отъ одного петербургскаго пріятеля...

— И это письмо?..

— Вотъ, не угодно ли полюбоваться!

Онъ подаль мнѣ дрожащей рукою письмо, въ которомъ я прочиталъ слѣдующее:

«Мы провалились, любезный другъ Simon, и ты можешь укладывать свои чемоданы, не опасаясь на этотъ разъ быть введеннымъ въ ошибку. На-дняхъ все покончено: насъ не будетъ! Мы должны перестать существовать, превратиться въ дымъ—мы и дѣла наши! Первою мыслью моею было, разумѣется, подумать о тебѣ, и знаешь ли, что я придумалъ? На-дняхъ наши финансисты скомпоновали какой-то невинный проектъ по винной части: не удрать ли намъ съ тобой штуку, пристроившись по части хересовъ и розничной продажи сивухи? Говорятъ, такой состряпали проектецъ, что пальчики оближемъ; слѣдовательно, надежда есть. А я, къ тому же, коротко знакомъ съ самимъ его сивушествомъ княземъ цѣловальниковымъ, слѣдовательно и тутъ надежда есть! Вспомни, дружище, стишки:

«Надежда, кроткая посланница небесъ»...

и еще: «надежда утѣшаетъ царя на тронѣ»—дальше, хоть убей, не помню!—и валяй въ Питерь! А не то и еще имѣется въ виду убожище: поговариваютъ, что учреждается серьезный надзоръ надъ пристанищами празднои и разврата, и что по этому случаю также потребуется много дѣятелей. Что жъ, можно махнуть и по части клубнички! Конечно, дѣятельность не очень почетная, но нашъ братъ, опричникъ, за толчкомъ не погонится: видали виды! Со мной, дружище, даже на-дняхъ случилось происшествіе въ этомъ родѣ... и т. д.

«Ожидающій тебя съ ветеризніемъ

«Никифоръ Малявка».

— Однако, вамъ еще не измѣнила надежда! — сказалъ я, прочитавши письмо.

— Не измѣнила-то не измѣвила, а все-таки больно.

Семень Михайлычъ размахнулся и ударилъ чубукомъ объ стѣну.

— Больно, Николай Иванычъ! Больно въ особенноти съ точки зрѣнія благороднаго человѣка! — сказалъ онъ, останавливаясь предо мною. — Поймите, вѣдь наша служба была самая благородная! Вѣдь мы были почти... масоны!

— Ссс...

— Да, масоны! Это я берусь доказать, хоть и знаю, что въ нашемъ отечествѣ масоны не допускаются. Но мы масоны очищенные, мы масоны, у которыхъ, кромѣ любви къ отечеству, ничего въ предметъ не осталось!

— Да скажите мнѣ, ради Бога, полковникъ: что такое были эти масоны?

— Масоны были и будутъ существовать, покуда стоитъ мѣръ: масоны — это просто благонамѣренные люди, изъ которыхъ нѣкоторые заблуждаются, а нѣкоторые не заблуждаются!

— Гм!.. это конечно... всякой вещи бываетъ въ мѣрѣ по два сорта...

— Заблуждающіеся масоны имѣли между собой разные таинственные знаки, безъ дозволенія начальства называли другъ друга вымышленными именами: Никифора Петромъ, Петра Степаномъ, и тому подобное... Согласитесь, что въ государствѣ этого допустить невозможно?

— Да, оно конечно... какъ-то подозрительно...

— Ну, и вся эта принадлежность перешла отъ масоновъ къ намъ. Мы тѣ же масоны, но масоны очищенные.

— Если я васъ понялъ, любезный Семень Михайлычъ, то, стало-быть, цѣль этихъ масоновъ заключается въ томъ, чтобъ покровительствовать несчастнымъ.

— Совершенно такъ. Видишь, напримѣръ, утопающаго, ну, подойдешь, подашь ему руку — и онъ опять пошелъ-себѣ жить

да поживать. Или, напиримѣрь, обыграли васъ въ карты; вы приходите, объясняете... Я съ своей стороны призываю лицо, воспользовавшееся вашею довѣрчивостью, и говорю ему: «отдай деньги, потому что иначе тебѣ можетъ быть худо!»

— Знаете ли что, Семень Михайлычъ? Чѣмъ больше думаешь, тѣмъ больше убѣждаешься, что такого рода учрежденіе—истинное благодѣяніе для человѣчества. Тихо, смиренно, миролюбиво, безъ разговоровъ—сколько тутъ одного сокращенія переписки!

— Да еще то ли мы дѣльвали! Вѣдь на насъ, можно сказать, лежало благоденствіе и спокойствіе цѣлаго отечества—поймите это! Вѣдь, можно сказать, ни одной мысли въ головѣ не зарождалось безъ того, чтобъ эта мысль не была намъ предварительно извѣстна... Вѣдь это цѣлый романъ!

— На вашемъ мѣстѣ, Семень Михайлычъ, я непременно писалъ бы свои мемуары.

— Я думалъ объ этомъ.

Семень Михайлычъ задумался и улыбнулся. Видно было, что надъ мыслями его пролетали воспоминанія, и что воспоминанія эти улыбались ему.

— Да, были дѣла!—сказалъ онъ, щипля свой надушенный усъ:—были дѣла!

Я зналъ отчасти эти дѣла. То были дѣла чудодѣйственной ловкости, то были дѣла нечаяннѣйшихъ сюрпризовъ и таинственнѣйшихъ похищеній. Семень Михайлычъ цѣлую жизнь все ловилъ и хваталъ и, наконецъ, доловился и дохватался до настоящаго скорбнаго положенія. Согласитесь, что это сразить хоть кого.

— Не то больно, — сказалъ онъ, — что жалованья тамъ какого-нибудь на время лишусь,—то больно, что практики-то этой не будетъ!

— Да, привычка—великое дѣло!

— Грудью, вотъ этою самою грудью жертвовалъ! И что жъ въ результатѣ?—абшндъ!

Семень Михайлычъ видимо впадалъ въ лиризмъ, потому что колотилъ себя въ грудь самымъ неестественнымъ образомъ.

— Чтò мнѣ нужно? — декламировалъ онъ, ставъ въ позицію, какъ это обыкновенно дѣлають благородные, но огорченные люди: — чтò мнѣ нужно? Добрую сигару и стаканъ добраго вина!

«Добрую сигару я отдамъ пріятелю; стаканъ вина раздѣлю съ нимъ же!

«Теперь у меня нѣтъ ни того, ни другого! Последнюю сигару я выкурилъ вчера; послѣдній стаканъ вина выпилъ каналья-денщикъ сегодня, въ то время, какъ я молился Богу!

«Новыхъ я купить не въ состояніи. Я не знаю даже, буду ли въ состояніи спать себѣ новые сапоги!

«Это горько! это неблагодарно!»

— Яшка! — прибавилъ онъ совершенно неожиданно, кликая денщика: — ступай, подлецъ, къ Барабонкиной и спроси, не осталось ли у ней хоть одной бутылки моего любимаго вина?

Послѣдній возгласъ оживилъ меня нѣсколько. Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ присутствовать при посторонней горести. Конечно, эта горестъ не могла назваться и для меня совсѣмъ постороннею: ибо и я, наравнѣ съ другими, могъ погибнуть въ стремниѣ политическаго переворота, но все-таки я страшныхъ писемъ еще не получалъ, слѣдовательно гибель моя представлялась еще отдаленною, и мысль о ней не портила еще моего аппетита въ такой степени, въ какой портила аппетитъ другихъ моихъ сотрудниковъ по вертограду администраціи. Однимъ словомъ, отъ этихъ унылыхъ стонów мною начинало уже овладѣвать нетерпѣніе, и я имѣлъ основаніе думать, что появленіе бутылки вина хоть нѣсколько измѣнитъ направленіе разговора.

— Тутъ была цѣлая система, — приставалъ, между тѣмъ, Семень Михайлычъ: — система, могу сказать, строго сообра-

женная во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ. Мы связаны между собой вотъ какъ!

Семень Михайлычъ соединилъ обѣ руки и просунулъ пальцы одной изъ нихъ между пальцевъ другой.

— Спрашиваю я васъ теперь: можно ли оставаться безъ системы?—добивался онъ.

— Знаете ли что? — отвѣчалъ я, какъ бы озаренный свыше вдохновеніемъ: — вѣдь я думаю, что безъ системы оставаться рѣшительно никакъ невозможно!

— Стало-быть, можно, коли оно такъ есть: взгляните и судите!—иронически замѣтилъ онъ.

Такого рода разговоры обыкновенно продолжаются до безконечности. Источникомъ имъ служатъ раны человѣческаго сердца, а раны эти, какъ извѣстно, сочатся до тѣхъ поръ, покуда не иссочать изъ себя всего гноя обидъ и оскорбленій, въ нихъ накопившихся. Наигъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ подлеца-Ишки, который доложилъ, что купчиха Барабошкина съ дерзостью отозвалась, что у нея никакой бутылки вина для полковника нѣтъ и не было.

— Вотъ видите, даже Барабошкина—и та отвѣчаетъ!—сказалъ мой амфитріонъ, окончательно сраженный.—Подлая! провухала, должно-быть!

Семень Михайлычъ неистово заагала по комнатѣ.

— Любопытно, любопытно это будетъ, какъ-то они безъ насъ обойдутся! Повѣрите ли, Николай Ивановичъ, когда мнѣ въ первый разъ сказали, что насъ не будетъ,—я думалъ, что это насмѣшка; я даже не далекъ былъ отъ мысли, что насмѣшка эта прямо относится къ высшему начальству...

— Да, оно похоже на то.

— Нѣтъ-съ, это была не насмѣшка. Намеднись приѣзжаю я въ Москву, являюсь къ своему старику, и первое слово, которое отъ него слышу: «а мы, братъ, съ тобой въ трубу вылетѣли!»—Кто же теперь слѣдить будетъ?—спра-

шиваю я его: — кто слѣдить будетъ, ваше превосходительство?—И знаете, стою этакъ передъ нимъ, весь виѣ себя отъ изумленія. Только что жъ бы, вы думали, онъ мнѣ въ отвѣтъ? «Я, братецъ, говоритъ, въ пенсію все свое содержаніе получаю, такъ мнѣ до этого дѣла нѣтъ!» Такъ-то вотъ, ни въ комъ, просто ни въ комъ сочувствія нѣтъ!

— Скажите на милость!

— А намеднись, вотъ, у Пеструшкиныхъ на балѣ, мальчишка Шалимовскій, гимназистъ, подходитъ ко мнѣ, мерзавецъ, и говоритъ: «а вы, говоритъ, знаете, Семень Михайлычъ, что васъ уничтожаютъ?» Сирашиваю я васъ, каково мнѣ эти плюхи-то вѣтъ?

— Даже мальчишки, и тѣ!

— Да въ мальчишкахъ-то и сила вся! Откровенно скажу, что если бы не мальчишки, мы и до сихъ поръ благоденствовали бы! Это они своимъ тывканьемъ, это отъ нихъ все загорѣлось. Господи! жили-жили, и вдругъ напасть!

— Да и старики-то, Семень Михайлычъ, хороши!

— И мальчишки, и старики, и Барабошка, и весь міръ заодно!

— Однакожь, вѣдь вамъ недавно мундиръ перемѣнили: повидимому, это должно бы поощрить!

— Да, и перемѣнили, и поощрили! Ну, да, и перемѣнили, и поощрили! Что жъ, и поощрили!

— Какъ же это однако?

— Вотъ видите, Николай Ивановичъ, я цѣлый мѣсяцъ объ этомъ знаю... Вы понимаете, что у меня должно *тутъ* происходить!

Онъ указалъ на грудь.

— Все это время я думалъ... все думалъ...

— И что же?

— Я просто пришелъ къ заключенію, что все это не болѣе, какъ страшный сонъ!

— Тсс...

— Да, это страшный сонъ, потому что этого не можетъ быть!

— Однако, вы имѣете письма?

— Имѣю дѣйствительно, но въ то же время питаю увѣренность... что мы возродимся!

— То-есть, какъ же это?.. Вы думаете, значитъ, что вамъ опять дадутъ новый мундиръ!

— Да нѣтъ, не то, не въ мундиръ тутъ сила: духъ времени не таковъ! Но что мы возродимся — это вѣрно. Потому, ненатурально! Опять-таки спрашиваю я васъ, возможно ли существовать безъ системы?

— Нѣтъ, и положительно убѣжденъ, что безъ системы и одного дня пробыть невозможно.

— Ну, а какого же тутъ чорта систему выдумашь! Слѣдовательно, мы возродимся: въ мундирахъ ли, безъ мундировъ ли, но мы возродимся — это вѣрно! Конечно, сначала все это будетъ какъ будто подъ исполомъ, а потомъ оно потеплится-потеплится да и воспринять настоящимъ манеромъ!

— Да вы-то? вы-то? что съ вами будетъ?

— Что обо мнѣ говорить! Я... я могу найти для себя убѣжище въ одномъ изъ новыхъ учрежденій, о которомъ пишетъ Маявка... Но это все равно! Главное все-таки въ томъ, что мы возродимся!

Семень Михайлычъ былъ великъ: я понялъ это и позабывалъ ему. Мнѣ думалось о томъ, какъ сладко и велико должно быть гражданское чувство, въ силу котораго человѣкъ забываетъ о себѣ, чтобъ всѣмъ существомъ своимъ устремиться къ одному предмету — любезному отечеству!

Мы разстались утѣшенные и облегченные. Всю дорогу я твердилъ себѣ:

— Мы возродимся, ибо безъ системы существовать нельзя!

ХІІ. — Запутанное дѣло.

Случай.

I.

«Будь ласковъ съ старшими, невысокомѣренъ съ подчиненными, не прекословь, не спорь, смирайся — и будешь ты вознесенъ премного: ибо ласковое теля двѣ матки сосеть».

Такого рода напутственный завѣтъ былъ произнесенъ Самойломъ Петровичемъ Мичулинымъ двадцатилѣтнему его дѣтницу, отправлявшемуся изъ дому родительскаго на службу въ Петербургъ.

Самойло Петровичъ, бѣдный мелкопомѣстный дворянинъ, въ простотѣ души своей былъ совершенно увѣренъ, что, снабженный подобными практическими наставленіями, Ванюшка его, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ принять въ столицѣ съ распростертыми объятіями. На всякій случай, старикъ, однакожь, кромѣ душевнаго слова, вручилъ сыну тысячу рублей денегъ, съ приличнымъ наставленіемъ носить ихъ всегда при себѣ, не мотать, не мытарствовать, а тратить себѣ помаленьку.

«Дитя оно молодое, — думалъ добродѣтельный старикъ: — и повеселиться, и пожуировать жизнью захочетъ — Богъ съ нимъ! Да при томъ же и объятія-то... кто его знаетъ! прижимистъ, сухосердъ нынче сталъ человѣкъ».

И вотъ уже около года живетъ юноша въ Петербургѣ; около года онъ добронравенъ, не прекословитъ, смиряется и на практикѣ во всей подробности осуществляетъ отцовскій кодексъ житейской мудрости — и не только двухъ, но и одной матки не сосеть ласковое теля!

А между тѣмъ онъ ли не уклонялся, онъ ли не угождалъ, онъ ли не вагибался! Кротче сердцемъ, смиреннѣе душою, кажется, въ цѣломъ мірѣ нельзя было сыскать человѣка! И все-таки отъ всей фигуры фортуны видѣлъ онъ одинъ только задъ... Пренепріятное дѣло!

Сунулся-было Иванъ Самойлычъ къ нужному человѣку мѣстечка попросить, да пужныйй человѣкъ наотрѣвъ сказалъ, что мѣста все заняты; сунулся онъ-было и по коммерческой части, въ контору купеческую, а тамъ все цифры да цифры, въ глазахъ рябить, голову ломить; пробоваль-было и стихи писать — да остроумія нѣтъ! Отъ природы ли голова его была такъ скупо устроена, или обстоятельства кой-какія ее сплюснули и стиснули, но оказывалось, что одна только сфера дѣятельности и была для него возможною — сфера механическаго переписыванія, перебѣливанія, да и тамъ ужъ народъ кишмя-кишитъ, яблоку упасть некуда, все занято, все отдано и всякій зубами за свое держится...

Словомъ, вся жизнь господина Мичулина, съ самаго его въѣзда въ Петербургъ, была рядомъ мучительныхъ попытокъ и исканій, и все безъ результата... А отцовскія деньги все уходили да уходили, а желудокъ просилъ ѣсть попрже-нему, да и кровь-то еще молода и тепла въ жилахъ... Просто, ни на что не похоже!

Поникнувъ головою, тихимъ шагомъ возвращался Иванъ Самойлычъ домой послѣ одной изъ ежедневныхъ и неудачныхъ своихъ экспедицій.

Дѣло шло ужъ къ десяти часамъ вечера. Печальное и неприятное зрѣлище представляетъ Петербургъ въ десять часовъ вечера и при томъ осенью, глубокою, темною осенью. Разумѣется, если смотрѣть на міръ съ точки зрѣнія кареты, запряженной рьяною четверкою лошадей, съ быстрой молніею мчащихъ его по гладкой, какъ паркетъ, мостовой Невскаго проспекта, то и дождливый осенній вечеръ можетъ имѣть не только сносную, но даже привлекательную физиономію.

Въ самомъ дѣлѣ, и туманъ, который, какъ удушливое бремя, давитъ городъ своею свинцовою тяжестью, и маленькая, острая жидкость — не то дождь, не то снѣгъ, — докучливо и рѣзко дребезжащая въ запертыя окна кареты,

и вѣтеръ, который жалобно стонетъ и завываетъ, тщетно силясь вторгнуться въ щегольской экипажъ, чтобъ оскорбить нескромнымъ дуновеніемъ своимъ полныя и самодовольно лоснящіяся щеки сидящаго въ немъ сытаго господина, и гусинныя ланки зажженного газа, тамъ и сямъ прорывающіяся сквозь густой слой дождя и тумана, и звонкое, но, тѣмъ не менѣе, какъ смутное эхо долетающее «пади» зоркаго, какъ кошка, форейтора—все это, вмѣстѣ взятое, даетъ городу какую-то поэтически-улетучивающуюся физиономію, какой-то обманчивый колоритъ, дѣлая все окружающіе предметы подобными тѣмъ страннымъ, безразличнымъ существамъ, которыя такъ часто забавляли насъ въ дни нашей юности въ заманчивыхъ картинахъ волшебнаго фонаря.

И покачивается-себѣ сытый господинъ, самодовольно развалившійся на мягкихъ подушкахъ, и сладко жмурить глаза, одолѣваемый неопредѣленною, но, тѣмъ не менѣе, мягкою дремотою, необыкновенно вкрадчивымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно сладкимъ полузабытьемъ... И напоминаетъ ему оно, это волшебное полузабытье, то блаженное состояніе, которое каждый изъ насъ болѣе или менѣе ощущалъ въ дѣтствѣ, слушая долгимъ зимнимъ вечеромъ безконечно-однообразныя и между тѣмъ никогда не утомляющіе, давнымъ-давно прослушанные и между тѣмъ всегда возбуждающіе судорожное любопытство рассказы старой няни о Бабѣ-Ягѣ-косяной-ногѣ, объ избушкѣ на курьихъ ножкахъ и т. п.

Притаились дѣти вокругъ стола въ узкой и низенькой дѣтской; молчать они и не пошевельнутся; нѣтъ улыбки на розовыхъ губахъ ихъ; не слышно свѣжаго, звучнаго смѣха, за минуту передъ тѣмъ оглашавшаго комнату; все мускулы на этихъ полныхъ жизни личикахъ выразили какое-то напряженное вниманіе; тусклый и трепещущій свѣтъ разливаетъ кругомъ давно-забытая и страшно-нагорѣвшая свѣтильня сальной свѣчи; обычно - тихо и мѣрно дрожить древній голосъ древней няни, повторяющей старую сказку

о Змѣй-Горынычѣ... Люблю я это морщинистое лицо старой няни, люблю ея желтыя, костлявыя руки, люблю ея увѣренность, будто она дѣйствительно вяжетъ чулокъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ только спускаетъ одну петлю за другою; люблю ея воодушевленіе, ея сочувствіе къ высокой добродѣтели Полкана-богатыря, Бовы-королевича; люблю ея движеніе, когда она, внезапно помолодѣвъ и озаренная какою-то юною силою, стучить дряхлымъ кулакомъ по столу, приговаривая: «дернетъ Полканъ-богатырь за руку—рука прочь, схватитъ за голову—голова прочь»...

И сжимается дѣтское сердце страхомъ великимъ, и сочувствуетъ Ильѣ-Муромцу, слѣдить за борьбой его съ страшнымъ Соловьемъ-разбойникомъ, и робко вглядываются зоркіе глазки въ темный уголь комнаты, высматривая, нѣтъ ли тамъ Бабы-Яги, не затаялся ли гдѣ-нибудь ехидный Змѣй-Горынычъ, и весело смѣются и хлопаютъ дѣти въ ладоши, когда няня неопровержимыми доводами доказываетъ имъ, что Змѣй-Горынычъ давно околѣлъ и издохъ, гадина, стараніями добродѣтельныхъ витязей... И сладко засыпаютъ они, рѣзвыя дѣти, и самыя розовыя мечты убаюкиваютъ юныя воображенія ихъ, точно такъ же, какъ убаюкиваютъ онѣ и того господина, который сквозь туманъ и вѣтеръ ѣдетъ-себѣ въ уютной каретѣ своей, между прочимъ, твердо увѣренный, что ни туманъ, ни вѣтеръ не огорчатъ пухлыхъ и благовоспитанныхъ щекъ его.

Но не въ каретѣ ѣхалъ, а шелъ-себѣ скромно пѣшкомъ Иванъ Самойлычъ, и потому весьма естественно, что петербургскій осенній вечеръ утрачивалъ въ его глазахъ свой благонамѣренный характеръ. Холодный и рѣзкій вѣтеръ, дувшій ему въ самое лицо, не навѣвалъ на него сладостной дремоты, не убаюкивалъ его воспоминаніями дѣтства, а жалобно и тоскливо стоналъ около него, нагло набрасывалъ ему на глаза капюшонъ его шинели и съ видимымъ недоброжелательствомъ насвистывалъ въ уши одинъ и тотъ же знакомый приѣвъ: «озябъ, бѣдный человекъ! хорошо

бы бѣдному человѣку у огня, да въ теплой комнатѣ! да нѣтъ у него ни огня, ни теплой комнаты! озябъ, озя-ябъ, бѣдный человѣкъ!»

Конечно, и въ ступающемъ по грязи человѣчествѣ рождались кой-какія мысли по поводу дождя, вѣтра, слякоти и другихъ неприятностей; но это были скорѣе мысли черныя и неблагонамѣренныя, вращавшіяся болѣею частью около того пункта, что есть, дескать, въ мірѣ, и даже въ самомъ Петербургѣ, люди сытые, которые ѣдутъ теперь въ каретахъ, которые сидятъ-себѣ покойно въ театрахъ или просто дома, одинъ-на-одинъ съ нѣжною подругою; но что этотъ господинъ, ѣдущій въ каретѣ, мигающій изъ кресель смазливенькой и затѣйливо поднимающей ножку актрисѣ, сидящій одинъ-на-одинъ съ миловидной подругой и прочая—вовсе не оно, странствующее во мракѣ грязи и невѣжества человѣчество, а совсѣмъ иной, совершенно ему незнакомый господинъ...

«Что же за доля моя горькая! — думалъ Иванъ Самойлычъ, входя по грязной и темной лѣстницѣ въ четвертый этажъ:—ни въ чемъ-то мнѣ счастья нѣтъ... Право, лучше бы не ѣхать сюда, оставаться бы въ деревнѣ! А то и голодно-то, и холодно»...

Въ дверяхъ его встрѣтила хозяйка квартиры, Шарлотта Готлибовна Гѣтлихъ, у которой онъ нанималъ весьма маленькую комнату съ подслѣноватымъ окномъ, выходившимъ на самую помойную яму. Шарлотта Готлибовна взглянула на него недовѣрчиво и покачала головой; въ первой комнатѣ раздавались шумные голоса собравшихся нахлѣбниковъ; голоса эти неприятно поразили слухъ Ивана Самойлыча. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ какъ-то задумчивъ, едѣлся мизантропомъ, убѣгалъ всякой компаніи и вообще вель себя довольно странно.

И нынче, какъ всегда, пробрался онъ потихоньку въ свою комнату, молча выпилъ поданный ему стаканъ чая, безсознательно выкурилъ обычную трубку вакштафа и на-

чалъ думать... На этотъ разъ мыслей оказалось нестерпимо-много, и все такія чудныя, одна другой страннѣе.

Въ сущности, дѣло было чрезвычайно просто и немного-сложно. Обстоятельства Ивана Самойлыча были такъ плохи, такъ плохи, что, просто, хоть въ воду. Россія—государство обширное, обильное и богатое, да человѣкъ-то глушь, мреть-себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ!

А тутъ, кромѣ безденежья, еще и другія горести завязались и окончательно сбили съ толку героя нашего. Припоминая все, что сдѣлалъ онъ, со времени отбѣгя изъ дома родительскаго, въ обезпеченіе своего голоднаго желудка, господинъ Мичулинъ впервые усомнился, дѣйствительно ли поступалъ онъ въ этомъ дѣлѣ какъ слѣдуетъ, и не обманывалъ ли себя насчетъ покорности, уклоненія, доброволья и другихъ полезныхъ добродѣтелей.

Впервые, какъ будто бы сквозь сонъ, мелькнуло у него въ мозгу, что отцовскій кодексъ житейской мудрости требовалъ безотлагательнаго и радикальнаго исправленія, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ скорѣе нуженъ наскокъ и вандоръ, нежели безмолвное склоненіе головы.

Но малый-то онъ былъ по преимуществу скромный и безотвѣтный, да при томъ же и оробѣлъ ужасно. Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ изъ провинціи; жизнь казалась въ розовомъ цвѣтѣ; люди смотрѣли умильно и добродѣтельно, скидали другъ передъ другомъ шляпы чрезвычайно учтиво, жали другъ другу руки съ большимъ чувствомъ... И вдругъ оказалось, что люди-то они все-таки себѣ-на-умѣ, такіе люди, что въ ротъ нальца имъ не клади! Ну, куда же тутъ соваться съ системою смиренномудрія, терпѣнія и любви!

И куда ни обернется онъ, за что ни схватится—все вокругъ него глядитъ какъ будто самостоятельно. Шель онъ, напримѣръ, давеча по Невскому—навстрѣчу начальникъ отдѣленія идетъ, и крестъ на шеѣ, и видъ такой привлекательный... А вѣдь еще молодой человѣкъ! Конечно, онъ ужъ и полноватъ, и съ брюшкомъ, а все-таки молодой че-

ловѣкъ. Вотъ и онъ тоже молодой человѣкъ, а не начальникъ отдѣленія... Что за притча такая!

Встрѣтилъ онъ также щегольскія дрожки; лошади отличныя, пристяжная такъ и подкидываетъ, въ дрожкахъ ѣдетъ господинъ съ орлинымъ носомъ и пронзительными глазами смотритъ на мѣръ, какъ будто взоромъ хочетъ проверить дыру во вселенной.

— Смотрите-ка, — говорятъ кругомъ: — это В*** ѣдетъ! Пройдоха, кулакъ, бестія! А вѣдь что за голь, что за голь-то была! Просто, съ позволенія сказать, въ одной рубашкѣ хаживаль.

И между тѣмъ В*** еще молодой человѣкъ, да вѣдь и онъ, Мичулинъ, молодой человѣкъ, а не ѣздитъ же въ щегольскихъ дрожкахъ!

А вошь и еще молодой человѣкъ, —этотъ даже совсѣмъ розовый молодой человѣкъ, а вѣдь на немъ одно пальто рублей шестьсотъ стоитъ; онъ и весель, и безпечень, всѣ движенія его живы и непринужденны, смѣхъ его звонокъ и свободенъ, глаза бодры и свѣтлы, на щекахъ здоровье ключомъ бьетъ. Актриса ли мимо пройдетъ—улыбнется ему, да и онъ актрисѣ улыбнется; важный человѣкъ встрѣтится — руку ему жметъ, шутитъ съ нимъ, смѣется!..

— Этотъ молодой человѣкъ—князь С***, —говорятъ всѣ кругомъ... Да вѣдь и Иванъ Самойлычъ молодой человѣкъ, а онъ ужъ и хилъ, и желтъ, и согнуть, да и актриса ему не улыбается...

Да ужъ что тутъ далеко ходить, въ отвлеченности пускаться! Въ одинаковой съ нимъ сферѣ, подлѣ него, всѣ пахлѣбники пользуются хоть какою-нибудь ролью, какимъ-нибудь значеніемъ, однимъ словомъ, дѣйствуютъ какъ люди взрослые и самостоятельные... Иванъ Макарычъ Пережига, напримѣръ, былъ нѣкогда мирнымъ деревенскимъ жителемъ и загравилъ на своемъ вѣку не одну сотню зайцевъ. Конечно, и зайцы, и деревня—все это было ужъ очень давно; конечно, въ настоящую минуту Иванъ Макарычъ пользо-

вадея нѣсколько двусмысленною репутаціей насчетъ способъ жизни, да вѣдь въ этомъ виновна ужь собственная его блудная натура, да при томъ хоть какъ-нибудь, а доставалъ-таки онъ себѣ кусокъ хлѣба. Жилъ тутъ же и Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ, философіи кандидатъ: этотъ служилъ, а въ свободное отъ занятій время игралъ на гитарѣ различныя бравурныя аріи. Въмѣстѣ съ нимъ проживалъ еще Алексѣй Звонскій, чрезвычайно свѣдущій и ученый молодой человекъ; этотъ писалъ стихи, ставилъ фельетонъ въ газету. Наконецъ, рядомъ съ Иваномъ Самойлычемъ обитала Наденька Ручкина: и она была дѣвица свѣдущая, хотя только по своей части...

Мысль эта давно ужь воровъ кралась въ сердце Ивана Самойлыча, и вдругъ зависть, глубокая, но безсильная и робкая, закипѣла въ груди его. Всѣ, рѣшительно всѣ оказывались съ хлѣбомъ, всѣ при мѣстѣ, всѣ увѣрены въ своемъ завтра; одинъ онъ былъ будто лишний на свѣтѣ: никто его не хочетъ, никто въ немъ не нуждается.

— Да что же я въ самомъ дѣлѣ такое?—говорилъ онъ, прогуливаясь мелкимъ шагомъ по комнатѣ.—Отчего же на меня, именно на меня, обрушиваются всѣ несчастія? отчего другіе живутъ, другіе дышутъ, а я и жить, и дышать не смѣю? Какая же моя роль, какое мое назначеніе?..

— Жизнь—лотерея!—началь-было по привычкѣ отцовскій кодексъ житейской мудрости:—смирійся и терпѣ!

— Оно такъ,—подыкаль, между тѣмъ, какой-то недоброжелательный голосъ:—да почему же она лотерея, почему жъ бы не быть ей просто жизнью?

Иванъ Самойлычъ задумался.

«Вѣдь хоть бы этотъ князь,—думалъ онъ:—вотъ, онъ и счастливъ, и весель... Отчего жъ именно онъ, а не я? Отчего бы не мнѣ уродиться княземъ?»

И мысли все росли и росли и принимали самыя странныя формы.

— Да что же я, что же я такое?—повторялъ онъ, съ

бессильною злобой ломая себѣ руки.—Вѣдь годенъ же я на что-нибудь, есть же гдѣ-нибудь для меня мѣсто! Гдѣ жъ это мѣсто, гдѣ оно?

Такъ вотъ какая странная струна задрезжалась вдругъ въ сердцѣ Ивана Самойлыча, и задрезжалась такъ назойливо и бойко, что онъ уже и самъ, по обычной своей робости, не радъ былъ, что вызвалъ ее.

И всѣ предметы вокругъ него смотрѣли какъ-то подозрительно и странно, принимали такую настойчивую, вопрошающую физиономію, какъ будто тащили его за воротникъ, душили за горло и, приставивъ къ его лбу холодное дуло пистолета, силнымъ басомъ допрашивали его: отвѣчай же намъ, что же ты въ самомъ дѣлѣ такое?!

Блѣдный, испуганный, упалъ онъ на кресло, закрылъ руками лицо и горько заплакалъ...

Въ головѣ его внезапно отчетливо нарисовался деревенскій его домъ, родитель въ вязанной изъ шерсти ермолкѣ, мать, вѣчно болѣющая зубами и съ вѣчно подвязанною щекою, отецъ-дьяконъ съ дьяковицею, отецъ-іерей съ понадьею... Какъ все тамъ просто, какъ дышитъ все деревенскою, буколическою тишиною, какъ зоветъ все къ отдохновенію и успокоенію!.. И зачѣмъ было оставлять все это? Зачѣмъ было мѣнять извѣстное, полное самыхъ приятныхъ и вкусныхъ ощущеній, на неизвѣстное, чреватое горестями, огорченіями и другимъ дрызгомъ? Зачѣмъ было соваться съ кротостью и смиреніемъ туда, гдѣ нужны дерзость и упрямое преслѣдованіе цѣли?

А между тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ раздался знакомый Ивану Самойлычу голосокъ, напѣвавшій извѣстную арію изъ «Русалки»:

Прійди въ чертогъ ко мнѣ златой,
Прійди, о, князь мой дорогой!..

Голосокъ былъ небольшой, но необыкновенно мягкій и свѣжій. Господинъ Мичулинъ невольно началъ прислушиваться къ пѣнію и задумался... И думалъ онъ много и

сладко думалъ, потому что въ знакомомъ маленькомъ голосѣ было что-то юное, какъ будто дающее крылья его утомленному воображенію.

Странное дѣйствіе производить на насъ иногда самыя ничтожныя, повидимому, явленія! Часто самаго пустого обстоятельства, просто звуковъ какой-нибудь нелѣпой шарманки или голоса разносчика, тоскливо и протяжно вопіющаго: «игрушки дѣтскія, игрушки продать!» достаточно для того, чтобъ разстроить всю умственную систему какого-нибудь важнаго господина, разбить въ прахъ всё эти штуки и экивоки, которые на пагубу человѣчества въ головѣ его строятся...

Такъ точно было и съ пѣсенкой, вылетаившей изъ сосѣдней комнаты. Пѣсенка была самая простая, лилась-себѣ ровно и безъ претензій, и вдругъ поразила слуховой органъ Ивана Самойлыча, и, сама не зная какъ, совершенно разстроила всё его соображенія о смыслѣ и значеніи жизни, о конечныхъ причинахъ, и такъ далѣе. И сталь-было господинъ Мичулинъ самъ подиѣвать и звать къ себѣ дрожащимъ голосомъ дорогого князя, сталъ бить ногою тактъ и улыбаться и покачивать головой... Но вотъ тихо-тихо замеръ послѣдній звукъ пѣсенки, еще разъ, и ужъ въ послѣдній разъ, стукнула въ тактъ нога Ивана Самойлыча, еще разъ ускоренно стукнуло его сердце, и вдругъ ничего не стало слышно, и прежняя темнота опустилась на его душу, прежній холодъ охватилъ сердце...

Потому что не онъ, а другой былъ тотъ дорогой князь, котораго звала пѣсенка въ золотые чертоги; потому что ему наотрѣзъ было сказано, «что ужъ чему не быть, такъ ужъ не бывать, и безнокопться о томъ не извольте»...

Съ горя, чтобъ хоть сколько-нибудь разсѣять печальныя мысли свои, рѣшился онъ отправиться въ общую комнату.

II.

Тамъ, въ облакахъ табачнаго дыма, бесѣдовала вся обычная компанія Шарлотты Готлибовны.

На первомъ планѣ плотно сидѣлъ Иванъ Макарычъ Пережиги. Онъ былъ въ венгеркѣ весьма лихого покроя и въ настоящую минуту курилъ табакъ изъ саженаго черешневаго чубука. Исторія господина Пережиги весьма проста. Жилъ онъ нѣкогда въ малороссійской своей деревнѣ, травилъ зайцевъ, и вдругъ—кто его знаетъ!—запилъ ли онъ, проигрался ли въ пухъ, или просто другія какія-нибудь независящія обстоятельства приключились—только въ одно прекрасное утро и зайцы, и деревня какъ-то исчезли, и онъ принужденъ былъ отправиться искать счастья въ Петербургъ. Малый былъ онъ видный, сильный и плотный, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, и потому не остался долго безъ занятія... Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился у Шарлотты Готлибовны, благодарная нѣмка стала какъ-то благопріятнѣе смотрѣть на міръ, чаще улыбалась и несравненно больше послабленій и льготъ оказывала нахлѣбникамъ.

Жизнь Иванъ Макарычъ велъ беззаботную и веселую. Вставалъ онъ рано; утромъ ходилъ обыкновенно въ ближайшій трактиръ, выпивалъ рюмку горьчайшей, сыгрывалъ, не переставая, партіи двадцать въ бильярдъ, къ которому съ малолѣтства питалъ весьма нѣжную страсть; иногда онъ давалъ и десять, и пятнадцать впередъ, иногда ему давали впередъ пятнадцать и десять...

Доканавъ такимъ образомъ утро, онъ уходилъ домой объдать, а вечеромъ обыкновенно передавалъ слушателямъ эпизоды изъ своего безвозвратно минувшаго благоденствія; рассказывалъ разные любопытные случаи, бывшіе съ нимъ во времена его ожесточенныхъ войнъ противъ волковъ, зайцевъ и другихъ животныхъ, которыхъ онъ называлъ общимъ, но нѣсколько темнымъ именемъ «скотовъ» и «подлецовъ».

Изъ этого видно, что жизнь Ивана Макарыча какъ нельзя лучше содѣйствовала его растительнымъ и воспроизводительнымъ силамъ.

Характеръ имѣлъ онъ отъ природы веселый, но не лишенный легкаго сардоническаго отбѣвка. Онъ охотно любилъ подшутить надъ учеными и не пропускалъ никогда случая сказать блокурому Алексею, который въ наукахъ, что называется, собаку съѣлъ и читаль-такп на своемъ вѣку и Бруно Вауера, и Фейербаха:

— Ну, а что, Бинбахеръ-то все на своемъ стоитъ? все говорить, что того-то нѣтъ... главнаго-то, наибольшаго-то и нѣтъ? Бестія, бестія этотъ Бинбахери! Ужь эти мнѣ нѣмцы!.. Вотъ тутъ они, тутъ у меня сидятъ!

Иванъ Макарычъ ударяетъ себя при этомъ ладонью по горлу, желая этимъ выразить, что зарѣзали, дескать, его нѣмцы, и не безъ лукавства поглядывалъ на Шарлотту Готлибовну, которая и краснѣла, и улыбалась въ одно и то же время, и съ дѣтски-наивнымъ простодушіемъ отвѣчала:

— О, вы очень любезни кавалиръ, Иванъ Макаровичъ!

Но при этомъ оставалось покрытымъ непроницаемою тайной, кого именно разумѣлъ господинъ Пережига подъ неблагозвучнымъ именемъ Бинбахера—Фейербаха или Бруно Вауера.

По лѣвую сторону отъ Пережиги рисовалась сама хозяйка квартиры. Это была длинная, прямая и тощая фигура, какъ будто бы сейчасъ проглотившая аршинъ. Движенія благородной нѣмки отличались какою-то особенною апатичностью и дубоватостью, непріятно поражавшею взоръ. Какъ будто всѣ ея мысли, весь ея организмъ устремились въ одну сторону—къ любезному ея другу, Ивану Макарычу. Она съ нѣмымъ подобострастіемъ смотрѣла ему въ глаза, съ самодовольною улыбкою прислушивалась къ звукамъ его богатырскаго голоса, какъ будто хотѣла всѣмъ и каждому на стѣнѣ зарубить, что это, дескать, все мое; все, что вы тутъ ни видите—принадлежитъ мнѣ, мнѣ безъ раздѣла.

Лицо ея было худощаво и покрыто красными пятнами;

глаза маленькіе, выражавшіе какое-то ненасытное нахальство; углы губъ опущены и желудокъ выдавался несоразмѣрно впередъ.

Едва раскрылъ Иванъ Макарычъ ротъ, чтобъ сказать слово, какъ и она, въ свою очередь, спѣшила показать рядъ острыхъ и кривыхъ зубовъ, и начинала улыбаться, смотрѣла ему томно въ глаза и, по окончаніи его рѣчи, гордо окидывала взоромъ все общество.

По всему было видно, что она оставалась совершенно довольна своей судьбою и въ особенности не могла достаточно нахвалиться Пережигю.

Кромѣ хозяйки и Пережиги, въ комнатѣ находились еще два лица: кандидатъ философіи Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ и недоросль изъ дворянъ Алексісъ Звонскій.

Беобахтеръ, маленькій и приземистый, быстрыми, но мелкими шагами ходилъ по комнатѣ, бормоталъ себѣ поднось какія-то заклинанія, и при этомъ безпрестанно дѣлалъ рукою самое крошечное движеніе сверху внизъ, твердо намѣреваясь изобразить имъ паденіе какой-то фантастической и чудовищно-колоссальной карательной машины.

Алексісъ, вытянутый и сухой, сидѣлъ около стола и, устремивъ влажные глаза въ потолокъ, обрѣтался въ совершенномъ оптимизмѣ. Молодой человекъ размышлялъ въ эту минуту о любви къ человечеству и по этому случаю сильно облизывалъ себѣ губы, какъ будто послѣ вкуснаго жирнаго обѣда.

По обыкновенію, дѣло шло о вещахъ, вызывающихъ на размышленіе, и таинственный Бинбахтеръ оказывался совершеннымъ подлецомъ.

— Я вамъ говорю, все они врутъ, бестіи!—кричатъ Пережига:—ужъ какъ же тутъ безъ «него» обойдешься! Это въ ихней землѣ — ну, тамъ точно... тамъ оно можно! А у насъ... да вы только сообразите, вы только подумайте!

— О, какъ это правда, о какъ это очень правда!—воскликнула Шарлотта Готлибовна, подобострастно глядя въ

самое лицо своему другу и такъ близко наклонившись къ нему, какъ будто хотѣла положить ему въ ротъ длинный и сухой носъ свой.

Господинъ Беобахтеръ самымъ мягкимъ тепоромъ поспѣшилъ объявить, что, несмотря на это, онъ «все-таки надеется», и тутъ же почелъ за долгъ съ необычайной граціей отмахнуть голову какому-то фантастическому, но, тѣмъ не менѣе, закоренѣлому врагу преобразованій,—преобразованій таинственныхъ, но уже заранѣе во всей подробности нарисовавшихся въ его воображеніи.

— Вы матеріалистъ, Иванъ Макарычъ!—отозвался Алексисъ:—вы не понимаете, какая сладость заключается въ словѣ «надежда»! Безъ надежды холодно, сухо, безотрадно! Однимъ словомъ, безъ надежды нѣтъ любви—вотъ искреннее убѣжденіе моего сердца!

Надо сказать разъ навсегда, что Алексисъ въ стихахъ своихъ постоянно изображалъ груди, вспаханныя страданіемъ, чела, взбороненныя горькою мыслью, и щеки, вскопанныя тоскою, но о чемъ были эти «страданіе, горе и тоска»—тайна эта была глубоко скрыта во мракѣ его мозгового вещества.

— Пожалуй-себѣ надѣйся! Вотъ и онъ надеется, — прервалъ Пережига, указывая на Ивана Самойлыча:—да вѣдь яйцо выѣденное развѣ получить!

Всѣ взоры обратились на Мичулина. Онъ стоялъ у печки блѣдный и задумчивый, какъ будто бы самъ глубоко чувствовалъ свое ничтожество. Сначала и онъ сталъ-было прислушиваться къ общему разговору, хотѣлъ-было и свое словечко какъ-нибудь вернуть; но разговоръ былъ сухой и ученый, да при томъ же къ нему и не обращался никто, какъ будто всѣ молчаливо соглашались между собой, что для ученаго разговора онъ не годится.

— Ну, что, какъ дѣлишки?—обратился къ нему Иванъ Макарычъ.

Мичулинь не отвѣчалъ, но еще унылье прежняго окинулъ взоромъ компанію.

— Говорилъ я тебѣ, душа ты горькая,—продолжалъ Пережига:—говорилъ тебѣ: поѣзжай въ деревню! ужъ гдѣ тебѣ тутъ! Сирота-сиротой выглядишь, а туда же лѣзешь!

Шарлотта Готлибовна никакъ не упустила случая, чтобъ тутъ же не удивиться высокой справедливости замѣчаній своего любезнаго друга, а Беобахтеръ все сильнѣе и сильнѣе наяривалъ ручонкою завѣтное движеніе сверху внизъ.

— А по-моему, вы очень хорошо сдѣлали, что остались здѣсь,—сказалъ онъ, быстро остановившись передъ Мичулинымъ и пристально смотря ему въ глаза.

Постоявъ съ полминуты, онъ приложилъ палецъ къ губамъ и самымъ вкрадчивымъ теноромъ продолжалъ:

— Вѣдь въ наши дни спасительно страданіе!

— Страданіе есть удѣлъ человѣка на землѣ,—началь было Алексисъ:—страдать и любить...

Беобахтеръ сдѣлалъ отрицательный жестъ головою, давая тѣмъ знать, что Алексисъ совершенно не въ ту сторону перетолковывалъ слова его.

— Страданіе тѣмъ пріятно,—говорилъ онъ такимъ равнодушнымъ тономъ, какъ будто дѣло шло о чрезвычайно вкусномъ обѣдѣ:—тѣмъ пріятно, что вотъ, какъ тутъ прихлоннеть, да тамъ притиснеть, да въ другомъ мѣстѣ, тогда...

И онъ съ особеннымъ наслажденіемъ напиралъ на слова «прихлоннеть» и «притиснеть».

— Нѣтъ, я съ тобой никакъ не могу согласиться,—возразилъ Алексисъ, вовсе не стараясь доискиваться, что будетъ послѣ таинственнаго «тогда».

Иванъ Самойлычъ рѣшительно не зналъ, къ чьей партіи ему пристать: къ Беобахтеру ли, доказывавшему несомнѣнную полезность страданія, къ Алексису ли, тоже прописывавшему страданіе какъ лѣкарство отъ всего, но по какому-то странному обстоятельству никакъ не соглашавшемуся съ кандидатомъ философіи, или, наконецъ, къ Пере-

жигѣ, увѣрявшему по чести, что все это вздоръ, а вотъ, дескать, у него спросите, такъ онъ знаетъ.

— Любовь хорошо, отчего жъ и не любовь?—говорилъ, между тѣмъ, Беобахтеръ, какъ будто бы обращаясь единственно къ Ивану Самойлычу, а на самомъ дѣлѣ видимо желая уязвить Алексиса:—да любовь послѣ, а прежде-то... Вы меня понимаете? — продолжалъ онъ, еще пристальнѣе смотря въ глаза Ивану Самойлычу.

— Догадываюсь,—отвѣчалъ робко Мичулинъ.

— Отчего же *послѣ* любовь? — приставалъ Алексисъ.— И теперь любовь, и потомъ любовь! Зачѣмъ этотъ ригоризмъ!

И умоляя, какъ будто бы словомъ «ригоризмъ» онъ насквозь проткнулъ своего противника.

Иванъ Самойлычъ, между тѣмъ, собрался съ мыслями и замѣтилъ компани, что, конечно, можетъ-быть, любовь и страданіе—вещи полезныя и спасительныя, да обстоятельства-то его изъ рукъ вонъ плохи, имъ-то какъ помочь? Страданіе, дескать, хлѣба не даетъ, любовь тоже не кормить... Такъ нельзя ли ужъ что-нибудь такое придумать, чтó бы онъ могъ примѣнить къ дѣлу.

На это Беобахтеръ забормоталъ что-то объ индивидуализмѣ; говорилъ, что думать о себѣ подло; что если онъ и погибнетъ, то это ничего не значить, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи принесетъ несомнѣвную пользу для будущаго, какъ реактивъ.

— Да, какъ рреактивъ! — повторилъ онъ, метая изъ крошечныхъ глазъ молвіи.

Вообще, кандидатъ философіи въ этомъ случаѣ совершенно не пощадилъ личности Ивана Самойлыча; но такъ какъ Алексисъ остался такимъ объясненіемъ совершенно доволенъ, то Беобахтеръ счелъ за нужное тутъ же присо-вокупить, что все-таки любовь *потомъ*, а прежде...

— Да что ты ихъ слушаешь!—вступился Иванъ Макарычъ. — Итъ, видно, вы и Бинбахера-то только такъ говорите, что читали! По-моему, ты просто ступай въ де-

ревню, да храни себя на боку! Право, славное будет житье! Так, что ли?

Иванъ Самойлыч робко усмѣхнулся; его самого ужь давно ласкала эта лакомая перспектива.

— А то, братъ, пропадешь, ей-Богу, пропадешь!—продолжалъ Пережига:—вли зашьешь съ горя—ужь я знаю!

Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія.

— Оно, конечно, водка,—снова началъ Пережига:—от-чего бы и не выпить: и въ глазахъ свѣтлѣе, и на людей веселѣе смотрѣть, да и горя не чувствуешь... Да вѣдь она водка-то, воръ! она познаніе есть зла и добра!

Мичулинъ стоялъ у печки блѣднѣе прежняго; Веобахтеръ искоса поглядывалъ на него, какъ Бертрамъ на Роберта, и весьма затѣйливо улыбался: Алексѣй не слушалъ: онъ закатилъ глаза подъ лобъ и бесѣдовалъ съ человѣчествомъ.

— Вотъ и у насъ въ трактиръ отставной чиновникъ ходитъ,—продолжалъ Пережига:—весь трясется, такой оборванный да ошцанный, и глаза гноятся, и руки дрожать: кажется, въ чемъ душа держится, а все пристааетъ: поднеси, дескать, Емелья водочки... Да хоть бы польза какая была, а то отъ водки-то только коробить его да жечь...

Снова минута напряженного молчанія.

— А вотъ вѣдь и чиновникъ былъ, въ службѣ служилъ, мундиръ носилъ, да и не Емелей, а Даниломъ Александрычемъ прозывался, а ужь Емелей-то это такъ, послѣ трактирные прозвали! Да вотъ выгнанъ былъ изъ казеннаго мѣста, выгналъ его хозяинъ за неплатежъ на улицу—ну, онъ съ горя рюмочку, потомъ другую, а тамъ и пошелъ... Познаніе есть зла и добра!

Послѣдовало опять нѣсколько секундъ тягостнаго молчанія.

— А впрочемъ, по мнѣ, какъ знаешь!—продолжалъ Пережига, обращаясь къ Мичулину.—Оно, конечно, коли хочешь, онъ и счастливъ: дали ему водки—онъ и забылъ, что въ разодранныхъ сапогахъ ходить... Право, такъ!

И внезапно, по какому-то непостижимому сщплению идей, на Пережигу напалъ припадокъ сантиментальности, и онь сталъ восторгаться тѣмъ, что за минуту выставлялъ въ глазахъ Ивана Самойлыча какъ вещь, которой должно всячески остерегаться. Шарлотта Готлибовна тоже круто перемѣнила образъ мыслей и заранѣе глубоко вздохнула.

— Да еще какъ счастливъ-то, — говорилъ Иванъ Макарычъ: — пуще князя всякаго счастливъ! подитка ты, чай, какіе ему сны видятся! не надо ему ни дворцовъ, ни палатъ! Вотъ она, школа жизни-то, вотъ! А то что вы тутъ съ Бинбахеромъ! въ Сибирь его, Бинбахера, на каторгу его!

Долго еще Иванъ Макарычъ не могъ успокоить своего филантропическаго потока, долго сидѣлъ онь, покачивая головой и приговаривая: «право, не надобно ему ни дворцовъ, ни бархату; каждая слеза его»...

Наконецъ, всѣ какъ будто бы притихли. Беобахтеръ по-прежнему граціозно двигалъ рукою сверху внизъ, но уже скорѣе безсознательно, нежели съ намѣреніемъ; Алексисъ еще болѣе облизывалъ себѣ губы, бесѣдуя съ человѣчествомъ; Иванъ Самойлычъ конфузился и выводилъ кой-какія заключенія изъ видѣннаго и слышаннаго.

Въ это время часы уныло зазвенѣли одиннадцать. Но и часы били на этотъ разъ какъ-то особенно злонамѣренно. Ивану Самойлычу показалось, будто каждое біеніе часового колокольчика заключало въ себѣ глубокій смыслъ и съ упрекомъ говорило ему: «каждая дуга, которую описываетъ маятникъ, означаетъ канувшую въ вѣчность минуту твоей жизни... Да жизнь-то эту на что ты употребилъ, и что такое все существованіе твое?»

Отчего же прежде никогда не говорилъ ему этого бой часовъ? отчего прежде окружавшіе его предметы не смотрѣли на него съ такимъ вопросительнымъ, испытующимъ видомъ?

И едва начиналъ онь въ умѣ своемъ развивать движеніе руки Беобахтера, какъ въ мозгу его зарождалась дру-

гая мысль, совершенно въ pendant къ этому движенію— мысль страшная, давно не дававшая ему покоя, и которая была не что иное, какъ извѣстное уже читателю изъ первой главы: «Кто ты таковъ? Какая твоя роль? Жизнь—лотерея» и проч.

И потомъ все это исчезало, и на сцену являлся полу-сгнившій, дрожащій старикъ и, указывая на водку, говорилъ: «познаніе есть зла и добра».

— Да вѣдь и не Емеля былъ онъ совсѣмъ, а, слышь ты, Данило Александрычъ, и служилъ нѣкогда, и молодъ былъ нѣкогда, да вотъ выгнали же его изъ службъ — и сталъ онъ Емелей, по милости добрыхъ людей.

Съ ужасомъ и содроганіемъ вспоминалъ Иванъ Самойлычъ этотъ странный анекдотъ; въ головѣ его вдругъ пробѣжала мысль: «а ну, какъ и я Емеля?» да тутъ же и примерзла къ мозгу — до такой степени эта мысль испугала его...

Въ такомъ именно настроеніи духа подошелъ онъ къ своей комнатѣ, какъ вдругъ за сосѣднею дверью, ведшей въ уединенное жилище дѣвицы Ручкиной, послышался шорохъ. Сердце его забилося; чудная пѣсенка назойливѣе прежняго зазвучала въ ушахъ, и все звала, все звала... дорогого князя...

«Идти, или не идти?» — думалъ Иванъ Самойлычъ.

А между тѣмъ ужъ стучался.

— Кто тамъ? — раздался за дверью знакомый свѣженькій голосокъ.

— Это я... вы не почиваете, Надежда Николаевна?

— Итъ, не сплю... войдите.

Иванъ Самойлычъ вошелъ; передъ нимъ стояло маленькое, уютное существо, но до того живое и вертлявое, что въ одно и то же время видѣлось во всѣхъ углахъ комнаты; существо розовое и свѣжее, облеченное только большимъ подъ кашемиръ платкомъ, плохо скрывавшимъ пріятную нѣжность ея формъ и безпрестанно распахивавшимся

по причинѣ неимовѣрной живости движеній маленькаго существа.

«У, какая игривая!»—была первая и совершенно естественная мысль Ивана Самойлыча, но мысль, подобно молнии, промелькнувшая минуто и скрывшаяся, какъ въ тучѣ, въ мозговомъ лабиринтѣ своего владѣльца.

— Чтò это вы сегодня такъ долго засидѣлись, Иванъ Самойлычъ?—отозвалось, между тѣмъ, маленькое существо, переходя отъ одного комода къ другому, отъ стола къ кровати, подбирая съ полу разныя ниточки, бумажки и все прибирая къ сторонкѣ, чтобы ничего не пропало втунѣ, потому что впередъ на черный день пригодится.

— Да я такъ-съ... я насчетъ того-съ...—бормоталъ сконфуженный Мичулинъ.

— То-есть, какъ же насчетъ того? Ужъ опять не насчетъ ли прежняго? И-и-и не думайте, Иванъ Самойлычъ!

Мичулинъ молчалъ, хоть внутренно и скорбѣлъ, быть-можетъ, о томъ, что ему даже и думать было запрещено.

— А я въ театрѣ была... сегодня «Уголино» давали... до страсти люблю трагедии... А вы?

Иванъ Самойлычъ съ любовью смотрѣлъ на Наденьку и какъ будто бы соображалъ, какимъ образомъ это крошечное, совершенно водевильное тѣльце могло до такой степени пристраститься къ трагедии.

— Господинъ Каратыгинъ игралъ... ужъ я плакала-плакала... И какой видный мужчина! Я до смерти люблю плакать...

Господинъ Мичулинъ даже хихикнулъ отъ умпленія.

— Такъ вы весело провели вечеръ? — спросилъ онъ, а глаза его, между тѣмъ, все сильнѣе и сильнѣе разгорались.

— Очень весело! Я вамъ говорю, я ужаси какъ плакала... особенно, когда эта душка Вероника...

— Съ вами былъ кто-нибудь?

— Да, кавалеръ... онъ, видите, былъ прежде мой же-

нихъ, когда я еще у родителей жила... сватался за меня... Такой тоже видный изъ себя мужчина, яблокъ намъ купиль... Да я все плакала, мнѣ не до яблокъ было...

Мичулинъ вздохнулъ.

— Что вы сегодня такіе скучные?—спросила Наденька.

— Да я такъ-съ...—отвѣчалъ онъ, снова запинаясь:—я ничего-съ...

Но Наденька все-таки поняла, въ чемъ дѣло; она тотчасъ же, по свойственной ей подозрительности, догадалась, что все это по тому дѣлу, по прежнему.

— Нѣтъ, нѣтъ, и не думайте, Иванъ Самойлычъ!—сказала она, волнуясь и махая руками.—Никогда, ни въ жизни свою не получите!.. Ужь я что сказала, такъ ужъ сказала, мое слово свято: и не думайте!

И попрежнему съ невозмутимымъ равнодушіемъ маленькая женщина подбирала съ полу бумажки, перевѣшивала съ одной вѣшалки на другую разныя платья и юбки, безъ всякой, впрочемъ, совершенно надобности, а единственно изъ удовлетворенія живости и бойкости характера.

— Гм! въ жизнь!.. А что такое *жизнь*?—соображалъ, между тѣмъ, господинъ Мичулинъ. — Вотъ въ томъ-то и штука, Надежда Николаевна, что такое *жизнь*?.. Не есть ли это обманъ, мечтаніе пустое?

Наденька на минуту перестала суетиться и въ изумленіи остановилась посреди комнаты.

Передъ нею стоялъ все тотъ же ординарный господинъ Мичулинъ, котораго она аккуратно видала каждое утро и каждый вечеръ; все такъ же гемороидаленъ былъ. цвѣтъ его испещреннаго рябинами лица, только на губахъ едва замѣтно играла не лишенная ѣдкости и самодовольствія улыбка, какъ будто бы говорила эта улыбка: «а что, задалъ я тебѣ, голубушка, загвоздку; на-тка, поди, раскуси ее!»

— То-есть, какъ же обманъ?—въ свою очередь, робко и нерѣшительно спросила Наденька, думая, что Иванъ Са-

мойлычь потому, *вѣроятно*, заговорилъ объ обманахъ, что самъ намѣренъ употребить въ отношеніи къ ней какое-нибудь злостное ухищреніе.

— Да такъ-съ, обманъ, просто обманъ! Посудите сами: вѣдь если бы я въ самомъ дѣлѣ жилъ, я бы занималъ какое-нибудь мѣсто, игралъ бы какую-нибудь роль!

Наденька ужъ совершенно разувѣрилась и обдумывала, что бы ей такое поднять съ полу.

— Такъ вы думаете, — сказала она съ разстановкою:— что тотъ только и живетъ, кто играетъ какія-нибудь роли?

Иванъ Самойлычь понялъ, что подъ словомъ «роли» Наденька разумѣла исключительно тѣ, которыя играетъ господинъ Каратыгинъ, и поэтому не нашелся, что отвѣчать.

— Гм!—сказала дѣвица Ручьяна.

— Такъ я все вотъ насчетъ этого дѣла, — снова началъ Мичулинъ.

— То-есть, насчетъ чего же, Иванъ Самойлычь? Если насчетъ того, то будьте совершенно покойны: ужъ я что сказала, такъ ужъ сказала; а если насчетъ чего другого, извольте, я съ удовольствіемъ.

Иванъ Самойлычь не отвѣчалъ; сердце его надрывалось: слова замирали на губахъ и даже что-то похожее на слезу сверкнуло въ глазахъ его... Въ который разъ получалъ онъ этотъ черствый отказъ!

— Оно не то, Надежда Николаевна, — говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ: — все бы еще снести можно! Да вѣдь *другіе!*.. Вѣдь другіе-то пьютъ, другіе ѣдятъ, другіе веселятся! Отчего же другіе?

Дѣйствительно ли несчастіе его происходило отъ того, что другіе живутъ, другіе веселы, или просто присутствіе маленькаго существа, къ которому самъ питаешь маленькую слабость, еще горчѣе дѣлаетъ наше горе—какъ бы то ни было, но герою нашему дѣйствительно сдѣлалось тяжело и обидно.

А между тѣмъ Наденька тоже задумалась; она, конечно,

замѣтила эту слезу, но все еще какъ-то думалось ей, что Иванъ Самойлычъ хитритъ, что все это онъ насчетъ того дѣла, насчетъ прежняго, а назначеніе и роль были тутъ только предлогомъ, чтобъ пустить ей пыль въ глаза, и, пользуясь ея ослѣпленіемъ, поставить-таки на своемъ.

— Да, оно, конечно, обидно, — сказала она тонко и деликатно, дѣлая видъ, какъ будто не замѣчаетъ, куда клонится рѣчь господина Мичулина: — да знаете ли, Иванъ Самойлычъ, ужъ не пойти ли вамъ спать?

Иванъ Самойлычъ сознался, что дѣйствительно ужъ поздно и что спать пора.

Лежа на одинокой постели своей, долго не могъ заснуть Иванъ Самойлычъ. Все ему чудилось живое, полненькое личико Наденьки, и свѣтло и роскошно рисовалась и суежилась передъ его глазами эта миниатюрная, уютная фигурка, вѣчно хлопочущая, вѣчно бѣгущая... И мерещится ему во мракѣ его комнаты, что вотъ сверкнула ея грудь, вотъ промелькнула около самыхъ его губъ крошечная ножка... и ловить онъ ее взглядомъ, и усиливается высмотрѣть въ густой темнотѣ это дорогое, мимолетное видѣніе, но тщетно! Во мглѣ тонетъ взоръ его, во мглѣ, въ глубокой, непроницаемой мглѣ, и не успѣваетъ онъ опомниться, какъ передъ нимъ стоитъ длинный и тощій вопросъ — вопросъ насмѣшливый и недоброжелательный, составляющій все несчастіе и гибель его бѣдной жизни.

И скорѣе закрыть онъ глаза, чтобъ не видѣть этого больного, изнеможеннаго вопроса, и началъ думать о томъ, какъ было бы пріятно, если бы Наденька... О, если бы Наденька!.. если бы она знала, какъ бьется сердце бѣднаго Ивана Самойлыча, несчастнаго Ивана Самойлыча, каждый разъ, какъ долетаетъ до него ея маленькій, незатѣйливый голосокъ, поющій маленькую, незатѣйливую пѣсенку!.. Если бы она видѣла, другими глазами видѣла, какъ судорожно и трепетно сжимается это сердце, какъ прилущивается это ухо, какъ притопывается эта нога, какъ преобразается и

озаряется внезапнымъ свѣтомъ и теплотою все это такъ долго зябнувшее на стужѣ и непогодѣ существо! Если бы она видѣла все это! И какъ смѣла и бойка была его мысль, какое будущее готовилъ онъ ей, этой дорогой, вѣчно незабвенной Наденькѣ! Не то чреватое горестями и лишениями будущее, которое на самомъ дѣлѣ ждало ее, а будущее ровное и спокойное, гдѣ все такъ удобно и ловко слагалось, гдѣ всякое желаніе дѣлалось правомъ, всякая мысль становилась дѣломъ... Если бы знала она!

Но не видала, не знала она ничего! Обидна и груба казалась ей привязанность господина Мичулина, и тщетно раскрывалось сердце скромнаго юноши, тщетно играло воображеніе его: ему предстояла вѣчная и холодная, холодная мгла!

III.

Ужъ мозговое вещество Ивана Самойлыча подернулось плененою, сначала мягкой и полупрозрачною, потомъ все болѣе и болѣе плотною и мутною; ужъ слуховой его органъ наполнился тѣмъ однообразнымъ и протяжнымъ дрожаніемъ, составляющимъ нѣчто среднее между отдаленнымъ звучаніемъ колокольчика и неотвязнымъ жужжаніемъ комара; ужъ мимо глазъ пронесся огромный, неохватимый взоромъ городъ, съ своими тысячами куполовъ, съ своими дворцами и сѣзжими дворами, съ своими шпицами, горделиво врѣзывающимися въ самыя облака, съ своею вѣчно шумною, вѣчно хлопочущею и суетящеюся толпою. Но вдругъ городъ смѣнился деревнею съ длиннымъ рядомъ покачнувшихся въ сторону избъ, съ сѣрымъ небомъ, сѣрою грязью и бревенчатою мостовой... Потомъ всѣ эти образы, сначала опредѣленные и различные, смѣшались: деревня украсилась дворцами, городъ обезобразился почернѣвшими бревенчатыми избами; у храмовъ привольно разрослись ренейникъ и крапива: на улицахъ и площадяхъ толпились волки, голодные и кровожадные волки... и пожирали другъ друга.

Но вотъ и городъ исчезъ въ туманѣ, и деревня утонула

въ синемъ, неизглядномъ озерѣ, и волки скрылись далеко-далеко въ густые лѣса фантазіи Ивана Самойлыча... Но что же вдругъ такъ сладко поразило слухъ его, что заще-котало вдругъ, зашевелило бѣдное его сердце? Съ тоскою и трепетомъ вслушивается онъ въ эти вѣчно милые, вѣчно желанные звуки, съ томленіемъ и грустью вливаетъ въ себя чудную гармонію простенькой пѣсенки, ласкающей слухъ его...

— Наденька, Наденька!—молящимъ голосомъ говорить Иванъ Самойлычъ.

Но гордо и съ обиднымъ презрѣніемъ смотритъ на него, униженнаго и умоляющаго, маленькая женщина. Крошечная проницательная улыбка мелькаетъ на розовыхъ губкахъ; ея миниатюрное негодованьице слегка приподняло ея тонкія ноздри и окрасило нѣжнымъ пурпуромъ упругія щеки...

— Наденька!—говоритъ онъ задыхающимся отъ волненія голосомъ:—я не виноватъ, что люблю васъ... Что же мнѣ дѣлать, если это выше силъ моихъ!..

И онъ съ трепетомъ ждетъ ея слова: онъ не замѣчаетъ, что возлѣ нея стоитъ другое лицо—лицо, принадлежащее ученому другу ея, бѣлокурому Алексису; не замѣчаетъ, какъ томно опирается она на руку юноши, какіе полные нѣги и томленія взоры отъ времени до времени обращаетъ къ нему...

Но вотъ и на него взглянула она, но какъ-то сурово и съ недоумѣніемъ. Обиженнымъ тономъ отвѣчаетъ она ему, что удивляется, какимъ образомъ могъ онъ даже подумать сдѣлать ей такое странное предложеніе; что, конечно, онъ человѣкъ неглупый и даже начитанный человѣкъ, но что и она, съ своей стороны, дѣвушка честная, и хотя не дворянка, но не хуже иной дворянки сумѣетъ подать карету не только ему, Ивану Самойлычу, но и всякому другому, даже лучше и почище его, кто осмѣлится подъѣхать къ ней съ подобнымъ предложеніемъ.

И снова все исчезаетъ въ безразличномъ туманѣ: и бѣ-

локурое, но нѣсколько апатичное лицо Алексиса, и миниатюрная, вѣчно тревожная фигурка Наденьки, и тоскливо звучить вдали знакомая пѣсенка о дорогомъ князѣ и золотыхъ чертогахъ...

— Что же я въ самомъ дѣлѣ такое? — спрашиваетъ себя господинъ Мичулинъ: — какое мое назначеніе, какая судьба моя?

Толпами собираются около него блѣдные призраки и насмѣшливо кричатъ ему: «охъ, усталъ, усталъ ты, бѣдный человѣкъ! разломило тебѣ всю голову!»

Блѣдный, трепещущій падаетъ онъ на колѣни, прося пощадить его, объяснить ему это страшное дѣло, не дающее ему ни днемъ, ни ночью покою, но падаетъ такъ неловко и неожиданно, что блѣдные призраки мгновенно исчезаютъ.

Въ комнатѣ темно; старинная кукушка жалобно прокуковала два раза и замолкла.

«Чортъ знаетъ что за дрянъ въ голову лѣзеть! — подумалъ Иванъ Самойлычъ: — а вотъ еще философы утверждаютъ»...

И онъ было-намѣревался, не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія, во снѣ узнать, что утверждаютъ философы, какъ вдругъ за тонкою перегородкою, которая одна отдѣляла его постель отъ завѣтной комнатки, послышались голоса.

Иванъ Самойлычъ началъ прислушиваться.

— Ужъ я вижу, сударь, — щебеталъ знакомый ему голосъ: — ужъ пожалуйте, не приводите мнѣ своихъ резоновъ, ужъ пожалуйте... Я все, все насквозь вижу...

— Нѣтъ, Наденька! ты ошибаешься, другъ мой, ошибаешься, милый ты человѣкъ! — отвѣчалъ Алексисъ, стараясь придать голосу своему льстивый тонъ.

— Ужъ пожалуйте, въ чемъ другомъ, а въ этомъ не ошибусь... Стыдитесь, сударь!

— Да помилуй же, Наденька! право, я нигдѣ не былъ...

— Я вамъ говорю, что все насквозь вижу, всё ваши

хитрости вижу, Алексѣй Петровичъ! Ужь какъ вы тамъ меня ни называйте—образованная ли я, или необразованная—а ужъ я все-таки вижу!

Алексисъ молчалъ.

— Зачѣмъ же притворство и коварство?—продолжала, между тѣмъ, Наденька.—Ужь скажите мнѣ лучше прямо, что я несчастнѣйшая изъ женщинъ!.. Я дѣвушка прямая, Алексѣй Петровичъ: я честная дѣвушка, Алексѣй Петровичъ, я не люблю ходить вокругъ да около... Ужь скажите мнѣ просто, что я въ слезахъ должна проводить жизнь!

— Отчего же въ слезахъ, Наденька?—отвѣчалъ лаконически Алексисъ, и потомъ прибавилъ:—Отчего же въ слезахъ, милый, хорошій ты человекъ?

И опять все смолкло вокругъ Ивана Самойлыча, но не въ головѣ его: тамъ, напротивъ, началась страшная дѣятельность, начался шумъ и стукотня: мысли бѣгали по мозговымъ его нервамъ, перебивали другъ у друга дорогу, и вдругъ накопилось ихъ такое множество, что онъ ужъ и самъ не радъ былъ, что проснулся и, какъ глупая тварь, поддался грубому и животненному инстинкту любопытства...

Не успѣлъ еще онъ хорошенько сообразить, какъ бы этакъ воспользоваться недоразумѣнiемъ, хитро вырыть ближнему яму, какъ ужъ и дѣйствительно какимъ-то образомъ подкопался подъ Алексиса. Въ судьбѣ его внезапно произошла совершенная и неожиданная перемена; въ одно мгновенiе ока онъ сдѣлался рѣшительно баловнемъ фортуны; онъ ходитъ по Невскому подъ-руку съ молодою женой, въ бекешѣ съ сѣдымъ бобровымъ воротникомъ; на лбу красуется глубокой шрамъ, полученный въ битвѣ за отечество, а на фракѣ—огромная испанская звѣзда съ безчисленнымъ множествомъ угловъ. Онъ мѣняется прiятною улыбкою и поклономъ съ значительными господами; онъ совершенно доволенъ своею судьбою и безпрестанно вынимаетъ изъ кармана необыкновенно массивный хронометръ, какъ будто бы для того, чтобы узнать, который часъ, а въ самомъ дѣлѣ

для того только, чтобъ показать народу: пусть-де видить онъ, какіе на свѣтѣ бываютъ удивительныя часы и цѣпочки.

Съ презрѣніемъ и иронически улыбаясь, смотритъ онъ на проходящаго мимо и дрожащаго отъ холода, въ изношенномъ до-пельзя темно-вишневомъ съ искрою пальто, Алексиса, и дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ его. Но Алексисъ издалека завидѣлъ знакомую ему маленькую фигурку; онъ ужъ спѣшилъ къ ней съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ: «здравствуй, Наденька. здравствуй, хорошій ты, милый человѣкъ!»—но вдругъ у самыхъ ушей его раздается грозный голосъ: «Милостивый государь, вы забываете...» и Алексисъ, поджавъ хвостъ, удаляется поспѣшными шагами во-свояси.

Но вотъ и четыре бьетъ на каланчѣ думы: Иванъ Самойлычъ по привычкѣ уже чувствуетъ въ желудкѣ пріятную тоску.

— Не прикажешь ли, душа моя, зайти въ магазинъ купить чего-нибудь къ обѣду?—говоритъ онъ, обращаясь къ Наденькѣ.

— Отчего же и не зайти!—отвѣчаетъ она съ такимъ философскимъ равнодушіемъ, какъ будто бы дѣйствительно такъ и быть должно.

И въ самомъ дѣлѣ, люди богатые—отчего же и не зайти.

Ужъ съ четверть часа стоятъ они въ великолѣпномъ магазинѣ.

Наденька, какъ существо живое и по преимуществу прожорливое, бѣгаетъ изъ одного угла въ другой, переходитъ отъ винограда къ великолѣпнымъ бонкретсьенамъ, отъ превосходныхъ, подернутыхъ легкимъ пухомъ персиковъ къ не менѣе превосходному ананасу, всего отвѣдываетъ, всего откладываетъ въ свой ридикюль... Но все это въ порядкѣ вещей, все такъ и быть должно; одно только нѣсколько страннымъ кажется Ивану Самойлычу: сѣдой и строгій приказчикъ какъ будто подозрительно, какъ будто исподобля

смотреть на всѣ эти заборы. Онъ мысленно негодуешь на такую неумѣстную недовѣрчивость; уже рука его протянута, чтобъ разстегнуть великолѣпное пальто и показать негодяю-корыстолюбцу многоугольную испанскую звѣзду, какъ вдругъ... Но тутъ его руки опускаются, холодный потъ градомъ катитъ съ благороднаго чела; онъ блѣднѣетъ, осматривается, щупаетъ себя... Боже! нѣтъ никакого сомнѣнія, все это было самообольщеніе: и испанская звѣзда, и пальто съ удивительно теплымъ воротникомъ, и одутловатые щеки, и гордый видъ... все, рѣшительно все исчезло, какъ по волшебному мановенію! Какъ и въ бывалое время, виситъ на немъ, какъ на подлой вѣшалкѣ, его старая и вытертая шинелька, болѣе похожая на капоть, нежели на шинель; попрежнему желты и изрыты рябинами его щеки; попрежнему согнута его спина и униженъ и скаредень его видъ.

Тщетно толкаетъ онъ исподтишка неосторожную Наденьку, тщетно мучитъ онъ мозгъ свой, стараясь выжать изъ него что-нибудь похожее на изобрѣтательность: Наденька, нисколько не конфузясь, услаждаетъ свое нѣбо дарами юга, и, тоже не конфузясь, спитъ мозгъ Ивана Самойлыча, тупо и равнодушно смотря на неумовѣрныя старанія его выпутаться изъ бѣды и какъ будто посмѣиваясь надъ собственнымъ своимъ безсліемъ...

— Десять рубликовъ и семь гривенокъ-съ!—звучитъ ему, между тѣмъ, въ самыя уши страшный голосъ приказчика.

— Серебромъ?—шепчетъ въ отвѣтъ, заикаясь и совершенно растерявшись, Иванъ Самойлычъ.

— Да, серебромъ... неужто мѣдными? — рѣшительно и вовсе непоощрительно отвѣчаетъ тотъ же самый досадный голосъ.

Мичулинъ конфузится еще пуще.

— Такъ-съ; серебромъ-съ... — говоритъ онъ, блѣднѣя и между тѣмъ ощупывая карманы, какъ будто отыскивая бывшія въ нихъ, неизвѣстно куда завалившіяся деньги.—

отчего же-съ, я съ удовольствіемъ... я человекъ достаточный... Скажите, пожалуйста, а я и не замѣтилъ!.. Представьте себѣ, мой милый, я и не замѣтилъ, что у меня въ карманѣ дыра, и какая большая—скажите!..

Но приказчикъ только покачиваетъ головой.

— А вѣдь можете себѣ представить,—продолжаетъ Иванъ Самофилычъ тономъ соболѣзнованія:—и пальто совсѣмъ новенькое, только-что съ иголочки! Ужасно какъ испрочно шьютъ эти портные! Да и не удивительно! Французы, я вамъ скажу, французы! Ну, а французъ, извѣстно, вѣтромъ подбитъ! ужъ это нація такая... Не то что нашъ братъ русскій: тотъ ужъ за что примется, такъ все на славу сдѣлаетъ—нѣтъ, далеко не то!.. Скажите, пожалуйста, и давно вы торгъ ведете?

— Торгъ-то мы ведемъ давно,—отвѣчаетъ угрюмый приказчикъ:—а деньги вы все-таки отдайте...

— Ахъ, Боже мой! право, какой скверный народъ эти французы! право, только-что съ иголочки! О, мошенники эти портные!

— Видно, братъ, мошенникъ-то ты!—неумолимо и рѣзко отвѣчаетъ угрюмый приказчикъ:—знаемъ мы васъ! у васъ у всѣхъ карманы-то съ дырками, какъ къ раслатѣ приходится! Иванъ Терентычъ! а сходи-ко, братъ, за Федосѣемъ Лукьянычемъ! Онъ, кажется, тутъ поблизости!

Услышавъ знакомое ему имя Федосѣя Лукьяныча, Иванъ Самофилычъ совершенно упалъ духомъ. Со слезами на глазахъ и униженно кланяясь, показываетъ онъ сѣдому приказчику дырявые карманы своего пальто, тщетно доказывая, что не виноватъ же онъ, что за минуту передъ тѣмъ имѣлъ и бобровый воротникъ, и испанскую звѣзду, и одутловатыя щеки, и что все это, по ухищреніямъ одной злобной волшебницы, которая давно ужъ денно и нощно его преслѣдуетъ, вдругъ пропало, и остался онъ дрянъ-дряню, что называется, голъ какъ соколъ, нушнеть какъ лягушка.

— Мамону-то послужить умѣешь!—говоритъ ему безстраст-

ный голосъ сѣдого приказчика: — тельцу-то поклоняешься, чреву угождаешь! А что въ священномъ Писаніи сказано, забыль? Грѣхъ, братъ, тебѣ! стыдно, любезный!

— Послужилъ, почтеннѣйшій, попутать лукавый, точно, попутать!—отвѣчаетъ жалобнымъ голосомъ Иванъ Самойлычъ.—Да вѣдь это въ первый разъ; вѣдь другіе ѣдятъ же...

— Да другіе-то почище! Мало ли что дѣлаютъ другіе! У другихъ въ карманахъ-то не дыры!

И сѣдой приказчикъ строго покачиваетъ головой, приговаривая:

— Ишь, съ чѣмъ подѣхалъ, анаѳемскій сынъ! ишь ты: и испанская звѣзда у него была! Знаемъ, братъ, васъ, знаемъ, чревоугодники, идолопоклонники!

А между тѣмъ Мичулинъ робко поглядываетъ на Наденьку. Дерзко и съ презрѣніемъ глядитъ она на него, какъ будто хочетъ окончательно доканать и уничтожить несчастнаго.

— Такъ вы вотъ какъ, Иванъ Самойлычъ!—говоритъ она ему, быстро размахивая руками.—Такъ вы изволите на хитростяхъ! вы хотѣли воспользоваться моею къ вамъ откровенностью! Ужъ сдѣлайте одолженіе, я все понимаю! Можеть-быть, я и не образованная, и не читала книгъ... Ужъ, пожалуйста, не отпирайтесь: я все вижу, все понимаю, очень хорошо понимаю... всѣ ваши коварства... Сдѣлайте одолженіе!

— Да что же я въ самомъ дѣлѣ такое?—бормочеть, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ, очень кстати вспомянувъ, что затрудненіе именно въ томъ и состоитъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ себѣ опредѣлить, что онъ такое:— да чѣмъ же я хуже другихъ!

— Извѣстно чѣмъ!—лаконически отвѣчаетъ сѣдой приказчикъ:—извѣстно чѣмъ! У другихъ-то въ карманахъ-то нѣтъ дыривъ.

— Другіе ѣдятъ, другіе пьютъ... да я-то что жъ?

— Извѣстно что!—звучитъ тотъ же самый жесткій го-

лось:—можете смотрѣть, какъ другіе кушаютъ!—но такъ провически звучить, какъ будто бы хочеть сказать недоумѣвающему Мичулину:—фу, какой же ты, право, глухой, не можешь никакъ понять самой пустой и обыкновенной вещи!

Иванъ Самойлычъ ужъ-было и смекнулъ, въ чемъ дѣло, и началъ-было углубляться въ подробное разсмотрѣніе отвѣта приказчика, какъ вдругъ слухъ его поражаетъ другой, еще страшнѣйшій голосъ—голосъ Ѳедосѣя Лукьяныча.

Важно и не мигнувши, слушаетъ Ѳедосѣй Лукьянычъ жалобу стараго приказчика о томъ, что вотъ, дескать, такіе-то мошенники и пріѣдали черерыли всю лавку, наѣли на десять рубликовъ и семь гривенокъ, и теперь показываютъ только карманы съ дырками...

— Гм!—мычнть Ѳедосѣй Лукьянычъ, оттопыривъ губы и обращаясь всеѣмъ корпусомъ къ Мичулину:—ты?

— Да я, тово,—бормочеть Иванъ Самойлычъ:—я шель и усталъ... освѣжиться захотѣлось... Вотъ я и занель!

— Гм! ты не оправдывайся, а отвѣчай!—основательно возражаетъ Ѳедосѣй Лукьянычъ, окидывая взоромъ всеѣхъ присутствующихъ, вѣроятно для того, чтобъ удостовѣриться, какой эффектъ производить на нихъ его соломоновъ судъ.

— За дѣло ему, за дѣло!—кричнть съ своей стороны Наденька:—осрамнть меня хотѣлъ!.. Ужъ, пожалуйста, подальше съ своими резонами! Я очень хорошо все знаю и вижу!

— Фамилія?—отрывисто вопрошаетъ суровый голосъ Ѳедосѣя Лукьяныча, снова обращаясь къ нашему герою.

— Мичулинъ,—отвѣчаетъ Иванъ Самойлычъ, но такъ робко, какъ будто бы и самъ не увѣренъ, точно ли это такъ, и не есть ли это такое же созданіе блуднаго его воображенія, какъ и теплое пальто, испанская звѣзда, одуловатыя щеки и проч.

— Имя?—снова вопрошаетъ Ѳедосѣй Лукьянычъ, весьма, впрочемъ, довольный, что произвелъ робость и страхъ на пстязуемомъ субъектѣ.

— Иванъ Самойловъ,—еще тише и робче отвѣчаетъ герой нашъ.

— Эй, любезный, взять его!

Послѣднія слова, очевидно, относились къ одному рослому мужчине, какъ-то случайно тутъ же прогуливавшемуся.

И вотъ уже берутъ Ивана Самойлыча подъ-руки, вотъ открываются передъ нимъ двери ада...

— Пощадите! батюшки, пощадите!—кричитъ онъ, задыхаясь отъ трепета.

— Да что это, съ ума, что ли, вы сошли Иванъ Самойлычъ?—раздается вдругъ у самого его уха знакомый голосъ.—Совсѣмъ спать не даете добрымъ людямъ! Вѣдь я очень хорошо понимаю, къ чему все это клонится, да ужъ не бывать этому! Сказано, такъ ужъ сказано, и напрасно вы беспокоитесь и изъ себя выходите!

Иванъ Самойлычъ открылъ глаза: передъ нимъ, въ заманчивомъ неглиже, стояла милостивая Наденька, та самая Наденька, которая в проч.

IV.

— А, это ты, Наденька!—бормочетъ сквозь сонъ Иванъ Самойлычъ:—что жъ это ты не спишь, душенька? А можешь себѣ представить, мнѣ привидѣлось, будто Ое-до...

Наденька покачала головкой и ушла.

А между тѣмъ Лета, эта услужливая рѣка, снова заливаема волнами своимъ воображеніемъ господина Мичулина, снова начинаетъ она шумѣть въ ушахъ его, снова бѣснуетъ и выходитъ изъ береговъ своихъ.

И вдругъ онъ опять очутился на улицѣ; но на немъ уже не прежнее щеголеватое пальто, а обыкновенная истертая его шинелька; не благовидна и не горда его осанка, какъ будто скоробился, сморщился онъ весь, какъ будто все члены ему свело отъ холода и голода...

Не заглядываетъ онъ въ окна кондитерскихъ, булочныхъ и фруктовыхъ лавокъ. Сколько соблазновъ лежитъ передъ

нимъ въ красиво и симметрически расположенныхъ кучкахъ и заперто подь замкомъ! И все это заперто, все подь ключомъ! На все это *можете глядѣть!* какъ выразился недавно съ убійственнымъ хладнокровіемъ строгій приказчикъ...

А дома ждетъ его зрѣлище, полное жгучаго, непереносимаго отчаянія. Въ холодной комнатѣ, въ изорванномъ платьѣ, на изломанномъ стулѣ, сидитъ его жена; около нея, блѣдный, истомленный, стоитъ его сынъ... И все это просить хлѣба, но такъ тоскливо, такъ назойливо просить...

— Папа, я ѣсть хочу, — стонетъ ребенокъ: — дай хлѣба!..

— Потерпи, дружокъ, — говоритъ мать: — потерпи до завтра, — завтра будетъ! Нынче на рынкѣ все голодные волки поѣли! много волковъ, много волковъ, душенька!

Но какъ говоритъ она это! Твой ли это голосъ, милая маленькая Надя? тѣтъ ли это мелодическій, сладкій голосокъ, раснѣвавшій-себѣ беззаботно нехитрую цѣсенку, звавшій князя въ золотые чертоги? Гдѣ твой князь, Надя? Гдѣ твои золотые чертоги? Отчего твой голосокъ сдѣлался жестокъ, отчего въ немъ пробивается какая-то ѣдкая, несвойственная ему жолчь? Надя! чтѣ сдѣлалось, чтѣ стало съ тобой, граціозное созданіе? гдѣ веселый румянецъ твой? гдѣ беззаботный твой смѣхъ? гдѣ хлопотливость твоя? гдѣ твои наивная подозрительность? гдѣ ты, прежняя, непаглядная, миленькая Наденька?

Отчего глаза твои ввалились? отчего грудь твоя высохла? отчего въ голосѣ твоемъ дрожить тайная злоба? отчего сынъ твой не вѣритъ твоимъ словамъ... отчего это?

— Да вѣдь и вчера говорили мнѣ, — отвѣчаетъ ребенокъ, — что все голодные волки поѣли; да вонъ другія же дѣти сыты, другія дѣти играютъ... я ѣсть хочу, мама!

— Это дѣти голодныхъ волковъ играютъ, это они сыты! — отвѣчаешь ты, поникнувъ головою и не зная, какъ увернуться отъ вопросовъ ребенка.

Но напрасно стараешься ты, напрасно хочешь успокоить

его: онъ не вѣрить тебѣ, потому что ему хлѣба, а не словъ надобно.

— Ахъ, отчего же я не сынъ голоднаго волка! — стонетъ дитя:—мама, пусти меня къ волкамъ... я ѣсть хочу!

И ты молчишь, подавленная и уничтоженная! Ты вдвойнѣ несчастна, Надя! Ты сама голодна и подлѣ тебя стонетъ еще другое существо, стонетъ сынъ твой, плоть отъ плоти твоей, кость отъ костей твоихъ, который тоже просить хлѣба.

Бѣдная Наденька! что же не идетъ онъ, что не снѣшитъ онъ на помощь къ тебѣ, этотъ давно желанный, дорогой князь твоего воображенія? что не зоветъ онъ тебя въ золотой чертогъ свой?

Съ томленіемъ и непереносною тоскою смотритъ Иванъ Самойлычъ на эту сцену, и тоже увѣряетъ маленькаго Сашу, что завтра все будетъ, что сегодня все голодные волки поѣли. Что ему дѣлать? какъ помочь?..

И ты тоже знаешь, бѣдная Наденька, что нечѣмъ ему помочь; ты понимаешь, что онъ ни на волосъ не виноватъ во всемъ этомъ; но ты голодна, подлѣ тебя стонетъ любимое дитя твое, и ты упрекаешь мужа, ты дѣлаешься несправедливою...

— Зачѣмъ же вы женились? — говоришь ты ему жесткимъ и оскорбительнымъ голосомъ:—зачѣмъ же вы связали себя другими, когда и себѣ не въ состояніи добыть кусокъ хлѣба? Безъ васъ я была счастлива, безъ васъ я была беззаботна... я была сыта... Стыдно!

Въ свою очередь подавленный и уничтоженный, стоитъ Иванъ Самойлычъ. Онъ чувствуетъ, что въ словахъ Нади страшная правда, что онъ *долженъ былъ* подумать, и много подумать о томъ, прилично ли бѣдному человѣку любовь водить, достаточно ли будетъ на тронхъ его скуднаго куска... И неутомимо, неутомимо преслѣдуетъ его это страшное «стыдно!»

А между тѣмъ въ комнатѣ все холоднѣе и холоднѣе; на

дворѣ дѣлается темно; ребенокъ все такъ же стонетъ, все такъ же жалобно просить хлѣба! Боже! да чѣмъ же все это кончится? куда же поведетъ это? Хоть бы поскорѣе пришелъ завтрашній день! А завтра что?..

Но ребенокъ ужъ не стонетъ; онъ тихо склонился головой къ груди матери, но все еще дышитъ!..

— Тише!—едва слышно говорить Наденька:—тише! Саша уснулъ...

Но что же за мысль гнѣздится въ головкѣ твоей, Наденька? Зачѣмъ же ты улыбаешься, зачѣмъ въ этой улыбкѣ вдругъ сверкнуло отчаяніе и злобная покорность судьбѣ? Зачѣмъ ты бережно сажаешь ребенка на стулъ и, не говори ни слова, открываешь дверь бѣдной комнаты?

— Наденька, Наденька, куда ты идешь! Что хочешь ты дѣлать?

Ты сходишь нѣсколько ступеней и останавливаешься... ты колеблешься, милое дитя! Въ тебѣ вдругъ забилося это маленькое, доброе сердце, забилося быстро и неровно... По время летить... тамъ, въ холодной комнатѣ, въ отчаяніи ломаетъ руки голодный мужъ твой, тамъ умираетъ твой сынъ! И ты не колеблешься, въ отчаяніи ты махнула рукой; ты не сходишь—бѣжишь внизъ по лѣстницѣ... ты въ бѣль-этажѣ... ты дернула за звонокъ... Страшно, страшно за тебя, Надя!

А онъ ужъ ждетъ тебя, дряхлый, безсильный волокита; онъ знаетъ, что ты придешь, что ты *должна* придти, и самодовольно потираетъ себѣ руки, и самодовольно улыбается, поглядывая на часы... О, онъ въ подробности изучилъ натуру человѣка и смѣло можетъ рассчитывать на голодь!

— Я рѣшилась!—говоришь ты ему, п голосъ твой спокоень...

Да, спокоень, не дрогнулъ твой голосъ, а все-таки спокоествіе-то его какъ будто мертвое, могильное...

И старикъ улыбается, глядя на тебя; онъ ласково треп-

леть тебя по щекѣ и дрожащею рукою привлекаетъ къ дряхлой груди своей юный станъ твой...

— Да какъ же ты блѣдна, душенька! — говоритъ онъ ласково: — видно, тебѣ очень кушать хочется...

Э! да онъ просто шутникъ! онъ преселый малый, этотъ маленькій старичокъ, охотникъ до миленькихъ, молоденькихъ женщинъ!

— Да, я хочу ѣсть! — отвѣчаешь ты. — Мнѣ нужно денегъ.

И ты протягиваешь руку... Стало-быть, ты еще хороша, несмотря на твое страданіе; стало-быть, есть еще въ тебѣ, несмотря на гнетущую нищету твою, нѣчто зовущее, возбуждающее застывшія силы шутливаго старика, потому что онъ, не считая, кладетъ тебѣ въ руку деньги; онъ не торгуется, хотя и знаетъ, что можетъ купить тебя за самую ничтожную плату...

— Ыщите! — говоришь ты мужу и сыну, бросая на столъ купленный ужинъ, а сама садишься въ уголь.

— Это жадные волки дали, мама? — спрашиваетъ тебя ребенокъ, съ жадностью поглощая ужинъ.

— Да, это волкъ прислалъ, — отвѣчаешь ты разсѣянно и задумчиво.

— Мама! когда же убьютъ голодныхъ волковъ? — снова спрашиваетъ ребенокъ.

— Скоро, дружокъ, скоро...

— Всѣхъ убьютъ, мама, ни одного не останется?

— Всѣхъ, душенька, всѣхъ до одного, ни одного не останется...

— И мы будемъ сыты? у насъ будетъ ужинъ?

— Да, скоро мы будемъ сыты, скоро намъ будетъ весело... очень весело, другъ мой!

А между тѣмъ Иванъ Самойлычъ молчитъ, потупивъ голову, съ тайнымъ, но неотступно гложущимъ угрызеніемъ въ сердцѣ, ѣсть онъ свою долю ужина, и не осмѣливается взглянуть на тебя, боясь увидѣть во взорѣ твоемъ безвозвратное осужденіе свое.

Но онъ ѣсть, потому что и его мучить голодь, потому что и онъ человекъ.

Но онъ думаетъ, горько думаетъ, бѣдный мужъ твой! Страшная мысль жжетъ его мозгъ, неотступное горе сосетъ его грудь! Онъ думаетъ: «сегодня мы сыты, сегодня у насъ есть кусокъ хлѣба, а завтра? а потомъ?..» вотъ о чемъ думаетъ онъ! Вѣдь и завтра ты будешь *должна*... а тамъ опять...

Вотъ эта страшная, гложущая мысль! Наденька, Наденька! правда ли, что ты будешь *должна*?..

Ивану Самойлычу дѣлается душно; глухое рыданіе заливааетъ грудь его; голова его горитъ, глаза открыты и неподвижно устремлены на Наденьку...

— Наденька! Наденька!—стонеть онъ, собравъ послѣдніи силы.

— Да что жъ это, въ самомъ дѣлѣ, за срамъ такой!— слышится ему знакомый голосъ. — Здѣсь я, здѣсь, сударь! что вамъ угодно? что вы кричите? Цѣлую ночь глазъ сомкнуть не давали! Вы думаете, что я не понимаю, вы думаете, что я не вижу... Крѣпостная я ваша, что ли, что вы на меня такъ грозно смотрите?

Иванъ Самойлычъ открылъ глаза; въ комнатѣ было свѣтло; у кровати его стояла Наденька въ совершеннѣйшемъ утреннемъ дезабилье.

— Такъ это... былъ сонъ! — сказалъ онъ, едва очнувшись. — Такъ ты, того... не ходила къ старику, Наденька?

Дѣвица Ручкина взглянула на него въ недоумвніи. Но вскорѣ все сдѣлалось для нея яснымъ, какъ на ладони; ее вдругъ осянула свѣтлая мысль, что все это не просто и что старикъ-то именно не кто иной, какъ самъ Иванъ Самойлычъ, но ужъ если она разъ сказала: не бывать!— такъ уже и не бывать тому, какъ ни хитри и не изворачивайся волокита.

— Нѣтъ, чортъ возьми! должно же это кончиться!— сказалъ про себя Иванъ Самойлычъ, когда Наденька вы-

шла изъ комнаты: — вѣдь такъ просто ни за грошъ пропадешь!

Господинъ Мичудинъ взглянулъ въ зеркало и нашелъ въ себѣ большую перемяну. Щеки его опали и пожелтели пуще прежняго, лицо осунулось, глаза сдѣлались мутны; весь онъ сторбился и изогнулся, какъ олицетворенный вопросительный знакъ.

А между тѣмъ нужно идти, нужно просить, потому что, дѣйствительно, пожалуй, ни за грошъ пропадешь...

Да полно, идти ли, просить ли?

Сколько времени ходилъ ты, сколько разъ просилъ и кланялся—выслушалъ ли кто тебя? Ой, ѣхать бы тебѣ въ деревню къ отцу въ колнакъ, къ матери съ обвязанной щекой!..

Но, съ другой стороны, тутъ же рядомъ возникаетъ вопросъ, требующій безотлагательнаго объясненія.

«Что же ты такое? — говорятъ этотъ навязчивый вопросъ: — неужели для того только и созданъ ты, чтобъ видѣть передъ собой глухой колнакъ, глупую щеку, солить грибы и пробовать домашнія наливки?»

И среди всего этого хаоса противорѣчащихъ мыслей внезапно возникаетъ въ воображеніи Ивана Самойлыча образъ злосчастнаго Емели... Этотъ образъ такъ ясно и отчетливо рисуется передъ глазами его, какъ будто дѣйствительно стоитъ передъ нимъ согнутый и трясущійся старикъ, и можетъ онъ его ощупать и осязать руками. Все туловище Емели какъ будто разлѣзается въ разныя стороны, всѣ члены будто развинчены и вывихнуты; въ глазахъ слезы гноятся и голова трясется...

Жалобно протягиваетъ онъ изнеможенную руку, дрожащимъ голосомъ вымаливаетъ хоть десять копеечекъ и потомъ указываетъ на штофъ съ водкой и приговариваетъ: «познаніе есть зла и добра!»

Иванъ Самойлычъ стоитъ какъ въ чадѣ; онъ хочетъ освободиться отъ страшнаго кошмара и не можетъ...

Фигура Емели преслѣдуетъ его, давить ему грудь, стѣснять ему дыханіе... Наконецъ, онъ дѣлаетъ надъ собою сверхъестественное усиліе, хватаетъ шляпу и опрометью бѣжитъ изъ комнаты.

Но на порогѣ его останавливаетъ Беобахтеръ.

— Вы поняли, что я говорилъ вамъ вчера? — спрашиваетъ онъ съ таинственнымъ видомъ.

— То-есть... догадываюсь, — отвѣчаетъ Иванъ Самойлычъ, совершенно смущенный.

— Разумѣется, это были только нѣкоторые намеки, — снова начинаетъ кандидатъ философіи: — вѣдь это дѣло сложное, очень сложное, всего и не перескажешь!

Минутное молчаніе.

— Вотъ, возьмите это, — прерываетъ Беобахтеръ, подавая Мичулину крохотную книжонку, изъ тѣхъ, которыя въ Парижѣ, какъ грибы въ дождливое лѣто, нарождаются тысячами и продаются чуть ли не по одному сантиму.

Иванъ Самойлычъ въ недоумѣніи беретъ книжку, рѣшительно не зная, что съ нею дѣлать.

— Прочтите, — говоритъ Беобахтеръ торжественно, но все-таки чрезвычайно мягко и вкрадчиво: — прочтите и увидите... тутъ все!.. Понимаете?

Съ этими словами онъ удаляется, оставивъ господина Мичулина въ совершенномъ изумленіи.

V.

Погода на дворѣ стояла сырая и мутная; какъ и наканунѣ, сыпалось съ облаковъ какое-то неизвѣстное вещество; какъ и тогда, мѣсили по улицамъ грязь ноги усталыхъ пѣшеходовъ; какъ и тогда, ѣхалъ въ каретѣ закутанный въ шубу господинъ съ одутловатыми щеками, и ѣхалъ въ калошахъ другой господинъ, которому насвистывалъ въ-догонку вѣтеръ: «озябъ, озябъ, озя-я-ябъ, бѣденъкій человѣкъ!» Словомъ, все попрежнему, съ тѣмъ не-

значительнымъ прибавленіемъ, что всю эту неблагоприятную картину обливалъ какой-то блѣдный, мутный свѣтъ.

Навстрѣчу Ивану Самойлычу ѣхала очень удобная и покойная карета, придуманная въ пользу бѣдныхъ людей, въ которой, какъ извѣстно, за гривенникъ можно поѣхать въ Петербурга объѣхать.

Иванъ Самойлычъ сѣлъ. Въ другое время, «при семь удобномъ случаѣ», онъ подумалъ бы, можетъ-быть, о промышленномъ направленіи вѣка, и выразился бы одобрительно насчетъ этого обстоятельства, но въ настоящую минуту голова его была полна самыхъ странныхъ и черныхъ мыслей.

Поэтому кондукторъ не получилъ отъ него ни улыбки, ни поощренія—ничего, чѣмъ такъ щедро любятъ надѣлять лные охотники до чужихъ дѣлъ.

А между тѣмъ въ карету набираются другіе господа; сперва вошла какая-то скромная дѣвушка, потупивъ глазки; вслѣдъ за нею впрыгнулъ бѣлокурый студентъ весьма пріятной наружности и сѣлъ прямо противъ нея.

— Здравія желаемъ-съ! — сказалъ бѣлокурый студентъ, обратясь къ дѣвушкѣ.

Но дѣвушка не отвѣчаетъ, а, посмотрѣвъ исподлобья на юношу, подноситъ ко рту платокъ и отворачиваетъ къ окну свое личико, изрѣдка испуская изъ-подъ платка скромное «ги-ги-ги!»

— Наше почтеніе-съ! — началъ снова студентъ, обращаясь къ веселой дѣвушкѣ.

Но отвѣта и на этотъ разъ не послѣдовало; только скромное «ги-ги-ги!» выразилось какъ-то рѣзче и смѣлѣе.

— А что вы скажете насчетъ этого нововведенія? — ласково спросилъ Ивана Самойлыча очень опрятно одѣтый господинъ съ портфелемъ подъ мышкою.

Господинъ Мичулинъ махнулъ головой въ знакъ согласія.

— Не правда ли, какъ дешево и экономически? —

снова и еще ласковѣе обратился портфель, въ особенности нѣжно, хотя и не безъ энергіи, напирая на слово: «экономически».

— Да-съ, выгодная спекуляція, — отвѣчалъ Иванъ Самойлычъ, усиливаясь, въ свою очередь, поощрительно улыбнуться.

— О, очень выгодно, очень экономически! — отозвался въ другомъ углу господинъ съ надвинутыми бровями и мыслящей фізіономіей. — Ваше замѣчаніе совершенно справедливо, ваше замѣчаніе выхвачено изъ природы!

— Впрочемъ, это смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на предметъ, — глубокомысленно замѣтилъ господинъ съ огромными черными усами, и тутъ же фізіономія его приняла такой таинственный видъ, какъ будто снѣшила сказать всякому: знаемъ мы, видали мы!..

— Батюшки, пустите! Да отворяй же, лакей! Батюшки! Вспотѣлъ, измучился!.. Ну, ужъ городъ! Экъ его уго-раздило!

Разговоръ, принимавшій нѣсколько назидательное направленіе, вдругъ прервался, и взоры всѣхъ пассажировъ обратились на толстаго господина, въ какой-то странной, лилового цвѣта, венгеркѣ, который, пыхтя и кряхтя, влѣзъ бокомъ въ карету.

— Ну, ужъ городъ! — говорила венгерка: — истинно вамъ скажу, Божеское наказаніе! Я, изволите видѣть, здѣсь по своему дѣлу — такъ повѣрите ли, просто, то-есть, измучили проклятые! Душу тянуть, вздохнуть не даютъ! И все этакъ въ бѣлыхъ перчаткахъ: на красную, подлець, и смотрѣть не хочеть — за кого, дескать, вы насъ принимаете, да правосудіе у насъ не продажное! А вотъ какъ сто рублей... Эка бестія, эка бестія! Повѣрите ли, даже вспотѣлъ весь!

И венгерка снова начала кряхтѣть и пыхтѣть, со всѣхъ сторонъ обмахиваясь платкомъ, что возбуждало немалую веселость въ скромной дѣвушкѣ, и чуть слышныя «ги-ги-

ги!» снова начали вылетать изъ-подъ платка, закрывавшаго ротъ ея.

— То-есть, что же вы разумѣете подъ точкой зрѣнія?— прервалъ портфель, котораго, видимо, конфузиль санфасонъ лиловой венгерки. — Если вы хотите сказать то, что французы такъ удачно называютъ: познь де вю, кудель...

— Знаемъ мы! Пожили мы! И французовъ видали, да и пѣмцевъ тоже! — отвѣчали усы, и потомъ, наклонясь съ таинственнымъ видомъ и оглядываясь во все стороны, прошептали вполголоса:

— Что-то скажутъ объ этомъ извозчики... Вотъ что!

Присутствующіе вздрогнули; дѣйствительно, никому изъ нихъ до тѣхъ поръ и въ голову не приходило, что-то скажутъ о томъ извозчики, а теперь около нихъ, и сзади, и спереди, и по бокамъ, вдругъ заговорили тысячи извозчичьихъ голосовъ, кивали тысячи извозчичьихъ головъ, весь міръ покрылся сплошною массою воображаемыхъ извозчиковъ, тамъ и сямъ прерываемою... опустѣлыми извозчичьими колодами.

— Да; если имѣтъ такого рода конседерацію, — прошептала портфель.

— Да ужъ что тутъ! — говорили, между тѣмъ, усы еще таинственнѣе и ударяя себя при этомъ кулаками въ грудь: — ужъ я знаю, ужъ вы *меня* спросите! Мнѣ это дѣло, какъ своя ладонь, извѣстно!

И усы, дѣйствительно, показали немелкаго разбора голую ладонь и, еще болѣе наклонившись и предварительно оглянувшись на все стороны, вполголоса приговаривали:

— Ужъ мнѣ это дѣло ближе извѣстно... я служу *тамъ*...

— Такъ вы тоже *бюрократъ*? — спросилъ портфель, оправившись отъ перваго ошеломленія и какъ въ каменную стѣну упираясь въ слово: «бюрократъ».

— Да вѣдь это опять-таки съ какой точки зрѣнія посмотреть на предметъ! — лаконически отвѣчали усы.

— А я вамъ скажу, господа, что все это вздоръ! Совершенный вздоръ!—загремѣла венгерка.

По сосѣдству чуть слышно раздалось знакомое «ги-ги-ги!» веселой дѣвушки.

— Истинно такъ! — продолжала гремѣть венгерка: — истинно такъ! Чтò это за народъ, хоть бы извозчики?—дрянь, осмѣлюсь вамъ доложить, просто слякоть!.. Вотъ кабы вы у насъ, въ нашей сторонѣ, побывали—вотъ народъ! Тотъ такъ ужъ дѣйствительно усахарить! Вотъ природа, такъ природа! Это ужъ, истинно вамъ говорю, смотрѣть въ свое удовольствіе можно! А то чтò это за народъ у васъ, взглянуть не на чтò! Просто—дрянь, слякоть!

И венгерка тоскливо покачивала головою.

— Да; это если смотрѣть на предметъ съ одной точки, — сказалъ, между тѣмъ, портфель, улыбаясь и не обращая вниманія на пессимистское возраженіе венгерки: — но если взглянуть на дѣло, напримѣръ, со стороны эманципаціи животныхъ...

Усы жалобно замычали.

— Да вѣдь это все нуфъ!—сказали они:—это все французы привезли! Извозчики—вотъ главное дѣло! Извозчики—вотъ корень причины! Извозчики, извозчики, извозчики!

И снова въ глазахъ всѣхъ присутствующихъ замелькали извозчики, извозчики, извозчики!

— Вотъ оно дѣло-то! — продолжали усы: — вотъ онъ сытъ, наѣлся—его и коломъ съ печи не своротишь! А вотъ какъ хлѣбца-то вѣтъ—онъ и пошелъ, и пошелъ... а ужъ какъ пошелъ, такъ, извѣстно, чтò будетъ!.. Знаемъ мы! Видали мы!

— О, ваше замѣчаніе совсѣмъ справедливо! Ваше замѣчаніе выхвачено изъ природы!—отозвались брови.—Голодъ, голодъ и голодъ—вотъ моя система! Вотъ мой образъ мыслей!

— Такъ вотъ съ какой точки зрѣнія должно смотрѣть на предметъ,—таинственно повторили усы:—а ужъ что тутъ животное! Животное, извѣстно, скотина!

— Однакожь, читали ли вы въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» артикль?— возразилъ портфель, съ необыкновеннымъ усиліемъ напирая на слово: «артикль».

— Знаемъ мы! Читали мы! Вздоръ все это, надуванція! Гѣга и магѣга!

— Однакожь съ большимъ увлеченіемъ написанъ...

— Увлеченіе?—загремѣла венгерка.—Ужь позвольте, насчетъ увлеченія...

— Ги-ги-ги!—отозвалось по сосѣдству.

— Такъ вотъ, пзволите видѣть, я все насчетъ увлеченія-то! — продолжала венгерка. — Да вотъ барышенькѣ все что-то смѣшно... веселая барышенька!.. Такъ вотъ насчетъ того-то... У меня, смѣю вамъ доложить, покойникъ-батюшка, царство ему небесное, предводителемъ былъ, такъ вотъ это увлеченіе! Какъ замахаешь, бывало, руками... у! Отстаиваль, нечего сказать! Умѣль-таки постоять за своихъ, покойникъ! Пѣтъ, нынче такіе люди повывелись! Съ фонаремъ такихъ не отыщешь! Пляче все разбирають: можетъ, дескать, и правъ!.. О-о-хъ, времена тугія пришли!.. А барышенька-то все смѣется!.. Веселая барышенька!

— Когда же можно васъ видѣть?—говорилъ, между тѣмъ, исподтишка студентъ.

— Ахъ, какіе вы, право, странные!—отвѣчала веселая барышенька, еще пуше закрываясь платкомъ.

— Вы находите?— снова началъ студентъ.

— Разумѣется! Ги-ги-ги!

— Отчего же разумѣется?

— Да какъ же это можно?

— Да отчего же это не можно?

— Да нельзя!

— Странно! — сказалъ студентъ, хотя, повидимому, но отчаивался еще въ успѣхъ своего предпріятія.

— Главное дѣло въ томъ, — соображали велухъ усы: — чтобъ человѣку цѣль была дана, чтобъ видѣль человѣкъ, зачѣмъ онъ существуетъ... Вотъ главное — а прочее все пустяки!

Иванъ Самойлычъ началъ прислушиваться.

— То-есть, вы разумёте подь этимъ то, что у французъ зовется проблемою жизни?—спросилъ портфель, сильно папирая на слово: «проблемою».

— Что французы! что нѣмцы! — лаконически отвѣчали усы.— Ужь повѣрьте моей опытности, ужь мнѣ лучше знать это дѣло, ужь я тамъ и служу... все это надуванція, все гôга и магôга! Это дѣло мнѣ вотъ какъ извѣстно!

И снова усы показали обнаженную ладонь чрезвычайно почтеннаго размѣра.

— Однакожь, согласитесь со мной, вѣдь и французская нація имѣеть свои неотъемлемыя достоинства... Конечно, это народъ вѣтренный, народъ малодушный—кто же противъ этого спорить?.. Но, съ другой стороны, гдѣ же найдете столько самоотверженія, того, что они сами такъ удачно назвали—резиньясьйонъ? А вѣдь это, я вамъ скажу..

— Знаемъ мы! Видали мы и французовъ, и нѣмцевъ! Пожили-таки на своемъ вѣку! — говорили безчувственные усы. — Все это вздоръ! Главное дѣло—чтобъ человекъ видѣлъ, что онъ человекъ, зналъ бы цѣль!.. Цѣль-то, цѣль— вотъ она штука, а прочее—что? Вздоръ! Все вздоръ!.. Ужь повѣрьте моей опытности..

— Вотъ вы изволили выразиться насчетъ цѣли нашего существованія, — скромно прервалъ Иванъ Самойлычъ. — Извольте видѣть, я самъ много занимался насчетъ этого предмета, и любопытно бы узнать ваши мысли..

Усы задумались; Мичулинъ ожидалъ съ трепетомъ и волненіемъ разрѣшенія загадки.

— Лакей! Что жъ ты, братецъ, не остановишь? Воронъ считаешь, туеядецъ!—загремѣла венгерка.

— Такъ и я выйду,—меланхолически сказали усы.

— А какъ же ваши мысли насчетъ этого обстоятельства?—робко замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Все зависить отъ того, съ какой точки взглянуть на предметъ!—разомъ сообразили усы.

— О, это совершенно справедливо! Ваше замѣчаніе выхвачено изъ натуры!—отозвались надвинутыя брови.—Все, рѣшительно все, зависитъ отъ точки зрѣнія...

Усы и брови вышли изъ кареты. Медленно и неповоротливо пошелся снова экономическій экипажъ по гладкой мостовой.

— Когда же васъ можно видѣть?—попрежнему спрашивалъ студентъ у веселой барышеньки.

— Ахъ, какіе вы странные!—попрежнему отозвалась барышенька, закрывая ротъ платкомъ.

— Отчего же странный?—приставалъ студентъ.

— Да какъ же это возможно?

— Да отчего же это невозможно?

— Да оттого, что нельзя!

— А я такъ думаю совсѣмъ напротивъ,—отвѣчала студентъ и дернулъ за шнурокъ.

— Пойдемте!—снова сказалъ юноша.

— Ги-ги-ги!

Карета остановилась; студентъ вышелъ; барышенька немножко подумала, и все-таки пошла за нимъ, сказавъ однакожъ: «Ахъ, право, какіе вы странные! Ужъ чего не вздумаютъ эти мужчины!»—но сказала она это рѣшительно только для очищенія совѣсти, потому что студентъ ужъ вышелъ и ждалъ ее на улицѣ.

Наконецъ, и Ивану Самойлычу пришлось выходить. На улицѣ, по обыкновенію, сновала взадъ и впередъ толпа, какъ будто искала чего-то, хлопотала о чемъ-то, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ равнодушно сновала, какъ будто сама не сознавала хорошенько, чего ищеть и изъ чего бѣется.

И герой нашъ отправлялся искать и хлопотать, какъ и всѣ прочіе.

Но и на этотъ разъ фортуна, съ обыкновенною своею настойчивостью, продолжала показывать ему нисколько не благовидный задъ свой.

Какъ нарочно, нужный человекъ, къ которому ужъ въ несчетный разъ пришелъ Иванъ Самойлычъ просить себѣ мѣста, провелъ цѣлое утро на воздухѣ, по случаю какого-то торжества. Нужный человекъ былъ не въ духѣ, безпрестанно дралъ и маралъ находившіяся предъ нимъ бумаги, скрежеталъ зубами и въ сотый разъ обѣщалъ согнуть въ бараній рогъ и унечь «куда еще ты и не думалъ» столышаго предъ нимъ въ стрункѣ маленькаго человекъ съ весьма лихо вздернутымъ сѣденькимъ хохолкомъ на головѣ. Лицо нужнаго человекъ было сине отъ свѣжаго еще опущенія холода и застарѣлой досады, плечи вздернуты, горло хрипѣло.

Иванъ Самойлычъ робко вошелъ въ кабинетъ и совершенно растерялся.

— Ну, что еще?—спросилъ нужный человекъ, отрывистымъ и промерзлымъ голосомъ.—Вѣдь вамъ сказано?

Иванъ Самойлычъ робко приблизился къ столу, убѣдительно и мягкимъ голосомъ сталъ рассказывать стѣпененныя свои обстоятельства; просилъ хоть что-нибудь, хоть какое-нибудь, хоть крошечное мѣстечко.

— Я бы не осмѣлялся,—говорилъ онъ, запкаясь и робѣя все болѣе и болѣе:—да вѣдь посудите сами, послѣднее издержалъ, ѣсть нечего, войдите въ мое положеніе!

— ѣсть нечего!—возразилъ нужный человекъ, возвышая голосъ:— да развѣ виноватъ я, что вамъ ѣсть нечего? Да что вы ко мнѣ пристааете? Богадѣльня у меня, что ли, что я долженъ съ улицы подбирать всѣхъ оборвышей!.. ѣсть нечего! Вѣдь какъ нахально говорить! Извольте видѣть, я виноватъ, что ему ѣсть хочется...

Сѣденькій старичокъ съ хохолкомъ тоже не мало удивился.

— Да вѣдь и я не виноватъ въ этомъ, посудите сами, будьте снисходительны,—замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Не виноватъ! Вотъ какъ отвѣчаетъ! На отвѣты-то, братъ, всѣ вы мастера... Не виноватъ! Ну, да, положимъ, что вы не виноваты, да я-то тутъ при чемъ?

Нужный человекъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Ну, что же вы стоите? — сказалъ онъ, подступая къ господину Мичулину и какъ будто намѣреваясь принять его въ потасовку. — Слышали?

— Да я все насчетъ мѣста, — возразилъ Иванъ Самойлычъ, нѣсколько твердымъ голосомъ, какъ бы рѣшившись во что бы то ни стало добиться своего.

— Говорятъ вамъ, что мѣста нѣтъ! Слышите? Русскимъ языкомъ вамъ говорятъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Поняли вы меня?

— Понять-то я понялъ, — глухимъ голосомъ отвѣчалъ Мичулинъ: — да вѣдь ѣсть-то все-таки нужно!

— Да что вы ко мнѣ привязались? Да вы знаете ли, что я васъ, какъ неблагонамѣреннаго и назойливаго, туда унеку, куда вы и не думаете! Слышите, — ѣсть нужно! Точно я его крѣпостной! Ну, въ богадѣльню, любезный, идите, въ услуженіе идите... хоть къ чорту идите, только не приставайте вы ко мнѣ съ вашимъ «ѣсть нечего»!

И нужный человекъ снова началъ разминать по комнатѣ окоченѣвшіе члены.

— Тутъ цѣлое утро на холоду да на сырости... орешь, кричишь на нихъ, на бестій, а они еще и дома покоя не даютъ...

— Да вѣдь я не виноватъ, — снова возразилъ Иванъ Самойлычъ дрожащимъ голосомъ, худо скрывая накипѣвшую въ груди его злобу: — я не виноватъ, что цѣлое утро на холоду да на сырости...

— А я виноватъ?! — съ запальчивостью закричалъ нужный человекъ, топнувъ ногою и сильно пошевеливая плечами. — Виноватъ? а? Да ну, отвѣчайте же!

Иванъ Самойлычъ молчалъ.

— Что жъ вы привязываетесь? Да нѣтъ, вы скажите, что жъ вы пристааете-то? Виноватъ я, что ли, что вамъ ѣсть нечего? Виноватъ? а?

— Стыдно будетъ, если на улицѣ подымутъ, — замѣтилъ Иванъ Самойлычъ тихо.

— Отвяжитесь вы отъ меня!—вскричалъ нужный чело-
вѣкъ, теряя терпѣніе. — Ну, пусть подымутъ на улицѣ! Я
вамъ говорю: нѣтъ мѣста, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Иванъ Самойлычъ вспыхнулъ.

— Такъ нѣтъ мѣста!—закричалъ онъ внѣ себя, подсту-
пая къ нужному челоѣку: — такъ пусть на улицѣ поды-
мутъ! Такъ вотъ вы каковы, а другимъ, небойсь, есть мѣсто,
другіе, небойсь, ѣдятъ, другіе пьютъ, а мнѣ и мѣста нѣтъ!..

Но вдругъ онъ помертвѣлъ; малый-то былъ онъ смиренный
и безотвѣтный, и робкай его натура вдругъ всплыла на-
ружу. Руки его опустились; сердце упало въ груди, колѣни
подгибались.

— Не погубите! — говорилъ онъ шопотомъ. — Виноватъ
я! Я одинъ во всемъ виноватъ! Пощадите!

Нужный челоѣкъ стоялъ какъ оцѣпенѣлый; съ бессо-
знательнымъ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на Ивана Самой-
лыча, какъ будто не догадываясь еще хорошенько, въ чемъ
туть дѣло.

— Вонъ! — кричалъ онъ наконецъ, оправившись отъ
изумленія: — вонъ отсюда! И если еще разъ осмѣлитесь...
понимаете?

Нужный челоѣкъ погрозилъ, сверкнулъ глазами и вы-
шелъ изъ комнаты.

VI.

Иванъ Самойлычъ былъ окончательно уничтоженъ. Въ
ушахъ его тоскливо и назойливо раздавались страшныя
слова нужнаго челоѣка:

— Нѣтъ мѣста! нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Да отчего же нѣтъ мѣста? Да гдѣ же, наконецъ, мое
мѣсто? Боже мой, гдѣ это мѣсто?

И всѣ прохожіе смотрѣли на Ивана Самойлыча какъ
будто исподобья и проницески поддѣвали ему: «да гдѣ же,
въ самомъ дѣлѣ, это мѣсто? Вѣдь кто же-нибудь да вино-
вать, что нѣтъ его—мѣста-то!»

Мичулинъ рѣшился немедленно обратиться съ этимъ вопросомъ къ людямъ знающимъ, тѣмъ болѣе, что его мучили ужъ не одни матеріальныя лишенія, не одна надежда умереть съ голода, но и самая душа его требовала успокоенія и отдыха отъ безпрестанныхъ вопросовъ и сомнѣній, ее осаждавшихъ.

Знающіе люди были не кто иные, какъ извѣстные ужъ читателю Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ, философіи кандидатъ, и Алексисъ Звонскій, недоросль изъ дворянъ.

Оба друга только-что пообедали и, сидя на диванѣ, покуривали себѣ папироски. У Вольфганга Антоныча была въ рукахъ гитара, на которой онъ самымъ сладкозвучнымъ образомъ тренькалъ какую-то страшную бравуру; у Алексиса плавала въ глазахъ какая-то мутная влага, на которую онъ безпрестанно и горько жаловался, говоря, что она мѣшаетъ ему прямо и бодро взглянуть въ самые глаза *холодной, безстрастной и безотрадной* дѣйствительности. Друзья, казалось, были въ хорошемъ расположеніи духа, потому что говорили о будущихъ судьбахъ человѣчества и объ эстетическомъ чувствѣ.

Оба друга равно стояли грудью за страждущее и угнетенное человѣчество; разница состояла только въ томъ, что Беобахтеръ, какъ кандидатъ философіи, непременно требовалъ «рррразрррушенія», а Алексисъ, напротивъ того, готовъ былъ положить голову на плаху, чтобы доказать, что періодъ разрушенія миновался и что теперь нужно *создавать, создавать и создавать...*

Ну, кледи!—говорилъ Беобахтеръ самымъ равнодушнымъ голосомъ, дѣлая при этомъ обычное движеніе разжатой рукою сверху внизъ и ужъ совсѣмъ приготовившись отмахнуть Алексису его легковѣсную голову.

Но Алексисъ головы не клалъ.

— Ужъ ты не коварствуй!—возглашалъ Беобахтеръ мелодическимъ голосомъ въ ту минуту, когда вошелъ Иванъ Самойлычъ: — ты не уклоняйся, а говори прямо: любишь

или не любишь? Любишь—такъ прочь ихъ, съ лица земли ихъ—вотъ что! А иначе, не любишь!

— Однакожь, за что жъ ихъ съ лица земли?—замѣтилъ съ своей стороны Алексисъ.—И право никакъ не могу понять этого ригоризма...

И дѣйствительно, по лицу Алексиса можно было угадать, что онъ точно никакъ не могъ понять.

Кандидатъ философіи крошечнымъ сжатымъ кулачкомъ описалъ самую незамѣтную дугу.

— И знать ничего не хочу, и видѣть ничего не хочу!— говорилъ онъ медовымъ своимъ голоскомъ:—и не представляй ты мнѣ своихъ резонновъ! Все это софизмы, любезный другъ! Не любишь, говорю тебѣ, не любишь—и все тутъ! Такъ бы и сказалъ съ перваго слова! Разрушить, говорю тебѣ, разрушить—вотъ что нужно! А прочее все вздоръ!

И господинъ Беобахтеръ сдѣлалъ нѣсколько аккордовъ на гитарѣ и заплѣлъ совершенно особенную и крайне затѣйливую бравуру, но заплѣлъ такимъ голосомъ, какъ будто гладили кого-нибудь по головкѣ, приговаривая: «панька, душенька! умница, миленькій!»

— Странно, однакожь!..—замѣтилъ послѣ нѣкотораго молчанія, собравшись съ мыслями, Алексисъ.

Беобахтеръ сдѣлалъ совершенно незамѣтное движеніе плечами.

Буква *p* снова посыпалась въ странномъ изобиліи.

— Странно, однакожь!— не переставалъ возражать съ своей стороны Алексисъ, всякій разъ все болѣе и болѣе собираясь съ мыслями.

— Ужъ я тебя, подлеца, насквозь знаю!—говорилъ Беобахтеръ.—Вѣдь ты «буржуазія», я тебя знаю...

На это Алексисъ отвѣчалъ, что, ей-Богу, онъ не «буржуазія», и что, напротивъ того, для человѣчества готовъ всѣмъ на свѣтѣ пожертвовать, и что если ужъ на то пошло, то, пожалуй, хоть сейчасъ же, среди бѣлаго дня, пойдеть по Невскому подъ-руку съ мужикомъ.

— Ну, ужь это будетъ не эстетически!—замѣтилъ господинъ Беобахтеръ.

— Нѣтъ, я не думаю, — отвѣчалъ Алексисъ, еще разъ собравшись съ мыслями.

— Чтò такое эстетическое чувство?—спросилъ господинъ Беобахтеръ, видимо намѣреваясь дать своимъ доказательствамъ вопросительную форму, столь часто употребляемую самыми знаменитыми ораторами.

Алексисъ задумался.

— Эстетическое чувство, — сказалъ онъ, собравшись съ мыслями, — есть то чувство, которымъ въ высшей степени обладаетъ художникъ.

— Чтò такое художникъ?—столь же отрывисто спросилъ кандидатъ философіи.

Алексисъ снова задумался.

— Художникъ, — сказалъ онъ, въ послѣдній разъ собравшись съ мыслями, — есть тотъ смертный, который въ высшей степени обладаетъ эстетическимъ чувствомъ...

— Гм!—замѣтилъ господинъ Беобахтеръ: — прочь ихъ! съ лица земли ихъ! Нѣтъ имъ пощады!.. Я тебя знаю, всю твою душу насквозь вижу: ты подлець, ренегатъ...

— Странно, однакожъ!—замѣтилъ Алексисъ.

Но Вольфгангъ Антоновичъ не слушалъ; онъ сдѣлалъ аккордъ на гитарѣ и сладкимъ теноромъ запѣлъ известную: *Разульна, свѣтла и любовна*, всячески стараясь выразить что-нибудь удалое, отколоть какое-нибудь отчаянное колѣнцо, но рѣшительно безъ всякаго усилѣха, потому что колѣнцо оказывалось самымъ смиреннымъ и снисходительнымъ.

— А я къ вамъ, господа, насчетъ одного дѣльца, — приступилъ Иванъ Самойловичъ.

Беобахтеръ и Алексисъ начали вслушиваться.

Мичулинъ вкратцѣ изложилъ имъ свои утреннія похождения, рассказалъ, какъ онъ былъ у нужнаго человѣка, какъ просилъ о мѣстечкѣ, и какъ нужный человѣкъ отвѣчалъ, что мѣста ему нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ... Затѣмъ Иванъ

Самойлычъ уныло поникъ головой, какъ бы ожидая рѣшенія знающихъ людей.

Но Беобахтеръ и Алексисъ упорно молчали: первый—потому, что не вдругъ могъ отыскать въ головѣ своей неизвѣстно куда завалившуюся сильную мысль, которую онъ давно уже припасъ и которая могла однимъ разомъ сшибить съ ногъ вопрошавшаго; второй—потому, что имѣлъ благородную привычку всегда выждать мнѣнiе кандидата философи, чтобъ тутъ же приличнымъ образомъ возразить ему.

— Да вѣдь мнѣ ѣсть нужно,—началь снова Иванъ Самойлычъ.

— Гм!—сказалъ Беобахтеръ.

Алексисъ началъ собираться съ мыслями.

— Конечно, онъ не виновать въ этомъ, — продолжалъ Мичулинъ, съ горечью вспомнивъ полученный утромъ отъ «нужнаго человѣка» жесткiй отказъ: — конечно, жизнь лотерей, да въ томъ-то и штука, что вотъ она лотерей, да въ лотереѣ-то этой билета мнѣ нѣтъ...

Беобахтеръ положилъ въ сторону гитару и посмотрѣлъ ему пристально въ глаза.

— Такъ вы меня не поняли?—сказалъ онъ съ укоромъ.— А прочли вы книжку?

Иванъ Самойлычъ отвѣчалъ, что не имѣлъ еще времени. Беобахтеръ грустно покачалъ головой.

— Вы ее прочтите,—убѣждалъ онъ самымъ меланхолическимъ тономъ: — тамъ вы все узнаете, тамъ обо всемъ говорится... Все, что я вамъ ни говорилъ,—все это только предварительныя понятiя, намеки; тамъ все полнѣе объяснено... Но ужъ повѣрьте, тутъ иначе и быть не можетъ! Или любишь, или не любишь; тутъ нѣтъ середины, я вамъ говорю!

— Однакожъ, это странно!—тотчасъ же возразилъ Алексисъ, хотя и не развивалъ далѣе своей мысли.

— Такъ вы думаете?—перебилъ Иванъ Самойлычъ.

— Прочь ихъ! съ лица земли ихъ! Вотъ мое мнѣніе!
Prrrr...

— А вы какъ насчетъ этого дѣла? — спросилъ Мичулинъ, обращаясь къ Алексису.

— Моя грудь равно для всѣхъ отверзта! — отвѣчала Алексисъ совершенно невинно.

За снмъ водворилось глубокое молчаніе.

— Извините, что обезпокоилъ васъ, господа, — сказала Иванъ Самойлычъ, намѣреваясь удалиться во-свояси.

На это пріятели отвѣчали, что это ничего, что, *напротивъ*, они очень рады, и что если впередъ случится какая-нибудь нужда, то смѣло обращался бы прямо къ нимъ. При этомъ съ немалымъ также искусствомъ дано было ему замѣтить, что если между ними и существуетъ нѣкоторое разногласіе, то это только въ подробностяхъ, что въ главномъ они оба держатся однихъ и тѣхъ же принциповъ, что, впрочемъ, и самый прогрессъ есть не что иное, какъ дочь разногласія, и если ихъ мнѣнія не безусловно вѣрны, то, по крайней мѣрѣ, о нихъ можно спорить.

Со всѣмъ этимъ Мичулинъ, конечно, не могъ не согласиться, хотя, съ другой стороны, не могъ и не сознаться внутренне, что все это, однакожъ, чрезвычайно мало подвигало его впередъ.

На столѣ у себя онъ нашелъ тщательно сложенную записку. Записка была слѣдующаго содержанія:

«Иванъ Макарычъ Пережига, *свидѣтельствуя свое совершенное почтеніе* его высокоблагородію Ивану Самойлычу, честь имѣетъ покорнѣйше просить его высокоблагородіе, по случаю дня тезоименитства, пожаловать завтрашній день, въ три часа пополудни, откушать обѣденный столъ».

Съ досадою отбросилъ онъ отъ себя затѣйливую записку и легъ спать на кровать.

Но ему не спалось: кровь его волновалась; злоба кипѣла въ груди, и все нашептывала тайный голосъ какую-то вкрадчивую и вмѣстѣ съ тѣмъ страшную легенду.

Вокругъ все тихо; ни шороха не слышно въ комнатѣ сосѣдки. Мичулинъ всталъ съ постели и началъ ходить по комнатѣ — средство, къ которому прибѣгаль онъ всякій разъ, когда что-нибудь его сильно тревожило.

А между тѣмъ вѣтеръ все шумитъ на улицѣ, все стучится въ окно къ Ивану Самойлычу и совершенно вразумительно свиститъ ему въ самыя уши: «озябъ, бѣдный вѣтеръ! пусти его, добрый человѣкъ! Богъ наградитъ тебя за это!»

И герой нашъ рѣшительно не знаетъ, кому отвѣчать: продрогнувшему ли вѣтру, или комоду подъ красное дерево и картинѣ, изображавшей, въ противорѣчіе свидѣтельству всей исторіи, погребеніе кота мышами, и ужъ не висѣвшей, а какъ будто бѣгавшей по стѣнѣ, потому что и комодъ, и картина тоже, въ свою очередь, допекали ужасно и насмѣшливо спрашивали: «а отвѣчай намъ, отчего она лотерея? какое твое назначеніе?»

А Наденька, между тѣмъ, вкушала въ сосѣдней комнатѣ, на маленькой своей кровати, то удивительное кушанье, полное разныхъ десертовъ и неимоვნю воздушныхъ пирожныхъ, которое называется сномъ. Въ ея позѣ было нѣчто необыкновенно граціозное и дѣвственное; маленькій уютный ротикъ былъ полукрѣпъ; булавочное ея сердечко быстро и усиленно билось въ миниатюрной темницѣ своей.

Но она не обращала вниманія ни на страстное буйство вѣтра, который, смотря на нее изъ окошка, злился и завывалъ, ни на полный томленія взоръ молодого мѣсяца, только-что скинушаго съ себя черную эпанчу изъ тучъ, которая, на досаду, не давала ему до тѣхъ поръ пощеголять передъ людьми своею молодостью и удалствомъ. Она спокойно спала-себѣ, какъ и всякая другая смертная, и надо же какому-то злему недругу безпокоить и будить ее въ эту сладкую минуту; надо же, чтобъ какая-то безобразная бѣлая фигура дернула ее за руку въ самый патетическій моментъ сна!..

Открывъ заспанные глаза, Наденька не мало струхнула.

Въ околоткѣ давно уже носились слухи насчетъ какой-то странной болѣзни, которая ходила будто бы изъ дома въ домъ въ самыхъ странныхъ формахъ, проникала въ самые сокровенные закоулки квартиръ и, наконецъ, очень равнодушно приглашала на тотъ свѣтъ.

Сообразивъ все эти обстоятельства, Наденька сильно встревожилась, потому что была крайне животолюбива и ни за что въ свѣтъ не согласилась бы умереть. А привидѣнiе, между тѣмъ, не шевелилось и молча устремило на нее глаза свои. Наденька заключила, что дѣло-то плохо, и что конецъ ея пришелъ невозвратно, и потому, простившись мысленно съ ученымъ своимъ другомъ и поручивъ, кому слѣдуетъ, свою крошечную душу, обдумала ужъ, какой дать тамъ отвѣтъ въ своемъ брэнномъ и нѣскольго легкомъ земномъ странствiи, какъ вдругъ молодой и щеголеватый мѣсяцъ взглянулъ прямо въ лицо привидѣнiю.

— Такъ вы такъ-то! — вскричала Наденька, оправившись внезапно отъ своего испуга и быстро вскочивъ съ постели, несмотря на очевидную легкость своего костюма: — такъ вы вотъ какъ! Вы не удовлетворяетесь тѣмъ, что по цѣлымъ ночамъ стонете и не даете мнѣ спать, — вы еще подсматривать вздумали! Вы думаете, что я не благородная, не мадамъ, такъ со мною все, дескать, можно! Ошиблись, сударь, очень ошиблись! Конечно, я простая дѣвица; конечно, я русская, да не хуже иной барыни, не хуже нѣмки; вотъ что-съ!

И маленькiе глазки ея горѣли; маленькiя ноздри раздувались; маленькiя губы дрожали отъ гнѣва и негодованiя... Но привидѣнiе, которое было не что иное, какъ самъ Иванъ Самойлычъ, вмѣсто отвѣта, издало чрезвычайно простой и односложный звукъ, болѣе похожiй на мычанье, нежели на вразумительный отвѣтъ.

— Я все понимаю! — бойко сыпала, между тѣмъ, Наденька: — все понимаю не хуже всякой другой... Безстыдникъ, сударь, срамникъ!

Ивань Самойлычъ отвѣчалъ, но какъ-то отрывисто и несвязно; и при томъ звукъ его голоса былъ такъ сухъ и беззвучно-безстрастенъ, какъ будто ему и не шутя было больно и тошно жить на свѣтѣ.

Говорилъ онъ все прежнюю исторію, что вотъ, дескать, другіе ѣдятъ, другіе пьютъ... все другіе...

Наденька слухала его въ страхъ и трепетъ; никогда она не видѣла его столь рѣшительнымъ; сердце ея упало; голосъ замеръ въ груди; она хотѣла звать на помощь и не могла; умоляя, простирала она свои маленькія ручонки къ лукавому нарушителю ея спокойствія; жалобень и безмолвно-краснорѣчивъ былъ ея взоръ, взывавшій о пощадѣ... Привидѣніе остановилось.

— Такъ вамъ очень гадко со мною?.. — сказала оно голосомъ, заглушаемымъ накипѣвшими въ груди рыданіями: — такъ я очень противенъ?..

— Оставьте меня!—едва слышно шептала Наденька.

Привидѣніе не трогалось: молча стояло оно у завѣтнаго изголовья, и невольныя слезы непризнанной горести, слезы оскорбленнаго самолюбія крались по впадымъ и блѣднымъ какъ смерть щекамъ его.

— Богъ съ вами! — сказала оно шопотомъ и медленно направило къ двери шаги свои.

Наденька вздохнула свободно. Сгоряча, она хотѣла-было закричать и объявить всѣмъ и каждому, что вотъ, дескать, такъ и такъ; но—странное дѣло!—ни съ того, ни съ сего почувствовала она, какъ будто въ груди ея вдругъ зашевелилось что-то такое, что, съ одной стороны, очень и очень намекало на совѣсть, а съ другой—могло назваться, пожалуй, и жалостью. Грустно взглянула она вслѣдъ удаляющемуся Ивану Самойлычу и даже чуть-чуть не рѣшилась позвать его назадъ, чтобъ объяснить ему, что не виновата же и она, что дѣло такой оборотъ приняло... И все-таки ничего не сказала, а просто посмотрѣла, какъ онъ вышелъ изъ комнаты, заперла плотнѣе дверь, покачала го-

ловой, прибрала съ полу двѣ или три завалышіяся бумажки и снова легла почивать.

VII.

Именинный обѣденный столъ былъ устроенъ на славу. Шарлотта Готлибовна не пожалѣла ни трудовъ, ни издержекъ, чтобъ угодить своему любезному кавалеру. Она истоптала себѣ всѣ ноги, но къ тремъ часамъ все уже было готово. Даже она, сухопарая и продолговагая хозяйка, приличнымъ образомъ подкрасившись, рисовалась въ столовой, производя пріятный для слуха шумъ накрахмаленною какъ картонъ юбкою.

Когда Иванъ Самойлычъ явился въ столовую, вся компанія была ужъ на-лицо. Впереди всѣхъ торчали черные какъ смоль усы дорогого именинника; тутъ же, въ видѣ неизбѣжнаго приложенія, подвернулась и сухощавая и прямая какъ палка фигурка Шарлотты Готлибовны; по сторонамъ стояли извѣстные читателю: кандидатъ философіи Беобахтеръ и обольстительный, но нѣсколько апатическій недоросль Алексисъ, подъ-руку съ дѣвицей Ручкиной.

Казалось, Наденька была совершенно довольна своею судьбой, потому что очень любила порядочную компанію и вообще чувствовала нѣкоторый недугъ къ людямъ, которые не принадлежали къ такъ-называемой швали — мастеровымъ, лакеямъ, кучерамъ и далѣе до безконечности.

Конечно, разсуждая строго, происхожденіе Шарлотты Готлибовны было покрыто весьма густымъ мракомъ неизвѣстности, но Наденька смотрѣла на этотъ предметъ снисходительно. Она, разумѣется, не могла не допустить, что Шарлотта Готлибовна, дѣйствительно, не-русская...

И теперь, какъ и всегда, Иванъ Макарычъ шутилъ надъ ученымъ Алексисомъ, приговаривая:

— А подлець Винбахеръ-то! Знать ничего не хочетъ! Ничего, говорить, не надо, все уничтожу, все съ глазъ долой! Ахъ, эти нѣмцы!

И по обыкновенію, Шарлотта Готлибовна, потупивъ глаза, отвѣчала: «О, ви очень любезни кавалиръ, Иванъ Макаровичъ!» И по обыкновенію, осталось покрыто мракомъ неизвѣстности, кого именно разумѣлъ господинъ Пережига подъ словомъ: «Бинбахеръ».

— А не вышть ли намъ водочки, мадамъ? — возопилъ именничникъ, обращаясь къ Шарлоттѣ Готлибовнѣ. — Вѣдь нынче времена-то опасныя! Слышь ты, холера по свѣту бродить! А вотъ мы ее, холеру, вотъ мы ее, по-свойски-то, по-нашему!

И дѣйствительно, холера, ввроятно, сильно поморщилась, когда господинъ Пережига вытянулъ однимъ глоткомъ огромную рюмку, которую онъ не безъ ѣдкости называлъ стаканчикомъ на ножкѣ.

За обѣдомъ было очень весело; лица всѣхъ смотрѣли какъ-то благопріятно и одобрительно. Алексіеъ безпрестанно, и кстати, и некстати, улыбался; Беобахтеръ тоже не дѣлалъ обычнаго движенія рукою сверху внизъ; Пережига же всѣхъ по чести увѣрялъ, что Бинбахеръ ничего не знаетъ, потому что пѣмецъ, а вотъ у него спросите, такъ онъ русскій и знаетъ, да еще такъ знаетъ, что у Шарлотты Готлибовны отъ одной этой мысли закатывались подъ лобъ глаза.

— У, какъ я былъ на своей-то сторонѣ! — гремѣлъ онъ, съ самодовольнымъ видомъ покручивая усы. — У меня былъ дворъ... то-есть, что всѣ эти здѣшніе дворы, — просто дрянъ! Однихъ егерей было человекъ пятьдесятъ! Музыканты свои были! Театръ домашній былъ! Плясуньи были, комедии представляли! Вотъ оно, какое житье-то было, — любезное житье!

Конечно, Иванъ Макарычъ большую половину прихватулъ, но присутствующіе изъ учтивости почли долгомъ не возражать ему, а Шарлотта Готлибовна даже совершенно была увѣрена въ истинѣ словъ своего любезнаго кавалера и съ непритворнымъ участіемъ вмѣшалась въ разговоръ, сказавъ въ скобкахъ:

— О, это, должно-быть, ужасно чудесно было!

— Ужь такъ чудесно, что просто невозможно! Ужь и вамъ скажу, такіе были актеры—просто на славу! Вся губернія съѣзжалась смотреть—истинно вамъ говорю!

По поводу актеровъ господина Пережиги разговоръ перешелъ вообще къ оцѣнкѣ эстетическихъ и другихъ способностей человѣка, и при этомъ развивались гостямъ самыя мудрыя и затѣйливыя мысли.

Реобахтеръ, махая ручонкою сверху внизъ, говорилъ самымъ пріятнымъ и вкрадчивымъ теноромъ, что оно, конечно, ничего, жить можно, а все-таки недурно и даже полезно, если «прихлопнуть» да «притиснуть». Буква *p*, по обыкновенію, играла и тутъ весьма немаловажную роль.

Алексисъ болталъ во рту языкомъ и безотчетно размахивалъ во всѣ стороны руками.

Шарлотта Готлибовна утверждала насчетъ этого предмета что-то столь жестокое и обидное, что Наденька почла за долгъ вступиться и тутъ же колко дать ей почувствовать, что она хотя и благородная нѣмка (о! никто въ этомъ не сомнѣвается!) и хотя «всѣмъ, конечно, извѣстно», что въ *ихней* землѣ водятся дворяне, но въдь и въ другихъ земляхъ отнюдь не всѣ же мастеровые или чумички какіе-нибудь... О, нѣтъ, далеко не всѣ!

Весь этотъ шумъ покрывался густымъ басомъ Пережиги, который смѣло утверждалъ, что все это вздоръ, что тутъ «иначе» быть нельзя, и что у него, дескать, спросите, такъ онъ знаетъ и мигомъ все объяснить.

— А скажите, пожалуйста,—началь, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ, очевидно стараясь исподволь дать разговору интересующій его оборотъ:—вотъ вы, Иванъ Макарычъ, вы человѣкъ опытный, бывалый... Вотъ хоть бы у васъ: въдь, я думаю, у каждаго изъ нихъ было свое особенное назначеніе, своя особенная, такъ сказать, роль въ жизни?..

— Разумѣется, было; чего на свѣтѣ не бываетъ!—отвѣчалъ Иванъ Макарычъ, отъ частыхъ возліяній одобрительно

живая на всё стороны головой. — Известно — одинъ псарь, другой егерь, третій, просто, чумичка! Какъ не быть!

И опять пошли толки о трудности отыскать человѣку въ брэнной его жизни назначеніе. Пережига отзывался, что тутъ вообще «поломаешь-таки себѣ голову», и дѣйствительно, въ то же время началъ съ такимъ рвеніемъ ломать себѣ голову при видѣ безпрестанно возрастающихъ и вновь отовсюду встающихъ затрудненій, что непремѣнно погибъ бы въ этой борьбѣ, если бы не спасъ его извѣстный стаканчикъ на ножкѣ, которому онъ не переставалъ свидѣтельствовать свое почтеніе.

— Мое тутъ мнѣніе вотъ какое, — вмѣшался господинъ Беобахтеръ: — все это вздоръ, а пужно — вотъ...

И махнулъ рукою сверху внизъ.

Хотя послѣднія слова были сказаны особенно мелодическимъ теноромъ, но Алексісъ не преминулъ возразить своему ученому противнику, сказавъ, что онъ не видитъ, почему непремѣнно — «вотъ», и что гораздо лучше, если для всѣхъ равно отверзты объятія. При этомъ Алексісъ размахивалъ руками и дѣйствительно для всѣхъ отверзалъ объятія.

— Такъ вотъ вы изволили замѣтить, — снова обратился Мичулинъ къ Пережигѣ: — что одинъ чумичка, другой егерь... Ну, это понятно: они ужъ люди такіе — ну, и роли по нихъ... А вообще-то какъ вы понимаете? То-есть, вообще-то человѣку какая роль предстоить въ жизни? Вотъ хоть бы мнѣ, напримѣръ? — прибавилъ онъ въ видѣ предположенія.

И умолкъ.

И всѣ гости тоже сурово молчали, какъ будто никто и не предвидѣлъ со стороны господина Мичулина подобнаго философическаго вопроса...

— Мое мнѣніе вотъ какое, — разразился, наконецъ, сладкозвучный Беобахтеръ: — прочь все — вотъ!..

И на этотъ разъ Алексісъ, по обыкновенію, отозвался,

что никакъ не можетъ понять этого ригоризма, и что гораздо лучше, если для всѣхъ равно отверзты объятія.

Но сомнѣніе все-таки осталось сомнѣніемъ, запутанное дѣло ни на шагъ не подвинулось впередъ.

— Такъ какъ же вы думаете, Иванъ Макарычъ? — снова навязывался Мичулинъ.

— Это ужъ вы вотъ у нихъ спросите, — лаконически отвѣчалъ Пережига, закрывая глаза отъ излишества возліаній. — Это имъ будетъ лучше извѣстно!

Съ этимъ словомъ Иванъ Макарычъ, а за нимъ и всѣ гости вышли изъ-за стола.

Но именинникъ сильно ошибался, если въ числѣ таинственныхъ «ихъ» разумѣлъ и ученаго Алексиса.

Алексисъ, казалось, такъ сильно желалъ всякаго счастья дорогому имениннику, что отъ полноты чувства едва могъ болтать во рту языкомъ.

— Ты не горюй, другъ, — говорилъ онъ, обращаясь къ Ивану Самойлычу: — ты другъ! я тебя знаю! ты смиренный и кроткій — вотъ!.. Вотъ онъ такъ буйный; я знаю, чего онъ хочетъ! Да вотъ не дадутъ же тебѣ ничего! да! Вотъ же, на зло тебѣ, для всѣхъ отверзты объ-я-тія!.. да... о-б-ъ-я-т-і-я...

Наденька сѣла возлѣ него, начала усовѣщивать, уговаривала, чтобъ онъ былъ хоть мало-мальски поумнѣе, но Алексисъ ничѣмъ не трогался, потому что въ нетрезвомъ видѣ непремѣнно считалъ долгомъ пускаться въ конфиденціи и обнажать до-гола свою крохотную душу.

— Ты оставь, ты отойди отъ меня, хорошій, милый ты человѣкъ! — говорилъ онъ, вертя головою. — Вѣдь я знаю, что ты про меня думаешь! что и онъ... вотъ тотъ, что отъ философіи-то... Я все знаю. да плевать я... Я самъ знаю, что глупъ, самъ это чувствую, милый ты человѣкъ, самъ вижу... Ну, что жъ! глупъ такъ глупъ... ужъ такая, видно, слабая моя голова.

И захохоталъ, какъ будто бы и самъ отъ всей души поздравлялъ себя съ тѣмъ, что глупъ и слабоголовъ.

Беобахтеръ съ своей стороны не возражалъ ничего, потому что самъ чувствовалъ въ сердцѣ пріятную веселость и махалъ рукою ужъ не сверху внизъ, а снизу вверхъ.

— Да ужъ ты не скрывайся... ты! философъ! — продолжалъ, между тѣмъ, Алексисъ:—вѣдь я вижу... я вижу, что ты меня презираешь... ну, презирай! Вѣдь я самъ чувствую, что достоинъ презрѣнія... др-у-угъ! Да вѣдь что жъ дѣлать, коли голова-то слаба! Голова-то, голова, вотъ что!..

— Ну, пализался же ты, братъ! — лаконически замѣтилъ Иванъ Макарычъ.

— А еще баринъ! туда же бариномъ зовется! — подхватила дѣвица Ручкина.

— Ужъ какой же баринъ! — жаловался въ отвѣтъ Алексисъ: — баринъ!.. Самому иногда фсть нечего — баринъ! Сапоговъ нѣтъ — баринъ! Пальто на плечишкахъ изорванное — баринъ!.. Вотъ-те и баринъ! Да ужъ я вижу, что ты меня презираешь!.. ты! философъ!

И снова воображеніе Алексиса начало рисовать ему самыя горестныя картины, и снова пуще прежняго началъ онъ жаловаться на свою слабую голову, на судьбу, на одного таинственнаго незнакомца, обсчитывавшаго его по литературной части, и ко всему прибавлялъ: — баринъ!

Наконецъ, дѣвица Ручкина почла долгомъ увести его въ свою комнату.

Уныло посмотрѣлъ Иванъ Самойлычъ вслѣдъ расходящимся гостямъ. Онъ видѣлъ, какъ Иванъ Макарычъ пошелъ подъ-руку съ Шарлоттой Готлибовной, какъ Алексисъ съ своей стороны пошелъ съ Наденькой — тоже подъ-руку... Да и философія кандидатъ Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ послѣбно надѣлъ шинель и отправился на улицу, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ пройтись съ кѣмъ-нибудь — тоже подъ-руку!..

И онъ тоже шелъ подъ-руку, но не съ Наденькой и

даже не съ Шарлоттой Готлибовной, а съ какимъ-то безтѣлеснымъ и чрезвычайно длиннымъ существомъ, называющимся: «что ты такое? какое твое назначеніе?» и такъ далѣе, — существомъ уродливымъ, которое, несмотря на видимую свою безплотность, страшно оттянуло ему обѣ руки.

VIII.

Разгоряченный виномъ и горькими мыслями, вышелъ Иванъ Самойлычъ на улицу. На дворѣ стоялъ трескучій морозъ, который въ Петербургѣ весьма часто слѣдуетъ за самую несносною слякотью; извозчики, съѣжившись въ клубокъ, проминались по укатанной дорогѣ и хлопали въ ладоши. Въ окнахъ высокихъ домовъ мелькали огни... Огни эти такъ гостепріимно манили къ себѣ прозябнувшаго и поспившаго на стужѣ странника, извозчики такъ тоскливо и вмѣстѣ недоувѣрчиво смотрѣли на нихъ... Оборванному и оглоданному всегда кажется, что огонекъ какъ будто бы именно *на него* съ особенною привѣтливостью глядитъ изъ окна...

Но Иванъ Самойлычъ не думалъ ни объ огняхъ, ни объ извозчикахъ. Машинально шелъ онъ-себѣ въ легкой шинелишкѣ своей, какъ будто бы вовсе и не чувствовалъ холода; въ головѣ его было совсѣмъ пусто; одна только мысль чудовищно раскинулась въ его воображеніи — та мысль, что у него всего-на-все остался въ карманѣ одинъ пѣлковый, а между тѣмъ надо жить, надо ѣсть, надо за квартиру платить.

Но холодъ все-таки дѣлалъ свое дѣло. Какъ ни закованъ былъ Иванъ Самойлычъ въ тройную броню неудачъ и лишеній, но не могъ не почувствовать покалываній и пощипываній своего привычнаго друга. Очнувшись неволью, онъ увидѣлъ передъ собою огромное снѣговое пространство, болѣе похожее на поле, чѣмъ на городскую площадь. По срединѣ поля возвышалось великолѣпно освѣщенное камен-

ное зданіе; у подъѣздовъ суетились кареты, сани, возки, кричали кучера и лакеи; тамъ и сямъ подъ навѣсами пылали зажженные костры. А холодъ, между тѣмъ, щипалъ лицо, ломилъ черепъ, рѣзалъ глаза; шинелька защищала плохо и скудно...

Видъ залитаго свѣтомъ зданія сильно распатала вождѣніе въ окоченѣвшемъ тѣлѣ Ивана Самойлыча; онъ вспомнилъ про цѣлковый, бывший у него въ карманѣ, и потомъ, по какому-то безотчетному побужденію, взглянулъ на разложенные костры... Костры пылали краснымъ пламенемъ и далеко по площади разстилали густой и ѣдкій дымъ...

«Что жь... можно и тутъ обогрѣться!» — подумалъ Иванъ Самойлычъ.

Но странная, искусительная мысль блеснула вдругъ въ головѣ его: секунду, не болѣе какъ секунду, стоялъ онъ въ-раздумьи; потомъ вынулъ изъ кармана цѣлковый, съ ожесточеніемъ взглянулъ на него, и въ одно мгновеніе ока былъ ужъ у кассы театра и покупалъ себѣ билетъ въ пятомъ ярусѣ.

Какъ нарочно, въ этотъ день давали какую-то героическую оперу. Въ театрѣ народу была куча; съ шумомъ растворялись и запирались двери ложъ; смутный и густой говоръ носился по огромной залѣ отъ партера и до райка.

Иванъ Самойлычъ очутился посрединѣ между однимъ бравымъ офицеромъ и какою-то довольно красивою, но сильно намазанною дѣвнцей.

Съ злобой смотрѣлъ онъ внизъ, на безпрестанно наполнявшіяся ложы, на дамъ въ кокетливыхъ нарядахъ, которыя влетали въ нихъ подобно легкимъ и призрачнымъ видѣніямъ...

Но вотъ и говоръ утихъ. Посреди всеобщаго безмолвія вдругъ послышался отдаленный горный рожокъ; въ какомъ-то полуснѣ началъ прислушиваться Иванъ Самойлычъ къ простой и жалобной мелодіи его. Въ памяти его вдругъ воскресли давнишніе годы его дѣтства, необозримыя и

ровныя поляны, густой сосновый лѣсъ, синее озеро, лѣниво расплескивая свое волны, и посреди всего этого самая беззвучная, глубокая тишина, и только рожокъ, именно рожокъ, назойливо звучить въ самое ухо и именно ту же самую простую и трезвую мелодію. Но вотъ рожку начинаетъ вторить флейточка, къ флейточкѣ нерѣшительно присоединяется скрипка, и вдругъ звуки начинаютъ расти, расти и наконецъ цѣлые потоки ихъ вырвались съ шумомъ изъ оркестра и заходили по залѣ.

Загудѣли контрабасы; тоскливо жаловались нѣжныя флейточки; назойливо рвали душу скрипки; отрывисто и сухо командовалъ барабанъ.

Герой нашъ ожилъ; блѣдный, пританувъ дыханіе, упивался онъ жалобнымъ стономъ флейты, отчаяннымъ воплемъ скрипки; всѣ нервы его были въ какомъ-то болѣзненномъ, небываломъ напряженіи, голова горѣла, губы и глаза были сухи, во всемъ существѣ его разыгралась такая же буря, какая происходила въ оркестрѣ.

— Вотъ это такъ хорошо! такъ ихъ! руби ихъ! мошенники, хри-сто-про-давцы! — шепталъ онъ, самъ хорошенько не сознавая, почему бравурная музыка напоминала ему мошенниковъ и хриstopродавцевъ.

— Что жъ, хлопайте! выражайте же свое удовольствіе! — замѣтилъ на ухо Мичулину сидѣвшій сзади какой-то сынъ природы съ огромными усами и бородой.

Занавѣсъ былъ поднятъ; на сценѣ, неизвѣстно о чемъ, но очень складно, толковала густая толпа; потомъ толпа разступилась, и какой-то господинъ началъ что-то пѣть. У Ивана Самойлыча не было ни либретто, ни обязательнаго сосѣда, поэтому онъ очень немного понималъ изъ всего этого. Однакожъ, по всему было видно, что господинъ былъ доволенъ собою и не мало сочувствовалъ восходящему солнцу, потому что сильно разводилъ руками.

— Фразы, братъ! вздоръ все это! знаемъ мы! — говорилъ господинъ Мичулинъ, на котораго видимо началъ дѣйство-

вать образъ мыслей Беобахтера. — Знаемъ мы эту природу! Ты намъ давай барабановъ — вотъ что!

И барабанъ не заставилъ себя ждать; музыка снова загремѣла полнымъ оркестромъ, и снова громъ заходилъ и заколыхался волнами по залѣ.

— Выражайте же свое удовольствіе! — приставалъ упомянутый выше сынъ природы.

Ощущеніе, произведенное этой громкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-стройной музыкой, было какъ-то странно и ново для Ивана Самойлыча. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ за звуками могла ему слышаться толпа — да и какая еще толпа! — вовсе не та, которую онъ ежедневно привыкъ видѣть на Овнной или на Конной, а такая, какой еще онъ не видывалъ, — и что всего страннѣе — возможность которой онъ вдругъ началъ весьма ясно и отчетливо сознавать.

«Да, дѣло-то было бы лучше! — думалъ онъ, прогуливаясь въ антрактѣ по коридору. — Тогда бы, можетъ-быть, и я»...

И онъ не оканчивалъ своей фразы, потому что и безъ дальнѣйшаго объясненія очень хорошо и отчетливо постигалъ, что было бы тогда.

Но вотъ оркестръ снова заигралъ. Сначала происходили неизбѣжныя объясненія любовниковъ; какая-то тощая госпожа презрѣдно передавала смиренному и безотвѣтному клевету свои чувства; клеветъ слушалъ совершенно равнодушно и только ждалъ случая, чтобы дать тягу за кулисы. Потомъ вприпрыжку выбѣжалъ изъ-за кустовъ какъ будто нарочно тутъ же очутившійся господинъ въ бархатной кацавейкѣ...

Мичулинъ все время отрицательно кивалъ головой, находя, повидимому, что все это фразы...

Но вотъ на сцену спустилась ночь; красноватая луна горѣла на холстинномъ небѣ; озеро синѣло вдали; всѣ деревья будто притихли и притаились въ ожиданіи чего-то страннаго, необыкновеннаго; нигдѣ ни шороха, ни шестеста...

И вдругъ, посреди безмолвія, раздается окликъ, и снова все стихло; вотъ и еще окликъ, и еще, и еще... Деревья какъ будто оживились и выпрямили сонныя верхушки свои; озеро заходило холстинными волнами; луна горитъ все краснѣе и краснѣе...

Снова цѣлый громъ на сценѣ, снова все волнуется и колыхнется, и слышатся Ивану Самойлычу и выстрѣлы, и стукъ сабель, и чутется ему дымъ...

Съ волненіемъ смотритъ онъ во всѣ глаза на сцену; съ судорожнымъ вниманіемъ слѣдитъ за каждымъ движеніемъ толпы; ему и въ самомъ дѣлѣ кажется, что вотъ, наконецъ, все кончится; онъ хочетъ самъ бѣжать за толпою и понюхать заодно съ нею обаятельнаго дыма... Съ особенною нѣжностью смотритъ онъ на молодого человѣка, раздирающимъ голосомъ молящаго оставить ему его любовь и наивныя мечтанія... Онъ такъ юнъ, такъ свѣжъ еще, молодой человѣкъ! Ему такъ жалко вдругъ разстаться съ своими обаятельными кумирами; ему хотѣлось бы еще долго обманывать свое сердце и убаюкивать себя золотою мечтой. Но тщетны всѣ его усилія: истина на-лицо; она трезво и безъ страха снимаетъ съ души его лишніе покровы... И грустно повторяеть горное эхо вопль юноши, послѣдній вопль!

Вотъ что говорили звуки душъ Ивана Самойлыча.

Но барабаны и вышитое за обѣдомъ вино порядочно-таки распатали его воображеніе. Быстрыми шагами шель онъ по улицѣ, напѣвая какой-то вовсе недвусмысленный мотивъ и сильно стараясь поддѣлаться подъ барабанъ. Рядомъ съ нимъ очутился и сынъ природы, который сидѣлъ сзади него въ театрѣ. Съ сыномъ природы шель еще какой-то господинъ, который безпрестанно кивалъ утвердительно головой и улыбался.

— Ну, что, какъ вамъ понравилась опера?—приступилъ сынъ природы къ Ивану Самойлычу.—Вѣдь съ перчикомъ опера-то? а? Какъ вы насчетъ этого?

— Да; я думаю, что если бы...— процѣдилъ Иванъ Самойлычъ сквозь зубы.

— Ужъ и не говорите! Я самъ объ этомъ много думалъ, а вотъ насъ-то мало... Вотъ что! А я ужъ думалъ объ этомъ, какъ не думать! Спросите вонъ хоть у него. Антоша! ну, скажи, вѣдь думалъ я объ этомъ?

Антоша поспѣшно закивалъ головой и выставилъ рядъ острыхъ и длинныхъ зубовъ.

— Рекомендую вамъ его! — продолжалъ сынъ природы, подводя къ Ивану Самойлычу Антошу. — Благороднѣйшій человѣкъ! Я вамъ скажу, мы много съ нимъ думаемъ, чортъ возьми! Чудеснѣйшая душа, и какъ сострадаетъ! Право, никто такъ не сострадаетъ! Антоша! другъ! пріятель!

Антоша осклабился.

— Очень радъ! — пробормоталъ Иванъ Самойлычъ, совершенно скопфуженный такою безцеремонностью.

— Вамъ, можетъ-быть, странна такая откровенность?— говорилъ, между тѣмъ, господинъ съ усами и бородой.— Я вамъ скажу, вы не удивляйтесь. Вѣдь я замѣчалъ за вами въ театрѣ-то; я видѣлъ, что подлѣ меня человѣкъ страдаетъ.

Молчаніе.

— Такъ какъ вы думаете, не соединиться ли намъ въ одинъ общія объятія? а? Вѣдь какъ заживемъ-то! лихо, ей-Богу, лихо заживемъ... Братство—каналство! братство—вотъ моя метода! больше знать ничего не хочу! То-есть, отнимите у меня братство—просто, ничего не останется, просто, дрянь-дряню сдѣлаюсь!.. Такъ, что ли? братство, что ли? Эхъ, каналство, да отвѣчай же, ракаля, забулдыга ты этакой!

И едва началъ Иванъ Самойлычъ соображать, какимъ образомъ могъ онъ вдругъ возбудить въ постороннемъ человѣкѣ столько симпатіи къ себѣ, какъ ужъ сынъ природы тискалъ его въ своихъ объятіяхъ и словно жесткою щеткою дралъ ему щеки своими усами и бородою, безпрестанно приговаривая: «вотъ такъ люблю! разомъ тебя попьялъ! ра-

зомъ увидѣлъ, что ты такое! У, да надѣлаемъ же мы имъ теперь вмѣстѣ дѣла!»

— Да ну, полѣзай же! — говорилъ онъ, обращаясь къ пріятелю Антошѣ и сталкивая его съ Иваномъ Самойлычемъ.

Антоша всѣмъ тѣломъ кинулся въ объятія оторопѣвшаго героя нашего.

Путники очутились около одного дома, котораго окна были ярко освѣщены. Сынъ природы остановился.

— А не запечатлѣть ли намъ?—спросилъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто у него вдругъ родилась чрезвычайно свѣтлая и благотворная мысль.—Антоша! пріятель! другъ! запечатлѣть? а?

И онъ мигаль глазами вычурной вывѣскѣ, на которой въ живописномъ безпорядкѣ красовались бильярдъ, чашки, окорокъ ветчины съ воткнутою въ него вилкою и графины съ водкой.

Антоша три раза улыбнулся и шесть разъ кивнулъ головой.

— Ну, а ты?—обратился сынъ природы къ Ивану Самойлычу.

— Я не знаю,—бормоталъ Мичулинъ:—я забылъ... я бы съ радостью, да вотъ забылъ...

— Антоша! другъ! про что это онъ говоритъ? а? Вѣдь про деньги, кажется, говоритъ, измѣнникъ, пррредатель!

— Ка... — заговорилъ Антоша и не кончилъ, а только клюнулъ кончикомъ носа въ стѣну.

Сынъ природы сталъ передъ Иваномъ Самойлычемъ, разставилъ ноги, уперся руками въ бока наподобіе ферта, взглянулъ ему въ глаза съ видомъ горько-уязвленной дружбы и съ упрекомъ замоталъ головой.

— А, такъ вотъ ты каковъ, предатель! Деньги! Развѣ я спрашивалъ у тебя денегъ? спрашивалъ? а? Такъ вотъ я же тебя—депги! Антоша, другъ!

И оба друга мгновенно взяли Ивана Самойлыча подъ-

руки и быстро потащили его вверх по тускло-освѣщенной лѣстницѣ.

Мичулинъ совсѣмъ растерялся. Онъ еще въ первый разъ видѣлъ къ себѣ столько сочувствія, столько горячей симпатіи. И въ комъ?—въ людяхъ совершенно ему чужихъ, въ людяхъ, которыхъ ему довелось разъ только видѣть, и то мимоходомъ.

Половые засуетились. Машина заиграла.

— Эй, малый!—кричалъ сынъ природы:—да что это она, братецъ, тамъ у васъ размазню какую-то играетъ! Ты намъ давай барабановъ—вотъ что! Э? съ барабанами есть?

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣчалъ половой, бодро потряхивая кудрями.

— Отчего жъ нѣтъ?

— Да не требуется,—отвѣчалъ половой.

— Не требуется? Э, братъ, видно, къ вамъ народъ-то такой, людннки-то все такіе — размазня — ходять! Нѣтъ, братъ, мы вотъ втроемъ, мы души крѣпкія, закаленные... Антоша, а, Антоша! другъ! закаленные души, а?

— О-о-охъ! — жаловался сынъ природы, покручивая усы:—времена-то наши еще не пришли, а то бы чего-чего мы втроемъ ни надѣлали. Слышь ты, осель! слышишь, олухъ?—продолжалъ онъ, обращаясь къ половому. — Вотъ мы втроемъ какіе люди! Такъ ты давай намъ барабановъ, бравуру давай—вотъ что, понимаешь? Ну, проваливай, да неси скорѣе, что тамъ у васъ есть!

Черезъ минуту столъ былъ уставленъ бутылками, графинами и стаканами. Въ сторонѣ скромно стояла закуска.

— Ужъ я таковъ есть! — говорилъ сынъ природы, наливая стаканы.—Я вотъ весь тутъ на ладони, что хочешь со мною дѣлай! Любишь—другъ! не любишь—Богъ съ тобою! А я ужъ тутъ весь, какъ есть сынъ природы! Ни лукавства, ни хитрости!

Иванъ Самойлычъ выпилъ—горько.

— Да ну, пей же! она, водка, откровенная! Вотъ и я

откровенный! Вотъ и постегали меня разъ, а я все-таки откровенный—не могу, нельзя мнѣ иначе! Антоша, Антоша! — продолжалъ онъ съ укоромъ: — и ты другъ послѣ этого? и тебѣ не стыдно, а? Даръ природы стоитъ передъ тобою, и тебѣ не совѣстно? Ай-да другъ! Ну, осрамилъ, брать!

Антоша выпилъ однимъ разомъ...

И пили они много и долго пили. Иванъ Самойлычъ и не помнилъ счета; едва опораживалъ онъ стаканъ, какъ передъ нимъ выросталъ новый и совершенно полный. Смутно, какъ будто во снѣ, мерещились ему тосты, предлагаемые зычнымъ голосомъ сына природы.

Иванъ Самойлычъ потерялъ всякое чувство. Онъ видѣлъ, правда, что сынъ природы какъ будто собрался куда-то выйти съ Антошей и что-то указывалъ на него половому, но ничего не понималъ изъ всѣхъ этихъ жестовъ и разговоровъ.

Когда онъ проснулся, на дворѣ было ужъ свѣтло. На столѣ лежали объѣдки вчерашней закуски, стояли графины съ недопитой водкой. Въ головѣ его было тяжело; руки и ноги дрожали.

Онъ началъ припоминать себѣ происшедшее, искалъ глазами своихъ товарищей, но въ комнатѣ не было никого. Внезапно въ душу его закралось тревожное сомнѣніе. «Что, если это мошенники! — подумалъ онъ: — что, если они завели меня, чтобъ поужинать, да потомъ, напивши, и оставили меня подъ залогъ?»

Эта мысль мучила его; на цыпочкахъ подошелъ онъ къ двери и приложилъ ухо къ замочной скважинѣ. Въ сосѣдней комнатѣ слышались ругающіеся голоса заспанныхъ половыхъ. Онъ вышелъ изъ засады и спросилъ шинель.

Начали искать шинель—шинели не оказалось; Ивана Самойлыча точно варомъ обдало. Половые засуетились; поднялась бѣготня, но ничто не помогало: шинель никакъ не отыскивалась.

— Да вы съ кѣмъ приходили?—спросилъ буфетчикъ.

— Я не знаю; я въ первый разъ ихъ видѣлъ.

— Мошенники! Лизуны какіе-нибудь!

— Да какъ же я безъ шинели?

— Не знаю, — отвѣчалъ буфетчикъ съ разстановкой: — ужъ, видно, такъ, безъ шинели, придется... ночью-то отпечило... Да вотъ еще счетецъ не заплатили...

Языкъ Ивана Самойлыча прилипъ къ нѣбу.

«Сонъ въ руку!» — подумалъ онъ и всѣмъ тѣломъ затрясся.

— Такъ прощайте... я ужъ такъ, — сказалъ онъ, направляясь за двери.

— А какъ же счетецъ-то?—возразилъ буфетчикъ.

— Да я не знаю... это они!—бормоталъ Иванъ Самойлычъ и все шелъ къ двери.

Но его не пустили; Мичулинъ вздумалъ-было силой прорваться на лѣстницу, но два дюжіе парня крѣпко держали его за руки и не хотѣли никакъ выпустить. Началась борьба; отчаяніе, казалось, удесятирило его силы; онъ уже заносилъ ногу за порогъ, онъ былъ ужъ на лѣстницѣ, какъ вдругъ у самаго его носа, неизвѣстно откуда, выросъ удивительнаго размѣра городской, а въ ушахъ нецрѣятно зазвучало: «а куда ты, шарамыга, лѣзешь?»

На такую апострофу Иванъ Самойлычъ почелъ за нужное отвѣчать, что онъ вовсе не шарамыга, а привыкъ, дескать, къ обращенію деликатному и тонкому; но городской, повидимому, и знать не хотѣлъ деликатнаго обращенія. Ему вдругъ очень ясно представилось, что шарамыга-то вѣдъ грубить, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Иванъ Самойлычъ только оправдывался и объяснял, что вотъ, дескать, такъ и такъ и больше ничего...

— А! ты еще грубить, ты еще разсуждать! Эй, кто тамъ! Взять его и распорядиться!

Не успѣлъ господинъ Мичулинъ оглянуться, какъ подлѣ него очутилось три помощника, хотя и гораздо меньшихъ

размѣровъ, нежели городской. Всѣ четверо схватили его и повели на улицу.

Тщетно умолялъ Иванъ Самойлычъ городского отпустить, тщетно соблазнялъ онъ его, показывая въ рукѣ уцѣлѣвшіе у него два двугривенныхъ... тщетно! Городовой безстрастно шелъ возлѣ, и не только понуждалъ его за рукавъ, но даже для того, чтобъ публично выразить свое безкорыстіе, оралъ во все горло:

— И, что ты! Богъ съ тобой! Да я тебя за сто рублей не выпущу! Ты, братъ, знай свои порядки! ты, братъ, слушайся, коли начальство приказываетъ—вотъ что!

А народу собралась цѣлая толпа, а въ толпѣ-то смѣхъ, въ толпѣ-то веселье: взяли, дескать, барина въ нѣмецкомъ платьѣ!

— Эвоя!—говоритъ бородатый молодецъ, уже поднявшій—было поду своего бараньяго тулуна, чтобъ утереть носъ, и оставшійся въ положеніи совершеннаго изумленія:—глянь-ка, братъ, Ванюха, глянь-ка,—кургузаго ведутъ!..

— Что, видно, ваша милость прогуливаться изволите?—подхватываетъ другой, тоже, повидимому, очень бойкій молодецъ.

— Ги-ги-ги! — отозвался извѣстный Ивану Самойлычу голосъ дѣвушки, жившей своими трудами.

— Наше вамъ почтеніе! — подхватилъ близъ стоявшій бѣлокурый студентъ.

— Ха-ха-ха!—раздалось въ толпѣ.

Мичулинъ былъ ни живъ, ни мертвъ. Что скажутъ о немъ знакомые? А знакомые непременно всѣ тутъ, стоятъ-себѣ рядомъ и смотрятъ ему прямо въ лицо... Что скажетъ Наденька? А Наденька непременно здѣсь, и ужъ навѣрное думаетъ, что онъ, позабывшись, сходилъ за платкомъ, вмѣсто своего, въ чужой карманъ... О! это очень горестно!.. И онъ снова вынималъ изъ кармана заветные двугривенные, снова перевертывалъ ихъ въ глазахъ городского, старался, чтобъ на нихъ ударилъ какъ-нибудь солнечный лучъ и сообщилъ имъ ослѣпительный, неотразимый блескъ.

Наконецъ, его втокнули въ какую-то темную, преисполненную тараканами каморку; но и тутъ заклятые гонители не оставили его.

— Отпустите меня! — жалобнымъ голосомъ вопіялъ Иванъ Самойлычъ одному изъ приставниковъ своихъ, называвшемуся Мазулей: — голубчикъ! почтеннѣйшій! отпустите меня! Ужъ я послѣ отблагодарю вамъ, почтеннѣйшій! Вѣчно, всю жизнь буду вамъ благодаренъ, голубчикъ!.. Посудите сами: вѣдь я не какой-нибудь...

— Ахъ, другъ ты, право, дру-угъ! — отвѣчалъ Мазуля тономъ, впрочемъ, довольно мягкимъ: — ну, чего ты просишь, душа ты безпардонная! Порядковъ ты не знаешь, дру-угъ! Ты саднись! ты на народъ посмотри! Вѣдь тебя потреплютъ - потреплютъ — да и маршь! Вотъ что, дру-угъ! то-то, другъ ты! душа безпардонная! А вѣдь мнѣ...

И сердобольный наставникъ обратился къ окошку.

— Бородаукинъ! а Бородаукинъ! — кричалъ онъ стоявшему снаружи товарищу: — куда, братъ, рожокъ-то спрятай? Смерть хочется — носъ совѣмъ свело! То-то, дру-угъ, порядковъ-то ты не знаешь! Ахти-хти!

Дверь отворилась, и просунутая дружелюбною рукой Бородавкина тавлика открыла дары свои охотнику до сильныхъ ощущеній Мазуль.

— Да чѣмъ же все это кончится? — спрашивалъ сквозь слезы Иванъ Самойлычъ.

— Извѣстно чѣмъ! — отвѣчалъ Мазуля флегматически — извѣстно чѣмъ! Набольшій разъ-два стукнетъ, да и отпустить — вотъ чѣмъ!

Наступило молчаніе.

— А можетъ, и три стукнетъ, какъ ему вздумается! — сказалъ наставникъ, подумавъ немного.

Новое молчаніе.

Иванъ Самойлычъ былъ въ самомъ мучительномъ положеніи. Что же онъ въ самомъ дѣлѣ такое, что его судьба такъ неумолимо преслѣдуетъ? Ужъ не принцъ ли онъ ка-

кой-нибудь, свергнутый съ престола посредствомъ крамолы властолюбиваго царедворца и скитающійся теперь нѣкогнито? Но въ такомъ случаѣ онъ былъ готовъ сейчасъ же, и за себя, и за своихъ наслѣдниковъ, отказаться отъ всякихъ претензій на всевозможныя блага, только оставили бы его въ покоѣ въ эту минуту.

А между тѣмъ вошелъ и Бородавкинъ. О, какъ жестокъ онъ былъ съ Иваномъ Самойлычемъ! какъ презрительно и обидно обращался онъ съ нимъ! И первымъ оскорбленіемъ было то, что онъ, безъ всякихъ церемоній, сталъ скидать передъ нимъ свое платье, и въ сотый разъ не узналъ своей шинели, хотя въ сотый разъ ужь держалъ ее у себя въ рукахъ; въ сотый разъ оглядывалъ и переворачивалъ ее на всѣ стороны — и все-таки никакъ не могъ узнать, и снова искалъ, и снова не находилъ.

— Да гдѣ же она? — спрашивалъ онъ самъ себя, прибавивъ къ этому нѣсколько рѣзкое выраженіе: — да куда жъ она подѣвалась, распроклятая?

— Да она у васъ въ рукахъ! — осмѣлился замѣтить Иванъ Самойлычъ, но осмѣлился чрезвычайно робко и мягко, какъ будто бы дѣлалъ страшное преступленіе.

— Въ рукахъ, — ворчалъ Бородавкинъ себѣ подъ-нось, какъ будто и не слыжалъ, что замѣчаніе исходило со стороны Ивана Самойлыча: — а кто ее знаетъ, можетъ, и въ рукахъ! Вотъ какъ не нужно ее, распроклятую, — такъ и лѣзетъ, такъ и лѣзетъ, глаза колетъ! А какъ нужда—тутъ ее и нѣтъ! Право, такъ! Хитерь, лукавъ нынче сдѣлался народъ! Ну, полѣзай! да полѣзай же, тебѣ говорятъ!

— Да когда же все это кончится? — спросилъ Мичулинъ.

Бородавкинъ пристально взглянулъ на него и отвернулся.

— Чѣмъ же я виноватъ? Посудите сами! Вѣдь я ничего, право, ничего...

Бородавкинъ не отвѣчалъ.

— Да чѣмъ же все это кончится?— снова вопіялъ Иванъ Самойлычъ.

— Ты садись! — проговорилъ Бородавкинъ лаконически.

— Посудите сами, почтеннѣйшій! Вѣдь я, просто, такъ... за что жь?

— Ты, братъ, совсѣмъ какъ малый ребенокъ! — возразилъ Бородавкинъ: — ничего ты не понимаешь, никакого порядка! Ну, чего ты хнычешь? Садись!

— Да посудите же сами, голубчикъ... вѣдь я человѣкъ образованный...

— Образованный! ну, какой же ты образованный, коли порядокъ не знаешь, наибольшему согрубилъ? А образованный! Да ты садись, а я съ тобой и говорить-то не буду, и слушать-то тебя не хочу!

И Бородавкинъ погрузился въ размышленія.

— Вѣдь мнѣ, братъ, — вотъ что! — сказала онъ подобно Мазулю, подумавъ нѣсколько времени.

Наконецъ, Ивана Самойлыча повели; проводники снова шли по сторонамъ. Вели его что-то долго, очень долго, и на дорогѣ встрѣчались разныя лица, которыя оборачивались и насмѣшливо поглядывали на блѣднаго и чуть живого отъ стыда героя этой повѣсти.

— Должно-быть — мошенникъ! — говорилъ франтъ въ коричневомъ пальто и съ столь же коричневымъ носомъ.

— А можетъ-быть и государственный преступникъ, — отвѣчалъ господинъ съ подозрительной фізіономіей, безпрестанно оглядывавшійся назадъ.

— Мошенникъ, я вамъ говорю — мошенникъ! — возразило съ жаромъ коричневое пальто. — Просто, платки воровали! Посмотрите, чтѣ за рожа! За ничто, изъ одного удовольствія, готовъ зарѣзать человѣка...

Но подозрительный господинъ не угомонился и все-таки стоялъ на своемъ, что это долженъ быть важный государственный преступникъ.

Много мудрыхъ рѣчей слыхалъ Иванъ Самойлычъ во

время земного странствія своего; много полезныхъ житейскихъ совѣтовъ прошло черезъ слуховой его органъ; но, поистинѣ, ничего подобнаго не могло даже и представить себѣ не совсѣмъ бойкое его воображеніе тому, что изрекли уста наибольшаго. Рѣчь его была проста и безыскусственна, какъ сама истина, а между тѣмъ не лишена и нѣкоторой соли, и съ этой стороны походила на вымыселъ, такъ что представляла собою одинъ величественный синтезъ, соединеніе истины и басни, простоты и украшеннаго блестками поэзіи вымысла.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! — говорилъ наибольшій: — ты подумай, что ты сдѣлалъ! Ты викини въ свой поступокъ, да не по поверхности скользи, а сойди въ самую глубину своей совѣсти! Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

И дѣйствительно, Иванъ Самойлычъ викинулъ, и какъ-то вдругъ ему представилось, что онъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ ужасно гнусное преступленіе.

— Да ужъ что жъ дѣлать! — отвѣчалъ онъ, внезапно подавленный могучею силою угрызеній совѣсти: — ужъ это грѣхъ такой случился! ужъ вы меня простите великодушно! право, простите!

Но наибольшій быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ, вѣроятно придумывая, какъ бы этакъ вновь еще болѣе убѣдить своего подсудимаго и окончательно вызвать въ немъ пробужденіе закоснѣвшей совѣсти.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! — сказалъ онъ, спустя нѣсколько минутъ.

И снова зашагалъ по комнатѣ.

— Вы извольте сами милостиво разсудить, — началъ, между тѣмъ, Иванъ Самойлычъ: — вѣдь я человѣкъ благовоспитанный и одѣтъ, кажется, какъ слѣдуетъ благовоспитанному человѣку, а не то чтобъ какой-нибудь мужикъ!

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! — возразилъ наибольшій таинственнымъ голосомъ и покачивая го-

левой, какъ будто въ одно и то же время и удивлялся неопытности Мичулина, и хотѣлъ ему сообщить что-то чрезвычайно секретное. — То-то вотъ неопытность! Да вы не знаете, какія дѣла на свѣтѣ дѣлаются! да иной съ бобромъ, сударь, ходитъ, по-французски, по-нѣмецки и чортъ его знаетъ еще по-каковски — а плутъ, мошенникъ, сударь! естественнѣйшій мошенникъ! Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

Иванъ Самойлычъ снова понурилъ голову, и снова наибольшій зашагалъ по комнатѣ.

— Что же мнѣ съ вами дѣлать? — спросилъ наибольшій послѣ краткаго размышленія.

— Да ужъ будьте великодушны, простите! — замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Право, не знаю; истинно вамъ говорю — въ презатруднительное поставили вы меня положеніе! Съ одной стороны, и васъ жаль: думаешь, ни за грошъ пропадешь, по неопытности своей, молодой человѣкъ! А съ другой стороны — примѣръ нуженъ, долгъ повелѣваетъ... наша обязанность... О, вы не знаете, чтò такое наша обязанность!

Мичулинъ согласился, что обязанность, дѣйствительно, отвѣтственная, но все-таки просилъ великодушно отпустить его

— Ужъ развѣ для такого дня? — сказалъ наибольшій въ видѣ предположенія (день былъ, повидимому, торжественный).

— Да, ужъ хоть для дня-то!

— Право, не знаю... дѣло-то оно такое затруднительное...

И наибольшій снова началъ шагать, все обдумывая, какъ бы ему выйти изъ затруднительнаго положенія.

— Ну, да ужъ Богъ съ вами — была не была, отвѣчу передъ Богомъ; ужъ, видно, дѣлать нечего — нравъ у меня такой... то-есть, повѣрите ли, послѣднюю рубашку готовъ съ себя святы, а ближняго безъ рубашки не оставлю... Нѣтъ!

Иванъ Самойлычъ, съ своей стороны, отвѣчалъ, что и онъ готовъ снять съ себя послѣднюю рубашку, чтобъ выразить господину наибольшему свою чувствительнѣйшую благодарность, но что ужъ помнить оказанное благодѣяніе станетъ по гробъ, будьте въ томъ увѣрены!

— Что мнѣ ваша память! — отвѣчалъ наибольшій со вздохомъ: — что мнѣ благодарность ваша! Спокойствіе совѣсти — вотъ гдѣ награда! Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

IX.

Незамѣченный никѣмъ пробрался Иванъ Самойлычъ въ свою уединенную комнату. Не сказавъ никому ни слова о случившемся съ нимъ происшествіи, заперъ онъ дверь и задумался, горько задумался... Происшествіе окончательно доканало его. А тутъ еще и лихорадка бьетъ, и мысли такія въ голову лѣзутъ... Тяжко, совсѣмъ тяжело жить на свѣтѣ!.. А лихорадка все бьетъ! а мысли все лѣзутъ, все лѣзутъ!

И Мичулинъ думалъ, думалъ... пока не пришелъ къ нему рыжій, плечистый мужикъ съ огненною бородою, и не сталъ настоятельно требовать удовлетворенія; за мужикомъ кидалась на него, показывая самые страшные и длинные когти, Наденька и тоже искала удовлетворенія... Иванъ Самойлычъ совсѣмъ растерялся, тѣмъ болѣе, что надъ всѣмъ этимъ хаосомъ возвышалось безконечное на безконечно-маленькихъ ножкахъ, совершенно подгибавшихся подъ огромную, подавлявшую ихъ тяжестью. Но всего обиднѣе то, что, вглядываясь въ это страшное, всепоглощающее безконечное, онъ ясно увидѣлъ, что оно не что иное, какъ воплощеніе того же самаго страшнаго вопроса, который такъ мучительно и настойчиво пыталъ его горькую участь.

И въ самомъ дѣлѣ, безконечное такъ странно и двусмысленно улыбалось, глядя на это конечное существо, кото-

рое, подъ фирмою «Иванъ Самойлычъ Мичулинъ», пресмыкалось у ногъ его, что бѣдный человекъ оробѣлъ и потерялся вконецъ...

— Погоди же, сыграю я съ тобой штуку! — говорило бесконечное, подпрыгивая на упругихъ ножкахъ своихъ: — ты хочешь знать, что ты такое? Изволь: я подниму завѣсу, скрывающую отъ тебя таинственную дѣйствительность, — смотри и любуйся!

И дѣйствительно, разомъ очутился Иванъ Самойлычъ въ пространствѣ и во времени, въ совершенно неизвѣстномъ ему государствѣ, въ совершенно неизвѣстную эпоху, окруженный густымъ и непроницаемымъ туманомъ. Вглядываясь, однакожъ, пристальнѣе, онъ не безъ удивленія замѣтилъ, что изъ тумана вдругъ начинаютъ отдѣляться безчисленное множество колоннъ, и что колонны эти, принимая кверху все болѣе и болѣе наклонное положеніе, соединяются наконецъ въ одной общей вершинѣ и составляютъ совершенно правильную пирамиду. Но каково же было изумленіе бѣднаго смертнаго, когда онъ, подойдя къ этому странному зданію, увидѣлъ, что образующія его колонны сдѣланы вовсе не изъ гранита или какого-нибудь подобнаго минерала, а всѣ составлены изъ такихъ же людей, какъ и онъ, только различныхъ цвѣтовъ и формъ, что, впрочемъ, сообщало всей пирамидѣ пріятный для глазъ характеръ разнообразія.

И вдругъ замелькали ему въ глаза различныя знакомыя лица: вотъ и Беобахтеръ, философіи кандидатъ, съ гитарою въ рукахъ, вращающійся бессознательно въ одной изъ колоннъ; вонъ и занимающійся литературою Ваня Мараевъ, мужичка статный и красивый, но съ нѣсколько пьяными глазами; и всѣ эти знакомыя лица такъ низко стоятъ, такъ бессознательно, безлично улыбаются, завидѣвъ Ивана Самойлыча, что ему стало совѣстно и за нихъ, и даже за самого себя, что могъ онъ водить знакомство съ такими ничтожными, яе стоящими плевка людьми.

«А что, если и я...» подумалъ онъ, да и не додумалъ, потому что мысль его замерла на половинѣ пути: такъ испугался онъ, вдругъ вспомнивъ, что такъ и себя можетъ, пожалуй, увидѣть въ несовсѣмъ затѣливомъ положеніи...

И какъ нарочно, огромная пирамида, до тѣхъ поръ показывавшая ему, одну за другою, всѣ свои стороны, вдругъ остановилась. Кровь несчастнаго застыла въ жилахъ, дыханіе занялось въ груди, голова закружилась, когда онъ увидѣлъ, въ самомъ низу необыкновенно объемистаго столба, такого же Ивана Самойлыча, какъ и онъ самъ, но въ такомъ бѣдственномъ и странномъ положеніи, что глазамъ не хотѣлось вѣрить. И дѣйствительно, стоявшая передъ нимъ масса представляла любопытное зрѣлище: она вся была составлена изъ безчисленнаго множества людей, одинъ на другого насаженныхъ, такъ что голова Ивана Самойлыча была такъ изуродована тяготѣвшею надъ нею тяжестью, что лишилась даже признаковъ своего человѣческаго характера, а часть, называемая черепомъ, даже обратилась въ совершенное ничтожество и была окончательно выписана изъ наличности. Вообще, во всей фигурѣ этого страннаго, мнѣческаго Мичулина выразался такой умственный паушеризмъ, такое нравственное нищенство, что настоящему, издали наблюдающему Мичулину сдѣлалось и тѣсно, и тяжело, и онъ съ силою устремился, чтобъ вырвать своего страждущаго двойника изъ-подъ гнетущей его тяжести. Но какая-то страшная сила приковывала его къ одному мѣсту, и онъ со слезами на глазахъ и гложущею тоскою въ сердцѣ обратилъ взоръ свой выше.

И чѣмъ выше забирался этотъ взоръ, тѣмъ оконченнѣе казались Ивану Самойлычу люди

Онъ самъ теперь чувствовалъ, какъ страшная тяжесть давила его голову; онъ чувствовалъ, какъ, одно за другимъ, пропадали тѣ качества, которыя дѣлали изъ него человѣ-

ческій образъ... Холодный потъ обливалъ его тѣло; дыханіе замерло въ груди; волосы, одинъ за другимъ, шевелились и вставали; весь организмъ трепеталъ въ паническомъ ожиданіи чего-то неслыханнаго... Онъ сдѣлалъ отчаянное, непомѣрное усиліе и проснулся.

Вокругъ постели его, въ глубокомысленномъ безмолвіи, стояли всѣ жильцы Шарлотты Готлибовны. Первымъ предметомъ, особенно поразившимъ его отяжелѣвшіе отъ сна глаза, была Наденька Ручкина, та самая гордая и непоколебимая Наденька, которая столько разъ говорила ему, что ужь если она что сказала,—такъ ужь сказала, и слова своего не переменитъ ни въ жизнь, и которая въ настоящую минуту сидѣла на его постели и заботливо укутывала ему ноги. Это отрадное явленіе въ одну минуту такъ поглотило все его вниманіе, что онъ забылъ все окружающее; въ душѣ его вдругъ мелькнуло нѣчто похожее на миражъ, и въ воображеніи незамѣтно начала рисоваться тихая, но полная счастья семейная жизнь съ любящей и любимой женою, съ ненаглядными дѣтьми... Онъ ужь хотѣлъ-было весело и бодро вскочить съ постели, чтобъ поцѣловать эти розовыя губки, самыя розовыя, какія только возможно встрѣтить на цѣлой поверхности земного шара, и потомъ, ловко подмигнувъ однимъ глазомъ и посмотрѣвъ подъ постель сперва съ одной, а потомъ и съ другой стороны, тутъ же сказать, какъ и подобаетъ ласковому отцу семейства: «а куда спрятался этотъ плутъ-мальчишк Кoko или хитрая дѣвочка Варенька?..»; все это уже мелькнуло было въ душѣ Ивана Самойлыча, какъ вдругъ глазамъ его представилась дѣйствительность—дѣйствительность самая нагая и безотрадная, какую только можно было себѣ вообразить; однимъ словомъ, дѣйствительность, составленная изъ Шарлотты Готлибовны, Ивана Макарыча, господина Беобахтера и Алексиса Звонскаго.

— А мы было-думали, что тебѣ ужь того... карачунъ пришелъ!—заревѣлъ какъ изъ бочки сиплый басъ друга

и приятели Ивана Макарыча надъ самымъ ухомъ Мичулина.

— Да, именно ми думаль, што вамъ ужъ совсѣмъ карачунъ,—отозвалась тощая фигура Шарлотты Готлибовны, томно опираясь на мощное плечо Пережиги.

— Смотри на васъ въ эту минуту, я повяль, наконецъ, загадку жизни! Я видѣль блѣдную смерть, махающую неутомимымъ лезвеемъ косы своей... О, это страшная, торжественная минута! Мнѣ представлялась эта блѣдная смерть... *pallida mors*... Вы читали Горація, Иванъ Самойлычъ?

Такъ проговорилъ свое прывѣтствіе господицъ Беобахтеръ, но проговорилъ его такимъ сладкимъ и приятнымъ голосомъ, какъ будто бы дѣло шло о вещи самой обыкновенной.

— Да, мы думали, что вы ужъ совсѣмъ умерли!—отозвался, съ своей стороны, апатически-лаконическій Алексей.

Иванъ Самойлычъ благодарилъ сосѣдей за участіе, говорилъ имъ, что онъ еще совершенно живъ, въ доказательство чего и начиналъ-было подниматься съ постели. Но онъ не могъ; голова его горѣла, въ глазахъ было мутно, силы ослабли, и какъ ни старался онъ казаться бодрымъ и свѣжимъ, а поневолѣ долженъ былъ снова опуститься на подушку.

— Благодари, братъ, Бога, что ты еще не окопѣлъ и что тутъ не было квартальнаго надзирателя!—заревѣлъ снова Иванъ Макарычъ и протянулъ ужъ руку, чтобъ ударить больного, въ знакъ сочувствія, по плечу, и непременно ударилъ бы, если бы не удержала его Наденька.

— Квартальный надзиратель?—прошепталъ Иванъ Самойлычъ едва внятнымъ голосомъ.— А что, развѣ я что-нибудь... того?

— Да, братъ, ужъ извѣстно... того.

— О, ви очень вольна мысль дѣлалъ!—прервала Шарлотта Готлибовна.

— То-есть, просто, донеси я или кто-нибудь другой, просто, найдись какая-нибудь этакая шельма, христопродавецъ—озолотятъ, ей-Богу, озолотятъ. Не будь я Иванъ Пережигга!.. Ну, а тебѣ, извѣстно, на казенную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ... Ха-ха-ха! Такъ ли, Шарлотта Готлибовна?

— О, ви очень любезни кавалиръ, Иванъ Макаровичъ!

— Да, это ужасно! Быть закованнымъ въ тяжелыя цѣпи, осужденнымъ на вѣчную тьму, вѣчно видѣть одно и то же сухое и прозаическое лицо темничнаго стража, слышать, какъ капля по каплѣ вытекаетъ жизнь!.. О, это ужасно!..— сказала господинъ Беобахтеръ, особенно нѣжно наипрая на слова: «капля по каплѣ».

— Ужъ какъ пошелъ, братъ, по мечтанію,— снова замѣтилъ Иванъ Макарычъ,— да началъ вывертывать въ головѣ разныя этакія штуки, такъ тутъ ужъ, братъ, ады монъ плезиръ, ниши пропало!.. Вотъ я про себя скажу: я въ жизнь свою никогда не мечталъ, а поди-тко, поинци другого такого молодца...

Шарлотта Готлибовна зардѣлась.

— Ну, такъ что жъ ты не встаешь?— продолжалъ онъ, обращаясь къ Мичулину и сильно тряся его за руку.— Не спать же въ самомъ дѣлѣ цѣлый день! Небойсь, раскисъ, укачали тебя домовые-то? Эка баба! Просто, даже смотрѣть на тебя противно!

Но Иванъ Самойлычъ молчалъ; блѣдный какъ полотно лежалъ онъ безъ всякаго движенія на постели: пульсъ его бился слабо и медленно; во всемъ существѣ своемъ ощущалъ онъ какую-то небывалую, болѣзненную слабость.

Наденька Ручкина наклонилась къ нему и, взявъ его за руку, спросила, не нужно ли ему чего-нибудь, что онъ чувствуетъ, и такъ далѣе, какъ обыкновенно спрашиваютъ сердобольныя молодыя дѣвушки.

— Я не знаю... мнѣ больно,— чуть слышно отвѣчалъ Иванъ Самойлычъ:— мнѣ очень больно...

— А! небойсь, и языкъ развязался! — ревлѣ, между тѣмъ, Пережига:—небойсь, расшевелился, какъ женскій-то полъ подошелъ!

— Оставьте меня... я боленъ!—шепталъ Иванъ Самойлычъ умоляющимъ голосомъ.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, пусть его тутъ бабится! Милости просимъ, господа, ко мнѣ.

Иванъ Самойлычъ остался одинъ-на-одинъ съ Наденькой; глаза его неподвижно были устремлены на нее; блѣдное, худое лицо выражало непереносное страданіе; медленно взявъ онъ ея руку и долго-долго прижималъ къ губамъ своимъ.

— Наденька, добрая!—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ:—поцѣлуй меня... въ первый и въ послѣдній разъ!..

Наденька изумилась. По свойственной ей подозрительности, она начала ужъ было смекать, что все это не даромъ, что все это штука, что онъ хочетъ только усыпить ея бдительность; но когда она взглянула на это изможденное лицо, на эти глаза, обращенные къ ней съ мольбою и ожиданіемъ, ей вдругъ стало какъ-то совѣстно своихъ подозрѣній; маленькому сердцу ея сдѣлалось и тѣсно, и неловко, а при томъ и слеза, самая миньютюрная, крохотная слеза, какъ-то совершенно нечаянно навернулась на глаза и упала съ ея глазъ на раскрытую грудь Мичулина. Дѣлать нечего. Наденька отерла слезу, наклонилась и поцѣловала больного. Лицо Ивана Самойлыча улыбнулось.

— Чтò это съ вами, Иванъ Самойлычъ?—спросила Наденька:—вѣрно вы простудились?

— Охъ, нѣтъ, это все то... все по тому дѣлу... помните, по которому я къ вамъ приходилъ?

— А что, развѣ оно важное какое-нибудь дѣло, что такъ разстроило васъ?

— Да; оно знаете... дѣло капитальное!.. А какъ мнѣ больно-то, больно-то, если бы вы знали!

Наденька покачала головой.

— Не послать ли за лѣкаремъ, Иванъ Самойлычъ?

— За лѣкаремъ?... Да, оно бы не худо! Можетъ, что-нибудь и прописалъ бы.. А впрочемъ, зачѣмъ? Вѣдь дѣла-то онъ мнѣ все-таки не объяснить!.. Нѣтъ, не нужно лѣкаря!

— Да, по крайней мѣрѣ, онъ помогъ бы вамъ, Иванъ Самойлычъ!

— Нѣтъ, ужъ это пустое дѣло, Наденька, самое пустое! Я вамъ говорю, я знаю... Онъ, можетъ статься, и поможетъ, да толку-то въ этомъ что будетъ! Ну, выздоровлю... а потомъ-то?.. Нѣтъ, не надо лѣкаря...

Наденька молчала.

— Да, къ тому же, лѣкаря-то вѣдь нужно денегъ; къ бѣдному хорошій-то и пойти не захочетъ... вотъ оно что! А какой попадется-то—Христосъ съ нимъ—только измучить... лучше ужъ такъ умереть!

Въ это время дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату ввалилась дебелая фигура Пережиги со штофомъ въ одной и рюмкою въ другой рукѣ.

— А вотъ, хвати-ко, друже, бальзамчику!—ревѣлъ знакомый Ивану Самойлычу голосъ:—это, братъ, знаешь, какъ душу отведеть, ей-Богу, отведеть!.. А умрешь, такъ, видно, такъ ужъ оно быть должно; видно, такъ ужъ и Богу угодно! Ну-ка, выпей. Да не морщись же, баба!

И Мичулинъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ дрожащая и невѣрная отъ частыхъ жертвъ Бахусу рука Пережиги наполнила рюмку жгучимъ какъ огонь составомъ, заключавшимся въ графинѣ. Онъ началъ-было отказываться, говорилъ, что ему легче, что онъ слава Богу, но тщетно: рюмка была уже налита, да при томъ же и Наденька своимъ мягкимъ голоскомъ убѣждала его попробовать, авось, дескать, отъ этого немного и полегчить ему. Не переводя духу, выпилъ Иванъ Самойлычъ поданную водку и почти безъ чувствъ упалъ на постель.

— Эка водка! эка воръ-водка!—говорилъ, между тѣмъ, другъ и пріятель, Иванъ Макарычъ, глядя на искаженное

конвульсіями лицо Мичулина.—Экъ ее забираетъ, экъ забираетъ! У, бестіанская водка! еще какъ онъ не захлебнулся! Право, такъ живучъ, живучъ! А вѣдь въ чемъ душа держится!

И Пережига съ самодовольною улыбкою любовался изнеможеніемъ и страданіями Ивана Самойлыча, какъ будто хотѣлъ сказать ему: — «а что, братъ! задалъ я тебѣ за дачу? Посмотримъ, какъ-то ты изъ нея выпутаешься.. А живучъ! живучъ!»

Дѣйствительно, выпутаться было ужъ довольно трудно. Наденька побѣжала за докторомъ и вскорѣ привела какого-то пѣмца нѣсколько навеселѣ, безпрестанно нюхавшаго табакъ и плевавшаго во всѣ стороны. Лѣкарь подошелъ къ больному, долго и съ напряженіемъ щупалъ ему пульсъ, какъ будто хотѣлъ повертѣть у него въ рукѣ дыру, и покачалъ головой; велѣлъ высунуть языкъ, осмотрѣлъ и тоже покачалъ головой; потомъ понюхалъ табаку, снова пощупалъ пульсъ и пристально осмотрѣлъ языкъ.

— *Schlecht*,—сказалъ докторъ въ раздумьи.

— Что жъ, есть ли какая-нибудь надежда?—спросила Наденька.

— О, никакой, и не полагайте! А впрочемъ, поднимите націенту голову...

Голову подняли.

— Гм! никакой надежды! ужъ вы повѣрьте! я ужъ знаю!.. Вы давали ему что-нибудь?

— Да, Иванъ Макарычъ давалъ ему водки.

— Водки? *Schlecht, sehr schlecht*... А есть у васъ водка?

— Не знаю; спрошу у Ивана Макарыча.

— Пить, не нужно; я такъ, болѣе изъ любопытства... А впрочемъ, ужъ если есть, такъ отчего и не выпить?

Наденька вышла и минутъ черезъ пять воротилась съ графиномъ.

— Водка очень часто здорово, а очень часто и вредно,—глубокомысленно замѣтилъ медикъ.

— Что жъ, умереть, что ли, надобно? — робко и едва слышно спросилъ Иванъ Самойлычъ.

— Да, ужъ это будьте покойны, умрете, непременно умрете!

— А скоро?— снова спросилъ больной.

— Да этакъ часа черезъ два, черезъ три надо будетъ... Прощайте, почтеннѣйшій; желаю вамъ покойной ночи!

Однако, ночь была неспокойна. По временамъ, больной, дѣйствительно, засыпалъ, но потомъ внезапно вскакивалъ съ постели, хваталъ себя за голову и жалобнымъ голосомъ спрашивалъ у Наденьки, куда дѣвался его мозгъ, зачѣмъ сдавили у него душу, и проч. На это Наденька отвѣчала, что головка его цѣла, слава Богу, а вотъ, молъ, не хочется ли ему выпить ромашки—такъ ромашка есть. И онъ бралъ чашку въ руку и безпрекословно выпивалъ ромашку.

На другой день, къ обѣду, ему сдѣлалось какъ будто и полегче: онъ былъ спокоенъ и хотя очень слабъ, но могъ, однакожъ, говорить. Онъ бралъ у Наденьки руки, прижималъ ихъ къ сердцу, цѣловалъ ихъ, прижималъ къ глазамъ, ко лбу и плакалъ... тихими, сладкими слезами плакалъ.

И Наденькѣ, съ своей стороны, было тоже жаль его. Впервые она какъ будто поняла, что въ ея глазахъ умираетъ человекъ, что этотъ человекъ любилъ ее, а она жестко и неприязненно оттолкнула его отъ себя. Кто знаетъ, что причиною этой смерти? Кто знаетъ, можетъ-быть онъ былъ бы и здоровъ, и веселъ, если бы... О, если бы ты взглянуло, доброе, чудное существо, взглянуло глазами состраданія и сочувствія на это обращенное къ тебѣ лицо! если бы ты могло уронить хоть одинъ лучъ любви на эту бѣдную, истерзанную горемъ и нуждою душу! О, если бы это было возможно!

— Послушайте!—говорилъ, между тѣмъ, Иванъ Самой-

лычь, взявъ ее за руку: — вы забудьте, что я надоѣдалъ вамъ, что я оскорблялъ васъ... Оно, конечно, я много и много виновать, да вѣдь что жь дѣлать? Вѣдь я одинъ, Наденька, совсѣмъ одинъ... Вѣдь я же не виновать, что некрасивъ и неучень,—что же мнѣ съ этимъ дѣлать? Разумѣется, и вы не виноваты, что не могли любить меня...

Больной съ трудомъ перевелъ дыханіе; грустно посмотрѣлъ онъ въ лицо Наденьки, но Наденька молчала и, опустивъ глаза, смотрѣла въ землю.

— Думается мнѣ, однакожь,—снова началъ Иванъ Самойлычь слабымъ голосомъ:—что если бы съ дѣтства... въ то время, когда и кровь-то въ насъ тепла, если бы въ то время не положили меня подъ прессъ да не заковали, такъ, можетъ, и вышло бы что-нибудь изъ меня... Воспитали-то меня такъ, что ни къ чему негоденъ я сдѣлался... съ дѣтства такъ вели, какъ будто и цѣлый вѣкъ долженъ былъ малоумнымъ остаться да на помочахъ ходить... Вотъ какъ пришлось трудомъ кусокъ себѣ добыть — и негдѣ, и нечѣмъ... Да и тутъ, право не знаю, винить ли мнѣ кого-нибудь... отецъ мой человѣкъ стараго вѣка и необразованный, мать—тоже: они не виноваты, что не вѣдали...

— А можетъ-быть, я и самъ во всемъ виновать,—продолжалъ онъ чрезъ минуту: — потому что вѣдь Богъ далъ мнѣ волю, а я дѣйствовалъ какъ грубое животное!.. Да, я виновать, да и не передъ собою однимъ виновать, а еще и Богу отвѣтъ дамъ, что допустилъ такъ насмѣяться надъ собою... А впрочемъ, и тутъ опять-таки еще Богъ знаетъ, могъ ли бы я что-нибудь сдѣлать одинъ.

И снова умолкъ Иванъ Самойлычь, и снова, потупивъ глазки, ничего не отвѣчала Наденька.

— Такъ вотъ такъ-то, Наденька! — продолжалъ больной:—часто мы и сами во всемъ виноваты, а другихъ винимъ!

.
Вотъ это-то дѣло, оно-то и сгубило меня, Наденька, въ

цель-то именно и смерть моя, а совѣтъ не въ томъ, будто бы я простудился.. Простудиться можетъ тѣло, простуду можно вылѣчить, а вотъ какъ душа-то больна, какъ сердце-то ность да стонеть, вотъ тогда-то страшно, Наденька! не дай Богъ, какъ страшно!..

Онъ замолчалъ; Наденька задумчиво опустила голову и долго о чемъ-то размышляла. Думалось ли ей, что, дѣйствительно, самъ виноватъ Иванъ Самойлычъ въ томъ, что дозволилъ обстоятельствамъ до такой степени лишить себя всякой бодрости, или она оправдывала его тѣмъ, что обстоятельства все-таки обстоятельства, какъ ни борись противъ нихъ... Это ли, другое ли ей думалось, — дѣло въ томъ, что какъ-то грустно, необычайно грустно сдѣлалось бѣдной дѣвушкѣ. Можетъ-быть, къ этимъ мыслямъ присоединилась другая, не менѣе горькая и безвыходная мысль — мысль ея собственнаго безотраднaго, чреватаго лишеніями и трудомъ будущаго, та мысль, что и она находится въ подобномъ же положеніи, и она должна бороться... вѣчно и упорно бороться!.. И она забыла и объ Иванѣ Самойлычѣ, и объ апатически-лаконическомъ Алексѣѣ; въ воспоминаніи ея вдругъ мелькнула деревенская избушка, старый господскій домъ, заброшенный садъ съ поросшими травою дорожками; рѣка, вяло и какъ будто нехотя катившая свои сонныя волны въ какое-то далекое, невѣдомое государство; стая утокъ, апатически полоскавшаяся въ водѣ; толпа грязныхъ и оборванныхъ ребятишекъ, столь же апатически конавшаяся въ грязи и навозѣ.. Но все это такъ живо, такъ быстро воскресло въ ея памяти, такъ быстро одишь за другимъ смѣнялись — и сосновый, синѣющій вдаль лѣсъ, и вспаханныя борозды полей, и старая деревянная церковь... Лучше ли ей было тогда? лучше ли, чище ли сама она была въ то время?.. Лучше ли было бы, если бы вдругъ, по какому-нибудь волшебному случаю, ей снова пришлось воротиться къ этой давно прошедшей, давно ужъ изгладившейся изъ памяти жизни?..

А между тѣмъ на дворѣ ужь и смерклося; въ комнатѣ тихо, ни шороха, ни звука; Наденька подумала, что Иванъ Самойлычъ заснулъ, и вознамѣрилась идти въ свою комнату. Но передъ уходомъ, чтобъ ближе удостовѣриться, дѣйствительно ли спать больной, она наклонилась къ нему и начала прислушиваться къ дыханію. Но дыханія не было слышно... Она взяла его за руку — рука была холодна... Наденькѣ сдѣлалось страшно. Въ первый разъ въ жизни была она одинъ-на-одинъ съ мертвымъ человѣкомъ... а при томъ неподвижные глаза покойника такъ и смотрѣли, такъ и смотрѣли на нее, какъ будто хотѣли сконфузить бѣдную, будто упрекали ее за какое-то страшное преступленіе... Съ невольнымъ чувствомъ содроганія набросила она поскорѣе на лицо усоншаго одѣяло и выбѣжала изъ комнаты.

Черезъ пять минутъ всѣ нахлѣбники Шарлотты Готлибовны, и въ числѣ ихъ сама она подъ-руку съ Иваномъ Макарычемъ, явились на поклонъ къ покойнику. Толковъ было много; нѣкоторые даже сомнѣвались, точно ли умеръ Иванъ Самойлычъ. А Иванъ Макарычъ даже рѣшительно утверждалъ, что это все вздоръ, что господинъ Мичулинъ не можетъ умереть, потому что вчера еще далъ онъ ему такого лѣкарства, отъ котораго и мертвый изъ гроба встанетъ.

— Надо вамъ сказать, господа, — говорилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ:— что на свѣтѣ иногда чудныя бываютъ штуки! Съ-пьяну, что ли, это дѣлается, а вдругъ человѣкъ ни пошевелинется, ни моргнетъ, а между тѣмъ живъ и все слышитъ, что вокругъ него дѣлается!.. Я вамъ говорю, господа, что бывали даже примѣры, что и въ землю зарывали живыхъ...

Но для того, чтобъ окончательно убѣдиться, точно ли умеръ Иванъ Самойлычъ, и имѣть право развивать свои познанія насчетъ заживо погребенныхъ, любознательный Пережига подошелъ къ нему поближе, потясъ его за носъ—

нось былъ холодный, приложилъ руку ко рту—дыханія не оказалось.

— А кто его знаетъ, можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ умеръ!—сказалъ онъ съ убійственнымъ равнодушіемъ, отходя отъ бездушнаго трупа. — И водка не спасла тебя, бабья душа! И хорошо, братъ, сдѣлать, что умеръ!

Однакожь, такъ какъ Мичулинъ не имѣлъ совершенно никакихъ родственниковъ, ни знакомыхъ, то Шарлотта Готлибовна почла нужнымъ послать за полицейскимъ чиновникомъ, напередъ пересмотрѣвъ всюду, не имѣется ли чего цѣннаго. Но цѣннаго оказалось всего только поношенный сюртукъ да изъ бѣлья кое-что. Вслѣдствіе такой бѣдности капиталовъ, всѣ нахлѣбники тутъ же рѣшились сдѣлать складчину, чтобъ приличнымъ христіанину образомъ похоронить своего собрата.

Полицейскій чиновникъ не заставилъ долго ждать себя. Малый онъ былъ нрава веселаго и вообще любилъ при удобномъ случаѣ пошутить, не выходя, впрочемъ, изъ предѣловъ благопристойности... О, ни-ни, какъ это возможно!

— Скажите, пожалуйста!—началъ онъ, когда объяснили ему причину его призыва: — такъ вотъ-съ какое странное надъ вами стряслось дѣло! Ну-съ, дѣлать нечего, приступимъ къ освидѣтельствованію; посмотримъ, не окажется ли какихъ боевыхъ и насильственныхъ знаковъ!

Шарлотта Готлибовна знала, что господинъ чиновникъ изволить шутить; поэтому нисколько не смутилась, а только сказала ему съ самою очаровательною улыбкою:

— О, вы очень любезный кавалиръ, Деметрій Осипичъ!

— Да-съ! ужъ этого, изволите видѣть, и законъ требуетъ, а я орудіе, ничего, какъ ничтожное орудіе... Да-съ, посмотримъ, посмотримъ... а можетъ-быть его и отравили?.. Ха-ха-ха! Можетъ-быть, у него и деньги были, миллионщикъ былъ... Ха-ха-ха!

И веселый Дмитрій Осипичъ заливался добродушнымъ и звонкимъ хохотомъ.

Осмотрѣвъ тѣло Ивана Самойлыча и удостовѣрившись, что отравы или удавленія тутъ нѣтъ никакихъ, добродушный Дмитрій Осипычъ изъявилъ желаніе освѣдомиться объ имуществѣ покойнаго.

— Ну, давайте же намъ ихъ сюда, давайте намъ мильоны-то! — говорилъ онъ съ обычною своею веселостью. — Вѣдь неравно наслѣдники будутъ, ха-ха-ха!.. Э, — продолжалъ онъ, перебирая пожитки умершаго: — да у него цѣлыхъ шесть рубахъ было, и фуфайка теплая... а умеръ!

— Скажите же, пожалуста, господа, — обратился онъ къ присутствующимъ:—что жъ бы это за причина была такая, что вотъ жилъ-жилъ человѣкъ, да вдругъ и умеръ?..

— То-есть, вы хотите узнать философію смерти?—замѣтилъ Беобахтеръ.

— Да-съ, я, знаете, люблю иногда вечеромъ позаняться такими разными мыслями, и, признаюсь, есть вещи, которыя сильно интригуютъ меня: напримѣръ, вотъ хоть и это— жилъ-жилъ человѣкъ, да вдругъ и умеръ!.. Странное, очень странное дѣло!

— О, это не легко объяснить себѣ! Тутъ цѣлая наука!— отвѣчалъ господинъ Беобахтеръ.—Надъ этимъ многіе философы не мало трудились... Да, это трудно, очень трудно!.. Тутъ безконечно!

— Чтò тутъ трудно! — прервалъ Пережига: — трудно, трудно! А дѣло-то очень просто объясняется! Извольте видѣть, ужъ какъ пошелъ человѣкъ по мечтанію, какъ пошло въ его головѣ разныя штуки да закорючки выкидывать, такъ ужъ извѣстно—плохо дѣло! Вотъ и смерть приключилась!.. Какое же тутъ безконечное? чтò за философія? То-то, братъ, все съ своимъ выморозками лѣзешь! Ужъ я говорю: растянуться и тебѣ, какъ ему! Право такъ, помани мое слово!

— То-есть, чтò же вы разумѣете подъ словами: «пошелъ по мечтанію?»—спросилъ Дмитрій Осипычъ.

— Ну, да ужь извѣстно что: скепцизмъ, батюшка, скепцизмъ одолѣлъ! Вотъ что!

— Гм! скепцизмъ,—сообразжалъ Дмитрій Осипычъ:—скепцизмъ? То-есть, что же вы подъ этимъ разумѣете?

— А вотъ, прямѣрно, человѣкъ съ собакой идетъ: ну, мы съ вами просто такъ и говоримъ, что вотъ, молъ, человѣкъ идетъ и за нимъ собака бѣжить, а скепцистъ: нѣтъ, говорить, это, изволите видѣть, собака идетъ и человѣка ведетъ.

— Тсс, скажите! Такъ, стало-быть, покойникъ былъ странный человѣкъ?—спросилъ Дмитрій Осипычъ и тутъ же съ упрекомъ покачалъ головою на Ивана Самойлыча.

— Я вамъ говорю: по мечтанію пошелъ! Ужъ какую онъ въ послѣднее время ахинею городилъ, такъ хоть святыхъ вонъ понеси: и то пехорошо, и то дурно...

— Тсс, скажите пожалуйста!—продолжалъ Дмитрій Осипычъ, строго покачавъ головою:— а вѣдь чѣмъ была не жизнь человѣку: и сытъ былъ, и одѣтъ былъ, званіе, сударь ты мой, имѣлъ, и вотъ не усомнился же возроптать на Создателя своего!.. Честью вамъ доложу, ужъ нѣтъ въ мірѣ животнаго неблагодарнѣе человѣка. Пригрѣй его, накорми его—укусить, непременно укусить. Ужъ такая, видно, его натура, господа!

СОДЕРЖАНІЕ.

Помпадуры и помпадурши.

	СТР
Отъ автора	7
I.—«Прощаюсь, ангель мой, съ тобою!»	9
II.—Старый котъ на покоѣ	28
III.—Старая помпадурша	50
IV.—«Здравствуй, милая, хорошая моя!»	76
V.—«На зарѣ ты ее не буди!»	96
VI.—«Она еще едва умѣетъ лепетать...»	133
VII.—Сомнѣвающийся	159
VIII.—Опъ!!	184
IX.—Помпадуръ борьбы, или проказы будущаго	216
X.—Зиждитель	261
XI.—Единственный. Утопія	290
XII.—Мифіе знатныхъ иностранцевъ о помпадурахъ	314

Невинные рассказы.

I.—Гегемоніевъ	351
II.—Зубатовъ	362
III.—Прѣздъ ревизора	377
IV.—Утро у Хрептугина. Драматическій очеркъ	416
V.—Для дѣтскаго возраста	436
VI.—Миша и Ваня. Забытая исторія	453
VII.—Надѣ дружескій хламъ	468
VIII.—Деревенская тишь	492
IX.—Святочный рассказъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ чиновника	516
X.—Развеселое житье. Рассказъ	544
XI.—Послѣ обѣда въ гостяхъ	578
XII.—Запутанное дѣло. Случай	592

40. —

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

098344

Biblioteka WSP Kielce

0162485